ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЕЗНИНА И КОМП. (ГР. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО), ВЪ ВОРОВОЙ УЛ. № 7.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюля 1867 года.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Очеркъ первый.

ИТАЛІЯНЦЫ.

VIII.

ЗАМОКЪ КАНОССА И КРѢПОСТЬ ТРИБУККО.

Послѣ многихъ безуспѣшныхъ переговоровъ и энергическихъ письменныхъ столкновеній съ молодымъ королемъ Генрихомъ IV, нисколько не желавшимъ сдѣлаться слугою папы, Григорій VII, въ 1076 году, собралъ въ Римѣ соборъ, отлучилъ непокорнаго короля отъ церкви, объявилъ его недостойнымъ и неспособнымъ царствовать, и разрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги. Этотъ поступокъ Григорія не имѣетъ себѣ въ прошедшемъ ничего подобнаго. До него, никто изъ папъ не считалъ себя въ правѣ распоряжаться коронами. Никто изъ предшественниковъ Григорія не чувствовалъ въ себѣ на то ни достаточно смѣлости, ни достаточно силы. Неслыханная мѣра, пущенная въ ходъ Григоріемъ VII, увѣнчалась самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Противъ Генриха поднялась большая часть Германіи. Къ искреннимъ фанатикамъ присоединились всѣ политическіе враги молодаго короля. Генриху скоро сдѣлалось такъ плохо, что онъ, въ началѣ 1077 года, принужденъ былъ пробраться тайкомъ въ Италію, и принести Григорію повинную голову. Григорій находился въ это время въ замкѣ Каноссѣ,

принадлежавшемъ графинѣ Матильдѣ Тосканской, самой яростной и самой могущественной защитницѣ папскаго престола. Григорій собирался отправиться въ Германію и докончать Генриха своимъ присутствіемъ. Генрихъ послалъ въ Каноссу къ папѣ самыхъ важныхъ итальянскихъ магнатовъ и прелатовъ, чтобы ихъ заступничествомъ выпросить себѣ прощеніе. Это ходатайство италіянскихъ прелатовъ показываетъ намъ очень ясно, что, преслѣдуя Генриха IV, Григорій нисколько не опирался на единодушное сочувствіе всей клерикальной корпораціи. Григорій возвеличивалъ эту корпорацію противъ ея собственной воли. Очень многіе клирики, и притомъ изъ самыхъ знатныхъ, рѣшительно не одобряли его ссоры съ королемъ и отъ души желали, чтобы дѣла вошли въ свою старую колею. Когда магнаты и прелаты стали просить у папы пощады для Генриха, Григорій сначала не хотѣлъ ничего слышать. Потомъ онъ смягчился. «Если, сказалъ онъ, раскаяніе его чистосердечно, то пусть онъ, въ знакъ своего сокрушенія, сложитъ съ себя въ мои руки свою корону и всѣ знаки своего королевскаго достоинства, и пусть онъ объявитъ тогда, что, послѣ своей неявки на судъ собора, онъ признаетъ себя недостойнымъ сана и титула короля.»— Съ точки зрѣнія Генриха и его союзниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ этой резолюціи не было рѣшительно никакого смягченія; но съ точки зрѣнія Григорія, Матильды и другихъ искреннихъ спиритуалистовъ, смягченіе было очень большое: папа соглашался взять назадъ приговоръ отлученія. Чего же больше?—Логика Григорія была непобѣдима. Если, разсуждалъ онъ, Генрихъ—ревностный католикъ, то, имѣя въ виду высшее благополучіе,—примиреніе съ церковью, — онъ долженъ съ радостью отказаться отъ престола и отъ всѣхъ суетныхъ благъ земнаго величія; если же для него корона дороже примиренія съ церковію, то значитъ, нѣтъ въ немъ истиннаго благочестія, и его надо погубить до конца. Кто хотѣлъ казаться благочестивымъ католикомъ, тотъ не могъ ничего возражать противъ этого разсужденія. Но парламентеры Генриха продолжали умолять папу, чтобы онъ не разбивалъ своимъ гнѣвомъ надломленнаго человѣка. Тогда папа смягчился еще больше, и позволилъ Генриху явиться лично въ Каноссу, и обнаружить тамъ, передъ самимъ папою, искренность и силу своего раскаянія.

Получивши отъ своихъ ходатаевъ такой отвѣтъ, Генрихъ подумалъ, по всей вѣроятности, что все можетъ уладиться полюбовно, и что для этого стоитъ только потѣшить сердитаго старика умилительною выставкою королевской покорности. Генрихъ отправился

въ Каноссу и твердо рѣшился подвергнуть себя возможнымъ унизительнымъ формальностямъ, удовлетворить всѣмъ требованіямъ папскаго тщеславія, выпить горькую чашу покаянія до самого дна, лишь бы только уломать старика, и потомъ, при его содѣйствіи, поправить свои разстроенныя дѣла. Чаша дѣйствительно оказалась неумѣренно горькою.

Замокъ Каносса былъ обнесенъ тремя стѣнами. Свита короля принуждена была остановиться, не доходя до первой стѣны, но самого Генриха впустили за вторую стѣну; здѣсь, на дворѣ, ему предложили заняться подвигами покаянія. Время для такихъ подвиговъ было выбрано неудачно; дѣло происходило въ двадцатыхъ числахъ января; современники-очевидцы говорятъ положительно, что морозы стояли очень порядочные—разумѣется, по италіянскому масштабу,—и что земля была покрыта снѣгомъ. На Генрихѣ не было не только царскихъ украшеній, но даже и мало-мальски порядочнаго платья; онъ былъ одѣтъ въ какое-то гнусное вретище, которое почти совсѣмъ не защищало его отъ холода, онъ явился на дворъ замка босикомъ и безъ шапки, по церемоніалу, установленному для кающихся грѣшниковъ. На дворѣ онъ началъ класть поклоны, плакать, рыдать, бить себя въ грудь и произносить жалкія слова. Онъ думалъ, вѣроятно, что папа продержитъ его въ такомъ положеніи два часа, потомъ прикажетъ привести его къ себѣ. Въ такомъ ожиданіи прошелъ цѣлый день. Во все это время, никто не вынесъ королю изъ замка ни куска хлѣба, ни стакана вина. Спутники короля, остававшіеся далеко, за двумя оградами, также не могли ничѣмъ облегчить его положеніе. Такимъ образомъ, Генрихъ соблюдалъ до поздняго вечера самый строгій постъ. Когда наступила ночь, Генриха выпроводили за ограду и онъ отправился къ своимъ спутникамъ обогрѣваться, ужинать и бранить суроваго старика всѣми отборнѣйшими крѣпкими выраженіями, какія только были въ ходу между тогдашними лагерными героями.—На другой день Генрихъ опять въ томъ же костюмѣ, и съ соблюденіемъ того же строгаго поста, продежурилъ на дворѣ до поздней ночи. На третій день повторилась таже исторія. Можно было подумать, что Григорій рѣшился уморить своего бывшаго врага медленною смертью. На четвертый день, Генрихъ, по всей вѣроятности, едва волочилъ ноги. Трудно себѣ вообразить такое желѣзное тѣлосложеніе, которое могло бы выдержать безнаказанно трехъ-дневное стояніе босыми ногами на снѣгу или на мерзлой

землѣ. Наконецъ, на четвертый день, Григорій потребовалъ къ себѣ измученнаго и больнаго короля, прочиталъ ему длиннѣйшее и грознѣйшее наставленіе, заставилъ его пролить много слезъ и совершить много колѣнопреклоненій, и снялъ съ него приговоръ отлученія.

Но—съ условіемъ!—Это условіе было прелестно. На Генриха налагалась обязанность подчиниться суду имперскихъ князей, которые должны были собраться, по приказанію папы; если Генрихъ оправдается передъ судомъ князей и папы, — то онъ останется королемъ, если же судъ признаетъ его виновнымъ,—онъ потеряетъ корону и будетъ наказанъ по всей строгости церковныхъ законовъ; впредь до приговора суда, Генриху не позволялось ни носить королевскія украшенія, ни принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ, неумолимый папа не только унизилъ и измучилъ короля, но еще и показалъ ему наглядно, что его униженія и страданія не имѣютъ никакой цѣны, нисколько не вмѣняются ему въ заслугу и рѣшительно не заглаживаютъ тѣхъ поступковъ, которые, на языкѣ строгихъ католиковъ, назывались его преступленіями.—Всѣ просьбы прелатовъ, расположенныхъ къ Генриху и всѣ мученическіе подвиги кающагося короля привели только къ тому, что папа согласился простить пелику Генриха на судъ римскаго собора. Все земное величіе лежало у ногъ Григорія VII, и Григорій не поколебался ни на минуту. Онъ не принялъ никакихъ уступокъ, не согласился ни на какіе компромиссы, не подалъ ни малѣйшей надежды на примиреніе. Онъ остался непреклонно твердымъ представителемъ отвлеченной идеи, во имя которой онъ требовалъ себѣ полнаго, безраздѣльнаго, безграничнаго, и безусловнаго господства. Эти требованія были неосуществимы, но великая историческая заслуга Григорія VII именно въ томъ и состоитъ, что онъ своими явно неосуществимыми требованіями поднялъ такую борьбу, которая совершенно разбила узкое міросозерцаніе средневѣковаго человѣка.

Знаменитое покаяніе Генриха IV въ Каноссѣ обозначаетъ собою кульминаціонный пунктъ папскаго могущества. Ни прежде, ни послѣ этого событія, папство никогда не одерживало надъ свѣтской властью такой яркой и выразительной побѣды. А это событіе произошло двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти того императора, который назначалъ папъ по своему благоусмотрѣнію. Изъ крайняго подчиненія папство сразу подня-

лось на высшую точку своего могущества. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что это внезапное возвышеніе было дѣломъ одного человѣка?

Конечно Гильдебрандъ не могъ создать ни невѣжества, ни легковѣрія, ни страстности и впечатлительности своихъ современниковъ. Всѣ эти свойства, составляющія необходимую подкладку для его дѣятельности, существовали сами по себѣ, совершенно независимо отъ ума и характера какихъ бы то ни было крупныхъ или даже колоссальныхъ историческихъ дѣятелей. Міросозерцаніе средневѣковыхъ людей было также выработано за долго до рожденія Гильдебранда. Но это міросозерцаніе было на столько эластично и опредѣленно, что оно открывало самый широкій просторъ для инициативы крупныхъ и сильныхъ личностей.

Матеріалы для дѣятельности Григорія VII. конечно, находились въ современномъ ему обществѣ. Но воспользоваться этими матеріалами такъ или иначе — это зависѣло уже отъ личнаго ума и характера самаго дѣятеля. Дѣятельность Григорія VII не вытекала *неизбѣжно* изъ данныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Эти обстоятельства дѣлали ее только *возможною*, но возможною не для перваго встрѣчнаго, не для всякаго здравомыслящаго человѣка, а напротивъ того, только для колоссальной и совершенно необыкновенной личности. Массы готовы были выслушивать съ уваженіемъ самыя громадныя притязанія духовной власти, но чтобы убѣдиться на дѣлѣ въ томъ, какъ далеко простирается эта почтительная довѣрчивость современниковъ и чтобы закинуть свои требованія такъ высоко, какъ это сдѣлалъ Григорій VII — надо было обладать безграничною смѣлостью и невозмутимою самоувѣренностью. Можно сказать, что Григорій въ своихъ требованіяхъ не только дошелъ до крайнихъ предѣловъ, допускавшихся легковѣріемъ его современниковъ, но даже переступилъ эти предѣлы. Многіе современники Григорія, при всей своей умственной покорности, не могли слѣдовать за нимъ и нашли, что его притязанія превосходятъ всякую мѣру. Вся Ломбардія и большая часть италіянскихъ епископовъ, а наконецъ и сами римляне рѣшительно объявили себя противъ папы и вступили съ нимъ въ открытую войну.

Жестокое униженіе свѣтской власти въ Каноссѣ произошло не отъ безвыходнаго положенія Генриха, а преимущественно отъ ошибочнаго расчета. Генрихъ еще имѣлъ возможность бороться съ своими врагами, но онъ считалъ болѣе благоразумнымъ дѣйствовать переговорами и уступками, чѣмъ подвергать свою корону случайностямъ такой борьбы, въ которой перевѣсъ матеріальной силы

находился на сторонѣ его противниковъ. Каносса доказала ему, что переговоры невозможны, и что всѣ сколько нибудь возможныя уступки будутъ отвергнуты съ гнѣвомъ или съ презрѣніемъ. Своимъ пребываніемъ въ Каноссѣ Генрихъ еще больше запуталъ свои дѣла; его друзья получили поводъ усомниться въ его мужествѣ; а враги его, къ длинному списку его преступленій противъ церкви, прибавили еще нарушеніе того обѣщанія, цѣною котораго Генрихъ купилъ себѣ прощеніе папы. За то Генрихъ получилъ достаточно ясное понятіе о своемъ собственномъ положеніи и о настоящихъ замыслахъ папы. Этого было довольно. Выбравшись изъ Каноссы, Генрихъ быстро привелъ въ порядокъ свои дѣла, разбилъ возмутившихся князей въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и въ 1080 г. окончательно укротилъ сторонниковъ папы въ Германіи. Въ это же самое время, войска ломбардскихъ городовъ, поддерживавшихъ Генриха, одержали рѣшительную побѣду надъ войсками графини Матильды. Въ 1081 году Генрихъ снова вошелъ въ Италію, но уже совсѣмъ не для того, чтобы пріобрѣтать себѣ простуду подвигами покаянія. Генрихъ шелъ въ Римъ грознымъ властелиномъ, достойнымъ сыномъ Генриха III, — чтобы выгнать изъ Рима Григорія VII и посадить на его мѣсто Гвиберта, архіепископа Равенскаго, принявшаго имя Климента III. Въ 1084 году, Генрихъ дѣйствительно вошелъ въ Римъ, принялъ изъ рукъ Климента императорскую корону, и осадилъ замокъ св. Ангела, въ которомъ сидѣлъ Григорій, по прежнему не хотѣвшій слышать объ уступкахъ и переговорахъ. Если бы Григорій попался въ руки своего давнишняго врага, — ему, Григорію, пришлось бы вѣроятно очень плохо. Но его выручилъ Робертъ Гискаръ, предводитель Норманновъ, завоевавшихъ южную Италію и Сицилію въ сороковыхъ годахъ XI вѣка. Робертъ прогналъ войска императора, сжегъ и разграбилъ Римъ и увелъ съ собою папу въ Салерно, гдѣ Григорій и умеръ въ маѣ 1085 года, проклиная до послѣдней минуты Генриха, и антипапу Гвиберта.

Пока Григорій VII былъ живъ, многіе члены клерикальной корпораціи боялись и ненавидѣли его, какъ суроваго деспота, не щадившаго никакихъ человѣческихъ слабостей. Эта боязнь и эта ненависть заставляли многихъ прелатовъ держаться отъ него подальше, относиться враждебно къ его планамъ, и даже дѣйствовать заодно съ Генрихомъ IV. Когда же Григорій умеръ, тогда, разумѣется, ненависть и боязнь, возбужденныя его личнымъ характеромъ, немедленно утихли, и его властолюбивая идея обрисова-

лась передъ глазами духовенства во всей своей обаятельности. Имя Григорія VII сдѣлалось знаменемъ, вокругъ котораго сомкнулась вся клерикальная корпорація.

Въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, всѣ преемники Григорія VII идутъ по его слѣдамъ и гонятся за его любимою мечтою съ такою напряженною страстностью, которая находится въ рѣзкой дисгармоніи съ ихъ почтенными лѣтами и съ ихъ монашескими обѣтами. Принимая наслѣдіе великаго папы, дряхлые старики оживаютъ, воодушевляются и становятся энергическими бойцами до послѣдней минуты своей жизни. Всѣмъ имъ грезится замокъ Каносса, всѣмъ имъ хочется, чтобы какой нибудь король или императоръ, одѣтый въ грязныя лохмотья, ползалъ передъ ними на колѣняхъ и обливалъ ихъ туфли слезами раскаянія или безсильной злости. Побѣда надъ свѣтскою властью и господство надъ католическимъ міромъ, господство во чтобы то ни стало, господство нераздѣльное и безграничное, — вотъ признанная цѣль папской политики отъ Григорія VII до Бонифація VIII. Для достиженія этой цѣли всѣ средства оказываются одинаково дозволенными и похвальными личныя выгоды, личная безопасность и личная добросовѣстность папъ постоянно и ежеминутно приносятся въ жертву отвлеченному принципу. Преемники Григорія VII очень часто поступаютъ безсовѣстно, но почти всегда безкорыстно. Обманъ и насиліе употребляются ими не затѣмъ, чтобы обогатить себя и своихъ родственниковъ, а только затѣмъ, чтобы возвеличить папскій престолъ, на которомъ каждому изъ этихъ задорныхъ стариковъ придется просидѣть очень недолго. Это безсовѣстное безкорыстіе продолжается до Бонифація VIII, то есть, до тѣхъ поръ, пока сами папы не убѣдились окончательно въ неосуществимости своей идеи. Послѣ Бонифація папы отказываются понемногу отъ мечты Гильдебранда, наслаждаются жизнью, поощряютъ поэтовъ, живописцевъ и музыкантовъ, и набиваютъ карманы своимъ племянникамъ или побочнымъ дѣтямъ.

Ближайшіе преемники Григорія VII взбунтовали противъ Генриха IV двоихъ его сыновей, сначала старшаго, Конрада, потомъ втораго, Генриха, которому удалось свергнуть отца и вступить на его престолъ, подъ именемъ Генриха V. Главнымъ яблокомъ раздора между Генрихомъ IV и папами былъ вопросъ объ *инвеституpахъ*, то есть, о правѣ назначать епископовъ и аббатовъ.

Когда Генрихъ V утвердился на престолѣ при содѣйствіи кле-

рикальной партіи, тогда папа Пасхалисъ II потребовалъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ инвеституръ.

Генрихъ рѣшительно отклонилъ это требованіе. Церквамъ,—говорилъ онъ, — отдано громадное количество земель и регальныхъ правъ. Отказываясь отъ инвеституръ король сразу теряетъ на вѣчныя времена большую часть своего королевства. Эта часть можетъ перейдти Богъ знаетъ куда, въ руки его злѣйшихъ враговъ, и онъ, король, принужденъ смотрѣть на это и молчать. Можетъ ли король собственными руками приготовить себѣ и своимъ наслѣдникамъ такое невыносимое положеніе?

Пасхалисъ отвѣчалъ, что духовенство будетъ довольствоваться десятиною и добровольными пожертвованіями, и что всѣ уступленныя земли, вмѣстѣ съ регальными правами, отойдутъ обратно къ королю и къ его преемникамъ.

Генрихъ возразилъ на это, что онъ ни подъ какимъ видомъ не рѣшится ограбить такимъ образомъ церковь.

Пасхалисъ далъ королю клятвенное обѣщаніе, что онъ, папа, собственною своею властью отберетъ у церквей всѣ ихъ помѣстья и оброчныя статьи, и потомъ возвратитъ ихъ королю.

На такихъ условіяхъ Генрихъ согласился отказаться отъ инвеституръ.

Тѣмъ и кончились предварительные переговоры.

Въ 1111 году Генрихъ явился въ Римъ для коронаціи. Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ посягательствѣ на церковную собственность, Генрихъ, въ Ватиканскомъ соборѣ, въ присутствіи папы, духовенства и народа, приказалъ прочитать слѣдующій декретъ: «Мы, Божіею милостію, Генрихъ, августѣйшій императоръ римлянъ, отдаемъ Св. Петру, всѣмъ епископамъ и аббатамъ, и всѣмъ церквамъ, все, что наши предшественники, короли или императоры, имъ уступили или отдали, въ надеждѣ вѣчнаго возмездія. Будучи грѣшникомъ, и боясь строгаго суда, мы отнюдь не желаемъ отнимать у церкви эти дары.» — Послѣ чтенія этого декрета, Генрихъ обратился къ папѣ и пригласилъ его исполнить данное обѣщаніе. Тогда всѣ епископы и аббаты, какъ итальянскіе такъ и нѣмецкіе, закричали въ одинъ голосъ, что папа замышляетъ богопротивную ересь, и что они рѣшительно не хотятъ ему повиноваться, если онъ осмѣлится произвести обѣщанный переворотъ. Пасхалисъ объявилъ тогда Генриху, что онъ не въ силахъ идти навстрѣчу такому страстному желанію.

Генрихъ разсердился и посадилъ подъ арестъ папу вмѣстѣ со

многими изъ высшихъ церковныхъ сановниковъ. Но одинъ кардиналъ и одинъ епископъ ускользнули изъ собора, гдѣ происходила эта бурная сцена, пробрались въ городъ и возмутили Римлянъ, которые, на другой день утромъ, съ оружіемъ въ рукахъ, пошли освобождать Пасхалиса и его товарищей по заключенію. Произошла жаркая схватка, въ которой жизнь Генриха подвергалась опасности; наконецъ королевскія войска одолѣли, но Генрихъ отошелъ прочь отъ Рима, и увелъ съ собою своихъ плѣнниковъ. Пасхалисъ вмѣстѣ съ шестью кардиналами просидѣлъ подъ арестомъ два мѣсяца въ крѣпости Трибукко; съ нимъ обращались очень дурно, и ему намекали очень часто, что Генрихъ скоро прикажетъ его казнить вмѣстѣ съ кардиналами, если онъ не уступитъ ему въ спорѣ объ инвеституракъ. Въ этихъ угрозахъ не было ничего особенно неправдоподобнаго; Пасхалисъ зналъ хорошо, какъ непочтительно поступалъ Генрихъ V съ своимъ отцомъ; Пасхалисъ видѣлъ и чувствовалъ, что съ нимъ самимъ обращаются, какъ съ преступникомъ; поэтому онъ могъ ожидать, что его дѣйствительно, если не убьютъ, то, по крайней мѣрѣ, уморятъ въ тюрьмѣ Онъ согласился на всѣ условія Генриха. Онъ уступилъ Генриху право назначать епископовъ и аббатовъ, объявилъ полное прощеніе всѣмъ сторонникамъ Генриха, и обѣщалъ никогда не отлучать его самого отъ церкви. Папа и кардиналы получили свободу только тогда, когда трактатъ, заключающій въ себѣ эти условія, былъ подписанъ и скрѣпленъ печатями, когда всѣ плѣнники подтвердили его клятвою, данною на святыхъ дарахъ, и когда Пасхалисъ собственноручно возложилъ на Генриха императорскую корону. — Отмстивши такимъ образомъ нанеству за Каноссу, Генрихъ V возвратился въ Германію. Но тутъ обнаружилось то сильное невгладимое впечатлѣніе, которое было произведено на умы клерикаловъ дѣятельностью Григорія VII. Кардиналы и епископы, уже возстановленные противъ Пасхалиса его разворительнымъ проэктомъ о церковныхъ помѣстьяхъ, закричали теперь, что папа позоритъ церковь, уступая такъ малодушно лучшія завоеванія Григорія VII, за которыя пролиты рѣки крови и отправлены въ адъ тысячи христіанскихъ душъ, отлученныхъ отъ церкви. Тѣ прелаты, которые вмѣстѣ съ папою сидѣли въ крѣпости, и были спасены его уступками, не оказывали Пасхалису никакой нравственной поддержки противъ недовольныхъ. Всѣ ревностные католики требовали, чтобы папа нарушилъ обѣщаніе, которое было вырвано у него насильно. — Пасхалисъ принужденъ былъ созвать въ латеранскомъ

дворцѣ вселенскій соборъ, который уничтожилъ привиллегію, данную Генриху V, и произнесъ противъ него приговоръ отлученія. Пасхалисъ не мѣшалъ собору дѣйствовать такимъ образомъ, но, съ своей стороны, онъ остался вѣренъ данной клятвѣ, и не подтвердилъ приговора, направленнаго противъ императора. Пасхалисъ очевидно еще не стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая вмѣняла папамъ въ священную обязанность нарушеніе клятвъ, невыгодныхъ для клерикальной корпораціи. Совѣтники Пасхалиса именно за то и негодовали на него, что онъ неспособенъ былъ подняться на эту высоту политическаго пониманія.

Преемникъ Пасхалиса, Гелазій II, отлучилъ Генриха отъ церкви въ 1118 году, и вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ во Францію, чтобы не подвергнуться мщенію отлученнаго императора, который во все время своего царствованія былъ очень силенъ въ Германіи и въ Италіи, несмотря на свои жестокія распри съ духовенствомъ. Наконецъ, въ 1122 году, обѣ партіи, утомленныя многолѣтнею борьбою, заключили миръ въ Вормсѣ.

По этому договору, клирики должны были получать церковныя должности отъ духовной власти, а помѣстья, приписанныя къ ихъ церкви, — отъ свѣтской власти. Вопросъ объ инвеститурахъ оставался нерѣшеннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону; и миръ, заключенный вслѣдствіе обоюднаго утомленія, былъ годенъ только на то, чтобы, въ ближайшемъ будущемъ, возбудить новыя войны. — Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе должностныхъ лицъ можетъ принадлежать только какой нибудь одной власти; если же оно принадлежитъ двумъ различнымъ властямъ, то участіе одной изъ двухъ должно превратиться въ пустую формальность. Но такъ какъ каждая изъ двухъ властей желаетъ, чтобы такое превращеніе совершилось не съ нею самою, а съ ея противницею, то борьба становится неизбѣжною. Духовная власть будетъ требовать, чтобы приписанныя помѣстья предоставлялись непремѣнно каждому клирику, получившему церковную должность. А свѣтская власть будетъ утверждать, что она имѣетъ право отказывать въ помѣстьяхъ тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыхъ выборъ она не одобряетъ. Такіе споры рѣшаются обыкновенно не аргументами, а оружіемъ.

IX.

АРНОЛЬДЪ БРЕШІАНСКІЙ.

Генрихъ V умеръ въ 1125 году. Его ближайшіе преемники, Лотарь и Конрадъ III, были заняты междуусобными войнами въ Германіи, и поэтому имѣли мало вліянія на итальянскія дѣла.

Въ это время продолжительные раздоры папъ съ императорами начали приносить свои естественные плоды. Въ Италіи стали появляться умные люди, которые, не примыкая ни къ папѣ, ни къ императору, постарались и съумѣли подвергнуть внимательной и добросовѣстой критикѣ противоположныя притязанія обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Съ одной стороны, этимъ людямъ очень не нравилось то господство грубой матеріальной силы, которое называлось феодальнымъ порядкомъ, и находило себѣ верховнаго представителя и защитника въ особѣ римско-германскаго императора. Съ другой стороны, эти люди рѣшительно осуждали теократическую утопію Гильдебранда.

Критика этихъ людей имѣла, конечно, чисто-теологическій характеръ. Въ то время, теологія была вѣнцомъ всѣхъ человѣческихъ знаній и давала отвѣты на всевозможные вопросы жизни. Быть мыслителемъ значило быть теологомъ. Критиковать какую нибудь теорію или какое нибудь учрежденіе—значило разсматривать вопросъ, на сколько эта теорія или это учрежденіе согласуются съ идеями и предписаніями, изложенными въ каноническихъ книгахъ. Дальше этого критика самыхъ смѣлыхъ мыслителей не могла и не хотѣла идти. Несмотря на свою сдержанность и ограниченность, эта критика имѣла очень важное значеніе, потому что, во имя текста каноническихъ книгъ, она рѣшительно опрокидывала умствованія тѣхъ живыхъ авторитетовъ, которые присвоивали себѣ исключительное право понимать и комментировать эти книги. Исходная точка этой критики въ XII столѣтіи была таже самая, съ какой въ XVI вѣкѣ отправились многочисленные основатели различныхъ протестантскихъ сектъ.

Итальянскіе мыслители XII вѣка, принадлежавшіе сами къ духовенству, направили свои первые удары именно на замыслы и дѣйствія клерикальной корпораціи, а не на уродливыя и безправ-

ственныя особенности феодальнаго порядка,—это обстоятельство объясняется двумя главными причинами. Во первыхъ, эти мыслители, при чисто-теологическомъ характерѣ своего образованія и своихъ изслѣдованій, придавали особенно важное значеніе всему тому, что дѣлало, говорило и думало духовенства; заблужденія духовенства были гораздо болѣе вредны и опасны, чѣмъ безнравственность и нелѣпости, наполнявшія собою досуги знатныхъ феодальныхъ буяновъ, грабителей и святотатцевъ. Послѣднія были слѣдствіемъ, между тѣмъ какъ первыя были причиною. Послѣднія были только симптомомъ болѣзни, между тѣмъ какъ первыя отравляли собою лекарство, и слѣдовательно, уничтожали возможность выздоровленія. Такъ думали свободные мыслители, и такія думы вели ихъ къ тому практическому заключенію, что надо, прежде всего, побѣдить болѣзнь въ тѣхъ людяхъ, на которыхъ лежитъ обязанность лечить нравственные недуги остальнаго общества.

Во вторыхъ; Италія, благодаря роскошному развитію городской жизни, уже въ XII столѣтіи успѣла избавиться отъ самыхъ мрачныхъ явленій феодальнаго порядка. Крѣпостная зависимость уже не существовала. Большая часть магнатовъ добровольно приписалась къ городамъ. Тѣ феодалы, которые еще сохраняли свою самостоятельность, не могли безнаказанно грабить на большихъ дорогахъ купцовъ и путешественниковъ, потому что эти люди были гражданами сильныхъ и воинственныхъ республикъ, всегда готовыхъ заступиться за своихъ обиженныхъ членовъ. Конечно, насилія и самоуправства было все-таки еще черезчуръ достаточно и внутри городовъ, и въ сношеніяхъ между различными городами, но эти крупныя несовершенства зависѣли уже не столько отъ дурнаго качества учрежденій, сколько отъ необузданной страстности и умственной неразвитости самихъ гражданъ. Надо было морализировать и гуманизировать людей, такъ какъ единственнымъ двигателемъ нравственнаго совершенствованія могло быть,—по мнѣнію тогдашнихъ мыслителей,—только духовенство, то опять таки надо было прежде всего искоренять заблужденія, водворившіяся въ умахъ самихъ клириковъ.

По своему географическому положенію, Италія была совершенно обезпечена противъ императорскаго деспотизма. Императоръ не могъ жить въ Италіи, и во время его отсутствія, итальянцы всегда могли передѣлывать по своему всѣ политическія и общественныя задачи, рѣшенныя императоромъ во время его мимолетнаго пребыванія на аппенинскомъ полуостровѣ. Императоры обыкновенно

понимали свое безсиліе и воздерживались отъ излишествъ. Клерикальный деспотизмъ, напротивъ того, былъ для Италіи очень опасенъ. Папа жилъ постоянно въ самомъ центрѣ Италіи, и держалъ во всѣхъ ея городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ такихъ ревностныхъ, искусныхъ и вліятельныхъ агентовъ, какихъ никогда не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи ни одинъ императоръ. Эти агенты, пользовавшіеся повсемѣстнымъ уваженіемъ, могли значительно исказить характеръ свободныхъ учрежденій, развившихся во всѣхъ городахъ сѣверной и средней Италіи.

По всѣмъ этимъ причинамъ, свободные мыслители XII вѣка сосредоточили свое вниманіе на борьбѣ съ тенденціями папства. Эту борьбу открылъ своими смѣлыми проповѣдями монахъ Арнольдъ, уроженецъ города Брешіи, изучавшій философію и богословіе во Франціи, подъ руководствомъ знаменитаго Абеляра. Арнольдъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для громаднаго успѣха; сила его краснорѣчія была увлекательна; все, что онъ говорилъ, составляло его глубокое убѣжденіе, за которое онъ готовъ былъ спорить, сражаться, страдать и умереть; его частная жизнь была такъ чиста и безукоризненна, что самые строгіе аскеты ни къ чему не могли въ ней придраться; его знанія были на столько обширны, что онъ легко опровергалъ самыми почтенными цитатами всѣ аргументы своихъ противниковъ; кромѣ священнаго писанія, онъ изучилъ литературу древняго Рима, и могъ такимъ образомъ вызывать передъ своими слушателями историческія воспоминанія, къ которымъ тогдашніе италіянцы были особенно неравнодушны; всѣ стороны его богато-одаренной личности возбуждали къ себѣ самое восторженное сочувствіе во всѣхъ людяхъ, способныхъ смотрѣть на вещи собственными глазами и размышлять собственнымъ умомъ. Являясь передъ своими слушателями то глубокимъ ученымъ, то смѣлымъ трибуномъ, то смиреннымъ христіаниномъ, то вдохновеннымъ учителемъ чистой нравственности, оставаясь вездѣ и всегда вѣрнымъ самому себѣ и своимъ убѣжденіямъ, облекая въ свои пламенныя рѣчи то, что шевелилось и созрѣвало понемногу во всѣхъ свѣжихъ умахъ,—Арнольдъ вскорѣ послѣ своего перваго появленія у себя на родинѣ, въ Брешіи, обратилъ на себя вниманіе всей Италіи и собралъ вокругъ себя толпу искренно убѣжденныхъ послѣдователей, которые отъ разсужденій готовы были перейдти къ поступкамъ.

Это умственное движеніе могло принять опасные размѣры; клерикалы всполошились и задушили его во время. Въ 1139 году, ла-

теранскій соборъ, созванный Иннокентіемъ II, проклялъ Арнольда Брешіанскаго, какъ основателя новой ереси такъ называемыхъ *помитиковъ*. Арнольдъ бѣжалъ изъ Италіи въ Швейцарію, въ окрестности Констанца. Клерикалы не оставили его въ покоѣ. Св. Бернардъ Клервальскій, великій искоренитель ересей и вольнодумства, написалъ къ епископу констанцкому письмо о томъ, что въ его епархіи укрывается ядовитый человѣкъ, способный взбунтовать своимъ присутствіемъ самое кроткое стадо овецъ.

«Вы увидите въ немъ,—писалъ Бернардъ, — человѣка, который открыто возмущается противъ духовенства, довѣряясь тираническій власти военныхъ людей,—человѣка, который возстаетъ даже противъ епископовъ, и изливаетъ свою ярость на все духовное сословіе. Зная это, я полагаю, что, въ такой великой опасности, всего лучше и всего спасительнѣе будетъ для васъ поступить по предписанію апостола, который говоритъ: *изгните злаго отъ васъ самихъ*, Другъ церкви, впрочемъ, желалъ бы лучше заключить его въ оковы, чѣмъ обратить его въ бѣгство, потому что, продолжая блуждать, онъ можетъ надѣлать еще больше вреда. Нашъ господинъ папа, услышавъ о злыхъ дѣлахъ этого человѣка, далъ письменное приказаніе схватить его, когда онъ находился еще среди насъ; но никто не захотѣлъ сдѣлать такое доброе дѣло.»

Въ Констанцѣ *доброе дѣло* также осталось не сдѣланнымъ, не смотря на трогательные вопли Бернарда. Продолжительная борьба папъ съ императорами породила во всей католической Европѣ глухое, но глубокое умственное броженіе, благодаря которому идеи Арнольда вездѣ находили себѣ горячихъ поклонниковъ. Эти поклонники не въ силахъ были бороться съ фанатическимъ большинствомъ, подстрекаемымъ разными пастырскими посланіями и воззваніями, въ родѣ письма св. Бернарда; но они всегда могли укрыть любимаго учителя отъ его преслѣдователей, и, въ случаѣ надобности, препроводить его потихоньку въ какую нибудь другую область, въ которой клерикальныя страсти еще не были возбуждены. Когда фанатики зашумѣли въ Констанцѣ, Арнольдъ благополучно перебрался въ Цюрихъ, и продолжалъ проповѣдывать тамъ евангельскую нравственность и политическую свободу.

Между тѣмъ, дѣло Арнольда не заглохло и въ Италіи, не смотря на его отсутствіе. Его единомышленники продолжали работать въ самомъ Римѣ, въ центрѣ клерикальнаго могущества, на глазахъ у самого папы. Въ 1143 году, имъ удалось нанести папѣ жестокій ударъ. Римляне всегда любили вспоминать о славномъ прошедшемъ своего

роднаго города; эти воспоминанія имѣли всегда живое политическое значеніе, потому что потомки, воодушевляясь историческими картинами, проникались страстнымъ желаніемъ хоть сколько нибудь поравняться съ предками. Наслушавшись разсказовъ о республиканскихъ доблестяхъ и о военной славѣ, римляне начали злиться и волноваться; имъ захотѣлось испробовать надъ кѣмъ нибудь свое могущество и свою храбрость; они затѣяли войну съ жителями сосѣдняго городка Тиволи; тиволяне разбили войско, пожелавшее воскресить славу древняго Рима; римляне разсердились еще больше, собрали новые легіоны, и порѣшили стереть Тиволи съ лица земли; на этотъ разъ Тиволянамъ пришлось очень плохо, и римляне уже думали, что сдѣлали первый шагъ къ завоеванію вселенной, какъ вдругъ папа Иннокентій II принялъ тиволянъ подъ свое покровительство, и приказалъ завоевателямъ идти домой. Завоеватели разъярились тогда не на шутку. *Политики* во время подлили масло въ огонь разными искусными соболѣзнованіями, упреками, насмѣшками и восторженными рѣчами. Дворяне дѣйствовали за одно съ народомъ; они разсыпались по площадямъ и стали кричать во всеуслышаніе, что папа нарочно отнимаетъ у римлянъ ихъ славу и уничтожаетъ потихоньку ихъ привиллегіи; толпа хлынула со всѣхъ сторонъ въ Капитолій, выбрала себѣ тамъ сенаторовъ, и воскресила римскую республику, къ которой римляне порывались еще во времена Отоновъ. Это народное движеніе такъ огорчило Иннокентія II, что онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

У республиканскаго правительства было много враговъ. Многіе дворяне и простые граждане держали сторону папы, отчасти изъ религіознаго усердія, отчасти потому, что сенатъ занимался серьезнымъ преслѣдованіемъ буяновъ и грабителей. Съ этими защитниками папы, очень похожими на защитниковъ бывшаго неаполитанскаго короля, Франциска II, — республиканцы принуждены были вести уличную войну. Очень часто приходилось осаждать, брать приступомъ и разрушать укрѣпленныя башни, въ которыхъ отсиживались, вмѣстѣ съ своими вооруженными кліентами, благородные враги порядка и общественнаго спокойствія.

Кромѣ того папы находились въ союзѣ съ королемъ Обѣихъ-Сицилій, и настоятельно требовали у него помощи противъ непокорныхъ римлянъ.

Чтобы сколько нибудь уравновѣсить шансы, республиканскій сенатъ послалъ депутацію къ германскому королю Конраду III, съ просьбою одобрить сдѣланныя преобразованія и пріѣхать лично въ

Римъ для принятія императорской короны. Конрадъ не отвѣчалъ сенату на его письмо.

«Если сыновья и вѣрноподданные, — вторично писалъ сенатъ къ Конраду, — могутъ позволить себѣ судить дѣйствія своего государя и отца, то мы изумляемся, что ваше королевское величество не отвѣчали на тѣ письма, которыми мы извѣщали васъ о нашихъ распоряженіяхъ. Между тѣмъ, всѣ наши поступки направлены нашею вѣрностью къ вашей чести. Сенатъ по милости Божіей возстановленъ. Константинъ и Юстиніанъ со славою управляли имперіею, при содѣйствіи этого сената и римскаго народа. Мы желаемъ и мы стараемся устроить такъ, чтобы вы могли управлять подобно имъ, и чтобы вы могли получить обратно всѣ тѣ почести, которыя вамъ принадлежатъ, и которыя были у васъ отняты.... Мы положили основаніе этому новому порядку, потому что мы поддерживаемъ миръ и правосудіе въ пользу всѣхъ тѣхъ, кто дорожитъ этими благами; мы захватили башни, крѣпости и дома тѣхъ господъ, которые, вмѣстѣ съ Сицилійцемъ и съ папою, хотѣли сопротивляться вашей державѣ; одни изъ этихъ укрѣпленій мы вѣрно хранимъ отъ вашего имени; другія срыты нами до основанія. Пусть ваша премудрость вспомнитъ, какъ много зла причинили императорамъ, вашимъ предшественникамъ, папскій дворъ и тѣ дворяне, о которыхъ мы говоримъ. Эти же самые люди, за одно съ Сицилійцемъ, готовятъ вамъ впереди еще большія бѣдствія.»

Планъ римскихъ *политиковъ*, сформированныхъ въ школѣ ересіарха Арнольда, состоялъ очевидно въ томъ, чтобы тѣшить нѣмецкихъ королей краснорѣчивыми выраженіями покорности, и выманивать у нихъ такимъ образомъ, если не дѣятельную помощь, то, по крайней мѣрѣ, доброжелательный нейтралитетъ. Этотъ планъ былъ неосуществимъ; эпистолярное краснорѣчіе сената никого не могло обмануть; величественныя сближенія Конрада съ Константиномъ и съ Юстиніаномъ никакъ не могли доказать нѣмецкому королю, что его интересы совпадаютъ съ желаніями римскихъ республиканцевъ, и что новый сенатъ заботится очень сильно о процвѣтаніи его могущества, и изъ любви къ нему ссорится съ папою и съ сицилійскимъ королемъ. Искреннихъ союзниковъ сенатъ могъ найти себѣ только въ республиканцахъ сѣверной и средней Италіи; ему надо было не разсыпаться въ безполезныхъ нѣжностяхъ передъ Конрадомъ, который никакъ не могъ ему сочувствовать, а завести сношенія съ Венеціею, съ Генуею, съ Пизою, съ Флоренціею и съ Миланомъ. Только хорошо организованная федерація свободныхъ

италіянскихъ городовъ могла сопротивляться съ успѣхомъ, и нѣмцамъ, и папѣ, и Сицилійцу. Но чтобы возвыситься до такой разумной политической комбинаціи, надо было, прежде всего, посмотрѣть на современную дѣйствительность трезвыми глазами, назвать каждую вещь ея настоящимъ именемъ, отказаться отъ всякихъ фикцій, и отложить попеченіе объ умершемъ и истлѣвшемъ величіи древняго Рима. Кромѣ того надо было, чтобы римляне выяснили себѣ и ограничили свои собственныя желанія. Имъ хотѣлось еще, кромѣ политической свободы, чтобы Римъ былъ столицею всемірной имперіи, и резиденціею первосвященника, господствующаго надъ католическою Европою. Этого было уже черезчуръ много заразъ. Одни желанія мѣшали другимъ. Тщеславіе сталкивалось съ любовью къ свободѣ. Императоръ и папа никакъ не могли согласиться на то, чтобы изображать своими высокими особами живыя, но невинныя украшенія вѣчнаго города, находящагося подъ управленіемъ республиканскаго сената. Гоняясь такимъ образомъ за многими зайцами, римляне постоянно оставались не причемъ. Этихъ средневѣковыхъ римлянъ можно назвать ложными классиками въ политикѣ.

Конраду некогда было идти въ Италію. Онъ продолжалъ отмалчиваться отъ наивно—хитрыхъ риторическихъ упражненій римскаго сената. Папа Люцій II началъ надѣяться, что римляне, оставшись безъ союзниковъ, не осмѣлятся защищать противъ него свои республиканскія учрежденія. Однажды, въ 1145 году, Люцій собралъ своихъ приверженцевъ, надѣлъ на себя полное святительское облаченіе, окружилъ себя священниками и монахами, и во главѣ всей этой военной и духовной толпы, двинулся торжественно-медленнымъ шагомъ къ Капитолію, гдѣ засѣдалъ сенатъ. Народъ сначала оторопѣлъ передъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, и не зналъ, на что рѣшиться. Но потомъ, когда процессія уже подошла къ капитолійскому холму, римляне вдругъ сообразили, что папа идетъ въ Капитолій совсѣмъ не для того, чтобы обрадовать сенаторовъ пастырскимъ благословеніемъ. Римлянамъ сдѣлалось совѣстно отдавать свое правительство на жертву папскимъ солдатамъ. Римляне схватились за камни, и начали дѣйствовать ими такъ искусно, что зашибли очень серьезно самого Люція. Папа упалъ; спутники его отступили; сенатъ остался нетронутымъ, а Люцій черезъ нѣсколько дней умеръ отъ полученной раны.—Преемникъ Люція, Евгеній III попробовалъ примириться съ республикан-

цами; онъ призналъ ихъ сенатъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы римляне признали городскаго префекта, назначеннаго отъ папы. Разумѣется, это совмѣстное существованіе двухъ правительствъ въ одномъ городѣ было невозможно и безсмысленно. Власть папы оказалась на столько ничтожною, что онъ заблагоразсудилъ удалиться изъ Рима, и заняться путешествіями по Италіи и по Франціи. Послѣ отъѣзда папы, республиканцы почувствовали себя полными хозяевами своего города, и вызвали изъ Швейцаріи великаго учителя, Арнольда Брешіанскаго. Ересіархъ, отлученный отъ церкви, явился въ столицу католическаго міра; за нимъ шли двѣ тысячи швейцарцевъ, проникнутыхъ его идеями и рѣшившихся помогать ему во всѣхъ его предпріятіяхъ; римляне встрѣтили Арнольда съ восторгомъ, къ великому соблазну благочестивыхъ папистовъ; проклятый еретикъ сдѣлался полновластнымъ законодателемъ римскій республики.

Умѣя возбуждать народный энтузіазмъ, Арнольдъ, къ сожалѣнію, не обладалъ способностью строить прочныя политическія зданія. У него было слишкомъ много воображенія, и слишкомъ мало практической смѣтливости. Подъ его руководствомъ, римляне продолжали разъигрывать археологическія комедіи, и гоняться за призракомъ древняго римскаго величія. Арнольдъ устроилъ въ Римѣ сословіе всадниковъ, занимавшее средину между сенаторами и плебеями, — воскресилъ должность консуловъ, которые должны были предсѣдательствовать въ сенатѣ, — и доказалъ народу, что, для полноты благополучія и для большаго сходства съ древнимъ Римомъ необходимо завести трибуновъ, обязанныхъ защищать интересы плебеевъ. Политическое значеніе папы, по совѣту Арнольда, было совершенно уничтожено, а власть императора подвергнута значительнымъ ограниченіямъ. Все это, не смотря на рабское копированіе умершихъ учрежденій, могло бы пожалуй жить, развиваться и приносить хорошіе плоды, если бы только не было на свѣтѣ людей, желавшихъ разрушить до основанія это новое государственное устройство. Но такіе люди существовали; ихъ было очень много, они были очень сильны, и Арнольдъ, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, не могъ не знать о ихъ существованіи. Арнольду было достаточно извѣстно, что папа былъ злѣйшимъ врагомъ римской республики, и что нѣмецкіе императоры также смотрѣли на нее очень косо. Значитъ, прежде чѣмъ заботиться о внутреннемъ украшеніи новаго зданія, надо было припасти средства для жестокой борьбы за право самобытнаго политическаго существованія. Прежде

чѣмъ утѣшаться классическими названіями правителей и чиновниковъ, надо было задать себѣ вопросъ: какъ мы встрѣтимъ и чѣмъ мы прогонимъ сѣверныхъ варваровъ, которые рано или поздно непремѣнно придутъ къ намъ ломать наши величественныя декораціи, и рвать наши прелестныя тоги?—Къ этому вопросу, въ которомъ заключалась вся будущность ихъ скороспѣлой республики, римляне, и вмѣстѣ съ ними Арнольдъ, относились съ невѣроятнымъ легкомысліемъ. Они почему-то были увѣрены, или, по крайней мѣрѣ, старались себя увѣрить, что сѣверный варваръ съ великимъ удовольствіемъ надѣнетъ на себя приготовленный для него костюмъ, и приметъ самое благодушное участіе въ веселомъ археологическомъ представленіи.—Нѣмецкій императоръ, по ихъ мнѣнію, въ одну минуту долженъ былъ повѣрить имъ на слово, — во первыхъ, что онъ— прямой наслѣдникъ Константина и Юстиніана, а во вторыхъ, что Константинъ и Юстиніанъ благоговѣли передъ республиканскими учрежденіями. Римляне очевидно полагали, что борьба съ нѣмецкимъ императоромъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть для нихъ счастливаго исхода; считая себя такимъ образомъ не въ силахъ отразить опасность, они зажмуривали глаза, и старались обманывать и убаюкивать себя пріятною надеждою, что опасность совсѣмъ не существуетъ или разсѣется сама собою.

А между тѣмъ, у римлянъ была подъ руками возможность одолѣть императора. Впереди было еще достаточно времени, чтобы сгруппировать всѣ матеріалы для самой напряженной борьбы за новорожденную римскую свободу. Арнольдъ явился въ Римъ въ 1145 году, а нѣмцы вошли въ Италію, въ 1154. Въ девять лѣтъ Арнольдъ, при своемъ увлекательномъ краснорѣчіи, при своей безпредѣльной неустрашимости, при своей изумительной способности воспламенять массы, овладѣвать ихъ умами и пробуждать въ народѣ высшія и безкорыстнѣйшія стремленія, — Арнольдъ могъ бы навсегда закрыть нѣмцамъ дорогу въ Италію. Если бы Арнольдъ объѣхалъ въ это время всѣ свободные города Ломбардіи и Тосканы, если бы онъ принялъ на себя обязанность объяснить всѣмъ итальянскимъ республиканцамъ, что имъ всѣмъ грозитъ одна и таже опасность, противъ которой необходимо дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ, — то федерація свободныхъ городовъ состоялась бы непремѣнно, и Римъ былъ бы спасенъ вмѣстѣ съ остальною республиканскою Италіею. Ломбардская лига состоялась, подъ неотразимымъ вліяніемъ событій, безъ иниціативы какого нибудь передо-

ваго генія, — въ 1167 году. Но назначеніе геніальныхъ людей именно въ томъ и состоитъ, чтобы ускорять естественное движеніе событій, и постигать раньше другихъ тѣ общественныя потребности, которыя впослѣдствіи сдѣлаются осязательно—понятными для самыхъ обыкновенныхъ умовъ. Такъ какъ въ 1167 году, необходимость лиги была ясна для всѣхъ свободныхъ гражданъ сѣверной Италіи, то, разумѣется, эту лигу можно было бы заключить пятнадцатью годами раньше, если бы въ это время какой нибудь сильный умъ ускорилъ, съ этой стороны, развитіе общественнаго самосознанія. За отсутствіе такого практическаго ума поплатились очень дорого и Ломбардія, и Римъ, и въ особенности самъ Арнольдъ.

X.

ФРИДРИХЪ БАРБАРОССА.

Въ началѣ 1152 года, Конрадъ III умеръ, и германская корона досталась его племяннику, Фридриху Барбароссѣ, человѣку молодому, храброму, дѣятельному, властолюбивому и очень даровитому. Германія уже давно страдала отъ соперничества двухъ сильныхъ владѣтельныхъ домовъ, изъ которыхъ одинъ господствовалъ надъ Швабіею и Франконіею, а другой — надъ Баваріею и Саксоніею. Къ швабо-франконскому дому принадлежали тѣ императоры, которые во все время своего царствованія боролись съ папами. Саксоно-баварскій домъ, напротивъ того, отличался своею постоянною преданностью интересамъ церкви. Съ половины XII вѣка, сторонники первой династіи стали называть себя *гибелинами*, а приверженцы второй — *гвельфами*. Слово *гибелины* происходитъ отъ имени замка Waiblinga или Gueibelinga, составлявшаго родовую собственность франконской династіи. Слово *гвельфы* происходитъ отъ имени Гвельфъ или Вельфъ, которое встрѣчалось особенно часто въ семействѣ герцоговъ баварскихъ. Вступленіе Фридриха Барбароссы на германскій престолъ помирило на время обѣ враждебныя партіи, потому что Фридрихъ находился въ очень близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ обоими домами. Послѣ смерти Конрада, онъ сдѣлался главою гибелинской династіи; въ тоже время, онъ былъ двоюроднымъ братомъ Генриха-Льва, герцога саксонскаго, — и племянникомъ Гвельфа VI, герцога баварскаго. Силы Германіи, не раз-

влекаемыя междуусобными войнами, соединились подъ предводительствомъ молодаго короля, и двинулись на Италію, съ тѣмъ, чтобы совершенно уничтожить республиканскую свободу ея богатыхъ и многолюдныхъ городовъ.

Папа Евгеній III не замедлилъ пожаловаться Фридриху на своеволіе римлянъ, и обязался немедленно возложить на него императорскую корону, какъ только онъ явится въ Римъ. Въ отвѣтъ на эту любезность, Фридрихъ обѣщалъ проучить римскихъ вольнодумцевъ, уничтожить ихъ глупую республику, и распорядиться насчетъ Арнольда Брешіанскаго со всею подобающею энергіею.

Къ воплямъ папы присоединились жалобы нѣкоторыхъ италіянскихъ магнатовъ, которые увѣряли короля, что имъ житья нѣтъ отъ сосѣднихъ республикъ. Фридрихъ окончательно убѣдился въ томъ, что Италія зазналась, и что ее слѣдуетъ наставить на путь истины. Онъ объявилъ всѣмъ своимъ нѣмецкимъ вассаламъ, что, раньше истеченія 1154 года, имъ предстоитъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ за Альпы.

Звѣри бѣжали на ловца со всѣхъ сторонъ. Вслѣдъ за магнатами, Фридриху принесли свою жалобу нѣкоторые республиканцы. Весною 1153 года Фридрихъ предсѣдательствовалъ на имперскомъ сеймѣ, въ Констанцѣ. Вдругъ, къ его ногамъ бросились двое гражданъ ломбардскаго города Лоди. По обычаю, установленному для просителей, они держали въ рукахъ кресты; голосъ ихъ прерывался отъ рыданій, когда они стали умолять Фридриха, чтобы онъ возвратилъ свободу ихъ родному городу, который, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, былъ взятъ и разрушенъ миланцами. Просители описали королю тѣ притѣсненія, которымъ подвергались жители разореннаго города; эти жители были поселены въ четырехъ разныхъ слободахъ, обложены тяжелыми податями, лишены всякихъ политическихъ правъ, и доведены такимъ образомъ почти до положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Фридрихъ былъ деспотъ по своему характеру. Но у него не было недостатка въ хорошихъ качествахъ; онъ умѣлъ быть великодушнымъ, и старался, по своему крайнему усмотрѣнію, дѣйствовать разумно и справедливо. Онъ принялъ къ сердцу жалобу угнетенныхъ лодійцевъ, обнадежилъ плачущихъ просителей, и тотчасъ же приказалъ своему канцлеру написать и отправить къ миланцамъ королевскій указъ о немедленномъ освобожденіи всѣхъ жителей бывшаго города Лоди отъ всѣхъ налоговъ и стѣсненій, которымъ они подвергались со сто-

роны завоевателей. Одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ короля, Сихерій, тотчасъ повезъ изготовленный указъ въ Италію.

Сихерій заѣхалъ сначала въ тѣ слободы, въ которыхъ жили порабощенные лодійцы. Здѣсь онъ объявилъ мѣстному начальству и обывателямъ, что король возвратилъ лодійцамъ всѣ ихъ прежнія права, и что указъ, заключающій въ себѣ эту королевскую милость, будетъ немедленно переданъ миланскому правительству. Лодійцы ахнули, и ахнули не отъ радости, а отъ изумленія и отъ ужаса. Просители, плакавшіе въ Констанцѣ у ногъ Фридриха Барбароссы, дѣйствовали по свободному вдохновенію, безо всякаго полномочія отъ своихъ согражданъ. Намѣренія этихъ просителей были очень чисты и возвышенны, но поступокъ ихъ былъ такъ неосторожепъ, что ихъ сограждане не знали теперь, какъ раздѣлаться съ его вѣроятными послѣдствіями. Лодійцамъ дѣйствительно жилось очень плохо подъ властью Милана. Они всѣ мечтали объ освобожденіи, какъ о высшемъ и драгоцѣннѣйшемъ благѣ. Но они понимали очень хорошо, что для этого требуется не кусокъ пергамента, а сильная армія. Указъ Фридриха могъ только возбудить въ Миланѣ взрывъ сильнѣйшаго негодованія, которое прежде всего должно было обрушиться на голову непокорныхъ подданныхъ, осмѣлившихся подавать жалобы на своихъ господъ.

Слободы, въ которыхъ жили лодійцы, находились почти у самыхъ воротъ Милана, и не были защищены стѣнами. Уступая первому порыву гнѣва, миланцы могли, прямо съ городской площади, на которой имъ будетъ прочитано письмо Фридриха,—отправиться къ слободамъ, и сжечь до тла жилища, сады и жатвы непокорныхъ подданныхъ. Подобный подвигъ былъ въ высшей степени возможенъ, потому что въ Миланѣ господствовалъ державный народъ, который, какъ извѣстно, обыкновенно увлекается порывами страсти, и очень рѣдко подчиняется въ своихъ дѣйствіяхъ голосу благоразумнаго разсчета. Можно было предвидѣть, что миланцы не испугаются Фридриха, а напротивъ того, изъ чувства національной гордости, захотятъ показать ему наглядно, что они ни въ грошъ не ставятъ его угрозы и указы. Это наглядное показываніе всего удобнѣе могло быть произведено надъ бѣдными лодійцами. Впослѣдствіи, миланцамъ придется пострадать отъ Фридриха, и пожалѣть о необузданномъ порывѣ гнѣва; но истребленнымъ или раззореннымъ лодійцамъ отъ этого поздняго раскаянія будетъ не легче. Лодійцы стали упрашивать Сихерія, чтобы онъ уничтожилъ королевскій указъ, или, по крайней мѣрѣ, удержалъ его при себѣ

до тѣхъ поръ, пока самъ Фридрихъ не явится съ войскомъ въ Италію. Сихерій, разумѣется, отвѣтилъ имъ, что они просятъ невозможнаго, и немедленно отправился съ указомъ въ Миланъ.

Миланскіе консулы собрали народъ на городскую площадь для слушанія королевской грамоты. Произошла бурная сцена. Взрывъ негодованія былъ громаденъ. Граждане вырвали письмо изъ рукъ герольда, разорвали, оплевали его, и ногами втоптали его въ грязь. Всѣ клялись защищать свободу и честь родины до послѣдняго издыханія. Многіе порывались задушить и растерзать Сихерія, такъ что консуламъ и благоразумнымъ гражданамъ едва удалось увести его съ площади и выпроводить его за городъ.

Души лодійцевъ пребывали въ это время въ ихъ пяткахъ. Они заблаговременно отправили женъ и дѣтей, со всѣми цѣнными пожитками въ Кремону и въ Павію, которыя обѣ находились въ постоянной контрѣ съ Миланомъ. Сами взрослые мужчины проводили только ночи въ своихъ жилищахъ. Днемъ они бродили по лѣсамъ, чтобы не попасться въ руки миланцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, непремѣнно должны были явиться рано или поздно.

Весь этотъ страхъ оказался однако совершенно излишнимъ. Натѣшившись надъ королевскимъ указомъ, миланцы успокоились и не захотѣли обижать перетрусившихся лодійцевъ. Кромѣ того, несмотря на свою стычку съ королевскимъ посломъ, миланцы отправили даже къ Фридриху тотъ денежный подарокъ, который обыкновенно посылался королямъ, при ихъ восшествіи на престолъ. Свидѣтельствуя такимъ образомъ Фридриху свое почтеніе, миланцы и не думали извиняться передъ нимъ въ топтаніи его указа. Подарки и топтаніе очень дружелюбно уживались между собою въ головѣ средневѣковыхъ политиковъ. Первые изображали собою уваженіе независимыхъ горожанъ къ центральной власти, превратившейся въ политическую фикцію; второе обозначало собою пламенную любовь этихъ горожанъ къ автономіи, развившейся незамѣтнымъ образомъ до размѣровъ живаго, реальнаго и неопровержимаго факта.

Въ 1154 году, окончивъ уборку хлѣба, миланцы пошли опустошать земли своихъ всегдашнихъ недруговъ, Павійцевъ и Кремонинъ, которые, не задолго передъ тѣмъ, старались повредить имъ при дворѣ новаго короля. Вскорѣ послѣ начала этихъ военныхъ дѣйствій, Фридрихъ Барбаросса перешелъ черезъ Альпы съ очень сильною арміею. Подойдя къ Піаченцѣ, Фридрихъ, по заведенному обычаю, остановился на Ронкальскомъ полѣ, обнесъ свой лагерь

стѣною, и въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ созвалъ сеймъ итальянскаго королевства. Началось разбирательство различныхъ жалобъ и притязаній.

Два ломбардскіе города, Лоди и Комо, были завоеваны миланцами. Представители обоихъ этихъ городовъ явились на сеймъ, и стали жаловаться королю на своихъ угнетателей. Миланскіе консулы представили свои оправданія и возраженія. Депутаты другихъ городовъ стали говорить за нихъ или противъ нихъ, и такимъ образомъ Фридрихъ увидѣлъ, что Ломбардія распадается на двѣ враждебныя партіи. На одной сторонѣ стояли города Миланъ, Крема, Брешія, Піаченца, Асти и Тортона; на другой — Павія, Кремона и Новара. Фридрихъ рѣшился поддерживать вторую партію, потому что она была слабѣе первой, и, слѣдовательно, менѣе опасна для королевской власти, которую Фридрихъ желалъ возстановить во всемъ ея первобытномъ величіи. Однакоже Фридрихъ не произнесъ на ронкальскомъ сеймѣ никакого рѣшительнаго приговора по дѣлу о городахъ, завоеванныхъ миланцами. Онъ только приказалъ прекратить тѣ военныя дѣйствія, которыя были начаты не задолго до его прихода. Миланцы сочли нужнымъ повиноваться, и даже выпустили плѣнниковъ, захваченныхъ на павійской территоріи.

Затѣмъ Фридрихъ пошелъ къ Новарѣ, и, такъ какъ надо было идти черезъ миланскую область, то онъ приказалъ миланскимъ консуламъ составить для его арміи удобный маршрутъ, и заготовить для нея по дорогѣ, на станціяхъ, достаточное количество квартиръ и съѣстныхъ припасовъ. Исполнить это порученіе было трудно. Дорога, по которой должна была идти армія Фридриха, была совершенно опустошена недавними столкновеніями Миланцевъ съ Павійцами; кромѣ того, крестьяне бѣжали опрометью отъ нѣмцевъ, которые имѣли обыкновеніе отнимать у хозяевъ насильно и безплатно хлѣбъ, скотъ и даже домашнюю утварь. Спасаясь изъ деревень въ лѣса или въ укрѣпленные города, крестьяне конечно уносили или увозили съ собою все, что можно было захватить. Поэтому нѣмцамъ приходилось странствовать въ раззоренной пустынѣ, и терпѣть во всемъ недостатокъ, несмотря на добросовѣстныя усилія миланскихъ консуловъ, облеченныхъ, по волѣ Фридриха, въ званіе провіантмейстеровъ. Къ довершенію несчастія, начались проливные дожди; люди и лошади вязли въ грязи, подвигались впередъ втрое медленнѣе, и утомлялись втрое больше, чѣмъ обыкновенно; хорошія квартиры и обильная пища, при такихъ усло-

ніяхъ, были особенно необходимы; а между тѣмъ, взять ихъ было не откуда. Нѣмцы злились, ругались, и во всѣхъ неудобствахъ похода усматривали злые умыслы коварныхъ италіянцевъ. Дойдя до мѣстечка Розаты, Фридрихъ такъ разсердился на погоду и на дорогу, что приказалъ миланскимъ консуламъ убираться къ чорту, и увести съ собою всѣхъ жителей мѣстечка, которое должно было сдѣлаться добычею солдатъ. Консулы принуждены были повиноваться. Взрослые люди, старики и дѣти, женщины съ грудными ребятами на рукахъ, здоровые и больные, всѣ вышли изъ Розаты, не захватывая съ собою никакого имущества, и поплелись пѣшкомъ, ночью, подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ, по непроходимо грязной дорогѣ, въ Миланъ, до котораго было слишкомъ пятнадцать верстъ. Къ разсвѣту, розатскіе выходцы добрались до Милана истомленные, промоченные до костей, не зная, куда пріютиться и какимъ образомъ добыть себѣ пропитаніе. Чувствуя неодолимую потребность сорвать на комъ нибудь свое зло, они стали громко жаловаться на миланскихъ консуловъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они своею безтолковостью разсердили короля Фридриха и погубили Розату. Миланскій народъ принялъ горячо къ сердцу страданія разоренныхъ соотечественниковъ; ихъ размѣстили по домамъ, обогрѣли, успокоили, накормили, и обезпечили на столько, что они могли, не боясь голода и холода, приняться за пріискиваніе какихъ нибудь постоянныхъ занятій въ Миланѣ или въ его окрестностяхъ. При своей впечатлительности и горячности, народъ повѣрилъ жалобамъ выходцевъ, бросился къ дому Герардо Негро, одного изъ консуловъ, и разрушилъ его до основанія. Въ это же самое время, нѣмецкіе солдаты, разграбивъ Розату, стирали ее съ лица земли.

Новые депутаты отправились изъ Милана въ нѣмецкій лагерь, объявили Фридриху, что народъ наказалъ консуловъ за ихъ пристрастность, и предложили ему значительную сумму денегъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ призналъ права миланской республики на города Лоди и Комо. Это посольство не понравилось Фридриху. Все, что говорили ему послы, казалось ему беззаконіемъ и дерзостью. Во первыхъ, что это за народъ, наказывающій своихъ начальниковъ, и объявляющій объ этомъ смѣло и торжественно, ему, будущему римскому императору, настоящему и единственному источнику всякой земной власти? Во вторыхъ, какъ они, эти мѣщане, смѣютъ подкупать императора деньгами? Въ третьихъ, что это за права миланской республики на обладаніе другими городами? Надо еще посмотрѣть, имѣетъ ли эта произвольно зародившаяся респуб-

лика какія нибудь права на самостоятельное существованіе. Выслушавъ миланскихъ депутатовъ, Фридрихъ окончательно убѣдился въ томъ, что Италія погибнетъ въ пучинѣ заблужденій и анархіи, если твердый и мудрый правитель не примется за ея политическое перевоспитаніе. Фридрихъ былъ такъ великодушенъ, что обрекъ самого себя на этотъ тяжелый и опасный трудъ.

Желая показать миланцамъ, что они должны трепетать и благоговѣть, а не разсуждать вкривь и вкось о какихъ-то правахъ какой-то республики, Фридрихъ, въ отвѣтъ на любезности ихъ депутатовъ, провелъ свою армію черезъ самыя плодородныя земли миланской области, и разрушилъ на своемъ пути все, что могло быть разрушено. Опустошительное шествіе Фридриха закончилось тѣмъ, что онъ сжегъ два моста, построенные миланцами черезъ рѣку Тичино, и срылъ до основанія два укрѣпленные замка, Трекалу и Галіату, защищавшіе миланскую границу со стороны новарской области.

Подвиги нѣмецкой арміи навели миланцевъ на поучительныя размышленія, но не возбудили въ нихъ желанія покориться грозному королю. Миланцы тщательно укрѣпили свой городъ и всѣ замки своей территоріи, закупили на случай осады огромное количество съѣстныхъ припасовъ, и отправили пословъ въ сосѣдніе города, для возобновленія старыхъ союзныхъ договоровъ.

Уже въ концѣ 1154 года обозначились такимъ образомъ первыя основанія будущей ломбардской лиги. Уже въ это время, въ Миланѣ, въ первенствующемъ городѣ Ломбардіи, зашевелилась мысль о неизбѣжности серьезной борьбы съ нѣмцами. Это обстоятельство подтверждаетъ мою мысль о томъ, что спасеніе римской республики было очень возможно, и что оно находилось въ рукахъ Арнольда Брешіанскаго, который не съумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія.

Въ февралѣ 1155 года, Фридрихъ подошелъ къ Тортонѣ, и приказалъ этому городу отступиться отъ союза съ Миланомъ и заключить союзный договоръ съ Павіею. Правительство тортонской республики отвѣчало Фридриху, что у нихъ не принято покидать старыхъ друзей въ несчастіи.

Фридрихъ объявилъ Тортону въ опалѣ, и немедленно началъ осаду этого города. Напротивъ городскихъ стѣнъ, король приказалъ поставить нѣсколько висѣлицъ, предназначенныхъ для плѣнныхъ тортонянъ, которые считались мятежниками, и слѣдовательно, подлежали смертной казни. Эти висѣлицы дѣлали свое дѣло

послѣ каждой стычки, но Тортона продолжала защищаться съ образцовымъ мужествомъ. Когда Миланцы узнали объ опасномъ положеніи своихъ вѣрныхъ союзниковъ, они тотчасъ послали въ Тортону двѣсти человѣкъ отборныхъ воиновъ. Фридрихъ простоялъ передъ Тортоною два мѣсяца, выстроилъ множество хитрѣйшихъ осадныхъ машинъ, и потерялъ достаточное количество храбрыхъ воиновъ. Наконецъ Тортона сдалась отъ недостатка воды.

Единственный колодезь, которымъ пользовались жители, находился между городомъ и непріятельскимъ лагеремъ; осаждающіе набросали въ этотъ колодезь кучи разной мерзости, трупы людей, лошадей и собакъ; потомъ они напустили въ воду значительное количество растопленной смолы и сѣры; вода сдѣлалась такъ горька, что даже люди, умирающіе отъ жажды, не въ состояніи были ее пить. На Святой недѣлѣ, пользуясь четырехдневнымъ перемиріемъ, заключеннымъ для празднованія Пасхи, мѣстное духовенство вышло изъ Тортоны, отправилось въ нѣмецкій лагерь, и стало умолять Фридриха, чтобы онъ, наказывая мятежный и преступный городъ, заслужившій свою горькую участь, сдѣлалъ исключеніе для клириковъ, и позволилъ имъ немедленно удалиться куда нибудь въ такое мѣсто, гдѣ благонравіе жителей и обиліе хорошей воды радуютъ сердце каждаго добронорядочнаго человѣка. Просьбы духовенства не убѣдили и не разжалобили Фридриха. Онъ отправилъ просителей обратно въ городъ, и продолжалъ свои осадныя операціи.

Однако Фридрихъ не рѣшился поступить съ населеніемъ цѣлаго города по всей строгости тѣхъ имперскихъ законовъ, которые онъ прилагалъ во время осады, къ отдѣльнымъ личностямъ тортонскихъ плѣнниковъ. Онъ позволялъ Тортонянамъ выдти изъ города и унести съ собою тѣ вещи, которыя они могли захватить за одинъ разъ. Затѣмъ солдаты Фридриха разграбили и сожгли городъ. Истомленные двухъ мѣсячными трудами и лишеніями, Тортоняне, худые какъ скелеты, едва передвигая ноги, потащились въ Миланъ. Тамъ ихъ приняли съ распростертыми объятіями, какъ героевъ, выдержавшихъ первую серьезную борьбу за общее дѣло. Граждане оказали Тортонянамъ самое широкое гостепріимство, а консулы Милана обязались, отъ имени своей республики, выстроить Тортону заново, какъ только удалится отъ ея развалинъ нѣмецкая армія.

Послѣ разрушенія Тортоны, Фридрихъ принялъ въ Павіи ломбардскую корону, и потомъ отправился въ Римъ.

Въ это время, Римляне, по своему обыкновенію, старались угодить и Богу, и мамону, фантазировали на разныя республиканскія темы, и собирались свидѣтельствовать свое почтеніе императору,—слушали съ восторгомъ проповѣди еретика Арнольда, отлученнаго отъ церкви, и продолжали признавать папу высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ религіи. Въ началѣ 1155 года, папа Адріанъ IV, возмущенный этимъ хаосомъ внутреннихъ противурѣчій, поразилъ Римъ интердиктомъ, то есть, запретилъ всѣмъ членамъ римскаго духовенства совершать въ Римѣ обряды богослуженія. Когда, въ концѣ того же XII столѣтія, папа Иннокентій III наложилъ интердиктъ на Англію и на Францію, тогда Іоаннъ Безземельный и Филиппъ Августъ приняли тотчасъ такія энергическія мѣры, что англійскіе и французскіе клирики не осмѣлились повиноваться папѣ, и продолжали совершать богослуженіе почти во всѣхъ провинціяхъ, пораженныхъ интердиктомъ. Но въ Римѣ ни у кого недостало сообразительности и энергіи на то, чтобы распорядиться такимъ образомъ. Ни Арнольдъ, ни республиканскій сенатъ не приняли никакихъ мѣръ противъ выполненія папскаго декрета. Церкви закрылись. Народъ оробѣлъ, растер ялся. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться популярностью и краснорѣчіемъ Арнольда для ободренія унывающихъ римлянъ, сенатъ сталъ искать спасенія въ уступкахъ, и попросилъ Арнольда удалиться изъ города, для того чтобы Римъ могъ помириться съ папою. Арнольдъ, съ своей стороны, вмѣсто того, чтобы собрать всѣ силы для рѣшительной борьбы, по первому приглашенію остроумнаго сената, удалился изъ Рима на лоно сельской природы, въ замокъ какого-то кампанскаго дворянина.

Подойдя къ Риму, Фридрихъ велѣлъ тотчасъ отыскать и схватить Арнольда, для того, чтобы передать его въ полное распоряженіе папѣ. Фридриху было, разумѣется, очень пріятно, что онъ такою бездѣлицею можетъ доставить папѣ великое удовольствіе. Получивши Арнольда, Адріанъ, разумѣется, приказалъ сжечь его, какъ можно скорѣе. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ концѣ мая, рано утромъ, у воротъ del Popolo, недалеко отъ трехъ самыхъ длинныхъ и населенныхъ улицъ Рима. Римляне вооружились и сбѣжались къ костру, когда уже все было кончено. Римляне поглазѣли, пожалѣли, покричали, и разошлись по домамъ.

Депутаты отъ республиканскаго правительства явились въ лагерь Фридриха и разсыпали передъ нимъ жемчугъ своего краснорѣчія. Распространившись достаточно о древнемъ величіи Рима, депутаты

объяснили Фридриху, что вѣчный городъ недавно сбросилъ съ себя несправедливую власть монаховъ, и теперь снова можетъ и долженъ подчинить весь міръ своему господству. Во имя всѣхъ великихъ подвиговъ, совершенныхъ древними и новыми Римлянами, во имя всѣхъ ихъ блестящихъ надеждъ и роскошныхъ претензій, депутаты потребовали отъ Фридриха, чтобы онъ, до своего вступленія въ Римъ, далъ клятвенное обѣщаніе соблюдать всѣ обычаи и древніе законы Рима, охранять гражданъ отъ своеволія варваровъ, и заплатить пять тысячъ ливровъ серебра тѣмъ чиновникамъ, которые, отъ имени римскаго народа, увѣнчаютъ его въ Капитоліи. Все это говорилось серьезно и торжественно тому самому человѣку, по приказанію котораго Арнольдъ Брешіанскій сдѣлался мученикомъ италіанской свободы.

Фридрихъ, разумѣется, далъ почувствовать краснорѣчивымъ депутатамъ всю тяжесть своего презрѣнія къ ихъ заносчивому и тупоумному безсилію. Онъ отвѣчалъ на ихъ требованія, что онъ, какъ государь, идетъ въ Римъ предписывать законы, и никому не давалъ и не дастъ права стѣснять его дѣйствія какими бы то ни было условіями. Осыпавъ новыхъ республиканцевъ насмѣшками и упреками за жалкое пародированіе древняго Рима, Фридрихъ прогналъ отъ себя депутатовъ, предоставляя имъ размышлять на досугѣ о гнусномъ равнодушіи сѣверныхъ варваровъ къ самымъ величественнымъ историческимъ воспоминаніямъ. Однакоже Фридрихъ не тронулъ республиканскихъ учрежденій Рима. Онъ только занялъ своими войсками Ватиканскій холмъ, на которомъ находился соборъ св. Петра, необходимый для коронаціи. Когда совершилась эта церемонія, Фридрихъ тотчасъ удалился въ свой лагерь, расположенный за стѣнами города, а римляне, обидѣвшись тѣмъ, что императоръ, обошелся безъ ихъ согласія и осмѣялъ ихъ депутатовъ, бросились толпою къ Ватикану и перебили тѣхъ нѣмцевъ, которые не успѣли выбраться изъ города. Фридрихъ, услышавъ объ этомъ движеніи, вышелъ изъ лагеря, напалъ на римлянъ, дрался съ ними впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, положилъ на мѣстѣ до тысячи республиканцевъ, и разсѣялъ остальную часть городской милиціи. Даже и послѣ этой рѣшительной побѣды, Фридрихъ не сталъ вмѣшиваться въ римскія дѣла, и не произвелъ никакой перемѣны въ республиканскомъ управленіи. Напротивъ того, онъ, на другой же день послѣ сраженія, удалился вмѣстѣ съ нами отъ Рима къ Тиволи. Лѣтніе жары привели за собою лихорадки, которыя заставили Фридриха уйдти какъ можно скорѣе изъ

римской Кампаньи. Дойдя до Анконы, Фридрихъ былъ принужденъ распустить большую часть арміи, потому что срокъ службы окончился, и нѣмецкіе бароны торопились воротиться домой. Оставивъ при себѣ сильный отрядъ, достаточный для того, чтобы совершить приличнымъ образомъ отступленіе, Фридрихъ самъ двинулся къ Альпамъ, и чуть чуть не погибъ при переходѣ черезъ рѣку Адижъ. На этой рѣкѣ Вероняне устроивали обыкновенно для императорскихъ армій плавучій мостъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Вероны, которая такимъ образомъ избавляясь отъ печальной необходимости отворять свои ворота нѣмецкимъ буянамъ и грабителямъ. Веронянамъ пришло въ голову, что они, посредствомъ этого моста, могутъ сразу отмстить Фридриху за всю Италію. Они построили мостъ такъ, что лодки, изъ которыхъ онъ былъ составленъ, были едва связаны между собою, и должны были разъѣхаться отъ перваго сильнаго толчка. Повыше моста, они заготовили нѣсколько здоровенныхъ плотовъ, связанныхъ изъ огромныхъ строевыхъ деревьевъ. Эти плоты рѣшено было пустить внизъ по теченію быстрой рѣки, такъ чтобы они разнесли мостъ въ дребезги, и разрѣзали отрядъ Фридриха пополамъ. Съ каждою изъ двухъ половинъ отряда Вероняне легко могли управиться собственными средствами. Замыселъ этотъ разстроился единственно оттого, что плоты опоздали на нѣсколько минутъ. Они разбили мостъ тогда, когда весь отрядъ Фридриха былъ уже за рѣкою. Фридрихъ видѣлъ ясно, какая западня была устроена для него трудами добрыхъ веронскихъ гражданъ, но у него было такъ мало воиновъ, что ему невозможно было заняться наказаніемъ виновныхъ. Онъ поспѣшно отправился дальше, и благополучно вернулся въ свою Германію.

XI.

Ронкальскій сеймъ.

Тортона не долго оставалась разрушенною. Какъ только Фридрихъ двинулся изъ Павіи въ Римъ для принятія императорской короны,—миланскіе консулы созвали въ Миланѣ *парламентъ* (народное собраніе), напомнили ему, что Тортоняне, изъ любви къ общему дѣлу, пожертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, и предложили ему обсудить, не пора-ли будетъ исполнить въ отношеніи къ

нимъ естественную обязанность вѣрныхъ союзниковъ. Парламентъ рѣшилъ, что надо немедленно выстроить Тортону заново на счетъ миланской общины. Государственная казна миланской республики не была на столько богата, чтобы сооружать на свой счетъ цѣлый городъ. Но парламентъ, составленный изъ всѣхъ взрослыхъ гражданъ Милана, вовсе и не хотѣлъ сваливать на казну эти экстраординарные расходы. Рѣшаясь оказать тортонянамъ такую безпримѣрно широкую помощь, Миланцы просто и совершенно сознательно налагали на себя обязанность развязать свои кошельки и высыпать изъ нихъ столько денегъ, сколько потребуется на данное предпріятіе. У кого не было кошелька, тотъ обязывался принести въ общую складчину свое время, свой трудъ, силы своего ума и своихъ рукъ.

Миланцы сразу откомандировали къ развалинамъ Тортоны цѣлую треть своего городскаго населенія. Изъ шести миланскихъ частей двѣ, Тичинская и Верчельская, цѣликомъ отправились на работы. Дворяне и горожане, конные и пѣшіе, всѣ пошли вмѣстѣ. Пока одни работали, другіе принуждены были драться, потому что Павійцы, упорные враги Милана и вѣрные союзники Барбароссы, всячески старались помѣшать возстановленію мятежной Тортоны. Отдежуривъ такимъ образомъ три недѣли, обѣ части воротились домой, а къ нимъ на смѣну пришли другіе двѣ части,—Ренцкая и Римская. Когда всѣ части перебывали на работахъ, тогда на мѣстѣ грязныхъ и закопченныхъ развалинъ оказался новый, красивый и крѣпкій городъ, въ который Миланцы съ торжествомъ ввели своихъ возлюбленныхъ друзей и союзниковъ, пострадавшихъ за общее дѣло республиканской свободы.

Наградивъ добродѣтель, Миланцы стали наказывать порокъ, то есть Павійцевъ, Кремонянъ и другихъ италіянскихъ союзниковъ императора. Въ теченіе 1156 и 1157 годовъ, Миланцы одержали надъ всѣми этими супостатами рядъ блестящихъ побѣдъ, вслѣдствіе которыхъ вліяніе Фридриха оказалось почти уничтоженнымъ на всемъ пространствѣ Ломбардіи. Черезъ два года послѣ возвращенія Фридриха въ Германію, всѣ слѣды его грознаго нашествія были заглажены, и Миланцы сдѣлались снова хозяевами сѣверной Италіи.

Весною 1157 года, Фридрихъ началъ приготовляться къ новому походу, направленному спеціально противъ Миланцевъ. Онъ пригласилъ всѣхъ имперскихъ князей явиться съ войскомъ въ городъ Ульмъ, къ Троицыну дню 1158 года, съ тѣмъ, чтобы прямо изъ Ульма идти въ Италію.

Походъ состоялся въ назначенное время, и армія, собравшаяся въ Ульмѣ, оказалась до такой степени многочисленною, что начальники признали удобнымъ раздѣлить ее на четыре большіе отряда, которые пошли черезъ Альпы по четыремъ различнымъ дорогамъ.

Первый ударъ обрушился на Брешію, находившуюся въ союзѣ съ Миланомъ. Но у Брешіанцевъ не хватило мужества подражать Тортонянамъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія Фридриха на ихъ территорію, они стали просить мира, заплатили значительную контрибуцію, и покинули Миланцевъ на произволъ судьбы. Остановившись лагеремъ въ Брешіанской области, Фридрихъ потребовалъ къ себѣ на судъ мятежныхъ Миланцевъ; депутаты отъ Милана явились по этому приглашенію, попробовали оправдать дѣйствія своей республики, и, по своему обыкновенію, предложили императору денежный подарокъ. Фридрихъ не принялъ отъ нихъ ни оправданій, ни денегъ, объявилъ Миланцевъ врагами священной римской имперіи, и приказалъ арміи готовиться къ осадѣ печестиваго города.

Въ то время; когда нѣмецкая армія приближалась къ Милану, Лодійцы толпами окружили императора, и, держа въ рукахъ кресты, стали умолять его со слезами, чтобы онъ позволилъ имъ наконецъ возстановить свой городъ, который, какъ извѣстно былъ разрушенъ Миланцами. Фридрихъ назначилъ имъ для новаго города холмъ Монтегеццоне, находившійся въ четырехъ миляхъ отъ стараго Лоди. На этомъ холмѣ онъ приказалъ положить въ своемъ присутствіи первые камни городскихъ стѣнъ, и къ концу года Лодійцы, за этими стѣнами, могли уже собственными средствами отстаивать отъ Миланцевъ свою независимость.

Въ началѣ августа, войско Фридриха, состоявшее изъ 100,000 пѣхоты, окружило Миланъ со всѣхъ сторонъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, Кремоняне и Павійцы натѣшились до сыта надъ роскошными нивами и садами Миланской области; они вырывали или сожигали виноградныя лозы, смоковницы и масличныя деревья, разрушали дома и хозяйственныя строенія, и убивали плѣнниковъ, которыхъ имъ удавалось захватить. Имъ хотѣлось не грабить, а истреблять; ими управляло не корыстолюбіе, а ненависть и жажда мщенія за недавнія побѣды Миланцевъ.

Блокада Милана не привела за собою тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ энергіи обѣихъ воюющихъ сторонъ и отъ естественной непримиримости сразившихъ-

ся принциповъ. Осажденные очень скоро начали чувствовать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; вслѣдъ за голодомъ въ городѣ появились заразительныя болѣзни. Въ началѣ сентября, Миланцы послали къ Фридриху депутатовъ съ просьбою о мирѣ.

Надо полагать, что осаждающая армія находилась также не въ блистательномъ положеніи. По крайней мѣрѣ, Фридрихъ обнаружилъ въ своихъ требованіяхъ такую умѣренность, которая совершенно не соотвѣтствовала ни его личному характеру, ни его постояннымъ политическимъ стремленіямъ. Миланцы съ радостью приняли его условія, и миръ былъ заключенъ 7 сентября. — По этому трактату, миланцы признали независимость городовъ Лоди и Комо, поклялись быть вѣрными императору, обязались выстроить ему на свой счетъ дворецъ, и выплатить ему, въ три срока, въ теченіе года, девять тысячъ марокъ. Кромѣ того, они отказались отъ регальныхъ правъ, которыми они владѣли въ своемъ городѣ и въ миланской области. Императоръ обязался не вводить арміи въ Миланъ, и удалиться отъ стѣнъ города послѣ полученія заложниковъ, которыхъ миланцы должны были ему выдать впредь до уплаты обѣщанной контрибуціи. Далѣе онъ утвердилъ право миланцевъ выбирать себѣ консуловъ въ народномъ собраніи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти консулы, при вступленіи въ должность, присягали въ вѣрности императору. Наконецъ, онъ призналъ право миланцевъ заключать союзы съ другими городами, и согласился распространить условія мирнаго договора на тѣ города, которые въ данную минуту находились въ союзѣ съ Миланомъ.

Подписывая этотъ договоръ, миланскіе политики горевали преимущественно о томъ, что ихъ республика теряетъ свои завоеванія—Лоди и Комо. Остальныя условія, — о присягѣ всего города, о присягѣ консуловъ, о регальныхъ правахъ, — казались имъ простымъ и невиннымъ освѣженіемъ старыхъ обычаевъ, которые, правда, начали порастать мохомъ забвенія, но при всемъ томъ никогда не теряли своего историческаго права на существованіе. Писанный законъ былъ весь цѣликомъ на сторонѣ императора; исторія всѣми своими хартіями оправдывала его требованія. Миланцы не могли предъявить ни одного такого документа, который освобождалъ бы ихъ отъ присяги, или отдавалъ бы въ ихъ распоряженіе регальныя права. Вся автономія Милана и другихъ итальянскихъ республикъ была явленіемъ незаконнорожденнымъ и непомнящимъ родства. Вслѣдствіе этого обстоятельства, всѣ италіян-

скіе республиканцы, — кромѣ венеціянцевъ, — поневолѣ были очень уступчивы въ области теоріи, гдѣ они дѣйствительно не могли найдти для своихъ притязаній никакой опоры. Такъ какъ большая часть условій въ договорѣ съ Фридрихомъ имѣла чисто-теоретическій характеръ, то есть, заявляла отвлеченныя верховныя права императора, то миланцы принуждены были признать справедливость этихъ условій.

Но для Фридриха заключенный договоръ былъ сносенъ только въ ожиданіи лучшаго. Фридрихъ вовсе не былъ расположенъ удовлетвориться отвлеченнымъ заявленіемъ своихъ верховныхъ правъ. Цѣль и задача всей его жизни именно въ томъ и состояла, чтобы осуществить на самомъ дѣлѣ всѣ тѣ притязанія императорской власти, которыя со временъ Карла Великаго, обратились въ пустые звуки. Для Фридриха, всѣ теоретическія условія договора были зародышами, заключавшими въ себѣ способность къ безконечному развитію. — Фридрихъ желалъ имѣть въ Миланѣ дворецъ. На что онъ ему былъ нуженъ? Не на тоже, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ отдавать его въ наймы и получать съ него доходъ? — Имѣя свой дворецъ, императоръ могъ пріѣзжать иногда въ Миланъ, и проводить въ городѣ по нѣскольку недѣль. Живя въ Миланѣ, императоръ могъ и долженъ былъ пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе на городскія дѣла. Уѣзжая изъ Милана, императоръ могъ оставить въ своемъ дворцѣ чиновника для окончанія какихъ нибудь дѣлъ, поступившихъ на разсмотрѣніе самого государя. Словомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при нѣкоторомъ искуствѣ, можно было понемногу придѣлать къ невинному дворцу императорскаго намѣстника съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ.

Конечно, дворецъ самъ по себѣ ничего не значитъ, и ничего не можетъ сдѣлать. Но тутъ все идетъ одно къ одному: и дворецъ, и консульская присяга, и регальныя права. — Консулы выбирались каждый годъ, и слѣдовательно каждый годъ должны были приносить присягу. Но гдѣ должна была совершаться эта церемонія,— въ Германіи или въ Миланѣ? Путешествіе въ Германію, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, было на столько затруднительно и даже опасно, что его не стоило предпринимать единственно для того, чтобы совершить простой обрядъ. Если же церемонія присяги должна была совершаться въ Миланѣ, то, разумѣется, тутъ необходимо было присутствіе довѣреннаго лица, которое, отъ имени императора, наблюдало бы за надлежащимъ исполненіемъ всѣхъ предписанныхъ формальностей. Однимъ изъ важнѣйшихъ регаль-

ныхъ правъ было право чекапить монету. Другія регальныя права заключались въ собираніи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ доходовъ. Отказываясь отъ этихъ регальныхъ правъ въ пользу императора, миланцы очевидно давали императору поводъ ввести въ ихъ городъ цѣлый штатъ чиновниковъ для завѣдыванія монетнымъ дѣломъ и всѣми оброчными статьями, которыя становились собственностью императорской казны. Представители высшей центральной власти очевидно не могли подчиняться консуламъ и народному собранію; такимъ образомъ, въ городѣ оказалось бы два правительства, которыхъ неизбѣжныя столкновенія подавали бы поводъ къ постояннымъ вмѣшательствамъ со стороны императора. Эти вмѣшательства, разумѣется, могли по немногу вытравить всѣ признаки республиканской свободы.

Трактатъ, заключенный Фридрихомъ съ миланцами, долженъ былъ или оказаться мертвою буквою почти во всѣхъ своихъ частяхъ, или обогатиться понемногу такими дополнительными и объяснительными условіями, при которыхъ миланская автономія сдѣлалась бы невозможною. Тотчасъ послѣ заключенія мира, Фридрихъ созвалъ на Ронкальскомъ полѣ сеймъ, и при его содѣйствіи началъ воздѣлывать зародыши, вложенные въ мирный договоръ.— Сеймъ составился многочисленный и блестящій. Съѣхались архіепископы и епископы, князья, герцоги, маркизы и графы, и наконецъ консулы и судьи всѣхъ италіянскихъ городовъ, признававшихъ верховную власть императора.

Разсужденіями сейма стали, конечно, управлять тѣ люди, на сторонѣ которыхъ находился перевѣсъ образованія, — то есть клирики и юрисконсульты. Благодаря вліянію этихъ двухъ корпорацій, сеймъ отличился безпримѣрною покорностью, такою покорностью, что самъ Фридрихъ не рѣшился воспользоваться всѣми уступками сейма въ ихъ полномъ объемѣ. Архіепископъ миланскій, въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь императора, выразился:

«Вамъ однимъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Фридриху, — слѣдуетъ заботиться о законахъ, о справедливости и о чести имперіи; вамъ предоставлено полное право предписывать народу новые законы; ваша воля сама по себѣ составляетъ основаніе справедливости; ваше письмо, приговоръ, указъ — немедленно становятся для народа закономъ. Не должна-ли, въ самомъ дѣлѣ, награда слѣдовать за трудомъ, и не долженъ-ли пользоваться наслажденіями власти тотъ, на комъ лежитъ тяжелая обязанность защищать насъ отъ враговъ?»

Юрисконсульты, сформированные Болонскимъ университетомъ, окончательно подкосили тѣхъ членовъ сейма, которые были расположены защищать права народа. Рѣчи пламенныхъ обожателей юстиніановскаго кодекса лились на магнатовъ и на консуловъ, какъ безконечные потоки холоднаго осенняго дождя. Не умѣя слѣдить за тонкою нитью извилистой юридической аргументаціи, не понимая мудреныхъ научныхъ терминовъ, не зная ни римскаго права, ни его исторіи, изнемогая отъ скуки и отъ безплодныхъ усилій сосредоточить свое вниманіе, — военные и торговые люди, засѣдавшіе на сеймѣ, доходили наконецъ до безсознательнаго и безчувственнаго состоянія, въ которомъ они готовы были согласиться на все, лишь бы только выбраться поскорѣе изъ подъ дождя болонскихъ изслѣдованій и доказательствъ. Практическіе люди, — магнаты и консулы, — помнили только смутно, что господинъ болонскій докторъ разсказываетъ имъ о римскихъ законахъ и учрежденіяхъ, и что, слѣдовательно, всѣ описываемые порядки должны быть превосходны, потому что у римлянъ, завоевавшихъ всю вселенную, или около того, разумѣется не могло быть въ государственной жизни ничего дурнаго, несправедливаго или нелѣпаго. И практическіе люди соглашались на все. Да и какъ могли они не согласиться? Чуть только они затѣяли бы споръ, болонскіе доктора тотчасъ завели бы снова свои машины часа на три или на четыре, и наконецъ, рано или поздно, практикамъ, доведеннымъ до одурѣнія, все-таки пришлось бы сдаться на капитуляцію и просить пощады. А тутъ же кстати и нѣмецкіе солдаты были подъ бокомъ на тотъ случай, если бы практикамъ вздумалось твердо стоять на своемъ, не прельщаясь никакими юстиніановскими сентенціями.

По требованію Фридриха, юристы подняли на сеймѣ вопросъ о регальныхъ правахъ, уже затронутый договоромъ съ миланцами. Сеймъ рѣшилъ, что регальныя права должны принадлежать императору, и что подъ этимъ именемъ должны подразумѣваться: право собирать таможенныя пошлины; fodero или право брать даромъ для войска съѣстные припасы; право содержать пристани, мельницы и рыбныя ловли; право собирать какіе бы то ни было доходы съ большихъ рѣкъ. — Кромѣ того, сеймъ рѣшилъ, что подданные должны платить императору подушную подать.

Всѣ эти рѣшенія сейма находились въ совершенной гармоніи съ духомъ и съ буквою римскаго права; но ихъ невозможно было помирить съ живыми явленіями тогдашней дѣйствительности. Достоинства и владѣнія герцоговъ, графовъ и маркизовъ уже давно сдѣ-

лались наслѣдственными; многіе города уже давно чеканили свою монету; таможни, пристани, мельницы, рыбныя ловли и всякіе рѣчные доходы давно находились въ рукахъ городовъ или помѣщиковъ, которые привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на свою неотъемлемую собственность. Перевертывать сразу весь этотъ установившійся порядокъ было такъ трудно и опасно, что Фридрихъ не рѣшился присвоить себѣ на самомъ дѣлѣ всѣ тѣ права, которыя сеймъ представлялъ ему въ теоріи. Онъ оставилъ регальныя права въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они, пользуясь доходами, платили ежегодный оброкъ императору, какъ верховному сюзерену.

Сеймъ призналъ, что право выбирать консуловъ и судей принадлежитъ императору, съ тѣмъ, чтобы выборъ соотвѣтствовалъ желаніямъ народа. Зародышъ, заключавшійся въ консульской присягѣ, началъ такимъ образомъ развертываться очень удачно. Пользуясь своимъ правомъ, Фридрихъ назначилъ въ каждый епархіальный городъ по одному новому судьѣ, который получилъ названіе *подесты*.

Создавая эту новую должность, Фридрихъ опредѣлилъ, что подеста непремѣнно долженъ быть уроженцемъ другаго города для того, чтобы онъ, при отправленіи своихъ судебныхъ обязанностей, не поддавался родственному пристрастію и не увлекался духомъ мѣстныхъ партій.

Наконецъ, сеймъ отнялъ право войны и мира у всѣхъ городовъ и магнатовъ. Если бы смѣлые приговоры и рѣшительныя запрещенія могли пересоздавать въ одну минуту всю физіономію дѣйствительной жизни, — то ронкальскій сеймъ положилъ бы конецъ всѣмъ частнымъ войнамъ на всемъ пространствѣ сѣверной и средней Италіи.

Д. Писаревъ.

ГЛУМОВЫ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

ПРАСКОВЬЯ ИГНАТЬЕВНА НАДУМЫВАЕТСЯ ѢХАТЬ ВЪ ГОРОДЪ.

Возвращаясь къ исторіи таракановскаго завода и къ печальной судьбѣ Прасковьи Игнатьевны, я напомню читателю, что онъ разстался съ моей бѣдной и темной героиней въ холодномъ и всѣми покинутомъ домѣ Глумовыхъ, у мертваго тѣла ея матери и у могилы ея мужа. «Все прахомъ пошло»!—думала Прасковья Игнатьевна, заливаясь слезами. Но чѣмъ больше она думала о своемъ прошломъ, тѣмъ неотвязчивѣе представлялся ей пьяный, избитый или лежащій въ гробу съ страшно измѣнившимся лицомъ мужъ. Сердце ея обливалось кровью; она старалась ни о чемъ не думать, но Курносовъ какъ тутъ — какъ только она закроетъ глаза; откроетъ глаза, ей какъ будто слышатся слова пьянаго мужа: «нетужи, Паруша! обѣщали»—«Черную немочь»! скажетъ съ сердцемъ и шопотомъ Прасковья Игнатьевна и опять задумается о прошломъ. «И что это за жизнь была! и дернуло же меня выйдти за приказнаго. Правда хорошо было подчасъ, больно хорошо»... и опять обливалось сердце кровью и она думала о настоящемъ. «Что мнѣ тутъ дѣлать, гдѣ голову преклонить?»— размышляла Прасковья Игнатьевна и стала серьезно раздумывать о переселеніи въ городъ.

Разсказы о городской жизни подбивали ее еще больше переселиться изъ Таракановскаго завода. «Не даромъ же Танька Крыжанова ушла въ городъ еще до моей свадьбы и не возвращается домой, а вонъ еще слѣпой матери къ пасхѣ три цѣлковыхъ послала; не даромъ вонъ и Кудряшева двоихъ дѣвокъ къ себѣ выписала». И Прасковья Игнатьевна стала засыпать и просыпаться съ одной мыслію—о поѣздкѣ въ городъ. «Тамъ меня никто не будетъ грызть».

На другой день она спросила дядю:

— Ты скоро въ городъ-то поѣдешь?

— Да къ Егорьеву дню надо-бы. А што?

— Ты меня свезешь?

Тимофей Петровичъ захохоталъ.

— Чему ты смѣешься! Эка невидаль какая! Не держать же намъ ее, сказала тетка, видимо тяготившаяся Прасковьей Игнатьевной, которая въ послѣднее время жила у родныхъ.

Вечеромъ Дарья Викентьевна стала отговаривать Прасковью Игнатьевну, чтобы она не ѣхала, что въ городѣ она наплачется и будетъ каяться, что ушла изъ завода, но Прасковья Игнатьевна и слушать не хотѣла.

Стала она собираться въ дорогу. Братья повидимому скучали; Дарья Викентьевна пуще прежняго злилась, но Прасковья Игнатьевна стояла на своемъ, уже четыре раза ходила въ главную контору за полученіемъ билета на жительство внѣ завода, даже продала одеженку Петра Савича за два рубля и эти деньги дала столоначальнику. Посовѣтовали сходить къ прикащику. Пришла, пожаловалась на главную контору.

— Я, душа моя, главной конторой не завѣдываю и въ ея дѣла не имѣю права вмѣшиваться... А тебѣ что за фантазія пришла идти въ городъ?

— Хочу.

Постоявши немного и посмотрѣвши на Прасковью Игнатьевну нѣсколько минутъ, прикащикъ вдругъ сказалъ.

— Иди за мной.

Ни жива, ни мертва пошла молодая женщина за прикащикомъ Прикащикъ вошелъ въ гостиную и сѣлъ въ кресло.

Прасковья Игнатьевна остановилась въ дверяхъ.

— Ты женщина красивая. Хочешь я тебя къ себѣ пристрою?

— Покорно благодарю, Аѳиногенъ Степанычъ.

— Нѣтъ, однако. Ты будешь жить барыней, дѣла тебѣ будетъ немного. Чай Курносовъ-то шишъ тебѣ оставилъ?

— Нѣтъ ужь вы увольте меня... въ городъ хочу.

— Какъ знаешь. А знаешь что я могу тебя и не отпустить и не отпущу, коли захочу, единственно изъ за твоего каприза. Вечеромъ я пошлю за тобой лошадь съ кучеромъ.

— Аѳиногенъ Степанычъ...

— Я тебя же жалѣючи говорю это, потому что въ городѣ вашего брата какъ безпріютныхъ собакъ... А я человѣкъ вдовый. Знаю я, что ты женщина честная; знаю и то, что ты не солоно хлебала за-мужемъ. А я могу тебя озолотить.

Прасковья Игнатьевна плакала.

Вдругъ лакей приноситъ прикащику бумагу. Прочитавши бумагу прикащикъ поблѣднѣлъ, но немного оправился.

— Такъ вечеромъ, Прасковья Игнатьевна, я за тобой пришлю. Отговариваться нечего...

Прасковью Игнатьевну бросило въ потъ отъ такого предложенія. Она всю дорогу плакала, такъ что всѣ, кто попадался ей на встрѣчу, съ удивленіемъ спрашивали ее, что съ ней, но она ничего не могла отвѣтить и ушла къ Корчагину.

— Василій Васильичъ! спаси ты меня! проговорила она, поклонившись ему въ ноги, и разсказала все, что говорилъ ей прикащикъ.

— Не нужно было тебѣ къ прикащику ходить. Ужь онъ извѣстенъ этимъ... Ты бы ко мнѣ раньше пришла, я бы устроилъ это дѣло.

Прасковья Игнатьевна осталась у Корчагина.

Между тѣмъ вдругъ по заводу пронеслась вѣсть о пріѣздѣ ревизора, вѣсть, взволновавшая все таракановское населеніе. Казаки или полицейскіе служители то и дѣло переходили изъ дома въ домъ и звали свободныхъ отъ работъ рабочихъ къ главной конторѣ и грозили тѣмъ, что если кто не придетъ, того завтра же пошлютъ на работы за полтораста верстъ. Рабочіе идутъ нехотя, ругаются. Они не знаютъ зачѣмъ ихъ зовутъ къ конторѣ,—да и подобныя сходки случались въ заводѣ нерѣдко.

Передъ конторой длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома въ де-

вять оконъ на улицу, противъ дома около воротъ, стояли, ходили и сидѣли на завалинкѣ конторскаго дома человѣкъ сто рабочихъ разныхъ лѣтъ въ халатахъ изъ зеленой китайки и армякахъ. Тутъ были старики, разсказывающіе окружавшимъ ихъ, молодымъ рабочимъ про прежнихъ исправниковъ, смотрителей, и управляющихъ; тутъ были люди серьезно страдающіе чахоткой, геморроемъ и т. п. болѣзнями, люди желающіе опохмѣлиться, люди бойкіе, постоянно спорящіе, говорящіе, хохочущіе, которые цѣлый день могутъ проболтать безъ устали языкомъ. Къ нимъ приходили новыя кучи рабочихъ.

— Опоздали, говорили имъ молодые рабочіе.

— Нѣтъ, не опоздали. А вы што тутъ, ково караулите?

— Тебя, штобъ ты къ Окулинѣ въ гости не ходилъ.

Въ толпѣ поднялся хохотъ.

Толки были разные; чѣмъ больше прибывало народу, тѣмъ больше говоръ усиливался, такъ что ничего нельзя было разобрать, кромѣ заливающагося хохота въ разныхъ мѣстахъ, да восклицаній.

— Илюха! Будь ты проклятая хвастуша и т. п.

Казалось, народъ былъ веселъ, но это только казалось. Рабочему человѣку если что кажется, то онъ крестится. Нельзя было тремъ стамъ рабочимъ стоять молча, къ тому же и люди все были знакомые.

— Штожъ, братцы, долголь намъ ждать-то? Я съ самаго утра пришелъ.

— Ну и до вечера простоишь.

— Это вѣрно. Я ономедни къ исправнику пришелъ еще черти въ кулачки не дрались, а домой воротился почью.

Въ толпѣ хохотъ.

— Братцы, глядите вверхъ, крикнулъ кто-то громко.

Всѣ стали смотрѣть вверхъ. Полетѣли фуражки съ головъ, снова хохотъ, многіе стали бороться.

А между тѣмъ въ конторѣ происходило что-то необыкновенное: тамъ служащіе перебѣгали изъ комнаты въ комнату, сторожа и бабы мыли стекла въ окнахъ. Это заняло рабочихъ и они стали острить надъ бабами.

Пріѣхалъ къ конторѣ исправникъ. Ему никто не снялъ шапки. Онъ кричалъ, чтобы ему дали проѣздъ, но рабочіе отъ нечего дѣлать рады были потѣшиться.

— Ну-ко проѣдь. Посмотримъ, какъ ты по намъ поѣдешь.

Исправникъ самъ ударилъ лошадь, которая рванулась впередъ и смяла одного рабочаго.

— Ужь смѣяться, такъ было бы надъ кѣмъ, а это што! сказалъ одинъ мастеръ.

— Хоть бы не ты говорилъ, да не мы слушали. Вотъ надъ тобой такъ стоитъ смѣяться. Вѣдь ты мастеръ, ну, а мастеръ, значитъ, первый плутъ, сосвѣтный мошенникъ.

— А вы первые воры: кто желѣзо воруетъ?..

— Ты первой.

Народъ не стоялъ въ одномъ мѣстѣ, а бродилъ по площади, человѣкъ по десяти стояли по угламъ.

— Ѣдетъ? кричали имъ со всѣхъ сторонъ.

— Штаны надѣваетъ, кричали стоящіе на углахъ.

Къ нимъ то и дѣло подходили женщины. Онѣ хотѣли дознаться сами: зачѣмъ мужиковъ къ конторѣ созвали?

— Куда ты лезешь, востроносая!

— Смотри, запряжетъ онъ тебя воду таскать.

Женщины ругались, мужчины ихъ гнали и онѣ стали отдѣльно отъ мужчинъ и разсуждали по своему:

— Ужь чего добраго, бабоньки, не волю ли хотятъ объявлять?

— Я тоже смѣкаю... Севодня во снѣ видѣла чистое поле, да рѣку большую.

— Болтай, пустомеля. Совсѣмъ не волю, а поди опять наряды какіе нибудь...

— Ну ужь дураки же будутъ мужики, если даромъ робить будутъ.

Ребята тоже стояли отдѣльно. Они то острили надъ бабами, то надъ мужиками, то боролись.

А дождь мочитъ и мочитъ незамѣтно.

Наконецъ, въ первомъ часу, показался изъ-за угла управляющій, ѣдущій въ пролеткѣ, запряженной въ двѣ сивыхъ лошади. Народъ сторонился, кое-кто изъ мущинъ снялъ фуражки, бабы поклонились, а управляющій сдѣлалъ только разъ подъ козырекъ.

Управляющій вошелъ въ контору а народъ столпился въ одну массу, только женщины стояли позади. Ребята забрались впередъ.

Вышелъ на крыльцо управляющій, прикащикъ и исправникъ. Исправникъ крикнулъ рабочимъ:

— Шапки долой!

Рабочіе лѣниво сняли фуражки и шапки, женщины перекрестились.

— Ребята, къ намъ ѣдетъ ревизоръ. Слышите!

Рабочіе поглядѣли другъ на друга; десять человѣкъ надѣли фуражки, за ними стали надѣвать и другіе. Женщины стояли на носкахъ съ разинутыми ртами и рабски-боязливо смотрѣли изъ-за головъ мужчинъ на начальство.

— Вамъ сказано шапки долой! крикнулъ исправникъ.

Въ толпѣ прошелъ не ясный гулъ, начался шопотъ, толкотня подъ бока, молодые прятали свои головы за спины старыхъ рабочихъ.

— Я васъ всѣхъ перепорю! Сказано, шапки долой?!

— Самъ скидывай со своей башки чучелу-то, сказалъ кто-то. Народъ заволновался, заговорилъ.

— Смирно!!

Народъ затихъ, а одинъ старикъ проговорилъ:

— Коли ты насъ, ваше благородье, за дѣломъ звалъ, дѣло и говори. Мы народъ рабочій, намъ время дорого. Мы, какъ бы то ни было, люди....

— Молчать!

— Нечего стращать-то.

Народъ захохоталъ; женщины, какъ видно, струсили и далеко отошли отъ мужчинъ.

— Слушайте, началъ управляющій, чтобъ ни одна шельма не смѣла жаловаться ревизору, чтобы никто и пикнуть не смѣлъ. Когда онъ пріѣдетъ, вы соберитесь на площади и кричите: ура!

— Какой бойкой! да намъ и не выговорить такое слово, проговорилъ кто-то не громко, прочіе толкали другъ друга въ бока, шептали что-то, хохотали.

— Понимаете, что я вамъ сказалъ?

— Не глухіе вѣдь, сказалъ одинъ. Заговорили всѣ.

— Эй, кто грамотные! въ контору! крикнулъ исправникъ и начальство ушло въ контору.

Говоръ начался неописанный; на что женщины — и тѣ голосили больше всѣхъ.

— Эхъ вы! еще мужики называетесь! Ну гдѣ у васъ разсудокъ-то, у дураковъ?...

— Да я бы ему за его слова просто въ лицо наплевала. Ишь говоритъ: я васъ всѣхъ перепорю; командеръ какой!

— Ну, ну, не ваше дѣло, широкоротыя!

— Стыдно вѣрно. Погоди: ужо я буду тебя стрaмить.

— Вотъ, братцы, диво: у насъ ревизоръ-то былъ годовъ девять! говорили старики...

— Да онъ вретъ: за какимъ дьяволомъ ревизору къ намъ ѣхать.

— Нѣтъ тутъ должно быть штука: смѣнять вѣрно онъ управляющаго хочетъ.

— Хорошее бы дѣло сдѣлалъ.

— Эй, бабы! идите писать въ контору.

— Братцы, ай да въ кабакъ!

— Подь ты къ лѣшимъ! Нѣтъ вотъ онъ меня совсѣмъ смутилъ: зачѣмъ ревизоръ сюда ѣдетъ?

— Вѣрь ты имъ...

— Смотри, ребята, сколько грамотѣевъ-то идетъ—четверо!

Всѣ захохотали. Изъ трехъ сотъ человѣкъ рабочихъ писать не умѣли сто человѣкъ. Двое рабочихъ долго ловили одну молодую женщину и притащили ее къ исправнику.

— Вотъ тебѣ грамота! сказали они.

— Штожъ намъ, уходить? спросили рабочіе исправника.

— Завтра извольте на господскую улицу шлаку навозить, сказалъ исправникъ.

— Рубь дашь за сутки?

— Бороды остричь, волосы подравнять, явиться, когда пріѣдетъ ревизоръ, не въ лохмотьяхъ...

— Толкуй еще: бабамъ обручи надѣвать, мужикамъ кургузки съ хвостиками (фраки) надѣть. Уменъ братъ ты, какъ попъ Семенъ, а тотъ, кто дѣлалъ тебя исправникомъ, еще вѣрно умнѣе тебя... говорили въ толпѣ.

Рабочіе стали расходиться.

Между тѣмъ четверо грамотныхъ стояли въ прихожей у дверей и ждали что-то будетъ. Они смотрѣли въ комнаты, гдѣ писцы, изогнувшись на разныя манеры, строчили по бумагѣ перьями. Ихъ это смѣшило и они о каждомъ судили по своему вполголоса. Ихъ смѣшило то, какъ управляющій, важно сидя въ предсѣдательскомъ креслѣ, распекалъ прикащика, потомъ столоначальника, который вдругъ поклонился ему въ ноги. Въ конторѣ писцы переговарива-

лись тихо, только и слышенъ былъ пискливый голосъ управляющаго. Сторожа беззастѣнчиво подходили къ писцамъ, небрежно обращались съ ними; но писцы, какъ видно, хотѣли показать нашимъ грамотѣямъ, что они люди не послѣдніе: они, заложивъ перья за уши, шаркая ногами, проходили мимо ихъ, курили папиросы въ прихожей, пуская дымъ въ форточку.

— Што, боязно курить-то, сказалъ одинъ рабочій.

Писцы молчали.

— Ловко вѣрно онъ васъ покостылялъ... А вы скажите, зачѣмъ онъ насъ звалъ сюда?

— Адресъ подписывать.

— Какой?

— Не знаю.

Управляющій позвалъ рабочихъ въ присутствіе.

— Только? спросилъ онъ сердито.

— Только, ваше благородье, остальные еще склады учатъ.

— Подписывай вотъ тутъ свою фамилію.

Рабочій не шевелится.

— Што же ты?

— Да какъ же можно подписывать, коли не знаешь суть. Можетъ мы на свою голову подписываемъ.

Управляющій объяснилъ, что тутъ заключается благодарность ревизору за... и прочее.

— Не будемъ мы подписывать.

— Вотъ вамъ десять руб. только подпишите и убирайтесь къ чорту.

— А што же, подпишемъ? Десять цѣлковыхъ деньги, ребята, говорили двое шопотомъ.

— Не надо намъ и десяти рублей, сказалъ третій, и сталъ стыдить остальныхъ.

Управляющій приказалъ прикащику назначить рабочихъ сейчасъ же въ тяжелыя работы, рабочіе помялись и подписали бумагу, содержаніе которой имъ не дали прочитать.

Весело рабочіе погуляли этотъ день: всѣ заводстіе кабаки были полны. Рабочіе говорили, что день у нихъ, по милости начальства, пропалъ и они разсудили закончить его пьянствомъ. Хозяева кабаковъ говорили:

— Хорошо-бы было, если бы эти сходки у насъ чаще бывали.

Хозяева этихъ кабаковъ были преимущественно отставные мастера, которыхъ рабочіе не любили прежде за самосудство, а теперь помирились съ ними ради кабака.

— Штожъ, братцы, теперь дѣлать: бабы толкуютъ ревизоръ намъ чистую волю хочетъ привезти.

— Ахъ ты большая голова! Хорошъ рабочій, безмозглой бабы слушается.

— Нѣтъ, это вѣрно: даромъ ревизору ѣхать сюда—все равно што время терять.

— Ты бы лучше говорилъ: надо ему обсказать все, какъ слѣдуетъ: какіе теперича у насъ порядки—кто палку взялъ тотъ и капралъ!

— Надо про все сказать.

— А до той поры робить не надо!

— Ты вотъ, какъ пьянъ, такъ боекъ, а коснись дѣло трезвому, такъ во роту каша застынетъ. Дуракъ!!

— И ты хорошъ, штейгеру служишь.

— Кто служитъ штейгеру?.. Гдѣ этотъ подлецъ? закричали человѣкъ пять.

— Вотъ онъ!

Дѣло кончилось дракой. И не въ одномъ кабакѣ была драка. Мужчины далеко заполночь хороводились, а женщины суетились, сами не зная отъ чего. Не одна изъ нихъ перерывала въ сундукахъ свои вещи, пересмотрѣла подвѣнечное платье, вдѣла сережки въ уши, сбѣгала къ сосѣдкамъ покалякать о томъ, чтобы приличнѣе было надѣть, когда пріѣдетъ ревизоръ и спорили между собой: сѣдой онъ или нѣтъ, высокій или низкій, толстый или тонкій, злой или добрый...

Многіе изъ рабочихъ сочиняли прошенія ревизору на управляющаго и прикащика, читали, переписывали, но выходило и не ладно и не складно. Это женщинъ очень злило.

— Вы только на словахъ бойки!.. Вотъ и видно что у васъ нѣту ни на грошъ ума—разума! кричали онѣ; а еще хорохоритесь.

Прошла недѣля. Начальство успокоилось. Оно ежедневно получало рапорты отъ повѣреннаго, что ревизоръ еще не тронулся; но ра-

бочіе совсѣмъ изумились. Многіе изъ нихъ даже гривенныя свѣчи ставили, чтобы ревизоръ пріѣхалъ поскорѣе.

Пріѣздъ ревизора въ заводъ серьозно занялъ всѣхъ тараканов-цевъ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не видалъ нынѣш-няго ревизора. И поэтому каждый, ожидая его, чувствовалъ какой-то страхъ. Почти каждый думалъ: хорошо-бы разсказать ему о худомъ житьишкѣ, вѣдь онъ большой человѣкъ и все можетъ сдѣлать. Недаромъ же его такъ боятся. У каждаго были знакомые и родные, живущіе въ другихъ заводахъ, и они разсказывали, что ревизоръ не кричитъ на рабочихъ, а начальниковъ распекаетъ бойко. Надеждъ у каждаго было много, каждый разговаривалъ только о немъ и всякій изъ тараканов скихъ жителей, не видѣвшій ревизора, уже хвалилъ его; женщины не давали покою мужчинамъ.

— Если вы, олухи царя небеснаго, будете смотрѣть на него, да хлопать ушами, мы вамъ не жены.

— А вы прытки больно: сами и суньтесь къ нему!

Жены совсѣмъ сбили съ толку мужчинъ. Мужчины сдѣлались задумчивы, работа валилась изъ рукъ, дѣлалась нехотя; прекратились пѣсни, пьянство; въ домахъ воцарился разладъ: мужья сердились на женъ за всякую всячину, жены корили мужей безтолковостью; ревновали... Одни только ребята не обращали вниманія на пріѣздъ ревизора, а ждали, что вотъ и они узнаютъ, что такое ревизоръ, о которомъ они, какъ и женщины, имѣли сказочное понятіе.

Наконецъ пріѣхалъ и ревизоръ. Первая объ этомъ узнала дѣвочка. Она розыскивала корову и мимоходомъ увидала около господскаго дома солдата, хотя солдаты были и не рѣдкость въ заводѣ; еще недавно таракановцы кормили двѣ роты, но у господскаго дома раньше солдатъ не стояло и потому дѣвочка подошла къ солдату довольно близко. Она полюбопытствовала.

— Не подходить! крикнулъ на нее солдатъ.

Дѣвочка вздрогнула, но не пошла прочь. Солдату хотѣлось развлечься.

— Убью! крикнулъ онъ.

— Оо-ой! такъ вѣдь и испугались!

— Тебѣ говорятъ уйди. По тротуарамъ не велѣно ходить... Самъ здѣсь.

— Ой да што это!...

— Пошла! ты думаешь я калякать съ тобою стану! Ревизоръ здѣсь! и онъ такъ толкнулъ дѣвочку, что она два раза перевернулась около тротуара.

У кабака стояли двадцать семь рабочихъ. Въ самомъ кабакѣ тѣсно, тамъ пѣсни и пляски.

— Семенъ, дай на косушку.

— Нѣту, братецъ, у самово. Голова во какъ болитъ! Э....

— А штобъ этого левизора!... Ничего не сдѣлаешь.

— Толкуй! прикащикъ што говорилъ: всѣмъ быть на работахъ, бочку вина обѣщалъ.

— Кабы теперь эта бочка.

Подходитъ казакъ.

— Ахъ вы, штобъ вамъ всѣмъ лопнуть!... На работу. Левизоръ пріѣхалъ.

Рабочіе съ испугомъ обзирали казака, но немного погодя пошли на фабрики.

Бабы то и дѣло бѣжали куда-то; но скрытничали другъ передъ дружкой.

— Ты куда?

— Ой не говори, некогда.

— Да ты видѣла?

— Видѣла. Ружье у него. О!

Подбѣгали они къ тому мѣсту, гдѣ кончается улица и начинается площадь. Съ этого мѣста видно было господскій домъ. Дальше онѣ боялись идти.

— Дѣвонька... это левизія? спрашивала баба свою сосѣдку, указывая рукой на солдата.

— Ишь солдатъ. Онъ ево стережетъ.

— А што-жь онъ убѣжитъ разѣ?...

— Толкуй! Коли левизоровъ стерегутъ... такъ што послѣ эвтова съ намъ-то?...

— Дура ты, дѣвонька. Солдаты баяли, што они потому такъ торчатъ, штобы не украли. А ты разсуди: наши мужики разѣ понимаютъ што? возьмутъ, да и утащатъ.

— Гляньте: онъ сюда смотритъ.

И бабы шли назадъ и толковали между собой только Богъ одинъ вѣдаетъ о чемъ. Они были очень довольны, что видѣли солдата. Ре-

бята были посмѣлѣе, тѣ долго стояли противъ господскаго дома, но казаки разогнали ихъ.

Толки пошли по всему заводу различные и разговаривали все про ревизора. Одни говорили, что видѣли ревизора, другіе третировали солдата.

Къ первому часу казаки собрали свободныхъ отъ работы мужчинъ на площадь. Мужчины не знали, зачѣмъ ихъ собираютъ. За мужчинами пошли бабы, но ихъ прогнали. Онѣ все-таки стояли въ улицѣ такъ, что видѣли и господскій домъ и мужиковъ.

Часъ простояли, два. Рабочихъ было до пяти сотъ. Подъѣхалъ къ рабочимъ на пролеткѣ исправникъ.

— Сію минуту ревизоръ подъѣдетъ къ вамъ, ура, кричите; и онъ крикнулъ: ура! и поѣхалъ назадъ....

— Кабы тѣ опохмѣлиться... Крикнули бы—ухъ какъ! разсуждали мужики.

— Што-то будетъ съ мужиками?... глядите, какъ исправникъ горячится: откуда и голосъ взялся, разсуждали бабы.

Пріѣхалъ прикащикъ и всталъ около рабочихъ, заговорилъ съ ними любезно; его окружили. Вдругъ вышелъ изъ подъѣзда господскаго двора тоненькій, низенькій человѣкъ, въ горной инженерной формѣ, и сѣлъ въ коляску съ управляющимъ. За нимъ ѣхали въ линейкахъ горные чиновники, скакали на лошадяхъ исправникъ и козакъ. Поравнявшись съ рабочими, ревизоръ поднялъ лѣвую руку къ шапкѣ, мужики сняли фуражки и шапки.

— Ура! крикнулъ прикащикъ и протянулъ правую руку съ бумагой Но никто изъ рабочихъ не подхватилъ за прикащикомъ «ура!»

— Что это? спросилъ ревизоръ прикащика, указывая на бумагу, которую тотъ держалъ.

— Рабочіе вашему пр-ву подносятъ адресъ.

— Хорошо. Благодарю!! и взявъ лѣвою рукою бумагу, онъ правою поднялъ руку управляющаго и велѣлъ ѣхать на фабрики. Прикащикъ обругалъ рабочихъ и поѣхалъ за начальствомъ. Народъ повалилъ за нимъ.

Бабы были въ восторгѣ. Между ними завязался споръ. Однѣ говорили, что лицо у ревизора желтое, другія — зеленое, третьи говорили, что у него глаза блестятъ. Но все-таки всѣ пошли за мужиками.

Около фабрикъ, на плотинѣ стояло много народа. Народъ постоянно прибывалъ, но женщины стояли за мужчинами. Веселости не было, говорили шопотомъ; время казалось каждому длинно.

Ревизоръ осмотрѣлъ работы, распекъ для вида заводское начальство и даже показалъ ему, какъ нужно для какой-то штуки печь топить; рабочіе смотрѣли на него во всѣ глаза и ждали случая сказать ему что-то; но онъ, повидимому, избѣгалъ даже того, чтобы остановиться близко рабочаго. Когда онъ сталъ выходить изъ фабрики, разговаривая съ механикомъ англичаниномъ, то одинъ рабочій сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Левизоръ!

Ревизоръ остановился, поглядѣлъ на право и на лѣво и спросилъ.

— Кто говоритъ? Сюда!!

Рабочіе почувствовали начальническій тонъ, лица заводскаго начальства измѣнились, сказавшій слово рабочій поглядѣлъ на товарищей и подошелъ къ ревизору, около котораго стояло заводское начальство.

— Говори! сказалъ строго ревизоръ.

— Вотъ што ваше благо... ваше... теперича... а теперича... тово... началъ оробѣвшій рабочій.

— Что?

— Покажи теперича... теперича обижаютъ; сына застегали... голубчикъ...

— Онъ сумасшедшій в—во, сказалъ управляющій.

— А! Ну такъ отослать его въ сумасшедшій домъ. Ахъ позвольте, Карлъ Иванычъ: у васъ рабочіе всѣ должно быть сумасшедшіе.

Управляющій растерялся.

— Этотъ по ошибкѣ попалъ... сказалъ прикащикъ.

— Не съ вами говорятъ! крикнулъ ревизоръ и вышелъ изъ фабрики.

Увидѣвъ народъ, онъ спросилъ управляющаго:

— Отчего эти не работаютъ?

— Они... они...

— Они... Я вижу, что они давно они... передразнилъ управляющаго ревизоръ и вдругъ крикнулъ народу:

— Довольны ли вы??

Всѣ молчатъ. Молодые пятятся за стариковъ, бабы начинаютъ

выдвигаться впередъ. Одна старуха подошла къ ревизору и бросилась къ нему въ ноги съ воемъ.

— Батюшка! голубчикъ!... помилуй... Всегда покосомъ пользовались, отняли теперь.

— А!... Лошадь?!

Вмигъ подали лошадь и ревизоръ съ легкостью резиннаго мячика сѣлъ въ пролетку и поѣхалъ. За нимъ поѣхала свита. Управляющій подошелъ къ народу.

— Я васъ подлецы! я в-васъ!!.. по домамъ!! потомъ уѣхалъ самъ.

Народъ заволновался. Больше всѣхъ голосили бабы.

— Ну не правда ли, что вы свиньи! отъ чего вы не говорили. А?

— Ну-ну, ты первая молчала.

— Ахъ, штобъ вамъ околѣть совсѣмъ! Ну зачѣмъ вы, безмозглые, шли-то сюда?

Мало этого, жены стали плевать на мужей, мужчины стали ругаться между собой.

— Ты што говорилъ? я, говоритъ, первый начну, а зачѣмъ за Окульку спрятался?

— Да одинъ бы...

— Будьте вы прокляты хвастуши. Вотъ и надѣйся. На словахъ такъ города берете.

Половина разошлась по кабакамъ, изъ остальныхъ одна половина пошла домой, другая на площадь къ господскому дому. Въ верхнемъ этажѣ господскаго дома играла музыка, передъ домомъ стояли линейки, двѣ кареты. Человѣкъ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ подошли къ солдату и стали спрашивать его: увидятъ ли они еще ревизора? Тотъ объявилъ, что ревизоръ послѣ обѣда уѣзжаетъ изъ завода. Это удивило рабочихъ.

— Да ты врешь! какъ же прежде, говорятъ, левизоры виномъ поили, а теперь...

— Положенья такого нонѣ нѣтъ, потому бунтуете очень.

— Братцы, солдата надо водкой поподчивать. Солдатъ, айда въ кабакъ...

— Нельзя.

— Вотъ тебѣ разъ! Водку пить нельзя? Да онъ братцы смѣшной какой-то. Пойдемъ, говорятъ. Мы тебя угостимъ.

— Уйдти нельзя, караулъ!

— Дуракъ братъ ты — караулъ нашелъ! Да ты чево караулишь то?

— Служба такая—законъ... Ничего я не караулю...

— Жалко ево, братцы. Илюха, бѣги купи полуштофъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ одинъ рабочій принесъ полуштофъ. Солдатъ выпилъ немного, еще выпилъ и скоро весь полуштофъ выдулъ, а какъ выдулъ и расположился спать подъ окнами, ружье положивъ подъ голову.

Рабочихъ это долго смѣшило и они цѣлый день разговаривали про этого солдата.

Бабы стали миролюбивѣе.

Но больше всѣхъ перетрусилось заводское начальство. Оно знало, что за нимъ много есть тайныхъ грѣшковъ въ уѣздномъ судѣ и въ другихъ высшихъ инстанціяхъ, есть много важныхъ дѣлъ, по которымъ оно обвиняется въ жестокостяхъ и притѣсненіяхъ рабочихъ, въ воровствѣ и т. п. Но никто такъ не трусилъ, какъ управляющій.

Карлъ Иванычъ Риттеръ былъ сынъ горнаго инженера, человѣка небогатаго, который умеръ рано. Обучался онъ въ горномъ институтѣ и, окончивъ въ этомъ заведеніи курсъ наукъ, былъ посланъ съ чиномъ поручика на службу въ горные заводы. О горнорабочихъ онъ имѣлъ такое же понятіе, какъ о жителяхъ луны. По теоріи онъ зналъ, гдѣ и какой долженъ быть грунтъ земли, въ какомъ мѣстѣ должна быть руда, но на практикѣ выходило иначе. Приказывалъ онъ рыть гору въ такомъ-то мѣстѣ, гору рыли, но руды или было такъ мало, что разработку должно было бросать или руды вовсе не было; въ рудники спускаться онъ боялся и поэтому оказывалось, что штейгера знали лучше его. Впрочемъ онъ со словъ стариковъ и штейгеровъ описывалъ рудники, происхожденіе руды, но надъ этими описаніями долго бы хохотали рабочіе. Прослужилъ онъ горнымъ смотрителемъ два года, нажилъ порядочный капиталъ, ему показалось скучно жить въ провинціи, и онъ, подъ предлогомъ усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ, уѣхалъ за границу. Оттуда онъ вернулся баріномъ и съ пустымъ карманомъ, женился на дочери знатнаго человѣка въ горномъ мірѣ и былъ опредѣленъ горнымъ начальникомъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ этой должности, онъ нисколько не обращалъ вниманія на положеніе рабочихъ, требовалъ,

чтобы рабочіе не получали *даромъ* усадьбы, покосы, провьянтъ и старался нажить себѣ состояніе посредствомъ тихаго общипыванія казны. Наконецъ, бывши за границей, владѣльцы таракановскихъ заводовъ уполномочили его на управленіе своими заводами и онъ вышелъ въ отставку, потому что владѣльцы назначили ему жалованье въ 15 т. р. с., господскій домъ и опредѣленное количество процентовъ съ выплавленныхъ металловъ.

До двухъ часовъ ночи управляющій совѣтовался съ своею правою рукою—прикащикомъ, какъ ему лучше принять ревизора, главное, чтобы не дать замѣтить безпорядковъ. Прикашикъ увѣрялъ, что адресъ, который онъ подастъ ревизору отъ имени рабочихъ, выручитъ ихъ изъ бѣды, потому что въ адресѣ рабочіе очень радуются пріѣзду ревизора, благодарятъ его за то, что онъ далъ имъ хорошаго управляющаго и потому вѣчно будутъ молить Бога за него...

Среди хлопотъ прикащикъ забылъ о Прасковьѣ Курносовой. Рабочіе съ утра до вечера работали на площадяхъ, на улицахъ, вычищая и выметая все грязное, замѣченное прикащикомъ; нѣсколько каменныхъ домовъ бѣлили; училище было переведено изъ столярни въ каменный домъ; мальчикамъ выдали по рублю денегъ для того, чтобы они хоть какъ нибудь обулись и повязали шеи платками; вездѣ была суетня; даже бабы и тѣ суетились, проклиная свою жизнь... Всѣ готовились какъ къ большому празднику.

Вотъ въ это-то суетливое время Корчагинъ и отправился къ столоначальнику главной конторы, которому онъ прошлаго года дѣлалъ рамы въ окна.

— Отвяжись ты съ своимъ паспортомъ! Никого невелѣно выпускать изъ завода, сказалъ тотъ.

— Да вѣдь баба не мужикъ; съ нея на заводѣ работы неспрашивается.

— Нельзя.

Корчагинъ положилъ на столъ пятирублевую ассигнацію. Столоначальникъ на первыхъ порахъ не зналъ, что и дѣлать: хочется и деньги взять, а если взять такъ надо билетъ дать, а билеты не велѣно давать: есть приказъ въ его столѣ отъ управляющаго.

— Ну была не была! только для тебя, Корчагинъ, дѣлаю это. Да и что тебѣ за фантазія непремѣнно теперь билетъ получать.

— Священникъ проситъ; а время не терпитъ; какъ можно, говоритъ, скорѣе посылай мнѣ свою племянницу, говорилъ Корчагинъ столоначальнику.

— Значитъ ты его надулъ.

— Надулъ.

Ночью Корчагинъ выѣхалъ съ Тимофеемъ Глумовымъ въ городъ, съ ними поѣхала и Прасковья Игнатьевна. Родственникамъ ихъ было заказано, что если спросятъ Прасковью Игнатьевну, то сказали бы, что она пошла третьяго дня къ прикащику и съ тѣхъ поръ ее не видали, а Корчагинъ и Тимофей Глумовъ поѣхали на ярмарку въ спасскій заводъ, находящійся отъ тараканов скаго въ семидесяти трехъ верстахъ и принадлежащій тоже тараканов скимъ владѣльцамъ.

ГЛАВА II.

Мастеръ Подкорытовъ и купецъ Бакинъ.

До города Корчагинъ, Глумовъ и Прасковья Игнатьевна ѣхали сутки. Дорогой вездѣ, гдѣ они ни останавливались, жители были перепуганы извѣстіемъ, что скоро поѣдетъ въ тараканов скій заводъ ревизоръ, распрашивали ихъ что-то теперь подѣлываетъ заводоуправленіе и зачѣмъ они недождались пріѣзда ревизора? Тараканов цы отвѣчали на эти вопросы нехотя, отрывочно, потому что они торопились въ городъ. У нихъ были свои заботы и оба они очень боялись того, чтобы ихъ непагнали, не обыскали и не воротили въ заводъ. А каждый изъ нихъ ѣхалъ въ городъ съ извѣстною цѣлію. Такъ Глумовъ везъ два куска мѣди, три полосы желѣза, и разныя желѣзныя и чугунныя вещи за пазухой, кромѣ того у него были спрятаны двѣ серебряныя ложки, отлитыя имъ въ кузницѣ, а Корчагинъ везъ фунта полтора золота, которое онъ купилъ у промысловыхъ рабочихъ и которое везъ теперь извѣстному богачу раскольнику Бакину, внуку того Бакина, который прежде былъ управляющимъ тараканов скими заводами. Какъ Глумовъ, такъ и Корчагинъ уже не въ первый разъ возили золото, мѣдь, желѣзо и чугунъ въ городъ и никогда непопадались. Однако и на этотъ разъ они добрались до города благо-

получно. Прасковья Игнатьевна, сидя по срединѣ долгушки очень рада была своей поѣздкѣ и не знала какъ благодарить Корчагина за то, что онъ не допустилъ прикащика наругаться надъ нею.

Показались новинькіе домики съ крышами и безъ крышъ, дворы ничѣмъ неогороженные; потомъ дворы огороженные плетнемъ, дощаными заплотами, дома лѣпились другъ къ другу.

— Ты, Вася, возьми къ себѣ племянницу-то, сказалъ Глумовъ Корчагину.

— А на твоей квартирѣ развѣ нельзя?

— То-то што негдѣ. У Потѣева-то всего одна канура, а ребятъ свора. Вѣдь онъ птичникъ что называется первый. У него годицъ поди штукъ сто.

— Тутъ тоже ребята; все молодежь. Впрочемъ они теперь въ мастерской спятъ.

— Какъ-же мнѣ тамъ?.. Нѣтъ я, дядя, съ тобой, говорила Прасковья Игнатьевна.

— Дура! Тамъ и накормятъ, а у Потѣева-то впроголодь.

Прасковьѣ Игнатьевнѣ очень не хотѣлось поселиться на первый разъ въ городѣ съ постороннимъ человѣкомъ; она обидѣлась на дядю и когда Корчагинъ остановилъ лошадь передъ пятиоконнымъ деревяннымъ домомъ и вылѣзъ изъ долгуши, вылѣзла и она.

— Такъ на рынкѣ увидимся! сказалъ Глумовъ Корчагину.

— Увидимся. Пойдемъ Прасковья Игнатьевна... Однако што это такое? и Корчагинъ сталъ смотрѣть на окна.

Такъ какъ былъ вечеръ, то въ окнахъ виднѣлись зажженныя свѣчи, два окна были отворены и изъ дома слышались крики, визгъ, пляска.

— Никакъ свадьба? заключилъ Корчагинъ и отворилъ калитку во дворъ, за нимъ боязливо вошла и Прасковья Игнатьевна. Тимофей Петровичъ, между тѣмъ, уже скрылся въ переулкѣ.

Дворъ большой, по бокамъ крытый навѣсомъ. На лѣво въ домѣ два окна, имѣющія разстоянія отъ фундамента полтора аршина, немного подальше оконъ парадное крыльцо съ полутора десятками ступенекъ, на которыя посланъ половикъ, за крыльцомъ выходило во дворъ маленькое окошечко. Противъ крыльца и оконъ, у заплота лежатъ груды камней, двѣ мраморныя плиты, къ заплоту поставлены два мраморныхъ креста. Подъ навѣсомъ у заднихъ построекъ бро-

дятъ двѣ здоровыя лошади, запряженныя въ заводскія долгушки, околоченныя фигурально желѣзомъ, и выкрашенныя голубой краской. Корчагинъ обошелъ крыльцо; за угломъ домъ имѣетъ видъ двухэтажнаго, полукаменнаго, верхній этажъ недавно обшитъ тесомъ, въ немъ два окна, а въ нижнемъ три окна и дверь. Далѣе небольшая рѣшетка огораживаетъ маленькій садикъ, въ которомъ стояли небольшой простой работы столъ и двѣ табуретки.

Все это, кромѣ двухъ лошадей, запряженныхъ въ долгушки, принадлежитъ мастеру гранильной фабрики, Гаврилу Поликарповичу Подкорытову.

Подкорытовъ еще съ дѣтства пріучался вырѣзывать на камнѣ что угодно, и работа его до сихъ поръ въ славѣ. Обучись онъ въ академіи, изъ него вышелъ бы извѣстный художникъ, но онъ былъ казенный человѣкъ, сынъ мастероваго; родитель не имѣлъ и понятія, что если сына обучить дѣлу какъ слѣдуетъ, то изъ него выйдетъ прокъ, да и родитель видѣлъ въ сынѣ усерднаго работника, помощника себѣ и поэтому ему давались часто работы не по силамъ. Проработавъ на фабрикѣ лѣтъ десять въ качествѣ мастероваго, Гаврило Поликарпычъ за одну хорошо обдѣланную имъ яшмовую вазу получилъ званіе мастера и теперь начальствуетъ надъ нѣсколькими фабричными рабочими. Но одно обстоятельство чуть не погубило Гаврила Поликарпыча. Секретарь конторы гранильной фабрики сказалъ управляющему, что у мастера Подкорытова есть превосходная вещь—пищій, вырѣзанный изъ камня;—управляющій приказалъ принести эту вещь въ контору, и оставить ее на тотъ случай, что ее посмотритъ генералъ и безъ сомнѣнія Подкорытову выдадутъ или награду или золотую медаль. Но черезъ двѣ недѣли статуи въ конторѣ не оказалось: ее взялъ къ себѣ управляющій. Это взбаломутило Подкорытова, онъ пошелъ къ управляющему, тотъ сказалъ ему, что онъ покупаетъ статую за двадцать пять рублей.

— И пяти тысячъ не возьму! сказалъ Подкорытовъ.

— Какъ знаешь. А ты изъ какого мрамора дѣлалъ?

— Изъ своего.

— А гдѣ ты деньги взялъ?

Подкорытовъ подалъ жалобу генералу; управляющій потребовалъ къ себѣ Подкорытова и сказалъ ему:

— Ты еще смѣешь жаловаться? Изволь отправиться на гауптвахту, я покажу тебѣ, какъ воровать мраморъ.

Заплакалъ Подкорытовъ, просидѣлъ на гауптвахтѣ недѣлю, а статуи не воротилъ.

Послѣ этого случая Подкорытовъ ходилъ на фабрику только для наживы; онъ взялъ себѣ за правило: «коли начальники воруютъ, воруй и рабочій».... и въ качествѣ мастера онъ браковалъ хорошіе камни, возилъ ихъ къ себѣ домой и покупалъ для себя горный хрусталь, аметистъ, аквамаринъ и другіе камни отъ тѣхъ рабочихъ и крестьянъ, которые или сами находили ихъ, или покупали у бѣглыхъ заводскихъ рабочихъ. Живя въ заводахъ и деревняхъ, они слышали, что эти камни очень цѣнные, что за нихъ казна даетъ порядочныя деньги, а имѣть эти камни рѣшительно нѣтъ пользы тому, кто не знаетъ въ нихъ толку. Подкорытовъ зналъ, что если крестьянинъ или рабочій объявитъ о находкѣ начальству, то ему выдадутъ деньги развѣ черезъ полгода или объявятъ черезъ полицію, что представленный такимъ-то камень оказался горнымъ хрусталемъ низшаго достоинства, за что и неполагается представившему его денегъ; или вмѣсто того, чтобы выдать за камень тридцать рублей, выдадутъ три рубля. Подкорытовъ зналъ цѣну каждому необдѣланному камню и покупалъ его съ барышомъ для себя и безобидно для продавцевъ.

Когда Подкорытовъ разжился, то передалъ наблюденіе за работами на фабрикѣ другому мастеру, а самъ, приходя туда, только шутилъ съ рабочими, въ дѣла не вмѣшивался и за это всѣ любили его. Впослѣдствіи онъ открылъ мастерскую дома: въ ней работали четыре мальчика: выдѣлывали изъ плитъ памятники, изъ мрамора кресты, вырѣзывали на нихъ стихи и разныя разности; а такъ какъ онъ считался въ городѣ за извѣстнаго мастера, то его заваливали работой, только теперь онъ предоставилъ мастерскую въ распоряженіе своему девятнадцатилѣтнему сыну Ивану, тоже мастеру.

Съ Корчагинымъ Подкорытовъ познакомился назадъ тому лѣтъ шесть. Пріѣзжалъ онъ разъ на заводъ купить мрамора, а въ заводѣ жилъ его тесть почтальонъ, часто возившій съ почтой мраморъ. Этому почтальону Корчагинъ дѣлалъ садокъ для птицъ, садокъ понравился Подкорытову; онъ разговорился съ нимъ и пригласилъ навѣстить его, когда онъ будетъ въ городѣ. Съ этого времени они

сошлись такъ, что Корчагинъ уже въ четвертый разъ останавливается прямо у Подкорытова.

Когда вошелъ Корчагинъ въ избу, въ кухнѣ происходило ликованіе: трое парней отъ четырнадцати до 18 лѣтъ, сидя за столомъ въ переднемъ углу, играли въ карты, куря воронкообразныя папироски; каждый изъ нихъ что нибудь говорилъ, каждый кричалъ, кривлялся, размахивалъ руками и хохоталъ. Посреди кухни, парень лѣтъ семьнадцати, играя на гитарѣ, отплясывалъ сѣни и то и дѣло подбѣгалъ къ кухаркѣ, женщинѣ лѣтъ тридцати, въ ситцевомъ платьѣ, довольно здоровой, голосистой, которая при каждомъ подскакиваніи шалуна шлепала его широкою ладонью то по спинѣ, то по головѣ. Двое, повидимому, рабочихъ, сидя на скамьѣ подъ полатями, ѣли не торопясь по куску рыбнаго пирога и сдержанно о чемъ-то толковали. Весь этотъ гамъ, хохотъ ребятъ, пляска парня, суетня кухарки, то и дѣло перебѣгавшей отъ самовара къ тарелкамъ, привели Корчагина къ тому заключенію, что у Подкорытова сегодня справляется какой нибудь праздникъ.

— Здорово, крещеные, сказалъ Корчагинъ, войдя въ кухню и кладя на лавку фуражку. Одинъ изъ игравшихъ парней посмотрѣлъ на вошедшаго; за нимъ посмотрѣли остальные, только плясунъ кружился, не обращая никакого вниманія.

— А, Васька Корчагинъ! сказалъ одинъ изъ игравшихъ и сталъ играть снова.

— Али у васъ балъ—чортъ съ печи упалъ?.. Здорово, Илюха косые глаза! проговорилъ Корчагинъ, подходя къ одному изъ игроковъ и ударивъ его по спинѣ ладонью.

— Ты што, таракановская блоха, долго не бывалъ? сказалъ Илюха.

Прасковья Игнатьевна стояла у дверей и не знала, что ей дѣлать. Пока Корчагинъ здоровался съ рабочими Подкорытова, кухарка Ѳедосья увидѣла ее и, подошедши къ ней, спросила строго:

— Ты што?

— Она со мной пріѣхала, сказалъ Корчагинъ. Рабочіе Подкорытова захохотали.

— Съ законнымъ бракомъ! имѣемъ честь... галдили они.

Корчагинъ ничего не сказалъ на это. Курносова присѣла на скамейку. Одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшихъ на скамейкѣ, спросилъ ее:

— Ты чья? отколева?

Она молчитъ.

— Эй ты долговязый, што у тѣ у бабы то отсохъ штоли языкъ-то?

Корчагинъ сердито поглядѣлъ на него, а Илюха началъ уськать.

— Ты, черномазый, молчи. Не къ тебѣ пришли, не съ тобою и знаются. Прасковья Игнатьевна иди сюда.

Курносова не двигалась съ мѣста. Сидѣвшіе на скамейкѣ встали и подошли къ Корчагину.

— Видно птицу по полету, кто она таковая! извѣстно всѣ эти заводскіе мошенники... проговорилъ одинъ изъ нихъ, небрежно набивая махоркой трубку.

— Ужь и не говори! гдѣ фальшивыя бумажки дѣлаютъ, какъ не въ заводахъ? проговорилъ его товарищъ, заливаясь горластымъ смѣхомъ.

— Какъ бы ты былъ умнѣе, я бы поговорилъ съ тобой. Ты вотъ што скажи: пошто васъ гранильщиками называютъ?—сказалъ Корчагинъ.

— Вы коли въ гости пришли, такъ должны молчать; а не то подите на улицу, кричала кухарка.

Нѣсколько времени городскіе рабочіе приставали къ Корчагину, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія; они ворча сѣли на скамейку. Здѣсь не мѣшаетъ объяснить слѣдующее обстоятельство: городскіе рабочіе принадлежали не помѣщикамъ, а казнѣ, и потому носили форменное платье. Въ сущности назначеніе какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ рабочихъ состояло въ томъ, чтобы работать, но помѣщичьи рабочіе завидовали казеннымъ, потому что они жили въ городѣ, гдѣ находилось главное горное начальство, которому можно было жаловаться; съ своей стороны казенные рабочіе относились къ помѣщичьимъ съ высока, какъ будто думая, что они принадлежатъ казнѣ или Царю, а не какому нибудь частному лицу. Кромѣ этого у казенныхъ мастеровыхъ были еще такого рода преимущества, какихъ не было у крѣпостныхъ, а именно: сынъ мастероваго, обучившись въ горныхъ училищахъ, могъ сдѣлаться урядникомъ (званіе равное унтеръ-офицеру) и по выслугѣ опредѣленнаго закономъ срока, могъ получить оберъ-офицерскій чинъ, который давалъ право или на переходъ на службу въ другія вѣдомства или на выходъ въ отставку.

Между тѣмъ Семенъ сидѣлъ около Прасковьи Игнатьевны.

— Какое, слышь, у тѣ лицо важнѣющее!... и онъ бралъ ее за руку. Курносова убѣжала во дворъ.

— Ну ты куда ее? спросилъ Илья Корчагина про Курносову.

— Къ Бакину. Въ прошлый разъ я обѣщался ему.

— Развѣ она изъ гульныхъ?

— Избави Богъ!

— А баба ничего: можно жениться... Што-жъ ты не женишься? проговорилъ другой рабочій.

Корчагинъ промолчалъ. На другой день, проснувшись раннимъ утромъ, Корчагинъ собрался идти къ купцу Бакину.

На углу Макулинской улицы и Бакинскаго переулка стоитъ большой каменный двухъ-этажный домъ, принадлежащій коммерціи совѣтнику Бакину. Какъ домъ, такъ и хозяинъ его извѣстны въ городѣ даже ребятамъ, потому что съ именемъ богача Бакина соединяются самыя разнорѣчивыя и двусмысленные толки, которыхъ таинственность придаетъ имъ особенный характеръ. Никто навѣрное не знаетъ: что такое Бакинъ? Человѣкъ онъ лѣтъ шестидесяти, лысый, съ сѣдою бородой, съ задумчиво-смиреннымъ взглядомъ. Лѣтомъ онъ ѣздитъ въ купеческомъ кафтанѣ, носитъ сюртуки, зимой ѣздитъ въ собольей шубѣ и собольей шапкѣ. Въ магистратѣ онъ бываетъ разъ въ годъ; вѣжливъ онъ со всѣми; бываетъ у высшаго начальства на обѣдахъ, первый жертвуетъ тысячи на богоугодныя заведенія, но ни съ кѣмъ ни входитъ въ близкія и интимныя отношенія. Купцы всячески старались заискивать его расположенія, зная, что онъ имѣетъ нѣсколько мильоновъ денегъ; чиновники особенно горные хвалили его какъ превосходнаго человѣка за то, что онъ щедро дарилъ ихъ рублями; таракановцы видѣли въ немъ защитника, потому что вся его прислуга была изъ таракановцевъ и Бакинъ иногда заступался за нихъ подъ видомъ благочестія. И все-таки о немъ ходили самые странные слухи.

Никто такъ хорошо не зналъ Бакина, какъ Василій Васильевичъ Корчагинъ и его бабушка Марѳа Потаповна Бездоннова. Родъ Бакиныхъ идетъ отъ московскихъ торговыхъ людей. Въ началѣ гоненія на раскольниковъ, Петръ Бакинъ принужденъ былъ съ своимъ семействомъ бѣжать. Онъ поселился на соляныхъ промыслахъ, при-

надлежавшихъ Строгоновымъ. Тамъ его и его товарищей, пришедшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не принуждали къ новизнѣ, а заставляли работать, но такъ какъ Бакины торговали солью, то ихъ стали преслѣдовать, потомъ пытать; однако сыну Петра Бакина Аристарху удалось убѣжать и онъ пріютился въ таракановскомъ заводѣ, на козьемъ болотѣ, выдавъ себя за раскольничьяго архіерея. Но Аристархъ ни какъ не думалъ, что его записали въ крѣпостные, это узналъ его сынъ Семенъ, торговавшій на широкую руку въ господскомъ порядкѣ и считавшійся первымъ богачемъ и мошенникомъ. Богачемъ его считали бѣдняки, получавшіе отъ него по субботамъ гривенники, а мошенникомъ начальство, потому что онъ его ловко обиралъ и надувалъ. Наконецъ Бакинъ, выпущенный на волю за то, что построилъ въ заводѣ единовѣрческую церковь, записался въ купцы и повернулъ дѣло такъ, что заводоуправленіе стало одолжаться у него и въ восемь лѣтъ задолжало ему болѣе ста тысячъ рублей. Деньги онъ получилъ, управляющаго смѣнили, а Бакинъ уѣхалъ на золотые пріиски, предоставивъ своей женѣ построить въ городѣ домъ. Сынъ его Андрей Семенычъ десять лѣтъ жилъ то въ Сибири, то на Уралѣ, то въ столицахъ и всѣми дѣлами въ городѣ заправляла сестра Андрея, Катерина. Будучи ханжей и прикидываясь благодѣтельницей, она принимала у себя бѣдныхъ, преимущественно тарахановскихъ бабъ. Замужемъ она не была, потому что называла себя сестрой милосердія; но аристократія, особенно дамы, разсуждали иначе, потому что имъ ближе было знать это дѣло, тѣмъ болѣе что она иногда и танцовала на вечерахъ... Одна прислуга не могла понять ея поведенія: Катерина ѣздила на гулянья, на балы, а дома носила вериги и заставляла дворника бичевать себя.

Теперь она умерла. Андрей Семенычъ имѣетъ не одинъ десятокъ золотыхъ пріисковъ и живетъ безвыѣздно въ городѣ. По вторникамъ и субботамъ онъ принимаетъ бѣдныхъ и раздаетъ имъ деньги; тарахановцы, какъ земляки, получаютъ отъ него совѣты, а тѣ, которые имѣютъ съ нимъ дѣла, приглашаются въ его комнаты.

Прислуги у Бакина было вотъ сколько: поваръ Елисей съ молодой женой Марьей, которая подаетъ Бакину умываться, моетъ посуду, поправляетъ ему постель; дворникъ Петръ съ женой Афимьей прачкой, кучеръ Савелій съ молодой женой судомойкой Матреной,

садовники Кирилъ и Клементій и коровница Акулина, старая женщина. Есть у него и управляющій Стружковъ.

Корчагинъ пришелъ въ кухню Бакина въ девятомъ часу утра.

— Смотрите!.. Экъ ево! сказалъ кучеръ Савелій, показывая на Корчагина правой рукой, въ которой онъ держалъ ложку.

Начались разспросы. Вся прислуга Бакина была таракановская и поэтому потолковать было о чемъ. Корчагина пригласили завтракать.

— А я, братцы, къ вамъ бабу привезъ: знаете Курносиху?

— Штожь она дѣлать у насъ будетъ? Развѣ къ своей любовницѣ пристроитъ...

— А это самъ знашъ нехорошо, потому примѣръ дрянной, — замѣтилъ кучеръ Савелій.

— Такъ какъ вы посовѣтуете?

— Скажи ему, можетъ онъ и поможетъ ей чѣмъ нибудь.

Около часу ожидалъ Корчагинъ свиданія съ Бакинымъ. Прихожая Бакина отличалась отъ другихъ барскихъ прихожихъ тѣмъ, что лѣвая ея стѣна состояла изъ огромной стеклянной рамы и за ней затѣняли свѣтъ разные цвѣты и деревья. Марья, жена повара, то и дѣло проходила въ столовую и изъ столовой въ комнаты съ серебрянымъ самоваромъ, фарфоровыми чашками и гордо взглядывала на Корчагина.

— Сгупай... да ноги-то вытри, сказала наконецъ Марья.

— Чисты.

— Вытри! тебѣ говорятъ...

Вошелъ Корчагинъ въ большую комнату съ тремя окнами, съ лакированнымъ поломъ, голубыми обоями, съ люстрой посреди потолка, съ двумя зеркалами. На мраморныхъ столахъ стояли золотые подсвѣчники, вазы; у оконъ въ большихъ банкахъ росли цвѣты. Разнообразія такъ много въ этой комнатѣ, что съ разу трудно все осмотрѣть. Изъ этой комнаты три хода, изъ которыхъ одинъ шелъ въ оранжереи, которыя тянулись изъ комнаты къ низу по лѣстницѣ и оканчивались садомъ. Здѣсь пахло не то ладономъ, не то мускусомъ. Прошли другую комнату съ бѣлыми обоями на стѣнахъ. Въ этой комнатѣ не было цвѣтовъ, а были на стѣнахъ картины въ позолоченыхъ рамахъ Картины эти изображали какихъ-то смиренно-блѣдныхъ мужей, вѣроятно, мучениковъ раскола. Въ третьей

комнатѣ съ зелеными обоями, расписнымъ потолкомъ, на которомъ нарисованы нагія женщины, стоялъ по серединѣ большой столъ, на столѣ большой серебряный самоваръ, чайный приборъ, нѣсколько фарфоровыхъ вазъ съ фруктами, яблоками и ягодами; окна завѣшивались большими занавѣсами. Комната отъ мебели, статуй, диванов и разныхъ украшеній казалась очень маленькой. Самъ Бакинъ лежалъ на диванѣ въ горностаевомъ халатѣ, въ туфляхъ и бархатной шапочкѣ на подобіе скуфьи.

Корчагинъ три раза поклонился ему въ ноги и, наклонивъ голову, сказалъ: благослови, отче... Бакинъ перекрестилъ его голову и сказалъ: будь благословенъ.

— Съ миромъ-ли?

— Съ миромъ, Господь милости послалъ.

Бакинъ задумался, потянулся, зѣвнулъ, а Корчагинъ подумалъ: взялъ бы тебя...

— Я сегодня нездоровъ, сказалъ вдругъ Бакинъ, потирая лѣвою рукою лобъ.

Молчаніе. Стучатъ маятники часовъ, поютъ соловьи и канарейки. Бакинъ лѣниво мѣшаетъ ложкой въ чашкѣ.

— Вы не слыхали, что учитель Курносовъ померъ. Онъ опился съ горя... Жена его, хоть и не имѣетъ дѣтей, однако житье ее плохое. Дядю ея вы знаете... началъ вдругъ Корчагинъ, перемѣнивъ прежнюю манеру разговоровъ, заключавшуюся въ томъ, что онъ говорилъ съ Бакинымъ какъ дьячекъ съ архіереемъ, произнося въ носъ и на распѣвъ.

— Шла бы работать .. Именно работать, сынъ мой, прогнусѣлъ Бакинъ.

— Я ее привезъ сюда. Сдѣлайте такую милость...

— Но... теперь, сынъ мой... Ты бы обратился къ моему управителю.

Корчагина эти слова удивили, потому что прежде онъ самъ давалъ просителямъ записки или на имя своего управляющаго Стружкова или на имя какого нибудь должностнаго лица. Бакинъ замолчалъ, замолчалъ и Корчагинъ.

— Правда ли что намъ дадутъ даромъ волю? спросилъ вдругъ робко Корчагинъ.

— Што?

Корчагинъ повторилъ свой вопросъ.

— Да... я самъ хлопоталъ объ этомъ.

Бакинъ всталъ, сталъ ходить по комнатѣ. Молчаніе продолжалось минутъ пять.

— Еще что? спросилъ вдругъ Бакинъ.

— Я крупки привезъ.

— А! много? спросилъ живо Бакинъ и глаза его засверкали.

— Не вѣсилъ.

Корчагинъ вытащилъ изъ-за пазухи платокъ, развернулъ его; въ платкѣ былъ свертокъ бумаги, а въ бумагѣ была баночка, въ которой заключалось золото. Бакинъ взялъ банку, посмотрѣлъ и сказавъ: «только»! ушелъ въ другую комнату. Черезъ полчаса онъ вышелъ и сказалъ Корчагину:

— Фунтъ съ четвертью. А ты сколько заплатилъ бѣглымъ?

— Сто рублей.

Пришелъ крадучись низенькій человѣкъ въ черномъ кафтанѣ. Это былъ управляющій Бакина Назаръ Пантелеичъ Стружковъ, старый человѣкъ, съ лысой головой, называемый въ городѣ апостоломъ.

— Назаръ, выдай ему полтораста рублей, сказалъ Бакинъ управляющему. Управляющій поклонился и спросилъ: больше никакихъ приказаній не будетъ?

— Нѣтъ.

Управляющій ушелъ. Корчагинъ стоялъ, онъ хотѣлъ что-то сказать.

— Ну... мнѣ некогда... я ѣду.

— Андрей Семенычъ я хотѣлъ васъ попросить... насчетъ Курносовой...

— Ну?

— Такъ нельзя ли ей помочь.

— Приходи завтра, и Бакинъ ушолъ.

— Свинья! прошепталъ Корчагинъ и, сжавъ кулаки, сердито вышелъ изъ комнатъ Бакина, съ намѣреніемъ никогда больше не являться къ нему.

— Ну скотина вашъ баринъ, сказалъ Корчагинъ, встрѣтившись съ дворникомъ Петромъ.

— Незамай: такого барина едва ли гдѣ сыщешь, смѣялся Петръ.

— Приходи завтра... мнѣ некогда, передразнивалъ Корчагинъ Бакина. Прислуга захохотала и всѣ наперерывъ стали разсказывать какое, когда и кому Бакинъ сдѣлалъ замѣчаніе. Карчагина между тѣмъ пригласили обѣдать.

ГЛАВА III.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПРАСКОВЬИ ИГНАТЬЕВНЫ.

Когда Корчагинъ воротился въ домъ своего пріятеля Подкорытова, Прасковьи Игнатьевны уже не было. Изобиженная и напуганная работниками Подкорытова, обманутая его дочерью въ томъ, что Корчагинъ больше не воротится, она надѣла зипунъ и вышла на улицу, не сказавши ни кому ни слова. Поворотила она отъ воротъ на лѣво, прошла нѣсколько домовъ; попался ей мужчина, сидящій въ телѣгѣ.

— Дядюшка, а гдѣ здѣсь рынокъ? спросила она проѣзжающаго.

— Какой? Здѣсь четыре рынка: хлѣбный, деревянный, два сѣнныхъ.

— Ну хоть хлѣбный.

— Иди въ переулокъ. Потомъ налѣво въ улицу, потомъ на право.

Поблагодарила Прасковья Игнатьевна мужчину и пошла. Долго она шла, нѣсколько разъ останавливалась передъ большими домами, глядѣла на кареты, но до рынка не добралась.

Ноги начали уставать, хочется ѣсть; а кругомъ все пусто... «Никакъ я заблудилась?» подумала Прасковья Игнатьевна и остановилась...

Куда идти? на квартиру? А у кого она ночевала сегодня? какъ она спроситъ ,когда и фамиліи хозяина не знаетъ—кажется Подковыркинъ? Вотъ спросила она одну женщину: гдѣ находится домъ Подковыркина—не знаетъ. Опять пошла Прасковья Игнатьевна. Вотъ поле какое-то, горка, домъ большой, около него солдаты съ ружьями ходятъ. Пошла она къ одному солдату робко. Солдатъ остановился, глядитъ на нее.

— Чево глядишь! зѣвай!! сказалъ другой солдатъ и тоже остановился.

Прасковья Игнатьевна поклонилась солдату низко и сказала:

— Не знаешь-ли ты, солдатикъ, дорогу...

— Знаю... а што дашь?

— Нечего дать-то...

— Двѣ дороги: одна въ Сибирь, другая въ Расею. Ишь двери-то! изъ нихъ въ Сибирь ходятъ, а другихъ воротъ изъ этой долины не полагается, съострилъ другой солдатъ.

— Да мнѣ бы на рынокъ.

— А! Ну-такъ иди все прямо, какъ разъ въ рынокъ упрешься.

Прасковья Игнатьевна пошла. Солдаты еще нѣсколько разъ кричали ей, но она думала о томъ, куда бы ей дѣться: хочется ѣсть, ноги устали. Развѣ Христа ради попросить? Но какъ? «Я молодая... совѣстно...» Однако она вошла въ одну избу, никого нѣтъ. Вышла. Вошла въ другую, чай пьютъ. Попросила христа ради— Богъ подастъ.

— И отъ чего это я, дура набитая, раньше не подумала? Онъ, кто его знаетъ, можетъ на зло... Онъ и въ заводѣ-то какой-то чудной.. думала она о Корчагинѣ, идя сама не зная куда. «Это все штуки дяди: ишь, говоритъ, нельзя...» и страшно обидѣлась Прасковья Игнатьевна на дядю.

Вотъ рынокъ. Торгаши складываются, запираютъ лавки, побрякиваютъ ключами и идутъ домой. Подошла она къ бабѣ, что пряниками торгуетъ.

— Христа ради...

— Сама матка Христа ради торгую, сказала та.

— Тетушка... я заблудилась.

— Гдѣ ты живешь?

— Не знаю...

Баба вытаращила на нее глаза.

— Ты бѣглянка?

— Нѣ...

Подошелъ солдатъ.

— Служивой, имай: бѣглянка!

— Ну ихъ! и солдатъ ушелъ.

— Тетушка, у меня билетъ есть, ей Богу есть... Пусти ночевать.

— Говорятъ тебѣ сама христа ради живу.

Рынокъ пустѣлъ. Зашла она въ пустое мѣсто, окруженное лавками. Присѣла на заваленкѣ и заплакала... Стало темно; залаяли со-

баки, привязанныя къ нѣсколькимъ лавкамъ, застучали палками караульные. Страшно... Уйти бы... держи! держи! вдругъ услышала она и вздрогнула... Сильно застучали палками, громче прежняго-залаяли собаки; кто-то за кѣмъ-то бѣжалъ недалеко... Она крестилась, молилась... Утихло. Отлегло отъ сердца у Прасковьи Игнатьевны; она начала засыпать... Опять лай... Стало свѣтать; караульные спали, собаки тоже... Крадучись вышла изъ засады Прасковья Игнатьевна и скоро очутилась въ улицѣ. Вошла она въ пустой дворъ; въ домѣ какъ видно не живутъ, забралась на сѣнникъ и тамъ пролежала до сумерекъ. Въ сумерки вышла попросить милостинку, насилу дали кусокъ хлѣба.

— Теперь у меня мѣсто ѣсть; только хлѣбца бы...

Зашла въ кухню пятиокопнаго дома, никого нѣтъ, только на столѣ лежитъ коврига ржанаго хлѣба. Она поспѣшно взяла ее и спрятала подъ зипунъ. Входитъ кухарка съ ведромъ.

— Чево тебѣ? крикнула кухарка.

— Мѣста, тетушка, ищу. Работать хочу... проговорила робко Прасковья Игнатьевна.

— Я тебѣ... дамъ мѣсто. А подъ пазухой-то што?

— Ничево.

Кухарка поставила ведро и отдернула полу зипуна. Взглянувъ на столъ, она закричала: матушки свѣты!.. Ой!.. Ограбили!!..

На этотъ крикъ пришла толстая барыня.

— Что такое, Агафья? проговорила она, сжимая губы и растягивая слова.

— Вотъ, матушка, воровку поймала... Это она все хлѣбъ воруетъ.

Барыня принялась тузить Курносову какъ только могла, грозилась отправить ее въ полицію, но вытолкала за ворота, не давъ ни куска хлѣба.

Безсознательно подошла она къ плотинѣ. Прудъ... Темнѣетъ. Спустилась она къ плоту, поглядѣла на набережную, никого нѣтъ. Спустилась съ плота по колѣна; вода студеная какъ въ ключѣ... Вышла она изъ воды.

— Еще прудъ! то-ли дѣло у насъ-то!.. сказала она и пошла къ самымъ вѣшникамъ подъ крышу. Тамъ она заснула.

Звонятъ въ большой колоколъ. «Пойду въ церкву». Былъ какой-то праздникъ и поэтому въ церкви было человѣкъ тридцать, а на паперти стояло шесть женщинъ въ ободранныхъ одежонкахъ, съ истасканными лицами, протягивающихъ руки въ то время, когда кто нибудь шелъ мимо нихъ въ церковь или изъ церкви и голосящихъ на разные тоны: милостинку, христа ради, убогой, слѣпой; и если которая нибудь изъ нихъ получала копѣечку, то на нее всѣ нападали, обзывали ее отборною бранью...

Курносова приткнулась къ послѣдней.

— Ты куда! нѣтъ што-ли другихъ-то церквей?

— Гони ее Марья шкуру бѣлолицую... голосили нищенки. Курносова молчитъ. Ее стали выталкивать. Шелъ купецъ.

— Ахъ вы, негодяйки! гдѣ вы стоите? крикнулъ онъ на нищихъ.

Вышла изъ толпы нищенокъ корявая и протянувъ руку запричитала: слѣпой, убогой... подай купецъ-отецъ благодѣтель.

— Свиньи! сказалъ купецъ и вышелъ.

— Ишь пузо-то лопнуть хочетъ! наханалъ денегъ-то; два дома имѣешь, а нищимъ хоть бы грошъ далъ, штобъ тѣ околѣть! ворчали нищенки, слѣдя за удаляющимся купцомъ.

Подалъ кто-то Курносовой денежку.

— Ну-ко кажи!

— Дѣли на всѣхъ! голосили нищенки.

Курносова показала денежку; денежку отъ нея отняли и ее стали гнать; но изъ церкви стали выходить люди. Всѣ нищенки протянули руки и заголосили на разные тоны. Прасковья Игнатьевна дрожала отъ страху и шепотомъ просила милостинку, проклиная свою жизнь. Она получила три копѣйки да два грошика.

Прасковья Игнатьевна очень была рада, что насобирала четыре коп. денегъ; она пошла на рынокъ, гдѣ и купила хлѣба. Отдохнувши немного у гостинаго двора, она пошла искать себѣ мѣста.

Долго Прасковья Игнатьевна бродила по городу. Придетъ въ одинъ домъ, говорятъ ненадо, въ другомъ говорятъ: мы безъ рекомендаціи не принимаемъ, кто тебя знаетъ, можетъ быть, ты и воровка... Ходила, ходила Прасковья Игнатьевна, сѣла на тротуары и заплакала.

— Ты што плачешь? спросила ее какая-то старушка.

— Ой, тетушка, заблудилась я... не знаю што и дѣлать.

— Ишь ты! Какъ же ты это заблудилась-то? Нездѣшняя видно?

— Изъ таракановскаго завода пріѣхала съ дядей Глумовымъ да мастеромъ Корчагинымъ.

— Зачѣмъ, матка, пріѣхала-то?

— Мѣсто они мнѣ хотѣли найти.

Мало по малу старуха разговорилась съ Курносовой, пожалѣла ее и посовѣтовала ей сходить теперь же на искосокъ на постоялый дворъ, гдѣ хозяйка нуждалась въ работницѣ.

Дворъ былъ весь загроможденъ телѣгами, наполненными разною кладью, лошади распряжены; около нихъ суетятся четыре-пять ямщиковъ; подъ телѣгами снуютъ курицы, выклевывая овесъ.

Курносова подошла къ одному ямщику, который былъ поближе другихъ. Она поклонилась ему, когда онъ поглядѣлъ на нее.

— Ты што, ѣхать штоли?

— Нѣтъ...

— Ну?

— Мѣсто ищу въ работу.

Вышла изъ дому хозяйка, оглядѣла Прасковью Игнатьевну и спросила отъ нея паспортъ. Та дала. Хозяйка, взявъ билетъ, подала его прочитать грамотному ямщику.

— Краспвая! сказалъ ямщикъ.

— Да што писано въ бумагѣ-то? спросила хозяйка.

— Можно: двадцати лѣтъ; баба-вдова!

— Да ты говори што писано, вислоухой!

Ямщикъ кое-какъ прочиталъ вслухъ; хозяйка, слушая, оглядывала Прасковью Игнатьевну.

— Стряпать умѣешь? спросила хозяйка Прасковью Игнатьевну.

— Умѣю.

— Ну, ладно, посмотримъ.

Съ первой же минуты хозяйка заставила Курносову мыть столъ, посуду, выносить помои. У нея болѣла голова, она чувствовала то жаръ, то ознобъ. Ночью она стала бредить, хозяйка злилась, хотѣла выбросить ее на улицу, но ямщики посовѣтовали свезти ее завтра въ больницу.

Итакъ Прасковью Игнатьевну свезли въ больницу.

ГЛАВА VI.

На бѣднаго Макара и шишки валятся.

Между тѣмъ какъ Прасковья Игнатьевна странствовала въ поискахъ за мѣстомъ, Корчагинъ, не найдя ея у Подкорытова, вмѣстѣ съ Глумовымъ отправился въ свою очередь ее отыскивать. Но его странствіямъ суждено было окончиться очень скоро. Оба пріятели попали въ острогъ, гдѣ и просидѣли три недѣли. Сначала ихъ обвиняли за кражу у Бакина золотыхъ часовъ съ дорогими камнями. А потомъ такъ какъ у нихъ не было билетовъ на выѣздъ изъ завода, то начальство стало требовать изъ завода свѣденія: кто такіе Корчагинъ и Глумовъ, и чѣмъ они занимаются. Управляющій Бакина, по приказанію своего хозяина, увѣдомилъ таракановское заводоуправленіе, что Корчагинъ силою вломился въ комнаты Бакина и поэтому Бакинъ проситъ наказать *злодѣя* по-заводски. И такъ завелось два дѣла о кражѣ часовъ, съ насиліемъ и со взломомъ и о бѣгствѣ изъ завода въ городъ для грабежа. Само собой разумѣется, грабителей заковали, а въ городѣ была пущена молва, что Корчагинъ сидитъ въ острогѣ уже въ ругой разъ; того и гляди, что онъ подкупитъ солдатъ и убѣжитъ.

Противъ Корчагина были всѣ кромѣ Подкорытова, который принималъ самое дѣятельное участіе въ спасеніи своего пріятеля. Ему вся полиція была хорошо знакома и онъ могъ бы, поэтому, творить всякія дебоши, если бы только былъ расположенъ къ нимъ. Однако въ этомъ случаѣ полицейскіе чины отказались принять его совѣтъ: обыскать прислугу Бакина, обыскать разныхъ закладчиковъ и закладчицъ. Они не согласились на это, потому что ихъ, т. е. полиціймейстера, просилъ Бакинъ сокрушить во что бы то ни стало Корчагина. Поэтому Подкорытовъ сталъ дѣйствовать самъ. Ему были знакомы всѣ золотыхъ и каменныхъ дѣлъ мастера, главные аферисты, отдающіе взаймы и подъ закладъ деньги. Всѣ эти господа никакъ не знали да и не могли знать, что Подкорытовъ знакомъ съ какимъ-то Корчагинымъ.

Однако онъ двѣ недѣли напрасно подлаживался къ аферистамъ.

Только разъ приходитъ въ магазинъ золотыхъ и брильянтовыхъ вещей. Разговорился съ хозяиномъ, тотъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ выпить пуншъ. Подкорытовъ отъ пунша никогда не отказывался. Пришелъ; начались разговоры о разныхъ разностяхъ, вдругъ Подкорытовъ вынимаетъ изъ жилетки золотые часы и говоритъ:

— А сколько эти часы стоятъ?

— Да какъ тебѣ сказать... Прежде они сто стоили, а теперь небольше шестидесяти, пожалуй за пятьдесятъ можно купить.

— Ну, братъ, ты врешь! Я ихъ за двѣсти не продамъ, потому они вѣрно ходятъ, такъ вѣрно!..

— А вотъ часы такъ часы! Такихъ я думаю у самаго вашего генерала никогда не бывало, и обладатель дорогихъ часовъ ушелъ въ другую комнату. Не много погодя, онъ вынесъ золотые часы, которые и сталъ показывать Подкорытову.

— Вотъ, батюшко, на этой недѣлѣ изъ-за границы получилъ.

— Ну нѣтъ, мои лучше.

— Да брильянтъ-то, брильянтъ-то одинъ чего стоитъ.

Подкорытовъ пошелъ въ прихожую подъ предлогомъ плюнуть, такъ какъ онъ въ хорошихъ домахъ всегда плевалъ въ прихожей. Тамъ онъ записалъ № часовъ и число камней. Брильянтщикъ то и дѣло хвалилъ часы.

— Сколько же они стоятъ?

— Да три тысячи.

— Фю-ю! просвистѣлъ Подкорытовъ, развелъ руками и поклонился окну.

Это означало, что онъ удивился.

— Тысячу возьми—куплю.

— Куды тебѣ мастеру имѣть такіе часы. Да тебя убьютъ!

Вечеромъ Подкорытовъ сходилъ въ уѣздный судъ, сдѣлалъ справку изъ дѣла: какой № у Бакинскихъ часовъ. № оказался схожимъ съ часами брильянтщика. Подкорытовъ на другой день утромъ отправился къ Бакину, которому онъ часто дѣлалъ вещи изъ мрамора. Бакинъ принялъ его сухо, но пригласилъ сѣсть на стулъ.

— Ну что, Андрей Семенычъ, нашли часы?

— Гдѣ найдешь! Ужь я знаю, что если таракановцы что украдутъ, то значитъ въ воду кануло.

— Хотите я сегодня же вамъ принесу ваши часы.

— Какъ?

Бакинъ вскочилъ съ кресла.

— Это ужь дѣло мое. Брильянщикъ Лефоръ продаетъ мнѣ ихъ за три тысячи рублей, такъ я пришелъ предупредить васъ: согласны вы уплатить мнѣ эту сумму.

Бакинъ согласился, а вечеромъ получилъ свои часы. Начались спросы. Лефоръ купилъ часы отъ одного золотыхъ дѣлъ матера, тотъ купилъ ихъ отъ аферіста, аферисту они были заложены женою Бакинскаго повара, Марьей.

Корчагина и Глумова выпустили изъ острога, а Марью съ мужемъ Бакинъ прогналъ, но не посадилъ въ острогъ по извѣстной ему одному причинѣ.

Денегъ, какія ему слѣдовало, Корчагинъ не получилъ; жаловаться было нельзя, потому что его и Глумова торопили ѣхать; Потѣева угнали въ лѣсъ; жена его между тѣмъ успѣла продать лошадь и долгушку Глумова... Жаловаться тоже было некому.

Корчагина и Глумова отправили изъ полиціи къ повѣренному съ казакомъ. Повѣренный заперъ ихъ въ темную комнату и послалъ нарочнаго въ заводъ, что дѣлать ему съ выпущенными изъ острога бѣглыми. Заводоуправленіе приказало повѣренному отправить ихъ немедленно связанными и представить прямо къ исправнику. Противъ этого протестовать было нельзя. Сказалъ Корчагинъ, что онъ и Глумовъ подадутъ прошеніе на Бакина, но повѣренный замѣтилъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ хлопотать за Бакина.

Проѣхали улицы двѣ, почтарь развязалъ ихъ и повезъ къ Подкорытову, который угостилъ ихъ, сочинилъ имъ просьбу на Бакина и обѣщался хлопотать за Прасковью Игнатьевну, о которой въ городѣ не было никакого слуха.

Поѣхали. Ѣдутъ молча; отмалчиваются отъ почтаря. Въ головѣ Корчагина и Глумова такъ много было нехорошаго, что каждый изъ нихъ ничего не могъ высказать съ толкомъ, немогъ связать ни одной мысли. У каждаго было свое горе и поэтому ихъ соображенія мѣнялись одно другимъ и оба видѣли другъ въ другѣ не то чтобы врага, а человѣка съ дурными наклонностями. Корчагинъ сердился на Глумова и никакъ не могъ придти къ тому заключенію, что Глумовъ нисколько не виноватъ. «Если бы я не поѣхалъ

съ нимъ, то ничего бы не было: я ему говорилъ, чтобы онъ Курносову къ Потѣеву взялъ, а онъ не взялъ. На допросахъ показывалъ, что я золото продаю Бакину?» Глумову было досадно, зачѣмъ онъ взялъ съ собой Корчагина. Не будь съ нимъ Корчагина, онъ не просидѣлъ бы въ острогѣ чуть не мѣсяцъ. А для него, торговаго человѣка, каждый день дорогъ. Корчагинъ человѣкъ ремесленный. онъ какъ пріѣдетъ тотчасъ примется за работу, а Глумовъ и лошади лишился. На чемъ онъ теперь станетъ возить въ городъ желѣзныя вещи? Но главное его безпокоитъ то, что скажетъ его жена? Какъ онъ явится передъ ея свѣтлыя очи. Онъ напередъ зналъ, что она ему теперь покою не дастъ, потому что съ собою онъ ничего не-везетъ. «Пропала моя головушка ни за грошъ! Пропала и торговля у Дашки, потому промѣны дѣлать нечѣмъ. И все это по милости Корчагина.»

— Послушай, Корчагинъ: теперь я, черезъ тебя, и лошади и телѣги лишился; ты это посуди, проговорилъ онъ, не глядя на Корчагина.

— Самъ виноватъ, сказалъ грубо Корчагинъ, не глядя на него.

— Слушай што я тебѣ скажу: заплати мнѣ сорокъ рублей.

Корчагинъ промолчалъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ.

— Жалуйся...

— Будь ты проклятое стругало!

Пріятели замолчали. Глумовъ негромко насвистывалъ, но боялся, повидимому, смотрѣть на Корчагина. Корчагинъ сталъ еще злѣе, ему не только нехотѣлось говорить съ Глумовымъ, но даже смотрѣть въ его спину. Онъ даже хотѣлъ крикнуть ему: не свисти! но языкъ точно присохъ.

Послѣ этой размолвки Корчагинъ и Глумовъ не разговаривали другъ съ другомъ во всю дорогу. Глумовъ на полдорогѣ отъ города къ заводу сознавалъ, что онъ напрасно обидѣлъ Корчагина, потому что Корчагина самаго обидѣли, онъ потерялъ въ городѣ Курносову, съ которой онъ, можетъ быть, жилъ и на которой вѣроятно онъ хотѣлъ жениться, когда будетъ воля. У него отняли въ городѣ деньги, онъ думалъ, что теперь Корчагинъ прекратитъ съ нимъ всякія дѣла и при случаѣ пожалуй скажетъ, што я дѣлаю серебряныя ложки.., Вѣдь вотъ онъ не выдалъ меня, а я дуракъ

выдалъ, што онъ Бакину золото продаетъ. За это его непотянули, потому что въ допросахъ это не включили; а скажи Корчагинъ про меня, меня бы обыскали. Онъ за золото чистыя денежки заплатилъ, у него ихъ взяли въ полиціи; онъ ничего—молчитъ, а я на какія деньги лошадь ту пріобрѣлъ? А вѣдь при случаѣ Корчагинъ поможетъ мнѣ.» Но сколько Глумовъ ни начиналъ заводить съ Корчагинымъ разговоръ, тотъ отмалчивался. Да и Корчагину не до разговоровъ было: его безпокоило то, что сдѣлалось съ Курносовой! Подкорытовъ говоритъ, не видалъ. А времени прошло много. Неужли она въ заводъ ушла?.. А, можетъ, она и служитъ у кого нибудь... Ахъ. Господи праведный, помоги ты Прасковьѣ Игнатьевнѣ.

Въ заводъ пріѣхали ночью. Пріятелей заперли въ полицію, въ одну комнату съ арестантами.

— Што новаго? спрашивали арестованные. Глумовъ разсказалъ имъ все, что случилось съ ними. Корчагинъ молчалъ. Онъ исхудалъ и сдѣлался блѣднѣе прежняго.

— А мы думали, вамъ неминовать плетей.

— Да вотъ, Васюха, на меня разъерыжился, молчитъ, хоть ты какъ не заговаривай съ нимъ. Послушай, Вася; вѣдь я такъ съ горяча.

— Все равно! што сказано, того неворотишь.

— А развѣ мнѣ необидно. Самъ ты это посуди, другъ.

— А! теперь такъ другъ... Нѣтъ я не забуду...

— Постой, Корчагинъ!.. Это еще што, что васъ въ острогѣ морили... Здѣсь-то што творится, сказалъ одинъ изъ арестованныхъ.

— Ты, Алексѣй, молчи: не растравляй его.

— А што?.. говорите, братцы, сказалъ Корчагинъ такимъ голосомъ, точно онъ предчувствовалъ бѣду.

— А тебѣ придется вѣрно на фатерѣ пожить теперь.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Твой-то домъ съ дымомъ улетѣлъ.

Корчагинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ: што ты врешь?! крикнулъ онъ.

— На четвертый день какъ ты уѣхалъ и загорись въ фабричномъ порядкѣ у Платоновой, ну такъ-таки пять избъ и спалило.

Корчагинъ молчалъ.

— А мой-то домъ живъ ли? спросилъ Глумовъ.

— Еще сто лѣтъ проживетъ. Не всѣмъ же горѣть. А важно, братъ, горѣло, что и подступиться было трудно, Извѣстно строенье старое, сухое, дотронись такъ пыль одна. Мы было думали: ну прощай фабрика, да хорошо што вѣтеръ-то съ озера на гору дулъ, да и самъ знаешь у насъ машины первый сортъ, не дали. И такъ дома четыре разрушили понапрасну.

— Отъ чего загорѣлось-то? спросилъ Глумовъ.

— А Богъ ево знаетъ. Болтаютъ отъ сажи будто, да вздоръ... Болтаютъ еще, што Варвару твою видѣли во дворѣ Платоновой; а она говоритъ, што ее овечку заперли во дворѣ Платоновой. Не разберешь.

— Гдѣ же сестра-то?

— Она теперь на Петровскомъ рудникѣ стряпухой. Болтаютъ съ Подосеновымъ. А Бездониха отъ испугу померла... Только мать твою перетащили къ Вавилѣ Ѳомину.

На другой день Корчагана и Глумова выпустили изъ полиціи. Корчагинъ помирился съ Глумовымъ, но, все-таки говоря съ нимъ, глядѣлъ въ сторону.

— Ты, Корчагинъ, коли тамъ што плохо, приходи ко мнѣ, не откажу, говорилъ на прощаньи Глумовъ.

— Не откажу! Экая свинья!.. Вотъ што значитъ быть въ бѣдѣ: этотъ скотъ вчера обругалъ меня, денегъ спросилъ, а сегодня ужь поддразниваетъ... Ты узнай напередъ: буду ли я еще тебѣ, подлецу кланяться. Еще тебя-то пуститъ ли женушка. И при этомъ Корчагинъ расхохотался.

Горе Корчагина было велико. Положимъ, что домъ строилъ не онъ, а его отецъ, но онъ къ этому дому такъ привыкъ, что ни за что бы не вышелъ изъ него, и хотя онъ находилъ, что онъ построенъ на старинный манеръ, но не тревожилъ его старыхъ стѣнъ, потому что новый домъ строить не для чего, да и тогда всѣ старики заговорили бы, что Корчагинъ богачъ. Но и это положимъ ничего, а вотъ гдѣ теперь жить?

Еще не доходя сажень пятьдесятъ до пепелища онъ увидѣлъ, что вся фабричная улица на лѣво загромождена досками и бревнами. По этому старью, отчасти уже прогнившему на сквозь, можно было заключить, что дома въ этомъ порядкѣ построены очень давно. Въ

двухъ мѣстахъ двое рабочихъ складываютъ бревна, вытаскиваютъ изъ досокъ гвозди. Они спорятъ.

— Нѣтъ, Пантелѣевъ, эта доска моя.

— Ну коли твоя, такъ хватай, чортъ-те дери!

— Ты не ругайся: ты и такъ двумя лишними бревнами завладѣлъ.

— А ты-то, ты-то цѣлую стѣну стаскалъ во дворъ. Не помнятъ што ли, что на одномъ бревнѣ картинка отъ конфетъ была приклеена.

— Здорово, братцы, сказалъ Корчагинъ.

— Ты што убѣжалъ што-ли изъ острога-то? Острожная сука!

— Выпустили...

— Разсказывай сказки-то. Вотъ по твоей милости до чего мы дожили!

— Развѣ я виноватъ?

— Вся ваша порода такая.

Корчагинъ пошелъ къ своему мѣсту.

— Куда? закричалъ на него одинъ изъ рабочихъ.

— На свое мѣсто.

— Я тебѣ покажу свое мѣсто! Послѣ экова дѣла оно наше. Спроси свою-то сестрицу, зачѣмъ она Платоновскій домъ зажгла.

— Кто видѣлъ?

— У! чуча... острожная сука-а!

Осмотрѣлъ Корчагинъ пожарище: обгорѣлые столбы торчатъ, да печи цѣлы, грядны обгорѣли, посѣрѣли и сдѣлались тверды, какъ камень. Перебралъ онъ угли въ ямахъ, ничего нѣтъ; даже обгорѣлыхъ инструментовъ нѣтъ.

Зашелъ Корчагинъ съ горя въ кабакъ, выпилъ осьмушку въ долгъ и сталъ думать, что ему дѣлать теперь. Придумалъ онъ справиться хорошенько на счетъ дома Игнатія Глумова, но тамъ его приняли сухо и онъ не добился никакого толку. Оставалось хлопотать у начальства. Пошелъ онъ къ прикащику.

— Скажи пожалуйста, какимъ образомъ ты вхожъ къ Бакину? спросилъ Корчагина прикащикъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ Корчагина. Въ самомъ дѣлѣ, быть въ комнатахъ Бакина такому ничтожному человѣку, какъ Корчагинъ, много значило и заводоуправленіе думало, что онъ, т. е. Корчагинъ имѣетъ какія нибудь вредныя дѣла противъ заводоуправленія.

— Видите ли Финогенъ Степановичъ, я знакомъ въ городѣ съ мастеромъ Подкорытовымъ, а онъ вхожъ къ Бакину. Въ это время какъ я пріѣхалъ къ Подкорытову, Подкорытовъ былъ нездоровъ и послалъ меня съ запиской за деньгами къ управляющему Бакина. Управляющій сказалъ мнѣ, что Бакинъ ему не говорилъ о деньгахъ. Подкорытовъ написалъ письмо къ самому Бакину.

— Не врешь—такъ правда... Мы это узнаемъ. А о какихъ ты деньгахъ, будто украденныхъ у тебя въ полиціи, говорилъ повѣренному.

— Я съ Бакина ничего не получилъ за то, что я высидѣлъ въ острогѣ. Вотъ поэтому я и хочу съ квартальныхъ взыскать двѣсти рублей... Сами посудите, дома нѣтъ, инструментовъ нѣтъ, у Глумова лошадь съ долгушкой украли. Онъ на меня сердится.

— Ты долженъ съ Бакина просить, а не съ полиціи, тѣмъ болѣе что у тебя не было денегъ... Да! Тимошка Глумовъ показывалъ на допросахъ, что ты возилъ золото Бакину и онъ купилъ у тебя на двѣсти рублей; а какъ ты разъ засталъ его съ дѣвкой, то онъ испугался и далъ тебѣ пощечину. Ты думаешь я ничего не знаю? Ну-ко что ты скажешь на это?

— Вы ужь на этотъ счетъ пытайте самого Глумова, потому что онъ это сказалъ со злости. Онъ вчера еще просилъ у меня прощенія.

— А если я велю тебя пытать? Если я тебя турну въ максимовскіе рудники пѣшкомъ, и велю тебя назначить въ самыя тяжелыя работы?! Мало этого, велю тебя, не принимая во вниманіе никакія твои отговорки, наказывать каждый день полегоньку, передъ обѣдомъ, эдакъ по десяточку?! Что ты на это скажешь? и прикащикъ скрестилъ на груди руки.

— Воля ваша. Вѣдь двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать.

— Нѣтъ, я тебѣ покажу де-ся-ять смер-тей!!

Минутъ пять прикащикъ ходилъ молча по комнатѣ, покуривая сигару.

— Ишь выдумали возить золото въ городъ!... Вы забыли, что у васъ есть прикащикъ... нѣтъ, чтобы подарить! проговорилъ онъ медленно.

— Все это показывалъ Глумовъ со злости. Вѣдь извѣстно всѣмъ, что онъ дурачекъ.

Прикащикъ проходилъ изъ угла въ уголъ молча съ полчаса.

— Вотъ што, Корчагинъ,—можешь ты достать мнѣ золота? спросилъ онъ вдругъ.

— Не знаю.

— А чужимъ знаешь! крикнулъ прикащикъ. Я требую и баста!

— Похлопочу пожалуй.

— Не пожалуй, а чтобы черезъ двѣ недѣли было хоть съ фунтъ.

Корчагину нельзя было отказываться: отказаться значитъ навлечь на себя тяжкое наказаніе прикащика. Прикащикъ опять походилъ съ четверть часа и вдругъ спросилъ Корчагина.

— Такъ ты точно видѣлъ у Бакина дѣвку?

— Молодая, красивая... прелесть, сказалъ Корчагинъ, ударяя въ слабую струну прикащика.

— Врешь? сказалъ весело прикащикъ.

— Волоса и платье это... просто картина!

— Ахъ будь онъ проклятъ!! Поди никто не видитъ.

— Кромѣ жены повара Марьи, что часы украла, никто не видитъ; а знать-то, я думаю, знаютъ.

— Удивительная вещь! изъ торгашей какіе тузы сдѣлались. А ты корпишь, корпишь, только непріятности одни.

Прикащикъ замолчалъ.

— Аѳиногенъ Степанычъ? сказалъ вдругъ Корчагинъ.

Прикащикъ былъ занятъ чѣмъ-то. Онъ неотвѣчалъ минутъ пять. Остановившись у одного стола передъ зеркаломъ, онъ сталъ глядѣться въ зеркало.

Вошла Пелагея Семихина въ терновомъ платьѣ и въ сѣткѣ.

— Аѳиногенъ Степанычъ обѣдать готово, сказала она и пошла.

— Постой! сказалъ ей прикащикъ. Она остановилась.

— А что, Корчагинъ: которая лучше: Бакина или моя?

— Ваша несравненно лучше.

— Хоть бы вы при людяхъ-то не страмили меня, сказала Пелагея.

— Ну, пошла на свое мѣсто!! А ты, Корчагинъ, иди на кухню, тамъ накормятъ.

— Аѳиногенъ Степанычъ! я хотѣлъ попросить васъ объ одномъ дѣлѣ.

— Ну?

— Послѣ смерти Игнатья Глумова остались два сына и дочь, теперь домомъ завладѣлъ Александръ Покидкинъ. Позвольте мнѣ въ этомъ домѣ жить; я имъ буду платить деньги за житье.

— Это дѣло исправника. А ты вотъ исполни мое приказаніе. Тогда посмотримъ.

Исправникъ послалъ Корчагина къ письмоводителю, а письмоводитель запросилъ двадцать пять рублей.

Корчагинъ находился въ такомъ положеніи, что не зналъ, какъ теперь ему жить. На счетъ дома Игнатія Глумова онъ долженъ былъ отложить попеченіе, потому что искъ должны начать дѣти Глумова, а у нихъ на домъ не было никакихъ документовъ. Теперь у него нѣтъ инструментовъ, нѣтъ денегъ, и лѣсу. Нужно призанять у почтмейстера или у кого нибудь. А онъ хорошо зналъ, каково занимать: займешь рубль, да за этотъ рубль сработаешь кредитору на десять рублей и спасибо не получишь Больше всего его огорчало поведеніе сестры не потому, что она ушла на рудникъ и живетъ съ штейгеромъ, а ему много наговорили про нее. Его злило то, что она украла деньги, не приберегла его инструменты, которые онъ скапливалъ годами. Но опять и то еще можетъ быть, что она и не украла деньги и инструменты, а припрятала. Онъ пошелъ къ ней

Въ рудничной избѣ, гдѣ обѣдали и спали рабочіе, Корчагинъ не засталъ сестры. Ему сказали, что она въ это время постоянно уходитъ къ штейгеру Подосенову. Корчагинъ присѣлъ. Половина рабочихъ сѣтовали, что они не наѣлись, проклинали Варвару и ложились спать, другіе жевали ржаной хлѣбъ, привезенный ими съ завода. Всѣ ругали Варвару, какъ только могли, на томъ основаніи, что дома у нихъ всегда исправно, а здѣсь, гдѣ женщина служитъ для нихъ за деньги, они не получаютъ ни хлѣба, ни щей, и все это идетъ въ пользу штейгера. Все это они старались какъ можно злѣе высказать Корчагину, который во всемъ соглашался съ рабочими. Но вотъ то, что Варвара хочетъ выйдти за мужъ за приказнаго Прохорова и строитъ въ запрудской сторонѣ домъ въ пять оконъ,— взбѣсило его.

Въ это время вошла въ избу Варвара Васильевна, пошатываясь. Отъ нее пахло водкой. Платокъ съ ея головы свалился, волосы растрепались, сарафанишко изодранъ.

Въ избѣ всѣ замолчали. Всѣ смотрѣли то на Корчагина, то на его сестру.

— Здорово живешь, сестричка! сказалъ Корчагинъ ядовито. Многіе улыбнулись, но всѣ молчали.

Варвара Васильевна поглядѣла на брата сурово, толкнулась правымъ бокомъ объ печку, заглянула въ печь и упала на полъ.

— Камедь! проговорили нѣсколько человѣкъ. Корчагина трясло отъ злости. Варвара Васильевна встала, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ столу, отворила столѣшницу, потомъ пошла прочь. Корчагинъ подошелъ къ ней и ударилъ ее по щекѣ.

— Узнала ты меня? крикнулъ онъ ей и взялъ ее обѣ руки въ свои.

— Каторжный!.. острожный!!.. я тебѣ... заголосила сестра и плюнула въ лицо Корчагина.

— Сестра! гдѣ деньги? спросилъ Корчагинъ ласково.

— Деньги!.. тамъ!! та-а-мъ... говорила его сестра, растягивая.

— Отрезвить бы ее.

— Окатить!... галдили рабочіе, сжимая кулаки.

— Ты замужъ выходишь? допрашивалъ ее Корчагинъ.

— И выйду!... Домъ ему построю, потому деньги мнѣ баушка благословила.

— Благословимъ же ее, братцы?! кричали рабочіе.

— Покажемъ, какъ мѣнять насъ на Подосенова! заговорили рабочіе и встали. Варвара завопила.

Одинъ рабочій принесъ охапку розогъ. Начали операцію надъ сестрой Корчагина. Корчагинъ сначала былъ доволенъ этимъ, но когда, по его соображенію казалось, что Варвару довольно наказывать, то онъ никакъ не могъ удержать рабочихъ: они кричали:

— Ты деньги берешь! мы хлѣбъ свой носимъ! По твоей милости въ избѣ холодно! По твоей милости Степка, сынъ Куроносова околѣлъ....

Кончили. Варвара отрезвѣла и съ ревомъ выбѣжала изъ избы. Немного погодя вошелъ Подосеновъ, худенькій, низенькій человѣкъ лѣтъ сорока, съ свирѣпою физіономіей. На немъ былъ надѣтъ тиковый зеленаго цвѣта халатъ, полы котораго были заткнуты за опояску.

За нимъ шло трое рабочихъ, изъ которыхъ одинъ несъ охапку розогъ.

Подосеновъ назывался рабочими двумя именами — сморчкомъ и винной бочкой; какъ первое такъ и другое названіе шло къ нему.

— Кто кухарку стегалъ? крикнулъ Подосеновъ, оглядывая рабочихъ.

Всѣ молчатъ.

— Который тутъ братъ кухарки?

— Я, сказалъ гордо Корчагинъ.

— Раздѣть!! крикнулъ штейгеръ, разводя руками.

Съ мѣста никто не тронулся.

— Ра-здѣть!! крикнулъ во все горло штейгеръ и вцѣпился въ халатъ Корчагина.

— Руки коротки, сказалъ Корчагинъ, толкнувъ штейгера такъ, что онъ ударился спиной въ печь.

— Ш-што?

— То, што я не подъ твоей командой состою, проговорилъ Корчагинъ передразнивая Подосенова.

— Я тебѣ покажу, покажу!

— Хорошъ онъ нонѣ? спросилъ Корчагинъ рабочихъ.

— А вотъ мы поглядимъ...

— Долой Варвару!

— Не могу... Я... я ее вотъ какъ уважаю!

— Уважимъ!!

И Подосенова выдрали. За операціей спрашивали его: будетъ ли онъ жаловаться. Онъ поклялся и сказалъ одѣваясь, что онъ съ этихъ поръ уѣзжаетъ въ заводъ и выходитъ въ отставку.

— Въ послѣдній разъ вы меня дерете, ребята. Волю зачуяли, волю!!.. Воля вамъ будетъ, ребята, только такого штейгера вамъ не найдти, какъ я... Я всегда писалъ, что всѣ исправны и по моимъ вѣдомостичкамъ выдавали вамъ деньги сполна...

— Не постягать ли ево съизнова?!

— Посмотрю я, какой будетъ новый штейгеръ.

— Поди къ... чорту!!

Подосенова выгнали изъ избы.

— Эй?! конецъ!! шабашъ! всѣ сюда?! кричалъ штейгеръ неистово рабочимъ.

Въ полчаса къ избѣ собралось человѣкъ полтораста рабочихъ съ подростками и малолѣтними.

— Вы говорили... вы проклинали меня?... Я не хорошъ!! Ребята??! Эхъ! ребята??? Меня заставляли!... Мнѣ самому не втерпежъ было...

— Водку-то пить?... ворчалъ народъ.

— Гуляйте!! че-е-ерти!!!

И Подосеновъ, сѣвъ въ долгушку, уѣхалъ.

— Што онъ,—очумѣлъ?

— Съума спятилъ! Говорилъ народъ.

— Айда домой, ну ихъ къ чертямъ!

И рабочіе пошли домой.

Прошли десять верстъ; смотрятъ лошадь и долгушка Подосенова стоитъ около лѣсу. Подосенова нѣтъ.

Двое зашли въ лѣсъ на правую сторону, походили въ лѣсу...

— Виситъ!

— Кто?

— Подосеновъ!!

Подосеновъ повѣсился.

Этому происшествію всѣ въ заводѣ долго дивились и единогласно заключили, что Подосеновъ изгибъ отъ пьянства... Но были люди, которые говорили, что Подосенова сильно допекалъ за что-то прикащикъ.

ГЛАВА XI.

ТАРАКАНОВСКІЙ АРИСТОКРАТЪ И ПЕЛАГЕЯ СЕМИХИНА.

У бѣднаго человѣка первая забота о насущномъ кускѣ хлѣба и постоянное желаніе выйдти изъ подъ неволи; но какъ только бѣдный человѣкъ выбьется изъ нужды и попадетъ въ начальники, онъ круто повертываетъ отъ своихъ собратьевъ по ремеслу, и старается подражать тѣмъ, кто прежде командовалъ надъ нимъ. Еще хуже, если этотъ человѣкъ изъ крѣпостныхъ, сынъ начальника, неиспытавшій самъ горя. Таковъ былъ и Переплетчиковъ. Прежде, когда онъ былъ побѣднѣе, одѣвался просто, разговаривалъ съ рабочими и принималъ участіе въ ихъ положеніи; потомъ, мало-по-малу, онъ сталъ

отдаляться отъ своихъ заводчанъ: одѣвался какъ городской франтъ, окружилъ себя толпой ненужной ему прислуги и смотрѣлъ свысока на всѣхъ. Вмѣсто одноэтажнаго деревяннаго дома, онъ выстроилъ двухъ-этажный каменный въ двѣнадцать оконъ на улицу. Внутренность дома отличалась всѣми неудобствами и роскошью первогильдейнаго купца: полы паркетные, мебель дубовая, вездѣ цвѣты, въ окнахъ и дверяхъ драпри, на стѣнахъ картины, преимущественно соблазнительнаго свойства, на столахъ мраморныя статуи, въ залѣ стоитъ мраморный бюстъ перваго заводовладѣльца подъ стекляннымъ колпакомъ, въ кабинетѣ на столахъ и въ шкафу лежатъ рѣзные камни, въ клѣткахъ распѣваютъ соловьи и канарейки. Вмѣсто огорода у него явился большой садъ съ прудомъ, въ которомъ водятся караси, ерши и окуни, ловить которыхъ можетъ только самъ прикащикъ да управляющій. Въ этомъ саду разъ въ годъ, а именно въ Троицу, дозволяется гулять рабочимъ и слушать даромъ заводскую музыку.

Прикащикъ Переплетчиковъ въ настоящее время вдовъ, дочери его съ нимъ не живутъ; для чего же, спроситъ читатель, онъ имѣетъ такой домъ; неужели онъ одинъ занимаетъ его? Верхній этажъ занимаетъ онъ одинъ; половину нижняго занимаетъ его канцелярія, при которой есть даже клѣтка для виноватыхъ, а другую занимаетъ его прислуга. Стараясь во всемъ пародировать большихъ баръ и не желая отказывать себѣ ни въ чемъ, онъ имѣетъ прислугу какъ помѣщикъ: у него есть дворникъ, кучеръ, садовникъ, лакей, экономка, горничная, прачка и кухарка. Всѣмъ этимъ людямъ онъ ничего не платитъ, потому что они заводскіе. Хотѣлось еще ему завести повара, да въ заводѣ не было такихъ рабочихъ, которые бы умѣли готовить кушанье по карточкѣ, а нанимать въ городѣ повара онъ не хотѣлъ.

Прежде всѣмъ хозяйствомъ заправляла жена Переплетчикова и дочь его Марья Аѳиногеновна. Когда умерла его жена и дочь вышла замужъ за нарядчика Плотникова, тогда хозяйство стала вести двоюродная сестра его жены, вдова Марья Алексѣевна, бывшая замужемъ за чиновникомъ. Говорятъ, что Переплетчиковъ и при жизни жены ухаживалъ за ней, а послѣ сталъ открыто жить съ Марьей Алексѣевной, обѣщаясь жениться на ней. Марья Алексѣевна была

глупая женщина, читавшая по складамъ и умѣвшая кое-какъ записывать цифры. Она совалась всюду, весь день грызла прислугу, ругалась какъ базарная торговка, требовала отъ каждаго почтенія на томъ основаніи, что она дворянка; но ее никто не боялся, вѣроятно потому, что Переплетчиковъ не рѣдко бивалъ ее, теребилъ за волосы, приговаривая: «я тебѣ, шкурѣ барабанной, покажу дворянство!» Однако не смотря на то, что во время обѣдовъ и баловъ, даваемыхъ Переплетчиковымъ, она лѣзла къ заводскимъ аристократкамъ съ разговорами о своихъ снахъ и о непочтеніи къ ней прислуги; не смотря на забывчивость такого рода, что, держа въ лѣвой рукѣ платокъ, она искала этотъ платокъ, билась, бѣгала изъ угла въ уголъ, называя всѣхъ ворами и воровками; несмотря на то, что надъ ней въ глаза смѣялись заводскія барышни,—она была не прочь порисоваться: любила выряднться, нарумяниться и выставить себя на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ; и женщина была не промахъ: безъ зазрѣнія совѣсти она вытаскивала изъ кармановъ прикащика деньги, когда онъ являлся домой пьяный. Это она называла сбереженіемъ на черный день...

Переплетчиковъ и пьяный и трезвый потѣшался надъ ней вдоволь, но сдѣлать ей ничего не могъ. Онъ ото всѣхъ требовалъ повиновенія, а Марья Алексѣевна его не слушалась. Это бѣсило его: «Какъ? меня всѣ боятся! а эта бабенка и знать меня не хочетъ; я могу уничтожить ее, а она командуетъ надо мной?... Сокрушу!» горячился онъ и рѣшилъ постегать ее, но случая къ этому не представлялось. Марья Алексѣевна прятала концы въ воду очень ловко. Золъ сдѣлался Переплетчиковъ, надоѣла ему Марья Алексѣевна. «Прогоню!» думалъ онъ. «Нѣтъ, я ее напередъ выдеру...» и эта мысль еще больше раздражала его. Разъ онъ пріѣхалъ откуда-то ранѣе обыкновеннаго. Марья Алексѣевна ругалась въ кухнѣ. Дверь въ кабинетъ Переплетчиковъ въ этотъ день забылъ запереть, но находящаяся въ кабинетѣ шкатулка съ банковыми билетами и деньгами всегда запиралась, и онъ первымъ дѣломъ, какъ возвращался домой трезвый, подходилъ къ шкатулкѣ, отпиралъ ее и считалъ деньги. Теперь, спохватившись, что кабинетъ не запертъ, онъ кинулся къ шкатулкѣ — замокъ сломанъ. «А! ладно,» сказалъ вслухъ Переплетчиковъ. Стали обѣдать.

— Теперь што? спросилъ прикащикъ лакея, подававшаго второе блюдо.

— Катлеты-съ.

— Позови, каналья, кучера и садовника, а Пантелею вели принести изъ саду свѣжихъ котлетъ. Понимаешь? Живо!

Марья Алексѣевна думала, что вѣроятно Переплетчиковъ будетъ потѣшаться за обѣдомъ надъ тѣмъ, какъ лакея будутъ наказывать, — что и случалось прежде.

Вошелъ кучеръ, толстый человѣкъ, съ лысой головой и русой большой бородой и молодой дюжій садовникъ. Остановились они у дверей и ждали съ нетерпѣніемъ приказанія своего барина. Переплетчиковъ велѣлъ принести изъ комнаты Марьи Алексѣевны сундукъ, а самъ принесъ изъ кабинета на сцену шкатулку. Марья Алексѣевна поблѣднѣла. Все это дѣлалось молча.

— Топоръ! сказалъ Переплетчиковъ.

Немного погодя былъ принесенъ топоръ. Переплетчиковъ разломалъ шкатулку; въ ней не оказалось десяти сто-рублевыхъ бумажекъ; разломали сундукъ Марьи Алексѣевны: оказалось много вещей, принадлежашихъ Переплетчикову.

— Пантелей! крикнулъ Переплетчиковъ.

Явился дворникъ Пантелей, сухощавый человѣкъ, съ сѣдыми кудреватыми волосами и безъ бороды. Въ охабкѣ онъ держалъ пучекъ розогъ.

— Взять ее! крикнулъ прикащикъ, показывая на Марью Алексѣевну.

Какъ ни кричала, какъ ни отбивалась Марья Алексѣевна, а ее все-таки постегали и постегали, на славу.

— Узнала ли ты теперь свое дворянство? спросилъ Переплетчиковъ, когда перестали сѣчь Марью Алексѣевну.

— Я на тебя, подлецъ, жалобу, подамъ.

— Вотъ испужала-то!

И Марью Алексѣевну вытолкали изъ дома прикащика. Жаловаться она не посмѣла, потому что прикащикъ заподозрѣвалъ ее въ отравленіи его жены.

Переплетчиковъ былъ женатъ три раза. Первая жена у него была красавица и изъ за нея онъ получилъ должность казначея главной конторы, такъ какъ она жила съ управляющимъ, о чемъ зналъ

Переплетчиковъ. Сначала супружества онъ любилъ ее, какъ слѣдуетъ, но потомъ связался съ другой женщиной, на которой потомъ и женился. Но эту женщину онъ не могъ любить такъ, какъ любилъ первую, билъ ее и вколотилъ во гробъ. Третья жена хотя и принесла ему много въ приданое, но была женщина больная и онъ оказывалъ больше предпочтенія Марьѣ Алексѣевнѣ.

Прогналъ онъ Марью Алексѣевну, не скоро спохватился: изъ всѣхъ трехъ женъ ни одна такъ не угождала ему, какъ эта чиновница. Правда она и ругала его, била, но за то все у нея было въ порядкѣ, все она дѣлала по его. — «Ты ругайся, да дѣлай какъ я велю». Повиновеніе жены Переплетчиковъ считалъ идеаломъ добродѣтели.

Послѣ Марьи Алексѣевны ему сдѣлалось скучно. Онъ могъ бы выбрать себѣ въ любовницы любую дѣвушку; но кого выберешь? Чиновницъ ему больше не надо; не надо ему и грамотныхъ. Ему нужна красавица, неучь, такая, которая бы и пикнуть не смѣла передъ нимъ. И сколько онъ ни высматривалъ подходящихъ, не находилъ ни въ городѣ, ни въ заводахъ.

Но вотъ однажды докладываетъ лакей, что пришла къ нему съ просьбой Пелагея Семихина. Онъ вышелъ въ пріемную, взглянулъ и остолбенѣлъ.

Это была высокая, здоровая дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, съ очень красивымъ лицомъ и голубыми глазами. На головѣ ея съ причесанными по городски волосами надѣтъ былъ красный ситцевый платокъ, на ней самой ситцевый сарафанъ. На лицѣ замѣтно выраженіе грусти, въ глазахъ замѣтна и робость и покорность.

Такой красавицы Переплетчиковъ еще не видывалъ и онъ невольно поклонился ей и спросилъ ее ласково:

— Что скажешь?

— Афиногенъ Степанычъ, отецъ мой померъ, провьянту мнѣ не даютъ.

— Не положено. А мать есть?

— Нѣтъ.

— Домъ есть?

— Есть.

— И женихъ есть?

— Сватается писарь Зюзинъ.

— Знаю. Вѣдь онъ пьяница и картежникъ? Ты это знаешь ли?

— Слыхала Аѳиногенъ Степанычъ?

Семихина вздохнула.

— Чтожь ты по любви идешь за него?

— Не... знаю... Нужда...

— То-то вы дуры! Учить васъ некому. А я бы совѣтовалъ тебѣ бросить эту фанаберію, потому... Я знаю, что за пособіемъ послалъ тебя Зюзинъ... Такъ?

— Нѣ...ѣтъ.

— Ладно. Вотъ тебѣ десять рублей.

Прикащикъ далъ Семихиной десять рублей. Семихина поклонилась ему въ ноги.

Вечеромъ въ тотъ же день прикащикъ потребовалъ къ себѣ Зюзина; ,Зюзина притащили къ нему изъ кабака. Онъ былъ такъ пьянъ, что едва держался на ногахъ, поэтому прикащикъ велѣлъ запереть его въ своей чижевкѣ и послалъ за Семихиной.

— Что, голубушка, поди всѣ деньги ухнула.

— Всѣ: долги заплатила.

— И женишку дала малую толику. Гдѣ же онъ теперь — въ кабакѣ?

— Не знаю.

Прикащикъ крикнулъ лакея и велѣлъ отвести Семихину въ чижевку къ ея жениху.

Семихина ахнула, потому что Зюзинъ спалъ пьяный, на полу лежала разорванная трехъ-рублевая ассигнація.

— Проси прощенія у прикащика! онъ все знаетъ, сказалъ лакей Семихиной.

На другой день вечеромъ прикащикъ позвалъ къ себѣ Пелагею Семихину. Она кинулась ему въ ноги и стала просить прощенія.

— Хорошо. Чтожь скоро свадьба?

— Я не пойду за него.

— Что такъ.

— Пьяница. Онъ всѣ деньги проигралъ.

Она говорила уже свободно, потому что была не изъ робкаго десятка, да и прикащикъ говорилъ съ ней ласково.

Онъ опять далъ ей три рубля и черезъ два дня позвалъ къ себѣ. Ее ввели въ столовую, гдѣ онъ ужиналъ.

— Ну, красотка, что ты подѣлываешь?

— Мнѣ... я сидѣла... шила.

— Для своего жениха пьянчуги... Вотъ что: хочешь служить у меня?

Семихина поклонилась.

— Съ завтрашняго дня тебѣ будетъ дѣло. Хочешь ѣсть?

— Нѣтъ.

— Врешь! садись.

— Покорно благодаримъ.

Однако Переплетчиковъ уговорилъ ее сѣсть; подвинулъ стулъ къ ней, налилъ ей рюмку мадеры.

— Пей, красотка! сказалъ прикащикъ негромко и поднесъ ей рюмку.

— Покорно благо...дарю... сказала Семихина, и покраснѣла.

— Ну—ну!

Пелагея выпила, отерла губы платкомъ, а Переплетчиковъ обнялъ ее. Пелагея взвизгнула, но Переплетчиковъ цѣловалъ ее.

— Пустите! пустите! кричала Пелагея, но прикащикъ держалъ ее крѣпко.

Вдругъ онъ выпустилъ ее, и пересѣлъ на другой стулъ. Пелагея вскочила и побѣжала къ двери.

— Куда?

Пелагея, неслушая его, убѣжала; но выхода изъ комнатъ Переплечикова не могла найти. Приказчикъ пошелъ искать ее. Въ одной изъ комнатъ Пелагея стояла и плакала.

— О чемъ ты, дѣвка, плачешь? о чемъ ты слезы льешь? сказалъ шутливо прикащикъ.

— Пустите меня, ради Христа, проговорила едва слышно Пелагея.

— На это вашей милости я могу только то отвѣтить, что вы дуры-съ набитыя, потому единственно, что я тебя хотѣлъ испытать.

— Вотъ ужь!

— Право, красотка моя, неписаная. Что же ты стоишь, невесело глядишь? Аль Зюзина боишься?

Пелагея замолчала.

— Пойдемъ ужинать, и прикащикъ взялъ ее за руку.

Пелагея стала отбиваться, но прикащикъ поцѣловалъ ее, выпустилъ и позвалъ лакея.

— Проводи ее. Знаешь?—Да не гляди такъ. Ужинъ и вино чтобы были... Понимаешь.

Пелагея пошла за лакеемъ, который свелъ ее внизъ въ совершенно отдѣльную комнату и эту комнату заперъ на ключъ, который и отдалъ прикащику. Изъ комнатъ Переплетчикова было четыре хода: одинъ парадный, который велъ на улицу и въ его канцелярію, другой въ кухню—черный, третій въ баню, четвертый въ отдѣльную комнату. Эта комната была сдѣлана для матери Переплетчикова, которая любила уединеніе или короче сказать *спасалась* въ ней, а послѣ ея смерти эта комната оставалась никѣмъ незанятою.

Утромъ Пелагея Вавиловна сидя на мягкой перинѣ, положенной на спальную кровать, завѣшанную пологомъ, плакала; Переплетчиковъ сидѣлъ около нея.

— Пустите ли вы меня? крикнула Пелагея.

— Воля твоя! Иди. Только не лучше-ли тебѣ у меня остаться: ты будешь барыня, ни въ чемъ я тебѣ не буду отказывать. Только ты будь хороша, да ласкова... Ты думаешь я тебя обидѣть хочу! Дура! Если ты будешь хороша, я женюсь на тебѣ, только ты умѣй угодить и потрафить мнѣ.

Пелагея Вавиловна слушала и молчала. Когда онъ кончилъ, она не знала что ему сказать; въ головѣ ея бродили неясныя слова: прикащ... убѣ... хочетъ жениться..

Прикащикъ ушелъ и заперъ дверь на ключъ. Пелагея опять заплакала. Ее давило горе, но когда она выплакалась, то ей противна показалась прежняя жизнь: прежде ее били, упрекали, смѣялись надъ тѣмъ, что она подолгу расчесываетъ свои длинные волосы: теперь самъ прикащикъ лелѣетъ ее... «А если онъ... такъ развѣ не было съ ней того же зимой, когда она была съ отцемъ въ хлыстовщинской сектѣ.... Онъ самъ прикащикъ, а Зюзинъ писарь, некрасивый, пьянюга и батракъ; въ полиціи не одинъ разъ драли.. Только стыдно... стыдно...»

Вошелъ лакей.

— Аѳиногенъ Степанычъ приказалъ позвать васъ на верхъ, сказалъ лакей Пелагеѣ.

Пелагея на скоро одѣлась и пошла.

— Сегодня истоплена баня; ступай вымойся; отъ тебя какъ отъ

псины пахнетъ, а потомъ я тебѣ дамъ женины вещи. Не могу же я смотрѣть на тебя въ такой одеждѣ.

Весь этотъ день Пелагея Вавиловна провела въ нѣгѣ. На другой день началась служба ея: прикащикъ, уходя въ свои комнаты, сказалъ ей, чтобы она завтра утромъ пришла къ нему за приказаніями. Когда она пришла, прикащикъ уже занимался и велѣлъ ей достать изъ комода чистое бѣлье, потомъ принести съ водой умывальникъ. Нужно было идти въ кухню, а Пелагеѣ не хотѣлось—стыдно. Однако пошла!

Прислуга, бывшая въ кухнѣ, косо поглядѣла на нее, переглянулась, а кухарка сказала:

— Съ законнымъ бракомъ!

Всѣ захохотали. Лицо Пелагеи Вавиловны зардѣлось.

— Скоро, дѣвушка, тебя въ барыни—то произвели.,.. Вотъ мы такъ не можемъ до такой чести дожиться, сказалъ кучеръ. Всѣ захохотали. Пелагея Вавиловна вспыхнула и, поставивъ, на скамью умывальникъ съ тазомъ, ушла на верхъ.

— Что ты? спросилъ прикащикъ Пелагею Вавиловну, видя, что она плачетъ.

— Обзываются.

Переплечниковъ позвонилъ. Пришелъ лакей.

— Позови-ко сюда Пантелея.

Явился дворникъ.

— Вы скоты, какъ смѣете обзывать ее?.. Да я васъ всѣхъ перепорю—мошенниковъ.

— Мы ничего...

— Я тебѣ дамъ ничего! скажи всѣмъ, что если я еще что нибудь услышу отъ нея, не только что перепорю васъ, прогоню, въ работы сошлю. Пошелъ!

Прошло дня четыре. Прислуга при входѣ Пелагеи Вавиловны въ кухню шепталась, а молодые люди старались подскочить къ ней и, подмигивая товарищамъ, спрашивали ее:

— Чего изволите, барышня?

— Какое на васъ платьице нарядное, замѣчалъ другой.

Пелагея Вавиловна вспыхивала, но молчала и глядѣла въ полъ. Идти въ кухню было для нея пыткой и она старалась какъ нибудь уговорить лакея, чтобы онъ замѣнилъ ее. А работы у Пелагеи Ва-

виловны было немного: она мыла чайную посуду, разливала чай, чему она научилась съ трудомъ, гладила бѣлье.

Прошло три недѣли. Прикащикъ съ ней ласковъ, прислуга не такъ надоѣдаетъ какъ прежде.

Въ пятницу вечеромъ у прикащика были гости: исправникъ, письмоводитель его и зять Плошкинъ съ женами. Прикащикъ заставилъ Пелагею подавать гостямъ чай. Мужчины сидѣли въ залѣ, женщины въ гостиной.

— А что какова? спросилъ Переплетчиковъ исправника, когда Пелагея брала отъ исправника стаканъ.

— Недурна.

Пелагеѣ Вавиловнѣ сдѣлалось обидно, зачѣмъ прикащикъ хвастается ею и страмитъ ее. Когда она вошла съ подносомъ къ дамамъ, растягивающимъ слова по заводски, то исправничья жена спросила ее:

— Ты на содержаніи!

Пелагея Вавиловнѣ не поняла этого слова.

— Чтожъ ты стоишь? спросила опять жена исправника.

— Чашку...

— Ахъ ты дура... Да ты развѣ не городская?

— Нѣтъ.

Пелагею позвалъ прикащикъ.

Исправникъ, Плошкинъ, письмоводитель и прикащикъ о чемъ-то крупно спорили.

Прикащикъ съ исправникомъ жилъ дружно и нисколько не боялся его, потому что могъ во всякое время подкупить его; письмоводителя онъ считалъ ни зачто, но приглашалъ къ себѣ какъ родственника.

— Небывать! Небывать! кричалъ прикащикъ,

— Будетъ! Тогда ужь вашему брату отпадетъ лафа! горячился исправникъ.

— А ты думаешь вашего брата непогонятъ метлой!

— Не только не погонятъ, мы строже будемъ.

— Нако выкуси! и прикащикъ показалъ исправнику кукишъ.

Завязался споръ; каждый считалъ себя честнѣе другого, стали корить другъ друга.

— Ты за Павленковское дѣло сколько получилъ, а что дѣлалъто? кричалъ прикащикъ.

— А ты какъ фабрику-то строилъ?

— Вы начальство, какъ можно... Вы рабочихъ давите, вмѣшался письмоводитель.

— Чѣмъ?

— Напримѣръ, Глумовское семейство... Кому оно обязано....

— Да что вы меня, скоты эдакіе, Глумовыми дразните, чтобъ вамъ всѣмъ околѣть!

Однако скоро затихли. Подали закуску, вина и водку. За водкой опять стали корить другъ друга, опять помянули Игнатья Глумова и Курносова; отъ нихъ рѣчь перешла ко многимъ обиженнымъ прикащикомъ, который свирѣпѣлъ. Гости, не помирившись съ прикащикомъ, ушли по домамъ.

Когда они ушли, прикащикъ долго ходилъ по комнатамъ и ворчалъ.

«Вы думаете я боюсь васъ?... А вотъ я вамъ докажу, что я на васъ на всѣхъ плевать хочу! Вы мнѣ напередъ долги заплатите, а потомъ тащите меня подъ судъ... А хоть я и строгъ, за то и милостивъ и доброе дѣло сдѣлаю, не испугаюсь... У васъ есть свои шпіоны, а я заведу своихъ.. «

Утромъ на другой день Переплетчиковъ потребовалъ къ себѣ своего письмоводителя и отдалъ такой приказъ: принеси мнѣ списокъ дѣтей Семихина, Ильина, Глумова, Мокѣева.

Когда списокъ былъ принесенъ, прикащикъ написалъ на немъ: зачислить въ легкія работы на фабрики, выдавать провіантъ сполна, да пенсіи на каждаго по пуду въ мѣсяцъ. Доложили ему, что явился Корчагинъ. Онъ велѣлъ провести Корчагина въ кабинетъ.

— Ну что, другъ сердечный, тараканъ запечный. Много ли ты нашелъ золота!

— Двѣ недѣли Аѳиногентъ Степанычъ пробылъ на промыслахъ. Порядки нонѣ совсѣмъ другіе. Всего только полфунта, и то въ долгъ рабочіе повѣрили.

Прикащикъ взялъ золото, поглядѣлъ и сказалъ:

— Вотъ это вѣрнѣе будетъ. Можешь нарубить пятьдесятъ бревенъ для дому.

И прикащикъ далъ Корчагину записку.

— А что Корчагинъ, Илья Глумовъ хорошій парень, не воръ?

— Да.

— Грамотѣ умѣетъ?

— Плохо.

— Ну это ничего... Такъ возьми почини садокъ.

Корчагинъ вышелъ не совсѣмъ довольный прикащикомъ, но за то избавлялся отъ тяжелыхъ наказаній.

По уходѣ его, прикащикъ позвалъ къ себѣ своего письмоводителя и, подавая ему списокъ подростковъ, сказалъ:

— Гришкѣ Пономареву, что у меня въ лакеяхъ, я даю вольготы на полгода, потомъ записать его въ кузницу, а Ильку Глумова записать ко мнѣ. Понимаешь.... Завтра же быть ему здѣсь.

Ѳ. Рѣшетниковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

НѢМЕЦКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ВЪ РОССІИ.

I.

У насъ часто слышатся жалобы на непримѣнимость идей, обращающихся въ литературѣ, и на неспособность русскаго писателя проводить свои идеи въ самую жизнь.

Спрашиваю я недавно одного земледѣльца: — выписываете вы Земледѣльческую газету? — Въ нынѣшнемъ году нѣтъ. — Отчего? — Да ничего въ ней нѣтъ примѣнимаго къ нашей мѣстности. — Разумѣется, землевладѣлецъ правъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что виновата Земледѣльческая газета.

Если бы недовольство непримѣнимостію ограничивалось только одною Земледѣльческою газетою и однимъ приведеннымъ мною выше землевладѣльцемъ, то о такомъ частномъ случаѣ не стоило бы и говорить.

Но дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ гораздо шире. Дѣло въ томъ, что о немъ не только говорятъ, но и пишутъ, и къ сожалѣнію пишутъ такъ, что люди, лишенные самостоятельнаго взгляда на вещи, подумаютъ, что имъ и въ самомъ дѣлѣ предлагаются высокія истины, которыя остается только заучить на память и затѣмъ носиться съ ними, какъ съ писаной торбой.

Еще такъ недавно—когда журналистика не потеряла еще чувства нравственнаго приличія — нашъ литературный муравейникъ вѣрилъ въ практическую пользу западныхъ идей и не относился къ нимъ

съ такимъ олимпійскимъ высокомѣріемъ, какимъ отличаются теперь самые тупоумные публицисты, дающіе тонъ литературѣ. Всякій новый органъ, въ родѣ „Всемірной ерунды“, по ошибкѣ, названной „Трудомъ“, считаетъ непремѣнной обязанностію оплевать мыслящихъ людей и прикинуться чѣмъ-то самостоятельнымъ, создающимъ *свое* и для *своихъ*.

Но вы, читатель, не должны предаваться обманчивымъ надеждамъ, — литературные противники того, чему они еще такъ недавно поклонялись, не скажутъ вамъ ничего новаго; не разскажутъ они намъ ничего о потребностяхъ и нуждахъ Россіи и русскаго народа; они не видѣли этотъ народъ ни въ полѣ, ни въ избѣ, они знаютъ Россію только такой, какой она представляется изъ оконъ ихъ квартиры, гдѣ нибудь въ Гороховой или на Васильевскомъ Островѣ, а русскаго человѣка — лишь въ образѣ петербургскаго извощика и дворника.

Впрочемъ я далекъ отъ обвиненія даже такихъ публицистовъ которые готовы предлагать свои глупыя мысли самымъ глупымъ поставщикамъ ихъ на потребу нашей публики.

Люди пишутъ вздоръ вовсе не потому, чтобы имъ хотѣлось во что бы то ни стало писать глупости. Такого страннаго честолюбія не проявлялъ еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Только по двумъ причинамъ люди могутъ не видѣть истины—или потому что не видитъ ихъ умственное око — и въ этомъ случаѣ конечно ничего не подѣлаешь — или же потому, что увидѣть истину мѣшаютъ имъ обстоятельства.

Для чести всѣхъ пишущихъ русскихъ людей я предполагаю, что ихъ умственное око въ исправности; значитъ нужно обвинять обстоятельства. А что такое эти обстоятельства, какъ не бѣдность.

Да, бѣдность, и одна только бѣдность мѣшаетъ намъ читать книгу русской жизни; только бѣдность мѣшаетъ намъ видѣть русскій народъ и изучить въ натурѣ его нужды и потребности. Вотъ почему мы черпаемъ свои знанія преимущественно изъ готовыхъ источниковъ, или, сидя въ четырехъ стѣнахъ, строимъ выводы и даже пишемъ цѣлые проэкты на основаніи собственныхъ умозаклю-

ченій и невѣрныхъ односторонніхъ фактовъ, случайно попадающихся намъ въ руки.

Печально положеніе нашихъ литературныхъ рабочихъ и справедливо ихъ зовутъ литературными пролетаріями. Несправедливо только то, что какая нибудь „Вѣсть“ позволяетъ себѣ произносить это названіе съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Пусть я литературный пролетарій, но не вамъ сконфузить меня этимъ прозвищемъ; я знаю, что значитъ пролетарій и не промѣняю своей горькой доли на вашу ливрейно-блестящую судьбу.

Если бы каждый изъ этихъ пролетаріевъ не бился бы изъ-за куска насущнаго хлѣба, если бы его скудный заработокъ не держалъ его на минимумѣ матеріальныхъ средствъ для его умственнаго труда, то конечно наша ученая литература и публицистика были бы иного качества и достоинства.

Вы, читатель, недовольны непримѣнимостію того, что вамъ предлагаютъ; но развѣ въ этомъ дѣлѣ есть кто нибудь виновный, кромѣ васъ же самихъ? развѣ вы даете средства на болѣе зрѣлый и болѣе основательный трудъ? Знаете ли вы, что Ньютонъ не открылъ бы своего закона всеобщаго тяготѣнія и не могъ бы произвести всѣхъ тѣхъ открытій, которыя онъ сдѣлалъ, если бы онъ долженъ былъ посвящать все свое время работѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба. Ньютонъ, имѣя квартиру, столъ и 600 руб. въ годъ, долженъ былъ за все это читать лекціи только одинъ разъ въ недѣлю! Такъ оплачиваемый трудъ даетъ возможность создавать работу дѣйствительно высокаго качества. Положимъ, что русскіе литераторы не Ньютоны, но не думайте, что они неспособны работать лучше того, какъ они работаютъ. Но какъ же имъ работать хорошо, когда имъ платятъ чуть ли не какъ простымъ поденщикамъ. А платить имъ нельзя больше потому, что запросъ на умственный товаръ еще такъ скуденъ, что всѣ наши газеты и журналы едва только существуютъ.

Или говоря примѣрами: если бы вы давали „Земледѣльческой газетѣ“ пристойныя средства, неужели вы думаете, что у нея не нашлось бы знающихъ агрономовъ для спеціальнаго изученія ва-

шей мѣстности и для постояннаго наблюденія за ходомъ хозяйства вашей полосы? Сотрудники Земледѣльческой газеты, при скудныхъ средствахъ для труда, рѣшительно не въ состояніи предложить читающей публикѣ лучшую работу. Дайте средства и вамъ дадутъ иной товаръ. Почему такъ хороши корреспонденціи англійскихъ и американскихъ газетъ? Только потому, что тамъ хорошо платятъ корреспондентамъ; слѣдовательно писатель имѣетъ полную возможность, не спѣша и терпѣливо собирая матеріалы, создать дѣйствительно что нибудь сильное и подавляющее несомнѣнностію и неопровержимостію фактовъ и выводовъ. Но что же соберетъ подавляющаго русскій писатель или корреспондентъ, когда имъ платятъ мѣдными грошами и когда имъ нѣтъ возможности не только для личныхъ наблюденій и изслѣдованій, но нѣтъ средства для покупки даже хорошихъ чужихъ уже напечатанныхъ матеріаловъ.

Предположимте, что русское общество занимаетъ теперь больше всего вопросъ о земледѣліи и объ увеличеніи нашихъ культурныхъ силъ. Предположимте, что явилось мнѣніе о необходимости колонизаціи, о водвореніи у насъ какого нибудь новаго сильнаго земледѣльческаго элемента. Или вы не допускаете, что русскому этотъ вопросъ подъ силу? Вы говорите нѣтъ. Что же нужно, чтобы прослѣдить вопросъ въ полномъ его развитіи, во всей его полнотѣ? Нужно получить всѣ необходимые офиціальные матеріалы изъ министерства Г. И. и затѣмъ побывать во всѣхъ колоніяхъ; наконецъ имѣть мѣсяца четыре свободнаго времени, чтобы все собранное и замѣченное привести въ порядокъ и изложить въ видѣ обработаннаго цѣлаго. Такая работа потребуетъ, по меньшей мѣрѣ, годъ времени, потребуетъ разъѣздовъ рѣшительно по всей Россіи, кромѣ Сибири. Думаете ли вы, что тремя тысячами вы покроете этотъ расходъ? Положимъ, что такъ. Но ваша книжка выйдетъ листовъ въ двадцать — и больше этого написать невозможно — васъ расчитаютъ по 50 р. за листъ, что еще очень щедро, т. е. заплатятъ вамъ 1000 руб. за такое дѣло, которое вамъ самимъ стоитъ 3000 р. Окупается трудъ или нѣтъ? Возможны самостоятельныя, дорого стоющія изслѣдованія, или невозможны? Чѣмъ ста-

нетъ заниматься русскій литераторъ легкими или трудными работами?

Изъ всего этого читатель, желающій наиболѣе блистательнаго процвѣтанія русской литературѣ, выведетъ то заключеніе, что если русскій литературный трудъ держитъ русскаго писателя впроголодь, то конечно будетъ лучше, если литература перестанетъ быть кускомъ насущнаго хлѣба и если ею станутъ заниматься не литературные пролетаріи, а люди обезпеченные. Читатель можетъ привести въ примѣръ нѣкоторыхъ русскихъ графовъ и князей, съ честію подвизавшихся на литературномъ поприщѣ. Мысль эта была бы конечно правильной, если бы читатель могъ подтвердить ее такими фактами, которыми бы доказывалось несомнѣнно, что диллетантизмъ приносилъ когда либо и чему бы то ни было пользу. Только тогда возможна серьезная польза, когда трудъ есть дѣло жизни. Для диллетанта же трудъ есть утѣха. Не укажете вы границъ вѣтру, гуляющему въ полѣ; не привяжете вы и диллетанта къ настоящему серьезному труду. Для диллетанта всякій трудъ— забава; что же станется съ бѣдной русской литературой, когда она превратится въ праздную забаву диллетантовъ?

Теперь читатель конечно не станетъ удивляться тому, что лучшія сочиненія о Россіи писались не русскими, а иностранцами. И еще бы не написать. Человѣкъ пріѣзжаетъ съ деньгами, съ спеціальной цѣлію изученія—напр. Гакстгаузенъ, Петцольдъ, Маттеи— вездѣ принимаютъ его съ распростертыми объятіями, открываютъ и показываютъ все, съ предупредительностію и готовностію снабжаютъ всевозможными свѣденіями и статистическими данными. А развѣ русскій литераторъ можетъ мечтать когда либо о подобномъ благополучіи? И вотъ вмѣсто того, чтобы заниматься самостоятельнымъ изслѣдованіемъ разныхъ сторонъ народной жизни и народнаго экономическаго быта, русскій литераторъ, сидя въ своихъ четырехъ стѣнахъ, ждетъ не пріѣдетъ ли какой нибудь нѣмецъ, не изслѣдуетъ ли какой нибудь животрепещущій вопросъ, не напишетъ ли о немъ книжку. Къ счастію, въ предупредительности иностранцевъ не бываетъ никогда недостатка, и русскому писателю остается

только купить нѣмецкую книжку, да познакомить съ нею русскаго читателя, потому что самъ русскій читатель не узналъ бы никогда о ея существованіи; а если бы и узналъ, то все-таки не купилъ бы.

И относительно колонизаціи дождались мы съ вами, читатель, что предупредительный саксонскій офицеръ, Фридрихъ Маттеи, объѣхавъ наши колоніи и пособравъ богатый матеріалъ изъ дѣлъ министерства Государ. Имущ. напечатанъ въ Лейпцигѣ „Die deutschen Ansiedelungen in Russland“, съ которой я и прошу у васъ позволенія васъ познакомить, ибо безъ этого вы ее никогда не купите и никогда не прочитаете. Предупреждаю читателя, что этой книгой я буду пользоваться какъ матеріаломъ; что же касается до выводовъ Маттеи, то читатель увидитъ и самъ, почему съ ними согласиться невозможно.

II.

Когда въ послѣднее десятилѣтіе наши земледѣльческія производительныя силы пришли въ новыя комбинаціи, то вмѣстѣ съ перемѣною экономическихъ условій явилось затишье въ земледѣльческомъ трудѣ, вызвавшее въ людяхъ робкихъ и придерживающихся старины неосновательную боязнь за наше будущее; а въ людяхъ пытливыхъ и мыслящихъ желаніе опредѣлить сознательно и точно наше земледѣльческое экономическое положеніе и отношеніе нашего земледѣлія къ народному хозяйству вообще.

Спокойное наблюденіе фактовъ показало, что наше земледѣліе находится въ самомъ плачевномъ состояніи и что преувеличенные крики патріотовъ стараго закала больше ничего, какъ дѣтское самовосхваленіе, неоправдываемое ни благоразуміемъ, ни дѣйствительною любовью къ отечеству.

У насъ земли точно много; но земли такой, какою ее создалъ Господь Богъ; что же касается до земли, служащей для сельскохозяйственной эксплоатаціи, то процессы, свершаемые съ нею, стыд-

но и грѣшно назвать не только сельскимъ, но и какимъ бы то ни было хозяйствомъ. Выражаясь научнымъ языкомъ, мы богаты рабочими руками, богаты невоздѣланными пустырями, богаты истребленными или разстроенными лѣсами, богаты истощенными и скверно обработанными пашнями; но *культурныхъ* сельско-хозяйственныхъ силъ у насъ рѣшительно нѣтъ.

Слѣдовательно, чтобы наше сельское хозяйство освободилось отъ своего гибельнаго застоя, грозящаго намъ тѣмъ, что на европейскихъ рынкахъ насъ вытѣснятъ другіе производители, намъ необходимо подумать заранѣе о мѣрахъ и способахъ къ возвышенію нашего сельско-хозяйственнаго интелекта.

Но понять, и даже указать способы для достиженія подобной цѣли гораздо легче, чѣмъ вызвать благодѣтельный и скорый переворотъ въ практикѣ сельскаго хозяйства.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что изба нашего земледѣльца отличается и внѣшней и внутренней скудостію, что скота у него мало, навозу тоже; что не знаетъ онъ ни пахать, ни сѣять, ни жать, ни молотить такъ, какъ это дѣлается настоящими сельскими хозяевами.

Все это и есть признаки низкаго уровня сельско-хозяйственнаго интелекта; но дѣло въ томъ, какими средствами произвести въ мыслительныхъ процессахъ русскаго земледѣльца такую перемѣну, чтобы вся его внутренняя и внѣшняя жизнь, чтобы его поле и лугъ приняли такую же физіономію, какая соотвѣтствуетъ сельско-хозяйственному типу западной Европы, служащей намъ образцомъ?

Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ приведутъ конечно къ благодѣтельнымъ результатамъ, но это результаты будущаго, которые обнаружатся вполнѣ только во второмъ и въ третьемъ поколѣніи нынѣшнихъ земледѣльцевъ; а между тѣмъ Европа идетъ быстрымъ шагомъ впередъ, мы же отстаемъ отъ нея все болѣе и болѣе. Что же будетъ наконецъ?

Желаніе сообщить нашему сельско-хозяйственному преуспѣянію возможно большую быстроту привело къ мысли о томъ:—не будетъ

ли для насъ наиболѣе полезно привлечь къ себѣ культурныя силы извнѣ или по просту допустить иностранную колонизацію.

Совершенно очевидно, что если пространства, лежащія впустѣ, отдать въ пользованіе хорошимъ сельскимъ хозяевамъ, и если всѣ некультированныя пространства превратить посредствомъ иностранныхъ колонистовъ въ такія же цвѣтущія пашни, какъ поля меннонитовъ, то выигрышъ Россіи не подлежитъ никакому сомнѣнію и на земномъ шарѣ не найдется другой страны, равной ей по богатству.

Эту мысль высказывали нѣкоторыя наши газеты, предлагавшія между прочимъ пригласить для поселенія американцевъ, и ту же мысль, но только по отношенію къ нѣмцамъ, высказываетъ и авторъ книги, которой я пользуюсь.

Посмотримъ, на сколько эта мысль справедлива и примѣнима къ Россіи.

III.

Первая колонизація иностранцевъ началась у насъ еще въ прошедшемъ столѣтіи.

Когда Петръ I заложилъ въ 1703 г. Петербургскую крѣпость, то старался привлечь къ Петербургу какъ можно болѣе знающихъ иностранцевъ, расчитывая ихъ примѣромъ подѣйствовать на коренныхъ русскихъ, поселившихся въ новой столицѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ создать и европейскую промышленность, русскимъ людямъ тогда неизвѣстную.

Но переселенія эти не были колонизаціей въ истинномъ смыслѣ. Настоящая колонизація началась только со времени императрицы Екатерины II.

Въ декабрѣ 1762 г. Екатерина издала манифестъ, которымъ дозволялось всякому иностранцу, кромѣ евреевъ, свободное переселеніе въ Россію. Вскорѣ затѣмъ императрица учредила особую канцелярію для наблюденія и покровительства переселяющихся иностранцевъ и предоставила имъ полную свободу вѣроисповѣданія,

собственную юрисдикцію, тридцатилѣтнюю льготу отъ податей и освобожденіе отъ рекрутства. Понятно, что подобныя выгоды пробудили во многихъ нѣмцахъ желаніе переселиться въ Россію.

Первая партія переселенцевъ, состоявшая изъ 100 семействъ, явилась въ Петербургъ въ 1765 г., и образовала три колоніи: новую Саратовку, среднюю Рогатку и Колпино.

Вскорѣ затѣмъ, въ 1767 г., прибыло еще 67 семействъ, поселившіеся близъ Ямбурга и тоже тремя колоніями.

Въ 1808 г. императоръ Александръ объявилъ, что онъ отдастъ изъ своихъ земель, лежащихъ между Ораніенбаумомъ и Красной Горкой, 20,000 дес. земли подъ поселеніе такимъ колонистамъ, которые, пострадавъ за границей отъ войны, пожелаютъ искать пристанища въ Россіи. Вслѣдствіе этого явилось 18 семействъ, образовавшіе кронштадтскую колонію.

Въ 1810 году было отведено подъ поселеніе колонистамъ 15,000 дес. въ казенной лѣсной дачѣ, Изворскомъ обрѣзѣ (Царскосельскаго уѣзда). Въ 1812 г. на землѣ великаго князя Константина Павловича, по его личному приглашенію, образовалась колонія Стрѣльна.

Затѣмъ мелочныя переселенія не прекращались почти вплоть до нашего времени. Не вдаваясь въ мелочныя подробности, укажу на колоніи болѣе извѣстныя. Въ 1834 г. подлѣ Петергофа образовалась Александровская колонія, а въ 1843 г., въ той же мѣстности, Знаменская.

Въ одно время съ переселеніемъ нѣмцевъ въ Петербургскую губернію шла колонизація и въ другія мѣстности Россіи. Такъ въ 1766 г. началось переселеніе нѣмцевъ въ Черниговскую губернію, гдѣ считается нынче семь колоній съ 1900 жителей. Въ Волынской губерніи въ 34-хъ колоніяхъ живетъ 5,000 нѣмцевъ. Колонизація Бессарабіи началась въ 1814 г. и продолжалась въ 1817, 1821, 1831, 1836, 1842 гг. Нѣмцевъ въ Бессарабіи 22,000 человѣкъ. Затѣмъ шло переселеніе на Волгу, въ Крымъ, въ губерніи Херсонскую и Екатеринославскую.

Основная мысль правительства, предпринявшаго эту колонизацію,

заключалась во первыхъ въ заселеніи пустырей и безлюдныхъ пространствъ юга Россіи, и во вторыхъ въ привлеченіи къ намъ культурныхъ силъ. Такъ въ манифестѣ императрицы Екатерины II, отъ 22 іюля 1763 г. говорится, что колонизація имѣетъ цѣлію привлечь новое поселеніе на пустынныя и необработанныя пространства юга имперіи и посредствомъ прибывшихъ иностранцевъ распространить между коренными подданными сельско-хозяйственныя познанія и промышленность.

Россія, особенно въ прошедшемъ столѣтіи, не представляла ничего особенно привлекательнаго, чтобы одно желаніе воспользоваться иностранными силами для просвѣщенія русскихъ, привлекло немедленно къ намъ массы этихъ силъ. Поэтому понятно, что требовалось употребить приманки такой сильной магнитности, которыя бы вознаградили переселенцевъ съ лихвой за всѣ потери и страданія, неизбѣжныя при колонизаціи.

Волжскія колоніи стоили правительству баснословнаго расхода въ 5,199,813 руб. Колонистамъ были выстроены не только дома и церкви, но имъ выдавались земледѣльческія орудія, хлѣбъ, сѣмена и наличныя деньги. Меннонитамъ, переселившимся по приглашенію императрицы Екатерины II, были даны слѣдующія вольности: свобода вѣроисповѣданія; 65 дес. земли на каждое семейство; деньги на переселеніе, обзаведеніе и водвореніе; лѣсъ на постройки и сѣмена на посѣвъ; десятилѣтняя льгота въ податяхъ; свобода винокуренія и всякое освобожденіе отъ военной службы. Переселившіеся въ 1819 г. около Царскаго села нѣмецкіе колонисты, кромѣ готовыхъ домовъ, получили на каждое семейство по 3,000 руб. асс. наличными деньгами. Постройка четырехъ домовъ для восьми семействъ стоила 76,144 руб. асс., потомъ были ассигнованы еще 84,815 руб., а весь расходъ на 9 семействъ составилъ до 1825 г. т. е. въ теченіе 6 лѣтъ, 190,400 руб. асс. Хотя деньги эти отпускались имъ и заимообразно, но дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ Александръ I простилъ имъ всѣ долги, за исключеніемъ первыхъ 3,000 руб. Если правительство дѣйствовало не по отношенію ко всѣмъ колонистамъ съ подобнымъ широкимъ великоду-

шіемъ, тѣмъ не менѣе оно оказывало всѣмъ необходимую и довольно большую поддержку. Покровительство нѣмецкой колонизаціи простиралось до того, что для нѣкоторыхъ колонистовъ Россія служила исключительно религіознымъ убѣжищемъ. Такъ въ 1816 и 1817 гг. переселились къ намъ изъ Виртембергскаго королевства религіозные раціоналисты и разные мечтатели, заставлявшіе предполагать, что еще на родинѣ случилось въ ихъ мозгахъ какое нибудь неблагополучіе. Колонисты эти поселились въ Грузіи, и отличались отъ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ колонистовъ именно тѣмъ, что меньше всего соотвѣтствовали видамъ покровительства, высказаннымъ въ манифестѣ 1763 года. Въ то время какъ всѣ остальные колонисты устроивали себѣ прочное поселеніе, грузинскіе колонисты предавались религіознымъ спорамъ и раздорамъ и въ ожиданіи тысячелѣтняго царства считали совершенно безполезнымъ устроивать себѣ порядочное временное жилье. У нихъ не было ни проповѣдниковъ, ни священниковъ и всѣ церковные обряды и религіозныя таинства—крещеніе, конфирмація, бракъ, погребеніе и даже причащеніе — совершались простыми мірянами, по выбору самихъ колонистовъ. Когда въ 1823 г. прибыли въ Тифлисъ базельскіе миссіонеры, то религіозное волненіе и разномысліе какъ будто бы поутихло. Но это было только на самое короткое время. Религіозное броженіе началось снова и кончилось оно наконецъ тѣмъ, что въ 1842 г. явилась, въ колоніи Катериненфельдъ, пророчица, возвѣстившая наступленіе тысячелѣтняго царства и объявившая, что вѣрные должны отправиться въ Іерусалимъ на встрѣчу Господу. Началомъ странствія назначено 30 мая 1843 г. Тогда фанатизмъ дошелъ до своего крайняго предѣла. Безумцы распродали и раздарили все свое имущество и къ 30 мая собрались въ колоніяхъ—Тифлисѣ, Александердорфѣ, Маріенфельдѣ и Элизабетталь въ числѣ 362 человѣкъ. Вся эта толпа, подъ предводительствомъ своей пророчицы, двинулась 4 іюня въ Іерусалимъ; но увы, по распоряженію начальства, ихъ встрѣтили за нѣсколько верстъ казаки и принудили воротиться домой. Неудача скоро образумила религіозныхъ мечтателей и объ Іерусалимѣ они теперь уже забыли.

IV.

Въ какой же степени колонизація удовлетворила цѣлямъ правительства; насколько нѣмецкіе колонисты способствовали заселенію пустырей; на сколько они придали намъ культурныхъ силъ?

Къ переселенію можетъ побуждать только недовольство своимъ настоящимъ и надежда на лучшее будущее.

Изъ этого очевидно, что кромѣ льготъ и привиллегій, колонистамъ нужно было плѣниться еще и естественными богатствами страны, какъ источникомъ ихъ будущаго богатства. Колонисты знали, что отъ нихъ требуется знаніе и трудолюбіе и вообще хорошій примѣръ; но знали также они и то, что имъ нужны хорошія мѣста для поселенія и хорошая почва для обработки. Однимъ словомъ, прежде всего, чтобы было имъ хорошо, а ужь примѣръ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Понятно, что стремясь къ лучшему, они неохотно подчинялись тому, что не удовлетворяло ихъ идеалу.

Такимъ образомъ колонисты, поселенные въ Изворскомъ обрѣзѣ, увидѣли скоро, что они не найдутъ въ немъ своего спасенья и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Козадавлевъ представилъ государю о томъ, чтобы имъ дозволить переселиться въ лучшія мѣста.

Совершенно справедливо, что ни по климату, ни по почвѣ Изворскій обрѣзъ не имѣетъ ничего общаго съ Бразиліею и южными штатами сѣверо-американскаго союза. Но нельзя отрицать также и того, что р. Гусника, на которой водворились колонисты, впадаетъ въ очень почтенную судоходную рѣку Лугу, что Нарва и Ямбургъ отстоятъ отъ этого мѣста не болѣе какъ на 80 верстъ и что мѣстность по Лугѣ заселена густо русскими крестьянами. Русскимъ видно хорошо, потому что они живутъ тамъ и до нынѣ.

Подобнымъ же образомъ было дозволено переселиться въ Екатеринославскую губернію водворившимся подъ Ямбургомъ 67 семей-

ствамъ колонистовъ изъ Пфальца. Изъ нихъ ушли 31 семейство, а 36 остались. Это было въ 1793 г. Въ 1847 г. было дозволено ямбургскимъ колонистамъ новое переселеніе въ Екатеринославскую губернію, въ числѣ 37 семействъ.

Изъ петербургскихъ же колонистовъ образовались въ 1835 и 1836 гг. въ Олонецкой губерніи колоніи Николаевская и Александровская.

Кромѣ непріютной петербургской мѣстности, передвиженіе колонистовъ изъ мѣста своего перваго водворенія совершилось и изъ другихъ губерній. Такъ часть поселенцевъ изъ колоніи Бѣловежь Черниговской губерніи перешла въ 1801 г. въ губернію Полтавскую. Подобнымъ же образомъ и до сихъ поръ передвигаются колонисты изъ мѣста въ мѣсто, образуя новыя колоніи или выселки.

Факты эти важны въ томъ отношеніи, что показываютъ, что колонисты неудовлетворялись тѣмъ, что имъ предлагали и чѣмъ пользовались ихъ сосѣди русскіе. Получая громадное пособіе и огромныя льготы, они кромѣ того выбирали себѣ мѣста безукоризненной плодородности и, при малѣйшей тѣснотѣ или почвенныхъ недостаткахъ, просили правительство отводить имъ мѣста для новаго переселенія.

На подобныя просьбы колонистовъ наше правительство смотрѣло всегда снисходительно и если представлялась хотя малѣйшая возможность, то охотно имъ удовлетворяло.

Противъ этого конечно возражать нечего. Не для того же въ самомъ дѣлѣ были приглашены иностранцы, чтобы поставить ихъ въ положеніе худшее противъ того, отъ котораго они бѣжали изъ своей родины. Если страна нуждалась въ знающихъ земледѣльцахъ и въ культурныхъ силахъ, то, разумѣется, слѣдовало прежде всего поставить колонистовъ въ полную возможность проявить свои знанія и свою силу. И этого можно было достигнуть только большими пособіями при переселеніи, отводомъ превосходныхъ земель и постоянной системой покровительства. И нужно отдать справедливость министерству государственныхъ имуществъ въ его заботахъ о процвѣтаніи колоній.

Впрочемъ можетъ быть больше, чѣмъ министерству государственныхъ имуществъ, обязаны колоніи своимъ процвѣтаніемъ предоставленному имъ самоуправленію. Только въ уголовныхъ дѣлахъ колонисты подчинялись общимъ учрежденіямъ, въ остальномъ же онѣ вѣдались своимъ шульцъ-амтомъ. Шульцъ-амтъ состоитъ изъ оберъ-шульца, двухъ засѣдателей и письмоводителя или писаря. Все что касается внутренней полиціи, частныхъ гражданскихъ отношеній, внутренняго управленія, налоговъ и податей рѣшается и руководится шульцъ-амтомъ.

Отдѣльныя общины групируются въ округи, состоящіе подъ вѣденіемъ инспектора. Его обязанность наблюдать лично за благосостояніемъ колонистовъ и служить посредникомъ между ними и конторой иностранныхъ поселенцевъ, образующей высшее мѣстное центральное управленіе и состоящей въ зависимости только отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Прошу у читателя позволенія сдѣлать маленькое отступленіе.

По принятому мною плану изложенія, мнѣ бы слѣдовало теперь представить читателю данныя для составленія имъ самостоятельнаго заключенія о кругѣ и характерѣ власти шульцъ-амта. Я уже хотѣлъ начать изложеніе, какъ внезапно явилась мнѣ мысль, которая если покажется читателю дерзостію, и если онъ захочетъ искать виноватаго, то пусть обрушиваетъ свой гнѣвъ не на автора настоящей статьи. Я испугался, что серьезное, а можетъ быть и сухое изложеніе административной характеристики шульцъ-амта наведетъ на читателя скуку и отобьетъ у него охоту познакомиться ближе съ значеніемъ иностранной колонизаціи въ Россіи. Мысль эта конечно дурная, ибо ее могла подсказать только неувѣренность въ гражданской и умственной зрѣлости читателя. Но съ другой стороны нельзя же не согласиться и съ тѣмъ, что если авторъ думаетъ постоянно о томъ, какъ бы не утомить вниманіе читателя и какъ бы передать ему серьезныя мысли въ возможно легкой и пріятной формѣ, то конечно эта дополнительная и вовсе не легкая работа должна же имѣть какую нибудь дѣйствительную, основанную на фактахъ причину. Если читатель обратитъ

вниманіе на характеръ и содержаніе современной русской печати, то, разумѣется, онъ согласится съ тѣмъ, что объ умственной серьезности русской читающей публики составить особенно высокое мнѣніе невозможно. Не говоря уже про то, что мы не видимъ ни переводовъ капитальныхъ сочиненій иностранной литературы, ни серьезныхъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій, но уже одинъ тотъ фактъ, что у насъ появились въ одно время три періодическихъ изданія иностранныхъ романовъ, указываетъ совершенно безошибочно на умственныя потребности публики. Таже самая мысль подтверждается еще лучше простымъ наблюденіемъ того, что именно читается съ наибольшей настойчивостію въ нашихъ журналахъ. Вы, конечно, не станете утверждать, чтобы современная журналистика отличалась глубиною мысли и серьезностію возбуждаемыхъ ею вопросовъ. И при всемъ томъ читаются по преимуществу вовсе не статьи серьезнаго изложенія, а романы и повѣсти. Поэтому понятно, что какъ только приходится приниматься за работу, требующую напряженнаго вниманія читателя, сейчасъ же является робость и нерѣшительность и думаешь только о томъ, какъ бы изложить трудный вопросъ возможно привлекательнѣе и миновать въ своемъ плаваніи разныя подводныя скалы, въ видѣ сухихъ цифръ, статистическихъ данныхъ или административной характеристики шульцъ-амта, о которой мнѣ нужно сказать неизбѣжно.

Читатель будетъ неправъ, если онъ скажетъ, что я совершенно напрасно сдѣлалъ это отступленіе, ибо къ оказывающемуся неизбѣжнымъ шульцъ-амту прибавилась только лишняя страница; но взглянувъ на дѣло безпристрастнымъ окомъ, читатель могъ бы вывести одно заключеніе, что робость автора доказываетъ лишь его глубокое уваженіе къ своему читателю и искреннее желаніе сохранить его душевное спокойствіе и доброе расположеніе духа, чего конечно нельзя достигнуть наводящей тоску бесѣдой.

То, съ чѣмъ я хочу познакомить теперь читателя, есть годовой отчетъ Либентальскаго шульцъ-амта (Херсонской губерніи). Я не стану приводить этого отчета сплошь, а представлю читателю только то, что имѣетъ ближайшую связь съ предметомъ настоящей статьи.

Либентальскій округъ состоитъ изъ одинадцати колоній: изъ нихъ семь протестантскія и четыре римско-католическія.

Въ этихъ одинадцати колоніяхъ находится 811 полныхъ хозяйствъ, ревизскихъ же семействъ 1,527. Въ томъ числѣ мужчинъ 6,109, женщинъ 5,954, всего 12,063 чел. Въ 1858 г. родилось: мальчиковъ 271, дѣвочекъ 274, всего 545. Умерло мальчиковъ 132, дѣвочекъ 134, всего 266. Кольбъ принимаетъ, что средняя пропорція рождаемости составляетъ въ Россіи 1 на 21—23 жителей. Рождаемость Либентальскаго округа составляетъ 1 на 22,1 жителей. Смертность по Кольбу 1 на 30 — 33; въ Либенталѣ же 1 на 45 т. е. гораздо слабѣе, чѣмъ въ Россіи вообще,—по крайней мѣрѣ за тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Состояніе здоровья поселенцевъ было въ теченіе года удовлетворительное, за исключеніемъ перваго и послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ первомъ мѣсяцѣ господствовалъ коклюшъ, почти повсюду, а въ оба послѣдніе жаба и крупъ. Болѣзни эти не унесли однако много жертвъ. Эпидемическихъ или другихъ значительныхъ болѣзней не было.

Чтобы читатель не получилъ преувеличеннаго понятія объ административномъ значеніи шульцъ-амта, я напомню ему, что это не больше, какъ наше волостное правленіе. Теперь вообразите, что вы находите гдѣ нибудь, ну хотя подъ Москвой или Петербургомъ, волостное правленіе, разсуждающее въ своемъ годовомъ отчетѣ объ эпидеміяхъ, о коклюшѣ, крупѣ, жабѣ. Вы были бы этимъ очень изумлены и съ свойственнымъ русскому человѣку преувеличеніемъ стали бы кричать повсюду, что открыли волостнаго голову не уступающаго по своимъ государственнымъ способностямъ покойному лорду Пальмерстону, а по своимъ медицинскимъ познаніямъ дѣтскихъ болѣзней—Фогелю.

Колонисты Либентальскаго округа пользовались въ 1859 году слѣдующимъ количествомъ земли:

1) Казенныя земли:

подъ домами и дворами	486	десят.
— церковной земли	480	„

— садами	1,342	„
— виноградниками	953	„
— пашнями.	18,017	„
— сѣнокосами	6,906	„
— выгонами	12,500	„
— дорогами и плотинами. . . .	2,013	„
— лѣсомъ	407	„
Всего . .	43,105¾	„

2) Собственныя земли:

подъ пашней	16,506	десят.
— лѣсомъ	32½	—
— выгонами для овецъ	537	„
Всего . .	17,075½	дес.

3) Кромѣ того снимали по оброку отъ разныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. . . . . 27,740 десят.

Всего же въ пользованіи колонистовъ находилось 87,821½ д.

Слѣдовательно, на каждое полное колонистское хозяйство приходилось 108 десятинъ, а на каждую ревизскую душу, считая стариковъ и дѣтей, по 15 десятинъ.

За землю, снимаемую по оброку, колонисты платили въ годъ 78,211 руб. 95 к. или каждое хозяйство по 96 р. 41 к.

Шульцъ-амтъ при этомъ замѣчаетъ, что арендная плата за землю съ каждымъ годомъ все возвышается, такъ что людямъ несостоятельнымъ будетъ наконецъ трудно имѣть средства покрывать ее. Только въ большомъ отдаленіи отъ округа существуютъ умѣренныя цѣны, вблизи же высокій оброкъ поглощаетъ почти всю выгоду, извлекаемую земледѣльцемъ изъ снятой имъ земли. Это обстоятельство должно будетъ имѣть вліяніе на ограниченіе земледѣлія. Но Маттеи, съ своей стороны, доказываетъ неосновательность подобной боязни. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что въ настоящее время не только на югѣ Россіи, но и повсюду оброчная плата за землю упала, и что не смотря на то, все-таки нѣтъ арендаторовъ.

Мнѣ кажется, что ни замѣчаніе шульцъ-амта, ни возраженіе Маттеи не имѣютъ серьезной важности. Если успѣхи земледѣлія поставить только въ зависимость отъ количества земли, то въ Китаѣ не должно бы быть никакого земледѣлія. Я не отрицаю того, что каждому отдѣльному колонисту должно быть очень выгодно, если онъ можетъ располагать громадной пашней, хотя бы даже во сто тысячъ десятинъ. Но что выиграетъ Россія, если подобными пашнями будутъ располагать лишь немногіе, а вся масса населенія превратится въ батраковъ. Намъ нужны колонисты не для того, чтобы они сдѣлались господами русскихъ работниковъ, а чтобы они были сами земледѣльцами. Попечители колонистовъ могутъ очень радоваться тому обстоятельству, что на каждаго либентальскаго домохозяина причитается среднимъ числомъ 108 дес.; ибо этимъ доказывается неоспоримо богатство или, по крайней мѣрѣ, благосостояніе поселенцевъ; но кромѣ личныхъ радостей, возбуждаемыхъ одностороннимъ наблюденіемъ фактовъ, есть еще и экономическіе законы, наказывающіе за всякое отъ нихъ отступленіе. Либентальцы, не довольствуясь своими землями, начали арендовать пашни своихъ сосѣдей и очень естественно, что чѣмъ больше они прибирали чужихъ земель и чѣмъ больше они нуждались въ наемномъ трудѣ, тѣмъ получали меньше выгоды. Пусть Либентальцы остаются земледѣльцами, пусть вмѣсто того, чтобы ширяться на чужія земли, они улучшаютъ свои земледѣльческіе пріемы и возвышаютъ свои агрономическія познанія и тогда, конечно, либентальскому шульцъ-амту не придется бояться за будущія судьбы либентальскаго земледѣлія. Изъ этого между прочимъ слѣдуетъ еще и то заключеніе, что колонисты заразились русской слабостію пространственности и уважаютъ больше количество, чѣмъ качество.

Я бы попросилъ читателя обратить вниманіе на распредѣленіе земель колоніи Либенталя. Въ каждой русской деревнѣ, уже не говоря про сѣверную и среднюю полосы имперіи, но и на югѣ, если населеніе ея составляетъ великорусское племя, встрѣчаются только пять родовъ земель: пашня, сѣнокосы, выгонъ, лѣсъ и бо-

лото. У либентальцевъ же напротивъ; у нихъ болота, этого необходимаго элемента русскаго сельскаго хозяйства нѣтъ вовсе, но за то есть большіе сады; среднимъ числомъ почти двѣ десятины на семью и виноградники.

Это распредѣленіе земель и огромное пространство арендуемой пашни заставляютъ предполагать, что денежныя дѣла либентальцевъ должны находиться въ цвѣтущемъ состояніи. Читатель убѣдится самъ въ этомъ изъ отчета о налогахъ и податяхъ.

Въ 1858 г. Либентальскій округъ уплатилъ: казенныхъ податей 19,919 р. 18 к. земскихъ 3,610 р.; на содержаніе колоніальнаго управленія 1,200 руб., казенныхъ долговъ 5,671 руб. 43¾ к.; всего 30,401 р. 98¼ к.

Кромѣ того были сдѣланы еще слѣдующіе мірскіе расходы, на размѣры которыхъ пусть читатель обратитъ преимущественное вниманіе: на содержаніе духовенства 860 р. 89¼ к.; на канцелярію инспектора 142 р. 73 к., на жалованье окружныхъ старшинъ 248 р., на жалованье деревенскихъ старостъ 368 р. 20½ к.; окружному писарю 521 р. 93 к., сельскимъ писарямъ 1,562 р. 38½, разсыльнымъ 608 р. 51 к., полицейскимъ, полевымъ и лѣснымъ сторожамъ 1,078 р. 15½ к., пастухамъ 6,344 руб. 10 к., школьнымъ учителямъ 2,094 р. 30½ к., на улучшеніе породъ скота 171 р. 35½ к.. на застрахованіе домовъ отъ пожаровъ 2,026 32½ к., въ уплату долга деревни Іозефталь страховой кассѣ 304 р. 21 к., на ремонтъ общественныхъ зданій 117 р. 52 к., въ помощь погорѣльцу 100 р. *Всего 16,548 р. 71¾ к.*

Кромѣ того шульцъ-амтъ упоминаетъ съ гордостію, что въ налогахъ и податяхъ не осталось не только ни копѣйки недоплаченной, но что въ счетъ платежей слѣдующаго года внесено колонистами впередъ 4,836 р. 17¼ к. Послѣднее обстоятельство говоритъ очень мало въ пользу экономическаго міровоззрѣнія членовъ шульцъ-амта. Ужь если они сдѣлали такую ошибку, что забрали подати впередъ, вмѣсто того, чтобы оставить эти деньги въ рукахъ ихъ владѣльцевъ, гдѣ бы они принесли гораздо больше пользы,

чѣмъ въ непроизводительномъ храненіи ихъ въ сундукѣ шульцъ-амта, то лучше бы молчали или, по крайней мѣрѣ, принесли бы публично искреннее раскаяніе. Если бы эти деньги дали при оборотномъ ихъ употребленіи только пять процентовъ, то это составило бы 241 р. 50 к. Расчетливые колонисты съумѣли бы конечно на такую вовсе не ничтожную сумму сдѣлать какое нибудь общеполезное дѣло. Теперь же 241 р. пропали безвозвратно.

Въ заключеніе параграфа „о податяхъ и налогахъ“ шульцъ-амтъ замѣчаетъ: „если обратить вниманіе на то, что въ сороковыхъ годахъ Либентальскій округъ былъ обремененъ долгами всякаго рода, и нынче онъ производитъ платежи податей и налоговъ правильно, аккуратно и безъ принужденія, то нужно согласиться, что въ этомъ отношеніи сдѣланъ замѣчательный шагъ впередъ“. Читатель безъ сомнѣнія видитъ и самъ, что свойство и размѣръ платежей либентальскихъ колонистовъ составляетъ дѣйствительно нѣчто выходящее изъ ряду, по отношенію къ платежамъ русскаго сельскаго населенія.

Въ 1859 г. находилось въ Либентальскомъ округѣ подъ опекунскимъ надзоромъ: несовершеннолѣтнихъ сиротъ 286, безнравственныхъ и несостоятельныхъ 19, всего 305. Всѣ сироты округа владѣли къ 1 января 1859 г. слѣдующими средствами: билетами кредитныхъ установленій 5,000 р., въ общей сиротской кассѣ и у частныхъ лицъ 111,640 р. 28¼ к., имущества въ колоніяхъ на 40,105 р. 2½ к. Всего на 156,745 р. 30¼ к. Такъ что среднимъ числомъ на сироту приходилось 242 р. 26¾ к. Шульцъ-амтъ хотя и признаетъ, что эту сумму нельзя считать особенно большой, но нельзя же считать ее и ничтожной, и съ гордостью прибавляетъ, что относительно попеченія о сиротахъ и ихъ имуществѣ едва ли можно найти другой округъ, въ которомъ бы нашлось что нибудь лучшее.

Сиротская касса организована въ Либентальскомъ округѣ слѣдующимъ образомъ. Она ввѣрена двумъ попечителямъ, избраннымъ на всю жизнь и пользующимся общимъ довѣріемъ. Въ эту кассу сдается сиротское имущество, пускаемое въ настоящій оборотъ изъ

5½% и увеличивающееся такимъ образомъ изъ процентовъ на проценты. Ни одна сирота не можетъ пожаловаться на то, чтобы ея имущество убавилось хоть на копѣйку. Напротивъ того, употребляется все стараніе, чтобы управлять какъ можно лучше имѣніемъ сиротъ и затѣмъ возвращать его имъ, по окончаніи опеки, съ богатыми процентами. Какъ только сирота достигла совершеннолѣтія, то ей возвращаются всѣ ея деньги, съ процентами, по первому востребованію. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается особенность опекунскаго управленія Либентальскаго округа. Касса выплачиваетъ по первому востребованію весь капиталъ съ процентами.

Рядомъ съ сиротской кассой и въ тѣсной съ нею связи находится сберегательная касса. Въ нее имѣлъ право откладывать свои сбереженія каждый колонистъ округа. Касса платитъ въ годъ 5%. Относительно сроковъ взносовъ и востребованій не существуетъ никакихъ ограниченій и сберегательная касса Либентальскаго округа пользуется между своими колонистами такимъ же довѣріемъ, какъ и одесская контора коммерческаго банка. Къ 1 января 1859 года въ кассѣ обращалось 62,556 р. 57¼ к., на 16,743 р. 14½ к. болѣе противъ предъидущаго года, что конечно служитъ достаточнымъ ручательствомъ добраго довѣрія.

Но откуда сиротская и сберегательная кассы берутъ проценты для уплаты своимъ вкладчикамъ? Очень просто, изъ тѣхъ же самыхъ капиталовъ. Сиротская и сберегательная кассы служатъ въ тоже время и кредитными кассами. Всякій нуждающійся колонистъ, пользующійся довѣріемъ, можетъ получить изъ кассы заимообразно необходимую сумму за 6% въ годъ. Чтобы получить деньги въ долгъ, требуется только удостовѣреніе шульцъ-амта въ благонадежности. Для обратнаго платежа не устанавливается никакихъ сроковъ. Основныя правила очень просты и вовсе необременительны: 1) долгъ не можетъ увеличиваться и потому годичные 6% должны быть уплачиваемы исправно; 2) въ случаѣ неурожаевъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, касса не стѣсняетъ своихъ должниковъ, въ урожай же взыскивается съ должниковъ отъ 6—10% капитальной суммы; 3) Каждому дол-

жнику предоставляется полная свобода уплатить часть или весь свой долгъ, когда ему вздумается. Такое кредитное учрежденіе спасаетъ колонистовъ отъ ростовщиковъ и оказываетъ поселенцамъ постоянную услугу.

Кромѣ этихъ двухъ кассъ состоитъ еще страховая пожарная касса. Всѣ дома Либентальскаго округа, кромѣ колоніи Гюльдендорфъ, застрахованы. Страхованіе производится по оцѣнкѣ, возобновляемой каждые три года. По послѣдней оцѣнкѣ всѣ застрахованныя зданія стоятъ 211,413 р. Въ пользу страховаго капитала взыскивается каждый годъ по полкопѣйкѣ съ оцѣночнаго рубля. Слѣдовательно годичный доходъ кассы составляетъ 1057 р. 6 1/2 к. Для предупрежденія пожаровъ, избираются особые пожарные смотрители, безъ разрѣшенія которыхъ не можетъ быть выстроена ни одна печка, ни одинъ каминъ. Кромѣ того пожарные выборные обязаны наблюдать за каминами и печами и удостовѣряться въ ихъ благонадежности. Въ случаѣ пожара они вмѣстѣ съ пожарными старостами производятъ слѣдствіе о причинахъ пожара и дѣлаютъ оцѣнку убыткамъ, и составивъ актъ, представляютъ его въ шульцъ-амтъ. По окончаніи изслѣдованія, потерпѣвшіе убытокъ получаютъ вознагражденіе не за одни только погорѣвшія зданія, но за всѣ потери отъ огня. Въ пожарной кассѣ Либентальскаго округа страховой капиталъ составляетъ 11,834 р. 68 к.

Относительно школьнаго воспитанія шульцъ-амтъ въ своемъ отчетѣ высказываетъ худо скрытое неудовольствіе противъ духовенства.

Каждая колонія имѣетъ школу и къ 1 января 1859 года въ школахъ было: мальчиковъ 979 и дѣвочекъ 954, всего 1931.

Въ 1858 г. было выпущено по окончаніи курса: мальчиковъ 86 и дѣвочекъ 125, всего 211.

Въ томъ же году было награждено:

Книгами: мальчиковъ 49, дѣвочекъ 82, всего 131; похвальными листами: мальчиковъ 136, дѣвочекъ 172, всего 303. Всѣхъ же награжденныхъ было 439.

При школѣ состоитъ 11 учителей съ 4 помощниками.

Неудовольствіе шульцъ-амта заключается въ слѣдующемъ: католики выпускаются изъ школъ слишкомъ рано, лютеране же должны посѣщать школы гораздо долѣе. Изъ этого вытекаетъ то, что католическое юношество выходитъ изъ школъ недоучившимся. Между тѣмъ гражданская колонистская власть не имѣетъ къ школамъ почти никакого отношенія и должна держать себя поодаль. Нѣсколько лѣтъ назадъ случилось, что шульцъ-амтъ, вслѣдствіе распоряженія конторы, посѣтилъ школы и сдѣлалъ единственное замѣчаніе,—чтобы учениковъ держали чище, а ученикамъ внушалъ быть послушными, прилежными и вообще быть достойными вниманія своихъ наставниковъ. Замѣчанія эти, повидимому, вполнѣ безобидныя, возбудили неудовольствіе и жалобы духовенства, вообразившаго, что свѣтская власть мѣшается въ его дѣло и нарушаетъ его права. Чтобы избѣгнуть впредь подобныхъ непріятныхъ столкновеній, свѣтское начальство отказалось отъ посѣщенія школъ и что въ нихъ теперь дѣлается—ему неизвѣстно. Стороной, впрочемъ, оно знаетъ, что учителя протестантскихъ школъ превратились въ кистеровъ.

Въ колоніяхъ Либентальскаго округа находятся слѣдующія зданія: домовъ у колонистовъ каменныхъ 1262, глинобитныхъ 67 общинныхъ зданій 44; кромѣ церквей и молитвенныхъ домовъ.

Промышленныхъ заведеній было: гончарныхъ завода 2; маслобойныхъ 7; ткацкихъ фабрикъ 4; извѣстковыхъ заводовъ 1; вѣтряныхъ мельницъ 47, конныхъ 5. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ работало 66 человѣкъ, получавшихъ въ 1858 г. 6000 р. платы.

Ремесломъ занимались въ 432 семействахъ, и ремесленниковъ считалось: плотниковъ 16; столяровъ 48; бондырей 9; экипажныхъ мастеровъ 37, кожевниковъ 7; горшечниковъ 2; ткачей 2; мясниковъ 24; кузнецовъ 58; мельниковъ 35; каменьщиковъ 22; мѣдниковъ 2; шорниковъ 3; булочниковъ 11; пряничниковъ 4; слесарей 32; мыловаровъ 3; овчаровъ 15; стекольщиковъ 2; садовниковъ 27; переплетчиковъ 2; маслобоевъ 7; токарей 7; ситочниковъ 3; сапожниковъ 80; портныхъ 22. Всѣ эти мастера произвели въ 1858 г. работы примѣрно на 39,132 рубля.

Разумѣется, заработокъ этотъ не великъ, но читатель понимаетъ очень хорошо и безъ меня, что сущность вопроса вовсе не въ размѣрѣ заработка,—потому что всѣ эти ремесленники работали не на сторону, не для жителей Одессы, Москвы, или Петербурга, а для колонистовъ своего округа,—но разница въ томъ, чтобы понять потребности колонистовъ и степень ихъ экономическаго развитія. Вникая въ приведенный выше списокъ, можно сдѣлать только то единственное заключеніе, что земледѣльцы, живущіе въ каменныхъ домахъ и нуждающіеся въ булочникахъ, слесаряхъ, мѣдникахъ, переплетчикахъ должны отличаться уже довольно высокимъ умственнымъ развитіемъ и пользоваться благосостояніемъ.

Агрономическое же развитіе колонистовъ легче всего опредѣлить ихъ лѣсоводствомъ и садоводствомъ.

Въ колоніяхъ Либентальскаго округа находилось 13 лѣсныхъ плантацій и къ 1 января 1859 г. въ нихъ было: лѣсныхъ деревъ 270,387, и шелковицы 18,566 деревъ; въ жилыхъ изгородяхъ считалось: шелковицъ 23,164; другихъ растеній 36,264 штукъ; въ древесныхъ школахъ—лѣсныхъ деревъ 460,031; шелковицъ 16,211; всего же во всѣхъ плантаціяхъ и школахъ 824,623 дерева.

Всѣхъ фруктовыхъ садовъ было 624; въ нихъ деревъ, приносящихъ плоды 60,301; не приносящихъ—12,809, привитыхъ 32,521; дичковъ 19,178. Всего 124,809.

Виноградниковъ считалось 787; и въ нихъ виноградныхъ лозъ 2,160,646. Въ 1858 г. было приготовлено 6203 ведра вина (по 17 бутылокъ въ каждомъ), изъ нихъ продано 2278 ведеръ, по 88 к. за ведро.

Все сдѣланное въ 1858 г. по части лѣсоводства и садоводства кажется начальству Либентальскаго округа недостаточнымъ, и оно обвиняетъ въ этомъ свои сельскохозяйственные съѣзды и только-что окончившуюся войну. Въ тоже время оно надѣется, что съ избраніемъ новаго предсѣдателя дѣло пойдетъ лучше. Нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы этимъ недовольствомъ маскировалась фальшивая скромность и читатель, даже не питающій особенно

нѣжнаго чувства къ лѣсоводству и къ садоводству, долженъ согласиться, что, не говоря уже про печальныя и болотно-унылыя мѣстности нашего отечества, но даже въ русскихъ селеніяхъ благодатной южной полосы русская деревня не повеселитъ васъ своимъ опрятнымъ видомъ, садами и лѣсочками.

Любопытно заключеніе отчета. „Сдѣлавъ общій очеркъ всему сказанному, говорится въ немъ, бросаются въ глаза двѣ вещи: первое, что многое хорошее уже сдѣлано колонистами и второе, что многое хорошее имъ еще остается сдѣлать. Нѣсколько лѣтъ назадъ Либентальскій округъ былъ округъ задолжавшій. Жители его любили только занятія, стоющія денегъ и разстраивающія здоровье. Они предавались пьянству, придирались къ пустымъ обстоятельствамъ, чтобы праздничать по нѣскольку дней. Но теперь это кончилось и порядочность водворилась уже въ такой степени, что напивающійся въ кабакѣ подвергается наказанію общества. Въ амтахъ, гдѣ прежде царствовали старинные приказные порядки и неправда, явились порядокъ новый и правда. Церкви и школы посѣщаются, духовные и учителя уважаются, потому что они этого заслуживаютъ; кто же не пользуется этимъ, значитъ самъ виноватъ. И такимъ образомъ мы можемъ сказать, что стало лучше. Стала лучше нравственность, лучше образованіе, стало лучше въ церквяхъ и школахъ, лучше въ семействахъ, лучше въ воспитаніи дѣтей, а потому и стало выше благосостояніе. Но если было худо и стало лучше, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что все хорошо. Если мы, туземцы, видимъ недостатки, пороки и вредъ, то посторонній судья найдетъ конечно еще больше. Но намъ многое уже удалось и мы имѣемъ твердую надежду, что точно также удастся и въ будущемъ. Дорога къ лучшему намъ открылась, число желающихъ хорошаго увеличивается и новый годъ зоветъ насъ впередъ, чтобы довести наконецъ Либентальскій округъ до того, чтобы онъ сравнялся съ лучшими нѣмецкими колоніями Россіи.“ — Не знаю, какъ вамъ читатель, но мнѣ эти слова кажутся искренней, задушевной и умной рѣчью простыхъ, хорошихъ людей и хотѣлось бы, чтобы каждое русское волостное правленіе могло писать

также и чтобы каждая русская деревня преуспѣвала бы какъ колонія Либентальскаго округа.

Не считайте же однако Либентальскій округъ образцомъ нѣмецкой колонизаціи. И сами колонисты этого округа говорятъ, что имъ остается сдѣлать еще многое, чтобы сравняться съ лучшими колоніями. Лучшими считаются у насъ поселенія менонитовъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ Петцольдъ.

Менониты, поселенные на Молочной (рѣка въ таврической губ.), составляютъ замкнутое поселеніе въ 20,000 человѣкъ обоего пола, живущее въ 53 колоніяхъ. Основное ихъ занятіе земледѣліе и скотоводство.

Первые менониты были вызваны въ 1786 г. императрицей Екатериной II изъ восточной Пруссіи и въ 1789 году ихъ явилось 346 семействъ. Конечно, имъ были даны большія привиллегіи, о которыхъ я упомянулъ уже выше.

Благопріятныя извѣстія, дошедшія объ этихъ менонитахъ въ Пруссію, возбудили тамъ большое движеніе между менонитами и въ 1803—6 года переселилось къ намъ еще 362 семейства. Мѣстность на Молочной, по которой менонитскія колоніи зовутъ молочанскими, была въ то время совершенной пустыней, гдѣ путешественникъ только изрѣдка встрѣчалъ становища кочующихъ погаевъ. Переселеніе въ эту мѣстность продолжалось хотя и въ болѣе слабой степени до 1817 года, затѣмъ оно усилилось и въ настоящее время оно состоитъ изъ 1991 семейства въ числѣ болѣе 20,000 душъ.

Каждая менонитская колонія представляетъ вполнѣ правильно выстроенную деревню, расположенную въ два ряда домовъ, вдоль широкой прямой улицы.

Колонистскій домъ состоитъ: изъ собственно жилаго зданія, чистаго двора, сада, задняго двора, скотнаго двора, и гумна. Поля, принадлежащія къ дому, въ числѣ 20—24 десятинъ, примыкаютъ непосредственно къ задней сторонѣ колонистской усадьбы и только въ томъ случаѣ, когда не позволяетъ мѣстность, бываютъ расположены въ другой сторонѣ. Точно также и сѣнокосы, въ количе-

чествѣ отъ 5 до 10 десятинъ бываютъ расположены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Только стенные выгоны находятся въ общественномъ владѣніи. Плантаціи лѣсныхъ деревъ находятся при каждомъ домѣ и расположены обыкновенно такъ, что принадлежащая каждому колонисту часть посадки лежитъ въ непосредственной связи съ посадкой его сосѣда и такимъ образомъ составляютъ узкую сплошную полосу лѣса, расположенную между дворами и полями. Менонитское хозяйство слѣдовательно расположено въ такомъ порядкѣ: домъ, дворъ, садъ, хозяйственные дворы, лѣсъ, поля.

Планъ построекъ, какъ жилаго дома, такъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ существенныхъ частяхъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ у менонитовъ на ихъ родинѣ. Жилой домъ, конюшни и амбары находятся большею частью подъ одной крышей.

Дома выстроены изъ хорошо обожженаго кирпича и сложены такъ, что красные и свѣтложелтые кирпичи чередуются. Это придаетъ наружнымъ стѣнамъ очень веселенькій видъ и избавляетъ отъ необходимости штукатурить.

Крыша дѣлается изъ черепицы и высоко поднимается надъ домомъ. Образующійся этимъ способомъ большой чердакъ служитъ запаснымъ магазиномъ и мѣстомъ склада разныхъ менѣе нужныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Во фронтонѣ устроивается обыкновенно комнатка.

Деревянныя, крытыя соломой конюшни, примыкаютъ непосредственно къ дому — впрочемъ конюшни строятъ и кирпичныя и кроютъ ихъ черепицей — и на ихъ чердакѣ хранится зимою сѣно.

Наконецъ молотильные сараи стоятъ рядомъ или на той же прямой линіи или подъ прямымъ угломъ. Ихъ дѣлаютъ большею частію деревянные, крытые соломой.

Входъ въ домъ конечно черезъ сѣни; изъ нихъ прямо — кухня а по обѣимъ сторонамъ сѣней или корридора лежатъ по одной, отдѣльной комнатѣ. Одна изъ этихъ комнатъ служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ семейства, другая же составляетъ особенную комнату родителей. Къ первой примыкаетъ спальня. При каждомъ домѣ устроенъ погребъ, ходъ въ который идетъ или изъ сѣней

или изъ кухни. Изъ кухни черный ходъ ведетъ въ конюшни. Такимъ образомъ менонитскій домъ состоитъ изъ трехъ комнатъ, сѣней, кухни и имѣетъ два входа—чистый и черный.

Въ конюшнѣ, кромѣ особой комнаты для работника и отдѣленія для скота, находится еще пустое пространство, въ которомъ стоитъ обыкновенно соломорѣзка. Колодезь съ насосами помѣщается большею частію въ томъ же зданіи, или же въ сѣняхъ или въ кухнѣ. Послѣдній обычай входитъ все больше и больше въ употребленіе и дѣйствительно для хозяйства чрезвычайно удобно, когда насосъ, какъ это обыкновенно во Франціи, находится въ самой кухнѣ. За конюшнями, но подъ тою же крышею, находится еще мѣсто для храненія разныхъ хозяйственныхъ предметовъ, топлива и т. д. Здѣсь же помѣщаются свиньи.

Въ молотильномъ сараѣ, кромѣ большаго пространства для молотьбы, производимой двуконнымъ каменнымъ валькомъ, есть еще помѣщеніе для сѣна и всякаго корма, экипажей, земледѣльческихъ орудій, наконецъ конюшня для овецъ.

Войдемте теперь въ домъ менонита. Въ глубинѣ между дверями, ведущими въ спальню и въ хозяйственную комнату, висятъ шварцвальдскіе часы; впрочемъ это не настоящіе шварцвальдскіе, ихъ приготовляютъ въ колоніяхъ; въ углу комнаты, противъ окна, стоитъ исполинская кровать съ балдахиномъ, съ цвѣтными занавѣсами, на которой возвышаются горой огромный запасъ перинъ и подушекъ. Никто не спитъ на этой исполинской кровати; она стоитъ здѣсь ради великолѣпія и блеску. Въ другомъ углу за печкой находится вдѣланный въ стѣну хозяйственный шкафъ, въ который впрочемъ можно попасть и изъ хозяйственной комнаты. Рядомъ съ изразцовой печью къ сторонѣ выходной двери, находится другой вдѣланный въ стѣнѣ шкафъ, въ верхней части котораго, за стеклянными дверями, хранится форфоровая посуда, употребляемая въ торжественные случаи. На стѣнѣ, лежащей противъ выхода и снабженной обыкновенно окномъ въ садъ, виситъ зеркало, а за нимъ ящикъ, въ которомъ хозяйка дома хранитъ свои драгоцѣнности. У четвертой стѣны, съ двумя окнами на дворъ, стоитъ диванъ и

передъ нимъ столъ. Парадная или пріемная комната устроена такъ почти у всѣхъ меноннтовъ; вездѣ часы, кровать съ балдахиномъ, ящикъ съ драгоцѣнностями, стѣнный шкафъ и т. д. и во всемъ голландская, безукоризненная чистота.

Земледѣліе и земледѣльческія орудія меноннтовъ заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Въ особенности замѣчателенъ солидный меноннтскій плугъ съ двуколеснымъ передкомъ. Въ него запрягаютъ четвертку лошадей или воловъ.

Изъ машинъ менониты употребляютъ только жатвенную машину, которой въ полчаса жнется $^1/_2$ десятины. Для связыванія сноповъ приставляются восемь человѣкъ.

Менониты ведутъ хозяйство четырехпольное съ паромъ.

Больше всего прославились менониты, какъ садоводы и лѣсоводы.

При каждомъ меноннтскомъ домѣ есть непремѣнно садъ съ овощами, табакомъ, виноградомъ, плодовыми и другими деревьями. Овощи и табакъ колонисты сѣютъ только для домашняго употребленія; разведеніе винограда тоже ограничено и производится нѣкоторыми колонистами лишь на небольшихъ пространствахъ. Но зато разведеніе плодовыхъ, лѣсныхъ деревъ и шелковицы производится въ значительномъ размѣрѣ. Воспитываемыя въ древесныхъ школахъ плодовыя деревья растутъ очень хорошо; пересаженныя на свободу принимаются превосходно и начинаютъ скоро приносить плоды, такъ что фруктовый садъ можно имѣть въ очень короткое время. Лучше всего растутъ яблоки, груши и вишни. Сливы и абрикосы даютъ тоже хорошую прибыль.

Но замѣчательнѣе всего лѣсныя культуры меноннтовъ, ибо ими разрѣшался вопросъ общаго государственнаго хозяйства въ Россіи — о возможности облѣсенія южныхъ степей.

Министерство Государственныхъ имуществъ сдѣлало по этому дѣлу много весьма полезныхъ и дорогихъ опытовъ, и казенныя плантаціи, вмѣстѣ съ меноннтскими культурами, рѣшили вопросъ окончательно въ пользу облѣсенія.

Если читателю случалось бывать на югѣ Россіи и въ особенности въ южной части херсонской губерніи и въ сѣверной части

таврической, то конечно онъ вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе. Нестерпимый зной, опаленная степь, ни деревца, ни тѣни, ни капли воды.

Велика была борьба съ такой природой, прежде чѣмъ опытъ указалъ на надежный способъ лѣсоразведенія. Только тѣ, кто предавшись и тѣломъ и душой своему дѣлу, съ желѣзной настойчивостію и не смотря на неудачи, продолжали изъ году въ годъ свои опыты и изысканія, кто, какъ напр. заслуживающій глубочайшаго уваженія В. Е. Граффъ, съ энергіею миссіонера, потрудился лѣтъ семнадцать, живя одиноко въ степи, вдали отъ всякой жизни, только тѣ могутъ судить вполнѣ о частныхъ жертвахъ и личныхъ потеряхъ, которыми куплено знаніе степнаго лѣсоразведенія. Теперь всѣ знаютъ, что глубокое вспахиваніе есть надежнѣйшее средство противъ стѣпной засухи; но вѣдь это исторія колумбова яйца и паровую машину выстроитъ теперь всякій механикъ. Вопросъ о древесныхъ породахъ былъ тоже не легче. Нужно было найти, что годится для степи; нужно было найти, что хорошо въ одномъ и что хорошо въ другомъ ея мѣстѣ. Употребляя неприличное поэтическое сравненіе, степь можно назвать капризной красавицей. Въ одномъ случаѣ она податлива, въ другомъ съ нею ничего не подѣлаешь. Теперь эту дикую степь осѣдлали и она повинуется, какъ послушная лошадь, впрочемъ только тому, кто ее знаетъ.

При каждой менонитской деревнѣ есть участокъ земли, засаженный лѣсными деревьями и шелковицей. Участки эти въ настоящее время уже такъ велики, что на каждаго домохозяина приходится ½ десятины. Какъ было сказано, участки тянутся сплошной полосой впереди полей и представляютъ лѣсную площадь всего въ 575 десятинъ.

Кромѣ сплошнаго лѣсоразведенія, менониты обсаживаютъ деревьями дороги, соединяющія колоніи. Въ 1854 г. обсажено было по обѣ стороны 65 верстъ дорогъ. Для этихъ насадокъ употребляютъ ильмъ и серебристый тополь.

Всѣхъ деревъ въ лѣсныхъ участкахъ, въ древесныхъ школахъ,

по дорогамъ, плотинамъ, разнымъ степнымъ низменностямъ, на кладбищахъ и церковныхъ дворахъ въ 1854 г. считалось— 5,608,449 штукъ.

Русскому читателю, особенно лѣсной полосы, покажется очень смѣшнымъ занятіемъ считать деревья, и тѣмъ болѣе съ такой педантической точностью, что въ послѣднихъ цифрахъ итога стоитъ не 500, а 449. Но жители медвѣжьихъ угловъ смѣются и надъ этимъ однимъ: имъ смѣшно плодоперемѣнное хозяйство. имъ смѣшны осушки болотъ, орошеніе луговъ, дренажъ, хорошія дороги, рессорные экипажи, удобная мебель, чистота на улицахъ и въ домахъ, разсудительныя мысли, экономическія истины, вѣрное пониманье своихъ собственныхъ выгодъ и т. д. У жителей медвѣжьихъ угловъ уже такой насмѣшливый характеръ. Поэтому мы знаемъ, напримѣръ, такіе факты, что когда жителя медвѣжьяго угла переселяютъ въ Изворскій Обрѣзъ, въ дома выселившихся оттуда колонистовъ, то, чтобы не возбуждать смѣха въ людяхъ медвѣжьяго міровоззрѣнія, русскій человѣкъ заколачиваетъ окна досками и оставляетъ только маленькій четвереугольникъ для свѣта; большое окно имѣетъ очень смѣшной видъ; русскій человѣкъ оставляетъ въ покоѣ голландскую изразцовую печь, потому что это тоже очень смѣшная штука, строитъ исполинскій снарядъ, точно предполагается жарить быковъ цѣликомъ и этимъ снарядомъ отапливаетъ домъ *по черному*. Мы знаемъ факты, когда жители медвѣжьяго угла, переселенные на Кавказъ, вырубали на дрова шелковицу, разведеніе которой стоило многихъ лѣтъ трудовъ. Все это, разумѣется, не смѣшно, потому что очень глупо.

О нравственныхъ качествахъ менонитовъ Петцольдъ говоритъ слѣдующее: „Менонитъ такой же смышленый сельскій хозяинъ и скотоводъ, какъ садоводъ и лѣсоводъ. Онъ постигъ вполнѣ особенныя обстоятельства, ставящія степное сельское хозяйство въ исключительныя условія и, согласно этимъ условіямъ, направилъ практическіе сельско-хозяйственные пріемы. Сельско-хозяйственный принципъ менонита—возможно лучшее и глубокое обработываніе земли; принципъ его какъ скотовода—хорошій скотъ и возможно

лучшее его содержаніе; какъ лѣсовода—терпѣніе. Менонитъ разсудителенъ, смышленъ, прилеженъ, чистоплотенъ, экономенъ, воздерженъ, кротокъ и покоенъ, доволенъ своимъ положеніемъ, правдивъ и религіозенъ. „Россія, это мое твердое убѣжденіе, говоритъ Петцольдъ, не имѣетъ болѣе трудолюбивыхъ и прилежныхъ гражданъ, какъ менониты".

Читатель не имѣетъ ровно никакого основанія не соглашаться съ тѣмъ, что было сказано о менонитахъ. Но у него можетъ явиться цѣлый рядъ вопросовъ инаго рода, на которые я и постараюсь ему отвѣтить.

Первый вопросъ: культурное значеніе менонита по отношенію ко всей Россіи—и къ югу и къ сѣверу и къ западу и къ востоку.

Какъ культурная сила, менонитъ для Россіи неоцѣнимъ; только не нужно, съ свойственной русскому человѣку горячностію, преувеличивать это значеніе.

Менониты составляютъ всего населеніе въ 20,000 человѣкъ обоего пола. Они живутъ въ таврической губ. по рѣкѣ Молочной. Пунктъ первый.

Пусть читатель возьметъ карту Россіи и поищетъ на ней р. Молочную, и онъ убѣдится въ томъ, что не на всякой картѣ ее найдетъ. Ясно, что эта рѣчка маленькая, не всѣмъ картографамъ даже и извѣстная.

Еще дальше пусть читатель поищетъ на очень подробной картѣ изображеніе границъ менонитскихъ владѣній и онъ ровно ничего не найдетъ.

Разсудительный читатель, даже и незнакомый съ условіями картографіи, тотчасъ же сообразитъ, что, должно быть, менонитскія владѣнія по своему размѣру не пользуются уваженіемъ картографовъ и по своему государственно-экономическому значенію не оказываются на столько могущественными, чтобы заставить картографовъ заняться ихъ изображеніемъ.

И дѣйствительно во владѣніи менонитовъ находится всего 148,767 десятинъ земли, что составляетъ $26\frac{4}{5}$ квадр. миль или $\frac{1}{3437}$ часть всей Европейской Россіи.

Разъяснивъ этотъ первый пунктъ, разсудительный читатель пойметъ безъ труда что менонитскій вопросъ есть величина микроскопическая что смѣшно увѣрять, будто бы Франція одержала надъ Пруссіею генеральную побѣду, если одинъ французъ побилъ одного пруссака.

Но въ тоже время разсудительный читатель, питающій уваженіе только къ очень широкимъ обобщеніямъ, гигантскимъ выводамъ и генеральнымъ сраженіямъ, будетъ не правъ, если отвернется съ презрѣніемъ отъ мелочныхъ, но существенныхъ и неоспоримо полезныхъ фактовъ. Широкое обобщеніе невозможно безъ мелочныхъ фактовъ, на которыхъ оно созидается, и генеральная побѣда—безъ отдѣльной побѣды солдата надъ солдатомъ.

Относительно внѣшней дѣятельности менонитовъ читателю извѣстны слѣдующіе факты.

Ему извѣстно, что менониты продаютъ ежегодно довольно значительное количество земледѣльческихъ орудій собственнаго приготовленія и конструкціи на сторону. Такъ въ 1855 г. ими было продано русскимъ крестьянамъ, помѣщикамъ и другимъ колонистамъ 163 плуга, 162 телѣги, нѣсколько экстирпаторовъ, соломорѣзокъ, боронъ и т. д.

Ему извѣстно, что каждый годъ продается менонитами множество лѣсныхъ деревъ, шелковицы и т. д. Такъ въ 1854 г. было продано первыхъ 43,770 штукъ и плодовыхъ деревъ 5,890.

Ему извѣстно, что въ томъ же году было продано менонитами изъ своего, если и не превосходнаго, то во всякомъ случаѣ очень и очень хорошаго скота 549 лошадей, 741 штука рогатаго скота, 5,057 овецъ улучшенной породы.

Ему извѣстно, что въ управляемой менонитами казенной образцовой бердянской плантаціи находится школа садоводства и что изъ этой школы выпускается ежегодно нѣсколько обученныхъ садоводству мальчиковъ изъ татаръ и изъ русскихъ. Въ 1851—54 г. было выпущено 32 мальчика или около 6 въ годъ.

Ему извѣстно, что въ принадлежащемъ менонитамъ хуторѣ, Юшанла, есть школа для изученія сельскаго хозяйства, садоводства

и лѣсоводства и что туда принимаютъ на воспитаніе крестьянскихъ мальчиковъ изъ русскихъ и татарскихъ деревень. До 1854 г. было выпущено изъ этой школы 20 учениковъ.

Ему извѣстно, что къ менонитамъ нанимаются въ работу русскіе крестьяне; въ 1855 г. ихъ, напримѣръ, было 681 человѣкъ. Такая работа тоже школа, но только для взрослыхъ.

Наконецъ ему извѣстны слѣдующіе знаменательные факты. Ногайскіе татары, основавшіе колоніи Аккерманъ и Акнокасъ, взяли за образецъ менонитовъ и своимъ процвѣтаніемъ были обязаны совѣтамъ и наблюденію менонитовъ. Жаль только одно, что эти цвѣтущія колоніи въ настоящее время не существуютъ, ибо послѣ крымской войны ногаи ушли въ Турцію. Но тамъ же, рядомъ съ менонитами и на той же р. Молочной живутъ молокане. Дома у нихъ каменные, чистота и порядокъ менонитскіе и, проѣзжая молоканскими полями и въѣзжая въ молоканскую деревню, подумаешь, что это не русскіе, а нѣмцы.

Факты эти говорятъ сами за себя и другихъ доказательствъ конечно не нужно, чтобы убѣдить читателя въ неоспоримости вліянія менонитовъ и въ томъ, что они изображаютъ собою дѣйствительно культурную силу.

Но вопросъ въ томъ, какъ велика эта сила, какъ велико ея вліяніе, съ какой быстротой совершается культурный процессъ?

Наибольшую силу убѣдительности имѣло бы разумѣется математическое доказательство, но у меня нѣтъ данныхъ для точнаго расчета и потому читатель намъ придется ограничиться только приблизительными соображеніями.

Первые менониты явились къ намъ въ 1789 году, 78 лѣтъ спустя мы находимъ устроенными по ихъ образцу двѣ ногайскія деревни и четыре деревни молоканскихъ. Затѣмъ ни одна изъ русскихъ деревень въ таврической губ. не усвоила менонастскаго сельскаго хозяйства и менонитской порядочности въ образѣ жизни. Внѣ же таврической губ. крестьяне даже и не подозрѣваютъ, что есть на свѣтѣ менитаты.

Такъ какъ менонитскіе порядки усвоили только ногайскіе татары

и молоканы, живущіе рядомъ съ менонитами, а ближайшіе русскіе сосѣди остались глухи и нѣмы къ улучшеніямъ, то очевидно слѣдуетъ предположить, что должны быть какія нибудь причины по которымъ хорошее одними заимствуется, а другими нѣтъ.

Вопросъ этотъ разрѣшается очень прямо. Между умственнымъ развитіемъ менонита и тѣми, кто живя рядомъ съ хорошимъ, его его однако не усвоиваетъ, лежитъ если и не непроходимая бездная, то во всякомъ случаѣ промежутокъ, который не перескочишь однимъ прыжкомъ. Человѣкъ только тогда заимствуетъ чужое, когда чувствуетъ и понимаетъ, что его собственные порядки не удовлетворяютъ его новымъ умственнымъ потребностямъ. Передо мною въ настоящее время свершается фактъ очень хорошо поясняющій эту мысль. На одномъ общемъ дворѣ, но въ двухъ отдѣльныхъ домахъ живутъ два домохозяина. На одной половинѣ двора снѣгъ и ледъ разрубается, сгребается, свозится, разбрасываются, прорываются для стока воды канавки; на другой снѣгъ лежитъ грудами, точно въ лѣсу и изчезаетъ только то, что разогрѣваетъ солнце, да размачиваетъ дождь. Или вы думаете, что владѣлицъ обширныхъ грудъ снѣга занятъ чѣмъ либо другимъ, а неутомимый чистельщикъ человѣкъ праздный, живущій процентами съ капитала. Ничего не бывало. Глядя на ихъ обиходное времяпровожденіе можно подумать совсѣмъ другое. Владѣлецъ грудъ снѣга именно и похожъ на праздпаго богача, ибо все что онъ ни дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ какъ диллетантъ и почти все свое время посвящаетъ праздной скукѣ и безцѣльному шатанью. Разстаявшій снѣгъ залилъ ему подвалъ, но онъ снѣга не убралъ, хотя и зналъ, что это непремѣнно должно случиться; въ его крыльцѣ вывалилась нижняя ступенька и ее стоитъ только вложить на мѣсто, чтобы привести крыльцо въ порядокъ, а онъ этого все таки не дѣлаетъ, хотя десятки разъ въ день рискуетъ скатиться съ крыльца кубаремъ. Здѣсь все дѣло въ потребностяхъ. Ну зачѣмъ владѣльцу снѣжныхъ кучъ ихъ чистить? Снѣгъ его не безпокоитъ, затопившій подвалъ тоже. Правда у него домъ гноится; но домъ все таки переживетъ его; правда у него въ домѣ воняетъ гнилью,—но онъ

къ этому запаху привыкъ; правда, что отъ сырости и зловредныхъ міазмовъ можно получить тифозную горячку; но кто же можетъ сказать навѣрное, что тифъ поразитъ его непремѣнно—давно онъ живетъ въ этомъ домѣ, и болѣнъ не бывалъ. Спасалъ Богъ до сихъ поръ, спасетъ и впередъ. Однимъ словомъ съ какой стати вы настаиваете на томъ, чтобы человѣкъ въ угоду вамъ сталъ бы дѣлать то, чего ему вовсе не нужно. Вы станете доказывать, что подобное деревянное равнодушіе къ собственнымъ своимъ удобствамъ и выгодамъ, если оно существуетъ въ массахъ населенія, ведетъ къ разнымъ общественнымъ потерямъ и страданіямъ, ведетъ къ бѣдности и т. д. и т. д. Все это очень хорошо, но вопросъ не въ томъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ недостаточное умственное развитіе людей, а въ томъ, что они никогда не станутъ дѣлать того, въ чемъ не чувствуютъ потребности. Имѣть жилье съ четырьмя комнатами, конечно, гораздо удобнѣе одной курной избы съ палатями; но съ какой стати крестьянинъ станетъ созидать себѣ каменный менонитскій домъ съ четырьмя комнатами, зачѣмъ онъ поставитъ у себя кровать съ балдахиномъ или шварцвальдскіе часы, когда онъ удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ своимъ потребностямъ одной курной избой, не нуждается не только въ балдахинѣ, но даже въ подушкахъ, и по солнцу узнаетъ время нисколько не хуже менонита, владѣющаго шварцвальдскими часами?

Если ногаи и молакане стали подражать менонитамъ, то только потому, что ихъ умственныя потребности ставили ихъ ближе къ болѣе высокому уровню менонитской жизни. И въ молаканахъ понимается это очень просто. Я не стану разбирать, въ какой степени ошибочны ихъ религіозныя убѣжденія, потому что пишу статью не теологическую, а экономическую. Но я обращу вниманіе читателя на то обстоятельство, что молакане считаютъ себя религіозными раціоналистами и упражняются по своему въ философіи теологіи. Слѣдовательно эти люди болѣе или менѣе привыкшіе думать о серьозныхъ вопросахъ и, конечно, болѣе развитые чѣмъ тѣ, кто о подобныхъ вопросахъ никогда не думалъ. Если къ тому же читатель

припомнитъ, что меноиниты считаютъ себя тоже раціоналистами, то онъ увидитъ, что между тѣми и другими есть интелектуальное родство, которымъ и объясняется очень просто, почему молакане, составляющіе тоже тѣсную, замкнутую общину и отличающіеся строгой трезвой и порядочной жизнію, стараются поставить ее и внѣшнимъ образомъ въ условія, согласныя съ ихъ строгими внутренними требованіями. Но молакане составляютъ только небольшую кучку.

Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы вліяніе менонитовъ не распространялось на остальныхъ русскихъ крестьянъ, живущихъ въ Крыму и въ Екатеринославской губерніи. Читателю извѣстно, что русскіе крестьянскіе мальчики воспитываются въ земледѣльческихъ школахъ менонитовъ, ему извѣстно, что русскіе покупаютъ у менонитовъ скотъ улучшенной породы, земледѣльческія орудія усовершенствованной конструкціи и лѣсныя плодовыя деревья. Культурное вліяніе очевидно. Но въ теперешній моментъ это вліяніе чисто подготовительное, вліяніе въ разбросъ, которому подчиняются только отдѣльныя личности и только въ нѣкоторыхъ предметахъ. Пора широкаго общаго вліянія и всесторонней переработки земледѣльческаго быта нашего крестьянина еще далеко впереди, и когда она наступитъ, того ни вы, ни я предвидѣть не можемъ. Знаемъ мы только то, что по условіямъ своего теперешняго умственнаго развитія и по своимъ экономическимъ средствамъ нашъ крестьянинъ пока еще не въ силахъ воспользоваться уроками менонитовъ.

Патріотическій читатель, заподозрившій меня въ враждебности къ рускому крестьянину, можетъ мнѣ возразить, что меноиниты заняли превосходныя земли, что имъ были предоставлены громадныя льготы, которыми русскіе переселенцы никогда не пользовались. Замѣчаніе это совершенно справедливо, но оно не сбиваетъ меня съ моей позиціи, а даетъ только случай обратить вниманіе читателя еще на нѣкоторые факты.

Удивительными льготами, а еще болѣе удивительными денежными пособіями пользовались вовсе не меноиниты или гернгутеры, живущіе въ Сарептѣ, т. е. вовсѣ не тѣ колонисты, которые устроили у себя

земной рай и возбуждаютъ справедливое удивленіе всѣхъ своею порядочностію, порядкомъ и экономическимъ благосостояніемъ. Напротивъ того, громадныя денежныя пособія достались какъ разъ тѣмъ переселенцамъ, которымъ никто нынче не удивляется, потому что нечему и удивляться. Если, читатель, вы петербургскій житель, то конечно знаете, что по тѣмъ выгодамъ, какія представляетъ петербургская губернія въ близости отъ столицы, колонисты царскосельскіе, петергофскіе, средней Рогатки и т. д. ничего уму непостижимаго не создали и не изображаютъ изъ себя ровно никакой культурной силы. Я не отрицаю того, что эти колонисты по своему земледѣлію и по своему быту стоятъ выше сосѣднихъ русскихъ и чухонъ, но если обратить вниманіе на то, что для нихъ дѣлалось правительствомъ, то скорѣе нужно удивляться не порядочности этихъ нѣмцевъ, а напротивъ ихъ безпорядочности и косности. Нѣмцы эти уже свалились къ намъ съ тѣми привычками и обычаями земледѣльческой и домашней жизни, какія мы у нихъ теперь находимъ. Значитъ, если непремѣнно нужно найти за ними какую нибудь заслугу, то развѣ только въ томъ, что они сохранили эти привычки, а не уступили окружающему ихъ чухонскому и русскому вліянію. А это заслуга еще не особенно большая, особенно въ нѣмцѣ, отличающемся упорствомъ въ своихъ привычкахъ.

Здѣсь мы наталкиваемся еще на новый фактъ чрезвычайно важный для вѣрной оцѣнки культурнаго вліянія нѣмецкой колонизаціи.

Есть въ черниговской губерніи колонія Бѣловѣжь. Она основалась въ 1766 году и лежитъ хотя и въ очень плодородной мѣстности, но совершенно изолированно отъ остальныхъ нѣмецкихъ колоній. Колонію эту составляютъ шесть деревень, почти на половину изъ католиковъ и протестантовъ. Жители занимаются исключительно земледѣліемъ. Первые поселенцы привезли пасторовъ съ собою, а учителями въ школахъ были сами же колонисты. И теперь учителя избираются тѣмъ же порядкомъ, но только бѣда въ томъ, что нынѣшніе учителя сами не умѣютъ писать правильно и ограничиваютъ воспитаніе самымъ поверхностнымъ ученіемъ чте-

нію, задалбливаніемъ наизустъ катихизиса и нѣкоторыхъ библейскихъ текстовъ и молитвъ и первымъ основаніямъ письма и пѣнія. Такъ безтолково воспитанный колонистъ дѣлается современемъ учителемъ и учитъ дѣтей также безтолково, какъ учился самъ. Въ то время, какъ первые колонисты были по тому времени люди достаточно развитые и образованные, нынѣшніе потомки отстали не только отъ колонистовъ другихъ мѣстностей, но даже отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ. Сельское хозяйство этихъ колонистовъ, не смотря на плодородіе почвы и хорошій климатъ, ведется плохо и образцомъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Это фактъ уже не прогресса, а регресса.

Фактъ этотъ, разумѣется, можно объяснить изолированностію положенія и пожалуй вліяніемъ окружающей русской среды, наконецъ еще и тѣмъ, что колонія Бѣловѣжь не имѣетъ собственнаго управленія и состояла въ завѣдываніи бывшихъ окружныхъ начальниковъ.

Въ такомъ случаѣ я попрошу читателя обратить вниманіе на волжскія колоніи, имѣющія собственное самоуправленіе, лежащія на Волгѣ, слѣдовательно не изолированно и образующія довольно тѣсное густое населеніе.

Ни Гакстгаузенъ, ни Петцольдъ, ни Маттеи не высказали нигдѣ нерасположенія къ своимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи, напротивъ при всякомъ удобномъ случаѣ они заявляютъ къ нимъ полнѣйшую симпатію, а между тѣмъ отзывы этихъ путешественниковъ о волжскихъ колоніяхъ ужь ни какъ нельзя назвать благопріятными. Если такимъ образомъ мы встрѣчаемъ суровость со стороны лицъ, которыхъ скорѣе можно подозрѣвать въ пристрастіи, то конечно нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ правдивости ихъ отзывовъ.

Гакстгаузенъ говоритъ, что волжскіе колонисты, по мѣрѣ увеличивающагося населенія, приняли сами собою систему русскаго дѣлежа полей по душамъ. Каждые три, четыре до шести лѣтъ они передѣляютъ поля. Хозяйство у колонистовъ трехпольное, конечно нѣ-

сколько лучшее, чѣмъ у ихъ русскихъ сосѣдей, по образцемъ оно ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Только подъ табакъ земля приготовляется тщательно. Волжскіе колонисты, не смотря на свою плодородную почву, занимаются охотнѣе торговлей и спекуляціями, чѣмъ земледѣліемъ. Гакстаузенъ говоритъ, что это обстоятельство вызываетъ очень часто жалобы со стороны русскихъ, потому что вмѣсто того, чтобы служить наставниками въ земледѣліи, скотоводствѣ и ремеслахъ, колонисты, внѣдряющіеся въ торговлю, оттѣсняютъ отъ нея русскихъ. Гакстаузенъ увѣряетъ, что онъ встрѣтилъ повсюду ненависть и недовѣріе русскихъ къ волжскимъ колонистамъ.

Моттеи по поводу волжскихъ колонистовъ выражается много рѣзче. Нельзя отрицать того, говоритъ онъ, что нѣкоторыя колоніи, при устройствѣ которыхъ имѣли почти единственно въ виду нравственное и сельскохозяйственное вліяніе на окружающее ихъ населеніе, совершенно не соотвѣтствовали этимъ ожиданіямъ. Я подразумѣваю здѣсь, продолжаетъ Маттеи, большую часть волжскихъ колоній и не столько въ ихъ настоящемъ состояніи, сколько въ прошедшемъ. Нынче эти колоніи имѣютъ уже совсѣмъ другой видъ, чѣмъ лѣтъ 40, 30 и даже 20. Но вѣдь не нужно забывать, что со времени основанія колоній прошло уже сто лѣтъ и что для многихъ изъ нихъ потребовалось пол-столѣтія, чтобы дойти до развитія. Въ то время какъ эти колоніи должны были бы водворить въ Россіи лучшее земледѣліе, они напротивъ взяли сами себѣ за образецъ русскаго земледѣльца, употребляли русскія земледѣльческія орудія, усвоили систему раздѣла полей и не отличались отъ русскихъ мужиковъ по крайней мѣрѣ въ земледѣліи ровно ничѣмъ. Поэтому ихъ вліяніе на русское земледѣліе было въ большинствѣ случаевъ равно нулю.

Въ чемъ же заключается причина того печальнаго факта, что изъ 230,060 колонистовъ, поселившихся въ Россіи только менониты и частію гернгутеры обнаружили культурное вліяніе и то въ такой незначительной степени, что только пока однихъ молочан-

скихъ молаканъ можно считать дѣйствительными учениками и послѣдователями новыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ, усвоившихъ себѣ новыя условія земледѣльческаго быта?

Не вдаваясь въ мелочи, неумѣстныя въ журнальной статьѣ, я укажу читателю только на одинъ крупный фактъ. Менониты составляютъ одну тѣсную, единомыслящую общину, гернгутеры тоже — и въ этомъ вся ихъ сила. Явись у нихъ сегодня разномыслiе, и завтра же начнется ихъ экономическое разложеніе.

Всѣ остальные колонисты не только очень обыкновенные нѣмцы и даже не всегда хорошіе земледѣльцы, но еще и люди, не чувствующіе между собою твердой нравственной связи. Мало того, что въ нихъ нѣтъ твердаго единства, у нихъ есть прямой раздоръ и нелѣпое соперничество. Я приведу только одинъ фактъ въ подтвержденіе этой мысли, хотя ихъ есть и множество. Тамъ, гдѣ въ одной колоніи поселились швабы съ сѣверо-германцами, раздорамъ нѣтъ конца, и раздорамъ не такимъ, гдѣ бы люди бранились и мирились; — нѣтъ раздорамъ не допускающимъ никакого примиренія, ибо швабъ относится съ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ ко всякому не швабу, и тѣмъ болѣе къ сѣверо-германцу. Подобныя же враждебныя отношенія, хотя и въ слабѣйшей степени, существуютъ вообще между южными и сѣверными германцами. Можетъ ли при такой враждебности явиться экономическое единство и экономическая сила? А безъ экономической силы колоніи не только не могутъ процвѣтать, но имъ лучше вовсе и не существовать, ибо чѣмъ же станутъ онѣ отличаться отъ нашихъ русскихъ деревень? Когда между колонистами нѣтъ единодушія, въ нихъ не можетъ быть устойчивости и внутренней силы и непримѣннымъ послѣдствіемъ такого разномыслія будетъ то, что не колонисты подчинятъ своему вліянію окружающее ихъ населеніе, а напротивъ сами подчинятся ему.

Я не отрицаю вовсе вліянія и пользы нѣмецкой колонизаціи и отношусь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣятельности менонитовъ и гернгутеровъ; но я хочу доказать во-первыхъ, что даже и ихъ

культурное вліяніе обнаруживалось до сихъ поръ въ самой слабой степени; что же касается до колонистовъ другихъ мѣстностей, то едва ли будетъ разсудительнымъ приписывать имъ замѣтное культурное вліяніе, тѣмъ болѣе, что они и сами-то устроились вполнѣ только въ послѣднее время.

Если обратить вниманіе на льготы и денежныя пособія, которыя выдавались, хотя бы волжскимъ колонистамъ, то невольно является вопросъ: а если бы вызвать охотниковъ изъ русскихъ, да дать имъ такія же средства, хуже ли заживутъ они и поведутъ свое хозяйство? Есть у насъ много сельско-хозяйственныхъ обществъ, явился даже, по примѣру Англіи, сельско-хозяйственный клубъ, въ которомъ члены занимаются сельско-хозяйственными обѣдами — съ этой стороны, впрочемъ, грозитъ клубу великая опасность, ибо какъ заявилъ секретарь въ годичномъ отчетѣ, члены задолжали буфету сколько мнѣ помнится 3,000 руб. — Чтобы имъ, вмѣсто обѣдовъ въ долгъ и ребяческихъ упражненій въ обученіи тверскихъ крестьянъ сыроваренію, сдѣлать опытъ воспитанія русскаго земледѣльца колонизаціоннымъ способомъ.

Если столѣтній опытъ съ колонизаціею швабовъ и сѣверо-германецъ не привелъ къ ожидаемымъ результатамъ и дѣйствительная заслуга колонистовъ заключалась только въ томъ, что они заселили пустыри, то нужно ли продолжать это дѣло въ настоящее время, когда пустырей уже больше нѣтъ, а если гдѣ нибудь они и найдутся, то можно для нихъ найти охотниковъ и между русскими?

Столѣтній опытъ слишкомъ почтенная вещь, чтобы можно было имъ пренебрегать. Опытъ этотъ говоритъ, что изъ 230,000 колонистовъ только 30,000 повліяли культурнымъ образомъ на 10,000 кореннаго населенія; слѣдовательно, чтобы въ новые сто лѣтъ создать подобное же вліяніе нужно на 70 м. русскаго населенія поселить въ Россіи сразу 210 м. нѣмецкихъ колонистовъ. Но вѣдь это абсурдъ.

А если подобное переселеніе народовъ немыслимо, то смѣшно придавать, подобно Маттеи, важное государственное значеніе десят-

камъ или даже сотнямъ колонистовъ, которыхъ можно привлечь изъ-за границы приманкой льготъ и денежныхъ пособій или, подобно нѣкоторымъ русскимъ газетамъ, видѣть спасеніе русскаго земледѣлія въ американской колонизаціи. Франція, Англія, Германія достигли земледѣльческаго развитія безъ постороннихъ колонистовъ, однимъ устраненіемъ препятствій, мѣшавшихъ ихъ земледѣлію. Существуютъ ли подобныя препятствія у насъ, какъ и чѣмъ можно ихъ устранить? Вотъ о чемъ нужно и намъ подумать.

Н. Радюкинъ.

СЕМЕЙСТВО ЛѢСНИЧАГО

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Съ передняго фасада дворецъ принца не отличался рѣзко отъ многихъ пышныхъ домовъ, занятыхъ министрами и послами въ той же спокойной части города. Къ высокому, массивному главному корпусу дворца, возведенному во вкусѣ первыхъ лѣтъ прошлаго столѣтія, примыкали два боковыя зданія, обращенныя фронтами на улицу, а открытая сторона двора замыкалась колоннадой; между этими тяжелыми колоннами были разставлены неуклюжія статуи, вытесанныя изъ песчаника и поражавшія разнообразнымъ положеніемъ аляповато-отдѣланныхъ, словно вывихнутыхъ членовъ. По срединѣ мрачнаго двора, на колоннѣ изъ полированнаго гранита, помѣщался колоссальный вызолоченый орелъ съ широко распростертыми крыльями. Это произведеніе новаго времени представляло рѣзкій контрастъ съ прочею сѣрой внѣшней обстановкой. Вотъ все или почти все, что можно было видѣть съ наружной стороны дворца, принадлежавшаго принцу.

При всемъ томъ зданіе это считалось одною изъ столичныхъ достопримѣчательностей и по временамъ посѣщалось какъ заѣзжими иностранцами, такъ и туземными художниками и любителями искуствъ, потому что въ этомъ дворцѣ находились коллекціи рѣдкихъ камней, и кромѣ того здѣсь же помѣщалась галлерея картинъ, принадлежавшихъ преимущественно кисти древнихъ мастеровъ и очень высоко цѣнимыхъ знатоками живописи.

Къ двери флигеля, расположеннаго по лѣвую сторону, былъ привѣшенъ звонокъ, а на маленькой, почернѣвшей металлической досточкѣ были вырѣзаны слова: «квартира Кастеллана».

Нѣсколько дней послѣ прочтенія письма, Лео стоялъ предъ этой дверью, часу въ двѣнадцатомъ утра. Онъ собирался уже позвонить, но въ это самое мгновеніе дверь извнутри отворилась и изъ нея вышелъ офицеръ, въ которомъ Лео сейчасъ же узналъ генерала фонъ-Тухгейма, не смотря на то, что видѣлъ его давнымъ давно, и то впродолженіи нѣсколькихъ минутъ. При всемъ различіи выраженія, лица обоихъ братьевъ представляли поразительно близкое фамильное сходство. Генералъ сильно посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ его видѣлъ Лео, а черные глаза его еще глубже ушли въ свои впадины. Поднявъ воротникъ плаща кверху, генералъ, не обративъ никакого вниманія на Лео, направился къ экипажу, ожидавшему его въ нѣкоторомъ отдаленіи на углу улицы. Лакей отворилъ дверцы, генералъ взошелъ по ступенькѣ и экипажъ быстро покатился.

— Старъ сталъ, подумалъ Лео,—очень старъ! А какъ давно, однако, это было? Всего девять лѣтъ тому назадъ! И то былъ скверный день, въ который я увидѣлъ эту безстрастно-умную, холодную физіономію. Часто съ тѣхъ поръ мнѣ снилось, будто я бѣгу черезъ лѣсъ, какъ въ ту ночь, а они гонятся за мною съ оглушительнымъ крикомъ и гвалтомъ.

При видѣ человѣка, стоявшаго передъ дверью, генералъ не притворилъ ее, и Лео оставалось только войти. Однако онъ медлилъ. Именно то обстоятельство, что дверь давала ему свободный проходъ и была отворена генераломъ, усиливало суевѣрную нерѣшительность Лео. Онъ почти хотѣлъ уже уйти,

но вдругъ ему пришла въ голову мысль, что прежнее бѣгство изъ дома его родственниковъ было его первымъ самостоятельнымъ поступкомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ заявленіемъ совершеннолѣтія. И что же онъ предпринималъ сдѣлать теперь, какъ не шагъ впередъ по той же дорогѣ, на которую онъ выступилъ еще въ ранней молодости?

Въ просторной, изящной передней Лео не встрѣтилъ никого, къ кому могъ бы обратиться съ разспросами, но у двери, находившейся по правую руку, была прибита другая досчечка съ словами: «квартира Кастеллана». Въ эту дверь онъ постучался и, наконецъ, медленно отворилъ ее, когда на этотъ стукъ извнутри долго никто не отзывался.

Въ одной изъ глубокихъ оконныхъ нишъ обширной, но низкой комнаты, сидѣла женщина за рукодѣльной работой. Эта женщина закрыла лицо руками и была погружена въ такое глубокое раздумье, что не слышала шаговъ Лео до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ самому ея столику. Только тогда она вскочила на ноги, слегка вскрикнувъ и поспѣшно стараясь изгладить слѣды недавнихъ слезъ съ своего, когда-то безукоризненно-прекраснаго лица. Тихимъ, робкимъ голосомъ она спросила Лео, что ему угодно.

Лео отвѣчалъ, что ему бы желательно было осмотрѣть коллекціи художественныхъ произведеній, находящихся въ замкѣ. Тогда замѣшательство дамы возрасло еще болѣе; она проговорила запинаясь, что мужъ ея въ подобныхъ случаяхъ самъ вездѣ водитъ посѣтителей, но теперь его нѣтъ дома, а она не чувствуетъ себя способной удовлетворительно справиться съ возложенной на ея мужа обязанностью. Лео сказалъ, что выберетъ для своего посѣщенія болѣе удобное время, и уже хотѣлъ было откланяться, но въ это самое мгновеніе молоденькая дѣвушка быстро вошла въ слабопритворенную дверь, которая вела изъ передней залы въ другія жилыя комнаты. Вдругъ, какъ бы испугавшись при неожиданномъ видѣ постороннаго лица, дѣвушка отскочила назадъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Ахъ извините! сказала она,—и думала застать тетушку

одну. И сдѣлавъ легкій поклонъ, дѣвушкапо казала видъ, будто хочетъ удалиться.

— Это господинъ, желающій осмотрѣть замокъ, Эва, сказала дама,—но отца нѣтъ дома, а я....

— Быть можетъ, я могу предложить свои услуги, прервала Эва тетку,—разумѣется, я съумѣю только отворять двери, и если этого достаточно...

Лео поспѣшилъ увѣрить, что онъ этимъ совершенно доволенъ, но что ему не хотѣлось бы, ради своего желанія, лишать мадемуазель Эву—болѣе занимательныхъ развлеченій.

Тетка, повидимому, была недовольна и безпокоилась. Она долго перешептывалась съ Эвой, но дѣвушка, наконецъ, завладѣла ключами и повела Лео по длинному корридору, который, проходя по всей длинѣ флигеля, направлялся въ главное зданіе.

Между тѣмъ Лео имѣлъ время очнуться отъ изумленія, которое овладѣло имъ при видѣ перемѣны, произошедшей въ Эвѣ въ теченіе послѣдняго времени. Онъ бы совершенно не узналъ ее, если бы заранѣе не былъ приготовленъ къ этому свиданію. Крестьянская дѣвушка преобразилась въ даму, которой простой, но изящный туалетъ обличалъ особенный, тонкій вкусъ. Ея разговоръ, осанка, манеры были отмѣчены печатью образованности, которая могла показаться фальшивой только немногимъ опытнымъ ушамъ и глазамъ. По мнѣнію Лео, Эва была теперь даже выше ростомъ и стройнѣе, а формы ея сдѣлались полнѣе и роскошнѣе, чѣмъ прежде. Онъ даже долженъ былъ сознаться, когда она поднялась предъ нимъ на нѣсколько ступенекъ, что рѣдко случалось ему видѣть существо, въ которомъ такъ гармонически соединялись бы сила и нѣжность.

Въ чертахъ ея лица не было уже и слѣдовъ прежней деревенской жесткости, хотя горожанки едва ли могли похвалиться такимъ яркимъ блескомъ глазъ, такимъ свѣжимъ румянцемъ щекъ. Густые, обильные, черные волосы, которые прежде были заплетены въ двѣ непривлекательныя косы, теперь лежали очаровательными, модными локонами вокругъ хорошенькой головки, и Лео при этомъ вспомнилъ слова Фердинанда о вак-

ханкѣ, которую тотъ хотѣлъ, раздѣвъ до нага, бросить своимъ пантерамъ.

— Вы выбрали не очень благопріятный денекъ, сказала Эва, поднимая сторы у оконъ первой залы, въ которую они теперь вошли,—при подобномъ сѣромъ небѣ старыя картины, для которыхъ необходимо яркое освѣщеніе, не произведутъ сильнаго впечатлѣнія. Эти геніальныя созданія кисти были собраны дѣдомъ его высочества по боковой линіи—принцемъ Эдуардомъ, который большею частію самъ накупилъ ихъ въ Италіи. Между ними должны быть нѣкоторыя очень цѣнныя картины пятнадцатаго столѣтія. Эту «мадонну съ младенцемъ» одни считаютъ произведеніемъ самаго Рафаэля, другіе приписываютъ ее Бернардо Луини, ученику Леонардо-да-Винчи. Это «снятіе со креста» принадлежитъ кисти Джанантоніо Рацци, называемаго Иль-Содома,—однако, что это мнѣ вздумалось выгружать предъ вами всю мою мудрость? вдругъ прервала себя Эва, оборачиваясь съ кокетливой улыбкой,—вы, безъ всякаго сомнѣнія, въ этихъ вещахъ понимаете болѣе меня, и потому едва ли слышали хотя одно слово изъ всего, что я вамъ наговорила.

— Я не знатокъ, а только любитель, сказалъ Лео,—я скромный невѣжда, который безъ вашей помощи сталъ бы въ безсмысленный тупикъ посреди всѣхъ этихъ древнихъ диковинокъ, а вы, какъ я вижу, очень основательно знакомы съ исторіей живописи.

— Да вѣдь это заучивается какъ-то само собою, проговорила съ живостью Эва,—у меня хорошая память, легко удерживающая собственныя имена, а глаза мои, быть можетъ, немножко привыкли къ очертаніямъ и краскамъ. Прежде я часто ходила здѣсь съ посѣтителями, но теперь являюсь сюда очень рѣдко.

— Ваша тетушка, какъ мнѣ показалось, съ большимъ нежеланіемъ передала вамъ ключи, сказалъ Лео. Эва улыбнулась и обнаружила рядъ зубовъ.

— Вы очень зорко наблюдаете, милостивый государь.

— Я слышу очень чутко, добавилъ Лео,—когда вы перешептывались съ вашей тетушкой, до ушей моихъ долетѣли слова: онъ ничего не узнаетъ. Былъ ли это обманъ слуха?

— Милостивый государь! вскричала Эва, отступая назадъ съ притворнымъ замѣшательствомъ.

— Полно вамъ, Эва, что за церемоніи между старыми друзьями: ужь будто вы меня не узнаете? И съ этими словами Лео взялъ руку Эвы.

На этотъ разъ рука ея непритворно дрожала, щеки Эвы краснѣли и блѣднѣли, ея прекрасная грудь поднималась и опускалась, а глаза молодой дѣвушки пристально, неподвижно впились въ лицо Лео.

— Неужели вы не хотите меня узнать, Эва? спросилъ Лео опять.

Эва тихо вскрикнула и еще разъ взглянула въ глаза, на губы Лео, который завладѣлъ и другой ея рукою. Вдругъ Эва, какъ бы подъ вліяніемъ внезапнаго изнеможенія, опустила свою голову на плечо Лео. Онъ держалъ прекрасный станъ въ своихъ объятіяхъ, ея лицо было обращено къ нему. Лео чувствовалъ на себѣ ея горячее дыханіе и, когда онъ прижалъ ее къ себѣ еще ближе, Эва накрыла его губы своими.

Но вдругъ она опять выпрямилась.

— Ахъ вы злой, гадкій человѣкъ! сказала она, — какъ вы меня испугали! Какимъ образомъ вы сюда попали? Какъ долго вы здѣсь? Нѣтъ не то, не то! Какъ вы перемѣнились! Какъ вы выросли, выровнялись и... и похорошѣли! Гдѣ вы были? Нѣтъ, нѣтъ, не то! Ахъ какъ я рада, какъ я рада, что увидалась съ вами!

Такъ продолжала Эва распрашивать, разражаясь громкимъ хохотомъ. Теперь въ ней опять пробудилось что-то прежнее,— она была въ эту минуту—Эва минувшихъ дней, пылкая дѣвушка, повиновавшаяся только голосу и требованіямъ своей стремительной, необузданной, полудикой натуры.

Они усѣлись на низкомъ диванѣ, стоявшемъ въ одной изъ нишъ залы. Эва все еще не могла придти въ себя отъ восторга, возбужденнаго въ ней свиданіемъ съ короткимъ знакомымъ давно минувшаго времени. О своемъ братѣ она освѣдомилась только въ ту минуту, когда Лео передалъ ей поклонъ Конрада. Ей пріятно было слышать, что братъ ея не сопровождалъ Лео въ столицу.

— Конрадъ всегда обращался со мной какъ тиранъ, сказала она,—а я не позволю никому обращаться со мной такимъ образомъ, или могу это позволить только тому, кого я люблю, а брата моего я никогда не любила. Онъ отравлялъ мнѣ всякую радость, когда это было въ его власти,—и по его же милости вы также поступили со мной не благородно. Да, да, вы были очень злы, безжалостны ко мнѣ. Виновата ли я въ этомъ, что вы мнѣ тогда понравились? Мнѣ такъ отрадно было смотрѣть въ ваши черные глаза, на ваши черные волосы, на ваше худощавое смуглое лицо. Притомъ же и вы, какъ я, были одинокій, безпомощный сирота,—и между тѣмъ все-таки стремились къ чему то высокому, точь въ точь какъ я. Ну теперь, конечно, вы уже достигли того, къ чему стремились, сдѣлали блестящую карьеру...

— Еще пока не сдѣлалъ, сказалъ Лео, улыбаясь.

— Но безъ всякаго сомнѣнія—сдѣлаете, съ жаромъ продолжала Эва,—вы обладаете для того всѣми средствами; но я! Я осталась тѣмъ же, чѣмъ была прежде.

Лео никакъ не хотѣлъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ. Онъ сказалъ, что ему еще ни въ комъ не приходилось замѣчать такой рѣзкой перемѣны въ сравнительно короткое время. Лео прибавилъ, что считалъ бы такую перемѣну рѣшительно невозможною, если бы не видѣлъ ея собственными глазами.

Эва смѣялась, и бѣлые зубы ея искрились въ полу-мракѣ ниши.

— Такъ по вашему я была тогда преотвратительная дѣвочка?

— Этого я не говорю, возразилъ Лео, — напротивъ вы и тогда обладали парою дивныхъ глазъ. Все объясненіе нынѣ совершающагося предо мною чуда, какъ я полагаю, надобно приписать тому обстоятельству, что семнадцатилѣтній мальчикъ былъ слишкомъ глупъ и не могъ отличить бриллианта отъ кусочка стекла. Но я желалъ бы знать, какой искусный мастеръ съумѣлъ такъ хорошо отшлифовать этотъ твердый камень, котораго высокая цѣнность теперь понятна для всякаго.

— Какой мастеръ? Если вы серьезно хотите знать, то я отвѣчу вамъ—ревность.

— Вы должны растолковать мнѣ это яснѣе, сказалъ Лео.

— Я была бы положительная дура, если бы удовлетворила вашему тщеславію, которымъ вы теперь уже успѣли запастись не въ мѣру.

— А я клянусь вамъ, отозвался со смѣхомъ Лео,—что на этотъ счетъ вы можете совершенно успокоиться: я такъ тщеславенъ, что вы уже не можете сдѣлать меня тщеславнѣе.

— Прекрасно, возразила Эва, если въ самомъ дѣлѣ васъ уже болѣе испортить нельзя—и чѣмъ пристальнѣе я въ васъ вглядываюсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что вы говорите совершенную правду—то я должна вамъ признаться, что въ то время я васъ страстно любила. Оставьте мои руки въ покоѣ! Вы не имѣете никакихъ причинъ благодарить меня за эту откровенность и, дѣйствительно, вы ничего, ровно ничего не сдѣлали для возбужденія во мнѣ этой страсти; напротивъ, вы, какъ я уже сказала, поступили со мной крайне безсовѣстно. Вы никогда не сказали мнѣ ни одного дружескаго слова и даже жестоко оттолкнули меня отъ себя, а между тѣмъ я все-таки была готова идти за васъ въ огонь и въ воду. Еще въ тотъ зимній вечеръ—о, я никогда этого не забуду!—когда скончалась моя мать, а вы съ вашими союзниками приготовлялись напасть на замокъ, — я просидѣла долго, долго на пригоркѣ, а ледяной вѣтеръ немилосердно хлесталъ мнѣ въ лицо. Но я ждала терпѣливо — вы думаете для Конрада? Нѣтъ я знала, что онъ пришлетъ именно васъ, котораго я такъ давно не видала и такъ страстно желала видѣть. А вы пришли и потомъ убѣжали отъ меня, какъ отъ дикаго звѣря; тогда во мнѣ самой пробудилось желаніе обратиться въ дикое животное и оправдать вашъ взглядъ на меня, — да, я, подобно преслѣдуемому звѣрю, побѣжала въ глубокомъ снѣгу по лѣсу, вверхъ и внизъ по холмамъ, по оврагамъ, и бѣжала до тѣхъ поръ, пока въ безпамятствѣ не свалилась на руки благородной фрейленъ. Замокъ былъ спасенъ, но измѣна получила также свою награду. День и ночь я повторяла сама себѣ, что по моей милости вы находитесь въ далекомъ изгнаніи. Не знаю, правда ли это, но я думала такимъ образомъ и никогда не могла простить себѣ

моего поступка. Я ненавидѣла себя, ненавидѣла всѣхъ людей, въ особенности вашу прелестную кузину—Сильвію, о которой и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ желчнаго непріязненнаго волненія. Она была такъ разсудительна, такъ высокомѣрна, всѣ носили ее на рукахъ и Вальтеръ говорилъ мнѣ, что прежде вы расхваливали ее въ стихахъ,—но далѣе я уже ничего не помню, что разсказывали о ней Вальтеръ и другіе — я знала только за что ненавидѣла Сильвію. Съ тѣхъ поръ мною овладѣло одно желаніе — сдѣлаться такою же разсудительною и завоевать себѣ положеніе въ обществѣ. Да и чѣмъ она лучше, выше меня? Почему я не могу достичь того же, что досталось въ удѣлъ ей? И вотъ я съ радостью переселилась сюда, потому что въ домѣ барона, вблизи ненавистнаго мнѣ существа не могла и не хотѣла оставаться. Съ того времени я живу здѣсь и измѣнилась къ лучшему, какъ вы утверждаете, впрочемъ быть можетъ только, ради свѣтской любезности, а не изъ внутренняго убѣжденія. Однако, что это вы такъ призадумались! Ужь не укоряете ли вы себя въ томъ несчастіи, котораго, дѣйствительно, были единственной причиной? Успокойтесь; бѣдная жертва вашей жестокости прощаетъ васъ, давно уже васъ простила и только радуется, свидясь съ старымъ знакомымъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Эва протянула съ привѣтливой улыбкой свою руку, которую Лео горячо пожалъ.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, дорогая Эва, сказалъ онъ:—вѣрьте мнѣ, что даже человѣкъ, совершенно одинокій въ жизни, какъ мы съ вами, можетъ мечтать о счастьи, если только имѣетъ друга, готоваго помочь ему совѣтомъ и дѣломъ. Мнѣ еще, быть можетъ, представится случай попросить у васъ того и другого, но на этотъ разъ не будемте говорить обо мнѣ, а лучше разскажите мнѣ побольше о васъ самихъ, объ окружающихъ васъ обстоятельствахъ; объясняйте себѣ это желаніе не пустымъ любопытствомъ, но искреннимъ съ моей стороны къ вамъ участіемъ. Еще прежде я имѣлъ нескромность освѣдомиться, кто такой не долженъ знать, что вы водите незнакомаго посѣтители по этимъ заламъ. Теперь я серьезно повторяю мой вопросъ: не сговорены ли вы уже, Эва? И кто этотъ

счастливый смертный, которому предстоитъ обладать сокровищами вашего сердца?

Свѣжія щечки Эвы вспыхнули яркимъ пламенемъ, но въ блестящихъ глазахъ ея и вокругъ полныхъ губъ проглядывалъ рѣзвый лукавый смѣхъ.

— Ахъ вы, гадкіе мужчины! вскричала она,—такъ по вашему дѣвушка, ради приличія, должна быть непремѣнно помолвлена или, покрайней мѣрѣ, влюблена, чтобы имѣть право пройтись часа два съ случайно подвернувшимся, но порядочнымъ молодымъ человѣкомъ по картинной галереѣ?

— Вы уклоняетесь отъ прямаго отвѣта, Эва, сказалъ Лео,—а между тѣмъ вопросъ очень важенъ, и я, въ качествѣ друга, могу расчитывать на вашу откровенность въ подобныхъ важныхъ обстоятельствахъ. Притомъ ваша добрая тетушка, очевидно, держится болѣе осторожнаго образа мыслей, чѣмъ вы, а отсюда слѣдуетъ что вы или твердо увѣрены въ любви вашего будущаго обладателя или не ставите ее въ грошъ, или, быть можетъ, здѣсь надобно предположить то и другое вмѣстѣ.

— Ужь не знаете ли вы и болѣе? спросила Эва съ притворнымъ смѣхомъ,—не извѣстно ли вамъ уже и имя влюбленнаго въ меня человѣка?

— И это можетъ быть—съ вашего позволенія, сказалъ Лео, встрѣчая глаза Эвы пристальнымъ взглядомъ,—вашъ обожатель докторъ Фердинандъ Липпертъ, секретарь его высочества принца!

Эва покраснѣла до макушки и потомъ вдругъ сильно поблѣднѣла.

— Кто..... кто вамъ это сказалъ? проговорила она взволнованнымъ голосомъ.

— Никто, отвѣчалъ, смѣясь, Лео, — ну, не сердитесь же, Эва, вѣдь это была шутка.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не шутятъ, съ живостью возразила Эва,—вы знаете больше, чѣмъ хотите сказать; что вы еще знаете?

— Ровно ничего, увѣряю васъ, отозвался Лео, и разсказалъ о своей вчерашней встрѣчѣ и бесѣдѣ съ Фердинандомъ. Лео удивлялся при этомъ, что его, ни на чемъ неосновавная догадка, оказывась такою вѣрною.

— Да, сказала Эва,—вы, дѣйствительно отгадали, Фердинандъ любитъ меня уже давно, но я никакъ не могу рѣшиться отвѣчать ему взаимностію; онъ очень красивый молодой человѣкъ, и могъ бы пріобрѣсти себѣ очень завидное положеніе въ свѣтѣ, если бы захотѣлъ, но я боюсь, что онъ этого не захочетъ. Въ немъ нѣтъ воли, а съ тѣми, положимъ, и очень милыми капризами, которые замѣчаются въ немъ, далеко не уѣдешь. И притомъ въ числѣ его капризовъ есть также очень непривлекательные—напримѣръ, онъ до безумія ревнивъ, хотя я не подавала ему къ тому никакихъ поводовъ. Онъ преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Онъ запретилъ мнѣ водить посѣтителей по замку, то есть, другими словами, онъ дѣлаетъ мнѣ изъ за этого обстоятельства каждый разъ такія отвратительныя сцены, что я, дѣйствительно, рѣшаюсь позволить себѣ это удовольствіе только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда я увѣрена, что онъ ничего не узнаетъ. О, вы не знаете, какой это ужасный дикарь. Я убѣждена, что онъ бы меня билъ, если бы я была его женою, и мнѣ удивительно, какъ это онъ теперь не обращается со мною такимъ образомъ. Не лучше поступаетъ онъ и относительно своихъ родителей, особенно съ моимъ дядюшкой у нихъ доходитъ ежеминутно до самыхъ непріятныхъ столкновеній.

Эва заговорилась такъ усердно, что Лео, напослѣдокъ, долженъ былъ освѣдомиться, не пора ли уже выйти изъ залы. Эва вздрогнула. До обѣда оставался одинъ часъ; и въ это самое время Фердинандъ, по выходѣ изъ кабинета принца, имѣлъ обыкновеніе безъ умолку бесѣдовать въ семействѣ. Тетушка, при своей глупости и слабости, какъ выражалась Эва, безъ всякаго сомнѣнія проболтается, и тогда-то пойдетъ потѣха. Лео вызвался сопровождать Эву; онъ былъ убѣжденъ, что Фердинандъ, въ присутствіи постороннаго лица, умѣритъ свою раздражительность. При томъ же Лео изъявилъ желаніе познакомиться съ господиномъ и госпожею Липпертъ.

— Почему вы прямо не назвали себя по имени? спросила Эва, когда они опять находились въ корридорѣ, который велъ изъ главнаго зданія въ квартиру Липперта.

— Признаюсь вамъ, сказалъ Лео,—я хотѣлъ сначала сдѣ-

лать рекогносцировку мѣстности; я думалъ, что всегда будетъ время предъявить права ста раго знакомаго и друга.

— Ну, что-же вы скажете теперь моимъ родственникамъ? спросила Эва.

— Что я часто видѣлся съ вами еще въ дѣтствѣ, что въ чужихъ краяхъ я познакомился съ вашимъ братомъ и привезъ отъ него поклоны какъ вамъ, такъ и господину Линнерту съ супругой. Я думаю, этого будетъ достаточно.

— Совершенно, добавила Эва, — и мнѣ бы даже не хотѣлось, чтобы вы сказали болѣе — изъ... изъ...

— Изъ побужденій, которыя старый другъ, какъ я, съумѣетъ уважить, подхватилъ Лео, пожимая руку молодой дѣвушкѣ.

Эва, повидимому, была склонна еще живѣе выразить свою благодарность другу за обѣщанную имъ скромность, но въ это самое мгновеніе изъ квартиры Линнерта, передъ которою они стояли, раздался крикливый, сердитый мужской голосъ.

— Не говорила-ли я вамъ? вскричала Эва, вся поблѣднѣвъ отъ досады.

— Такъ выдержимъ же вмѣстѣ грозу, сказалъ Лео, отворяя передъ Эвой дверь комнаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто былъ, подобно Лео, посвященъ во всѣ тайны семейныхъ отношеній Линнертовъ, тотъ, при первомъ взглядѣ, могъ уяснить себѣ смыслъ происходившей теперь сцены.

Посреди комнаты и спиной къ двери стоялъ Фердинандъ, громко кричавшій и неистово размахивавшій руками. Шляпа его валялась на полу въ нѣкоторомъ отдаленіи и была, очевидно, сброшена съ головы самимъ Фердинандомъ въ порывѣ гнѣва. Мать все еще сидѣла у окна, на прежнемъ мѣстѣ, даже въ прежнемъ положеніи, такъ какъ и теперь ея лицо было закрыто обѣими руками. Но для Лео интереснѣе этихъ обѣихъ, уже знакомыхъ ему фигуръ, показался длинный, сухой остовъ человѣка, преспокойно стоявшаго нѣсколько въ сторонѣ, у печки, съ заложенными за спину руками, какъ — будто дѣло рѣшительно

до него не касалось. Онъ былъ одѣтъ въ долгополый сюртукъ, котораго вышитые рукава и воротникъ давали знать, что хозяинъ сюртука числился въ штатѣ дворцовой прислуги его высочества; ноги были обуты въ штиблеты темнаго цвѣта и, подобно сюртуку и штиблетамъ, весь этотъ человѣкъ, съ его душой и убѣжденіями, казалось, также былъ плотно застегнутъ. На блѣдномъ его лицѣ нельзя было бы уловить ни малѣйшаго выраженія; лицо это, при свѣтѣ проникавшемъ изъ окошка, поразило Лео неуклюжимъ, отталкивающимъ профилемъ. Коротк!е, курчавые волосы на несоразмѣрно маленькой головѣ уже замѣтно посѣдѣли; голова эта была наклонена нѣсколько на бокъ, глаза были полузакрыты, какъ будто этотъ человѣкъ постоянно находился передъ дверью и боялся, не подслушалъ-ли его кто нибудь въ скважину двери.

Только господинъ Липпертъ сразу замѣтилъ появленіе новыхъ лицъ, однако онъ нисколько не думалъ останавливать ярость своего сына, который по прежнему выходилъ изъ себя и кричалъ почти не своимъ голосомъ:

— Пусть самъ чортъ меня возьметъ, если я это позволю. Говорю вамъ теперь въ послѣдній разъ: я не потерплю этого и буду считать васъ причиною всѣхъ могущихъ произойти непріятностей. На кой прахъ—съ позволенія сказать — вы бѣгаете два раза по воскресеньямъ въ церковь и прикидываетесь святошами, когда въ своемъ собственномъ домѣ не умѣете соблюдать порядка и благопристойности...

Вдругъ Фердинандъ остановился, увидѣвъ въ зеркалѣ фигуру Эвы и еще какого-то посторонняго человѣка. Тонкая, чуть замѣтная улыбка промелькнула по блѣдному лицу Липперта. Онъ опустилъ руки изъ за спины и повернулся къ двери. Фердинандъ поднялъ свою шляпу и старался съ наивозможнымъ для него хладнокровіемъ смотрѣть на портретъ принца. Мать выпрямила свою согнутую спину и встала на ноги.

— Кого имѣю честь видѣть? произнесъ Липпертъ.

Лео отрекомендовался, и при первомъ же звукѣ его голоса Фердинандъ сдѣлалъ быстрый оборотъ и, съ выраженіемъ стыда и испуга въ лицѣ, пристально устремилъ глаза на Лео. Но гость скоро вывелъ его изъ этого замѣшательства. Лео гово-

рилъ о радости, какую доставляетъ ему возможность возобновить такое пріятное знакомство.

— Думалъ-ли я, вскричалъ онъ, что изъ полученнаго мною вчера письма мнѣ суждено будетъ узнать, въ какія близкія отношенія вы и ваши почтенные родители поставлены къ фрейлейнъ Эвѣ, которая поселила во мнѣ такое отрадное воспоминаніе, уходящее въ эпоху моей ранней молодости, воспоминаніе, правда, только мимолетное. И какъ я радъ, что могу познакомиться теперь со всѣмъ семействомъ и отписать моему другу, какое счастіе и спокойствіе окружаютъ здѣсь его сестру! Не то выпало на долю этому честному человѣку, — при этомъ Лео разсказалъ о Туски, о Швейцаріи, о жизни бѣглецовъ, этихъ горемычныхъ скитальцевъ. Вообще Лео былъ теперь очень словоохотливъ, тогда какъ господинъ Липпертъ оставался застегнутымъ, какъ всегда, и только по временамъ, его блѣдное, нѣмое лицо искривлялось холодною, нѣмою улыбкой. Госпожа Липпертъ слушала съ какою-то набожной сосредоточенностью. Эва обнаруживала радость, что все окончилось такъ благополучно, а лицо Фердинанда — хотя онъ этого, конечно, не хотѣлъ — ясно отражало различныя ощущенія, раждавшіяся въ его душѣ.

Наконецъ, Лео показалось, что было уже время откланяться. Фердинандъ выразилъ желаніе проводить гостя.

Какъ только они вышли на улицу, Фердинандъ схватилъ Лео за руку и сказалъ:

— Пообѣдаемте сегодня вмѣстѣ. Мнѣ нужно многое сообщить вамъ. Что вы на это скажете?

Лео былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ, и скоро новые друзья сидѣли vis-à-vis въ сосѣднемъ ресторанѣ. Фердинандъ заказалъ купанья и свой любимый напитокъ, потомъ, когда слуга ушелъ, Фердинандъ обратился къ Лео съ слѣдующими словами:

— Странно какъ-то это все произошло между мной и вами. Вчера вы произвели на меня удивительное впечатлѣніе, какого я не испытывалъ еще никогда въ моей жизни. Послѣ этого вечера вы снились мнѣ цѣлую ночь — такіе сны, я полагаю, можетъ породить только мой мозгъ — а сегодня я васъ вижу

опять совершенно неожиданно, въ кругу моего семейства. Это значитъ, что вамъ предназначено судьбою играть какую нибудь важную роль въ моей жизни. Всѣ недюжинные люди суевѣрны — вы, безъ сомнѣнія, также — а я суевѣренъ въ крайней степени. Я знаю или предчувствую, что вы можете сдѣлаться и для меня источникомъ большаго счастья или большаго несчастья, и что поэтому я долженъ назвать васъ своимъ другомъ. Изволите-ли видѣть, докторъ, я ни во что не вѣрю, то есть рѣшительно ни во что. Впродолженіи моей жизни я спорилъ съ разными авторитетами и убѣдился, что они — чушь, галиматья, всѣ безъ исключенія. Обыкновенно мнѣ очень удобно почивать въ этомъ чистомъ эфирѣ, въ которомъ нѣтъ ничего, въ которомъ, куда ни сунешься, ни на что не наткнешься. Однако, часто мы ощущаемъ въ себѣ желаніе найти твердую точку опоры. Я всегда бредилъ объ этой твердой точкѣ, и этой твердой точкой должны, повидимому, служить мнѣ вы, потому что втеченіи всего моего существованія одни вы — могу завѣрить васъ въ этомъ искренно — произвели на меня сильное, импонирующее впечатлѣніе. Теперь позвольте мнѣ поблагодарить васъ за эту крайне любезную находчивость, съ какою вы высвободили меня изъ моего неловкаго положенія. Предаваться сильнымъ порывамъ досады — вообще не хорошо, хотя бы на это существовали законныя причины, какъ, къ несчастію, случилось теперь со мною. Но чтобы представить вамъ все дѣло яснѣе, я долженъ разсказать вамъ кое-какія предшествующія обстоятельства.

— Я единственный сынъ моихъ родителей, моя мать, еще будучи очень молоденькой дѣвушкой, оставила свою родину и поселилась въ столицѣ; теперь я припомнилъ себѣ, почему ваша фамилія, когда вы произнесли ее вчера вечеромъ, показалась мнѣ знакомою. Ваша тетушка, которую вы назвали въ разговорѣ съ моими родителями, — фрейленъ Сара Гутманъ, бывшая нянюшка короля, до сихъ поръ проживающая во дворцѣ, вывезла мою мать изъ ея родной деревушки. Вы, конечно, знакомы съ этой тетушкой и уже навѣщали ее?

— Нѣтъ, отозвался Лео,—говоря откровенно, эта фрейлейнъ Сара уже давно живетъ въ совершенномъ разладѣ со всею своей

роднею. Право не знаю хорошенько, въ чемъ эта дама провинилась.

— Я полагаю, сказалъ Фердинандъ, что объ этомъ могу сообщить вамъ кое-какія свѣденія, также точно, какъ и по части всѣхъ придворныхъ и городскихъ толковъ, ходившихъ втеченіи двадцати пяти лѣтъ. Ваша тетушка была домоправительницею и экономкой министра фонъ-Фалькенштейна — дяди настоящаго оберъ-егермейстера фонъ-Фалькенштейна; въ концѣ двадцатыхъ годовъ, какъ вамъ извѣстно, у насъ настало затишье, ради скуки сограждане наши были непрочь и поразвратничать, и Фалькенштейнъ, проживавшій холостякомъ и долгое время прогостившій въ Парижѣ въ качествѣ посланника, пріобрѣлъ репутацію самаго заклятаго врага скуки — или выражаясь менѣе лукаво—самаго рьянаго сторонника нещепетильныхъ моральныхъ воззрѣній. Тѣ года нашей chronique scandaleuse заключаютъ много такихъ вещей, какими не побрезгали бы самые любострастные изъ французскихъ романовъ, но что дѣластъ этотъ кошачій карнавалъ еще пикантнѣе, еще забавнѣе, такъ это та непроницаемая завѣса, какою онъ прикрывался отъ глазъ стараго, строго цѣломудреннаго короля. Рядомъ съ Фалькенштейномъ генералъ фонъ-Тухгеймъ слылъ за одного изъ самыхъ галантныхъ любезниковъ и, по истинѣ, достойно трогательнаго умиленія то обстоятельство, что эти два господина пользовались наибольшей милостью и самымъ безграничнымъ довѣріемъ брезгливаго короля. Ну-съ, вотъ въ домъ этого-то Фалькенштейна была помѣщена вашей тетушкой моя мать—семнадцати лѣтняя дѣвушка, а спустя годъ я родился. Недѣли за двѣ до моего рожденія моя мать вышла замужъ за моего батюшку, который между тѣмъ перешелъ изъ дома министра на службу принца, родителя его высочества, но... неправдоподобно, рѣшительно неправдоподобно отъ начала до конца—а вы какъ думаете?

Фердинандъ довольно усердно побесѣдовалъ съ бутылкой. Казалось, будто мысль о его сомнительномъ происхожденіи приводила его въ живѣйшее волненіе.

Лео слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Часто, въ послѣднее время, ревностно изучая различныя партіи въ государствѣ и все болѣе и болѣе убѣждаясь въ необходимости нахо-

дить для себя агентовъ, Лео мимоходомъ спрашивалъ себя мысленно, кто такая—эта его тетушка, презираемая его родственниками, и не можетъ ли онъ добыть многія важныя свѣденія чрезъ эту женщину, которая, какъ оказывалось, до сихъ поръ пользовалась благосклонностью короля. Теперь праздно качавшаяся въ воздухѣ нить, повидимому, хотѣла прикрѣпиться къ этой точкѣ, но вотъ вдругъ является вторая нить, которая прикрѣпляется къ первой. За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ Лео повстрѣчался съ генераломъ фонъ-Тухгеймомъ у дворцоваго входа,—у того самого входа, который также сообщался съ помѣщеніемъ Линнерта, — съ той самой квартирой, въ которой Лео увидѣлъ заплаканную мать Фердинанда!

— Вы знаете генерала? спросилъ Лео.

— Еще бы! откликнулся Фердинандъ, поднимая вверхъ голову, которую онъ поддиралъ рукою,—я знаю его еще съ тѣхъ поръ, какъ только поднялся на ноги. Прежде онъ жилъ влѣво отъ дворца въ отелѣ, который былъ назначенъ для него покойнымъ королемъ, и изъ котораго генералъ, получившій отъ нынѣ царствующаго короля должность гофмейстера, перешелъ въ казенное помѣщеніе, при главномъ дворцовомъ зданіи. Садъ отеля прилегалъ къ нашему парку, и не разъ въ лѣтніе вечера случалось мнѣ играть съ Жозефою фонъ-Тухгеймъ въ горѣлки и въ прятки. Она была годами двумя моложе меня, личико у ней было довольно смазливенькое, и мы очень любили другъ друга, хотя объ этомъ она теперь и знать не хочетъ и когда мы встрѣчаемся въ обществѣ, показываетъ видъ, будто я еще никогда въ ея жизни не попадался ей на глаза. Старый генералъ обращался со мной всегда очень ласково, гладилъ меня по головкѣ каждый разъ, когда я, бѣгая, встрѣчался и дарилъ мнѣ талеръ. Вообще я ему очень понравился, и генералъ убѣждалъ моего отца воспитывать меня, а впослѣдствіи выхлопоталъ мнѣ мѣсто на службѣ принца. Это открытое участіе, которое онъ мнѣ постоянно оказывалъ, можетъ служить единственнымъ доводомъ, который не позволяетъ мнѣ думать, что самъ генералъ — мой отецъ. Онъ настолько остороженъ, что съумѣлъ бы въ этомъ случаѣ играть свою роль непроницаемѣе. Очень можетъ статься, что когда онъ навѣщалъ домъ Фаль-

кенштейна, то генералу приглянулась моя хорошенькая мамаша, однако министръ, насколько я о немъ знаю по наслышкѣ, не любилъ простирать подобныхъ шутокъ слишкомъ далеко, и ужь если мой отецъ мнѣ не отецъ, то я непремѣнно сынокъ покойнаго министра.

Фердинандъ разразился циническимъ хохотомъ, залпомъ осушилъ свой стаканъ, который опять налилъ.

— Тысячу дьяволовъ! вскричалъ онъ,—ради чего я обязанъ скрываться? Судьба моя напоминаетъ жизнь незаконнорожденнаго Глостера въ «королѣ Лирѣ.» Природа знаетъ, чего хочетъ, и яблоко никогда не падаетъ далеко отъ своего дерева. Ну мы рѣшительно ни въ чемъ не могли между собою согласиться. Онъ холоденъ, какъ ледяная сосулька, а во мнѣ происходитъ такое броженіе, что я не понимаю, какъ иногда мой черепъ не разлетится въ дребезги. Не особенно сочувствую я и моей матери, но это, по крайней мѣрѣ, замученная несчастная женщина, которая, точно боязливая улитка, ко всему прикасается своими осторожными щупальцами и чуть дотронется до чего нибудь жесткаго, — сейчасъ же прячется въ свою раковинку. Что только я вытерпѣлъ, когда былъ ребенкомъ и мальчуганомъ, подъ гнетомъ такихъ обстоятельствъ, — разсказать не съумѣю, — вѣчный холодъ здѣсь, вѣчныя слезы тамъ, отдыха—нигдѣ, а тутъ въ сердцѣ пламя жадныхъ страстей, неутолимая жажда наслажденій,—и вотъ какимъ образомъ прогулялся я по морю житейскому, да и желалъ бы посмотрѣть, кто бы не свалился кувыркомъ на моемъ мѣстѣ.

На лобъ Фердинанда опять выступило красное облако, возвѣщавшее у него приближеніе грозы. Въ его обыкновенно прекрасныхъ глазахъ отразился блеклый, матовый блескъ и голосъ его за звучалъ грубѣе, когда юноша, послѣ нѣкотораго молчанія, посвященнаго имъ безостановочному, торопливому осушенію стакановъ, опять заговорилъ:

— Часто мнѣ приходилось читать—и это можетъ быть совершенно вѣрно—что подобныхъ мнѣ людей отъ гибели можетъ спасти только одна возвышенная любовь. Но гдѣ найдти драгоцѣнную жемчужину на томъ пути, по которому я шелъ и иду? Рѣшить задачу эту не въ силахъ ни я, ни женщины—

говорю по чистой совѣсти—потому что относительно меня онѣ не были суровы — добренькія овечки! И вотъ почему я не хвастаю моими побѣдами, но вотъ почему также я не нашелъ, что мнѣ было нужно. Я не зналъ ни одной женщины, которая въ какомъ нибудь отношеніи стояла бы выше меня. Можно ли любить то, что у насъ у самихъ имѣется и притомъ въ большемъ запасѣ,—да если бы намъ и было принесено въ жертву единственное, чѣмъ мы не обладаемъ—невинность и добродѣтель—скажите же пожалуйста—кой чортъ заставитъ насъ продолжать наши колѣнопреклоненія предъ этими хрупкими глиняными кумирами? Пусть ихъ себѣ этимъ забавляются дураки, для которыхъ самообольщеніе составляетъ врожденную потребность. А природа вставила въ мой лобъ глаза, и я не хочу служить тамъ, гдѣ могу повелѣвать. Вы смѣетесь, докторъ? Вы припоминаете себѣ недавнюю сцену, которой вы были свидѣтелемъ и изъ которой ваша наблюдательная прозорливость выводитъ такую груду заключеній, что я нахожусь вынужденнымъ разсказать вамъ все обстоятельно. Да, я люблю Эву, то есть не подумайте, чтобы я дѣйствительно такъ любилъ ее, какъ любятъ юные романтики—до самозабвенія, до безумія. Знаю, что она этого не стоитъ, но если бы я былъ божественъ, то отдалъ бы всю свою божественную славу для этой дѣвушки. Вы знаете Эву или лучше вы ея совсѣмъ не знаете, потому что знать Эву можетъ только тотъ, кого она, какъ вотъ меня, безжалостно промучила впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Я былъ еще студентомъ, когда въ домѣ моихъ родителей появилась эта опаленная солнцемъ, налитая молодой, клокочущей кровью брюнетка,—худенькая и въ то же время плѣнявшая мягкой округлостью формъ,—какъ цыганка-прелестница—съ глазами, сверкавшими изъ за темныхъ, густыхъ бровей, словно зрачки у дикой кошки. Въ нашемъ пасмурномъ, замкнутомъ, скучномъ домашнемъ кругу она двигалась, какъ пойманный дикій звѣрь, тревожно... тревожно... и притомъ тихо... тихонько... ни за что не зацѣпляясь, все наблюдая и, повидимому, будучи каждую минуту на готовѣ вонзиться зубами въ руку, неосторожно просунутую въ ея клѣтку. Она была тогда до того необразована, что не умѣла ни читать, ни писать, а о томъ, что дѣлается на бѣ-

ломъ свѣтѣ составила себѣ преуморительныя воззрѣнія. Это было, однако, съ самаго начала, а послѣ Эва въ нѣсколько мѣсяцевъ съ непостижимою для меня до сихъ поръ легкостью выучилась всему тому, что впродолженіи столькихъ же лѣтъ преподается въ высшихъ женскихъ заведеніяхъ. Многимъ предметамъ, которые она еще прежде усвоила себѣ въ совершенствѣ, ей совсѣмъ не нужно было учиться, напр. искусству плѣнять собою, когда это ей нравилось, или отталкивать отъ себя, если только этого ей было угодно. Я сказалъ вамъ, что тогда я былъ еще студентъ, и—мнѣ кажется, едва ли нужно прибавлять—взбалмошный студентъ, и вы можете себѣ легко представить, какъ развилась моя вѣтреная студентская удаль вблизи этой волшебницы. Мы то и дѣло искали и избѣгали другъ друга, любезно шептались и громко ругались, ласкались одинъ къ другому, царапались,—это былъ настоящій бѣсовскій шабашъ страданія и наслажденія, пока я, наконецъ, не убѣдился, что я, котораго она тысячу разъ клялась любить больше своей жизни, былъ для нея только услужливымъ зеркаломъ, передъ которымъ она изучала свои гримасы, глупымъ болваномъ, на которомъ она примѣривала свои наряды. Мнѣ стало ясно, что мой банкъ лопнулъ, что я игралъ противъ самого себя,—а между тѣмъ, меня словно какой-то бѣсъ приковалъ къ игорному столу, меня уже прельщалъ не выигрышъ, а игорный азартъ, лихорадочное волненіе, безъ котораго я уже не могъ дышать.

— А она... ей любо было поддерживать во мнѣ это горячечное изступленіе. Солнце не съумѣетъ освѣщать праведныхъ и грѣшниковъ съ такою равномѣрностью, съ какою она дѣйствуетъ на каждаго своими чарующими прелестями. Я думаю, что ее знаетъ половина столичнаго населенія подъ именемъ «хорошенькой кастеляншн,» и нѣтъ ни одного стройнаго гвардейскаго офицера, который не показалъ бы предъ окномъ Эвы своей красивой кавалерійской посадки и который послѣ не прокартавилъ бы мнѣ, что моя кузина—какъ честный человѣкъ!—аппетитная штучка.

— Часто я уже себя спрашивалъ: чѣмъ все это кончится, что затѣяла Эва? Всему вѣдь есть же конецъ, самыя соблазнительныя прелести увядаютъ,—а вѣдь Эвѣ двадцать пять лѣтъ! Вотъ

видите ли, во мнѣ развилось подозрѣніе, грызущее меня какъ жгучій ядъ, котораго не можетъ залить все шампанское на земномъ шарѣ. Не глядите съ такимъ испытующимъ выраженіемъ на мой лобъ—я еще совершенно трезвъ. Знаю, знаю, что я еще долженъ объяснить вамъ недавнюю сцену. Вы—человѣкъ не глупый, человѣкъ другого калибра, чѣмъ тѣ безмозглые господишки, которыхъ мнѣ приходится забавлять. Тѣмъ я не могу довѣриться, но мнѣ крайне нужно кому нибудь довѣриться. Отвѣчайте же мнѣ вотъ на этакій вопросецъ: зачѣмъ этотъ человѣкъ—мой папаша—вызвалъ къ себѣ эту дѣвушку, зачѣмъ такъ заботливо ее воспитываетъ, зачѣмъ дастъ ей такое изысканное образованіе? Зачѣмъ онъ потворствуетъ малѣйшей ея прихоти? Зачѣмъ?! О, умоляю васъ, отвѣчайте мнѣ на это единственное мое «зачѣмъ?» Изъ человѣколюбія? Изъ родственнаго расположенія? Ха, ха, ха! Мой батюшка неповиненъ въ этихъ грѣхахъ. Ну, что-жь, не отгадаете? Хорошо, я за васъ отвѣчу. Прелестная, умненькая и ловкая дѣвушка—чистый кладъ для того, кто хочетъ сдѣлать завидную карьеру при дворѣ. Чрезъ такую дѣвушку можно достигнуть того, что недостижимо ни за какія блага въ свѣтѣ. Ну-съ, а что если такой человѣкъ—то есть мой папенька—захотѣлъ скрыть подобный аппетитный, доходный кладъ, въ этой дѣвушкѣ? Что если мой папенька,—какъ человѣкъ разсудительный,—рѣшился выдавать свои деньги только за самыя высокіе проценты и милыя, умныя денежки какъ нельзя успѣшнѣе начали работать для умной цѣли своего владѣльца? А? Что же тутъ несбыточнаго? Развѣ нѣтъ уже въ нашихъ знатныхъ хоромахъ заднихъ лѣстницъ, по которымъ можно дойдти до неизобразимо уютнаго, отраднаго диванчика въ будуарѣ ближайшей виллы, или до качающейся кушетки въ тѣнистой галлереѣ очаровательнаго домика, расположеннаго на берегу озера. Развѣ никогда не попадала дѣвушка незнатнаго происхожденія въ графини по милости своей хорошенькой мордочки? На всѣ эти вопросы есть одинъ отвѣтъ—утвердительный, и въ большихъ домахъ настроено много заднихъ лѣстницъ. Послѣ этого будете ли вы считать меня ревнивцемъ, если мнѣ непріятно, что Эва водитъ по замку по-

сторонникъ людей, которые умѣютъ исчезать, когда это нужно, напримѣръ, когда она подходитъ къ извѣстной двери?

Лео пытался нѣсколько успокоить взволнованнаго молодаго человѣка, представляя ему, что все это — одно подозрѣніе,— но убѣжденія Лео были напрасны.

— Ужь, пожалуйста, не толкуйте! вскричалъ Фердинандъ, — доказательство добыть трудновато, когда имѣешь дѣло съ такой коварной змѣей, но поводовъ къ подозрѣнію у меня накопилось больше, чѣмъ сколько нужно.

Онъ придвинулся къ Лео ближе и заговорилъ шопотомъ:

— Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ я состою въ личной службѣ принца и безъ всякаго преувеличенія могу сказать, что никто не знаетъ его лучше меня. Онъ ко мнѣ расположенъ, какъ только можетъ быть расположено такое высокое лицо къ нашему брату, служащему человѣку,—онъ мнѣ много довѣряетъ. Корреспонденція, при видѣ которой очень умные дипломаты выпучили бы глаза, проходитъ чрезъ мои руки, а также и другая корреспонденція, болѣе опасная для спокойствія частныхъ лицъ, имѣющихъ хорошенькихъ дочекъ и женъ, чѣмъ для государственной тишины. Принцъ — человѣкъ страстный, котораго страсти дѣлаются тѣмъ необузданнѣе, чѣмъ осторожнѣе онъ долженъ угождать имъ. Съ такими людьми, какъ я, разумѣется, не зачѣмъ черезъ чуръ скрытничать, можно быть словоохотливѣе.

— Скажите-ка мнѣ, Липпертъ, кто эта хорошенькая дѣвушка, которую я часто видѣлъ возлѣ окна у кастелляна?—Моя кузина, ваше высочество.

— Ахъ, это ваша кузина! Чортъ возьми, какія у васъ хорошенькія кузины. Премиленькая дѣвушка. Пожалуйста, напомните мнѣ о ней! Красота, въ особенности находящаяся вблизи насъ, имѣетъ право на наше вниманіе. Подобныя вещи разсказывалъ онъ постоянно впродолженіи двухъ лѣтъ, но я не принималъ этого слишкомъ близко къ сердцу; онъ былъ занятъ и многими другими интригами. Теперь онъ пересталъ говорить объ Эвѣ, но я знаю, что онъ ее не забылъ, потому что еще недавно я нацелъ на его столѣ листъ бумаги, на которомъ было начато письмо, потомъ слѣдовали разные росчерки и, наконецъ, тутъ же приплелись слова: обворожительная Эва.

— Не ошиблись ли вы? спросилъ Лео,—ошибиться не трудно, если...

— Если имѣется копія? перебилъ Фердинандъ, — вотъ она вамъ на лицо.

Онъ вынулъ изъ своего маленькаго портфеля листъ бумаги, который развернулъ передъ Лео. Глаза Лео съ жаднымъ любопытствомъ пробѣжали по загадочнымъ строчкамъ. Фердинандъ, болѣе чѣмъ полупьяный, склонилъ голову на руку и совершенно не замѣтилъ, что Лео держалъ письмо передъ своими глазами довольно долго.

— Ну, что же, сказалъ напослѣдокъ Фердинандъ,—можете ли вы еще сомнѣваться?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лео,—но кому адресовано это письмо?

— Князю М.! Кому же другому?! пролепеталъ Фердинандъ, онъ приказалъ сдѣлать мнѣ копію, а остальное я написалъ подъ его диктовку.

— А самый оригиналъ?

— Оригиналъ изчезъ, запечатанъ, сожженъ, — я-то почемъ знаю? Но она увидитъ, собственными глазами увидитъ, что я не былъ слѣпъ, что я хорошо зналъ, какую глупую комедію она со мной разыгрывала.

— Это можетъ стоить вамъ мѣста, сказалъ Лео,—не лучше ли мы сдѣлаемъ, если сожжемъ это письмо.

Онъ поднесъ листъ къ пламени свѣчи, которую прежде слуга поставилъ на столъ вмѣстѣ съ кофе.

— Нѣтъ, это невозможно! вскричалъ Фердинандъ, поспѣшно отводя назадъ руку Лео.

— Такъ отдайте письмо мнѣ, сказалъ Лео, — у меня оно будетъ въ большей безопасности.

Онъ сложилъ листъ и всунулъ его въ свой карманъ.

Фердинандъ хотѣлъ что-то возразить, но вдругъ схватился рукою за сердце и тихо вскрикнулъ, какъ бы отъ боли.

— Что это часто съ вами случается?

— Да, иногда бываетъ.

— Гмъ .. приливъ крови къ сердцу; вотъ по этому рецепту вамъ дадутъ порошекъ, который вы принимайте въ водѣ.

А теперь поспѣшимъ выйти. Здѣшній воздухъ — отрава для васъ при вашемъ состояніи здоровья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— А почему, господинъ докторъ, вы не изволили быть вчера вечеромъ въ собраніи ремесленниковъ?—спросилъ господинъ Ребейнъ, стоявшій предъ своимъ закройщичьимъ столомъ, Вальтера, который, отправляясь утромъ одного изъ слѣдующихъ дней въ свое учебное заведеніе, заглянулъ въ мастерскую портнаго.

— Надобно было справиться съ послѣдними корректурными листами, отозвался Вальтеръ, садясь на столъ возлѣ Ребейна.

— Никакихъ оправданій, никакихъ резоновъ не принимается! вскричалъ Ребейнъ, усердно отмѣривая и разрѣзывая, — сначала божья служба — двадцать семь и три четверти, а потомъ мірскія дѣла — прорѣзать рукава, Левтольдъ, петли сдѣлать поближе, а то вѣдь господинъ не влѣзетъ въ сюртукъ! да, докторъ, надо дѣлать одно и не забывать другого. Я бы помогъ вамъ при корректурѣ, а вы бы за это вотъ теперь пособили мнѣ разжевать эту мудреную рѣчь, которую я никакъ не умѣю взять въ толкъ, никакимъ образомъ не могу разгадать ее своей головою.

— Какую рѣчь?

— Гмъ... Какую рѣчь?! повторилъ портной, опуская ножницы,—да вы съ луны свалились, Вальтеръ, что ли? Неужто вы ничего не слышали о рѣчи, которую вашъ двоюродный братъ произнесъ третьяго дня въ собраніи ремесленной общины и о которой сегодня утромъ сообщаютъ всѣ газеты. Ну ужь я вамъ скажу, дружокъ Вальтеръ, рѣчь такъ рѣчь! Два часа сряду вашъ братецъ не умолкалъ, любо было слушать,—но самая-то суть дѣла, миленькій мой Вальтеръ, то есть содержаніе не при мнѣ писано, — тутъ-то я, миленькій Вальтеръ, становлюсь въ тупикъ; это какая-то цвѣтистая болтовня,—онъ учитъ тому, во

что самъ не вѣритъ,— настоящая погремушка — чпишп... Ты, Клапротъ, посадилъ тутъ не лучшій шовъ... ты вѣрно слѣпилъ его на счетъ вспоможеній изъ государственнаго казначейства—смотри, братъ, шей лучше на нашъ частный счетъ и подъ своей отвѣтственностію!

Вальтеръ пожелалъ узнать, о чемъ собственно говорилъ Лео въ своей рѣчи, но Ребейнъ отозвался, что такъ скоро всего нельзя разсказать.

— Заходите ко мнѣ, сказалъ онъ, когда мы пошабашимъ, или я приду къ вамъ и мы потолкуемъ на досугѣ. А теперь я могу только замѣтить, что тотъ, кто не захочетъ практически ознакомиться съ дѣломъ, никогда не пойметъ потребностей ремесленной жизни. Развѣ онъ, проживая у насъ уже три мѣсяца, хотя разъ заглянулъ до сихъ поръ въ мою швальню. Шапку долой передъ геніемъ, всяческій почетъ книгамъ! Но геній и книги—это голова и рука,—игла и ножницы — а матерія-то, миленькій Вальтеръ, матерія, которую нужно выкроить,—это практическая жизнь! Вальтеръ долженъ былъ идти въ училище, но теперь ему не такъ-то легко было преподавать уроки съ его обычнымъ педагогическимъ умѣньемъ. Судьба его новаго романа, который былъ уже совершенно готовъ въ печати и чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ выйти въ свѣтъ, выйти съ полнымъ именемъ автора, красовавшимся на заглавномъ листѣ, — эта судьба наполняла всѣ мысли Вальтера, которому теперь трескучія фразы добродѣтельнаго Цицерона, громившаго изверга Катилину, представлялись довольно прѣсными. Потомъ педагогу опять приходила на мысль рѣчь Лео, которой Вальтеръ самъ не прослушалъ и о которой мимоходомъ прочелъ отзывъ въ одной либеральной газетѣ, — отзывъ, совершенно согласовавшійся съ мнѣніемъ Ребейна. Высокопарящій талантъ, удивительная всеобъемлющая ученость, но рѣшительное непониманіе условій практической жизни: стремленіе къ экспериментамъ надъ соціальными доктринами, которыхъ непримѣнимость была уже извѣдана очень часто.

Подобные отзывы о его двоюродномъ братѣ Вальтеру приходилось слышать уже не въ первый разъ, но что всего хуже, Вальтеръ волею или неволею долженъ былъ съ ними согла-

ситься. Онъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ безукоризненной добросовѣстности Лео, но различіе ихъ взглядовъ по отношенію къ средствамъ, путемъ которыхъ можно или должно было достигать цѣлей, съ каждымъ днемъ высказывалось рѣзче. Для Вальтера это было очень прискорбно, потому что онъ любилъ Лео и искренно желалъ хотя немножко быть любимъ человѣкомъ, котораго онъ ставилъ такъ высоко и съ которымъ онъ былъ связанъ узами родства и цѣлымъ рядомъ отрадныхъ воспоминаній дѣтства. Но осуществленіе этого желанія съ каждымъ днемъ близкой совмѣстной жизни родственниковъ отсрочивалось все далѣе и далѣе. Лео, повидимому, не нуждался въ дружбѣ, въ пріязненной близости, въ теплой довѣрчивости, въ любви: сблизиться съ нимъ рѣшительно было невозможно.

Госпожа Ребейнъ испытала это на себѣ. Ее мучила холодная вѣжливость Лео, съ какою онъ постоянно съ ней обращался. Разумѣется, госпожа Ребейнъ заслуживала больше вниманія: если она, въ угоду Вальтеру, удалилась изъ своей уборной комнаты — изъ этого рая шитыхъ подушекъ, — и помѣстилась вдали отъ своей возлюбленной портретной галлереи, то все-таки это была жертва, а, по мнѣнію жены портнаго, надобно было совсѣмъ не имѣть человѣческаго сердца, чтобы на жертву не отозваться ни однимъ теплымъ задушевнымъ словомъ. Но Лео не отзывался и даже — что казалось еще ужаснѣе — повидимому, нисколько не замѣчалъ тѣхъ упущеній, въ какихъ иногда можетъ провиниться самая рачительная хозяйка. Такъ случилось, что въ одинъ вечеръ она не подала ему свѣчей, въ другой—не затопила печки,—и Лео въ первый разъ легъ спать въ потемкахъ, а во второй—какъ послѣ сообщалъ Вальтеръ—проработалъ до полуночи въ холодной комнатѣ. Этотъ человѣкъ, наконецъ, сталъ внушать ужасъ госпожѣ Ребейнъ и она даже начала размышлять, что Лео, можетъ быть, совсѣмъ не человѣкъ, а скорѣе одинъ изъ тѣхъ повѣренныхъ нечистаго духа, о которыхъ такъ много толковалъ ея любимый проповѣдникъ.

Но худшее было еще впереди. Въ одинъ прекрасный день Вальтеръ поразилъ ее извѣстіемъ, что Лео отъ нихъ уходитъ,

добровольно, спокойно, злодѣйски уходитъ изъ ея рая шитыхъ подушекъ. Да, именно, если это было не шутка, то это было преступленіе! По сосѣдству она уже знала пять ремесленныхъ семействъ, неимѣвшихъ никакого врача, и во всемъ городѣ не было другой такой улицы, въ которой бы такъ неистово свирѣпствовала жаба, какъ въ той улицѣ, гдѣ проживала госпожа Ребейнъ. Гдѣ же это молодой докторъ задумалъ найти себѣ болѣе выгодную практику? Вальтеръ и самъ господинъ Ребейнъ—хотя и не съ точки зрѣнія раздосадованной хозяйки, тѣмъ не менѣе были оба того мнѣнія, что въ ихъ части города Лео имѣлъ наилучшіе шансы; но несмотря ни на отсовѣтыванія Вальтера, ни на разсудительныя представленія господина Ребейнъ, ни на молчаливое негодованіе госпожи Ребейнъ, Лео остался твердъ въ своемъ намѣреніи и еще до наступленія ранняго зимняго вечера, рай шитыхъ подушекъ былъ оставленъ своимъ неблагодарнымъ жильцомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пользуясь первымъ досужимъ временемъ, Вальтеръ отыскалъ новую квартиру Лео и не мало изумился, увидѣвъ новую докторскую вывѣску надъ парадной дверью одного изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ въ лучшей улицѣ аристократической части города. Покачавъ головой, онъ взошелъ по лѣстницѣ, устланной ковромъ, въ бель-этажъ и позвонилъ. Вмѣсто Лео, котораго ожидалъ Вальтеръ, дверь отворилъ молодой слуга въ простой, но красивой ливреѣ, а Вальтеру хотѣлось не на шутку расхохотаться, когда юный слуга серьезно сообщилъ, что назначенное господиномъ докторомъ пріемное время уже прошло, но что если господину посѣтителю угодно недолго обождать въ передней, то онъ, слуга, подастъ господину доктору визитную карточку пришедшаго. У Вальтера не было при себѣ визитной карточки. Это нѣсколько смутило юнаго лакея, который съ необыкновенно пасмурнымъ лицомъ сказалъ, что онъ посмотритъ, дома ли господинъ докторъ.

Передняя представляла довольно обширную квадратную комнату, убранную по вкусѣ Помпеи: Летающія фигуры по темно-краснымъ стѣнамъ и арабески, окружавшіе и связывавшіе отдѣльныя изображенія, пріятно поражали изяществомъ работы. Между двумя окнами помѣщался въ нишѣ прекрасный бюстъ Эскулапа. По срединѣ красовался изящной отдѣлки столъ съ мраморной плитою, на которой стоялъ графинъ съ водою и стаканы; вокругъ по стѣнамъ были разставлены легкія стулья и скамьи, вполнѣ гармонировавшіе со вкусомъ прочей обстановки. У стѣны противъ окна поднималась вверхъ, въ видѣ стройной колонны красивая печь, оканчивавшаяся сверху шаромъ, на которомъ стояла статуя крылатой побѣды.

Какъ только Вальтеръ окончилъ ревизію всѣхъ этихъ роскошныхъ диковинокъ, вернувшійся юный слуга отворилъ дверь смежной комнаты и доложилъ, что господинъ докторъ сейчасъ изволитъ явиться.

Убранство этой смежной комнаты представляло разительный контрастъ съ классической простотою передней: удобные, роскошные стулья и диваны разнообразнѣйшихъ формъ, по стѣнамъ драгоцѣнные ковры; дорогія бездѣлушки на мраморномъ карнизѣ камина, плотныя сторы у оконъ одного цвѣта съ портьерами, ниспадавшими въ окладкахъ надъ дверьми, — вотъ что увидѣлъ Вальтеръ въ этой комнатѣ. Онъ не зналъ, какъ объяснить себѣ всю эту роскошь и уже сталъ думать, не попалъ ли онъ ошибкою къ другому, незнакомому хозяину.

Изъ этого сомнѣнія Вальтеръ былъ выведенъ самимъ Лео, который, приподнявъ ковровую дверь, вышелъ изъ своей спальной и протянулъ руку своему родственнику.

— Добро пожаловать, Вальтеръ! Спасибо, братъ, тебѣ за то, что ты такъ скоро вспомнилъ о бѣглецѣ. Садись, пожалуйста!

— Хорошо, хорошо, сказалъ Вальтеръ, дай-ка мнѣ сначала придти въ себя отъ изумленія.

— Отъ изумленія? Это что значитъ? спросилъ Лео.

— Помилосердуй! вскричалъ Вольтеръ: ты, конечно, на столько геніаленъ, то я ни чему не долженъ былъ бы удивляться, все долженъ былъ бы находить въ порядкѣ вещей. И

однако я слышу въ себѣ голосъ честнаго недоумѣнья, я удивляюсь, какъ только можетъ удивляться человѣкъ, и спрашиваю самымъ наивнѣйшимъ образомъ: какими непостижимыми судьбами ты, Лео, попалъ въ этотъ роскошный чертогъ?

— Ахъ, да, сказалъ Лео, при той поспѣшности, съ какой уладилось это дѣло, я, видишь ли, не могъ сообщить тебѣ кое-какихъ частностей. Какими судьбами я попалъ сюда? Наипростѣйшимъ человѣческимъ способомъ. Мой предмѣстникъ или лучше мой хозяинъ служитъ при французскомъ посольствѣ и называется маркизомъ де-Садъ. Я помогъ ему отправиться въ Египетъ, такъ какъ въ медицинскомъ ареопагѣ, рѣшавшемъ дѣло маркиза и мнѣ было предоставлено мѣсто и голосъ. Признательный французъ отдалъ въ мое распоряженіе свою квартиру. Боюсь только, что онъ умретъ, не увидѣвъ пирамидъ.

— Говоря откровенно, Лео, у меня словно камень свалился съ сердца, сказалъ Вальторъ, а то я уже боялся, что ты, какъ выразился бы добрякъ Ребейнъ, попалъ въ это изысканное помѣщеніе на свой честный счетъ и подъ своей отвѣтственностью.

— Ну, конечно, замѣтилъ Лео, я живу здѣсь не совсѣмъ даромъ, однако плата, которую я насильно навязалъ щедрому маркизу, нисколько не соотвѣтствуетъ цѣнности квартиры, которая вполнѣ годна для моей цѣли—въ кратчайшемъ времени сдѣлаться однимъ изъ извѣстнѣйшихъ медиковъ.

— И ты положительно думаешь, что лучше достигнешь своей цѣли такимъ образомъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ, отвѣчалъ Лео:—многіе въ высшей степени неосновательно полагаются, что, затративъ крошечный капиталъ, можно получить крупные барыши. Кто начинаетъ свою карьеру въ подпольѣ, тотъ можетъ положительно разсчитывать окончить ее тамъ же или въ какой нибудь другой норкѣ. Затрата должна соотвѣтствовать ожидаемому барышу. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, изъ ничего нельзя было и сдѣлать ничего. На то, что я привезъ съ собою, вмѣстѣ съ очень приличнымъ литературнымъ гонораріемъ, собраннымъ мною въ непродолжительное время, мнѣ можно прожить полгода. Если я втеченіи этого времени не успѣю двинуться такъ далеко, какъ

твердо расчитываю,—ну, тогда все еще будетъ время заползти въ норку.

Эта аргументація мало понравилась Вальтеру. При подобныхъ предпріятіяхъ, разсуждалъ онъ, можно легко ошибиться въ разсчетѣ. Что если французъ въ самомъ дѣлѣ умретъ, или преждевременно возвратится и Лео долженъ будетъ опять очистить квартиру? Или если демократическія воззрѣнія Лео, получивъ скоро огласку, преградятъ для него, такъ сказать, въ самомъ началѣ доступъ къ аристократической и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе реакціонерной публикѣ этой богатой части города?

Лео выслушалъ эти и подобныя имъ замѣчанія съ видимой досадой.

— Ну, прекрасно, вскричалъ онъ, ты, можетъ, совершенно правъ, но я все-таки не намѣренъ ради этихъ соображеній блуждать во мракѣ кромѣшномъ. Нѣтъ правила безъ исключеній: такъ допустимъ же и здѣсь исключеніе. Если бы я, который такъ долго, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ на ноги, всегда вѣрилъ въ божественное могущество случая, теперь началъ бы осторожно размѣривать каждый шагъ, боязливо разсчитывать каждый грошъ, то впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, то есть дѣйствовалъ бы крайне лживо, непослѣдовательно и, разумѣется, также могъ бы проиграть свою игру съ перваго же выхода.

— Можетъ статься, замѣтилъ Вальтеръ съ дружескимъ, серьезнымъ участіемъ, но самый стойкій, самый согласный съ собой характеръ, можетъ находиться въ затрудненіи,—напримѣръ, въ денежномъ,—и если эта бѣда приключится съ тобою, то я прошу тебя только объ одномъ: не обращайся за поддержкой ни къ кому, кромѣ меня! Я самъ на случай возможной въ моей жизни катастрофы кое-что сберегъ, а чего нѣтъ у меня, то я всегда могу достать у добрыхъ друзей безъ всякой огласки твоего имени. Если мнѣ суждено, Лео, быть изгнаннымъ изъ твоего сердца, то, по крайней мѣрѣ, обѣщай исполнить эту единственную мою просьбу! Ты долженъ сдѣлать это ради родственной крови, протекающей въ нашихъ жилахъ, ради воспоминаній изъ времени нашего дѣтства.

Лео не успѣлъ отвѣчать на эти слова, потому что за юнымъ слугою, доложившимъ о новомъ посѣтителѣ, въ комнату вошелъ Фердинандъ, поклонившійся Лео—къ немалому изумленію Вальтера—съ развязностью стараго знакомаго, а затѣмъ и Вальтеру съ утонченной вѣжливостью въ пріемахъ и словахъ. Онъ не забылъ лица Вальтера и всегда сожалѣлъ, что уже тогда не могъ лично познакомиться съ нимъ въ ресторанѣ. Онъ изъявлялъ надежду, что Вальтеръ предоставитъ ему случай вознаградить утраченное время.

— Въ нашъ вѣкъ, сказалъ онъ, мы такъ торопимся жить, что не желаемъ ничего откладывать до слѣдующаго утра. Ахъ, эта пышная обстановка напоминаетъ тому, кто знакомъ съ нею, о неудержимомъ теченіи временъ, о непостоянствѣ всѣхъ земныхъ радостей. Я очень доволенъ, докторъ, что не я, а вы здѣсь обитаете. Мнѣ бы постоянно чудился здѣсь сладкій дѣвичій смѣхъ, таинственный шорохъ женскаго платья, соблазнительный звонъ золота, перекатывающагося блестящими грудами съ одного конца стола на другой. Мнѣ бы неотвязчиво мерещилось, будто воздухъ этотъ, словно волшебными облаками, наполняется упоительнѣйшими ароматами и изъ этихъ волшебныхъ облаковъ выглядываютъ милыя, божественныя женщины съ блестящими глазками и юные мужчины, изъ которыхъ не одинъ украшенъ той странной игрой мускуловъ надъ бровями, какую Гоффманъ замѣтилъ въ своемъ Донъ-Жуанѣ,—но увы!—напослѣдокъ, предо мною предсталъ бы самъ m-r le marquis—этотъ корабль, уцѣлѣвшій послѣ столькихъ революціонныхъ бурь, этотъ неподдѣльный бриллiантъ аристократіи съ его гранями, которыя могли быть такъ тонко отшлифованы только въ сенъ-жерменскомъ предмостьи, по завѣтнымъ правиламъ искусства, переданнымъ добрымъ старымъ временемъ. Pauvre homme! Виноватъ ли онъ, что messieurs les marquis — его предки, посреди празднествъ Тріанона и оргій Палерояля, такъ мало думали о своемъ потомствѣ, отчего на послѣдняго въ родѣ упалъ только одинъ слабый лучъ прадѣдовскаго блеска! Однако онъ разгорячилъ себя съ самой очаровательной безпечностью, которая составляетъ его неотъемлемое достоянiе и которая будетъ укра-

шать его до тѣхъ поръ, пока послѣдній вздохъ не вылетитъ изъ его юной усталой груди.

Въ то время, когда Фердинандъ болталъ такимъ образомъ, Вальтеръ надѣвалъ перчатки; онъ пришелъ вовсе не за тѣмъ, чтобы щеголять остроумными фразами или выслушивать ихъ, и притомъ въ тирадѣ Фердинанда мѣстами звучалъ фальшивый, скрипучій тонъ, назойливо раздражавшій ухо Вальтера, который не шутя разсердился на своего кузина, предпочитавшаго знакомство съ такимъ болтуномъ обществу любящаго родственника. Съ несвойственной ему холодной осанкой Вальтеръ всталъ и откланялся.

— Я, кажется, выгналъ вашего кузина, сказалъ Фердинандъ, какъ только Вальтеръ скрылся за дверью, — странно, какъ быстро близкія натуры взаимно притягиваются, а противоположныя отскакиваютъ одна отъ другой. Мнѣ кажется, что я и вашъ родичъ никогда не можемъ быть пріятелями.

— Мнѣ также это кажется, холодно отозвался Лео.

— По посѣщеніе мое, продолжалъ Фердинандъ, собственно касалось другого предмета: мнѣ было бы пріятно имѣть отъ васъ новое доказательство вашей дружбы и вашего ко мнѣ довѣрія, и доказательство это вы мнѣ дадите, если позволите мнѣ спросить васъ, не смѣю ли я теперь, когда вы, быть можетъ, должны сдѣлать значительныя издержки, служить вамъ моими денежными средствами. Нашъ братъ всегда нуждается въ деньгахъ, а вы, при вашей недавней бытности здѣсь, легко можете ошибиться при выборѣ источниковъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь, въ послѣднее время мнѣ везло необыкновенное счастье и я, право, не знаю, куда мнѣ сбыть весь этотъ мусоръ презрѣннаго металла. Угодно вамъ?

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Лео, — вы съумѣете опять облегчиться, а я пока довольно хорошо обеспеченъ.

— Мнѣ крайне жаль, замѣтилъ Фердинандъ, — потому что, говоря чистосердечно, мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ пріятное, и хотя немножко заплатить вамъ лежащій на мнѣ долгъ благодарности.

— Благодарности? За что же вы мнѣ благодарны?

— За все, за все! съ жаромъ вскричалъ Фердинандъ, за

отрадные часы, проведенные мною съ вами, за лучшее мнѣніе, которое вы внушили обо мнѣ Эвѣ. Кому же, какъ не вамъ я долженъ быть благодаренъ за то, что Эва поступаетъ теперь со мной ласковѣе и любезнѣе, чѣмъ было прежде! Съ тѣхъ поръ, какъ вы были у насъ раза два вечеромъ и прочитали ей ваши умныя наставленія, дѣвушка точно переродилась. Она ужь болѣе не надуваетъ своихъ губокъ, не кокетничаетъ, и еще вчерась она протянула мнѣ съ очаровательнѣйшей улыбкой руку и при этомъ сказала: «будемъ жить мирно, Фердинандъ, я думаю, что это будетъ ему пріятнѣе». А потомъ она подарила меня такимъ взглядомъ, отъ котораго всѣ жилки мои радостно затрепетали. О, другъ мой, теперь-то я знаю, какъ плѣнительно хороша эта дѣвушка! Она очаровательна въ ея безумной надменности, въ ея ребяческомъ упрямствѣ, но съ умной, сосредоточенной мыслію въ теплыхъ глазахъ, на раскошныхъ губахъ, — о, это совершенство! Кто хотя разъ видѣлъ эту дивную грудь, вздымающуюся и опускающуюся съ такою глубиною чувства, какъ мнѣ довелось видѣть вчера, когда дѣвушка плѣняла меня своимъ шопотомъ въ сумрачной комнатѣ,— тотъ погибъ навѣки. Помогите мнѣ овладѣть этой женщиной, и я впродолженіи всей моей жизни буду вашимъ покорнымъ рабомъ. Мнѣ назначено въ семь часовъ свиданіе, отъ котораго я бы совершенно отказался, если бы не разсчитывалъ сразу покончить со всѣми этими пошлыми liaisons. Не встрѣтимся ли мы сегодня поздними вечеромъ въ ресторанѣ?

— Едва ли, потому что вечеромъ меня ждутъ въ другомъ мѣстѣ.

— Экой какой вы! Всѣ берутъ васъ на расхватъ... Ну, такъ до скораго свиданія!

Когда Фердинандъ подошелъ уже къ двери, Лео вдругъ закричалъ:

— A propos, докторъ, письмо все еще у меня.

— Какое письмо?

— Да то, прежнее.

— Ахъ, да! Пусть у васъ и остается. Мнѣ рѣшительно оно не нужно, покрайней мѣрѣ теперь, когда мнѣ удалось помириться съ Эвой. Adieu, adieu!

Фердинандъ посѣщенно вышелъ.

Лео ушелъ въ свою спальню, чтобы переодѣться.

Уволивъ на нынѣшній день отъ службы лакея, онъ самъ отправился къ банкиру Зонненштейну, который просилъ зайти къ нему вечеромъ для откровенной бесѣды.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Путь Лео былъ недалекъ, такъ какъ домъ Зонненштейна стоялъ въ той же улицѣ и былъ,—покрайней мѣрѣ, по мнѣнію владѣльца, — ея лучшимъ украшеніемъ и гордостью. Другіе, однако, не совсѣмъ съ этимъ соглашались и въ особенности порицали чрезмѣрное обиліе орнаментовъ, которые сверхъ того принадлежали разнымъ стилямъ и къ различнымъ періодамъ архитектурной исторіи. Какъ бы то ни было, но массивное зданіе производило значительное впечатлѣніе, особенно теперь — въ угрюмыхъ сумеркахъ наступающаго вечера, когда недавно выпавшій снѣгъ оттѣнялъ отъ главной сѣрой массы каждый карнизъ и архитектурное украшеніе, а яркій свѣтъ зажженыхъ газовыхъ фонарей отражался на блестящихъ оконныхъ стеклахъ.

Въ то самое время, какъ Лео взялся за звонокъ швейцара, къ оградѣ быстро подъѣхалъ щегольской экипажъ, изъ котораго вышла Эмма. Она повстрѣчалась съ Лео у самой двери.

— Ахъ, какъ это мило! вскричала молоденькая дама,—какая пріятная встрѣча! Я, право, одарена духомъ предвѣденія. Вообразите, среди очаровательнѣйшаго tête-à-tête съ моей интимной подругой меня все что-то тревожило. Я предчувствовала, что увижу васъ въ нашемъ домѣ. А вѣдь мнѣ такъ нужно, такъ настоятельно нужно съ вами переговорить.

Лео почтительно поклонился, но не могъ скрыть, что предполагалъ объясняться не съ дочерью, а съ отцомъ, который поджидалъ его.

— Скучные, злые мужчины! вскричала Эмма,—ужъ конечно вы опять пуститесь въ ваши политическія соображенія, но

послѣ я непремѣнно жду васъ. Въ восемь часовъ я должна быть въ концертѣ и если вы пробудите у насъ до тѣхъ поръ, то я могу представить вамъ особу, которую вы увидите не безъ удовольствія. Эмма убѣжала, а Лео послѣдовалъ за ожидавшимъ его слугою въ кабинетъ банкира.

Господинъ фонъ-Зоннеинтейнъ принялъ сегодня Лео съ особенной торжественностью. Онъ приказалъ подать рейнвейну, зажечь свѣчи на каминѣ, собственноручно придвинулъ тяжелыя кресла поближе къ очагу, освѣдомился, какъ поживаетъ Лео на новой квартирѣ и послѣ этого предисловія приступилъ къ главному предмету разговора.

— Съ подобнымъ вамъ умнымъ человѣкомъ, сказалъ онъ, отхлебывая вина, — лучшая политика — прямая откровенность, и потому, любезный докторъ, я говорю вамъ безъ всякихъ обиняковъ, что я... что вы можете оказать мнѣ важную услугу и что я хочу просить васъ объ этой услугѣ.

Лео выразилъ свою полнѣйшую готовность и надежду, что онъ въ состояніи сдѣлать то, чего ожидалъ отъ него банкиръ.

— Да, вы-то въ состояніи, отозвался банкиръ, — вы или никто, какъ говорится въ одной комедіи, — нравится ли вамъ вино? Я пью его только въ избранномъ обществѣ,—гмъ... да, вы или никто, потому что одинъ вы, находясь такъ близко къ обѣимъ партіямъ, можете не поддаваться вліянію той или другой стороны и въ тоже время обладаете достаточнымъ практическимъ пониманіемъ, чтобы произнести компетентное мнѣніе. Вы, конечно, догадываетесь, что дѣло идетъ о разладѣ, который вотъ уже четыре года существуетъ между мною и моимъ зятемъ.

— Да, я подозрѣвалъ нѣчто подобное, замѣтилъ Лео съ легкой улыбкой: — еще очень недавно баронъ дѣлалъ мнѣ кое-какіе, — разумѣется, очень отдаленные, — намеки на какія-то происшествія.

— Что же онъ вамъ говорилъ? вскричалъ банкиръ, — но впрочемъ зачѣмъ я спрашиваю объ этомъ, продолжалъ онъ, пожимая плечами, — чтобы онъ ни сказалъ вамъ, вы правды во всякомъ случаѣ не узнали, правду вы можете услышить отъ одного меня, дѣловаго человѣка, который тысячу разъ уже ра-

скалвался въ томъ, что имѣлъ глупость вступить въ товарищество съ знатнымъ бариномъ.

Господинъ фонъ-Зонненштейнъ проговорилъ слова эти насмѣшливымъ тономъ и вообще Лео не случалось еще видѣть банкира въ такомъ взволнованномъ состояніи.

— Изволите-ли видѣть, сказалъ Зонненштейнъ, дѣло это приметъ наипростѣйшую форму въ глазахъ всякаго, мало-мальски мыслящаго человѣка. Я не вижу необходимости подробно излагать вамъ причины, побудившія меня семь лѣтъ тому назадъ, завести фабрики на земляхъ моего зятя. Разумѣется, я хотѣлъ заработать деньги, а онѣ, сердечныя, лежали тамъ на открытой, такъ сказать, дорогѣ: низкая задѣльная плата, дешевые источники производства, воды — ней не хочу, поблизости каменный уголь, проѣзжіе пути сообщеній и вѣрныя надежды на желѣзныя дороги. Мнѣ сейчасъ же пришли въ голову желѣзные молотки и машинныя фабрики; дѣла можно было повести восхитительнѣйшимъ образомъ. Вотъ мы и соединились на основаніи слѣдующихъ условій: — я выложилъ изъ своего кармана весь нужный для полнаго хода предпріятія капиталъ и кромѣ того четыреста тысячъ талеровъ, но съ той оговоркою, что половину этой суммы я плачу за своего зятя, разумѣется, пользуясь правомъ взимать узаконенные проценты. У зятя же моего наличныхъ денегъ тогда не было, и достать на сторонѣ нужный капиталъ подъ залогъ недвижимости или на условіяхъ какого другаго кредита было для барона слишкомъ нелегко. Для обезпеченія себя я выговорилъ условіе, что фабричныя заведенія должны, какъ залогъ, прежде всего отвѣчать за этотъ капиталъ. Земля умѣренно оцѣненная, должна была обезпечивать предпріятіе и считаться въ немъ долею барона. Вѣдь, я, кажется, говорю понятно?

— Совершенно ясно; отозвался Лео:—при такомъ соглашеніи вы уже заранѣе имѣли барона въ своихъ рукахъ.

Банкиръ бросилъ на гостя испытующій взглядъ изъ за своихъ темныхъ, густыхъ бровей, но, увидя неподвижное лицо Лео, онъ сказалъ съ улыбкой.

— Ну, да, съ другимъ, опрометчивымъ спекуляторомъ, онъ могъ бы поступить и хуже—со мною вышло нѣсколько иначе.

Я сдѣлалъ предложеніе, потому что какимъ нибудь другимъ путемъ не разсчитывалъ заинтересовать зятюшку въ этомъ дѣлѣ, но при всей моей сердечной вѣрѣ въ доходность предпріятія я не хотѣлъ, однако, все-таки возможный рискъ взвалить на одну свою шею.

— Разумѣется, замѣтилъ Лео,—если вы и внесли весь нужный капиталъ, то въ случаѣ бѣды баронъ, какъ компаньонъ съ половиннымъ капиталомъ, все-таки могъ удовлетворить васъ своимъ имуществомъ, а въ этомъ случаѣ аукціонная продажа фабрикъ оказывалась ненужною. При неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, если бы баронъ не могъ выплатить вамъ своего долга, у васъ все-таки оставался залогъ, обеспечивавшій за вами исключительное право на все предпріятіе. Говорю это для того только, чтобы высказать вамъ, съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ я васъ слушалъ: я совершенно au fait вашего разсказа.

— Прекрасно, сказалъ банкиръ, у васъ чудная голова для дѣловыхъ соображеній. Ну-съ, предпріятіе пошло въ ходъ. Опытные рабочіе, которыхъ мы пріобрѣли на необременительныхъ условіяхъ, стали поучать туземцевъ—мы выручили приличный барышъ. Чудное, гармоническое согласіе царствовало между мною и моимъ компаньономъ, который между тѣмъ, какъ вамъ извѣстно, переселился въ городъ и — между нами — зажилъ на барскую, ужь черезъ чуръ барскую ногу.

Онъ былъ чрезвычайно доволенъ своей частью выручки и очень часто благодарилъ меня за ту упрямую настойчивость, съ какою я убѣдилъ его принять участіе въ предпріятіи. Но уже въ концѣ втораго года дѣла приняли другой оборотъ. Я всегда боялся, что конкурренція не замедлитъ жадно броситься на проложенную мною дорогу и уже въ самомъ началѣ принялъ мѣры на случай такой непріятности. Но вышло еще гораздо хуже, чѣмъ я опасался: фабрики выростали какъ грибы вокругъ лѣса и отчасти еще при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; нашему участку въ то самое время пришлось особенно плохо. Мы ужь и такъ потерпѣли значительные убытки, а тутъ еще къ довершенію бѣды на насъ обрушились лѣсные пожары близъ Танненштедта и другихъ деревень; то были безъ сомнѣнія, поджоги, хотя слѣдствіе ничего не открыло. По ми-

лости этихъ пожаровъ, мы до того обѣднѣли водою, что должны были рѣшиться копать артезіанскій колодезь. А вы знаете, какъ это убыточно! Короче, о барышахъ не было больше и помину, а требовались новыя суммы для покрытія непомѣрныхъ издержекъ. Баронъ, который согласно договору долженъ былъ внести половину...

— Не платилъ, разумѣется, подхватилъ Лео.

— Конечно не платилъ, съ жаромъ повторилъ банкиръ,— онъ просилъ, чтобы я взялъ на себя его часть на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ мною была взнесена его доля первоначальнаго капитала. Этого я не могъ и не хотѣлъ сдѣлать. Моя банкирская контора была поставлена въ затруднительное положеніе. Я требовалъ отъ моего зятя не только проценты съ затраченнаго капитала, но и настойчиво убѣждалъ его доставить новые денежные взносы...

— Которыхъ баронъ не доставилъ, замѣтилъ Лео.

— Которыхъ баронъ не доставилъ, продолжалъ банкиръ,— не смотря на то, что я просилъ, когда имѣлъ право требовать, и наконецъ даже угрожалъ аукціономъ...

— Котораго вы бы, само собою разумѣется, не допустили, сказалъ Лео.

— Сохрани Богъ, отозвался банкиръ,—я хотѣлъ его только немножко напугать, но и угрозы оказались такими же безуспѣшными, какъ просьбы. Можете-ли вы себѣ представить эдакую безсовѣстность?!

— Только при одномъ предположеніи, замѣтилъ Лео.

— Именно?

— Баронъ вамъ не довѣряетъ.

— Развѣ онъ это говорилъ?

— Я уже прежде сообщалъ, что баронъ объяснялся мнѣ въ самыхъ общихъ намекахъ, спокойно отозвался Лео, тогда какъ черные глаза банкира почти боязливо взглянули на молодаго человѣка, — или, быть можетъ, у него дѣйствительно нѣтъ денегъ.

— Не вѣрю! вскричалъ банкиръ.

— Слѣдовательно, остается одно первое предположеніе; но вы не разсказали мнѣ все до конца. Мы говорили о тощихъ

годахъ, за которыми, если не ошибаюсь, послѣдовали утѣшительно тучные и понынѣ продолжающіеся.

— Это такъ, сказалъ банкиръ, — я, разумѣется, удержалъ таки фабрику на ходу; я всосался въ конкурренцію, отчасти задушилъ ее; цѣны подросли, тогда какъ задѣльная плата спустилась почти до своего первоначальнаго уровня. Дѣло пошло хорошо, идетъ хорошо, но...

— Извините, что я васъ прерываю, сказалъ Лео, — знаетъ объ этомъ баронъ?

— Ну да, это несомнѣнно, то есть...

— То есть, со временъ постигшей васъ неудачи онъ ужь болѣе не получаетъ никакого разсчета?

— Помилосердуйте, вскричалъ господинъ фонъ-Зонненштейнъ,—вѣдь это вещь понятная! Какой тутъ разсчетъ имѣть съ партнеромъ, который мертвѣе самого мертвеца?!

— Въ такомъ случаѣ прежнее мое предположеніе надо признать основательнымъ, сказалъ Лео: — баронъ никакъ не можетъ себѣ объяснить, какимъ образомъ предпріятіе, уже въ первые годы принесшее такіе обильные плоды, не могло, при наступившихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, давно уже оправиться отъ постигшихъ его въ третьемъ и четвертомъ годѣ временныхъ несчастій, которыхъ важность баронъ конечно уменьшаетъ, а теперь это же самое предпріятіе доставляетъ наиболѣе крупные барыши. Итакъ, подъ вліяніемъ этой угрюмой подозрительности, баронъ вамъ не вѣритъ; онъ полагаетъ, что вы его хотите эксплуатировать, сдѣлаться единственнымъ владѣльцемъ фабрикъ; онъ, статься можетъ, воображаетъ, что вы еще вначалѣ предположили себѣ эту цѣль, такъ какъ прежде онъ, безъ всякаго сомнѣнія, внесеніе вами его части въ общую сумму подъ залогъ фабричныхъ заведеній считалъ одной формальностью и только впослѣдствіи постепенно убѣдился въ серьезномъ значеніи этого факта.

— Но вѣдь я поступилъ еще очень умѣренно, чтобы обезпечить себя, мою контору, вскричалъ банкиръ.

— Я нисколько не противорѣчу, замѣтилъ Лео, — я хочу сказать только, что недовѣріе барона было порождено и, безъ всякаго сомнѣнія, постоянно поддерживалось однимъ и тѣмъ же

источникомъ, — именно, онъ слишкомъ поздно — на его мѣстѣ, конечно, другой увидѣлъ бы это въ самомъ началѣ—убѣдился, что все предпріятіе находилось въ вашемъ распоряженіи. Положеніе дѣлъ представляется ему довольно смутно, потому что онъ не платитъ, а не платитъ онъ, потому что не знаетъ ничего опредѣленнаго. Если я не ошибаюсь, это — circulus viciosus, въ которомъ уже четыре года движется баронъ и изъ котораго онъ никакъ не можетъ выйдти.

— Но онъ долженъ выйдти! вскричалъ запальчиво банкиръ,— онъ долженъ выйдти или совершенно устранить себя отъ предпріятія. Вы должны съ нимъ сладить.

— Устранить его отъ предпріятія? спросилъ Лео, улыбаясь.

— Нѣтъ. предварительно выгнать изъ головы его безсмысленныя, смущающія его фантазіи. Повторяю, теперь вы моя послѣдняя надежда. Отъ моей дочери я узналъ, что баронъ питаетъ къ вамъ большое уваженіе, сильно претендуетъ на рѣдкость вашихъ посѣщеній, высоко цѣнитъ ваши дарованія, ваши познанія и въ особенности ваши основательныя соображенія въ области народнаго хозяйства.

— Ну, что касается послѣдняго обстоятельства, то я едвали могу разсчитывать на ваше сочувствіе, замѣтилъ Лео,—вы знаете, что наши воззрѣнія по этой части въ очень многихъ отношеніяхъ значительно расходятся.

— А, ба! сказалъ банкиръ, — все это теоретическія словоизверженія; на практикѣ предметы принимаютъ совершенно иной видъ, и тутъ намъ представляется именно чисто практическій слу́чай, не допускающій никакихъ парадоксальныхъ, отвлеченныхъ умствованій.

Въ глубинѣ души Лео былъ вовсе не прочь принять на себя трудное, возлагаемое на него порученіе. Онъ не сомнѣвался, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, ему подобныхъ случаяхъ, дѣло дойдетъ до привередливыхъ нападокъ и ожесточенныхъ возгласовъ съ обѣихъ сторонъ; безъ сомнѣнія, его вліяніе должно было возрасти тамъ и здѣсь; вѣсть о почетномъ посредничествѣ, препорученномъ ему при обстоятельствахъ такой важности, должна была возвысить или утвердить положеніе Лео не только въ средѣ партіи, но и въ публикѣ

вообще, всегда жадно узнающей о такого рода происшествіяхъ. Притомъ — и это самое важное — онъ имѣлъ теперь право требовать отъ банкира услуги за услугу. Интересное письмо только въ рукахъ Зонненштейна пріобрѣтало настоящее значеніе, настоящій вѣсъ.

Въ то время, какъ онъ размышлялъ объ этомъ, банкиръ множествомъ доводовъ старался разсѣять всѣ его недоумѣнія. Господинъ фонъ-Зонненштейнъ говорилъ, что въ случаѣ особенной надобности можно свѣриться и съ книгами, что онъ вообще готовъ доставить желаемыя свѣденія, но что баронъ грубо заблуждается, если полагаетъ, что издержки, принятыя за него фирмою, уже всѣ покрыты. Потомъ банкиръ опять заговорилъ о томъ, что только одинъ Лео можетъ быть подходящимъ посредникомъ. Альфредъ, какъ блестящій кавалеръ (банкиръ сказалъ это съ особеннымъ удовольствіемъ) мало смыслитъ въ дѣлахъ, а Генри, вполнѣ признающій правоту дяди, не совсѣмъ ладитъ съ своимъ родителемъ; самъ же онъ, Зонненштейнъ, нѣсколько разъ пытался прежде урезонить барона, но все осталось втунѣ.

— Ужь какое тутъ промышленное товарищество можно имѣть съ человѣкомъ, который не умѣетъ отдѣлять плѣнность отъ дѣла, который, ничего не слыша объ убыткахъ, толкуетъ мнѣ о своихъ достославныхъ предкахъ, который, не выплачивая денегъ, кичитъ о своемъ незапятнанномъ имени? Что мнѣ проку въ его имени. Зачѣмъ перекрестился мой дѣдъ, если я все-таки долженъ оставаться жидомъ, сосущимъ кровь знатнаго господина? Зачѣмъ король пожаловалъ дворянствомъ моего отца, если слово мое значитъ не то, что слово другого дворянина? Наконецъ ради чего выдавать за меня свою всемогущую дщерь, если родство продолжается только до тѣхъ поръ, пока я терпѣливо сношу всѣ унизительныя мерзости, которыми меня угощаютъ за мои же услужливыя денежки?

Черные глаза банкира сверкали изъ за густыхъ сѣрыхъ бровей, его стройный, тонкій станъ дрожалъ. Въ первый разъ, впродолженіи этой бесѣды, долго сдерживаемое страстное раздраженіе человѣка высказалось наружу, но потомъ исчезло съ быстротою молніи.

— Совершенно не таково ваше положеніе, продолжалъ онъ съ принужденною улыбкой,—вы—человѣкъ науки, а въ этой области всякій пользуется тѣмъ авторитетомъ, какого онъ достоинъ. Кромѣ того вы снабжены нервами завидной крѣпости, и взгляды, брошенные на васъ свысока, не приведутъ васъ въ замѣшательство. Вы должны пособить мнѣ, потому что я не могу затѣять открытую ссору съ моимъ зятемъ. Эти знатные дворянскіе роды держатся другъ за друга, словно колючія головки репейника, и если баронъ захочетъ теперь высунуться немножко и на политическую арену — горе мнѣ, затрогивающему до окрылія его одежды. Знатность, знатность, почтеннѣйшій другъ мой! Вы не знаете, что это такое!!.

— Ну, можетъ быть что нибудь и знаю, замѣтилъ Лео,— если глядишь въ оба, то случается иногда поднять съ дороги преинтересныя находки. Вотъ, напримѣръ, это письмо, принадлежащее перу одного чрезвычайно знатнаго барина, я считаю необыкновенно поучительнымъ документомъ.

Онъ развернулъ передъ банкиромъ письмо, которое взялъ у Фердинанда.

Фонъ-Зонненштейнъ бросилъ одинъ бѣглый взглядъ на бумагу, и вдругъ вскричалъ съ неописаннымъ изумленіемъ:

— Какимъ образомъ оно у васъ?!

— Такъ вамъ знакомъ почеркъ? проговорилъ Лео.

— Еще бы! съ жаромъ подхватилъ банкиръ, — не разъ доводилось видѣть, — у стараго генерала фонъ-Шнабельсдорфа, котораго денежными дѣлами я завѣдываю и котораго посѣщаю довольно часто,—есть съ полъ-дюжины собственноручныхъ писемъ отъ него. Но скажите ради самаго неба...

— Читайте! сказалъ Лео.

Банкиръ надѣлъ на глаза лорнетъ и принялся читать, но сейчасъ же остановился и почти съ ужасомъ вскричалъ:

— Да вѣдь это, очевидно, къ князю...

— Читайте! повторилъ Лео.

Медленно прочиталъ банкиръ письмо до конца. Изумленіе и ужасъ почти лишили его присутствія духа, и когда Зонненштейнъ, спустя нѣсколько минутъ, опустилъ письмо на столъ,

то въ чертахъ лица банкира отразилось безнадежное отчаянье.

— Непостижимо! произнесъ хозяинъ.

— Не сказали бы вы этого, замѣтилъ Лео,—если бы только вы и ваши друзья захотѣли слушать другихъ, — вѣдь я давно васъ предупреждалъ.

— Самое задушевное расположеніе къ заклятому врагу всякой европейской свободы, къ старому, коварному интригану, самое нелицемѣрное осмѣяніе всѣхъ конституцій, циническая насмѣшка надъ стремленіями либеральныхъ партій—просто непостижимо! Но ради самаго Господа, докторъ, откуда вы могли достать это письмо?

Фонъ-Зонненштейнъ положилъ свою дрожащую руку на плечо Лео.

— Жаль только, что это только черновой листъ письма, сказалъ Лео уклончиво, — но что листъ этотъ предназначался, дѣйствительно для письма, показываетъ почеркъ первой страницы. Впрочемъ, мнѣ положительно извѣстно, что письмо отправлено по адресу. Ужь за это я вамъ ручаюсь. Этого съ васъ, полагаю, достаточно.

— И вамъ угодно, чтобы я показалъ это письмо другимъ, то есть моимъ политическимъ единомышленникамъ.

— Я приберегъ его преимущественно для этой цѣли, а если вы желаете, чтобы я, насколько меня для этого хватитъ, постарался уладить ваше дѣло съ барономъ, то я ставлю единственнымъ условіемъ, чтобы вы въ кругу вашей партіи употребили все ваше вліяніе для доставленія письму того вѣса, какой оно, дѣйствительно, имѣетъ.

— Ну мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать, сказалъ банкиръ, протягивая Лео руку.

— Теперь позвольте мнѣ откланяться. Я обѣщалъ еще прежде засвидѣтельствовать мое почтеніе вашей дочери.

— И прекрасно, и безподобно, любезный другъ, вскричалъ банкиръ, провожая Лео чрезъ переднюю до самаго выхода съ такою вѣжливостью въ словахъ и жестахъ, которая граничила почти съ подобострастіемъ. Наконецъ, крикнувъ слугу, банкиръ приказалъ ему проводить господина доктора къ благородной фрейленъ.

Лео нашелъ Эмму не въ уединеніи. Противъ нея, у камина, въ безпечной позѣ сидѣлъ Генри. Онъ, повидимому, не ожидалъ прихода Лео, и этотъ приходъ былъ, какъ казалось, не особенно пріятнымъ сюрпризомъ для Генри, котораго оживленное лицо вдругъ приняло мрачное выраженіе. Въ первое мгновеніе Лео также лишился своей невозмутимо-увѣренной осанки, встрѣтивъ невзначай — и уже во второй разъ — своего школьнаго товарища въ салонѣ Эммы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Молодые люди поздоровались очень церемонно и, послѣ этого нѣмаго вступленія, стали вдругъ оба очень разговорчивы и сообщительны. Эмма пришла въ восторгъ отъ этого оживленнаго разговора. Она смѣялась анекдотамъ Генри, находила, что Лео слишкомъ золъ, что сарказмы его слишкомъ язвительны, и стала допытываться, почему молодые люди не посѣщаютъ ее чаще. «А какъ бы это было очаровательно!» вскричала она; «вы превратили бы эту скромную комнату въ храмъ мудрости и остроумія; но вмѣсто того вы убѣгаете въ ваши отвратительные клубы или теряете время у дядюшки барона; до меня же, бѣдной, забытой дѣвушки, никому и дѣла нѣтъ. Впрочемъ, я знаю, что мнѣ дѣлать: пойду въ монастырь, монахиней сдѣлаюсь. Да что же дѣлать мнѣ, мыслящему существу, чуждому житейской прозы, въ этомъ холодномъ, бездушномъ свѣтѣ?»

И Эмма поставила свои ножки на рѣшетку камина и откинула головку на мягкую подушку кресла.

Разговоръ былъ прерванъ Альфредомъ Ф. Зонненштейнъ, который, войдя въ комнату съ шляпою и хлыстомъ въ рукѣ, вскричалъ еще издали: «Да что же это такое, Генри! Я ждалъ, ждалъ! Ужь давнымъ—давно пора!»

— О, варвары! что у васъ тамъ опять? спросила Эмма.

— У насъ сегодня репетиція, послѣдняя передъ генеральною, сказалъ Альфредъ.

— Да уйдешь ли ты извергъ! вскричала Эмма, обращаясь къ Генри.—Надо вамъ сказать, г. докторъ, что въ день рож-

денія наслѣднаго принца они хотѣли устроить каруссель съ костюмами. Генри распорядитель—я такъ рада, что буду имѣть честь съ нимъ фехтовать—а вотъ онъ не хочетъ идти на репетицію! Вонъ, вонъ, чудовище!

И, преслѣдуя Генри ударами своего вѣера, Эмма выгнала его изъ комнаты, потомъ вернулась къ Лео, къ камину, бросилась въ кресло и такъ расхохоталась, что едва могла удержаться.

— Нѣтъ, это было слишкомъ хорошо, слишкомъ хорошо, быстро заговорила она; неужели вы не замѣтили, какую мину онъ сдѣлалъ, когда Альфредъ вошелъ въ комнату и онъ увидалъ, что ему придется уйти? Орестъ чуть не отрекся отъ своего Пилада!

— Въ самомъ дѣлѣ ему какъ будто не хотѣлось уходить, сказалъ Лео; почему же вы такъ удивляетесь? Пора же вамъ было привыкнуть къ тому, что съ вами разстаются не хотя.

За эту любезность Эмма бросила Лео взглядъ, полный благодарности и вдругъ послѣ смѣха впала въ серьезно сантиментальный тонъ.

— Ахъ, сказала она, нѣтъ на свѣтѣ истинной дружбы! Ну какая ему польза отъ того, что онъ мѣшаетъ мнѣ быть съ вами наединѣ? И почему вамъ самому пріятнѣе—не отпирайтесь, я это замѣтила, — чтобы онъ уходилъ, чѣмъ чтобы онъ оставался съ нами? Неужели намъ нельзя быть всѣмъ вмѣстѣ въ мирѣ и добромъ согласіи, особенно теперь, когда мы стали сосѣдями? О, докторъ, ваша квартира должно быть настоящій маленькій музеумъ. Помпея и Версаль! Мнѣ необходимо взглянуть на эту святыню, и если этого никакъ иначе нельзя будетъ устроить, я захвораю отъ тоски и приду къ вамъ въ пріемный день. Тогда вамъ нельзя будетъ отказать мнѣ. Вообще вы должны сдѣлаться моимъ врачемъ! моимъ душевнымъ врачемъ! Гдѣ нашему старому тайному совѣтнику понять мою сложную натуру. Онъ и не подозрѣваетъ неуловимаго соотношенія, существующаго между моею физическою и психическою жизнью. Поэтому-то онъ и рѣшается говорить мнѣ въ глаза, что у меня все обстоитъ благополучно. Да имъ и горя мало—протянется ли мое скромное существованье двумя, тремя годами дольше; но мой братъ, мой бѣдный братъ!

Эмма прижала платокъ къ глазамъ и мрачно проговорила изъ за платка.

— Какъ вы думаете, долго онъ проживетъ?

Лео сказалъ, что безъ подробнаго предварительнаго изслѣдованія онъ не въ состояніи отвѣчать на подобный вопросъ; Альфредъ, правда, кажется ему нѣсколько истощеннымъ, но это, быть можетъ, происходитъ отъ разсѣянной жизни, которую онъ ведетъ въ обществѣ своихъ сверстниковъ.

— О, эти мущины, эти мущины! вздыхая промолвила Эмма; это ужасно, это навѣрное ужасно, хотя мы, стыдливыя женщины, и понятія не имѣемъ о томъ, что вы продѣлываете. Я думаю, вы по цѣлымъ ночамъ играете въ карты, пьете слишкомъ много шампанскаго. Неужели это еще не все? Отвѣчайте мнѣ докторъ! Или нѣтъ, лучше не отвѣчайте! Я больше ничего и знать не хочу, если это не все.

Болтовня Эммы наскучила Лео и онъ откланялся ей.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Г. фонъ-Зонненштейнъ до нѣкоторой степени ошибся въ разсчетѣ, понадѣявшись, что его молодой другъ окажется покорнымъ, услужливымъ комиссіонеромъ и исполнитъ немедленно возложенное на него порученіе. Въ неоднократныхъ дѣловыхъ бесѣдахъ Лео постоянно утверждалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ надо дѣйствовать съ величайшею осторожностью; что такъ какъ банкиръ хочетъ избѣжать открытой вражды, то ему придется допустить медленныя, но вѣрныя дѣйствія дипломатіи; кромѣ того—и это главное—ему необходимо самому выиграть въ глазахъ барона, чтобы онъ не оттолкнулъ его рѣзкимъ и обиднымъ образомъ. Банкиру почти нечего было возражать на это; но онъ замѣчалъ, что, въ заключеніе всѣхъ подобныхъ разговоровъ, молодой человѣкъ непремѣнно заводилъ рѣчь о политическомъ положеніи, о дѣйствіяхъ либеральной партіи, а главное о томъ важномъ, тайномъ документѣ, который былъ ему довѣренъ и все еще находился въ его рукахъ. Показалъ ли

г. фонъ-Зонненштейнъ политическимъ друзьямъ письмо принца? кому онъ его сообщилъ? какое впечатлѣніе произвело оно на нихъ? Г. фонъ-Зонненштейнъ былъ человѣкъ умный и притомъ дѣловой; онъ превосходно зналъ, что всякій товаръ имѣетъ свою цѣну, и потому намѣреніе Лео не могло долго оставаться тайною для него. Въ сущности онъ и не сердился на своего повѣреннаго за то, что онъ требовалъ платы, хотя и отрицательной.—Напротивъ того. Это возвышало Лео въ его глазахъ. Ему только не нравилась монета, которою ему приходилось разплачиваться. Онъ самъ сильно ладилъ проэктированный союзъ между принцемъ и либеральною партіей; онъ ожидалъ отъ этого союза значительныхъ выгодъ для своего дѣла, къ которому высшее дворянство страны примкнуло различнымъ образомъ значительными денежными взносами; въ глубинѣ души онъ самъ былъ аристократъ, сильно носился съ своимъ вчерашнимъ дворянствомъ и уже давно гордился тѣмъ положеніемъ, которое его Альфредъ занималъ между членами jeunesse dorée и которое вводило его въ такіе значительные расходы. Къ этому присоединялись его тѣсныя отношенія съ Генри, въ которомъ онъ давнымъ-давно привыкъ уважать будущаго главу семейства, естественнаго покровителя своего Альфреда; и—чего не бываетъ—будущаго мужа своей дочери; онъ дорожилъ этими отношеніями не столькимъ уважительнымъ причинамъ, а вовсе не потому, что, благодаря этому молодому человѣку, онъ поддерживалъ непрерывныя, тѣсныя, выгодныя, хотя и тщательно скрываемыя сношенія съ блестящею молодежью, толпившеюся вокругъ принца. Все это сильно смущало его въ дѣлѣ о таинственномъ письмѣ, смущало до того, что наконецъ, послѣ всевозможныхъ отговорокъ, онъ попытался прямо убѣдить Лео отступиться отъ такого опаснаго предпріятія. Лео выслушалъ его съ величайшимъ спокойствіемъ и возразилъ, что сообщеніемъ письма онъ разсчитывалъ принести существенную пользу и партіи, и банкиру, который открыто принадлежитъ къ ней; что партія отклонилась въ сторону и что ее нужно снова поставить на прямой путь,—письмо же вѣрнѣйшее средство къ достиженію этой цѣли. Лео утверждалъ, что г. фонъ-Зонненштейнъ не можетъ взять на себя отвѣтственность въ томъ, что подобное

средство было у него въ рукахъ и онъ не употребилъ его въ дѣло. Если же его смущаютъ соображенія относительно нравственности этого средства,—г. фонъ-Зонненштейнъ приводилъ даже и этотъ аргументъ,—то пусть онъ посовѣтуется съ такими безукоризненно нравственными людьми, каковъ Д—ръ Паулусъ. Если же онъ ни за что не хочетъ принять на себя дѣло, то онъ, Лео, готовъ каждую минуту взять письмо назадъ и затѣмъ поступить съ нимъ по егоусмотрѣнію. Но тогда то, что г. фонъ-Зонненштейнъ не рѣшался сообщить теперь, какъ тайну, даже самымъ близкимъ людямъ, легко могло-бы превратиться въ общественный фактъ.

Банкиръ былъ въ страшномъ затрудненіи, онъ не говорилъ ни *да*, ни *нѣтъ*, держалъ Лео въ нерѣшительномъ положеніи,—и Лео повидимому терпѣливо сносилъ это; но въ самомъ счастливомъ случаѣ, въ результатѣ должно было оказаться, что то время, которое Зонненштейнъ выигрывалъ въ дѣлѣ письма, пропадало въ дѣлѣ съ его тестемъ. Между тѣмъ онъ старался приняться за упрямца съ другой стороны. Онъ осыпалъ его всевозможными доказательствами дружескаго расположенія, просилъ свою дочь помочь ему въ этомъ отношеніи—и Эмма принялась за дѣло съ величайшею готовностью,—убѣдительно просилъ Альфреда поддерживать знакомство съ Лео и отъ души старался расположить Генри въ пользу его бывшаго школьнаго товарища. Кромѣ того онъ постоянно старался рекомендовать Лео, какъ врача, и вскорѣ онъ могъ похвалиться тѣмъ, что его усилія не остались безуспѣшными. Лео положительно вошелъ въ моду; должность молодаго привратника перестала быть синекурою, и щегольская карета, въ которой молодой врачъ дѣлалъ свои визиты, скоро сдѣлалась обыкновеннымъ явленіемъ въ роскошныхъ улицахъ богатаго квартала. Но хотя Лео охотно принималъ эти значительныя услуги Зонненштейна, онъ все-таки оставался непреклоннымъ относительно письма. Хотя въ послѣднее время Лео сталъ часто посѣщать барона и имѣлъ съ нимъ длинныя бесѣды,—что банкиръ узналъ отъ Эммы, которая внезапно воспылала особенно нѣжною дружбой къ своей кузинѣ Амеліи—онъ не переставалъ утверждать, что еще не время приступить къ серьезнымъ переговорамъ съ барономъ. Лео

очевидно хотѣлъ показать, что онъ можетъ быть полезнымъ, когда захочетъ, то есть, когда будетъ исполнено то, чего онъ желалъ отъ всей души. Банкиръ понялъ, что придется уступить другу; разъ, утромъ, онъ написалъ ему записку, въ которой приглашалъ его на днях на ужинъ и прибавлялъ въ Post-scriptum, что Лео встрѣтитъ у него Д—ра Паулуса и двухъ трехъ почтенныхъ членовъ партіи, имѣющихъ получить отъ него за это время важное извѣщеніе. Лео отвѣчалъ съ тѣмъ же посланнымъ, что съ благодарностью принимаетъ любезное приглашеніе, тѣмъ болѣе, что надѣется до назначеннаго дня подвинуться впередъ въ извѣстномъ дѣлѣ. «Вотъ такъ и вышло, какъ я думалъ, пробормоталъ банкиръ, прочитавши отвѣтъ. Это умный, чертовски-умный человѣкъ, и я не желалъ бы имѣть въ немъ врага».

И это желаніе было желаніе очень серьезное. Опытный дѣлецъ помѣрялъ силы съ человѣкомъ науки и при этомъ оказалось, что онъ имѣетъ въ немъ если не учителя, то, по меньшей мѣрѣ, равносильнаго противника. Къ тому откровенному уваженію, которое внушали ему блестящія способности и въ особенности стальная энергія характера Лео, стало постепенно примѣшиваться неопредѣленное чувство страха и опасенія.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Тяжело и скучно пронеслись зимніе мѣсяцы надъ домомъ барона. Въ первые годы пребыванія барона въ городѣ, т. е. до нынѣшней зимы, въ его домѣ, кромѣ jours-fixes, давалось еще множество вечеровъ съ особыми приглашеніями и нѣсколько баловъ: въ его гостепріимномъ домѣ было вообще много жизни и движенія, много веселости и пестроты; теперь же, хотя всѣ окна бель-этажа и освѣщались разъ въ недѣлю, хотя въ высокихъ комнатахъ и толпилось, смѣясь и болтая, блестящее общество,—за то остальные вечера проходили тѣмъ неоживленнѣе и на долю многочисленной прислуги, занимавшей просторную кухню подвальнаго этажа, выпадало много свободныхъ часовъ.

— На барина что-то нашло, говорилъ на кухнѣ старый камердинеръ Христіанъ, обращаясь къ остальнымъ слугамъ,—онъ не такой, какъ былъ прежде. Онъ бывало занимался своимъ гардеробомъ, заботился о томъ, чтобъ все у него было новомодное и хорошее; а теперь, подай я ему хоть сюртукъ 1830 года, который былъ заказанъ, когда я къ нему поступилъ,—онъ даже и не замѣтитъ, право.

— А по мнѣ пусть бы себѣ носилъ хоть самое старое платье, лишь бы аппетитъ-то у него былъ старый, подала свое мнѣніе кухарка, которая поступила въ домъ барона только годомъ позднѣе каммердинера и потому предсѣдательствовала наравнѣ съ нимъ въ подвальныхъ собраніяхъ; но въ томъ то и бѣда, что пришло старое времячко. Бывало каждое божье утро, какъ пробьетъ десять, подаешь плотный завтракъ—бифштексъ, или пулярку, или что другое, — а теперь сваришь въ смятку два яйца, да и изъ нихъ то каждый разъ одно сносятъ на кухню нетронутымъ. Я всегда говорила барышнѣ:—кушать, кушать надо барину, а то добра не будетъ.

— Да и на конюшню онъ пересталъ заглядывать, сказалъ кучеръ, привезенный въ городъ изъ Тухгейма;—онъ былъ значительно моложе обоихъ ветерановъ и на этомъ основаніи его соображеніямъ придавалось второстепенное значеніе; не понимаю, зачѣмъ мы все еще держимъ двухъ верховыхъ лошадей—вѣдь онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить.

— Совсѣмъ это не ваше дѣло, свысока замѣтилъ старый Христіанъ.

— Да вѣдь это я только такъ сказалъ, извинялся кучеръ.

— Все это у меня изъ головы не выходитъ, опять заговорила кухарка,—ну, да пусть будетъ, что будетъ,—а я пошлю завтра барину сочный бифштексъ.

— Не дѣлайте этого, Сусанна, сказалъ старикъ,—это было бы явное неповиновеніе, которое вовсе не пристало вамъ, порядочной женщинѣ. Къ тому же такое зло настолько глубоко, что его не вылечить никакими бифштексами. На этотъ счетъ можно было бы сказать многое, но на это нашъ братъ не имѣетъ права, особенно при молодыхъ, неопытныхъ людяхъ, у которыхъ языкъ часто выдастъ мысль.

— Что это значитъ? спросилъ Павелъ, слуга, поступившій на мѣсто только съ начала зимы и не безъ основанія принявшій послѣднее замѣчаніе на свой счетъ.—Баринъ, можетъ быть, проживаетъ больше, чѣмъ получаетъ и входитъ въ долги, какъ...

Смѣльчакъ не могъ продолжать, потому что кухарка всплеснула руками и воскликнула: Съ нами крестная сила! Судомойка и горничная заохали, кучеръ сконфузился и закашлялся, а старый Христьянъ всталъ и произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Молодой человѣкъ, вы спятили съ ума!

— И не думалъ, продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ дерзкій юноша,—я узнаю птицу по полету, мнѣ приходилось служить не въ одномъ домѣ, гдѣ жили и пошире, чѣмъ здѣсь; что ни вечеръ, то гости и шампанское и лучшія сигары; барышни на балахъ въ жемчугахъ да въ брильянтахъ, а на улицу выйдутъ въ шелковыхъ платьяхъ со шлейфами чуть не въ два аршина, такъ что то и дѣло наступаютъ на нихъ прохожіе, а въ одно прекрасное утро—только вы насъ и видѣли!—вся компанія отправляется къ чорту, а потомъ аукціонъ, опись имущества, и все пошло прахомъ!

За рѣчью смѣльчака послѣдовалъ крупный разговоръ между мужчинами, который чуть не перешелъ въ драку, и наконецъ былъ съ трудомъ прекращенъ плачущими женщинами. Но согласіе уже было нарушено въ подземельи и оно не возстановлялось ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе вечера. Способность понимать другъ друга была утрачена.

Къ несчастью, почти тоже самое говорили о господахъ и на верху такіе преданные друзья, какъ Вальтеръ и миссъ Джонсъ; но крайней мѣрѣ, они болѣзненно чувствовали отсутствіе той задушевности и непринужденности, которыя прежде придавали особенную прелесть отношеніямъ отдѣльныхъ членовъ семейства между собою. Но какъ бы то ни было, даже человѣкъ менѣе проницательный, чѣмъ старый, честный каммердинеръ, могъ подмѣтить, что на барина что-то нашло.

То живое участіе, которое жадный до наслажденій мужчина принималъ бывало въ удовольствіяхъ столицы и особенно въ

собраніяхъ, происходившихъ въ его домѣ, уменьшалось годъ отъ году и почти окончательно изчезло въ послѣднюю зиму; онъ сталъ все чаще и чаще запираться въ свой кабинетъ и углубился въ книги и газеты; наконецъ онъ сталъ часто проводить въ такомъ уединеніи цѣлые дни. Со времени своего пребыванія въ городѣ, онъ ни съ кѣмъ не былъ въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ; теперь же онъ приказывалъ отказывать даже тѣмъ немногимъ знакомымъ, которыхъ принималъ въ былое время за просто, въ своихъ непарадныхъ комнатахъ—даже своему брату, генералу. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ зять его, банкиръ, не переступалъ за порогъ его комнаты и единственный человѣкъ, который имѣлъ къ нему постоянный доступъ, былъ его повѣренный адвокатъ, непріятной наружности, но ловкій и весьма словоохотливый, и притомъ отличавшійся практичностью, незаслуживавшею повсемѣстнаго одобренія. Наконецъ въ послѣднее время баронъ вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Лео. Шарлотта подозрѣвала, что онъ также совѣтовался съ молодымъ человѣкомъ о состояніи своего здоровья, потому что онъ часто отзывался съ уваженіемъ о его медицинскихъ познаніяхъ.

У барона еще въ молодости было правило, что съ докторами слѣдуетъ имѣть дѣло только въ крайнихъ случаяхъ, или, какъ онъ выражался, когда уже знаешь навѣрное, что нечего больше портить—все же остальное слѣдуетъ предоставлять природѣ. Ему было легко слѣдовать этому правилу. Съ нѣжнымъ, но крѣпкимъ организмомъ, закаленнымъ охотою и разными другими упражненіями, онъ выносилъ всякое ненастье и съ тѣхъ поръ какъ онъ, еще будучи почти мальчикомъ, страдалъ во времена французовъ отъ полученныхъ ранъ, онъ ни одного дня не пролежалъ въ постели, даже отъ пустой болѣзни. Такъ оно и было, пока онъ жилъ въ деревнѣ; но въ состояніи его здоровья произошла поразительная перемѣна почти въ ту самую минуту, когда онъ переселился въ городъ. Недостатокъ свѣжаго воздуха и движенія не могли благотворно подѣйствовать на такой организмъ, какъ его. Онъ началъ хворать, хотя и слышать объ этомъ не хотѣлъ, и тѣмъ упорнѣе отгонялъ отъ себя всякую мысль объ этомъ, чѣмъ очевиднѣе было

его нездоровье, чѣмъ больше подъ вліяніемъ этого нездоровья измѣнялись его веселый нравъ, его уживчивость, его душевное спокойствіе, которое было неизмѣннымъ его спутникомъ въ теченіе всей жизни.

Это могли подмѣтить, конечно, только тѣ, кто имѣлъ случай очень пристально наблюдать за нимъ; для постороннихъ онъ, во всемъ своемъ обращеніи, остался все тѣмъ же. Когда онъ появлялся въ своей гостиной его еще по прежнему окружало какое-то очарованіе любезности и привлекательности,—но это былъ только розовый отблескъ закатившагося солнца. Кто любилъ его, тому чуялось, что эта свѣтлая жизнь близится къ концу.

Никто не чувствовалъ этого сильнѣе и болѣзненнѣе Шарлотты. Въ тотъ день, когда она навсегда покончила со свѣтомъ, она еще молодая, отдала этому горячо любимому брату всю полноту своего богатаго, любящаго сердца. Въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ онъ былъ ея опорою и въ тоже время предметомъ ея постоянныхъ заботъ, ея укоромъ и въ тоже время ея идеаломъ; онъ съ своей стороны вполнѣ отвѣчалъ на эту любовь, на это довѣріе, часто съ волненіемъ сознавалъ, что только Шарлотта помогла ему перенести тяжелую и раннюю потерю обожаемой жены, что Шарлотта даже замѣнила ему жену въ лучшемъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ.

— И вотъ что вышло теперь! часто говорила Шарлотта, заливаясь горячими слезами.—Онъ уже не зоветъ меня, какъ прежде, когда ему предстоитъ рѣшеніе труднаго вопроса, когда ему надо сдѣлать какой нибудь важный, богатый послѣдствіями шагъ; съ этой минуты между нами, братски дѣливними въ теченіе долгой жизни горе и радость, заходитъ рѣчь о *моемъ* и *твоемъ*! Сначала Шарлотта никакъ не могла приноровиться къ такимъ отношеніямъ, да и теперь она только повидимому помирилась съ ними, т. е. перестала преслѣдовать любимаго брата просьбами, доводами, слезами; но затаенная рана все-таки продолжала болѣть и, въ своемъ душевномъ томленіи, Шарлотта постоянно носилась съ множествомъ вопросовъ и соображеній, которые всѣ вертѣлись около одного: «Что съ моимъ братомъ»?

А между тѣмъ было много такихъ обстоятельствъ, которыя могли нарушить спокойствіе живаго, пылкаго, но не достаточно сильнаго, невыносливаго характера. Съ самой молодости баронъ мечталъ о видномъ политическомъ положеніи, стремился къ нему, но ни разу въ жизни не сдѣлалъ перваго серьезнаго шага къ достиженію желаемаго; даже когда, много лѣтъ тому назадъ, благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, ему чуть не навязывали министерскій портфель, онъ не взялъ его и былъ радъ въ душѣ, что Шарлотта посовѣтовала ему не принимать. Она знала его лучше, чѣмъ онъ самъ. Она знала, что въ немъ происходитъ непрерывная борьба между старымъ и новымъ, между романтизмомъ и раціонализмомъ, сословными предразсудками и космополитизмомъ, гордостью и смиреніемъ, и что, въ общественной жизни, это внутреннее раздвоеніе никогда не позволитъ ему играть значительную роль, для чего, по ея мнѣнію, требуется непремѣнно нѣкоторая доза упорной односторонности. И послѣдующія событія дѣйствительно во всемъ оправдали ея мнѣніе. Онъ, напримѣръ, постоянно мечталъ объ эмансипаціи сельскихъ и городскихъ рабочихъ,—а малѣйшаго заявленія недовольства со стороны его крестьянъ было достаточно, чтобы навсегда отравить ему удовольствіе деревенской жизни, потому что онъ считалъ себя добрѣйшимъ изъ помѣщиковъ и думалъ на этомъ основаніи, что его люди цѣнятъ и уважаютъ его; ему было больно такъ горько разочароваться въ этомъ отношеніи. Кромѣ того онъ утверждалъ, что революція—это событіе, котораго онъ давно ожидалъ и которое должно имѣть самыя важныя, самыя благодѣтельныя послѣдствія—а между тѣмъ онъ выронилъ изъ рукъ знамя лишь только брызнули на него первыя капли грязи, взвороченной быстрымъ движеніемъ.

Шарлотта не могла не сознавать, что такія печальныя испытанія въ значительной степени омрачили веселый духъ ея брата; но даже прибавляя къ этимъ обстоятельствамъ его печальныя отношенія съ Генри и его физическое нездоровье, она все-таки находила, что всего этого мало, чтобы объяснить глубокое недовольство, странную тревогу, которыя такъ страшно томили его въ послѣднее время.

Шарлотта думала и думала. Подумала она и объ отношеніяхъ съ Зонненштейномъ, но сначала вскользь и безъ большой тревоги. Она знала, что между родственниками есть непріятности,—но между тѣмъ объ этомъ дѣлѣ, сначала возбуждавшемъ такіе усердные толки, едва упоминали въ послѣдніе годы; кромѣ того денежныя дѣла могли встревожить ея брата только на короткое время. Казалось невозможнымъ, чтобы онъ всегда такъ легко, даже слишкомъ легко относившійся къ подобнымъ дѣламъ, вдругъ сталъ бы принимать ихъ такъ серьезно.

А все-таки въ концѣ концовъ, Шарлоттѣ осталось только одно,—принять за возможное то, что казалось невозможнымъ. Ей показалось страннымъ, что адвокатъ, къ которому она съ перваго раза почувствовала инстинктивное предубѣжденіе за его непріятную наружность, сталъ посѣщать ея брата все чаще и чаще и имѣлъ съ нимъ продолжительныя совѣщанія, содержаніе которыхъ оставалось для нея тайною. Нѣкоторыя обстоятельства дали значительную пищу ея подозрѣніямъ. Разъ, во время отсутствія ея брата, былъ предъявленъ вексель на весьма значительную сумму, и когда, возвратясь домой, онъ узналъ объ этомъ, онъ обнаружилъ такое смущеніе, которое могло имѣть только зловѣщее значеніе. Въ другой разъ она услыхала въ его комнатѣ громкій споръ и тотчасъ послѣ этого вышелъ какой-то господинъ, удалившійся въ сильномъ гнѣвѣ и съ неприличными восклицаніями. И хотя его блѣдность и мрачность его взгляда слишкомъ ясно обличали его внутреннее волненіе, онъ все-таки обошелъ молчаніемъ и этотъ случай, когда вышелъ вечеромъ на нѣсколько минутъ въ общую комнату.

Шарлотта была поражена. Некому ей было сообщить свои опасенія, свои заботы, свою тревогу. По сту разъ на день она была готова идти къ брату и просить его на колѣняхъ высказать ей все, но каждый разъ она робѣла передъ этимъ шагомъ, который наложилъ бы печать на существовавшее между ними отчужденіе. Потомъ ей приходило въ голову обратиться снова къ тому другу, который былъ для нея такою вѣрною поддержкою во всѣхъ трудныхъ случаяхъ ея жизни; но

и отъ этого ея удерживали тяжелыя мысли. Чѣмъ усерднѣе братъ таился отъ нея, тѣмъ ей казалось менѣе достойнымъ платить ему тѣмъ же; кромѣ того ее поразило, что, когда въ послѣднее время рѣчь заходила о лѣсничемъ, братъ ея постоянно обнаруживалъ странное безпокойство,—будто его тяготило воспоминаніе о другѣ его молодости, о честномъ товарищѣ его лучшихъ лѣтъ, о повѣренномъ столькихъ тайнъ, объ управляющемъ его имѣній.

Шарлотта не умѣла найтись, не знала, что дѣлать. Она попробовала убѣдить себя, что горевать не объ чемъ, попробовала обвинить сѣрое, зимнее небо въ своемъ мрачномъ настроеніи,—но это ей не удавалось. Она слишкомъ хорошо понимала, что надъ ея головою собирались иныя тучи,—которыя съ каждымъ днемъ все ниже и ниже спускались надъ нею.

А между тѣмъ тѣнь новой скорби уже скользнула черезъ порогъ ея одинокой комнаты. Шарлотта подмѣтила любовь Вальтера и Амеліи въ первомъ, нѣжномъ ея бутонѣ, она наблюдала за нею глазами мыслящаго садовника, который видитъ, что взлелѣянное и возрощенное имъ растеніе близится къ исполненію своего прекраснаго назначенія. О, съ какимъ нѣжнымъ участіемъ она переживала въ солнечные тухгеймскіе дни за одно съ этими чистыми молодыми существами ту очаровательную мечту, которая наполняла ихъ сердца на зарѣ пробуждающагося сознанія; о, какъ горячо, какъ искренно она желала, чтобы яркое солнце наступающаго дня не разсѣяло душистыхъ, прелестныхъ мечтаній. Ей довелось испытать, какъ солнце бываетъ жестоко! Но нѣтъ, на этотъ разъ два молодыя сердца не будутъ разбиты, не будутъ они, въ теченіе цѣлой, долгой жизни страдать отъ неизлѣчимой раны! Развѣ не довольно потерять *одну* молодость со всѣми ея весенними упоеніями? Эта вторая молодость, съ которою она отождествилась своею безконечною любовью, эта вторая молодость, съ которою она жила за одно, на которую не падало ни малѣйшей тѣни эгоистичныхъ ощущеній,—эта молодость должна была достаться ей вся, безраздѣльно—такова была ея задушевная мечта, ея надежда, ея страстная мольба, ея горячая, многолѣтняя молитва. И казалось, что ея молитва не остается неуслышанною! Казалось, что добрыя

Фея хранятъ ея садикъ и съ любовью поятъ ея милые цвѣтки самою чистою небесною росой! Какой взглядъ могъ быть чище взгляда ласковыхъ глазъ веселаго, шаловливаго ребенка? Чей лобъ ярче озарялся отблескомъ внутренней чистоты, какъ не лобъ этого мальчика? И такъ-то они росли, и каждый наступающій день приносилъ только то, что обѣщалъ предъидущій, съ каждымъ все пышнѣе и пышнѣе разцвѣтало чарующее обаяніе прелестной дѣвушки, все свободнѣе и горделивѣе поднималась голова юноши, постепенно превращавшагося въ мужчину. Теперь, яркое солнце, загорающееся на горизонтѣ, пусть твоя милость будетъ равна твоему могуществу! Не высасывай слишкомъ жадно утреннюю росу изъ чашечекъ этихъ цвѣтковъ, съ любовью раскрывшихся въ стыдливомъ томленіи; — пусть они сіяютъ и благоухаютъ въ полдень во всемъ своемъ блескѣ, пусть порадуютъ усталаго путника, который вдохнетъ отраду и утѣшеніе изъ ихъ распустившихся чашечекъ!

И все шло такъ, какъ она надѣялась; солнце жизни не коснулось губительно ея любимцевъ. Она съ восторгомъ видѣла, что двое людей, посвящающихъ себя другъ другу съ чистою любовью, всегда снова являются первою человѣческою четою, и что тотъ рай, который въ мифѣ считается навсегда покончennымъ вмѣстѣ съ лучезарнымъ весеннимъ днемъ только-что созданной земли, можетъ ежеминутно снова открыться среди суеты и шума большихъ городовъ. Не смотря на пестрое разнообразіе общественной жизни, Амелія осталась тѣмъ же мыслящимъ, веселымъ ребенкомъ, какимъ была въ Тухгеймѣ. Веселыя бесѣды съ смѣлыми товарищами, полезныя сношенія съ серьезными, достойными людьми, усидчивый трудъ, горькія разочарованія, скромные успѣхи, — все это коснулось Вальтера, всему этому онъ охотно отдался, а его голубые глаза еще блестѣли все также смѣло и ясно, какъ въ тѣ давно прошедшіе дни, когда Шарлотта гладила волнистые волосы и горячій лобъ мальчика. Нѣтъ, за нихъ обоихъ она могла поручиться, какъ за себя. Они не нарушатъ святотатственно свой покой; не они будутъ причиною зла.

Но зачѣмъ же и быть злу?

Этотъ вопросъ часто приходилъ Шарлоттѣ на умъ и ей хо-

тѣлось улыбнуться, но воспоминаніе о собственной судьбѣ каждый разъ прогоняло довѣрчивую улыбку. Понимаетъ-ли свѣтъ ту любовь, которая дѣлаетъ всѣхъ равными, которая смотритъ только на достоинства, на пріятныя качества, — а въ глазахъ свѣта Амелія—дочь знатнаго человѣка, имѣющаго рядъ знаменитыхъ предковъ, а Вальтеръ только сынъ лѣсничаго, юноша низкаго происхожденія. Но будь это только въ глазахъ свѣта—какъ бы легко Шарлотта утѣшилась; но развѣ отецъ Амеліи смотрѣлъ на дѣло иначе? Развѣ отецъ Амеліи съ удовольствіемъ отдалъ бы свою единственную дочь за сына своего слуги?

На этотъ вопросъ у Шарлотты былъ одинъ только отвѣтъ—*Нѣтъ*. Она была убѣждена, что ея брату никогда и въ умъ не приходило, что ему когда-нибудь придется рѣшать такого рода вопросъ. Она вспоминала многія, случайно вырвавшіяся у него слова, въ которыхъ слишкомъ ясно сказывалось, что, не смотря на все свое уваженіе къ уму и характеру молодаго человѣка, не смотря на все свое явное расположеніе къ нему, онъ все-таки не переставалъ видѣть въ Вальтерѣ воспитанника, сына лѣсничаго, обязаннаго ему, одному ему, своимъ высшимъ положеніемъ на общественной лѣстницѣ. Шарлотта знала—(и часто украдкой улыбалась этому), какъ онъ отъ всей души наслаждался сознаніемъ собственнаго великодушія и могущества именно тогда, когда, какъ ему казалось, онъ свободно поддавался хорошимъ внушеніямъ своего сердца, склонности къ добрымъ дѣламъ, къ щедрости. Она часто замѣчала, что его доброта къ питомцу, къ подчиненному всегда проявлялась въ сильной степени, и убывала по мѣрѣ того, какъ покровительствуемый шелъ въ гору,—пріобрѣталъ значеніе, силу, положеніе въ свѣтѣ. Чтобы доставлять другимъ счастье, ему было необходимо чувствовать себя счастливымъ; не потому, чтобъ собственное несчастье озлобляло его,—оно дѣлало его робкимъ, даже пристыженнымъ, и тогда онъ старался скрыть эту робость, этотъ стыдъ отъ другихъ, быть можетъ, и отъ самого себя, выставляя на показъ свою гордость. И Шарлотта говорила себѣ, что если счастливый и пожертвовалъ бы, можетъ быть, своими

предразсудками во имя любви къ своему ребенку, то отъ несчастнаго нечего было и ожидать такой жертвы.

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ Вальтеръ пришелъ раньше обыкновеннаго и принесъ свой романъ, вышедшій въ свѣтъ съ его именемъ и съ короткимъ предисловіемъ, въ которомъ онъ признавалъ себя авторомъ повѣстей. Съ этимъ сочиненіемъ онъ поступилъ таинственнѣе, чѣмъ съ прежними, разсказалъ планъ только въ общихъ чертахъ, и когда дамы съ любопытствомъ распрашивали о подробностяхъ, онъ отвѣчалъ имъ, что онѣ все узнаютъ изъ самой книги. Теперь она лежала передъ ними, въ щегольскомъ переплетѣ, и Амелія стояла у стола и сжимала прекрасно переплетенный экземпляръ въ своихъ дрожащихъ рукахъ, будто хотѣла защитить произведеніе своего милаго, чтобы его въ свѣтѣ встрѣтили съ любовью и благосклонностью. Шарлотта стояла съ другой стороны у стола; взглядъ ея кроткихъ, все еще прекрасныхъ глазъ слѣдилъ съ глубокою нѣжностью за обоими молодыми людьми. Она попросила Вальтера сдержать свое давнишнее обѣщаніе и прочесть романъ.

Вальтеръ покраснѣлъ; онъ вдругъ вспомнилъ, что ему нужно поправить большую кипу латинскихъ упражненій, и кромѣ того не лучше ли будетъ выбрать вечеръ, когда Сильвія тоже будетъ слушать—сегодня же она пошла въ гости къ Эммѣ фонъ-Зонненштейнъ. Но ему тотчасъ же пришлось посмѣяться надъ своимъ лицемѣріемъ и добродушно сознаться, что въ душѣ онъ надѣялся, даже почти зналъ, что Сильвіи сегодня не будетъ.

— Я знаю, сказалъ онъ, — что Сильвія не одобрила бы извѣстныя мѣста, на которыя я, между прочимъ, особенно надѣюсь,—а сегодня мнѣ хочется слышать однѣ только похвалы.

— А въ насъ вы такъ увѣрены? спросила Амелія съ лукавою улыбкой.

— Полноте, полноте, дѣти, не теряйте по-пусту золотое время, сказала Шарлотта, взявши Вальтера за руку и указывая ему на стулъ возлѣ лампы; она сама сѣла возлѣ него, а Амелія помѣстилась поодаль, въ тѣни.

Вальтеръ началъ читать, — сперва нѣсколько робко, потому что мысли его были заняты не книгой, а слушательницами; но вскорѣ въ немъ заговорило чувство автора, сжившагося съ сво-

имъ произведеніемъ, онъ сталъ читать болѣе звучнымъ, богатымъ, модулированнымъ голосомъ и, хотя онъ и не забывалъ своихъ дорогихъ собесѣдницъ, но онѣ неслись какъ блаженные духи у входа въ міръ его мечтаній. Только теперь, когда на широкихъ крыльяхъ воспроизводящей фантазіи, онъ легко и свободно парилъ надъ этимъ міромъ,—только теперь ему казалось, что онъ весь принадлежитъ ему,—а между тѣмъ онъ едва узнавалъ многія частности, потому что теперь видѣлъ ихъ въ общей связи. И только теперь онъ могъ вполнѣ наслаждаться тѣмъ, что удалось, между тѣмъ какъ менѣе удачное или даже плохое вызывало у него только насмѣшливую улыбку, потому что теперь ему было ясно, почему вышло плохо, почему даже не могло выйти хорошо.

Такъ онъ читалъ нѣсколько часовъ, не останавливаясь.

Обѣ женщины слушали съ одинаковымъ вниманіемъ, съ одинаковымъ глубокимъ участіемъ, только чувства у нихъ были не одни и тѣ же. Шарлотта сидѣла, прислонившись къ спинкѣ стула, скрестивши руки на груди и не сводила глазъ съ автора. Отъ ея тонкаго, развитаго художественнаго чутья не скрылось, какъ много ея молодой другъ ушелъ впередъ въ этомъ произведеніи, насколько онъ смѣлѣе владѣлъ теперь своимъ матеріаломъ, насколько его образы стали пластичнѣе, насколько самый языкъ его выигралъ со стороны полноты и ясности. Она убѣдилась, что это произведеніе побѣдитъ равнодушіе и вражду свѣта, что съ этой минуты его имя будетъ стоять на ряду съ именами національныхъ писателей. Не смотря на это она все-таки не могла искренно радоваться и глаза ея становились все грустнѣе и грустнѣе, чѣмъ дальше подвигалось чтеніе Вальтера. Вѣдь въ этой книгѣ передъ нею рисовалась судьба Вальтера, вѣдь ей приходилось бороться за свободу съ самимъ Вальтеромъ, съ нимъ самимъ ей приходилось переживать всѣ эти страданія, которыя,—какъ она слишкомъ хорошо знала,—были далеко не выдуманы и ежеминутно могли превратиться въ грустную дѣйствительность. А съумѣетъ-ли Вальтеръ также устоять противъ невзгодъ, какъ устоялъ его герой? А если и съумѣетъ, то все-таки развѣ прелестный цвѣтникъ, о которомъ она мечтала, не будетъ разрушенъ, развѣ мощное, прекрасное дерево

не лишится навсегда своихъ цвѣтовъ, развѣ ея дорогой, нѣжный цвѣтокъ, который она такъ заботливо лелѣяла, не будетъ сломленъ навсегда?

Она грустно посмотрѣла на Амелію, и невеселая улыбка промелькнула по ея тонкимъ чертамъ, когда она увидѣла счастливое выраженіе этого юношескаго лица.

Амелія и не подозрѣвала тѣхъ тягостныхъ заботъ, тѣхъ мрачныхъ предчувствій, которыя наполняли душу ея тетки. Какъ ей было отрадно слушать слова милаго! У нея была только одна мысль, и эта мысль заставляла ее торжествовать: это написалъ *онъ*, *онъ* могъ создать и продумать это! Вотъ на сколько онъ выше тебя,—и онъ все-таки любитъ тебя! Тебѣ, тебѣ принадлежатъ всѣ сокровища этого благороднаго духа, тебѣ принадлежитъ всецѣло это великое сердце! Ты вдохновляешь его, ты заставляешь дрожать его голосъ! Эти глаза горятъ любовью къ тебѣ! Ты та муза, которая цѣловала этотъ лобъ въ тихія, трудовыя ночи, когда онъ писалъ все это—и этимъ сдѣлала тебя его любовь?

Она не шевелилась, она едва дышала, будто поддаваясь очаровательному обаянію и опасаясь нарушить его малѣйшимъ звукомъ, взглядомъ на право или на лѣво.

Она не замѣтила, — да и никто изъ трехъ не замѣтилъ, — что уже съ полчаса кто-то прошелъ по мягкому ковру сосѣдней комнаты, и, подойдя къ отворенной двери, сталъ скрестивши руки у притолки и внимательно слушалъ. Только теперь, когда Вальтеръ кончилъ первую часть, въ концѣ которой событія запутались въ неразрѣшимую завязку, и тихо закрылъ книгу,—только теперь молчаливая фигура выдвинулась изъ тѣни и подошла къ столу. Это былъ баронъ.

При его внезапномъ появленіи Вальтеръ и Амелія поднялись въ нѣкоторомъ смущеніи. Шарлотта осталась неподвижна. Ей было довольно взглянуть на своего брата, чтобы убѣдиться, что настала минута, которой она такъ давно боялась.

— Извините меня, сказалъ баронъ, слегка кивнувши головой всѣмъ тремъ,— проходя по сосѣдней комнатѣ, я услыхалъ, что Вальтеръ читаетъ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи послушать немного, потому что мнѣ тотчасъ пришло на умъ,

что дѣло идетъ о новой книгѣ нашего друга. На сколько я могу судить, милый Вальтеръ, вы создали вещь, замѣчательную въ художественномъ отношеніи, вещь пламенную, сильную, живую; и если свѣтъ вамъ будетъ благодаренъ, то мы, стоящіе во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ближе къ вамъ, имѣемъ гораздо больше основанія радоваться вашему успѣху.

Баронъ произнесъ эти слова не тѣмъ веселымъ тономъ, которымъ онъ обыкновенно говорилъ въ обществѣ; онъ говорилъ съ какою-то обдуманною размѣренностью человѣка, желающаго сказать что-то рѣшительное и потому строго слѣдящаго за тѣмъ, чтобы не сказать чего нибудь лишняго и не оставить чего ни будь не договореннымъ.

— Я съ своей стороны отъ души радуюсь этому успѣху, продолжалъ онъ,— и моя радость была бы лишена всякой примѣси, еслибъ у меня не являлось одно сомнѣніе, которое вы позволите вамъ высказать, милый Вальтеръ. Вы, Вальтеръ,— человѣкъ серьезный, какъ и вашъ отецъ и, кажется, всѣ Гутманы вообще. Вы и жизнь принимаете серьезно и искуство тоже, вы вносите свой идеализмъ въ жизнь и наполняете образы, созданные вашею фантазіей, кровью дѣйствительности. Это упрочиваетъ за вами успѣхъ писателя, но именно благодаря этому вы подвергаетесь опасности, несуществующей для натуръ болѣе поверхностныхъ,—опасности смѣшивать, даже перепутывать искуство съ дѣйствительностью. Согласитесь, что изъ такого смѣшенія не выйдетъ ничего путнаго, — извините мое рѣзкое выраженіе — выйдетъ только чепуха. Впрочемъ, я ни минуты не сомнѣваюсь, милый Вальтеръ, что вы на столько разсудительны, что съумѣете уклониться отъ угрожающей вамъ опасности; да и романъ вашъ, если я не ошибаюсь, служитъ доказательствомъ этого. На сколько я могу судить по тому, что слышалъ, вы пытаетесь изобразить судьбу человѣка, который постоянно смѣшиваетъ границы поэтической и реальной жизни. Занимая скромное, но почтенное положеніе въ свѣтѣ, вашъ герой низкаго происхожденія любитъ женщину, которая родилась и вращается въ высшихъ сферахъ общества. Ему и въ голову не приходитъ спрашивать себя: придется ли ему бороться съ препятствіями, отстранять преграды, коснуться даже самыхъ

основаній, на которыхъ построено все общественное зданіе. Своею наивной вѣтренностью онъ ставитъ себя въ невыносимое положеніе, отравляетъ жизнь той женщины, которую будтобы любитъ, словомъ все приводитъ въ смятеніе. Этимъ заканчивается вашъ первый томъ. Я желаю, милый Вальтеръ, чтобы во второмъ томѣ вы заставили своего героя опомниться, чтобы вы довели его до сознанія той страшной ошибки, которую дѣластъ человѣкъ, принимающій свои личныя стремленія и желанія за законъ общества; я желалъ бы этого для васъ, милый Вальтеръ, а также для себя, даже для насъ—и надѣюсь, что вы такъ и сдѣлаете. Вашъ герой до нѣкоторой степени похожъ на васъ, милый Вальтеръ. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ вы исказили это сходство, еслибъ вы заставили своего героя упрямо отстаивать такое положеніе, въ которомъ я ни за что не хотѣлъ бы видѣть васъ въ дѣйствительности.

Баронъ сохранилъ до конца свой сдержанный тонъ, но нѣкоторое дрожаніе и усиленіе голоса обнаруживало, какихъ усилій ему стоило это спокойствіе. Казалось, онъ не былъ въ состояніи сдерживаться дольше, потому что, договоривши послѣднія слова, онъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты, никому не поклонившись. Шарлота встала, она хотѣла что-то сказать, но не находила словъ, голосъ измѣнилъ ей. Она обратилась къ Вальтеру молча, съ умоляющимъ жестомъ и поспѣшила за барономъ, который запиралъ наружную дверь сосѣдней комнаты.

Вальтеръ и Амелія остались одни. Амелія была очень блѣдна и дрожала всѣмъ тѣломъ. Она хорошенько не знала, что случилось, она едва слышала слова отца; но его тонъ, страшная, мертвенная блѣдность, покрывавшая лицо Вальтера, и смѣнившаяся вдругъ яркою краской, жестъ тетки, когда она пошла за отцомъ,—все это наполнило ея душу предчувствіемъ страшнаго несчастья, которое вдругъ обрушилось на нее, на Вальтера, на нихъ всѣхъ. Она не сводила глазъ съ Вальтера, который медленно заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ, подойдя къ ней и подавая ей руку, проговорилъ голосомъ, съ трудомъ вырвавшимся изъ его измученной груди: «Прощайте, Амелія!»

Вальтеръ хотѣлъ ее покинуть, покинуть ее въ этой тревогѣ,

въ этомъ томленіи! Мысли путались въ ея головѣ.—Вы хотите идти, Вальтеръ, спросила она едва слышно.

— Могу ли я, смѣю ли я оставаться? отвѣчалъ Вальтеръ. Развѣ вы не слыхали? Амелія, милая, дорогая Амелія!

Амелія не коснулась протянутой руки Вальтера. Она закрыла лицо обѣими руками, потомъ рванулась къ нему и упала къ нему на грудь. Вальтеръ держалъ въ своихъ объятіяхъ милую дѣвушку, гладилъ дрожащими руками ея мягкіе волосы, шепталъ ея имя самымъ нѣжнымъ, самымъ любовнымъ голосомъ. «А ты все-таки моя, все-таки, ты моя!»

Амелія откинула голову, она посмотрѣла на милаго и улыбнулась ему сквозь слезы, губы ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ любви и счастья.

Шелестъ платья заставилъ ихъ встрепенуться. Передъ ними стояла Шарлотта. Она была все еще очень блѣдна, но улыбка играла на ея тонкихъ губахъ и свѣтилась въ ея влажныхъ глазахъ.

— Дѣти, милыя, дорогія мои дѣти, сказала она кротко. Амелія рыдала прильнувши къ ея груди, Вальтеръ цѣловалъ ея руки.

Шарлотта нѣжно освободилась изъ объятій Амеліи и заставила сѣсть дрожавшую дѣвушку. Когда Амелія снова подняла глаза, Вальтеръ выходилъ изъ комнаты и все глядѣлъ на нее до послѣдней минуты.

— Вальтеръ, тоскливо вскричала дѣвушка и бросилась впередъ, но тетка нѣжно остановила ее.

— Онъ уходитъ, ему надо уйти, милое, дорогое мое дитя,— только не навсегда.

— Нѣтъ, нѣтъ, не навсегда, не навсегда! вскричала Амелія, и, прижавшись къ любящему сердцу, залилась горькими, горячими слезами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не минутный капризъ побудилъ Сивьвію вдругъ принять приглашеніе Эммы,—приглашеніе, на которое и она и Амелія

отвѣчали утромъ отказомъ—и отправиться къ ней послѣ обѣда. Въ этотъ же день, когда она выходила изъ своей комнаты въ гостиную, ей встрѣтился Лео, уходившій отъ барона. Онъ сказалъ ей, что долженъ повидаться вечеромъ у фонъ-Зонненштейна съ нѣкоторыми политиками и что Эмма просила ихъ, по окончаніи переговоровъ, придти пить чай въ гостиную. «Такъ мы тамъ увидимся,» отвѣчала Сильвія, и быстро прошла мимо него въ корридоръ.

Сильвія застала Эмму одну. Эмма вышла къ ней на встрѣчу, шелестя своимъ прекраснымъ бѣлымъ платьемъ; ея густые, черные волосы были фантастически убраны и завиты и богатыя украшенія ярко блестѣли при свѣтѣ канделябръ. Она обняла Сильвію; какъ это было мило съ ея стороны, что она все-таки пришла; одна изъ шести приглашенныхъ дамъ, которыя всѣ прислали отказъ въ теченіи дня. «Люди уже не чувствуютъ потребности въ истинной дружбѣ,» воскликнула она полузакрывши глаза и бросивъ украдкой взглядъ въ уголъ комнаты; «только такіе серьезные люди, какъ мы съ вами, еще болѣзненно чувствуютъ свое уединеніе среди этой житейской суеты.»

Въ теченіе того получаса, который Эмма была принуждена провести одна въ своихъ роскошныхъ комнатахъ, жалѣя о томъ, что некому будетъ полюбоваться ея новымъ платьемъ, она стала очень сантиментальна, а съ Сильвіей, по ея мнѣнію, нельзя было говорить о разныхъ будничныхъ происшествіяхъ. Потому она отъ души старалась вести разговоръ о такихъ предметахъ, въ которыхъ ничего не смыслила, этотъ разговоръ казался ей весьма значительнымъ, хотя Сильвія считала его пустымъ и даже просто глупымъ. Но Сильвія рѣшилась не выходить сегодня изъ себя отъ пошлостей Эммы, и Эмма была въ восторгѣ видя, что ей почти ни въ чемъ не противорѣчатъ; она всегда думала, что во всемъ найдетъ сочувствіе со стороны Сильвіи, но вѣдь среди общественной суеты нельзя узнать хорошенько ни себя, ни своихъ ближнихъ; одиночество, особенно самое привлекательное одиночество—одиночество вдвоемъ,—вотъ та атмосфера, въ которой могутъ распуститься нѣжные цвѣты—любовь и дружба.

— Не удивляйтесь, милая, заговорила Эмма, что я сегодня совсѣмъ не такая, какъ всегда. Я не такая кажусь; мнѣ часто приходится ребячиться и напускать на себя излишнюю игривость только для того, чтобы не открывать свою взволнованную душу передъ взорами непосвященной толпы. Къ тому же я охотно сознаюсь вамъ, что за послѣднее время короткость съ вашимъ замѣчательнымъ братомъ открыла мнѣ многія тайны жизни, мимо которыхъ я прежде проходила, не обращая на нихъ вниманія.

Имя Лео было произнесено въ первый разъ въ продолженіи этого страннаго разговора. Сильвія быстро вскинула свои большіе глаза, которые снова опустились, блеснувъ мрачнымъ взглядомъ; но Эмма не замѣтила этого и продолжала не прерываясь:

— Я не знаю, милая, въ какихъ вы отношеніяхъ съ вашимъ братомъ; вѣроятно, между вами нѣтъ никакихъ отношеній, потому что я не помню, чтобы вы когда нибудь упоминали о немъ, а онъ объ васъ; но впрочемъ таковъ ужь свѣтъ: что близко—того не цѣнятъ; мы только умѣемъ узнавать и цѣнить то, что намъ чужое. А что это за человѣкъ! Какъ онъ не похожъ ничѣмъ на другихъ нашихъ молодыхъ людей. Признаюсь, онъ для меня феноменъ, который, проходя по темному небу, заставляетъ тускнѣть всѣ прочія звѣзды!

Эмма напала на тему, которая давала ей неистощимый сюжетъ для разговора; восхваляя, по своему обыкновенію преувеличенно, блестящія качества Лео, она очень явственно давала чувствовать, что приписываетъ себѣ въ значительной степени то, что Лео принимали съ уваженіемъ въ обществѣ и въ кругу ея отца въ особенности; она давала понять, что обратила вниманіе общества на такое замѣчательное явленіе и, съ своей стороны, подала примѣръ того, что нельзя мѣрить необыкновенное на общій, дюжинный аршинъ.

— Какое дѣло до условныхъ формъ, восклицала она,—разъ какъ сердце поняло сердце, разъ какъ умъ постигъ умъ? Я осторожна въ выборѣ друзей и надо долго добиваться моей откровенности прежде, чѣмъ я дамъ ее; но въ этомъ случаѣ такая сдержанность была бы ребячествомъ. И такимъ образомъ

въ самое короткое время между мною и имъ завязались отношенія, которыя бы я назвала братскими, если бы свѣтъ былъ менѣе склоненъ чернить блестящее и лучезарное и топтать въ грязь возвышенное.—Что съ вами, милочка?

Сильвія вдругъ встала и, сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ шаговъ, остановилась, отвернувши лицо отъ Эммы. Эмма поспѣшила за ней и ей пришлось повторить свой вопросъ, на который Сильвія наконецъ отвѣчала глухимъ голосомъ, что ей слишкомъ жарко въ комнатѣ, что отъ духоты кровь бросилась ей въ голову, но что это конечно скоро пройдетъ. Эмма любезно достала всевозможныя стклянки съ спиртами и стала спрыскивать ими Сильвію; она говорила при этомъ, что сама страдаетъ такими же припадками и что ей пріятно видѣть, что ея пріятельница—потому что только съ сегодняшняго вечера она можетъ считать Сильвію пріятельницею—даже по своему сложенію, даже по сокровенной жизни нервовъ до такой степени похожа на нее. Сильвія просила не безпокоиться о ней больше, потому что все уже прошло. Пока Эмма все еще разбирала свои стклянички, лакей доложилъ о приходѣ мужчинъ.

Они вошли, смѣясь и болтая, и раскланялись съ дамами. Банкиръ представилъ Сильвіи обоихъ мужчинъ, которыхъ она еще не знала,—одного высшаго сановника и землевладѣльца,—членовъ палаты, пользовавшихся большимъ уваженіемъ либеральной партіи; д-ръ Паулусъ, какъ ему извѣстно, ея старинный знакомый, Лео—еще болѣе старинный, хотя онъ и самый младшій изъ членовъ общества—такъ какъ дамы, разумѣется, составляютъ исключеніе здѣсь, какъ и вездѣ.

Фонъ-Зонненштейнъ былъ особенно шутливъ, а благодаря этому и всѣ другіе были очень сообщительны и веселы; но проницательный взглядъ могъ бы замѣтить подъ этою сообщительною и веселою внѣшностью нѣкоторую возбужденность, даже нѣкоторую озлобленность. Изъ шумной конференціи, которая, по всей вѣроятности, происходила не за долго передъ тѣмъ, одинъ только д-ръ Паулусъ вынесъ и на этотъ разъ свое душевное равнодушіе, рѣдко оставлявшее его. Онъ подсѣлъ къ Сильвіи, съ которою онъ всегда охотно разговаривалъ, и спросилъ ее о ея братѣ, читала ли она его новое сочиненіе, уже напе-

чатанное, какъ онъ слышалъ. «Я ожидаю этой книги съ особеннымъ нетерпѣніемъ», продолжалъ онъ, получивши отъ Сильвіи отрицательный отвѣтъ.—«Если я не ошибаюсь, она будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Вальтера; я думаю это не потому только, что онъ на этотъ разъ открыто бросаетъ перчатку партіи обскурантовъ, которая не колеблясь подниметъ ее по своему, а потому что теперь, когда Вальтеръ принужденъ прекрасно обработать великую тему, теперь выяснится, точно ли онъ вдохновенный поэтъ или нѣтъ. Для меня онъ будетъ не хуже, если онъ окажется не такимъ, потому что на всякомъ поприщѣ онъ окажется хорошимъ человѣкомъ; поэтому я уже давно старался приготовить его къ мысли, что, быть можетъ, ему придется приложить свои силы къ другой отрасли дѣятельности.»

Сильвія слушала разсѣянно. Докторъ замѣтилъ это и, слѣдя за направленіемъ ея взгляда, сказалъ:

— Вы имѣете большое вліяніе на вашего двоюроднаго брата, мадмуазель Сильвія?

— Нѣтъ—а что? спросила Сильвія, быстро обращая глаза на доктора.

— Потому что, продолжалъ докторъ, я очень желалъ бы знать хорошаго, умнаго человѣка, который имѣлъ бы нѣкоторое, вѣрнѣе очень сильное вліяніе на Лео. Я знаю, что отъ Вальтера онъ все больше и больше удалялся, а Вальтеръ именно былъ бы пригоденъ для этой цѣли, еслибы для этой цѣли нуженъ былъ именно мужчина. Быть можетъ, на это способна только женщина, и мнѣ сейчасъ пришло только въ голову, что этою женщиною могли бы быть вы.

— Но въ чемъ дѣло, господинъ докторъ? спросила Сильвія, —и ея голосъ и выраженіе лица обнаружили ея глубокое внутреннее волненіе.

— Дѣло въ томъ, чтобы спасти крупную силу отъ крупнаго заблужденія, быть можетъ, отъ гибели. Мысль, что можно плыть противъ теченія времени, что можно направить, запрудить, отвести назадъ этотъ бурный потокъ, согласитесь, что такая мысль есть самое жалкое, самое гибельное заблужденіе, въ которое только можетъ впасть политикъ. Я не говорю, что

вашъ двоюродный братъ уже стоитъ на этой точкѣ потому, что дойди онъ уже до этого, ему никто не могъ бы помочь,— я только нахожу, что онъ идетъ по такому направленію, которое доводитъ до этой точки. Онъ думаетъ пока—и, конечно, это уже довольно дурно,—что человѣкъ одинъ, самъ по себѣ, можетъ быть цѣлою партіей, или, говоря другими словами, что одинъ человѣкъ въ состояніи соединить въ себѣ всю сумму силъ, убѣжденій, познаній, которыя обыкновенно встрѣчаются у значительнаго числа хорошихъ вождей партіи, и то только съ трудомъ, въ несовершенномъ видѣ, такъ что они должны пополнять другъ друга. Понятно само собою, насколько подобная мечта можетъ сдѣлаться гибельною. Никто не знаетъ себѣ цѣны. Если подчасъ намъ и кажется въ чаду безмѣрнаго, абсолютнаго самообольщенія, что мы въ состояніи передвинуть горы, то эта самонадѣянность разбивается о незыблемую силу событій; и человѣкъ, не безъ основанія отчаявающійся въ своихъ силахъ, мечется тогда на право и на лѣво и хватается за все, что можетъ хоть до нѣкоторой степени пособить его безсилію.

Докторъ пріостановился, замѣтивъ безпокойное, быть можетъ, нетерпѣливое движеніе Сильвіи, и сказалъ: «Не знаю, слушали ли вы меня?»

— Да, все-таки, отвѣчала Сильвія,—я слушала васъ; и думаю только, что великихъ людей нельзя мѣрять на дюжинный аршинъ.

— Великихъ людей, великихъ людей, засмѣялся д-ръ Паулусъ.—Да кто великъ-то? Тотъ изъ насъ великъ, кто додумался до идеи солидарности человѣческихъ интересовъ, кто преслѣдуетъ эту идею во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, до послѣднихъ ея предѣловъ, тотъ, чья дѣятельность вся превращается вслѣдствіе этого въ осуществленіе этой идеи. Эта великость, стало быть, вовсе не та, къ которой, если я не ошибаюсь, стремится вашъ двоюродный братъ.

— Извините, господинъ докторъ,—но вы, какъ я знаю, уже давно стоите съ нимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ,—такъ почему же вы не высказываете всего этого сами?

— Неужели вы думаете, что я обратился бы съ такою просьбой къ третьему лицу, еслибъ я, съ своей стороны, не

перепробовалъ все, что въ моей власти, и еслибъ все не оказалось напраснымъ?—возразилъ докторъ съ кроткимъ упрекомъ.

Сильвія быстро встала: «Я сдѣлаю все, что могу,» и пошла къ остальному обществу, которое сидѣло у камина.

Докторъ Паулусъ медленно пошелъ вслѣдъ за нею.

Разговоръ сталъ общимъ; говорили о театрѣ, о новыхъ книгахъ, о трудности, съ которою даже хорошія сочиненія пробиваютъ себѣ дорогу въ Германіи, говорили о причинахъ этого явленія и о томъ, что оно особенно поражаетъ въ странѣ, прославляемой за свое высокое образованіе. Говорили подробно, съ толкомъ, знаніемъ дѣла о выгодахъ и невыгодахъ, происходящихъ для нѣмца отъ того, что у него нѣсколько столицъ, а не одна, и о томъ, какъ дѣйствуетъ эта децентрализація на его политическое развитіе. Общее мнѣніе было таково, что какъ въ предыдущія эпохи политическое раздробленіе не способствовало успѣхамъ нѣмецкой литературы, — въ настоящее время это правда только въ очень ограниченномъ смыслѣ. Лео и этого не хотѣлъ допустить.

— Я не люблю того различія, сказалъ онъ,—которое Гете дѣлаетъ между талантомъ и характеромъ. Если характеръ можетъ сложиться только въ водоворотѣ жизни, то это же самое относится и къ таланту. Талантъ, развившійся въ тиши, навѣрное окажется тепличнымъ растеніемъ, котораго цвѣты скоро поблекнутъ на суровомъ воздухѣ дѣйствительности. Да и существуетъ ли талантъ безъ характера? Я утверждаю, что нѣтъ. Человѣкъ безъ характера не можетъ не только правильно поступать, но и правильно думать. Его безхарактерность станетъ у него поперегъ дороги въ его тончайшихъ умозаключеніяхъ и повернетъ на ложную дорогу его, до тѣхъ поръ правильный, ходъ мыслей?

— Я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ, сказалъ докторъ Паулусъ,—что этотъ опытъ, который всякому легко почерпнуть изъ вседневной жизни и который подтверждается слишкомъ часто въ нашей прекрасной литературѣ, въ то же время блистательно оправдывается высшею философіей. Единое и все, мысль и пространство, идеальное и реальное бытіе — это не болѣе,

какъ различные способы пониманія недѣлимой, неизмѣнной субстанціи.

Говоря это, докторъ обращался къ Лео съ выраженіемъ, въ которомъ слышалось искреннее, сердечное желаніе найти путь ко взаимному соглашенію, но Лео, повидимому, ничего не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать и продолжалъ тѣмъ же тономъ рѣзкой холодности, которая и до сихъ поръ сказывалась въ его словахъ.

— За границею насъ называютъ народомъ мыслителей; я нахожу, что намъ слѣдовало бы подумать прежде, чѣмъ принимать такой двусмысленный комплиментъ. Если мысль и дѣйствія дѣйствительно тождественны, въ высшемъ своемъ значеніи, какъ сейчасъ утверждали, то мы или вовсе не думаемъ, или же наши мысли мрачныя, сбивчивыя бредни черезъ мѣру возбуждаемого и истощеннаго мозга. Потому что вѣдь мы дошли до того, что прямо-таки отрицаемъ то тождество, которое присуще всѣмъ трезвымъ народамъ, даже всѣмъ трезвымъ личностямъ, и которое они приводятъ въ дѣйствіе безъ долгихъ размышленій, вѣдь мы дошли до того, что у насъ ежедневно на всѣ лады ставится вопросъ: зачѣмъ намъ протягивать руку за плодами? созрѣютъ когда-нибудь—сами упадутъ къ намъ на колѣни. И въ отвѣтъ на такія аксіомы, въ которыхъ сказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ наше полнѣйшее, позорнѣйшее банкротство относительно всякой энергіи, всякой инціативы, въ отвѣтъ на такіе аргументы, которые явно и нагло противорѣчатъ и ученіямъ философіи, и примѣрамъ исторіи, и даже простому человѣческому здравому смыслу,—изъ рядовъ избранниковъ націи, хранителей ея умственнаго и матеріальнаго капитала раздаются клики: Да и Аминь! И эти восклицанія будутъ раздаваться до тѣхъ поръ, пока геній народа снова не пробудитъ человѣка, который взглянулъ бы нѣсколько иначе на отношенія между *правомъ* и *силою* и создалъ бы изъ этого скопища пустоголовыхъ мечтателей народъ активныхъ людей.

Пока Лео говорилъ, Сильвія невольно слѣдила за выраженіемъ лицъ слушателей и отъ нея не могло скрыться, что между словами Лео и тѣмъ, что было говорено на совѣщаніи, должна

была существовать тѣсная связь. Слушатели съ замѣшательствомъ переглядывались и даже на лицо доктора Паулуса налегла какая-то тѣнь. Сильвія быстро сообразила все, нашлась и сказала:

— Изъ области литературы ты перевелъ разговоръ въ область политики, то есть въ такую область, куда мы, дамы, не можемъ слѣдовать за вами, господа. Не лучше ли вернуться къ нашей прежней темѣ, тѣмъ болѣе, что она еще далеко не исчерпана.

Докторъ Паулусъ тотчасъ вставилъ шутку, но доброе согласіе не возстановлялось, хотя Эмма, которой стало не по себѣ во время серьезнаго разговора, пустила въ ходъ всѣ свои общественные таланты. Одинъ изъ гостей вспомнилъ, что его ждутъ сегодня вечеромъ еще на совѣщаніе, другой,—что ему надо окончить отчетъ комиссіи къ завтрашнему засѣданію. Сильвія нашла, что уже очень поздно, и захотѣла отправиться домой, хотя карета, которую баронъ долженъ былъ прислать за нею, еще не пріѣзжала: она предпочла пройтись пѣшкомъ. Лео предложилъ проводить ее и она согласилась. Эмма обнаружила удивленіе, увидѣвъ, что ея общество такъ внезапно разсыпалось. При прощаніи она обняла Сильвію и назвала Лео злымъ, потому что она была убѣждена, что, благодаря своему разговорному таланту, онъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, удержать общество. Лео какъ будто не слыхалъ комплимента, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не отвѣчалъ. Сильвія нахмурилась. Вслѣдъ за тѣмъ они вышли изъ дома банкира.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стояла тихая, звѣздная зимняя ночь; тамъ, гдѣ еще лежалъ снѣгъ, выпавшій нѣсколько дней назадъ, онъ крѣпко осѣлся; пѣшеходы бодро проходили по тротуарамъ. Впрочемъ этотъ кварталъ былъ не изъ многолюдныхъ. Только изрѣдка быстро проѣзжалъ экипажъ, запряженный двумя горячими лошадьми и освѣщалъ своими фонарями громадные дома по обѣ стороны улицы.

Лео подалъ Сильвіи руку, когда они вышли изъ дома банкира; она приняла ее, хотя обыкновенно предпочитала ходить одна. Непривычное положеніе, зависимость отъ другого, съ движеніями котораго она должна была сообразовать свои—все это стѣсняло ее, тѣмъ болѣе, что Лео не говорилъ ни слова. Она сама не знала о чемъ ей заговорить, да и заговорить ли?

А между тѣмъ она ужь давнымъ давно выжидала случая поговорить съ своимъ двоюроднымъ братомъ наединѣ и отъ души желала этого случая, она даже приняла приглашеніе Эммы съ тою смутной надеждой, что на этотъ разъ представится такой случай; ей надо было обо многомъ распросить его, обо многомъ сообщить ему—а теперь языкъ ея былъ словно связанъ и сердце ея сильно билось подъ впечатлѣніемъ того усилія, которое она дѣлала, чтобы сбросить съ себя тяготѣвшій надъ нею гнетъ. Наконецъ она рѣшилась произнести: «Почему ты въ послѣднее время такъ рѣдко бывалъ у насъ?»

— Я былъ очень занятъ, отвѣчалъ Лео.

— Да вѣдь ты же успѣвалъ бывать у барона?

— Я бывалъ и у него только по дѣлу, возразилъ Лео и потомъ снова задумался.

Это, вѣроятно, были невеселыя мысли. Идя рядомъ съ нимъ, Сильвія слышала его быстрое, злобное дыханіе; она робко заглянула ему въ глаза и увидала, что его лицо было очень мрачно и взоръ его пристально устремленъ на землю. Раза два онъ бормоталъ сквозь стиснутые зубы какія-то непонятныя слова.

Почему онъ не говорилъ съ нею? Почему онъ ей не сообщалъ того, что такъ сильно волновало ея душу? Развѣ она не стоитъ его довѣрія? Развѣ она не въ состояніи понять его мысли, его планы? Развѣ она неспособна отнестись съ участіемъ къ его разочарованіямъ, къ его страданіямъ? Да впрочемъ развѣ онъ знаетъ ее? Развѣ онъ знаетъ, что она не забыла ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ говорилъ ей въ тотъ первый вечеръ, что эти слова были для нея только откровеніемъ, откровеніемъ жизни, къ которой она рвалась уже много лѣтъ, о которой она мечтала, жизни въ полномъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова,—такой жизни, которая,—ведетъ ли она человѣка къ счастью или къ несчастью—все-таки высоко под-

нимаетъ его своими могучими волнами надъ болотистыми низменностями, томящими свободныя, великія души? Развѣ онъ зналъ, что она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за каждымъ новымъ шагомъ на его поприщѣ, что она съ торжествомъ встрѣчала каждый его успѣхъ, что она вѣрила въ него, въ его несокрушимыя силы, въ величіе его ума, безукоризненность его намѣреній, что она вѣрила въ него, быть можетъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ самъ въ себя, и что, разумѣется, вѣра ея была въ тысячу разъ искреннѣе вѣры тѣхъ людей, подобныхъ Эммѣ Зонненштейнъ, которая хвастала тѣмъ, что способствовала его успѣхамъ, что связана съ нимъ братскими отношеніями? Неужели это правда? Неужели онъ, умный, знающій людей человѣкъ, можетъ быть настолько слѣпъ? — Неужели Эмма въ самомъ дѣлѣ твой другъ, Лео?

— Кто тебѣ это сказалъ? спросилъ Лео.

— Она сама.

Лео горько усмѣхнулся.

Ужь лучше было бы довѣрить свою тайну болтливому тростнику; но зачѣмъ ты меня спрашиваешь объ этомъ?

— Чтобы предостеречь тебя въ крайнемъ случаѣ. Я думаю, что ты великодушенъ, какъ и всякой сильный человѣкъ, и что поэтому ты склоненъ ставить ничтожныхъ людей, которые навязываются къ тебѣ, выше, чѣмъ они заслуживаютъ. Я очень рада, что ты не удостоилъ ее своего довѣрія. Но если этого нѣтъ, зачѣмъ же ты такъ часто бываешь съ нею, съ ея отцомъ, со всѣми этими людьми, которые повидимому далеко не дружески расположены къ тебѣ?

— Они мнѣ нужны, или, лучше сказать, я думалъ, что они могутъ быть мнѣ нужны. Да, Сильвія, ты права, вѣрить этимъ людямъ—безуміе; послѣдняя искра священнаго огня уже давно погасла въ нихъ. Развѣ зола можетъ горѣть? Ахъ, все время, пока я здѣсь, я только и дѣлалъ, что возился въ золѣ и я чувствую на языкѣ ея вкусъ— ея горькій вкусъ.

— А съ какими великими надеждами ты пріѣхалъ сюда, какъ ты вѣрилъ въ нашъ народъ, о которомъ ты говорилъ мнѣ въ первый вечеръ, что онъ одинъ призванъ къ свободѣ, потому что онъ одинъ изъ всѣхъ народовъ умѣетъ мыслить!

— Относительно народа это вѣрно; но тѣ люди, которымъ я только-что говорилъ, — они не умѣютъ мыслить. —Сокровища нашего образованія, скрытыя въ произведеніяхъ нашихъ великихъ поэтовъ и мыслителей, слишкомъ зрѣлы, слишкомъ полновѣсны, и такія руки не осилятъ поднять ихъ. Они не смогли размѣнять эти сокровища на настоящую монету, они размѣняли ихъ на фальшивую монету и такимъ образомъ отняли у бѣднаго, обманутаго народа его богатое наслѣдство. Есть ли въ этихъ жалкихъ эпигонахъ хоть слѣдъ того величія, той высоты, которыми отличались наши умственные предки? Есть ли въ нихъ хоть частица всеобъемлющаго космополитизма Гете, идеальнаго пафоса Шиллера, задорнаго мужества Лессинга, протестантскаго упорства Канта? Я одинъ изъ послѣднихъ рѣшился бы упрекнуть ихъ въ томъ, что они не поэты и не философы! Наше время не требуетъ поэтовъ и философовъ! Но оно требуетъ политиковъ, государственныхъ людей, которые въ этой области были бы тѣмъ же, чѣмъ были тѣ въ чисто-умственныхъ сферахъ, и, правду сказать, отъ этихъ людей мы еще должны ожидать первой идеи, которая узаконила бы въ томъ великомъ смыслѣ ихъ политическую и государственную миссію, Нѣтъ, еслибъ мы послѣдовали за ними—всѣ пріобрѣтенія нашего образованія погибли бы самымъ постыднымъ образомъ, мы стали бы ниже всѣхъ образованныхъ народовъ.

Говоря это, Лео пошелъ быстрѣе; опираясь на его руку, Сильвія дрожала отъ внутренняго волненія, глаза ея были полны слезами блаженства и грусти. Стало быть, идеалъ ея мечтаній существуетъ въ жизни. Есть же человѣкъ, котораго не связываетъ пошлость, у котораго на умѣ самые широкіе планы, и который также занятъ ими, какъ другіе бываютъ заняты будничными интересами,—и этотъ человѣкъ такъ близокъ ей, она можетъ видѣть, слышать его, можетъ любоваться имъ, жить съ нимъ одною умственною жизнью. «Но сможетъ ли онъ довести до конца то, что онъ началъ? Не сломитъ ли его непосильная тяжесть?»

— Лео, — они говорятъ — ты замышляешь невозможное, неисполнимое; они говорятъ — ты возстаешь противъ духа времени и принужденъ по этому прибѣгать къ дурнымъ средствамъ.

— Они говорятъ это?

Лео шелъ нѣсколько времени молча; потомъ онъ началъ тихимъ голосомъ.

— Я не спрашиваю, Сильвія, кто тебѣ говорилъ это; я знаю, какъ эти пустомели думаютъ обо мнѣ, но я бы не желалъ, чтобы ты невѣрно понимала мои стремленія; а какъ же ты можешь вѣрно понимать ихъ, когда ты такъ мало знаешь меня, когда тебѣ такъ чужды вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь!

— Быть можетъ, они мнѣ не такъ чужды, какъ ты думаешь, съ жаромъ перебила его Сильвія, — я... она запнулась и продолжала съ нѣкоторымъ смущеніемъ — я читала твои статьи, которыя ты давалъ барону, и кромѣ того мнѣ удалось прочесть нѣсколько книгъ по тѣмъ же вопросамъ. Кромѣ того въ эту зиму я усердно слѣдила за газетами.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ Лео, кто подумалъ бы, что изъ романтической дѣвушки можетъ развиться политикъ? Но, разумѣется, серьезный умъ долженъ обратиться рано или поздно къ высшимъ вопросамъ, которые могутъ представиться человѣку; — а кто разъ заглянулъ въ загадочное лицо сфинкса, того приковываетъ какое-то обаяніе, онъ долженъ идти далѣе по опасному пути, долженъ подниматься выше и выше, какъ бы вороны и галки ни каркали вокругъ него, какъ бы грозно ни раскрывалась пропасть подъ его ногами.

Они остановились и посмотрѣли на старое великолѣпное зданіе. Изъ подъ огромныхъ подъѣздовъ свѣтились огни, освѣщавшіе просторные дворы; въ верхнихъ этажахъ тамъ и сямъ виднѣлось нѣсколько освѣщенныхъ оконъ; остальная часть громаднаго зданія стояла мрачная.

Знаешь, Сильвія, мы уже разъ встрѣтились, онъ и я. Встрѣча была не любезная, и, если я не ошибаюсь, въ этомъ ты была невиновата. Эта дѣтская сцена была довольно странна, да довольно странно и то, что тамъ на верху, быть можетъ, въ тѣхъ освѣщенныхъ окнахъ, живетъ наша родственница, которой мы не знаемъ, которая была съ самаго дѣтства его заботливою наставницею и, какъ я слышалъ, до сихъ поръ пользуется его

особеннымъ вниманіемъ и милостивымъ расположеніемъ. Ты никогда не видала ее, эту нашу тетку, Сильвія?

— Нѣтъ, никогда.

— Что еслибъ мы взошли на верхъ по широкимъ лѣстницамъ и приказали бы доложить о себѣ почтенной дамѣ? Она вѣрно поразсказала бы намъ много удивительнаго. Какъ ты думаешь, Сильвія?

Сильвія вздрогнула.

Они быстрѣе пошли дальше и скоро пришли въ ту улицу, гдѣ былъ домъ барона. Когда они подошли къ двери и Лео дернулъ звонокъ — женская фигура, слѣдовавшая за ними на нѣкоторомъ разстояніи отъ самого дома банкира, проскользнула близко мимо нихъ. Лицо ея было закрыто темнымъ вуалемъ, но она съ своей стороны легко могла разглядѣть лица Лео и Сильвіи, потому что на нихъ упалъ свѣтъ фонаря.

— Видѣлъ ты черную, закутанную фигуру? спросила Сильвія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лео.

Швейцаръ отворилъ дверь. Они подали другъ другу руки.

— Какая у тебя горячая рука, точно ты въ лихорадкѣ, замѣтилъ Лео.

— Сегодня вечеромъ я слышала много такого, что глубоко взволновало мое сердце.

— Отъ этого надо тебѣ отучиться, если мы, какъ я надѣюсь и желаю, теперь все чаще и чаще будемъ бесѣдовать о подобныхъ предметахъ. Истинныя страсти головныя, а не сердечныя страсти.

Онъ пожалъ ей руку; Сильвія быстро поднялась по ступенькамъ, которыя вели наверхъ отъ входной двери. Потомъ она обернулась и кивнула ему еще разъ. Свѣтъ фонаря прямо упалъ на ея блѣдное лицо. Она привѣтливо улыбнулась и поклонилась. Лео подумалъ о просвѣтленной возлюбленной, которая явилась въ тюрьмѣ заключенному Эгмонту и звала его за собою изъ земныхъ оковъ въ небесное раздолье.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Когда Лео, выйдя изъ передней, очутился посреди ночной темноты, прелестная, отрадная картина все еще представлялась его воображенію. Но скоро она изгладилась, при воспоминаніи о сценахъ въ домѣ Зонненштейна. Дружескія его отношенія къ либеральной партіи оканчивались и, быть можетъ, уже совершенно окончились. Хотя и въ этотъ разъ, какъ всегда, д-ръ Наулусъ рѣшительно объявилъ себя противъ уступокъ, которыя предполагалось сдѣлать партіи принца, при всемъ томъ докторъ, не раздѣлявшій того убѣжденія, что цѣль оправдываетъ средства, также не хотѣлъ ничего и слышать о дальнѣйшемъ распространеніи письма.

Погрузясь въ такія мысли, Лео и не замѣтилъ, что завернутая фигура, прежде прошедшая мимо него, опять за нимъ слѣдовала, и на поворотѣ ближайшей улицы Лео услышалъ сзади себя шорохъ женскаго платья. Онъ обернулся. Женщина также остановилась и откинула вуаль. То была Эва.

— Извините, господинъ докторъ, сказала она дрожащимъ отъ усталости или отъ волненія голосомъ. — Я была у васъ, чтобы попросить васъ пожаловать къ моей тетушкѣ, которая внезапно захворала и довольно серьезно. Мнѣ сказали, что вы были у Зонненштейна. Я отправилась туда, но пришла въ то самое мгновеніе, когда вы выходили изъ дверей въ сопровожденіи какой-то дамы. Я не смѣла васъ безпокоить и потому рѣшилась слѣдовать за вами.

Проѣзжалъ ночной извощикъ. Лео крикнулъ его, принудилъ Эву усѣсться и самъ помѣстился рядомъ съ нею. Дотронувшись до руки Эвы, онъ почувствовалъ, что рука эта была очень холодна и невольно вспомнилъ о той теплой ручкѣ, которую пожималъ еще такъ недавно. Онъ спросилъ Эву, что сталось съ ея тетушкой. Ужь не приключилась ли съ ней головная боль, которою она, какъ извѣстно было Лео, страдала довольно часто? Эва отвѣчала, что должно быть такъ, но что на этотъ

разъ болѣзнь приняла довольно серьезный характеръ. Сама Эва отъ страха не знала, что и дѣлать.

— Вы сами, по видимому, больны, милая Эва, сказалъ Лео, — ваша рука холодна и пульсъ бьется лихорадочно. Эва ничего не отвѣчала, но позволила Лео завладѣть своею рукою, и молодому доктору почудилось, будто онъ почувствовалъ легкое рукопожатіе. Вскорѣ затѣмъ они доѣхали до дворца. Эва сама отворила дверь и повела Лео чрезъ комнату, въ которой горѣла лампа, въ спальню, гдѣ на постели стонала и плакала больная.

Лео скоро убѣдился, что положеніе госпожи Липпертъ было далеко не похоже на прежніе болѣзненные припадки. Онъ прописалъ успокоительное питье, которое Эва хотѣла сама принести изъ ближайшей аптеки. Лео въ ожиданіи усѣлся на кровати.

Въ просторной комнатѣ былъ разлитъ грустный полумракъ, и отдаленные предметы изчезали въ совершенной темнотѣ. Гдѣ-то, посреди глубокой тишины, тоскливо стучали столовые часы; по временамъ раздавалось слезливое оханье больной. Потомъ она начала въ безсвязныхъ словахъ бредить о свѣжихъ лугахъ, по которымъ между ивами и ольхами изливались серебряные ручейки, о тѣнистыхъ лѣсахъ, которыхъ древесныя вершины были обвѣваемы свѣжими вѣтерками. Но вдругъ больная отчаянно зарыдала, и все громче, громче. Она ни въ чемъ не была виновата; вѣдь ребенокъ былъ мертвъ; за что же съ ней такъ безжалостно обращались? Зачѣмъ ее оставили умирать одну — одну?... За что она ни въ комъ не видѣла къ себѣ состраданія?

Лео прикладывалъ приготовленные имъ холодные компресы къ головѣ страдалицы. Ей, по видимому, отъ этого стало легче. Она всхлипывала все тише и тише. Вѣдь пожалѣлъ же ее какой-то ангелъ. Да, именно какой-то ангелъ, потому что люди жалѣть не умѣютъ.

О чемъ говорила эта женщина? О какомъ умершемъ ребенкѣ она вспоминала, говоря, что за него должна была расплатиться счастьемъ цѣлой своей жизни? Фердинандъ не былъ сынъ господина Липперта. Самому Лео, познакомившемуся съ людьми и обстоятельствами въ домѣ Липпертовъ, теперь это представ-

лялось совершенно вѣроятнымъ. Да, еслибы Фердинандъ и былъ сыномъ покойнаго министра,—вѣдь самъ-то Фердинандъ былъ еще живъ. Не имѣла ли эта несчастная женщина и другихъ дѣтей? Но отъ кого? Въ этомъ семействѣ присутствовала какая-то тайна, проглядывавшая въ тоскливой тишинѣ комнатъ, въ коварной улыбкѣ Линперта, въ боязливомъ выраженіи глазъ несчастной женщины. Призракъ какого-то мрачнаго воспоминанія, казалось, парившій среди бѣлаго дня въ обширныхъ, низкихъ комнатахъ, теперь среди молчаливой, угрюмой ночи, по видимому, сторожилъ у изголовья больной, которая вдругъ опять залилась слезами и начала кричать, чтобы у нея не отнимали ребенка,—ея единственное дитя, которое она не хочетъ убивать, но лелѣять, холить, и ни на кого не взвалитъ этой обузы.

Эва возвратилась съ лекарствомъ, Лео шепнулъ объ этомъ больной. Та успокоилась и склонила голову на бокъ, какъ бы желая соснуть. Лео просидѣлъ еще нѣсколько времени на постели, потомъ всталъ и послѣдовалъ за Эвой въ другую комнату, гдѣ сказалъ дѣвушкѣ, что теперь сдѣлать больше ничего нельзя, но что припадокъ уже уменьшается, ночь пройдетъ спокойно, а на завтра онъ опять навѣдается.

Они стояли у стола другъ противъ друга. Эва пристально глядѣла въ лицо Лео, и казалось не слышала его словъ, потому что отвѣчала совершенно безсвязно. Лео подошелъ ближе къ дѣвушкѣ и, взявъ ее за руку, сказалъ:

— Вы, милая Эва, также ложитесь отдыхать, чтобы мнѣ не пришлось завтра лечить здѣсь двухъ паціентокъ.

Эва удержала его руку въ своей и проговорила:

— Останьтесь на нѣсколько минутъ, еще не такъ поздно, а здѣсь—убійственная тоска.

Лео опять положилъ на мѣсто шляпу и усѣлся возлѣ Эвы за столъ, на которомъ лежала ея рукодѣльная работа. Эва шила очень усердно и очень много, съ тѣхъ поръ, какъ Лео замѣтилъ ей, что онъ не особенно жалуетъ женщинъ постоянно вооруженныхъ книгами, изъ которыхъ онѣ умѣютъ черпать не богъ-вѣсть какую премудрость.

— Вы видите, сказала она, указывая на работу,—я испол-

няю ваше желаніе, но вы должны научить меня умѣнію забывать при питьѣ мое положеніе, по крайней мѣрѣ насколько это возможно для меня за чтеніемъ.

— Развѣ вамъ нужно такъ забываться? спросилъ разсѣянно Лео.

— И вы это спрашиваете? отозвалась Эва съ тономъ упрека,—именно вы?

— Я хотѣлъ собственно спросить: развѣ это для васъ такъ трудно? — Но, ради Бога, Эва, что съ вами? продолжалъ Лео, когда Эва начала плакать, прижимая къ своимъ глазамъ платокъ,—что сталось съ вами? У васъ разстроены нервы, и вы бы хорошо сдѣлали, если бы легли въ постель, любезная Эва.

— Оставьте меня! вскричала дѣвушка, отстраняя его руки,— у васъ, также какъ и у другихъ, ледяное сердце! У васъ стало духа спрашивать, нужно ли мнѣ забыться, трудно ли для меня забыться! А вѣдь я вѣрила въ вашу дружбу...

Лео старался успокоить взволнованную дѣвушку, и это наконецъ ему удалось. Тихія слезы красавицы, которой роскошные волосы онъ приглаживалъ осторожной рукою, мертвая, казалось, подслушивавшая молчаливость комнаты, поздній ночной часъ—все это не могло не произвести нѣкотораго дѣйствія даже на сердце Лео. Онъ говорилъ нѣжнѣе, мягче, чѣмъ обыкновенно. Эва осушила слезы и сказала:

— Я конечно должна вѣрить, что вы ко мнѣ расположены,— я не знаю, что сталось бы со мной безъ этой вѣры. Но какъ мало вы знаете, что меня гнететъ, что я должна выстрадать. Вы сами находите, что въ послѣднее время силы моей тетушки замѣтно ослабѣли,—и если она умретъ, что-то меня постигнетъ? Она—единственная женщина, къ которой я, по крайней мѣрѣ, питаю довѣріе, если только не люблю ее въ строгомъ смыслѣ слова.

Къ дядѣ я не имѣю и не могу имѣть ни малѣйшаго довѣрія. Я и вамъ даже не могу всего разсказывать, — а дядя мой— нехорошій человѣкъ; онъ только передъ людьми прикидывается такимъ святошей, а когда мы одни дома, онъ совершенно не тотъ. Каждый вечеръ онъ уходитъ въ трактиръ и часто впродолженіи цѣлой ночи не является домой, а когда и возвра-

щается, то творитъ ужасныя вещи и оскорбляетъ мою тетушку. О, дядюшка мой — гадкій человѣкъ! Такъ въ комъ же я должна искать къ себѣ участія? Въ моемъ братѣ? Гдѣ онъ мой братъ? Я бы желала даже спросить, кто такой мой братъ? Я знаю объ этомъ теперь также мало, какъ и прежде, когда мы съ вами встрѣтились въ первый разъ,—помните ли вы еще Лео, — въ маленькой комнаткѣ въ Танненштедтѣ? Не забыли еще? Развѣ не тоже происходитъ предъ нашими глазами и теперь, что въ ту ночь? Моя больная мать лежала въ постели, какъ теперь тетка, а мы сидѣли другъ возлѣ друга за столомъ,—чтоь въ точь, какъ въ эту самую минуту. Ахъ, Лео, и вы были такъ хороши, съ вашими темными глазами, безпорядочно разбросанными черными кудрями и блѣднымъ лицомъ! Такой интересной наружности я еще до того вечера нигдѣ не встрѣчала и, кажется, откровенно созналась вамъ въ этомъ, потому что тогда я была своенравная дикарка и не умѣла скрывать своихъ ощущеній, чему научилась уже впослѣдствіи. А вы и тогда уже были такъ холодны и умны, какъ теперь,— не такъ ли, Лео?

Очаровательная улыбка засвѣтилась на роскошныхъ губахъ Эвы; она наклонилась ближе къ Лео и глубоко заглянула въ его глаза своими сѣрыми, влажными, блестящими глазками.

— Вы ошибаетесь, милая Эва, отозвался Лео,—я былъ тогда горячій, страстный мальчикъ, и ваши черты долго меня преслѣдовали. Не моя вина въ томъ, что безпощадная судьба такъ рано и такъ жестоко разсѣяла свѣжій цвѣтъ моей молодости. Не моя вина, что я сдѣлался съ лѣтами такимъ холоднымъ и умнымъ, а такимъ долженъ сдѣлаться всякій, вступающій въ борьбу съ людскимъ свѣтомъ. Но не будемте говорить обо мнѣ, Эва. Дѣло идетъ о вашей судьбѣ, которая—вы извините меня за это замѣчаніе,—какъ мнѣ кажется, рано или поздно будетъ навсегда соединена съ земнымъ жребіемъ Фердинанда.

При этихъ словахъ Эва отскочила назадъ.

— И вы это думали, вы, вы? пробормотала она,—о, какъ же вы плохо, какъ недостаточно вы меня знаете!

Она склонила голову на руку. Лео не могъ видѣть выраженія ея лица, но онъ слѣдилъ, какъ высоко поднималась грудь

дѣвушки и вспомнилъ о томъ восторгѣ, съ какимъ Фердинандъ говорилъ о красотѣ Эвы, при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, сказалъ Лео кротко.

Эва оставалась въ прежнемъ положеніи; только рука ея, придерживавшая голову, также начала дрожать. Лео повторилъ свои послѣднія слова и старался завладѣть другой рукою, лежавшею на груди Эвы. Дѣвушка поспѣшно отдернула эту руку.

— Вы не хотѣли меня обидѣть, шопотомъ проговорила Эва,— и однако обидѣли. Но я не могу на васъ сердиться: вы вѣдь меня не знаете. Но вы должны меня узнать; я погибла, если не позволю вамъ заглянуть въ сокровеннѣйшую глубину моего сердца. Послушайте: Фердинандъ никогда не будетъ моимъ мужемъ. Если я выйду замужъ за человѣка, который за свободу, приносимую мною ему въ жертву, не можетъ дать мнѣ богатства и блестящаго общественнаго положенія, то значитъ, я должна была безгранично любить этого человѣка. Я не люблю Фердинанда. При всей его красотѣ, онъ не опасенъ для моего сердца. Если бы я могла дать себя поймать въ такія нити, то давно бы уже въ нихъ попалась. Многіе сѣти для меня разставлены и такія, Лео, сѣти, отъ которыхъ дѣвушки въ моемъ положеніи и при моей страстной натурѣ, быть можетъ, не спаслись бы. Я страстная женщина, Лео, и я люблю блескъ и общественную высоту. Мысль подняться высоко надъ другими существами моего пола, забыть горечь моего дѣтства и молодости въ безбрежномъ морѣ избытка—эта мысль, Лео, заключаетъ для меня все могущество неотступнаго соблазна. И меня уже обольщаютъ, Лео, не шуточно обольщаютъ, и я непремѣнно попадусь въ эту ловушку, если вы меня не спасете.

При послѣднихъ словахъ Эва спустилась со стула къ ногамъ Лео. Ея голова склонилась на колѣни молодаго человѣка. Лео пытался ея поднять.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошептала она,—оставьте меня такъ, оставьте меня такъ!.. Вотъ мѣсто, мнѣ принадлежащее...

Лео находился въ довольно оригинальномъ настроеніи духа. Онъ наблюдалъ Эву такъ внимательно, и такъ много наслышался о ней отъ Фердинанда, что не могъ не признать ее спо-

собною къ искреннему выраженію чувства. Но теперь онъ, привыкнувъ руководиться по своему обыкновенію въ каждой бесѣдѣ правильной логической нитью, подмѣтилъ всѣ уловки, пущенныя въ ходъ Эвою, чтобы придти къ такому заключенію. Подозрѣніе, что Эва—съ незначительной или значительной примѣсью чувства все равно—старалась объ осуществленіи заранѣе разсчитаннаго по отношенію къ Лео плана, мысль, что она принудила его стать въ это неловкое положеніе и тѣмъ лишила его въ нѣкоторомъ смыслѣ свободы рѣшенія, — эти соображенія возмутили гордую, самобытную натуру молодаго человѣка и ту извѣданную внутреннюю силу, которая побуждала его неумолимо удалять отъ себя все, что назойливо къ нему привязывалось и заграждало его дорогу.

— Встаньте Эва, сказалъ онъ,—я думалъ, что мы съ вами можемъ объясниться, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, запутываться въ омутѣ неразрѣшимыхъ загадокъ.

Эва поднялась и быстро отступила на нѣсколько шаговъ назадъ. Выраженіе ея лица совершенно измѣнилось. Черты лица ея судорожно сжались; губы ея раздражительно подергивались, а глаза свѣтились враждебно-холоднымъ блескомъ.

— А, такъ вотъ оно что! громко вскричала она,—такъ вы, значитъ, любите эту надменную дуру, эту накрахмаленную куклу—дочку лѣсничаго! Съ чѣмъ васъ и поздравляю! Отъ всего сердца поздравляю!

Эва разразилась отрывистымъ, жесткимъ хохотомъ, котораго Лео не слышалъ отъ нея со времени своего прежняго знакомства съ ней въ ранней молодости.

Раздался стонъ больной.

— Пожалѣйте, по крайней мѣрѣ, вашу тетушку, сказалъ Лео сурово, но потомъ прибавилъ нѣсколько ласковѣе:

— Вы слишкомъ взволнованы, Эва. Ночные призраки васъ смущаютъ. Завтра мы оба будемъ спокойнѣе. Прощайте, Эва!

Эва все еще глядѣла на него, не сводя глазъ. Ея дрожащія губы что-то бормотали, но Лео не могъ разобрать ни одного слова. Затѣмъ она отвернулась и поспѣшно отправилась въ смежную комнату, гдѣ лежала больная. Лео слышалъ, какъ Эва запирала дверь на задвижку.

Еще одну минуту простоялъ онъ, глядя на стеклянную дверь въ которой изчезла Эва. Ему показалось, какъ будто портьера у двери зашевелилась, но онъ могъ и ошибиться. Эва положила въ свою рабочую корзинку его перчатки, которыми играла въ началѣ разговора. Когда Лео вынималъ изъ корзинки эти перчатки, ему попался подъ руки медальонъ, котораго роскошные брильянты заискрились моремъ огней при свѣтѣ лампы. Лео подавилъ пружинку. Медальонъ открылся, и Лео увидѣлъ миніатюрный портретъ принца.

— А вѣдь я чуть было ей не повѣрилъ, разсуждалъ Лео самъ съ собой, выходя на улицу и бросая послѣдній взглядъ на дворецъ, котораго неуклюжая масса, словно мрачная тайна дремала въ темнотѣ ночи.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Спустя нѣсколько недѣль—зима уже удалялась и весна еще не совсѣмъ привѣтливо поглядывала на землю изъ за ползущихъ по небу облаковъ—госпожа Ребейнъ сидѣла вечеромъ въ ея уютной комнаткѣ, расположенной между мастерскою и уборною. Былъ часъ девятый — часъ, въ который господинъ Ребейнъ, если не былъ чѣмъ нибудь задержанъ, возвращался изъ своей скромной пивной или изъ различныхъ засѣданій домой, чтобы напиться чайку съ своей супругой. Минуты ожиданія госпожа Ребейнъ имѣла обыкновеніе посвящать чтенію, сидя за чайнымъ столомъ, изобиловавшимъ разными хозяйственными сластями. Это было ея единственное, вполнѣ досужее время, утверждала она.

Дѣйствительно ли читала его супруга, или только воображала себѣ, что читаетъ—этого никакъ не могъ взять въ толкъ почтенный хозяинъ. Ему не было извѣстно ни одно обстоятельство, которое сколько нибудь обнаруживало бы вліяніе чтенія на мыслительное отправленіе его половины и между тѣмъ Ребейнъ, входя, каждый разъ могъ любоваться своей женой, дремавшей въ креслѣ надъ книгой.

— Мнѣ сдается, говорила она въ свое оправданіе, что если книга должна мнѣ понравиться, то для этого мнѣ нужно разика два вздремнуть надъ нею.

Но сегодня хозяйка не спала. Она читала и читала очень усердно. Круглые добродушные глаза ея внимательно глядѣли

сквозь большіе, вправленные въ роговой ободокъ очки въ книгу, которую она держала въ нѣкоторомъ отдаленіи возлѣ лампы, безостановочно пошевеливая толстыми губами. Ребейнъ удивился, даже перепугался, заставъ жену въ такомъ усердномъ умственномъ занятіи. Разумѣется, книга, которая могла измѣнить умственный обиходъ всей долголѣтней жизни, была особенное, исключительное произведеніе. Госпожа Ребейнъ была особенно заинтересована этой книгой, заинтересована болѣе всѣхъ другихъ людей, если вѣрить ея словамъ. Она видѣла, какъ книга эта возникала страница за страницей; каждое утро по уходѣ Вальтера въ училище, госпожа Ребейнъ накладывала на разбросанные на столѣ листы какіе нибудь тяжелые предметы, чтобы Вальтеръ, возвратясь домой, засталъ свои бумаги въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ. Не разъ видѣла она Вальтера за его литературной работой, когда приносила ему вечеромъ чай. Часто просыпаясь ночью, госпожа Ребейнъ слышала посреди мертвой тишины тихіе шаги и знала, что работа опять не позволяла Вальтеру отдыхать спокойно. Постепенно добрая старушка пришла къ тому убѣжденію, что изъ этихъ листовъ должна составиться, такъ сказать, книга книгъ, такая же большая, какъ самая объемистая библія или какъ толстые лексиконы, которые, къ немалому горю хозяйки, постоянно валялись по стульямъ и потому госпожа Ребейнъ была не мало разочарована, когда Вальтеръ подалъ ей два не очень жирные, красиво переплетенные томика.

Но все-таки то была книга, давно ожидаемая книга! На второмъ заглавномъ листѣ крупныя буквы выводили имя Вальтера и если бы въ душѣ доброй женщины терялось хотя малѣйшее сомнѣніе, то стоило только взглянуть на первый листокъ, гдѣ Вальтеръ написалъ собственноручно: авторъ, въ знакъ благодарнаго расположенія, посвящаетъ этотъ экземпляръ многоуважаемой госпожѣ Ребейнъ». Прочитавъ эти слова, добрая женщина залилась слезами восторга; и каждый разъ, когда она по вечерамъ открывала книгу, глаза ея на нѣсколько минутъ останавливались съ нѣжнымъ выраженіемъ надъ двумя-тремя довольно обыкновенными строчками.

Чтеніе подвигалось не очень быстро. Госпожа Ребейнъ во-

обще не имѣла обыкновенія торопиться и по отношенію къ этой милой книгѣ поспѣшность была бы даже преступленіемъ. При томъ же книга была очень мудрено написана, многое надобно было прочитывать по нѣскольку разъ, а тутъ опять нечаянно забудешь, какъ это героиня поссорилась съ своей матерью, такъ ужь лучше было рѣшиться опять начать чтеніе съ двадцатой главы. Но вѣдь это было нисколько не скучно. Времени у госпожи Ребейнъ было достаточно и теперь она была совершенно свободна отъ хлопотъ по хозяйству.

И такъ въ этотъ вечеръ она сидѣла и все читала, безъ устали читала. Очки спускались ниже и ниже по маленькому вздернутому носу, толстыя губы пошевеливались все усерднѣе, клокочущая вода переливалась чрезъ край самовара, хозяйка ничего не замѣчала и не слышала, что кто-то копошился за дверью въ полусумрачной передней и, наконецъ, взялся за ручку двери, которая вела въ комнату. Госпожа Ребейнъ ничего не слышала, пока передъ нею вошедшая женщина не произнесла нѣсколькихъ звуковъ, въ которыхъ хроническій кашель смѣшивался съ полуподавленнымъ плачемъ и изъ которыхъ едва-едва можно было разобрать имя: «Лизхенъ!»

Госпожа Ребейнъ вскочила въ испугѣ, взглянула пугливо изъ за своихъ массивныхъ очковъ на докучливую гостью и затѣмъ съ изумленіемъ вскрикнула. Съ этимъ крикомъ, въ которомъ прозвучало что-то похожее на имя «Іеттхенъ!», госпожа Ребейнъ быстро заключила посѣтительницу въ свои объятія.

Не скоро госпожа Ребейнъ могла очнуться отъ сильнаго волненія, въ которое ее привело внезапное появленіе сестры; кое-какъ оправившись, хозяйка съ смущеніемъ проговорила:

— Скажи, Іеттхенъ, ради самаго Господа, какимъ ты образомъ здѣсь? Ужь не умеръ ли твой мужъ?

Госпожа Урбанъ покачала головою и улыбнулась. Мысль, что ея мужъ, казавшійся во всѣхъ отношеніяхъ геркулесомъ сравнительно съ нею, могъ умереть прежде нея, показалась ей слишкомъ оригинальною. По улыбку на блѣдномъ, измученномъ лицѣ гостьи можно было бы сравнить съ бѣглымъ солнечнымъ лучемъ, нечаянно появляющимся въ пасмурный осенній день. Робкіе, заплаканные глаза опять налились слезами. Госпожа

Урбанъ пожала руки сестры, которыя все еще держала въ своихъ, и сказала:

— Ты вѣрно потому меня объ этомъ спросила, что я впродолженіи многихъ лѣтъ не осмѣлилась ни разу навѣстить тебя, Лизхенъ; но если бы ты знала...

— Ахъ, я все знаю, моя бѣдная, бѣдная Іеттхенъ, съ жаромъ сказала госпожа Ребейнъ, — но садись же, Іеттхенъ, ты вся дрожишь, твои руки холодны, какъ ледъ, платокъ весь измоченъ, бѣдняжечка! Развѣ дождь идетъ? А онъ даже и зонтика не позволяетъ тебѣ взять, варваръ!..

— Ахъ, не брани его, говорила всхлипывая госпожа Урбанъ,—у него и безъ того голова сильно озабочена, время ли ему подумать обо мнѣ. Мнѣ не запрещаютъ брать зонтикъ, когда я ухожу со двора; но сегодня вечеромъ я выбѣжала изъ дому съ такимъ страхомъ и поспѣшностью; не понимаю, какъ еще голова держится на моихъ плечахъ.

И бѣдная женщина схватилась руками за виски и озиралась кругомъ съ такимъ изступленіемъ, что госпожѣ Ребейнъ пришла страшная мысль, что ея сестра, благодаря оскорбительному обращенію мужа, лишилась разсудка.

— Ахъ, если бы хоть Ребейнъ пришелъ поскорѣе! вздохнула хозяйка изъ глубины сердца.

Честный портной, словно угадывая, какъ было необходимо его присутствіе, отворилъ въ эту самую минуту дверь и, при видѣ двухъ плачущихъ женщинъ, остановился на порогѣ, какъ громомъ пораженный. Госпожа тайная совѣтница Урбанъ — возлюбленная его сердца въ эпоху ранней молодости, жена человѣка, разбившаго счастье его жизни,—здѣсь, въ его комнатѣ—портной съ своей стороны нашелъ только одно объясненіе такому необычайному явленію.

— Онъ умеръ, что ли? сказалъ хозяинъ, поспѣшно подходя къ своей женѣ.

— Я сама объ этомъ спрашивала, отозвалась госпожа Ребейнъ,—но она говоритъ—нѣтъ, я сама ума не приложу, что такое приключилось.

— Ну, такъ дай же ей чашку чаю, да и мнѣ также, рѣшительно сказалъ Ребейнъ, бросая съ взволнованнымъ видомъ

свою шляпу на комодъ,—душевная стойкость, говоритъ д-ръ Паулусъ,— мужество — вотъ что главное. Остальное пойдетъ сносно.

Малорослый человѣчекъ бѣгалъ неровными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно повторяя себѣ, что въ этомъ странномъ положеніи онъ долженъ былъ сохранять спокойствіе. Наконецъ онъ подошелъ къ госпожѣ Урбанъ, схватилъ ея дрожащія руки и проговорилъ:

— Добро пожаловать, любезная госпожа... любезная Іеттхенъ, и если вы можете говорить, то объясните мнѣ, что васъ сюда привело, и будьте увѣрены, что я готовъ употребить всѣ мои усилія, чтобы помочь вамъ.

Потомъ онъ подвинулъ ногой стулъ, взялъ госпожу Урбанъ за обѣ руки, глядя на нее спокойными, сострадательными глазами, какъ добрый врачъ на тяжкаго больнаго, продолжалъ:

— Да, на сколько это отъ меня зависитъ. Говорите, какъ если бы... какъ если бы послѣднихъ двадцать пять лѣтъ еще не было. Правда, я немножко измѣнился, вы также перемѣнились, Іеттхенъ,—но душа моя осталась прежнею!

Госпожа Урбанъ улыбнулась—и на этотъ разъ почти счастливою улыбкою. Съ тѣхъ поръ, какъ Вальтеръ переселился изъ ея дома, она давно уже не слыхала такого добродушнаго голоса. Теперь она также припомнила себѣ, зачѣмъ сюда явилась.

— Его нѣтъ дома? спросила она.

— Кого.

— Вальтера.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ребейнъ, — сегодня онъ придетъ домой поздно. А что, вамъ хотѣлось бы его видѣть!

— Ахъ, да, очень, очень бы хотѣлось его видѣть. Мнѣ нужно передать ему очень важныя извѣстія. А между тѣмъ, я не смѣю долго оставаться внѣ дома.

— Такъ передайте мнѣ, что вы знаете, съ жаромъ вскричалъ Ребейнъ, — я другъ Вальтера, и онъ все узнаетъ отъ меня. Ну ободритесь же! Смѣлость города беретъ!

И госпожа Урбанъ пріободрилась и повела свой разсказъ.

Въ нынѣшній вечеръ — часа два тому назадъ, она сидѣла посреди темноты въ комнатѣ, которая была смежною съ кабинетомъ ея мужа. Вотъ приходитъ ея мужъ домой въ сопровожденіи одного господина, въ которомъ госпожа Урбанъ узнала начальника Вальтера—директора гимназіи Морица, жившаго на пріятельской ногѣ съ докторомъ Урбаномъ. Дверь комнаты была полуотворена; пришедшіе, думая, что въ темной комнатѣ никого не было, продолжали разговоръ, по видимому, завязавшійся еще на улицѣ. Госпожа Урбанъ охотно удалилась бы, но на это она не могла отважиться, и такъ какъ въ разговорѣ часто повторялось имя Вальтера, то она чувствовала, какъ будто какая-то тайная сила приковала ее къ мѣсту. Госпожа Урбанъ не шевелилась и чуть дышала. При всемъ томъ она слышала или понимала не все, что говорилось въ сосѣдней комнатѣ, но и услышаннаго было достаточно для того, чтобы наполнить сердце госпожи Урбанъ смертельнымъ страхомъ. Она слышала, какъ директоръ сказалъ: «этотъ господинъ давно уже сдѣлался мнѣ противнымъ, и теперь, къ моему немалому удовольствію, всѣ узнали, что это за гусь.» Затѣмъ директоръ, какъ показалось госпожѣ Урбанъ, сталъ читать отрывки изъ какой-то книги и при этомъ собесѣдники восклицали: ясно, что онъ богоотступникъ, — и прибавляли другія ужасныя обвиненія. Наконецъ директоръ сказалъ: и такъ, я могу совершенно спокойно начать съ нимъ расправу и быть увѣреннымъ въ вашей поддержкѣ? Конечно, конечно, отвѣчалъ мужъ госпожи Урбанъ: «я знаю этого молодца больше васъ и питаю къ нему непобѣдимое отвращеніе. Я съ радостью употреблю всѣ мои усилія, чтобы свернуть ему шею.» Это были послѣднія слова, слышанныя госпожею Урбанъ, которая чуть не умерла отъ ужаса и тревоги. Собесѣдники вышли изъ комнаты, а она—сама не зная, что дѣлаетъ— поспѣшила въ попыхахъ предупредить своего милаго Вальтера объ угрожающей ему опасности.

—. Боже мой, Боже мой, всхлипывала она, — я рѣшительно не знаю, что такое онъ сдѣлалъ, но во всякомъ случаѣ, онъ вовсе не такъ виноватъ, какъ они его выставляютъ. Прежде онъ обращался со мною такъ ласково, и я всегда молила Гос-

нода принять его подъ свое небесное заступничество. Я никогда не повѣрю, чтобы Богъ совершенно его оставилъ и попустилъ его сдѣлать какое нибудь ужасное преступленіе.

Госпожа Урбанъ сложила руки и полными слезъ глазами взглядывала то на сестру, то на зятя. Госпожа Ребейнъ сидѣла въ своемъ креслѣ неподвижно, погрузясь въ нѣмое отчаянье. Она вспомнила, что многое въ книгѣ было ею непонято и стала соображать, что, быть можетъ, именно въ этихъ мудреныхъ строкахъ были заключены тѣ преступныя мнѣнія, о которыхъ говорили ученые собесѣдники. При томъ же романъ, если разсудить хорошенько, самъ по себѣ безбожная книга. А между тѣмъ она радовалась, когда Вальтеръ писалъ свою книгу! Вотъ ужь и замѣшана въ богопротивномъ дѣлѣ!

Ея бѣдный мозгъ никакъ не могъ сладить съ этими ужасами; она залилась слезами и вскричала:

— Ахъ, Ребейнъ, помоги намъ, чтобы они и насъ туда не запутали, какъ тебя во время процесса коммунистовъ.

Ребейнъ хотѣлъ отвѣчать съ сердцемъ, но удержался и сказалъ:

— Вы также много смыслите, какъ... ну да все равно. Эти дѣла не вамъ понимать. Вальтеръ съумѣетъ самъ за себя постоять и дать отвѣтъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ; Вальтеръ ни отъ кого не прячется, и если мерз.... ну, да ладно—если они захотятъ свернуть ему шею, то увидятъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Да, да, адское чудовище, то-то былъ бы для тебя лакомый кусочекъ! Однако, ты напрасно точишь зубы...

Обѣ женщины съ удивленіемъ взглянули на взволнованнаго хозяина; Ребейнъ потиралъ лобъ. Дѣло это заинтересовало его сильнѣе, чѣмъ сколько онъ желалъ или смѣлъ дать замѣтить. Онъ немедленно хотѣлъ опять уйдти, чтобы отыскать Вольтера, но прежде надобно было проводить домой госпожу Урбанъ, которая уже встала и плотнѣе завернулась въ свой платокъ. Госпожа Урбанъ не хотѣла, чтобы зять ее провожалъ, но Ребейнъ настоялъ на своемъ. Они вышли вмѣстѣ изъ дому, и при этомъ въ груди честной хозяюшки невольно заговорило какое-то смутное чувство ревности.

На этотъ счетъ госпожа Ребейнъ могла бы быть совершенно спокойна.

Правда, ея супругъ находился въ какомъ-то странномъ смущеніи, молчаливо идя возлѣ своей робкой, пасмурной спутницы. У него была хорошая память, и онъ принялся соображать, что вотъ ужь минуло ровно двадцать шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ — также весеннимъ вечеромъ — провожалъ Іеттхенъ отъ одной изъ ея подругъ и дорогой сдѣлалъ любовное признаніе. Они шли по тѣмъ же самымъ улицамъ; у этого моста, въ тѣни конной статуи, влюбленные прильнули другъ къ другу первымъ поцѣлуемъ, и — какъ сегодня — тогда также свѣтила луна изъ-за легкихъ облаковъ и ея лучи скользили по темной поверхности рѣки. Ребейнъ все еще помнилъ это очень хорошо; онъ могъ припомнить себѣ слова, произнесенныя имъ или ею. Онъ не забылъ той отрады, которая тогда наполняла его душу, того горя, которое овладѣло имъ, когда Іеттхенъ ему измѣнила и прислала ему письменный отказъ продиктованный коварнымъ другомъ. Но теперь ему казалось, что все это приключилось не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ; и дѣйствительно то былъ другой — страстный молодой человѣкъ, видѣвшій земной рай въ парѣ любимыхъ глазокъ. Боже мой, Боже мой! Какъ глаза эти измѣнились! Гдѣ дѣвалась эта стройная, очаровательно блѣдненькая, хорошенькая дѣвушка! Къ этимъ перемѣнамъ Ребейнъ былъ уже приготовленъ своей женой, которая раза два видѣла свою сестру въ церкви издали, но онъ никогда не думалъ, чтобы перемѣны эти были такъ рѣзки. Нѣтъ, госпожа Ребейнъ могла оставаться совершенно спокойною! Не любовь наполняла сердце ея мужа, а состраданіе — состраданіе къ бѣдной слабой женщинѣ, доставшейся, словно голубка ястребу, въ жертву грубому, безпощадному эгоизму, — состраданіе не только къ этой женщинѣ, но къ слабому полу вообще, котораго нѣжныя плечи должны были, какъ полагалъ Ребейнъ, выносить болѣе тяжкое бремя изъ всей ноши человѣческихъ бѣдствій.

Ласково простился онъ съ госпожей Урбанъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея дома и затѣмъ поспѣшными шагами пошелъ

по почти опустѣвшимъ улицамъ, направляясь къ квартирѣ д-ра Паулуса, гдѣ Ребейнъ разсчитывалъ застать Вальтера.

— Да, да, бормоталъ портной дорогою, — вотъ настоящія рабыни новаго времени, особенно въ низшихъ классахъ. Но все таки зло существуетъ вездѣ, гдѣ поселилась ледяная безчувственность,—оно существуетъ, хотя и прикрыто блестящими формами. Кто болѣе женщинъ долженъ былъ бы сочувствовать распространенію свѣта, науки, животворныхъ законовъ любви и свободы? А между тѣмъ, онѣ-то, женщины, всѣхъ охотнѣе склоняютъ выю подъ ярмо тиранін и собираются подъ знамена обскурантизма. И все-таки какія благородныя ощущенія скрываются въ этихъ замученныхъ, оскорбленныхъ душахъ! Это несчастное существо изъ участія къ молодому человѣку, о которомъ ей неизвѣстно, вспоминаетъ ли онъ когда нибудь о ней, — который, по ея понятіямъ, быть можетъ, совершенно виновенъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ,—это жалкое существо отваживается его предостерегать, рискуетъ подвергнуться неумолимому мщенію своего мужа, который никогда не простилъ бы ей этого злодѣйскаго поступка, если бы что нибудь о немъ провѣдалъ. Странная смѣсь благоразумія и ограниченности, мужества и робкаго слабоумія, энергіи и безсилія! — Вотъ она, Лизхенъ, добрая, но темная женщина! она готова обвинить Вальтера, но въ случаѣ надобности рѣшилась бы пойти за него въ огонь и воду. Однако дѣло Вальтера—не шутка. Онъ предложилъ имъ бой, они приняли вызовъ,—пойдетъ потѣха. Ура!

Проходившій мимо ночной стражъ посовѣтовалъ восторженному человѣчку быть спокойнѣе, если ему не хочется попасть подъ караулъ. Знаемъ, тебя пріятель, подтвердилъ сторожъ. Сердце Ребейна вспыхнуло. Онъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать сопротивленіемъ всякое насиліе, въ какой бы формѣ и при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни проявлялось. Но сегодня вечеромъ онъ допустилъ исключеніе изъ этого общаго правила. Ребейнъ спѣшилъ переговорить съ Вальтеромъ, и уже представлялъ себѣ мысленно, какъ Вальтеръ огненными словами отстаивалъ себя передъ высшимъ учебнымъ начальствомъ и защищалъ святую свободу просвѣщенія и поэзіи. Ужь конечно теперь дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ то время, когда

портной Ребейнъ долженъ былъ отвѣчать на слѣдствіи въ присутствіи полицейскихъ властей...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ тотъ же вечеръ и въ тотъ же часъ фрейлейнъ Эмма и ея кузина Жозефа фонъ-Тухгеймъ сидѣли у камина въ салонѣ банкира. Эмма тономъ декламаціи читала брошюру, вышедшую нѣсколько дней тому назадъ и возбудившую въ политическихъ кружкахъ столицы большое вниманіе.

— Великолѣпно, очаровательно, не правда ли? вскричала Эмма, положивъ брошюру на мраморную плиту стоявшаго передъ нею маленькаго столика.

— Ты знаешь, милая Эмма, что я вѣдь не много смыслю въ этихъ вещахъ, небрежно отвѣчала Жозефа.

— Допустимъ, что ты ровно ничего не смыслишь, что я впрочемъ не думаю,—съ жаромъ сказала Эмма,—но уже одна прелесть слога должна была бы тебя привести въ восхищеніе. И притомъ эта непреоборимая сила убѣжденія — enfin, я нахожу, что это божественно, дивно хорошо. Профессоръ Шнейдеръ у насъ обѣдавшій сегодня, сказалъ, что никто еще не владѣлъ такъ искусно бичемъ ироніи, — никто, со времени Letters of Junius или Julius—право не знаю, какъ правильнѣе,—это видишь ли былъ знаменитый англійскій юмористъ, а когда онъ жилъ, кто его знаетъ. Такъ слышишь ли, никто!

— Въ самомъ дѣлѣ! проговорила Жозефа, поднимая вверхъ хорошенькія брови.

— Бичъ ироніи! А вѣдь, какъ хочешь, и это хорошо сказано! продолжала Эмма,—но это всегда такъ случается! Искра соединяется съ искрой; какъ часто я повторяла это сама себѣ, находясь въ обществѣ умнаго мужчины! Какъ часто мнѣ казалось, какъ будто я должна была громко вскричать: Anch'io son pittore! Ахъ умъ, умъ! Конечно между умомъ всегда есть разница. Но кто осмѣлился бы съ нимъ мѣряться!

— Съ кѣмъ? спросила Жозефа, съ трудомъ удерживая тихую зѣвоту.

Эмма принялась играть вѣеромъ и улыбнулась.

— Ну да вѣдь это всѣмъ извѣстная тайна, сказала она,— или какъ профессоръ Шнейдеръ довольно остроумно выразился: онъ отъ всего можетъ отречься, только не отъ самого себя. Вѣдь авторъ брюшюры—онъ, то есть я хочу сказать—д-ръ Гутманъ. Эмма старалась придать этимъ словамъ совершенно равнодушный тонъ, но въ глазахъ ея проглядывало любопытство, какъ-то кузина приметъ это извѣстіе. Дѣйствительно прекрасное, холодное лицо Жозефы нѣсколько оживилось.

— Это тотъ самый, сказала она, — который написалъ романъ, пріобрѣвшій на первыхъ порахъ повсемѣстную огласку.

— Совсѣмъ нѣтъ, вскричала Эмма, это его двоюродный братъ, молодой, незначительный человѣкъ, котораго я иногда встрѣчала у нашего дядюшки и который — между нами — ухаживаетъ за нашей умненькой кузиной нѣсколько оригинальнымъ образомъ. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ Генри говорилъ мнѣ, что романъ — ни то, ни се, также незначителенъ, какъ и его авторъ. Но этотъ д-ръ Гутманъ — но вѣдь ты его уже видѣла у меня — помнишь ли, нѣсколько недѣль тому назадъ, а можетъ быть и еще прежде? — Это вѣчное общественное разстояніе, не шутя, можетъ хоть кого сбить съ толку,— это преинтересный брюнетъ, котораго я тебѣ здѣсь... ахъ, вотъ, вотъ, теперь я хорошо припоминаю... еще послѣ того мы отправились на вечеръ къ Баху. Да ты вѣрно его не забыла!

Жозефа конечно не забыла встрѣчи съ Лео, но въ этомъ воспоминаніи для нея не было ничего отраднаго. Поэтому она отвѣчала, что къ величайшему ея сожалѣнію, она очень плохо помнитъ о разныхъ встрѣчахъ, особенно о такихъ, которыя ее нисколько не интересуютъ.

Эмма всплеснула пухленькими ручками, на которыхъ засверкали золотые браслеты. Ужь если Лео не интересенъ, то кто же, кто такой интереснѣе? Жозефа прервала восторженную дѣвушку, замѣтивъ рѣшительнымъ тономъ:

— Успокойся, милое дитя мое! Ты доказываешь своими собственными словами, что господинъ докторъ заинтересовалъ тебя собою и, какъ кажется, не на шутку. Но вѣдь о вкусахъ не

спорятъ. Признаюсь тебѣ все-таки, что я считала тебя болѣе взыскательною въ этомъ отношеніи.

Эмма прислонилась къ мягкой спинкѣ своего кресла и глядѣла на потолокъ полу-изнеможенными, полу-смущенными глазками.

— Впрочемъ, продолжала Жозефа, — ты сама вѣдь должна хорошо знать, что дѣлаешь. Богатство твоего отца — обстоятельство очень пригодное, и притомъ ты не такъ связана, какъ мы, несчастныя.

Лицо Эммы приняло такое выраженіе, какъ будто бы она глубоко сознавала, что не можетъ никакъ поправить дѣла и рѣшилась допустить несчастіе на себя обрушиться. Жозефа была во всемъ идеаломъ Эммы, но по части сердечныхъ зазнобушекъ дочь генерала фонъ Тухгейма была существо, въ высшей степени прозаическое.

— Святая свобода... начала Эмма, но не окончила своей фразы, потому что въ это самое мгновеніе въ комнату вошелъ ея братъ Альфредъ, сопровождаемый кузеномъ Генри.

Эти господа возвратились съ обѣда, послѣ котораго дессертъ, приправленный виномъ и игрою въ кости продлился, на довольно значительное время. Красныя пятна на щекахъ Альфреда были сегодня крупнѣе, чѣмъ обыкновенно, а въ глазахъ его замѣчалась зловѣщая стеклянная неподвижность. Въ расположеніи молодаго человѣка также не было никакихъ признаковъ веселости. Дѣйствительно, онъ выпилъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько могъ вынести его организмъ и проигралъ такъ много, что эта неудача была чувствительна даже для него, получавшаго отъ тщеславнаго папеньки довольно большія годовыя суммы. Генри, напротивъ, находился въ самомъ веселомъ ударѣ. Уже нѣсколько лѣтъ сряду онъ пилъ очень осторожно и сегодня въ игрѣ ему везло особенное счастіе. Слабый отблескъ свѣжей молодости замѣчался на его, все еще красивомъ лицѣ, и голосъ его звучалъ ясно и весело, когда онъ подошелъ къ дамамъ, сидѣвшимъ у камина, протянулъ имъ руку и опустился въ одно изъ креселъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи на кушеткѣ растянулся Альфредъ, угрюмо поглядывая на кончики своихъ лакирован-

ныхъ сапоговъ, которые были для него далеко не такъ удобны, какъ бы желалъ человѣкъ съ сильно разстроенными нервами.

— Вы опять возвращаетесь съ одного изъ вашихъ невоздержныхъ пировъ, вскричала Эмма, — желала бы я знать, что такое заманиваетъ туда васъ, вѣтрениковъ, просиживающихъ за столами отъ четырехъ и до девяти часовъ.

— Ah, mon Dieu! вскричалъ Генри со смѣхомъ, — мы разсуждаемъ о тщетѣ и непостоянствѣ всего земного и при этомъ выпиваемъ чару вина. Не такъ ли, Альфредъ?

Альфредъ простоналъ.

— Ахъ вы, мужчины, мужчины! сказала Эмма, — вы, цари природы, вы, все себѣ позволяющіе! Вы все захватываете себѣ, на все предъявляете притязанія, всюду возвышаете голосъ и въ насъ видите только игрушекъ своихъ прихотей. Преклоняться, пресмыкаться, вамъ постоянно льстить — вотъ наша милая жизненная задача. Горе намъ, если мы подумаемъ или даже...

— Осмѣлитесь заниматься политикой! прервалъ Генри, взявъ съ мраморнаго столика брошюру, которую Эмма прежде читала своей кузинѣ.—Каково! Наши умненькія головки умѣютъ интересоваться и вотъ этимъ! И въ добавокъ самой свѣженькой новостью. Вѣдь неправда ли, это тебя очень заинтересовало?

— Очень! сказала Эмма, но въ головѣ ея уже не звучала прежняя откровенность.

— Вещь понятная! Намъ эксцентричности нравятся. А вѣдь какъ, хочешь довольно эксцентрично освѣтить своего папеньку, своихъ постоянныхъ застольныхъ пріятелей бенгальскимъ огнемъ... Вѣдь это должно быть прелесть! Напримѣръ...

— Ахъ пожалуйста, Генри, пощади меня, сказала Жозефа, съ меня довольно и одного раза, да притомъ Эмма читаетъ великолѣпно.

— А если бы она знала, кто этотъ забавникъ, пускающій всѣ эти ракеты трескучаго остроумія, сказалъ Генри, перелистывая брошюру и ехидно улыбаясь.

— О, вскричала Жозефа, можешь ли ты думать, что о такомъ важномъ обстоятельствѣ уже не наведены справки! Какъ говоритъ профессоръ Шнейдеръ? Онъ можетъ отречься отъ всего, только не отъ самого себя. Такъ, что ли, Эмма?

Генри наморщилъ лобъ и съ нѣкоторой досадой выпустилъ изъ рукъ брошюру. Жозефа, по видимому, радовалась смущенію Эммы, которая взглядомъ какъ бы просила помощи у Альфреда, но братецъ, совершенно равнодушный ко всему, что происходило вокругъ него, безстрастно глядѣлъ на свои лакированные сапоги.

— Профессоръ Шнейдеръ, сказалъ Генри, — также принадлежитъ къ числу болтуновъ, имѣющихъ претензію на остроуміе и готовыхъ для краснаго словца отказаться отъ безсмертія, въ которое они впрочемъ не вѣрятъ. Въ обществѣ этихъ безтолковыхъ людей—настоящихъ каучуковыхъ чучелъ—ты, Эмма, испортишь и вкусъ, и характеръ.

— Мнѣ кажется, что и я, какъ ты, имѣю право сама выбирать для себя общество, запальчиво возразила Эмма,—не думаю также, чтобы знакомство съ графомъ Ребенштейномъ, котораго по уму всѣ считаютъ бараномъ, имѣло на твой характеръ особенно благотворное вліяніе.

— Ну это дѣло другое.

— Можетъ быть.

— Вамъ, друзья мои, конечно хотѣлось бы переговорить безъ помѣхи, сказала Жозефа, вставая съ мѣста и бросая взглядъ, выражавшій злую радость, на Эмму, которая не старалась ее удерживать. Жозефа вышла изъ комнаты и подарила улыбкой Генри, который отворилъ ей дверь.

— Ты могла бы и умолчать о Ребенштейнѣ, который притомъ приходится немножко съ родни Жозефѣ, сказалъ Генри, возвращаясь къ камину на свое мѣсто.

— А тебѣ не слѣдовало бы такъ говорить о Шнейдерѣ.

— Разница между нами только та, что я правъ, а ты сказала неправду. Я знаю, чего хочу, и потому-то знакомство съ Ребенштейномъ, который все же не заслуживаетъ своей худой славы, вредить мнѣ не можетъ. А ты...

— О, я также знаю, чего хочу, прервала его Эмма, и также хорошо, какъ и ты.

— Творецъ небесный! вскричалъ Генри. — вотъ это я въ первый разъ слышу! Ты знаешь, чего хочешь?

Съ которыхъ поръ, позволь тебя спросить? Нѣтъ, милая

Эмма, шутки въ сторону! Намъ пора объясниться на счетъ одного обстоятельства. Покровительствуя этому человѣку, котораго я считаю самымъ дюжиннымъ искателемъ приключеній, ты дѣлаешь себя не только смѣшною, но даже можешь навлечь на себя довольно серьезныя непріятности, отъ которыхъ я хотѣлъ бы предостеречь тебя, какъ твой добрый другъ.

— Онъ не искатель приключеній, всхлипывала Эмма, закрывъ лицо носовымъ платкомъ.

— Нѣтъ, я сказалъ совершенную истину, съ жаромъ замѣтилъ Генри,—пожалуйста ужь ты не учи меня узнавать людей! Онъ съ ногъ до головы авантюристъ и больше ничего. Это—политическій коноводъ, остающійся подъ своимъ знаменемъ только до тѣхъ поръ, пока въ виду для него имѣется хорошая пожива; притомъ это человѣкъ, привыкшій нагло пользоваться обстоятельствами. Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что онъ живетъ въ кредитъ, доставляемый ему знакомствомъ съ богатыми домами. Блестящее помѣщеніе, которымъ онъ такъ тщеславится, принадлежитъ маркизу де-Садъ, который былъ такъ глупъ, что, на время своего отсутствія, уступилъ ему свою квартиру, — и такъ, во всемъ, рѣшительно во всемъ. У меня съ нимъ свои особые счеты. Онъ — я это положительно знаю — сбиваетъ съ толку моего папашу и подстрекаетъ его къ ребяческой непріязни противъ твоего отца, противъ меня, противъ всѣхъ насъ. Ты, конечно, въ этомъ нисколько не виновата, ужь за это долженъ благодарить самъ себя твой папаша.

— Я думалъ, что въ вашей болтовнѣ вы пощадите хоть моего отца, сказалъ Альфредъ, лежавшій въ углу дивана.

Генри хотѣлъ что-то горячо возразить, но удержался, вспомнивъ, что обыкновенно апатичный Альфредъ съ жаромъ вмѣшивался во все, что относилось къ его отцу. Но Генри не прекратилъ своихъ нападокъ на Лео, который, вѣчно заграждая ему дорогу, когда жизнь сводила ихъ вмѣстѣ, посеялъ въ немъ безграничную къ себѣ ненависть. Теперь Генри, полагая, что настало время свободно высказаться на счетъ Лео, далъ полную свободу своимъ злобнымъ порывамъ. Сначала Эмма напрасно пыталась остановить грозные возгласы Генри, но

потомъ ограничилась тѣмъ, что заплакала на взрыдъ, закрывшись носовымъ платкомъ.

— Нечего сказать, пріятный послѣобѣденный отдыхъ, сказалъ Альфредъ, поднявшійся, зѣвая, съ своего дивана,—вы оба страшно надоѣли мнѣ, ты своими слезами, а ты Генри своимъ оглушительнымъ крикомъ. И притомъ, Генри, сознайся, что Лео потому тебѣ такъ ненавистенъ, что онъ тебя импонируетъ. Не надо, братъ, такъ откровенно разоблачать свою ревность.

— Я ревнивъ! Что ты за чушь городишь!

— Да, да, подтверждала Эмма, онъ ревнивъ и вотъ въ чемъ все дѣло,—онъ уже съ самаго начала ревновалъ къ Лео. Но какое же право я дала ревновать себя? Какое право онъ имѣетъ надо мной верховодничать?

— Имѣю честь быть твоимъ кузеномъ.

— Фу ты чортъ возьми! съ досадою вскричалъ Альфредъ,—да что же я послѣ этого долженъ дѣлать, я, которой довожусь ей братомъ? Нѣтъ, душа моя Генри, что скверно, то скверно. Ты просто на просто тиранишь Эмму. Альфредъ сегодня такъ много проигралъ Генри, что менѣе чувствовалъ себя въ зависимости отъ его вліянія. Когда и Альфредъ началъ на него нападать, Генри страшно разозлился. Послѣ нѣсколькихъ непріязненныхъ словъ, онъ взялъ шляпу и направился къ двери. Здѣсь онъ наткнулся на банкира.

— Что такъ скоро убѣгаешь, mon cher?

— Пусть тебѣ разскажутъ вотъ они, а мнѣ вовсе не хочется выходить изъ себя. Спокойной ночи!

Банкиръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на молодаго человѣка, потомъ взглянулъ вопросительно на Альфреда, который всталъ съ дивана и пожималъ плечами. Эмма все еще рыдала, закрывъ глаза носовымъ платкомъ.

—Да я право хорошенько и самъ не знаю, сказалъ шопотомъ Альфредъ,—они повздорили между собой: главнымъ предметомъ бесѣды былъ докторъ Гутманъ.

Банкиръ началъ озираться своими зоркими глазами, сверкавшими изъ-за насупившихся бровей. На маленькомъ столикѣ онъ увидѣлъ брошюру и могъ представить себѣ начало и весь ходъ ссоры также хорошо, какъ будто самъ былъ ея свидѣтелемъ.

— А ты, какъ поживаешь, голубчикъ?—сказалъ онъ обращаясь къ Альфреду,—у тебя что-то кислая физіономія.

— Мы были у Ребенштейна, отозвался молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Была маленькая битва? А!

— Гмъ, да.

— Проигралъ!

— Гмъ, да.

— Много?

— Гмъ, да.

— Ну, однако?

— Тысячу съ чѣмъ-то талеровъ.

Брови банкира опять сдвинулись.

— Въ послѣднее время тебѣ очень не везло. Ну, нуже дружокъ, продолжалъ онъ, — я говорю тебѣ не въ укоръ. Счастье нельзя заставить служить, особенно тебѣ это трудненько. Это дѣло обычное. Прикажи выдать себѣ завтра утромъ деньги, а теперь ложись спать, другъ мой. Ты въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ здоровъ, а у меня еще...

Банкиръ началъ искать глазами Эмму. Альфредъ всталъ, протянулъ отцу свою горячую руку и затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Опершись рукой о подбородокъ, банкиръ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, потомъ подошелъ къ Эммѣ и сказалъ:

— Эммочка!

Вмѣсто отвѣта Эмма еще горестнѣе зарыдала.

Отецъ придвинулъ себѣ стулъ.

— Полно тебѣ плакать, Эмма, дитя мое,—слезы ни къ чему не ведутъ, а хочу же мнѣ съ толкомъ разсказать то, что лежитъ у меня на сердцѣ, какъ не моей умненькой дочери?

Эмма отерла глаза и поглядѣла на отца съ благодарной улыбкой.

— Я выслалъ отсюда Альфреда, продолжалъ банкиръ, — онъ еще очень молодъ и не имѣетъ ни малѣйшей охоты толковать о дѣлахъ. Да это ему и не нужно. Лишь бы онъ съ честью представлялъ нашъ домъ—съ него и этого достаточно. Деньги,

которыя онъ проигрываетъ, употребляются съ пользою, повѣрь мнѣ. Но чѣмъ безпечнѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе мы съ тобой должны глядѣть въ оба. Ну, скажи же мнѣ, Эммочка, мое дитя, въ какихъ отношеніяхъ ты находишься съ Лео?

Эмма опять хотѣла приняться за слезы, но отецъ не допустилъ ее до такой уловки, замѣтивъ многозначительно: — это дѣловой вопросъ, Эммочка, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько и сердечный.

Эмма была дочь своего отца и понимала истину его словъ превосходно. Она положила платокъ возлѣ себя сбоку и отвѣчала:

— Ахъ, Боже мой, папа, въ какихъ отношеніяхъ! Вѣдь ты все знаешь!

— Я знаю, что я отрекомендовалъ его тебѣ, что просилъ тебя приласкать его и что ты, дѣйствительно, обращалась съ нимъ довольно ласково. Но теперь я хотѣлъ бы еще знать, интересенъ ли онъ въ твоихъ глазахъ и не дала ли ты ему какъ нибудь уже замѣтить, что онъ тебѣ не противенъ.

Такъ какъ Эмма медлила отвѣтить, то банкиръ продолжалъ:

— Ну, ну, я не стану тебя болѣе мучить вопросами, которые сами за себя даютъ отвѣты. Веселыя шуточки, любезные каламбуры, блестки остроумія, обоюдныя сладкія замѣчанія — быть можетъ, украдкою и рукопожатіе—знаемъ мы эти штуки. Это, разумѣется, никого и ни къ чему не обязываетъ, можно сразу положить конецъ всѣмъ этимъ любезностямъ — и вотъ именно на это я и хотѣлъ обратить твое вниманіе. Въ подобныхъ вещахъ молоденькія дѣвушки обыкновенно поступаютъ безъ должной разсудительности. Этимъ я вовсе не хочу сказать тебѣ, чтобы ты прервала съ нимъ всѣ сношенія. Вопросъ мой скорѣе принимаетъ такого рода форму: читала ли ты брошюру, которую я тебѣ далъ вчера? Да? Ну, вотъ видишь ли, написавши ее, докторъ совершенно разошелся съ нашей партіей. Я на него за это нисколько не сержусь и даже нахожу, что это очень понятно. Но для человѣка въ моемъ положеніи умѣренный либерализмъ, быть можетъ, самая удобная политическая доктрина. Докторъ—дѣло другое. Онъ можетъ пускаться и въ крайности. Вопросъ о рабочихъ опять выходитъ на пер-

вый планъ. Я не сомнѣваюсь, что докторъ захочетъ взяться за этотъ вопросъ, хотя бы даже только для того, чтобы этимъ путемъ достигнуть самаго высокаго общественнаго положенія. Можетъ быть въ настоящую минуту онъ болѣе ни о чемъ не думаетъ, какъ объ аттакѣ на насъ и въ частности на меня. Ты молода, хороша собой, имѣешь преострую головку, привлекательныя манеры—нечего тебѣ краснѣть, Эммочка,— но и это не помогло, бы тебѣ если бы твой отецъ не былъ богатый человѣкъ.

Банкиръ сталъ ходить по комнатѣ, потомъ опять остановился передъ своей дочерью и сказалъ:

— Однако ни въ какомъ случдѣ не слѣдуетъ обращаться съ нимъ слишкомъ рѣзко и приводить его въ сильное раздраженіе, какъ хочетъ д-ръ Паулусъ. Въ особенности я не долженъ такъ поступать до тѣхъ поръ, пока во мнѣ сохранится надежда, что въ исторіи съ барономъ онъ окончательно не приметъ мою сторону. И поэтому-то я хотѣлъ тебя просить, Эммочка, дитя мое,—будь осторожна въ твоемъ поведеніи относительно доктора, такъ осторожна, какъ будто бы ты наливала вино въ тоненькую соломенку, не желая его пролить. Будь къ нему привѣтлива, но брось весь этотъ любовный вздоръ, какъ только настанетъ минута разорвать всѣ сношенія съ этимъ человѣкомъ. Завтра утромъ напиши ему одну изъ твоихъ умненькихъ записочекъ и пригласи его къ обѣду. Намъ нужно быть entre nous, понимаешь ли ты? Пожалуйста, обдѣлай это какъ можно получше, Эммочка, котеночекъ мой. Брошюру я, конечно, уже могу взять съ собою. Это удивительный человѣкъ. Ну, спи же спокойно, милое дитя!

Банкиръ поцѣловалъ свою дочь въ лобъ. Въ двери онъ опять остановился.

— Ахъ, да, я еще хотѣлъ тебѣ кое-что сказать, Эммочка! Не будь такъ сурова къ Генри. Конечно, онъ не легко отъ тебя откажется, все же не хорошо быть къ нему такою взыскательною. Онъ уже и потому для меня довольно противенъ, что я долженъ щадить его батюшку. Что прикажешь дѣлать! Не все творится по нашему желанію.

Банкиръ вздохнулъ, послалъ своей дочери поцѣлуй рукою и

вышелъ. Эмма не долго просидѣла у камина. Уединеніе ей было не по сердцу, въ особенности когда въ головѣ ея тѣснились разнообразныя мысли, какъ было сегодня вечеромъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ она знала по собственному опыту, у нея былъ одинъ, всегда услужливый утѣшитель — сонъ. При томъ же сегодня самый долгъ дочерней любви какъ бы требовалъ лечь спать въ одиннадцать часовъ, вопреки обыкновенію. Это вполнѣ согласовалось съ ролью разсудительной дѣвушки,— ролью, которую назначилъ ей папаша. Эмма позвонила горничную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На письменномъ столѣ Лео горѣла лампа. Этотъ красивый столъ, сдѣланный изъ массивнаго, дубоваго дерева и украшенный богатою рѣзьбою, былъ заваленъ книгами, брошюрами, газетами, письмами и разнаго рода бумагами. На маленькомъ столѣ возлѣ рабочаго кресла были въ порядкѣ подобраны всѣ бумаги, поступившія въ теченіи дня. Слуга зналъ, что самая строгая аккуратность и порядокъ были ненарушимымъ закономъ его господина и также должны были быть его собственнымъ закономъ. Заслышавъ стукъ подъѣзжающаго экипажа, слуга вытеръ еще свѣтлѣе лампу, бросилъ зоркій взглядъ вокругъ себя и затѣмъ уже поспѣшилъ на встрѣчу своему господину, чтобы въ передней снять съ него излишнее платье. Войдя въ комнату, Лео прошелся по ней нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Съ одиннадцати часовъ утра и до сихъ поръ онъ былъ въ непрерывномъ движеніи, и только на самое непродолжительное время оставался въ одномъ отелѣ, гдѣ пообѣдалъ на скорую руку. То былъ отдыхъ, который разрѣшилъ себѣ Лео, съ самыхъ раннихъ лѣтъ не привыкшій отдыхать, — для этого у Лео никогда не хватало времени, а теперь менѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде.

Лео сѣлъ за письменный столъ и сначала перебралъ письма, поступившія во время его отсутствія.

Прежде всего онъ прочиталъ три письма — отъ коммерціи совѣтника Винклера, книгопродавца издателя Трейбеля и банкира Нейдгардта,—которыя почти, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, извѣщали его, что они привыкли видѣть въ своемъ домашнемъ врачѣ также друга дома, и очень опечалены, что въ немъ общество можетъ даже подозрѣвать автора брошюры: «что они сдѣлали и что должны были бы сдѣлать».

— И такъ далѣе, и такъ далѣе, пробормоталъ Лео, — я всегда ожидалъ, что они отъ меня отрекутся. Пусть будетъ такъ! Это лучшее доказательство, что мой бичъ чувствителенъ, но я буду карать васъ и скорпіонами! А это что такое? «Если вы авторъ брошюры, какъ вездѣ носятся слухи, то почему же вы не назовете себя открыто? Вы не то, что я — голосъ изъ народа, имѣющій право оставаться безъимяннымъ. Или вы страшитесь вашихъ враговъ въ то самое мгновеніе, когда выставляете ихъ на позоръ предъ нашими глазами? Неосновательное опасеніе! Неизвѣстный».

Лео опустилъ голову на руку.

— Какъ здѣсь горячо! Костеръ наваленъ высокою горою. Одна маленькая искорка,—и онъ вспыхнетъ яркимъ заревомъ. Съ Туски и подобныхъ ему этого было бы совершенно достаточно. Только тотъ, кто разсчитываетъ на свои силы, чтобы создать свѣтъ, можетъ отваживаться его разрушать. Какъ мало могутъ сдѣлать различныя разрушительныя силы, работающія посреди хаотическаго шума, во взаимномъ разладѣ, при враждебномъ столкновеніи одна съ другою,—это я знаю по собственному опыту. Мнѣ очень жаль васъ, господинъ неизвѣстный. Я не могу вамъ помочь такъ, какъ вы этого желаете.

Это что за раздушенная записочка?

«Мой несговорчивый другъ! зачѣмъ вы, подобно разгнѣванному сыну Пелея, скрываетесь въ вашемъ шатрѣ? Зачѣмъ не являетесь, по крайней мѣрѣ, ко мнѣ?

Кто вашъ Патроклъ? Завидую ему. Или вамъ совершенно не нужно общество сочувствующей души, въ особенности теперь, когда о васъ такъ много говорятъ хорошаго и дурного. Конечно, мы съ нашей вѣримъ только первому. Ахъ, если бы вы знали, какъ отецъ мой къ вамъ расположенъ!

Докажите же, что вы не совсѣмъ пренебрегаете нашей дружбой къ вамъ и отобѣдайте завтра вмѣстѣ съ нами въ обыкновенное время. Мы будемъ совершенно entre nous.

Искренно расположенная къ вамъ Эмма З.

Лео улыбнулся.

— Вишь какъ прикидываются! Натурально, для нихъ это самая удобная роль, пока они не могутъ меня свалить съ ногъ. А она позволяетъ себя употреблять, какъ приманку! Стыдитесь, фрейлейнъ Эмма! Дама съ такими претензіями на умъ и проницательность, и быть такой грубо безтолковой дѣвчонкой! Фи!

Онъ бросилъ презрительно отъ себя прочь розовую бумажку и взялъ другое письмо, которое положилъ прежде внизу всѣхъ бумагъ, какъ бы думая, что оно могло подождать своей очереди.

«Я читала твою брошюру. Она, какъ я ожидала, написана смѣло и рѣзко.

«Сегодня около полудня мнѣ пришлось играть роль въ довольно странномъ происшествіи. Я возвращалась отъ... и часть дороги должна была пройти чрезъ паркъ. Передо мною шла какая-то пожилая дама, которую велъ подъ руку слуга; по широкой дорогѣ, направлявшейся возлѣ тропинки, тихо ѣхала карета. Такъ какъ я шла, разумѣется, скорѣе дамы, то чрезъ нѣсколько минутъ нагнала ее, и когда взглянула на ея лицо, то право не знаю почему — вдругъ живо припомнила себѣ твою наружность, но я старалась, хотя и съ трудомъ, скрыть свое изумленіе, которое было замѣчено и дамою, и идти далѣе.

«Не успѣла я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ по другой дорогѣ, пересѣкающей широкую подъ прямымъ угломъ, прискакалъ всадникъ. Не знаю, что такое случилось, но вдругъ позади себя я услышала крикъ. Обернувшись, я увидѣла, что старая дама лежала на землѣ, слуга опустился передъ своей госпожей на колѣни, тогда какъ всадникъ готовился сойти съ подымавшейся на дыбы лошади. Я поспѣшила туда. Къ счастію, пожилая дама осталась цѣлою и невредимою. Лошадь за-

дѣла ее грудью за плечи и повалила съ ногъ. Всадникъ — замѣчательно красивый молодой человѣкъ—разсыпался въ самыхъ усердныхъ, безсвязныхъ извиненіяхъ, но видя, что здѣсь не приключилось никакого серьезнаго несчастія,—не дожидалъ долго, бросился на своего коня и предоставилъ мнѣ и слугѣ пособить еще полубезчувственной дамѣ сѣсть въ ея экипажъ. Я помѣстилась вмѣстѣ съ нею, потому что не могла оставить ее въ такомъ состояніи и приказала кучеру какъ можно скорѣе ѣхать домой. Мы пріѣхали въ городъ. Стукъ колесъ по мостовой заставилъ даму очнуться. Она поблагодарила меня въ очень любезныхъ словахъ и при этомъ глядѣла на меня съ такимъ же удивленіемъ, съ какимъ я прежде взглянула на нее въ паркѣ.

«Разговорившись съ ней, я не обращала вниманія, куда мы ѣдемъ. Выглянувъ изъ окошка, я увидѣла, что мы находились у замка. Экипажъ въѣхалъ во дворъ и остановился у одной двери боковаго флигеля. Сердце у меня сжалось отъ ужаса. Я знала, кто такова была дама, хотя она и не назвала себя, но тѣмъ болѣе изумилась она сама, когда я въ сильномъ замѣшательствѣ произнесла свое имя. Затѣмъ я бросилась вонъ изъ кареты, но до сихъ поръ не могу себѣ припомнить, какимъ образомъ я вышла изъ двора замка.

«Теперь я сама стыжусь своей ребяческой робости. Грустно сказать, но человѣкъ рѣдко бываетъ способенъ отдѣлаться отъ предразсудковъ и предубѣжденій. Суевѣрный страхъ, который намъ, дѣтямъ, съизмала внушали къ этой «тетушкѣ въ замкѣ» и только тѣмъ, что говорили о ней рѣдко и каждый разъ въ особенно элегическомъ тонѣ,—этотъ страхъ еще до сихъ поръ живетъ въ моей душѣ—а вѣдь я называю себя свободномыслящимъ существомъ! Но развѣ я старалась когда нибудь заглянуть въ жизнь, постичь характеръ этой безспорно-замѣчательной женщины? И я осуждаю ее, не выслушавъ, я пугаюсь ее, какъ глупый ребенокъ пугается какого нибудь сказочнаго страшилища. Если это не предразсудокъ, то что же слѣдуетъ называть предразсудкомъ?

«Помнишь ли ты, Лео, какъ мы разъ вечеромъ проходили мимо замка—въ нѣсколькихъ окнахъ верхняго этажа горѣлъ

тусклый свѣтъ и ты шутя спрашивалъ, не сдѣлать ли намъ визитъ «тетушкѣ въ замкѣ». Ты назовешь меня, пожалуй, романтической мечтательницей, — но что если старый замокъ съ его вельможными обитателями также будетъ играть роль въ твоихъ смѣлыхъ политическихъ планахъ? Я стояла у порога двери, которая ведетъ въ тѣсный лабиринтъ и не переступила чрезъ этотъ порогъ. Я упустила случай, который, быть можетъ, никогда не представится. Тезей и Аріадна!! Нѣтъ, если еще существуютъ герои, то героини давно уже перевелись! Смѣйся надо мной! Я вполнѣ это заслужила такъ или иначе»...

Это письмо было безъ подписи.

Лео выпустилъ его изъ рукъ; потомъ онъ всталъ и, скрестивъ на груди руки, медленными шагами сталъ ходить по комнатѣ.

— У ней голова и энергія мужчины, пробормоталъ онъ.

Потомъ онъ болѣе и не думалъ о Сильвіи. Онъ переступилъ чрезъ порогъ, передъ которымъ она остановилась. По длиннымъ корридорамъ и обширнымъ заламъ онъ вошелъ въ пышный чертогъ и остановился передъ человѣкомъ съ поникшей головой; Лео плѣнилъ эту голову силою своего ума, могуществомъ своего слова, онъ—властелинъ властелина!

— Его называютъ слабохарактернымъ человѣкомъ, можетъ быть, это и правда; однако онъ не разъ уже доказалъ, что можетъ одушевиться идеей. Именно такой человѣкъ мнѣ и нуженъ. Глупецъ не понялъ бы меня, самостоятельный человѣкъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова захотѣлъ бы выставлять мнѣ свое упрямство твердостью характера. Нѣтъ, вотъ человѣкъ, который, какъ глина въ рукахъ артиста, мягокъ, гибокъ, податливъ и... непроченъ. Но что же изъ того? Вѣдь это будетъ продолжаться не вѣчно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ многое, очень многое можно сдѣлать. Однако, вѣдь это только сонъ, а пристало ли мнѣ возиться съ сновидѣніями.

Онъ опять подошелъ къ письменному столу и опустилъ письмо ко многимъ другимъ, писаннымъ тѣмъ же почеркомъ, въ ящикъ, который Лео заперъ. Потомъ онъ опять сѣлъ. Чтеніе писемъ было окончено. Но это что такое? Онъ вынулъ изъ пакета брошюру, которая заключала въ себѣ не болѣе

листа и, повидимому, только-что вышла изъ типографіи. Бумага была еще влажна. Лео взглянулъ на заглавіе: «чѣмъ бы онъ могъ быть и что изъ него вышло».

Лицо Лео искривилось бѣглой конвульсіей. Это былъ отвѣтъ на брошюрку Лео, — отвѣтъ, который, оставляя въ сторонѣ предметъ, былъ, очевидно, направленъ противъ самой личности Лео. Кто могъ отважиться на это нападеніе? Такъ вотъ оружіе, которымъ борется эта партія,—эти герои принциповъ, эти добродѣтельные краснобаи!

Онъ началъ читать, и при этомъ лицо его становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ ошибся. То было нападеніе, направленное не противъ его личности, по крайней мѣрѣ, не противъ дѣйствительнаго Лео, а только противъ идеальнаго Лео, противъ человѣка, который обладаетъ такими дарованіями, держится такихъ воззрѣній, какъ настоящій Лео, и такъ пишетъ, какъ писалъ Лео. Въ авторѣ брошюры: «что они сдѣлали и что должны были бы сдѣлать»—говорилось въ этомъ отвѣтѣ — мы видимъ безспорно блестящаго представителя цѣлаго класса человѣческихъ существъ—тѣхъ энергическихъ людей, которые, наскучивъ негодностью матеріала, изъ коего они должны были бы возводить зданіе, и медленностью работы, поступаютъ такъ, какъ тѣ баснословные средневѣковые строители, которые, для ускоренія дѣла, хотѣли поручать дьяволу постройку ихъ замковъ и храмовъ. По дьяволъ не можетъ сладить съ этимъ порученіемъ, все побѣждается только человѣческимъ терпѣливымъ трудомъ. Возведенныя ночью громады обваливаются на слѣдующее утро. Что сдѣлано тысячью рабочихъ рукъ при медленномъ упорномъ трудѣ, то считаетъ свое существованіе вѣками. Мы охотно соглашаемся съ авторомъ, что фундаментъ, на которомъ мы строимъ, очень узокъ, мы должны ввести въ нашъ планъ всѣ слои народа, но пусть авторъ приметъ въ соображеніе, что чѣмъ шире фундаментъ, тѣмъ медленнѣе работа. Если онъ сообразитъ это — сообразить это онъ совершенно способенъ—тогда онъ не будетъ такимъ, какимъ онъ сдѣлался теперь—агитаторомъ, который еще болѣе увеличиваетъ неурядицу, тогда онъ будетъ однимъ изъ тѣхъ зодчихъ, которымъ Богъ позволилъ созерцать въ духѣ все во-

личіе завершеннаго дѣла и которые все-таки не гнушаются учить рабочихъ, какъ надобно разламывать камни».

— Вотъ онъ весь на лицо, какъ живетъ и мыслитъ, вскричалъ Лео съ громкимъ смѣхомъ, — Паулусъ Камнеломъ, вотъ самая приличная для него кличка! Такъ я и озаглавлю мою слѣдующую брошюру. Неизвѣстный совершенно правъ. Мнѣ нельзя болѣе оставаться въ тѣни. Притомъ это былъ мой первый непріязненный выстрѣлъ. Я хотѣлъ только нарушить ихъ лѣнивый покой.

Онъ принялся за вечернія газеты.

— Совѣщанія ландтага,—ну, это старый хламъ.

Онъ опять взялъ газету. Привычнымъ взглядомъ онъ пробѣжалъ длинные столбцы. Вдругъ глаза его остановились на нѣсколькихъ строчкахъ:

«Только-что мы узнали, что сегодня пополудни были конфискованы у издателя остальные экземпляры вновь вышедшаго романа, принятаго публикой съ большимъ сочувствіемъ, и что уже производился допросъ автору романа — молодому и всѣми уважаемому учителю въ здѣшней гимназіи.

«Очень многіе взгляды, выраженные въ книгѣ, найдены неблагонамѣренными и даже автору, какъ говорятъ, грозитъ процессъ за все направленіе книги, враждебное религіознымъ вѣрованіямъ и общественному порядку.

Лео уже во второй разъ перечитывалъ эти строки, когда вошелъ слуга съ докладомъ, что какой-то господинъ, заходившій сюда уже два раза сегодня, желаетъ говорить съ господиномъ докторомъ.

— Мнѣ непремѣнно нужно съ тобой переговорить, Лео, сказалъ Вальтеръ, входя въ дверь и отстраняя слугу, — мнѣ это необходимо; ты, конечно, можешь удѣлить мнѣ четверть часа времени.

Вальтеръ произнесъ эти слова взволнованнымъ голосомъ и въ лицѣ его также отражалась сильная внутренняя тревога.

— Я уже прочиталъ объ этомъ кое-что въ это самое мгновеніе, сказалъ Лео, перенося лампу съ своего рабочаго бюро на столъ передъ диваномъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ Вальтеръ.

— Да вонъ посмотри въ вечернемъ нумерѣ.

— Ты о чемъ говоришь?

— Ну, разумѣется, о твоемъ столкновеніи съ нашими постановленіями о печати.

— Ахъ, да, сказалъ Вальторъ, я, право, объ этомъ совсѣмъ и не думалъ. Меня привело къ тебѣ — сегодня я былъ у тебя уже два раза—собственно письмо, которое я получилъ утромъ сегодня отъ отца — вѣдь насъ никто не слышитъ? — и которое содержитъ въ себѣ кое-что, внушающее мнѣ самое мучительное безпокойство. По поводу этого-то письма я и хотѣлъ получить отъ тебя кое-какія свѣденія. Дѣло касается барона. Отецъ пишетъ слѣдующее: «но что еще болѣе меня тревожитъ» — онъ говорилъ о тетушкѣ Мальхенъ, которая въ послѣднее время начала часто хворать — «такъ это нѣкоторые признаки, заставляющіе меня опасаться, что дѣла моего добраго господина по имѣніямъ идутъ не такъ, какъ имъ слѣдовало бы идти. Онъ не только совершенно издерживаетъ всѣ тѣ довольно значительныя суммы, которыя я могу высылать ему изъ доходовъ, — такъ что на управленіе землями остается только самое необходимое, а часто нѣтъ даже и того, — но онъ требуетъ все болѣе и болѣе, выходитъ изъ терпѣнія, когда я нахожусь вынужденнымъ сообщать ему, что я сдѣлалъ все, что могъ, что моя касса пуста. Вчера онъ приказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ строчкахъ, выраженныхъ довольно сухо, продать на срубъ буковую рощу на Финкенбергѣ, нашу гордость, — то есть капиталъ, который чрезъ тридцать лѣтъ на худой конецъ обратился бы въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ, сбыть сегодня за пятнадцать тысячъ. Но это еще не все. Я узналъ, что онъ къ прежнему и безъ того высокому залогу на Фельдгеймъ согласился еще и на новый, также довольно значительный, — и въ то же время баронъ краткимъ дѣловымъ слогомъ сообщаетъ мнѣ, что онъ духовнымъ завѣщаніемъ отказываетъ домъ лѣсничаго, съ принадлежащимъ къ нему садомъ, лугами и усадьбами мнѣ, вамъ и вашимъ дѣтямъ на вѣчныя времена! Ну что я долженъ заключить изъ всего этого. Я еще не говорилъ объ этомъ ни съ кѣмъ, но страхъ мучитъ меня, я долженъ кому нибудь открыться, но кому же, кромѣ тебя? Тебѣ всего

легче меня увѣдомить и, быть можетъ, успокоить. Вѣдь ты часто бываешь у него въ домѣ. Не замѣтилъ ли ты тамъ чего нибудь необычайнаго? Можетъ быть, ты развѣдаешь что нибудь отъ Лео. Онъ, какъ ты самъ мнѣ пишешь, часто бываетъ у барона и пользуется его особеннымъ довѣріемъ. Пожалуйста, объяснись съ Лео, какъ самъ найдешь за лучшее!»

Вальтеръ сложилъ письмо; при этомъ рука его дрожала. Онъ взглянулъ на Лео, и такъ какъ Лео не произносилъ ни слова, то Вальтеръ продолжалъ:

— Ты видишь, Лео, что отецъ думаетъ, будто между мной и... и ими все осталось по старому. Онъ не знаетъ, что я уже нѣсколько недѣль сряду не бывалъ тамъ. Кромѣ нѣсколькихъ строчекъ я не имѣю отъ фрейлейнъ Шарлотты никакихъ извѣстій. Амелія мнѣ не пишетъ, потому что я этого не желаю, а Сильвія, кажется, совсѣмъ меня забыла. Тебя же я вижу теперь рѣдко. Я не могу написать отцу ничего успокоительнаго, я точно стою передъ какою-то роковою загадкою. Быть можетъ, ты знаешь больше и, судя потому, что я наслышался о твоемъ дружескомъ знакомствѣ съ барономъ, ты даже долженъ знать больше. Дѣйствительно ли его дѣла находятся въ такомъ шаткомъ положеніи?

Вальтеръ пристально взглянулъ въ лицо Лео, который поправлялъ лампу.

— Ты спрашиваешь меня о томъ, на что я не могу дать тебѣ обстоятельнаго отвѣта, отозвался онъ, — баронъ совѣтовался со мною по дѣлу Зонненштейна, но и этимъ уже очень много сказано. Мы говорили постоянно объ этомъ дѣлѣ и теоретически обсуждали нѣкоторые экономическіе и политическіе вопросы, имѣющіе сюда отношеніе. О его личныхъ обстоятельствахъ я при этомъ ровно ничего не развѣдалъ, да и признаться мало ими интересовался. Ты, конечно, повѣришь мнѣ, что во всемъ этомъ дѣлѣ я руководствовался чисто-политическими соображеніями.

— Ахъ, Лео, Лео, какъ можешь ты говорить объ этомъ дѣлѣ съ такимъ равнодушіемъ, вскричалъ Вальтеръ въ горестномъ раздраженіи, — я этого никакъ не умѣю постичь. Развѣ человѣкъ, которому мы такъ много обязаны...

— Которому ты такъ много обязанъ, поправилъ Лео.

— Все равно! Этотъ человѣкъ долженъ быть для тебя священнымъ, если ты еще сколько нибудь способенъ чувствовать по человѣчески.

— Мы, кажется, перестали понимать другъ друга, холодно замѣтилъ Лео.

— Извини меня, возразилъ Вальтеръ, и въ сильномъ волненіи вскочилъ со стула.—Мысль, что барона на старости лѣтъ—потому что вѣдь онъ уже старикъ — можетъ постигнуть такое несчастіе, какъ потеря всего имущества — эта мысль терзаетъ меня. Я согласенъ, что ты не можешь чувствовать этого такъ живо, ты, который съ раннихъ лѣтъ считалъ Тухгеймовъ и даже насъ, Лео, совершенно посторонними людьми; но мы не до такой же степени далеки отъ тебя, чтобы ты въ томъ, что насъ всѣхъ такъ печалитъ и тревожитъ, видѣлъ только цифру, необходимую для твоихъ вычисленій. Прошу тебя, забудь, что я сказалъ тебѣ и если можешь доставь мнѣ какія нибудь обстоятельныя свѣденія о положеніи барона.

— Я могу только сказать, отозвался Лео, — что я не совсѣмъ раздѣляю опасенія твоего отца. На что баронъ издерживаетъ значительныя суммы, мнѣ, разумѣется, неизвѣстно, но я полагаю, что онъ приготовляется къ тому случаю, когда долженъ будетъ выплатить довольно крупные капиталы банкиру, который угрожаетъ ему процессомъ. Если онъ можетъ переломить себя и миролюбиво объясниться съ банкиромъ, то положеніе барона еще не такъ безнадежно, такъ какъ фабрики даютъ отличный доходъ, — въ противномъ случаѣ...

— Не можешь ли ты употребить свое вліяніе, чтобы склонить барона къ миролюбивой сдѣлкѣ.

— Ты слишкомъ преувеличиваешь мое вліяніе на барона, сказалъ Лео уклончиво.

Вальтеръ всталъ; лицо его омрачилось глубокой грустью. Итакъ, они дѣйствительно перестали понимать другъ друга. Его взглядъ упалъ на брошюру, которая была ему хорошо извѣстна. Относительно ея содержанія и формы онъ обстоятельно условился съ д-ромъ Паулусомъ и даже могъ сказать, что самъ ее написалъ. Паулусъ, подобно Вальтеру, ожидалъ, что брошюра

производетъ на Лео выгодное впечатлѣніе. Лео также увидитъ, что мы глядимъ съ нимъ съ одной и той же точки зрѣнія! часто восклицалъ Паулусъ, и только Ребейнъ былъ проницательнѣе. На столѣ лежала брошюра. Лео прочиталъ ее, но нисколько не проникся желаніемъ соглашенія, то есть тѣмъ чувствомъ, подъ вліяніемъ котораго была написана эта брошюра. Въ этомъ убѣждали черты его лица, его слова, его рука, которую онъ при разставаніи подалъ Вальтеру.

Лео говорилъ о дѣлѣ, лично касавшемся Вальтера, о томъ впечатлѣніи, какое можетъ произвести осужденіе или оправданіе автора; онъ завѣрялъ въ шуточномъ тонѣ, что за романомъ успѣхъ во всякомъ случаѣ упроченъ и что книга дождется не только второго, но даже и третьяго изданія.

Вальтеръ слушалъ все это разсѣянно и въ настоящую минуту не могъ думать о себѣ. Онъ чувствовалъ, что теперь въ послѣдній разъ онъ стоялъ передъ другомъ своего дѣтства, котораго всегда, до этой самой минуты любилъ, какъ брата,— онъ сознавалъ, что когда выйдетъ изъ комнаты, ихъ будетъ раздѣлять пропасть, чрезъ которую уже нельзя будетъ подать другъ другу руку примиренія.

— Лео, вскричалъ онъ, — попытайся сблизиться съ нами! Не отваживайся идти далѣе одинъ тою пустынною дорогою, которую ты выбралъ. Ты опять будешь нуждаться въ людяхъ, чтобы имѣть силы дѣйствовать, а мы стоимъ къ тебѣ очень близко, ближе чѣмъ ты думаешь. Повѣрь мнѣ, такіе люди, какъ Паулусъ — и я могъ бы назвать тебѣ еще много честныхъ именъ — также хорошо, какъ ты, сознаютъ всю горькую неудовлетворительность нашихъ общественныхъ отношеній, какъ ты понимаютъ необходимость радикальной реформы. Присоедини и свою силу къ ихъ усиліямъ, примкни къ ихъ рядамъ! Что могутъ сдѣлать честные люди, если они не держатся одинъ за другого?

Лео сдѣлалъ отрицательное движеніе.

— Объ этомъ предметѣ, сказалъ онъ, мы разглагольствовали уже довольно часто, но ты и твои пріятели не могли убѣдить меня, не могли даже вотъ этой брошюрой. Вѣдь она принадлежитъ вашему перу? Нѣтъ, милый Вальтеръ, каждый изъ

насъ долженъ идти своей собственной дорогой, какъ намъ предопредѣлили небесныя свѣтила. Мы также не можемъ помѣняться нашими ролями, какъ отцы и матери, призвавшіе насъ къ жизни. Если бы я, подобно тебѣ, выросъ въ сферѣ гармоническаго порядка, при стройномъ сочетаніи жизненныхъ обстоятельствъ, то, быть можетъ, я чувствовалъ бы болѣе потребности идти съ другими рука объ руку, опираться на другихъ, стать въ ряды, выражаясь по твоему. А можетъ быть... можетъ быть, и нѣтъ. Но такъ какъ съ молокомъ матери я не всосалъ кроткихъ воззрѣній, такъ какъ отецъ училъ меня мудрости кулаками и такъ какъ я потомъ, пройдя школу лицемѣра и фанатика, былъ вытолканъ на широкій, суровый свѣтъ, еще почти ребенкомъ, то теперь я хочу остаться такимъ человѣкомъ, какимъ меня сдѣлали обстоятельства и природа — одинокимъ человѣкомъ, который проводитъ по своему въ жизнь свою собственную великую и сознанную идею или въ случаѣ неудачи, паденія, прощается съ жизнію подъ градомъ насмѣшекъ и ругани, на которую такъ щедро человѣчество для глупцовъ и искателей приключеній.

Черные глаза Лео засвѣтились какимъ-то холоднымъ огнемъ, когда онъ, при произнесеніи послѣднихъ словъ, вставъ съ мѣста и выпрямивъ свою стройную фигуру, протянулъ впередъ правую руку, какъ будто указывая въ мрачное будущее. Энергическая личность Лео опять наполнила душу Вальтера тѣмъ почти мистическимъ обаяніемъ, подъ вліяніемъ котораго онъ находился въ прежніе годы. Могъ ли онъ, могъ ли Паулусъ надѣяться обуздать эту демонскую натуру? Можно ли грозной тучѣ сказать: иди сюда!

Вальтеръ, не проронивъ ни слова, пожалъ руку Лео и вышелъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, Лео сдѣлалъ два шага впередъ, какъ будто желая позвать его назадъ. Но, еще не доходя до двери, Лео остановился.

— Впрочемъ, къ чему это? пробормоталъ онъ, — вѣдь рано или поздно намъ надобно было разойтись. Такъ ужъ лучше пусть будетъ это сегодня, нежели завтра.

Онъ провелъ рукою по лбу, словно на немъ находились привѣтливыя картины, которыя начали возникать въ душѣ Лео,—

картины изъ времени дѣтства, изъ времени его жизни съ Вальтеромъ, въ тѣнистыхъ ложбинахъ тухгеймскихъ лѣсовъ, въ маленькой верхней комнатѣ дома лѣсничаго, гдѣ окошко было обвито виноградными листьями; изъ этого окна Вальтеръ и Лео такъ часто заглядывались вмѣстѣ на сверкающія въ вышинѣ звѣзды. Такъ значитъ Лео не всегда былъ одинокимъ и, быть можетъ, ему не зачѣмъ было оставаться одинокимъ. Развѣ Вальтеръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не развился такъ полно, какъ Лео никогда не могъ ожидать. Могъ ли онъ, долженъ ли въ интересахъ дѣла удалять отъ себя подобнаго союзника? Но увы, увы! Онъ зналъ ихъ, этихъ идеологовъ, которые привыкли сражаться въ чистѣйшемъ эфирѣ мыслей и которыхъ удары попадаютъ поэтому въ воздухъ, онъ зналъ этихъ сантиментальныхъ теоретиковъ, которые хотятъ достичь великой цѣли и ради мелочныхъ, частныхъ соображеній сворачиваются съ своей дороги. Не глупо ли со стороны Вальтера хлопотать о баронѣ, когда самъ онъ, Вальтеръ, долженъ былъ бы позаботиться серьезно о сохраненіи своей собственной шкуры! Они хотятъ быть общественными дѣятелями и частными лицами, безпощаднымъ орудіемъ идеи и сердобольными воздыхателями,—они хотятъ быть всѣмъ, и оттого, понятно, обратились въ ничто. Лео сдѣлалъ порывистое движеніе, но въ это самое время кто-то сильно потянулъ звонокъ въ передней. Лео услышалъ, что слуга его говорилъ—какъ показалось Лео — съ какою то плачущею женщиною.

— Кто тамъ? крикнулъ Лео входящему лакею.

Слуга доложилъ, что приходила дѣвушка отъ госпожи кастелянши Липпертъ и просила, чтобы господинъ докторъ какъ можно поскорѣе пришелъ къ нимъ. Госпожа кастелянша умираетъ. Служанка говорила и еще что-то, чего, однако докторскій лакей за ея слезами и стонами никакъ не могъ разобрать. Служанка скоро выбѣжала на улицу. Лео заперъ письма и важныя бумаги въ ящикъ и приказалъ слугѣ не гасить лампы, такъ какъ онъ намѣренъ скоро возвратиться.

насъ долженъ идти своей собственной дорогой, какъ намъ предопредѣлили небесныя свѣтила. Мы также не можемъ помѣняться нашими ролями, какъ отцы и матери, призвавшіе насъ къ жизни. Если бы я, подобно тебѣ, выросъ въ сферѣ гармоническаго порядка, при стройномъ сочетаніи жизненныхъ обстоятельствъ, то, быть можетъ, я чувствовалъ бы болѣе потребности идти съ другими рука объ руку, опираться на другихъ, стать въ ряды, выражаясь по твоему. А можетъ быть... можетъ быть, и нѣтъ. Но такъ какъ съ молокомъ матери я не всосалъ кроткихъ воззрѣній, такъ какъ отецъ училъ меня мудрости кулаками и такъ какъ я потомъ, пройдя школу лицемѣра и фанатика, былъ вытолканъ на широкій, суровый свѣтъ, еще почти ребенкомъ, то теперь я хочу остаться такимъ человѣкомъ, какимъ меня сдѣлали обстоятельства и природа — одинокимъ человѣкомъ, который проводитъ по своему въ жизнь свою собственную великую и сознанную идею или въ случаѣ неудачи, паденія, прощается съ жизнію подъ градомъ насмѣшекъ и ругани, на которую такъ щедро человѣчество для глупцовъ и искателей приключеній.

Черные глаза Лео засвѣтились какимъ-то холоднымъ огнемъ, когда онъ, при произнесеніи послѣднихъ словъ, вставъ съ мѣста и выпрямивъ свою стройную фигуру, протянулъ впередъ правую руку, какъ будто указывая въ мрачное будущее. Энергическая личность Лео опять наполнила душу Вальтера тѣмъ почти мистическимъ обаяніемъ, подъ вліяніемъ котораго онъ находился въ прежніе годы. Могъ ли онъ, могъ ли Паулусъ надѣяться обуздать эту демонскую натуру? Можно ли грозной тучѣ сказать: иди сюда!

Вальтеръ, не проронія ни слова, пожалъ руку Лео и вышелъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, Лео сдѣлалъ два шага впередъ, какъ будто желая позвать его назадъ. Но, еще не доходя до двери, Лео остановился.

— Впрочемъ, къ чему это? пробормоталъ онъ, — вѣдь рано или поздно намъ надобно было разойтись. Такъ ужь лучше пусть будетъ это сегодня, нежели завтра.

Онъ провелъ рукою по лбу, словно на немъ находились привѣтливыя картины, которыя начали возникать въ душѣ Лео,—

картины изъ времени дѣтства, изъ времени его жизни съ Вальтеромъ, въ тѣнистыхъ ложбинахъ тухгеймскихъ лѣсовъ, въ маленькой верхней комнатѣ дома лѣсничаго, гдѣ окошко было обвито виноградными листьями; изъ этого окна Вальтеръ и Лео такъ часто заглядывались вмѣстѣ на сверкающія въ вышинѣ звѣзды. Такъ значитъ Лео не всегда былъ одинокимъ и, быть можетъ, ему не зачѣмъ было оставаться одинокимъ. Развѣ Вальтеръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не развился такъ полно, какъ Лео никогда не могъ ожидать. Могъ ли онъ, долженъ ли въ интересахъ дѣла удалять отъ себя подобнаго союзника? Но увы, увы! Онъ зналъ ихъ, этихъ идеологовъ, которые привыкли сражаться въ чистѣйшемъ эфирѣ мыслей и которыхъ удары попадаютъ поэтому въ воздухъ, онъ зналъ этихъ сантиментальныхъ теоретиковъ, которые хотятъ достичь великой цѣли и ради мелочныхъ, частныхъ соображеній совращаются съ своей дороги. Не глупо ли со стороны Вальтера хлопотать о баронѣ, когда самъ онъ, Вальтеръ, долженъ былъ бы позаботиться серьезно о сохраненіи своей собственной шкуры! Они хотятъ быть общественными дѣятелями и частными лицами, безпощаднымъ орудіемъ идеи и сердобольными воздыхателями,—они хотятъ быть всѣмъ, и оттого, понятно, обратились въ ничто. Лео сдѣлалъ порывистое движеніе, но въ это самое время кто-то сильно потянулъ звонокъ въ передней. Лео услышалъ, что слуга его говорилъ—какъ показалось Лео — съ какою то плачущею женщиною.

— Кто тамъ? крикнулъ Лео входящему лакею.

Слуга доложилъ, что приходила дѣвушка отъ госпожи кастелянши Липпертъ и просила, чтобы господинъ докторъ какъ можно поскорѣе пришелъ къ нимъ. Госпожа кастелянша умираетъ. Служанка говорила и еще что-то, чего, однако докторскій лакей за ея слезами и стонами никакъ не могъ разобрать. Служанка скоро выбѣжала на улицу. Лео заперъ письма и важныя бумаги въ ящикъ и приказалъ слугѣ не гасить лампы, такъ какъ онъ намѣренъ скоро возвратиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Со времени той ночи, въ которую Лео разстался съ Эвою такимъ страннымъ образомъ, онъ былъ въ квартирѣ кастеляна не болѣе двухъ разъ и только для того, чтобы навѣстить больную госпожу Линнертъ. Съ Эвою Лео послѣ того не говорилъ и видѣлъ ее всего одинъ разъ, да и то мелькомъ, такъ какъ она при его входѣ поспѣшно удалялась изъ комнаты больной второю дверью. Онъ нисколько не старался съ нею сблизиться и зналъ, что она никогда не проститъ ему его холоднаго невниманія къ ея прелестямъ. Притомъ же Лео, развѣдавъ чрезъ нее и Фердинанда Линнерта о принцѣ почти все, что ему нужно было знать, теперь нисколько не интересовался Эвою. Да и Фердинандъ лишился въ его глазахъ всей своей важности. Фердинандъ сослужилъ свою службу и теперь могъ сопровождать своего принца въ его разъѣздахъ. Лео вспоминалъ о молодомъ чтителѣ Бахуса только въ томъ случаѣ, когда при политическихъ соображеніяхъ доктора въ немъ возникало желаніе опубликовать письмо, которое онъ все еще имѣлъ въ своихъ рукахъ. Самъ Лео удивлялся, какимъ образомъ его могла такъ долго останавливать мысль скомпромстировать навѣрняка Линнерта этимъ письмомъ. Но письмо это было козырь, который надобно было выкинуть въ настоящій моментъ, чтобы выиграшъ упрочить за собою. Оно должно было служить окончательнымъ смертельнымъ ударомъ, когда жертва уже повалена на землю. Такъ далеко дѣло съ либеральной партіей у Лео еще не заходило.

Эти мысли наполняли голову Лео, когда онъ торопливыми шагами направлялся къ замку принца по длиннымъ улицамъ, въ которыхъ шумѣлъ весенній дождь. Лео размышлялъ также о тайнѣ, которая, подобно мрачной тучѣ, висѣла надъ семействомъ Линнертовъ, и которая никогда не откроется, если кастелянша уже отошла въ вѣчность.

Но не все ли равно, чей сынъ былъ Фердинандъ,—того или другого безпутнаго человѣка; во всякомъ случаѣ онъ вышелъ весь въ батюшку.

Дойдя до дворца, Лео нашелъ дверь квартиры Липпертовъ отворенною. Не смотря на массивныя стѣны зданія и плотно притворенныя двери внутреннихъ комнатъ, Лео услышалъ раздраженный голосъ Фердинанда. При этомъ Лео долженъ былъ вспомнить о томъ днѣ, въ который былъ въ первый разъ введенъ Эвою въ это семейство. Лео приготовлялся и сегодня увидѣть сцену подобную той, какой ему пришлось быть свидѣтелемъ прежде.

Лео отворилъ дверь одной изъ внутреннихъ комнатъ. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы убѣдиться, что здѣсь происходило что-то необычайное. Въ комнатѣ, гдѣ прежде заботливо соблюдалась чистота, все было въ безпорядкѣ. Женское платье, бѣлье и многія другія вещи были разбросаны по полу, какъ будто здѣсь свирѣпствовалъ какой нибудь человѣкъ, одержимый бѣшенствомъ. И дѣйствительно, Фердинандъ, стоявшій передъ своимъ отцомъ съ поднятымъ кулакомъ и произносившій при этомъ безсвязныя слова, былъ совершенно похожъ на бѣшенаго. Господинъ Липпертъ стоялъ у печки съ заложенными за спину руками, слегка наклоненной головой, покрытою короткими, безпорядочно взъерошенными сѣдыми волосами, и съ прищуренными по обыкновенію глазами. Только самый проницательный взглядъ могъ бы подмѣтить, что подъ этой маской ледяной холодности съ трудомъ скрывалось внутреннее безпокойство, и что господинъ Липпертъ недовѣрчиво косился на входящаго изъ-за своихъ опущенныхъ щетинистыхъ рѣсницъ.

Даже видъ Лео не могъ смягчить раздраженія Фердинанда.

— Ее нѣтъ, закричалъ Фердинандъ на встрѣчу Лео,—еще со вчерашняго вечера ее нѣтъ, и онъ—при этомъ Фердинандъ дрожащею отъ волненія рукою указалъ на господина, стоявшаго у печки—онъ помогъ ей бѣжать. Но онъ сильно будетъ раскаяваться, всѣ они будутъ раскаяваться. Я докажу имъ, что я не позволю играть съ собою, какъ съ мальчишкой.

Господинъ Липпертъ, къ которому все это относилось, улыбнулся.

— Это продолжается ужъ съ полчаса, сказалъ онъ обращаясь къ Лео.

Лео замѣтилъ, что онъ пришелъ вовсе не для того, чтобы

вмѣшиваться въ ссору между отцомъ и сыномъ; не останавливаясь, Лео вошелъ въ смежную комнату. Добродушная служанка, только-что возвратившаяся домой, подошла къ нему на цыпочкахъ.

— Я думаю, она спитъ, сказала дѣвушка,—бѣдная моя госпожа! Ахъ какъ она невыносимо стонала! Я уложила ее въ постель и изо всѣхъ ногъ побѣжала за вами. Тѣ господа, что въ сосѣдней комнатѣ, нисколько не заботятся о больной. Они даже не знаютъ, что я выходила изъ дома.

— Что же здѣсь случилось?

— Развѣ вы еще не знаете: Фрейленъ отъ насъ ушла... еще со вчерашняго вечера; они говорятъ, что...

Лео подошелъ къ постели. Свѣтъ лампы, которую дѣвушка держала въ рукѣ, упалъ на лицо, покрытое смертной блѣдностью. Пусть они спорятъ и шумятъ тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, — этого сна они уже не могутъ потревожить, — пусть отравляютъ другъ другу жизнь, эти матовые глаза не могутъ проронить уже ни одной слезинки.

Дѣвушка громко взвизгнула, выпустила изъ рукъ лампу и съ воемъ выбѣжала изъ комнаты. Лео сталъ ощупью пробираться въ темнотѣ.

Спорившіе господа услышали пронзительный визгъ. Когда Лео вышелъ, лицо Фердинанда выражало сильное внутреннее потрясеніе.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ.

— Ваша матушка скончалась, отвѣчалъ Лео.

Фердинандъ отшатнулся назадъ и вперилъ въ него неподвижный, безсмысленный взглядъ. Лео взялъ со стола лампу и опять вошелъ въ спальню. За нимъ послѣдовалъ только господинъ Липпертъ.

Не трудно было догадаться, какъ и почему тонкая нить этой несчастной жизни оборвалась такъ скоро. Можно было даже удивляться, какъ это бѣдное, оскорбленное сердце могло такъ долго переносить столько горя и страданій. Лео, однако, еще принялся внимательно осматривать тѣло, тогда какъ господинъ Липпертъ, усѣвшись въ нѣкоторомъ разстояніи на стулѣ, закрылъ лицо платкомъ.

— Но дѣйствительно ли она... она умерла? пробормоталъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Лео,—и если вы—что я считаю очень вѣроятнымъ—радуетесь этой кончинѣ, то радуйтесь также не менѣе и тому, что тайная исторія болѣзни вашей жены не можетъ быть изложена передъ судомъ присяжныхъ,—въ противномъ случаѣ вамъ бы пришлось очень плохо... Пожалуйста, безъ этихъ отчаянныхъ кривляній, милостивый государь! Напечатайте въ газетахъ: вчера вечеромъ скончалась отъ удара моя возлюбленная супруга,—но не тратьте напраснаго труда убѣждать меня въ вашей невинности. Я положительно утверждаю, что эта смерть лежитъ на вашей совѣсти, и хотя вы негодяй большой руки, однако я надѣюсь, что настанетъ время въ вашей жизни, когда эта мертвая женщина надѣлаетъ вамъ больше хлопотъ, чѣмъ сколько надѣлала живая.

Когда Лео произносилъ эти слова такъ спокойно, какъ будто дѣло заключалось въ обыкновенномъ медицинскомъ распоряженіи, господинъ Липпертъ отнялъ платокъ отъ блѣднаго, искривленнаго страхомъ и яростью лица; онъ хотѣлъ что-то возразить, но Лео отвернулся отъ него, и сдѣлавъ въ кухнѣ нѣсколько порученій рыдавшей дѣвушкѣ, вышелъ изъ квартиры Липпертовъ. Фердинандъ куда-то скрылся.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ дворца, Лео замѣтилъ, что кто-то спѣшилъ за нимъ сзади. То былъ Фердинандъ. Луна, выглядывавшая изъ-за бѣгущихъ облаковъ, освѣщала его красивое лицо, которое однако теперь было искривлено кислой гримасой.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ правда? спросилъ онъ.

— Да, отозвался Лео.

— Но ради самого неба возможно-ли это? Мнѣ кажется нѣсколько минутъ тому назадъ она еще была въ комнатѣ; я не замѣтилъ, какъ она вышла. Право, я тутъ ничего не понимаю.

Лео молчалъ. Фердинандъ, шедшій съ нимъ рядомъ, положилъ свою руку на его плечо.

— Ради самого Господа, докторъ, говорите, скажите, что вы не считаете меня ея убійцею! Виноватъ-ли я тутъ въ чемъ нибудь?! Я былъ дѣйствительно сильно раздраженъ, но не противъ нея. Ей также было видно не въ моготу долѣе молчать. Ахъ я несчастный, жалкій человѣкъ!

Фердинандъ закрылъ лицо руками и началъ плакать.

Лео не чувствовалъ никакого состраданія къ горемычному молодому человѣку.

— Оставьте, пожалуйста, эти глупости, сказалъ онъ сурово,—ваши рыданія ни къ чему не ведутъ. Вы мнѣ очень часто говорили, что вы не питали ни малѣйшей любви къ вашей матери, что вы не чувствовали къ ней ничего, ровно ничего и даже нерѣдко сомнѣвались дѣйствительно ли она вамъ мать? Что же вы теперь-то такъ сокрушаетесь?

— Да, вскричалъ Фердинандъ,—я не хочу лгать передъ вами и сознаюсь, что я никогда не любилъ моей матери. И если бы вы тысячу разъ назвали меня негодяемъ,—не я все-таки въ этомъ виноватъ.

— Это ваше дѣло, сказалъ Лео сухо,—здѣсь кажется раздѣляются наши дороги?

— Вы хотите меня оставить, съ ужасомъ вскричалъ Фердинандъ,—меня оставить въ подобномъ положеніи? Ради всего святаго, не дѣлайте этого, если не хотите, чтобы я бросился въ рѣку здѣсь же, съ этого моста!

— Я очень занятъ, замѣтилъ Лео, — и притомъ не знаю, чѣмъ могу помочь вамъ.

— Не оставляйте меня только, умолялъ Фердинандъ,—голова моя кружится, я не знаю, что дѣлаю. Я былъ бы въ состояніи убить васъ, убить принца. Спасите самихъ себя отъ меня! Дайте мнѣ выпить; я долженъ пить, пить, я задохнусь, если не выпью.

Лео взглянулъ на свои часы, призадумался на одну минуту и сказалъ, что онъ можетъ идти съ Фердинандомъ. Ресторанъ, въ которомъ они познакомились нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, находился не вдалекѣ. Они вошли въ ярко освѣщенныя залы.

Впродолженіи послѣднихъ недѣль въ заведеніи была произведена перестройка.

Къ одной изъ наиболѣе обширныхъ залъ примыкали маленькіе кабинеты, отдѣленные очень тонкими стѣнами и завѣшенные спереди зелеными шелковыми портьерами. Молодые люди усѣлись въ одномъ изъ такихъ кабинетовъ. Фердинандъ жадно

пилъ поданное вино; Лео опустилъ голову на руку. Онъ вспомнилъ, какъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывшій мрачнымъ, страстнымъ мальчикомъ, встрѣтился въ лѣсной мѣстности, въ затхлой, крестьянской хижинѣ съ Эвою—молодою, пылкою, дикою дѣвушкою; онъ припомнилъ себѣ, что въ продолженіи многихъ недѣль онъ бредилъ только объ этомъ странномъ существѣ, и что Эва съ своей стороны не могла долго его забыть, чему доказательствомъ служила сцена въ картинной галлереѣ принца. А теперь?

Лео взглянулъ на Фердинанда, который, какъ казалось, постарѣлъ десятью годами. Прежніе блестящіе глаза, глубоко засѣли во впадинахъ, извилистыя линіи окружали ротъ, лобъ былъ изрытъ угрюмыми морщинами.

— Да, да, сказалъ Фердинандъ съ пасмурной улыбкой, моя физіономія не очень весела, но вѣдь и на сердцѣ-то у меня не особенно легко. Итакъ, моя мать приказала долго жить! Конечно, я скверно дѣлаю, что пью, но честью васъ увѣряю, докторъ, что и вы поступали бы точно также, что и всякій сталъ бы пить на моемъ мѣстѣ. Для нея, конечно, хорошо что она умерла, но я въ томъ невиноватъ, клянусь вамъ невиноватъ. Они оба совершили это преступленіе, — она, продажная женщина, а онъ указалъ ей стезю разврата! И другой долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ, другой можетъ упиваться этими прелестями! Адъ и небо! Какъ я долженъ перенести это? Нѣтъ, я хочу за себя отомстить ему, ей, всѣмъ женщинамъ, — всѣмъ, всѣмъ! Всѣ они негодяйки! Однако, докторъ, есть у меня одно утѣшеніе: не пройдетъ и двухъ недѣль, а, можетъ быть, и двухъ дней, какъ онъ опять ее отъ себя прогонитъ. Я знаю его лучше, чѣмъ кто нибудь другой. Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, докторъ, что связь эта можетъ быть прочною, вы какъ думаете?

— Я не могу догадаться даже, о комъ вы говорите, сказалъ Лео,—до сихъ поръ я слышалъ отъ васъ только безпорядочный лихорадочный бредъ.

Фердинандъ провелъ по лбу рукою.

— Да, да, отозвался онъ, вы, кажется, еще ничего не знаете. Это премиленькая хорошенькая исторійка. Впродолженіи двухъ

недѣль я сопровождалъ принца въ его поѣздкахъ. Во все это время онъ былъ ко мнѣ необыкновенно благосклоненъ, увѣряя меня, что было бы несправедливо долѣе удерживать меня въ его службѣ и такимъ образомъ не позволить моимъ дарованіямъ вполнѣ развиться въ другой, высшей сферѣ. Государство, говорилъ онъ, нуждается въ дѣльныхъ головахъ теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде, — и спрашивалъ, не хочу ли я переговорить съ министромъ юстиціи или не предпочитаю ли избрать дипломатическую карьеру?—А я, глупецъ, принялъ это лицемѣріе за дѣйствительное участіе; я нисколько не подозрѣвалъ, что онъ просто хотѣлъ удалить меня отъ себя,—и я не принялъ даже платы за мой позоръ! Вѣдь экая я баранья голова!

Третьяго дня вернулись мы назадъ. Еще въ тотъ же вечеръ принцъ уѣхалъ въ свой лѣтній замокъ и притомъ безъ меня, что меня очень поразило, такъ какъ я зналъ, что дѣла было много и онъ не могъ обойтись безъ меня. Предчувствіе грозившей мнѣ впереди бѣды стало меня мучить. Я не могъ оставаться дома и отправился освѣдомиться объ Эвѣ. Покойная матушка сказала мнѣ, что Эва куда-то вышла. Мать сказала неправду, разумѣется боясь его, но все-таки сказала неправду. Еще и теперь я помню, что губы матери дрожали и что она была блѣднѣе стѣны. Если бы я зналъ, что мать должна была умереть такъ скоро...

Фердинандъ глубоко вздохнулъ и залпомъ осушилъ полный стаканъ вина.

— Ну? произнесъ Лео.

— Мое подозрѣніе, что съ Эвой происходитъ что-то особенное, не давало мнѣ покоя, продолжалъ Фердинандъ, вытирая платкомъ холодный потъ, выступившій на лбу, — спустя часъ я опять отправился въ квартиру отца и на этотъ разъ прямо въ кухню. Служанка очень добродушна и глупа; поэтому я скоро все развѣдалъ. Эва еще вчера вечеромъ уѣхала въ лѣтній замокъ принца навѣстить дочку тамошняго кастеляна, — слышите ли—эту рыжую, горбатую дѣвушку, которую Эва никогда не могла видѣть безъ отвращенія и надъ которой издѣвалась безпощаднѣйшимъ образомъ! При этомъ извѣстіи у меня

ёкнуло сердце. Я зналъ все, что случилось, какъ будто самъ участвовалъ въ этой грязной сдѣлкѣ. Я поспѣшилъ на станцію желѣзной дороги. Инспекторъ мнѣ короткій пріятель. Сначала онъ не хотѣлъ ничего говорить, но наконецъ сообщилъ мнѣ, что съ тѣмъ же поѣздомъ, съ которымъ вчера вечеромъ отправился принцъ, уѣхала также какая-то дама, одѣтая въ черное платье и закрытая плотнымъ вуалемъ. Эту даму сопровождалъ господинъ въ партикулярномъ платьѣ, котораго онъ часто видѣлъ вмѣстѣ со мною. Это возбудило вниманіе инспектора, который не выпускалъ даму изъ виду. Когда поѣздъ началъ отходить, дама откинула вуаль и тогда инспекторъ хорошо узналъ въ ней Эву. Этого съ меня было достаточно, все вокругъ меня завертѣлось и я забылъ броситься въ вагонъ только что отходившаго поѣзда. Однако, можно было поскакать туда на лошади. Я пришелъ домой, осѣдлалъ коня и пустился во всю лошадиную мочь по кратчайшей дорогѣ черезъ паркъ. Въ это время я, должно быть, совершенно ошалѣлъ. Помню, что вездѣ люди глядѣли на меня, вытаращивъ глаза, и что я сшибъ съ ногъ какую-то старушку, шедшую въ сопровожденіи премиленькой дѣвушки. Моя лошадь упала, когда я подъѣзжалъ къ замку, я оставилъ ее на мѣстѣ и ужъ не знаю, что съ ней сталось. Я отправился въ замокъ и спросилъ объ Эвѣ. Она уѣхала вмѣстѣ съ горбатой дочкою кастеляна въ одно изъ имѣній принца, чтобы повидаться съ дочерью управляющаго—родственницею непривлекательной дѣвушки. Ну-съ, а принцъ? Онъ былъ въ своемъ охотничьемъ замкѣ, да, докторъ, въ своемъ охотничьемъ замкѣ, вблизи того имѣнія, куда отправилась Эва навѣстить свою подругу! Ловко обдѣлано дѣльце, докторъ, а? Дорогая, любезная дичь такъ покорно спѣшитъ попасться въ силки! Благородная, настоящая королевская охота! ха, ха, ха!

И Фердинандъ, заскрежетавъ зубами, ударилъ себя кулакомъ въ лобъ.

— Но зачѣмъ же я ее люблю?! о, за это я готовъ былъ бы задушить себя моими собственными руками. Развѣ я не обладалъ женщинами, которыя были въ тысячу разъ прелестнѣе? Развѣ та дамочка, которую я повстрѣчалъ сегодня въ паркѣ,

не была очаровательнѣе Эвы? О я глупецъ, баранъ, безмозглая голова!

Лео глубоко задумался. Итакъ, Эва достигла цѣли, о которой мечтала. Отъ крестьянской дѣвушки въ Танненштедтѣ до любовницы принца переходъ—не шуточное дѣло. Съумѣетъ ли она поддержать себя въ этомъ шаткомъ положеніи? Будетъ ли въ силахъ завладѣть вліяніемъ на принца, или онъ отошлетъ ее опять отъ себя, когда она ему прискучитъ? Было ли это рѣшено окончательно уже въ то время, когда она нѣсколько недѣль тому назадъ съ нимъ любезничала или она захотѣла быть наложницей, не вынеся презрѣнія любимаго человѣка?

Фердинандъ разсказывалъ далѣе, какъ онъ, возвратясь по желѣзной дорогѣ назадъ, отправился во дворецъ, чтобы допросить этого господина... своего отца. Но потомъ, говорилъ Фердинандъ, онъ уже не зналъ, что случилось и пришелъ въ сознаніе только тогда, когда Лео явился съ извѣстіемъ о смерти матери. Даже теперь, по словамъ Фердинанда, онъ не зналъ, что дѣлается съ его головою и что говоритъ, чью руку держитъ и дѣйствительно ли мать его умерла, или Лео сказалъ это только для того, чтобы обратить его къ другимъ мыслямъ.

Глаза молодаго человѣка дико блуждали; его лобъ пылалъ, жилы на вискахъ ударяли въ голову, словно молотомъ. Было очень ясно, что онъ не сознавалъ, что говоритъ и дѣлаетъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ мутными глазами впередъ и, наконецъ, изнеможенно склонилъ голову къ стѣнѣ, отдѣлявшей кабинетъ отъ смежной комнаты.

Тамъ еще прежде шумѣло довольно веселое общество, изъ среды котораго раздавались картавые голоса, по временамъ рѣзкій хохотъ, чоканіе стакановъ и иногда побрякиванье сабель. Сначала нельзя было ничего разслышать изъ шумной бесѣды, но когда Фердинандъ замолчалъ, Лео могъ хорошо слышать, какъ одинъ голосъ говорилъ:

— Ужь повѣрьте мнѣ, господа, что я обстоятельно знаю это дѣло. Эта дѣвушка дѣйствительно вышла изъ крестьянскаго семейства, проживавшаго въ моемъ родномъ краю. Mon Dieu! Я зналъ ее, когда ей не было еще семнадцати лѣтъ! Нечего смѣяться, господа! Это было въ имѣніи моего батюшки. Кромѣ

нѣсколькихъ поцѣлуевъ, которыми, сказать правду, я завладѣлъ почти съ боя, не могу похвалиться никакимъ успѣхомъ. Потомъ безъ дальнѣйшихъ приключеній она переселилась къ старику. Какое могущественное вліяніе имѣла на нее эта школа—я могъ видѣть это при моихъ случайныхъ посѣщеніяхъ, на которыя мнѣ дало право мое старинное знакомство съ прелестной кастеляншей. Съ извѣстнымъ вамъ шутомъ дѣло никогда не доходило ни до чего серьезнаго, — это я узналъ отъ нея самой, да притомъ шутъ не преминулъ бы похвастать предъ нами своими побѣдами, если бы ихъ одержилъ. Гораздо опаснѣе былъ другой человѣкъ,—къ которому въ послѣднее время нашъ шутъ питаетъ глубокое благоговѣніе и съ которымъ мнѣ придется свести довольно серьезный счетъ. Но все это не помѣшало бы мнѣ продолжать осаду и, безъ сомнѣнія, достичь цѣли, — вашъ смѣхъ не очень лестенъ для меня, любезный Генкель!—если бы я не долженъ былъ добровольно отказаться отъ моихъ притязаній въ пользу сильнѣйшаго лица. Когда львы отправляются на охоту, благоразумные шакалы имъ не мѣшаютъ,—обратите на это вниманіе, корнетъ фонъ-деръ-Гассебургъ!

— Ну, чтожь прелестная кастеляншка?

— О, ей живется такъ ужь весело, привольно!.. и... и...

А за усердіе спасиба съ насъ довольно.

Раздался оглушительный взрывъ хохота. Прежній голосъ между тѣмъ закричалъ:

— Que-voulez-vous! Это — чисто дружеская услуга, если ужь говорить объ услугѣ. Не больше и не меньше того, что въ случаѣ необходимо каждый изъ васъ сдѣлалъ бы для меня или я для каждаго.

— Съ первымъ я согласенъ, послѣднее отвергаю. И опять неистовый хохотъ.

Лео, невольно слѣдя за разговоромъ, такъ сильно его интересовавшимъ, не замѣтилъ, что Фердинандъ очнулся отъ своего опѣломленія, по крайней мѣрѣ, на столько, что могъ понимать то, о чемъ говорилось въ смежной комнатѣ. Поэтому Лео немало удивился, когда Фердинандъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и какъ безумный выбѣжалъ изъ кабинета. Вскорѣ затѣмъ Лео слышалъ, какъ въ смежной комнатѣ кто-то отдергивалъ портьеры

ру и Фердинандъ произнесъ хриплымъ голосомъ нѣсколько словъ, которыхъ не могъ разобрать Лео не смотря на то, что посреди общества, недавно такъ неистово шумѣвшаго, воцарилось вдругъ глубокое молчаніе. Лео немедленно всталъ и еще подоспѣлъ во время, чтобы принять на свои руки свалившагося съ ногъ Фердинанда, который отъ внезапно подступившаго къ нему припадка бѣшенства лишился послѣднихъ силъ. Слуга поспѣшилъ на помощь,—но ни одинъ изъ господъ, сидѣвшихъ за столомъ, обремененнымъ бутылками, не тронулся съ мѣста.

— Вы бы лучше сдѣлали, если бы помогли мнѣ, сказалъ Лео, устремляя глаза на Генри, который измѣрялъ его наглымъ взглядомъ.

— Клянусь честью, онъ правъ! Ахъ, бѣдный шутъ вскричалъ Альфредъ,—ну берите же его, Генкель! И добродушный молодой человѣкъ помогъ Лео и слугѣ поставить на ноги Фердинанда, еще лежавшаго безъ чувствъ.

— Вишь ты, сострадательный самаританинъ! вскричалъ Генри съ неестественнымъ смѣхомъ.

— Разумѣется, господинъ фонъ-Тухгеймъ, васъ никогда нельзя найти тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать за одно съ другими.

При этихъ словахъ, которыя Лео произнесъ своимъ обычнымъ мѣрно-холоднымъ тономъ, Генри страшно поблѣднѣлъ. Онъ видѣлъ, что всѣ глаза были на него устремлены, и притомъ... нельзя ли было какъ нибудь выгнать Лео изъ дома Зонненштейна, заведя съ своимъ врагомъ скандалъ въ публичномъ мѣстѣ?.. И вотъ Генри нагналъ Лео, который уже уходилъ съ очнувшимся Фердинандомъ, и сказалъ ему громкимъ грознымъ голосомъ:

— Я требую объясненія вашихъ словъ, милостивый государь,—и сейчасъ же!

— Вы, кажется, между вашими ранними геройскими подвигами забыли исторію девятнадцатаго декабря, сказалъ Лео также громко, — если вамъ желательно, то при случаѣ я обстоятельно разскажу ее вамъ и вашимъ друзьямъ. А теперь, какъ вы сами видите, это не возможно. Пожалуйста, съ дороги!

Передъ взглядомъ Лео Генри попятился назадъ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, Генри видѣлъ

въ немъ своего врага. Прежде чѣмъ Генри могъ собраться съ мыслями на столько, чтобы рѣшиться, что ему сказать или дѣлать, Лео уже вышелъ изъ залы въ сопровожденіи Фердинанда.

На свѣжемъ воздухѣ къ Фердинанду скоро возвратились силы. Онъ хотѣлъ вернуться въ ресторанъ, онъ хотѣлъ вызвать этого всадника, этого барона фонъ-Тухгейма на поединокъ или нѣтъ! лучше раскроить ему черепъ. При этомъ случаѣ Лео узналъ въ первый разъ, что Генри пользовался особенной благосклонностію принца и на его petits soupers былъ постояннымъ гостемъ. Знакомство между ними завязалось еще въ то время, когда оба они—принцъ и Генри—воспитывались въ одномъ прирейнскомъ университетѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Генри игралъ роль посредника и что Эва была имъ привезена принцу. Лео далъ волю раздраженному молодому человѣку вполнѣ высказаться, не прерывая его, и напослѣдокъ замѣтилъ:

— Ваше негодованіе совершенно основательно; я удивляюсь только, что вы всегда говорите о мести, которую хотите направить противъ людей подручныхъ; почему не обратиться прямо къ главному виновнику?

— Да что же я могу сдѣлать? вскричалъ Фердинандъ.

— Помните ли вы еще о письмѣ, переданномъ вами мнѣ, нѣсколько недѣль тому назадъ, о письмѣ принца, которое навело васъ съ самаго начала на настоящій слѣдъ?

— Конечно помню, но что же изъ того?

— Письмо имѣетъ для васъ только частный интересъ, но оно заключаетъ въ себѣ также чрезвычайно важный общественный интересъ, т. е. могло бы заключать, если бы оно было опубликовано. Это осязательное доказательство мрачныхъ воззрѣній принца и въ тоже время глупости и коварства нашихъ такъ называемыхъ либераловъ, которые воображаютъ себѣ, будто могутъ найти поддержку въ принцѣ Принцу и либераламъ не поздоровиться отъ напечатанія этого письма.

— Гдѣ письмо? Дайте мнѣ письмо! Я самъ снесу его въ типографію. Давайте же, давайте поскорѣе! И Фердинандъ схватилъ Лео за руку и за плечо.

— Не горячитесь, пожалуйста. Письмо у меня дома подъ надежнымъ запоромъ. Если я завтра его напечатаю, то послѣ

завтра вы лишитесь мѣста. Быть можетъ—впрочемъ, я этого не думаю,—при подобныхъ обстоятельствахъ, когда вы должны будете доказывать, что это письмо—подложный документъ, вамъ можетъ приключиться и что нибудь худшее.

— Да если бы вы рвали мнѣ тѣло раскаленными клещами,—мнѣ все равно,—я хочу мстить, я требую мести, неумолимой мести! Мстить во что бы то нистало! Неужели вы думаете, что не могу человѣку, похитившему Эву... о, я съума сойду!..

— Прекрасно, сказалъ Лео, если вы такъ думаете, то наши дѣла еще могутъ уладиться. Вотъ ваша квартира, ложитесь въ постель и приложите себѣ къ головѣ холодной воды. Я увижусь съ вами завтра. Спокойной ночи!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УМАЛИШЕННЫЙ.

Изъ поэмы Крабба: «Юстесъ Грей.»

«Я разкажу, что дѣлали со мною...
О, слушайте! я голосъ услыхалъ:
Тебя ждетъ смерть и адскія мученья!»
И овладѣли мной два демона. Они
Мое существованье отравили,
Они меня будили до зари,
Терзали днемъ и по ночамъ терзали.
Я сдѣлался добычей тьмы
И надо мною бѣсы потѣшались.

«Я нищимъ сталъ,—нѣтъ, хуже во сто разъ,—
Презрѣннѣйшій изъ нищихъ съ омѣрзеньемъ
Меня толкалъ... Я сталъ ничтожнѣй гада.
Убитый, опозоренный, я шелъ
Куда влекли меня два дьявола, не зримы
Для всѣхъ другихъ—я видѣлъ ихъ одинъ.
Мы пронеслись черезъ моря и степи,
Неслися въ даль и стали наконецъ,
Среди одной поляны безконечной,
Гдѣ воздухъ мертвъ, гдѣ не росло былинки,
Гдѣ сковано все вѣчной тишиной.

«На западѣ садилось въ тучи солнце,
Бросая погребальный, грустный свѣтъ
На эту омертвѣвшую поляну,
На груды камней, сброшенныхъ колоннъ,
Зеленымъ мхомъ и плесенью покрытыхъ,

«Тамъ демоны поставили меня,
И я стоялъ недвижно, обреченный
На эту казнь на многіе года;
Тамъ время надо мной остановилось,
И ночью не смѣнялся вѣчный день.
Остановилось солнце на закатѣ,
Свои лучи вокругъ меня роняя,
Тоскливые и сонные лучи.

«Враги мои перемѣнили пытку.
Въ полночный часъ носились мы втроемъ
По улицамъ громадныхъ городовъ;
Никто не видѣлъ насъ, но тайный ужасъ
Охватывалъ неспавшихъ горожанъ,
Огни сторожевые погасали
И лаять псы не смѣли у воротъ.
Гудѣлъ звончѣе колоколъ полночный
И воздухъ постепенно холодѣлъ...
Меня переносили на кладбище
И ставили на гробовой плитѣ
Среди могилъ и памятниковъ мрачныхъ.
Вставали дыбомъ волосы мои,
Но я молилъ напрасно о пощадѣ.
Изъ тьмы могилъ являлись мертвецы.
И, саванами длинными покрыты,
Они глядѣли грозно на меня;
Живой мертвецъ я мертвымъ былъ ужасенъ.

«Въ глухую ночь, дрожа, полунагой
Я погружался въ темное болото,
Вокругъ меня носилась стая птицъ
И огонки болотные мелькали.
Когда же утромъ солнце загоралось,
Сверкали снѣгомъ дальнія поля,
На шпицъ высокихъ, древнихъ колоколенъ
Меня сажали демоны, меня
Бросали внизъ съ громадныхъ утесовъ,
И я спасался чудомъ, ухватясь
За корни попадавшихся растеній

«Меня сажали дьяволы въ Бедламъ,
Гдѣ разные безумцы замышляли
Убить того, въ комъ былъ разсудокъ свѣтелъ.
Я подъ дождемъ привязанъ былъ не разъ
Къ вершинѣ мачтъ,—въ пучину океана
Бросался я и выплывалъ со дна.
Съ бродягами, съ убійцами бродилъ я
И, ихъ боясь, не рѣдко совершалъ
Ужасныя дѣла и преступленья.

«Передъ морскимъ приливомъ наконецъ
Позволили на отмели песчаной
Мнѣ умереть, и твердо я стоялъ,
Когда на встрѣчу мнѣ бѣжали волны,
Все выше поднимались надо мной.
Наполнился соленою водою
Мой ротъ.... я захлебнулся вновь...
Мои глаза закрыты, и волны
Заколыхались тихо и опять
Отхлынули отъ берега отливомъ.

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ.

(ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

(Статья третья и послѣдняя.)

Характеръ школьнаго образованія при Петрѣ I. Два направленія: *схоластическое* и *практическое*. Состояніе духовныхъ школъ. Школы: Навигацкая, Инженерная и Артиллерійская. Первый сухопутный кадетскій корпусъ. Отличіе его отъ другихъ учебныхъ заведеній. Частное преподованіе того времени; педагоги туземцы и иностранные бродяги. Поворотъ къ лучшему. Н. И. Панинъ, какъ воспитатель великаго князя. Педагогическая система Бецкаго. Заимствованія, сдѣланныя Бецкимъ у иностранныхъ писателей. Развитіе педагогическихъ идей въ западной Европѣ. Локкъ, Монтэнь и Руссо. *Моральное* направленіе въ педагогикѣ. Закрытое воспитаніе, какъ средство къ созданію «новой породы» людей. Причины его неудачи. Общій взглядъ на царствованіе Екатерины II. Характеристика русскаго общества екатерининскаго времени. Значеніе Бецкаго въ исторіи воспитанія.

Въ нашемъ библіографическомъ очеркѣ мы уже заимствовали изъ уставовъ Бецкаго тѣ главныя черты, примѣненіе которыхъ на практикѣ должно было отразиться извѣстнымъ образомъ на внутренней жизни воспитательныхъ учрежденій, находившихся подъ вѣдомствомъ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Эти черты были важны для насъ въ связи съ личнымъ характеромъ Бецкаго и его непосредственнымъ вліяніемъ на судьбу воспитанниковъ. Съ той же цѣлью были приведены нами небольшіе отрывки изъ воспоминаній Гоголи и Глинки, которые оба были живыми сви-

дѣтелями реформы или, лучше сказать, живымъ матеріаломъ, на которомъ пробовалась новая педагогическая система. Такимъ образомъ, мы покончили съ субъективной стороной этой системы: хорошо или дурно—пусть рѣшаетъ читатель. Теперь намъ предстоитъ другая половина задачи: разсмотрѣть педагогическія идеи Бецкаго, независимо отъ личности, приводившей ихъ въ исполненіе, независимо отъ той доли искренности и нравственнаго мужества, которую свѣтлая личность могла вносить, и дѣйствительно вносила въ задуманное ею дѣло. Каковы были эти идеи сами по себѣ, по своему внутреннему достоинству, какъ логически-построенная и логически-примѣненная къ жизни теорія воспитанія? Но прежде, чѣмъ излагать и разсматривать совершенно объективно теоретическую программу Бецкаго, мы должны еще опредѣлить, какъ шло у насъ воспитаніе до того времени, какими началами руководствовалось оно и насколько соотвѣтствовало разумнымъ требованіямъ. Необходимо указать, какія именно улучшенія произвела новая система сравнительно съ прежней, иначе заслуга реформатора не будетъ выяснена и оцѣнена по справедливости. Всякая реформа — педагогическая, экономическая, государственная — есть результатъ своего времени и порождается всею совокупностью соціальныхъ условій, при которыхъ жили и дѣйствовали наши предки; понятно, что внѣ этого времени она теряетъ свою жизненность и практичность. Нравственные вопросы и общественныя проблемы, нынѣ утруждающія собой только головы россійскихъ газетныхъ публицистовъ, могли серьезнѣе занимать лучшіе умы прежняго поколѣнія; надежды и стремленія, уже устарѣвшія для насъ и сданныя въ архивъ, были юны и свѣжи лѣтъ сто тому назадъ. Развитіе мысли имѣетъ свои ступени, свои переходы, неизбѣжные во всякомъ органическомъ процессѣ, но важно знать: впередъ или назадъ велъ реформаторъ современное ему общество. Если общественное сознаніе крѣпло и расширялось подъ вліяніемъ извѣстной реформы, если плодотворная мысль, внесенная въ общество, послужила сѣменемъ для другихъ полезнѣйшихъ выводовъ, то историческая заслуга реформы не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Еще важнѣе, если нѣкоторыя мысли, высказанныя при этомъ, не потеряли своей цѣнности даже до настоящаго времени, и, какъ научныя аксіомы, сдѣлались достояніемъ всѣхъ

мыслящихъ людей. Въ этомъ заключается уже общее, безотносительное значеніе реформы.

Характеръ школьнаго образованія при Петрѣ I обусловливается двумя чертами, свойственными тому времени вообще: съ одной стороны мы видимъ новыя стремленія, шедшія въ разрѣзъ съ прежнимъ бытомъ, съ другой — упрямая старина ревниво держится за свои понятія и привычки, выработанныя вѣками. Сообразно съ этимъ, и въ школьномъ образованіи мы различаемъ двѣ струи, два противоположныя направленія, изъ которыхъ одно ведетъ свое начало отъ «домостроя» и «анфологіи» Петра Могилы, а другое отъ государственной реформы Петра I. При вступленіи на престолъ Петра I единственными разсадниками образованія были у насъ кіевская духовная академія, называвшаяся тогда коллегіей (основ. въ 1589 г.) и московская духовная академія, носившая названіе греко-славяно-латинскаго или заиконоспасскаго училища. Въ этихъ академіяхъ получали образованіе не одни только лица духовнаго званія, но въ нихъ поступали и дворянскія дѣти, даже княжескихъ фамилій. Такъ напр. въ московскую духовную академію, уже въ 1736 г. поступило 158 дворянскихъ дѣтей и между ними князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы и пр. Было время, когда устройство этихъ училищъ казалось явленіемъ прогрессивнымъ: кіевскіе ученые, сами пропитанные насквозь схоластикой, нетерпимостью и предразсудками, стояли однако много выше современныхъ имъ московскихъ книжниковъ; западная цивилизація, хотя и почерпнутая изъ весьма сомнительныхъ источниковъ, находила себѣ кое-какой пріютъ въ стѣнахъ духовныхъ академій. Но событія не останавливались, и кіевскіе мудрецы, слывшіе нѣкогда новаторами въ Москвѣ, оказались старовѣрами предъ лицомъ новыхъ требованій, предъявленныхъ Россіи ея крутымъ преобразователемъ. Немногіе изъ нихъ (какъ напр. Ѳеофанъ Прокоповичъ) перешли прямо и открыто на сторону преобразованій. Школьный уставъ, дѣйствовавшій въ обѣихъ академіяхъ, такъ и замеръ въ своихъ старыхъ рамкахъ и, въ этомъ видѣ, имѣлъ болѣе или менѣе вредное вліяніе не только на духовныя, но и на свѣтскія училища. Схоластическое направленіе было господствующей чертой во всѣхъ духовныхъ училищахъ: занесенное въ кіевскую академію изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, оно безпрепятственно распространялось отсюда по всей Россіи подъ ви-

домъ риторикъ, пітикъ и другихъ псевдо-наукъ, составлявшихъ предметъ школьнаго преподаванія. Схоластикамъ не было никакого дѣла до содержанія и практической пользы наукп; они заботились только о томъ, чтобы подвести всѣ умственные вопросы подъ условно-составленныя формы, чтобы на каждый изъ нихъ отвѣтить искуснымъ логическимъ пируэтомъ, вовсе не касающимся сущности дѣла. При рѣшеніи вопроса употреблялись одинаковые, опредѣленные пріемы. Сначала составлялись опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій въ вопросѣ; потомъ слѣдовалъ отвѣтъ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ положеній; на каждое изъ нихъ приводились доказательства, заимствованныя не изъ одного только священнаго писанія, но часто изъ мнѣній схоластическихъ богослововъ, напр. Ѳомы Аквитанскаго. Затѣмъ слѣдовали возраженія, которыя заключались отвѣтами. Такъ велось преподаваніе философіи и богословія. Разрѣшался ли дѣйствительно отвѣтомъ постановленный вопросъ; на какихъ данныхъ, подлежащихъ анализу, основывалось опредѣленіе—объ этомъ нечего было и тревожиться академическому педагогу. Лишь бы на каждую рубрику вопроса приходилось по одной рубрикѣ отвѣта, а что касается до опыта и наблюденія, которыя могли бы вмѣшаться въ споръ, то они совсѣмъ не допускались въ сферу отвлеченныхъ, метафизическихъ тонкостей. Такимъ образомъ, логика занималась a priori рѣшеніемъ вопросовъ: есть ли въ волосахъ жизненная сила, отчего у стариковъ выпадаютъ волосы? Почему у женщинъ не ростетъ борода? и т. п. Богословіе опредѣляло: сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? могутъ ли ангелы приводить въ движеніе другія тѣла? Однимъ словомъ, «неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,» схоластики-педагоги забывали цѣликомъ весь міръ живыхъ явленій, окружавшій мальчика и производившій на него непосредственное впечатлѣніе. Формализмъ господствовалъ страшный; не въ чемъ было и проявиться самостоятельному мышленію ученика. Описывая въ своемъ классномъ сочиненіи поле, зданіе или рѣку, юный авторъ не могъ излагать своихъ мыслей въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ рождались въ его умѣ, но долженъ былъ непремѣнно обратиться къ риторикѣ и изъ нея почерпать избитыя, казенныя формы для своего изложенія. Въ риторикѣ заключались правила какъ похвалить и то, и другое, и третье. При похвалѣ зданію слѣдовало восхищаться мѣстоположені-

емъ, улицей, на которой домъ стоитъ, обширностью крыльца и сѣней, драгоцѣнностью дерева, камней, красотою скульптурныхъ изображеній, буде таковыя найдутся и пр. и пр. Составленъ былъ цѣлый списокъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ, пригодныхъ для похвалы или порицанія, цѣлый арсеналъ словъ, будто бы украшающихъ рѣчь, при чемъ особенно налегали на миѳологическія названія. Всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса, излагались на латинскомъ языкѣ; на немъ писались всѣ почти сочиненія; онъ же былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ внѣ класса. Только въ 1765 г. извѣстный Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій), издавъ на русскомъ языкѣ свое богословіе, поубавилъ нѣсколько господство латыни. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали и другія преобразованія; въ курсъ духовныхъ училищъ стали входить, мало по малу, исторія, географія, естественныя науки и новѣйшіе иностранные языки. Но все это произошло уже въ то время, когда начинались реформы Бецкаго, и нельзя сказать, чтобы онѣ не имѣли въ этомъ случаѣ хотя косвеннаго вліянія, распространивъ въ обществѣ болѣе здоровыя педагогическія понятія. Забиваніе латынью началось съ низшихъ грамматическихъ классовъ. Чтобы пріучить учениковъ говорить между собою на языкѣ Горація и Виргилія, употреблялось слѣдующее курьезное средство, придуманное въ іезуитскихъ школахъ: въ классѣ ходилъ по рукамъ такъ называемый калькулюсъ, т. е. деревянный футляръ со вложеннымъ въ него листомъ бумаги; на этомъ листѣ записывалось имя ученика, сказавшаго хотя одно слово не по латыни или по латыни, но съ ошибкою. Провинившійся получалъ футляръ и носилъ его до тѣхъ поръ, пока не подмѣчалъ своего товарища въ такой же оплошности; тогда футляръ переходилъ въ другія руки. Хуже всего было тому ученику, у котораго оставался калькулюсъ при входѣ учителя въ классъ: онъ подвергался неминуемо наказанію. Наказанія въ духовныхъ училищахъ отличались вообще своей строгостью. Такъ напр. въ новгородской епархіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, наставники дѣлали ученикамъ, за маловажные проступки, до двухъ разъ словесный выговоръ, за третью вину уже смиряли шелепами, за четвертую и пятую—плетьми и тюремнымъ арестомъ. Но чаще конечно, безъ всякой постепенности, прибѣгали прямо къ плетямъ и розгамъ; даже кроткіе по натурѣ наставники становились свирѣ-

пыми въ классѣ и пускали въ дѣло всевозможныя тѣлесныя истязанія. Къ чему могутъ повести такія строгости,—рѣшить нетрудно, въ особенности имѣя для справокъ «Очерки бурсы» Помяловскаго. Натура мальчика исказилась до послѣдней степени: въ ней пропадали всѣ добрые инстинкты, всѣ честныя побужденія... Запертые въ бурсѣ, какъ звѣри въ клѣткѣ, подъ присмотромъ наставниковъ, вооруженныхъ чуть не каленными желѣзными прутьями, юноши дичали и озлоблялись; жестокія наказанія, убивъ въ нихъ самолюбіе и чувство стыда, тѣмъ самымъ развязывали руки на грубѣйшія шалости, на отвратительнѣйшія забавы. Физическія условія воспитанія были нисколько не лучше нравственныхъ. Правда, въ духовномъ регламентѣ, составленномъ Ософаномъ Прокоповичемъ, указаны были нѣкоторыя гигіеническія мѣры для сохраненія веселости духа и здоровья воспитанниковъ. Для отвращенія скуки ученіе должно было смѣняться «играми честными и тѣлодвижными», лѣтомъ въ саду, а зимою въ комнатахъ, на что назначалось каждый день по два часа; одинъ или два раза въ мѣсяцъ дозволялось дѣлать прогулки по окрестностямъ. Кромѣ того семинаристы, живущіе на казенномъ счету, должны были помѣщаться не больше какъ по осьми или девяти человѣкъ въ каждой комнатѣ, для сохраненія чистаго воздуха. Но всѣ эти прекрасные совѣты никогда не осуществлялись въ дѣйствительности: «честныя и тѣлодвижныя игры» замѣнялись кулачными боями, не обходившимися безъ увѣчья, а о чистомъ воздухѣ нельзя было получить и приблизительнаго понятія, живя въ бурсѣ [1]). Чтобы не говорить голословно, мы приведемъ здѣсь разсказъ самаго Бецкаго: «Памятую сказанное мнѣ отъ господина Саншеса [2]). Въ 1734 г. призванъ былъ онъ къ архимандриту александро-невскаго монастыря, чтобы посмотрѣть дѣтей (т. е. воспитанниковъ семинаріи), коихъ находилось числомъ до 50, и отъ 8 до 15 лѣтъ, и всѣ больны цынгою. Съ удивленіемъ увидѣлъ, что у нихъ были десны гнилыя, шатались зубы, которые можно было

[1]) См. «Яковичъ де-Миріево», соч. А. Воронова, стр. 6—20.

[2]) Докторъ Антоніо Рибейро Саншецъ, родомъ изъ Португаліи, вызванъ былъ въ Россію въ 1731 г. и пробылъ до 1747 г. Онъ служилъ сначала главнымъ врачемъ при кадетскомъ корпусѣ, а въ 1740 г. назначенъ вторымъ лейбъ-медикомъ къ малолѣтнему Іоанну Антоновичу. На его мнѣнія часто ссылается Бецкій въ своихъ уставахъ.

вынимать пальцами. У многихъ рты и неба испорчены были до самаго горла. Прежде всего узнать старался, что они ѣдятъ, пьютъ, въ чемъ упражняются, гдѣ и на чемъ спятъ. Спали они въ большой избѣ, въ нижнемъ жильѣ, въ спертомъ воздухѣ. Въ углу была деревянная большая печь, вмѣсто постели доски или нары, какъ во многолюдной караульнѣ; спали часто нераздѣваясь. Позналъ онъ тотчасъ причину ужасной цынги бѣдныхъ сихъ дѣтей!.. (См. Собраніе учрежденій касательно воспитанія въ Россіи. Т. I, стр. 209—10.)

Но рядомъ съ этимъ *схоластическимъ* направленіемъ, и въ противоположность ему, появилось у насъ при Петрѣ I и другое, чисто *практическое* направленіе въ школьномъ образованіи.

Задумавъ преобразовать Россію и тѣмъ ввести ее въ кругъ европейскихъ державъ, отъ которыхъ она отстала на нѣсколько вѣковъ, благодаря монгольскому игу со всѣми его прямыми и косвенными послѣдствіями,—Петръ I не останавливался, какъ извѣстно, ни передъ какими средствами для достиженія задуманной цѣли. Школа должна была явиться, по его плану, естественной союзницей преобразованія, нарушавшаго всѣ старыя основы общественной и государственной жизни; только наука, разгоняя тьму предразсудковъ, могла ознакомить Россію съ «басурманской» цивилизаціей; только она одна, распространяясь въ народѣ, дала бы возможность царю найти себѣ преданныхъ слугъ и усердныхъ дѣятелей реформы. Но наука въ своемъ отвлеченномъ значеніи, какъ источникъ нравственныхъ и соціальныхъ идей, развивающихъ общество, была недоступна нашимъ предкамъ; практическій, дѣловой характеръ реформы требовалъ на первый разъ не идей, а практическихъ же осязательныхъ плодовъ цивилизаціи, о которыхъ не могло бы возникнуть никакого спора и сомнѣнія: дѣйствительно ли нужно переносить ихъ въ наше отечество? Такимъ образомъ, изъ науки заимствовалась прежде всего ея внѣшняя, такъ сказать, культурная сторона. Россіи нужны были моряки, инженеры, геодезисты, архитекторы, рудокопы, артиллеристы,—и сообразно съ этимъ устраивались у насъ первыя свѣтскія школы по европейскому образцу. Въ 1701 году, учреждена была въ Москвѣ Навигацкая школа, послужившая основаніемъ нынѣшнему морскому корпусу. Въ этой школѣ преподавались преимущественно морскія науки; незнающіе грамоты,

поступали въ первый классъ, называвшійся русскою школою, и затѣмъ переходили въ ариѳметическій классъ или въ цифирную школу. Дѣти разночинцевъ, по большой части, оканчивали здѣсь ученіе и опредѣлялись въ писаря, архитекторскіе помощники и т. п. Но дѣти дворянъ обязаны были продолжать ученіе далѣе и учиться геометріи, тригонометріи съ приложеніемъ къ геодезіи и мореплаванію, навигаціи, астрономіи и фехтованію. Способнѣйшіе ученики посылались, по окончаніи курса, за границу для усовершенствованія въ наукахъ: тамъ они или поступали волонтерами на военные корабли для практическаго изученія мореплаванія, или продолжали учиться въ морскихъ школахъ Англіи, Голландіи и др. странъ. Строгіе указы предписывали недорослямъ являться въ школу; за ослушаніе виновныхъ посылали даже на галерныя работы, били батогами и показывали денежнымъ штрафомъ; бѣжавшихъ изъ школы отыскивали и подъ карауломъ возвращали въ Петербургъ, имѣнье же отбирали въ казну. Въ распредѣленіи школьнаго курса, въ изложеніи учебныхъ предметовъ мы не замѣчаемъ еще никакого желанія приноровиться къ способностямъ, темпераменту и возрасту учениковъ. Малыя дѣти сидѣли на одной скамьѣ съ бородатыми юношами; тѣхъ и другихъ загнали въ школу, не спрашивая ихъ желанія и не развѣдывая ихъ склонностей; тѣмъ и другимъ, въ одинаковомъ размѣрѣ и съ одинаковыми пріемами, преподавались разныя общія и спеціальныя науки. На ученье смотрѣли, какъ на службу, и если ученики мало преуспѣвали въ своихъ занятіяхъ, то лѣность ихъ объяснялась не плохимъ преподаваніемъ, не дурнымъ выборомъ спеціальности, наконецъ не физическимъ разстройствомъ, а злостнымъ намѣреніемъ уклониться отъ своихъ прямыхъ, служебныхъ обязанностей. Школьныя шалости (къ числу которыхъ принадлежали пьянство, буйство, разбой, воровство и т. п.) разсматривались, какъ преступленія по службѣ, и виновныхъ наказывали «по два дни нещадно батогами или, по молодости лѣтъ, кошками вмѣсто кнута.» Гоняли и шпицрутенами сквозь строй, а потомъ снова сажали учиться... Но жестокія наказанія не унимали молодежь, и «вольныя квартиры» учениковъ бывали обыкновенно притономъ самой развратной и безобразной жизни. Для соблюденія школьной дисциплины приказано было дядькѣ во всякомъ классѣ «имѣть хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ

хлыстомъ быть, несмотря какой бы ученикъ фамиліи не былъ». Послѣ молитвы, воспитанники должны были расходиться по классамъ и сидѣть по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможной учтивостью, безъ всякой конфузіи, не досаждая другъ другу». При ученіи грамотѣ способъ ученія употреблялся старинный: за азбукой церковно-славянской печати слѣдовалъ часословъ, потомъ псалтырь и послѣ того уже начиналось чтеніе гражданской печати. Учебные предметы преподавались каждый отдѣльно, т. е. по окончаніи одного приступали къ другому. Отсутсвіе разнообразія при этой системѣ крайне утомляло вниманіе учащихся, ихъ любознательность была мало возбуждена и главную роль въ обученіи играла счастливая память; ученіе производилось здѣсь на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, что составляло уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ порядкомъ, долго державшимся въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но слѣдуетъ прибавить, что изложеніе въ учебникахъ отличалось темнотою и сбивчивостью; такъ напр. ариѳметика и географія опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «ариѳметика или числительница есть художество честное независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена являвшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изображенное и изложенное». «Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и фикція свойство земноводнаго корпуса, купно съ феноминами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ: солнца, луны и звѣздъ». Мудрено было усвоить себѣ такія опредѣленія, не вызубривъ ихъ наизустъ. Тѣмъ не менѣе навигацкая школа принесла въ свое время большую практическую пользу: изъ навигаторовъ, отправленныхъ за границу для практическаго изученія мореходства, образовались будущіе адмиралы: Зотовъ, Головинъ, князь Голицынъ, Соймоновъ и др.; отсюда же вышли первые наши инженеры, артиллеристы и геодезисты, т. е. гидрографы, топографы и землемѣры; въ числѣ ихъ можно упомянуть Кирилова, составившаго первый полный атласъ Россіи. Въ этой же школѣ приготовлялись учителя для первоначальныхъ или цифирныхъ школъ, гдѣ курсъ ученія ограничивался грамотой и цифирью. Навигацкая школа, еще при жизни Петра переведенная въ Петербургъ и названная морской академіей, переименована была въ 1752 г. въ въ шляхетный морской кадетскій корпусъ и про-

должала свое существованіе до вступленія на престолъ Екатерины II-й въ томъ же духѣ и на тѣхъ же основныхъ началахъ, приготовляя преимущественно морскихъ офицеровъ, штурмановъ, геодезистовъ и учителей. Кругъ спеціальныхъ наукъ нѣсколько расширился, но преподаваніе ихъ было, по прежнему, практическое: наукъ, необходимыхъ для общаго образованія, почти не было въ курсѣ, даже иностраннымъ языкамъ учились здѣсь не всѣ. По этой причинѣ изъ корпуса выходили практическіе люди, труженики, полезные въ своей спеціальности, но съ весьма ограниченнымъ общимъ образованіемъ. Только уже при императрицѣ Екатеринѣ II-й въ учебный курсъ введены были словесныя науки, къ которымъ отнесены философія, мораль, исторія, географія и новые языки. Преобразованіе это совершилось по иниціативѣ директора корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова, одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени. Но и Кутузовъ оставилъ нетронутой въ устройствѣ корпуса одну любопытную и характеристическую черту, а именно при корпусѣ оставленъ былъ существовавшій уже прежде отдѣльный классъ геодезіи, гдѣ приготовлялись разныя подмастерья и учителя для того же заведенія по предметамъ спеціальнымъ. Замѣчательно, что ученики этого геодезическаго класса, сами предназначавшіеся въ учители, составляли вмѣстѣ съ тѣмъ и прислугу для кадетовъ: до такой степени роль *мастера* или учителя стояла низко въ общемъ мнѣніи современниковъ. Подъ вліяніемъ новыхъ гуманныхъ понятій обращеніе съ кадетами, въ царствованіе Екатерины II-й, приняло также другой характеръ: тѣлесныя наказанія, хотя и не были изгнаны совсѣмъ, какъ въ уставахъ Бецкаго, но употреблялись только за большія вины и замѣнялись въ незначительныхъ проступкахъ лишеніемъ обѣда, арестомъ, карцеромъ и т. п. [1]).

Кромѣ навигацкой школы, при Петрѣ I-мъ основаны были (въ 1712 г.) инженерная и артиллерійская школы, образовавшія впослѣдствіи второй с.-петербургскій кадетскій корпусъ. Причина ихъ основанія таже, что и морскаго корпуса, а именно: ближайшая практическая потребность. Учреждая въ Россіи новое регулярное войско вмѣсто нелѣпой и буйной ватаги стрѣльцовъ, воевавшихъ

[1]) См. Яшков. де Мир. стр. 23—4.

только въ своемъ собственномъ отечествѣ, Петръ I-й чувствовалъ необходимость имѣть со временемъ, опытныхъ офицеровъ изъ природныхъ русскихъ, чтобы замѣнить ими наемныхъ чужестранцевъ, которымъ солдаты очень неохотно повиновались. Вниманіе Петра обратилось первоначально на инженеровъ и артиллерію. Инженерная школа была устроена въ Москвѣ, и воспитанники ея обязаны были, для обученія математикѣ и фортификаціи, посѣщать навигацкую школу, но съ 1719 г., когда подобное же инженерное училище возникло въ С.-Петербургѣ, московская школа стала быстро приходить въ упадокъ, и въ 1724 г. всѣ остававшіеся ученики ея переведены были въ С.-Петербургъ. Обученіе въ обѣихъ школахъ происходило такимъ же точно порядкомъ, какъ и въ навигацкой школѣ: познанія, преимущественно техническія, вбивались въ учениковъ фухтелями и розгами, безъ всякой заботливости о правильномъ распредѣленіи учебнаго курса. Склонность учениковъ къ тому или другому спеціальному занятію не принималась въ разсчетъ при назначеніи ихъ въ школу; мысль эта была вообще чужда тому времени, и только въ концѣ своей жизни Петръ I-й напалъ на нее и высказался слѣдующимъ образомъ при учрежденіи академіи наукъ: «каждаго ученика, назначаемаго къ одному изъ академиковъ, именно спросить, *къ какой наукѣ онъ болѣе склоненъ* и себя опредѣляетъ». Но то, что было признано необходимымъ впослѣдствіи относительно академическихъ учениковъ, казалось излишнимъ въ отношеніи къ инженерамъ и артиллеристамъ. Въ способности послѣднихъ къ стрѣльбѣ и военной архитектурѣ никто не имѣлъ права сомнѣваться; такимъ образомъ, лѣность учениковъ и малые успѣхи въ наукахъ считались, также какъ въ навигацкой школѣ, результатомъ упрямства и умышленнаго нежеланія учиться. Вслѣдствіе такого взгляда, въ 1737 г. изданъ былъ указъ, по которому всѣ ученики артиллерійской и инженерной школъ, достигшіе 16-лѣтняго возраста, но не оказавшіе успѣховъ въ ученіи, отсылались «въ адмиралтействъ-коллегію для опредѣленія въ матросы *безъ всякаго произвожденія* (т. е. безъ выслуги), ибо отъ того никакой пользы ожидать невозможно, который въ обученіи такихъ *безтрудныхъ* и ему весьма потребныхъ наукъ никакого радѣнія не показалъ» [2]).

[2]) См. Сборникъ свѣдѣній о военно-учебн. завед. въ Россіи, т. I, стр. 5 и 21.

Не должно забывать однако, что подобный взглядъ, до очевидности нелѣпый въ нашихъ глазахъ, былъ весьма понятенъ и извинителенъ въ свое время: раздѣленіе учебныхъ предметовъ на общеобразовательные и спеціальные не существовало тогда ни въ теоріи, ни на практикѣ; самая мысль объ общемъ умственномъ развитіи учащихся, высказанная въ концѣ XVII столѣтія Джономъ Локкомъ, еще только начинала, да и то не безъ трудной борьбы, распространять свое вліяніе въ западной Европѣ. Этимъ же суровымъ и глухимъ временемъ объясняются тѣ жесткія взысканія, которыя были въ большомъ ходу въ прежнихъ школахъ; не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ стѣны училищъ оглашались воплями истязуемыхъ, угрозами истязавшихъ, и ферула педагога висѣла, какъ дамокловъ мечъ, надъ спиною каждаго ученика. Не даромъ Лютеръ называлъ современные ему разсадники просвѣщенія «ослиными учрежденіями» и «школами дьявола»; немного измѣнились они и въ теченіи первой половины XVII вѣка. Петръ I-й сознавалъ, хотя и смутно, общеобразовательное значеніе науки, онъ на себѣ самомъ испыталъ ея эмансипирующее вліяніе; но значеніе это ограничивалось для него, по крайней мѣрѣ, въ воспитаніи, одной отрицательной сторопою, удаленіемъ человѣка отъ безпутства и вредной праздности. Въ этомъ смыслѣ онъ приказывалъ магистратамъ (въ 1724 г.): «стараться прилежно, чтобъ малолѣтнія не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ людей гражданскихъ жителей дѣти читать и писать, и ариѳметикѣ или цифирному счисленію обучались и для того при церквахъ, или гдѣ пристойно, учреждать школы, чтобъ такія малолѣтнія, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти, отъ которыхъ впредь граду польза и вспоможеніе можетъ быть, *безъ обученія въ непотребство и въ какой нибудь вредъ граду не возрастали*» [3]).

Воспитанники инженерной и артиллерійскихъ школъ жили сначала на вольныхъ квартирахъ, но такъ какъ оставаясь безъ надзора, они большую часть времени проводили «въ гуляньи и въ прочихъ неприличныхъ честнымъ людямъ поступкахъ», то скоро замѣтно стало желаніе поселить ихъ всѣхъ въ одномъ домѣ, подъ однимъ общимъ контролемъ. Съ 1722 г. въ артиллерійскую школу прини-

[3] См. статью г. Стоюнина въ Педагог. Вѣстникѣ 1857 г. № 7.

мались сыновья артиллерійскихъ служителей и арсенальныхъ мастеровыхъ, подъ названіемъ пушкарскихъ дѣтей, и всѣ они получали казенное помѣщеніе въ школѣ, но дворяне оставались по прежнему на вольныхъ квартирахъ. Тѣмъ не менѣе мысль сосредоточить воспитанниковъ въ одномъ мѣстѣ, для удобнѣйшаго надзора за ними, сильно занимала начальство, и въ 1738 г. уже всѣ воспитанники инженерной школы размѣщены были на казенныхъ квартирахъ въ инженерномъ дворѣ и продовольствовались казенною пищею, за которую вычитали у нихъ изъ жалованья по одной коп. съ рубля. Для свиданія съ родственниками учениковъ увольняли въ праздничные дни и по субботамъ послѣ обѣда, но ночевать они обязаны были непремѣнно возвращаться въ школу. Каковы были учители и какъ обращались они въ классѣ съ учениками, можно видѣть изъ записокъ маіора Данилова, обучавшагося сначала въ московскомъ, а потомъ въ петербургскомъ отдѣленіи артиллерійской школы. «Я былъ охотникъ рисовать — разсказываетъ Даниловъ,— зная мою къ рисованію охоту, сидящій близь меня ученикъ Жеребцовъ, сыскавъ не знаю гдѣ-то рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье. А при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные незаписанные ученики: князь Волконскій и князь Сибирскій. Они, по большей части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою скоростью, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ (дескать) ученикъ не учится, а вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ». Алабушевъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный, *по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу:* вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ велѣлъ Жеребцова привести передъ себя и, не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, поваля его на полъ, велѣлъ ему рисунокъ положить на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ; помню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкладкѣ. Оное странное награжденье, за рисованье оказанное, я, видя, положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое,

чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему, Жеребцову, совѣтовалъ тожъ всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказанье за рисованье учреждено; однако, не устрашило меня Жеребцова наказанье, и я продолжалъ учиться рисовать, *только не въ школѣ.*» «Ученики были всѣ помѣщены—продолжаетъ Даниловъ—въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни по двѣ на сторонѣ; когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ, тогда, бывало, учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно: ше-башъ».

Можно представить себѣ, съ какимъ удовольствіемъ бѣжали домой изъ классовъ юные артиллеристы, изумляя прохожихъ своей необузданной шаловливостью, на время стертой и задавленной суровыми наказаніями. Недаромъ разсказывается въ одномъ сатирическомъ журналѣ того времени: «выходили мы отъ мастера (т. е. отъ учителя) *такъ какъ шальные;* раскричимъ себѣ головы и *кажемся добрымъ людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго удару.* Однако сіе не мѣшало намъ препроводить остатокъ дня въ рѣзвости и гуляньи, а домой приходили мы всегда вмѣстѣ съ ночью». [1])

Петербургская школа, въ которую перешелъ Даниловъ (въ 1740 г.) была нѣсколько лучше, и директоръ ея «человѣкъ прилежный и тихій» не подвергалъ учениковъ такимъ прихотливымъ истязаніямъ. Вообще артиллерійская и инженерная школы приносили весьма незначительную пользу; умственное образованіе воспитанниковъ ограничивалось, за неимѣніемъ хорошихъ учителей, кое-какими математическими познаніями и первыми началами артиллеріи и фортификаціи, о нравственномъ же развитіи дѣтей и совсѣмъ не заботились. Не ранѣе, какъ съ 1756 г., т. е. со времени назначенія генералъ-фельдцейхмейстеромъ графа П. И. Шувалова, внутреннее состояніе этихъ школъ измѣнилось къ лучшему. Соединивъ обѣ школы въ одну подъ своей непосредственной дирекціей, графъ Шуваловъ сталъ лично входить во всѣ распоряженія, самъ опредѣлялъ учителей, присутствовалъ при экзаменахъ и практическихъ ученьяхъ и награждалъ прилежныхъ учениковъ. Къ прежнимъ учеб-

[1]) *Русск. сатирич. журналы*, соч. г. Афанасьева, стр. 128.

нымъ предметамъ прибавлено было преподаваніе гражданской архитектуры и французскаго языка, а впослѣдствіи, съ преобразованіемъ школъ въ инженерный и артиллерійскій кадетскій корпусъ, въ учебный курсъ вошли еще химія, физика, исторія и географія. Для чтенія ученикамъ выписывались русскія и французскія газеты, и заведена была небольшая библіотека. Кромѣ общаго образованія, Шуваловъ позаботился также о нравственномъ направленіи дѣтей, хотя, какъ видно, онъ понималъ это направленіе въ самомъ узкомъ, дисциплинарномъ смыслѣ. Вліяніе среды, окружающей воспитанниковъ, не ускользнуло отъ наблюдательнаго взгляда новаго директора. Прежде, въ случаѣ болѣзни, учениковъ отправляли въ артиллерійскій и инженерный госпиталь; но чтобы они «отъ сообщества съ солдатами не могли принимать привычекъ, несвойственныхъ благороднымъ людямъ», графъ учредилъ при школѣ особый лазаретъ. [1])

Лучшимъ изъ военно-учебныхъ заведеній прежняго времени слѣдуетъ признать кадетскій корпусъ, учрежденный по мысли Миниха въ 1731 г. и открытый 17-го февр. 1732 г. въ большомъ каменномъ домѣ съ садомъ и службами, принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому любимцу Петра, князю Меншикову. [2]) Въ уставѣ этого корпуса мы находимъ нѣкоторыя новыя черты, выгодно отличающія его отъ другихъ заведеній подобнаго рода. Военныя науки и упражненія (какъ напр. фортификація, артиллерія и шпажное дѣйствіе или фехтованіе) шли здѣсь своимъ чередомъ, но «понеже не каждаго человѣка (говорится) природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе, того ради имѣть притомъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, потому бы и къ ученію опредѣлять». На этомъ основаніи, при переводѣ кадетъ въ первый (т. е. старшій) классъ, составлялся совѣтъ изъ начальства корпуса и учителей для того, чтобы

[1]) Въ мартѣ 1800 г. этотъ корпусъ получилъ новое названіе *второго* кадетскаго, которое и сохранялъ до новѣйшаго преобразованія его въ военную гимназію. См. Сборн. свѣд. о воен. уч. зав., Т. I, стр. 135.

[2]) Домъ этотъ (на Вас. острову) занятъ нынѣ павловскимъ военнымъ училищемъ.

опредѣлить, кто къ какимъ наукамъ показываетъ болѣе наклонностей. Въ первомъ классѣ занимались преимущественно тѣми науками, къ которымъ кадеты уже выказали раньше свою склонность; сообразно съ этимъ для воспитанниковъ предназначался тотъ или другой родъ службы. Этотъ намекъ на «природную склонность», которой опредѣлялась и вся будущая карьера кадета, представляетъ, безъ сомнѣнія, значительный шагъ впередъ; но рѣшеніе вопроса предоставлялось все-таки корпусному начальству; сами же воспитанники, повидимому, не имѣли права заявлять свое собственное желаніе, какъ это дѣлалось позже подъ управленіемъ Бецкаго. Замѣчательно еще, что нравственная сторона воспитанія, т. е. усвоеніе дѣтьми понятій и правилъ, пригодныхъ въ общежитіи, отдѣляется здѣсь довольно категорически отъ учебной части. Всѣ кадеты должны были помѣщаться въ одномъ домѣ «дабы во всемъ, какъ въ ученіи, такъ и въ прочемъ же состояніи и поведеніи, надъ ними непрестанно имѣть надзираніе». Каждый классъ, при своихъ офицерахъ и надзирателяхъ, помѣщался въ особыхъ комнатахъ по 6 или 7 человѣкъ въ каждой. При этомъ надзирателямъ вмѣнялось въ обязанность «на нравы, обычаи и поступки воспитанниковъ имѣть родительское смотрѣніе, дабы они во всѣхъ своихъ поведеніяхъ, то еже добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваетъ, всегда чинили, а лжи и невѣрности, и прочіе, шляхетству непристойные пороки, заранѣе у нихъ весьма искорены были». Конечно, кроткія мѣры и родительское смотрѣніе примѣнялись не всегда и не ко всѣмъ воспитанникамъ. Въ корпусъ поступали юноши отъ 13 до 18 лѣтъ; многіе изъ нихъ, воспитанные въ своихъ деревняхъ, при содѣйствіи крѣпостныхъ дядекъ и нянюшекъ до того привыкли къ своевольству и грубой жизни, что не могли уже никакъ подчиниться внѣшней, а тѣмъ болѣе военной дисциплинѣ. Въ корпусѣ стали оказываться побѣги. Бѣглецовъ ловили и, для страшенія прочихъ, отсылали въ гарнизонную школу учиться вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми, за первый побѣгъ—на полгода, за второй—на три года. Исправительныя мѣры, которыми старались укрощать въ этомъ заведеніи домашнія шалости питомцевъ, хотя и не отличались такой строгостью, какъ въ артиллерійской школѣ, но были очень чувствительны, въ особенности для дѣтей младшаго возраста. По словамъ Бецкаго «кадеты много

терпѣли отъ фухтелей, и нѣкоторые, по выпускѣ изъ корпуса, оставались оттого на всю жизнь хворыми». Тѣмъ не менѣе родителя охотнѣе отдавали сюда своихъ дѣтей, чѣмъ въ другія военныя школы: корпусъ давалъ больше свободы и удобствъ, а, главное, сообщалъ кадетамъ внѣшній лоскъ, ту *блестящую поверхность* (по выраженію Бецкаго), которая «была предпочитаема простымъ и правдолюбивымъ нравомъ». Кадеты научались здѣсь французскому языку, танцованію и пріобрѣтали такъ называемыя хорошія манеры: все это ставило ихъ очень высоко въ мнѣніи тогдашняго образованнаго общества, не слишкомъ требовательнаго въ дѣлѣ воспитанія. Впрочемъ, надо сказать правду, питомцы кадетскаго корпуса оказывали дѣйствительно большіе успѣхи и въ наукѣ, и въ общемъ интеллектуальномъ развитіи по сравненію съ своими сверстниками—учениками другихъ школъ. Относительно кроткое обращеніе начальства и, всего болѣе, тщательное преподаваніе русскаго языка, доводившее до «правильнаго въ письмѣ склада и стиля», принесли даже тотъ счастливый результатъ, что въ 1749 г. (или около того времени) кадеты составили между собою «общество любителей россійской словесности», въ которомъ читали другъ другу свои сочиненія и переводы. Одинъ изъ членовъ общества, кадетъ Сумароковъ, возгоря желаніемъ сравниться славою съ первоклассными французскими трагиками, началъ писать, въ подражаніе имъ, русскія трагедіи правильными шестистопными виршами. Произведенія юной музы такъ понравились кадетамъ, что они не только читали ихъ съ удовольствіемъ, но заучивали наизусть отдѣльными сценами. Наконецъ, въ 1749 г., на святкахъ, кадеты—члены общества любителей россійской словесности—вздумали сыграть домашнимъ образомъ трагедію Сумарокова «Хоревъ» и сыграли ее недурно. Авторъ, произведенный за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ офицеры, присутствовалъ во время представленія. Подстрекаемый авторскимъ самолюбіемъ и, можетъ быть, увлекшись искусной игрою своихъ товарищей, Сумароковъ разсказалъ о корпусномъ спектаклѣ графу А. Г. Разумовскому, своему покровителю, а тотъ не преминулъ довести интересную новинку до свѣденія императрицы Елизаветы Петровны. Любопытствуя видѣть на сценѣ *русскую* трагедію, государыня приказала тѣмъ же кадетамъ представить «Хорева» во дворцѣ и также въ присутствіи автора. Пьеса была дана на

придворномъ театрѣ 8 янв. 1750 г. Главныя роли занимали кадеты: Мелиссино, Свистуновъ и Бекетовъ. Императрица приказала выдать имъ изъ царской кладовой богатыя одежды и сама убирала Свистунова, изображавшаго на сценѣ Оснельду. Успѣхъ былъ полный: Сумароковъ удостоился высочайшаго благоволенія и вскорѣ назначенъ былъ директоромъ русскаго театра, Кромѣ Сумарокова, въ кадетскомъ корпусѣ получили воспитаніе три другихъ драматическихъ писателя: Херасковъ, Озеровъ и Крюковской. [1])

Всѣ учебныя заведенія, разсмотрѣнныя нами, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, не могли имѣть широкаго, всесторонняго вліянія на общество, хотя крайняя необходимость и загоняла въ нихъ людей, не намѣревавшихся поступать ни въ военную службу, ни въ духовное званіе. Въ виду общихъ цѣлей образованія, недостаточно достигаемыхъ устройствомъ спеціальныхъ училищъ, допущено было въ кадетскомъ (сухопутномъ) корпусѣ усиленное преподаваніе такихъ наукъ, которыя признавались равно полезными и для спеціалистовъ, и для всѣхъ образованныхъ людей; мы видимъ уже попытку избирать спеціальность только тогда, когда умственныя способности учащихся развьются подъ вліяніемъ общеобразовательныхъ учебныхъ занятій. Но несмотря на то, чувствовалась потребность въ другихъ школахъ, въ иной лучшей системѣ общенароднаго и общедоступнаго образованія. Заведеніемъ цыфирныхъ школъ Петръ Великій положилъ начало элементарному образованію народа. По его же мысли (хотя и послѣ его смерти) учреждена академія наукъ, которая должна была распространять образованіе по всей Россіи. Кромѣ ученыхъ изысканій, академики должны были читать публичныя лекціи и имѣть, каждый при себѣ, по два молодыхъ человѣка изъ природныхъ русскихъ, «дабы оные потомъ другихъ россіянъ обучать могли». Съ этой цѣлью при академіи устроены были два учебныя заведенія: низшее гимназія и высшее — университетъ. По регламенту 1747 г. въ курсъ гимназіи входили: латинскій языкъ, чтеніе и письмо, нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, ариѳметика, геометрія и рисованіе. Но гимназія и университетъ при академіи находились въ самомъ плачевномъ состояніи. По свидѣтельству Ломоносова, не-

[1]) Сборн. св. воен. уч. зав. Т. I, стр. 31—33.

достатокъ въ преподавателяхъ былъ страшный: въ верхнихъ классахъ ихъ даже и совсѣмъ не было, а въ низшихъ классахъ «почти всѣ негодные, у которыхъ школьники время теряютъ; нѣкоторые изъ нихъ приняты изъ жалости и, получая жалованье, никого въ гимназіи не обучаютъ, а живутъ при дѣтяхъ у знатныхъ господъ». При такихъ условіяхъ гимназія почти не доставляла студентовъ университету и студенты набирались преимущественно изъ духовныхъ училищъ. Лекціи читались и прекращались по прихоти профессоровъ; съ 1725 г. по 1732 г. не было въ академіи ни одного русскаго студента, который слушалъ бы лекціи академиковъ. Самыя лекціи были непонятны для большинства, такъ какъ онѣ читались почти исключительно на латинскомъ языкѣ. Обращеніе съ студентами было суровое: по словамъ Ломоносова, ихъ *штрафовали подло*. Поощреній же и наградъ не было никакихъ; университетъ не производилъ въ ученые степени и не давалъ никакихъ преимуществъ. О нравственномъ развитіи учащихся никто не прилагалъ ни малѣйшаго старанія. Тщетно Ломоносовъ, пылая надеждой видѣть въ Россіи «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ», вопіялъ противъ безобразнаго устройства академіи, тщетно старался отворить ея двери для лицъ податнаго состоянія: его проэкты и жалобы не были услышаны. Но зато въ 1755 г., по мысли Ломоносова и при содѣйствіи Ив. Ив. Шувалова, открытъ былъ въ Москвѣ университетъ, по образцу академическаго, состоявшій вначалѣ изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. При университетѣ основаны двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, а въ 1779 г. учреждено было кромѣ того, особое дворянское училище подъ именемъ Вольнаго Благороднаго пансіона, гдѣ воспитывались молодые люди на общихъ правахъ съ гимназическими пансіонерами. Окончившіе гимназическій курсъ поступали въ студенты университета. Изъ воспитанниковъ гимназіи для разночинцевъ составился при университетѣ особый театръ, подобно тому, какъ образовался онъ раньше въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; на содержаніе этого театра Шуваловъ обращалъ особенное вниманіе. Въ учебномъ курсѣ новыхъ гимназій также замѣтно сходство съ курсомъ кадетскаго корпуса: и тамъ, и здѣсь мы видимъ преобладаніе иностранныхъ языковъ, но разница состоитъ въ томъ, что въ университетскихъ гимназіяхъ появляется

на первыхъ же порахъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ, чего не было въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. 1) Многоязычіе господствовало такъ сильно въ этомъ курсѣ, что профессоръ Шадемъ, кромѣ древней словесности, предлагалъ еще желающимъ языки халдейской и еврейскій (?) Основаніе университета въ Москвѣ принесло громадную пользу цѣлой Россіи: здѣсь долго сосредоточивались наши лучшія умственныя силы, отсюда вышли знаменитые русскіе писатели, [2]) и въ этихъ же стѣнахъ здравыя педагогическія идеи высказались впервые съ нѣкоторой полнотою и опредѣленностью. Но развитіе московскаго университета и польза, имъ принесенная, относятся къ эпохѣ позднѣйшей; въ то время, когда Бецкій началъ свою многостороннюю дѣятельность, московскій университетъ былъ очень плохой школой, еще только выходившей изъ своего младенческаго состоянія. Фонъ-Визинъ, оставившій намъ объ этомъ времени любопытныя воспоминанія, самъ отмѣчаетъ разницу, произведенную въ университетскомъ преподаваніи двумя десятками лѣтъ. «Самая справедливость—говоритъ онъ—велитъ мнѣ предварительно сознаться, что нынѣшій университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. [3]) Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ». Извѣстно, какъ сдавалъ Фонъ-Визинъ свой гимназическій экзаменъ по латинскому языку и географіи. Преподаваніе въ новооткрытой гимназіи шло крайне плохо: одинъ учитель пилъ *смертную чашу*, другой по нѣскольку мѣсяцевъ не являлся на уроки и, подвергаемый медицинскому освидѣтельствованію, оказывался всего чаще въ пьяномъ видѣ; немудрено, что, при такомъ составѣ преподавателей, экзаменъ не обходился безъ плутней въ родѣ штуки съ камзольными пуговицами, упомянутой въ «чистосердечномъ признаніи» Фонъ Визина. Нравственное развитіе воспитанниковъ шло не дальше ихъ обученія. Мало учившись и еще меньше видя хорошихъ примѣровъ передъ глазами, университетскіе студенты, естественно, не могли ориенти-

---

1) См. Яковичъ де Мирієво стр. 48—49.

2) Фонъ Визинъ, Жуковскій и Карамзинъ.

3) Ф. Визинъ окончилъ курсъ въ московск. университетѣ въ 1762 г., а свое «чистосердечное признаніе» началъ писать года за три до смерти, т. е. приблизительно въ 1789 г.

роваться въ жизни, найти себѣ прочное и любимое занятіе и опредѣлить свои отношенія къ обществу: предоставленные на волю судьбы (подобно самому Ф. Визину), они тревожно метались изъ крайности въ крайность, отъ одного міросозерцанія къ другому, пока не успокоивались наконецъ въ усыпляющей рутинѣ и вѣковыхъ предразсудкахъ. Перейдя изъ гимназіи въ университетъ, Фонъ-Визинъ накинулся, прежде всего, на какія то соблазнительныя книги, украшенныя эстампами, и безъ удержу началъ поглощать ихъ, а «узнавъ въ теоріи все то, что знать было еще рано, искалъ жадно случая теоритическія знанія привесть въ практику». Случай этотъ скоро представился...

Если воспитаніе и обученіе шло такъ дурно въ казенныхъ школахъ, управляемыхъ людьми сравнительно образованными и развитыми, то можно рѣшить a priori, по двумъ-тремъ ходячимъ типамъ тогдашняго общества, какъ велось это дѣло въ частныхъ домахъ и школахъ. Не имѣя подъ руками ни одного опредѣленнаго факта, можно напередъ и безошибочно сказать, что воспитанія, въ раціональномъ значеніи этого слова, нечего искать въ русскомъ обществѣ XVIII-го столѣтія. Немногія исключенія существовали и тогда; но ихъ нельзя брать въ разсчетъ при общей оцѣнкѣ педагогическихъ взглядовъ того времени. Всѣ сатирическіе журналы, мемуары и комедіи XVIII-го вѣка единогласно утверждаютъ, что воспитаніе семейное ограничивалось у насъ (по выраженію Сорванцова въ комедіи Ф. Визина) однимъ лишь *питаніемъ*, т. е. откармливаньемъ ребенка во сколько хватало матеріальныхъ средствъ. «У насъ, говорили старики, изстари положено: для дворянина—шпага, для стряпчаго — перо, а *грамота для поповъ*». (См, Русск. сатир. журн., стр. 120.) Но и послѣдніе не отличались, какъ извѣстно, особенной грамотностью. Вообще ученіе считалось самымъ непріятнымъ дѣломъ, и заботливыя матушки, въ родѣ Простаковой, всячески старались сократить для своихъ дѣтей эту безполезную муку. «Какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ—разсказывается въ «Живописцѣ» — и батюшка мой началъ преподавать мнѣ первыя начала россійской грамоты, то матушка, *любя меня чрезмѣрно*, и опасаясь, чтобъ отъ такого упражненія голова у меня не разломилась или бы по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ книги отрывала и не разъ за то бранила

батюшку, что онъ меня къ тому неволилъ» [1]). Прежде чѣмъ взяться за независимую книгу, барское дитя, окруженное мамками и нянь-ками, дворовыми мальчишками и дѣвчонками, пробовало на нихъ всевозможныя прихоти и, мало по малу, шутя и забавляясь, всасывало въ себя привычки необузданнаго самодурства. «Всякая-всячина», (журналъ, издаваемый самой императрицею Екатериною) рисуетъ намъ картину подобнаго воспитанія, очевидно списанную съ натуры: «Поѣхалъ я однажды къ другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ... въ дѣтскую и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворялася будто плачетъ, а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старался крѣпко ударить няню и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялся. Погодя, другое дитя упало: мать велѣла ему плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ споткнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что позволяешь мамѣ поважи-вать сына бить людей и смѣяться волю да лгать притомъ, будто няня досадила ему. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости?... Она мнѣ на то отвѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто тоже и съ тобой и со мной не было: *какъ же инако съ робятами быть?*... Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ кана-рейку, бивъ руками по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ.» Такое же времяпровожденіе описывается въ «Живописцѣ», въ письмѣ отставнаго драгунскаго ротмистра къ сыну своему Ѳалалею: «мы поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которые худо гонялись за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! Какъ бывало примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопотанье, какъ будто за уголовье въ за-

[1]) См. Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 110—111.

стѣнѣ сѣкутъ: такъ бывало животики надорвешь со смѣху» [1]). Впрочемъ не всегда милыя дѣти видѣли только одно баловство и уступчивость: случалось и имъ испытывать, подъ роднымъ кровомъ, такую же точно грозу, какую насылали они на свою беззащитную дворню. Суровыя родители, въ родѣ вышеупомянутаго драгунскаго ротмистра, вышедшіе въ отставку «послѣ Ставучанской баталіи», расправлялись подъ часъ весьма энергически даже со взрослыми дѣтьми. «Такъ-то ты почитаешь отца твоего — грозно вопрошаетъ отставной воинъзаслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра?— Тому ли я тебя проклятаго училъ?... Да знаешь ли ты, что я тебя за непочтенье къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? Меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали: *я воленъ и надъ животомъ твоимъ;* видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе.» Къ этой угрозѣ мать присовокупляетъ съ своей стороны, остерегая сына: «что ты эго, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка: вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича. Какъ ты себя не бережешь? Ну-кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки, такъ вѣдь онъ бы тебя изуродовалъ пуще божьяго милосердія. Ничево, Ѳалалеюшка, норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовскій; ужь я ли ему не угождаю да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси.»

Послѣ материнскаго баловства и родительскихъ увѣщаній наступала таки, къ сожалѣнію, неизбѣжная пора садиться за азбуку, — неизбѣжная потому, что правительство настаивало очень сильно на своихъ предписаніяхъ и подвергало виновныхъ въ ослушаніи болѣе или менѣе чувствительнымъ огорченіямъ. При Петрѣ Великомъ недоросли—дворяне ничему не выучившіеся лишались права жениться и поступать на службу. Императрица Анна Іоановна повелѣла всѣмъ малолѣтнимъ дѣтямъ, начиная съ семи лѣтъ, записываться въ школы; неуспѣвшіе въ ученіи опредѣлялись безъ выслуги въ матро-

[1]) См. Живоп., стр. 142—143.

сы. Принимая во вниманіе домашнія обстоятельства дозволено было нѣкоторымъ недорослямъ учиться у родителей, но съ тѣмъ, чтобы по достиженіи ими 20 лѣтъ, они представили свидѣтельство въ достаточныхъ познаніяхъ изъ закона божія, ариѳметики и геометріи. Въ царствованіе Елизаветы недоросли обязывались, указами 1742 и 1747 г., являться два раза на смотръ въ столицѣ: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы; неявившихся приказано было отдавать въ солдаты и матросы [1]). Всѣ эти строгости объясняются петровской традиціей—дѣйствовать принудительно на общество въ видахъ его собственной пользы; онѣ имѣли смыслъ въ то время, когда способовъ къ домашнему образованію было очень мало, и казенныя школы были исключительными разсадниками просвѣщенія. Но средства къ образованію размножились съ теченіемъ времени; кромѣ кадетскихъ корпусовъ, открытъ былъ московскій университетъ, возникли частные пенсіоны и явились иностранцы-гувернеры: тогда особыя постановленія для недорослей потеряли свою силу. Въ царствованіе Елизаветы ослушные недоросли были прощаемы нѣсколько разъ; а при Екатеринѣ признано совсѣмъ излишнимъ громить ихъ строгими мѣрами. Образованіе, тѣсно связанное съ служебными преимуществами, получило уже въ то время настолько вѣса въ обществѣ, что дворяне-родители должны были волей-неволей позаботиться о первоначальномъ образованіи своихъ дѣтей. «Ребенокъ, не выучась, поѣзжайка въ Петербургъ—разсуждаетъ Простакова—скажутъ: дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.» Но разставаться съ своими дѣтьми, т. е. отсылать ихъ въ казенныя школы, Простаковымъ тоже не хотѣлось, и вотъ они придумали средство соединить обученіе ариѳметикѣ и граматикѣ съ подовыми пирогами и бѣганьемъ по голубятнѣ. Стоило только обратиться къ помощи туземныхъ педагоговъ, въ родѣ Кутейкина и Цыфиркина, или пригласить иностранца-гувернера вродѣ Вральмана.

Туземные педагоги, обучавшіе грамотѣ и первымъ правиламъ ариѳметики, или сами ходили на домъ къ своимъ ученикамъ (какъ

[1]) Истор. Русск. Слов. Галахова, Т. 1, стр. 416—417.

напр. Кутейкинъ и Цыфиркинъ), или, напротивъ, ученики высиживали у нихъ за букваремъ опредѣленное число часовъ. Между тѣми и другими педагогами (обыкновенно это были пономари, дьячки или семинаристы «убоявшіяся бездны премудрости») мы замѣчаемъ кровное родство, какъ по пріемамъ обученія, такъ и по взглядамъ на свое дѣло; только учителя, разносившіе премудрость по домамъ, обращались съ своими учениками, на глазахъ у семейства, съ большею снисходительностью, чѣмъ осѣдлые педагоги имѣвшіе у себя родъ частной школы, въ которой учились приходящія дѣти. Всѣмъ читателямъ, безъ сомнѣнія, давно извѣстно, какъ занимались своимъ дѣломъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ; но немногимъ извѣстенъ другой типъ деревенскихъ учителей, къ которымъ ученики приходили на домъ. Вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ наставниковъ знакомый уже намъ артилеріи маіоръ Даниловъ: «Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе (это было около 1717 г.), отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ *Брудастому* учаться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая, покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его и, казалось, что у него шеи не было; у него въ тоже время учились два брата мои двоюродные Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастый жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажутъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и по днесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ когда была лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно, и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегданняго сидѣнія такъ ослабѣлъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизустъ, при слу-

шаніи урока въ вечеру, и половины прочитать не могъ, за что послѣдовала резолюція: меня, какъ непонятнаго, *съчь*. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе... Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарѣе, и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и, что приговаривалъ, не помню; только то помню, что мы, на его шутки глядя съ Борисомъ, со страху, чтобъ не засталъ Брудастый, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель. Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаилъ, не могъ дышать свободно. Брудастый, увидя кота, висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ, безъ разбора, по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая, подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастый былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшеный; стегая Елисея, тою же метлою доставалъ нѣсколько страждущаго по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки съ Борисомъ, кромѣ страха, ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ трату.»

Маіоръ Даниловъ, въ то время, когда писалъ свои записки (въ 1771 г.), уже чувствовалъ отвращеніе къ педагогу-циклону, готовому метать цѣлые утесы на шаловливыхъ ребятъ; онъ находитъ даже, что такіе «безпутные и ни къ чему негодные» учителя сами виноваты во всѣхъ гнусныхъ порокахъ своихъ питомцевъ; но боль-

шинство современниковъ почтеннаго маіора такъ и оставалось всю жизнь съ убѣжденіемъ, что «необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе». Изъ этого стариннаго взгляда, неразрывно соединяющаго ученіе съ побоями, возникла и до сихъ поръ держится поговорка: «за битаго (т. е. за ученаго) двухъ небитыхъ даютъ».

Такъ шло частное преподаваніе въ деревняхъ и селахъ. Въ городахъ же бывали еще такъ называемые *мастеры*, изстари извѣстные на Руси; они учили у себя на дому чтенію и письму, и метода ихъ ученія отличалась весьма мало отъ методы Брудастаго.

Кромѣ педагоговъ туземнаго происхожденія, кромѣ Брудастыхъ, Цыфиркиныхъ и *россійскихъ мастеровъ* разнаго рода, на Руси сталъ выработываться съ теченіемъ времени, особый типъ иностранныхъ бродягъ, отправлявшихся въ «московитскую» землю съ спеціальной цѣлью—сдѣлаться наставниками юношества. Историческія условія способствовали у насъ образованію этого типа. Со временъ Петра Великаго, искоренившаго у насъ китайскій предразсудокъ, въ силу котораго вѣчное проклятіе грозило тому, кто усвоитъ себѣ хоть одно басурманское нарѣчіе, — знаніе иностранныхъ языковъ стало распространяться, мало по малу, въ верхнихъ слояхъ русскаго общества. Сначала этимъ знаніемъ отличались только молодые люди, отправленныя за границу самимъ царемъ; но потомъ, замѣтивъ, что выгодная карьера связана съ европейскимъ образованіемъ, многіе русскіе вельможи, уже по собственному побужденію, отправляли своихъ дѣтей въ чужіе краи. Нѣсколько позже, прослышавъ о томъ, что въ Россіи богатые люди охотно учатся иностраннымъ языкамъ, нѣмецкіе и французскіе авантюристы начали сами являться къ намъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Господство французскаго или нѣмецкаго языка въ частномъ обученіи зависѣло отъ того: какому изъ нихъ отдавалось преимущество при дворѣ. Долгое время при дворѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ; но въ царствованіе Елисаветы Петровны онъ былъ вытѣсненъ языкомъ французскимъ, болѣе благозвучнымъ и удобнымъ для салонной бесѣды. Вслѣдствіе этого, увеличился наплывъ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ. «Мы были осаждены, — пишетъ де-ла-Шессальеръ, секретарь французскаго посольства при Елисаветѣ—тучею французовъ всякаго рода,

изъ которыхъ большая часть, испытавъ непріятности съ парижской полиціей, отправилась заражать сѣверныя страны. Мы были изумлены и оскорблены, найдя у многихъ знатныхъ вельможъ—дезертировъ, банкротовъ, распутниковъ и женщинъ такого же покроя, которымъ, по предубѣжденію въ пользу французовъ, поручено было важное дѣло воспитанія дѣтей; видно по всему, что эта дрянь, выброшенная изъ нашего отечества, раскинулась до самаго Китая; по крайней мѣрѣ я находилъ ее вездѣ. Посланникъ думаетъ предложить русскому министру изслѣдовать поведеніе ихъ, сдѣлать между ними разборъ, чтобы самыхъ подозрительныхъ выслать обратно за границу». Слова Мессальера подтверждаются указаніями, разсѣянными во многихъ литературныхъ произведеніяхъ XVII-го вѣка. Изъ «Бригадира» мы знаемъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходило у насъ безсмысленное увлеченіе всѣмъ французскимъ, начиная отъ модныхъ париковъ и кончая молодыми идеями или, лучше сказать, фразами; выхваченными изъ французскихъ книжекъ. Иванушка Ф. Визина корчитъ изъ себя настоящаго француза; онъ усвоилъ себѣ внѣшній лоскъ французскаго обхожденія, и до него долетѣли также отрывки матеріалистическихъ понятій, бывшихъ въ ходу во французскомъ обществѣ того времени. Онъ «знавалъ fort hônnetes gens, которые божбу ни во что ставятъ»; онъ глумится надъ почтеніемъ къ родителямъ, ибо «читалъ въ прекрасной книгѣ.... le nom m'est echappé.... что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль» на томъ основаніи, что «ни одинъ щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отцомъ». Болтая такимъ образомъ о равенствѣ личныхъ правъ, Иванушки, конечно, не задавались вопросомъ: почему долженъ респектовать ихъ самихъ, обреченный на неволю, крѣпостной людъ, и почему этотъ людъ обязанъ расплачиваться за ихъ увеселительныя прогулки въ Парижъ? Въ «Былячъ и Небылицахъ» говорится про одного господина, что онъ «на сихъ дняхъ вздумалъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ и четыре дня мы, кромѣ исковерканныхъ словъ и слоговъ, ничего не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось, наконецъ уже узнали, что заходилъ во французскую комедію» [1].

[1]) Сочин. Екатерины II, т. 3, стр. 117.

Гонялись за усвоеніемъ французскаго языка и манеръ, наше беззащитное, въ нравственномъ смыслѣ, общество радушно принимало въ свои нѣдра всякаго проходимца, называвшаго себя французомъ. Порошинъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что у одного московскаго дворянина чухонецъ нанялся въ учители, назвавъ себя французомъ и выучилъ всѣхъ дѣтей, вмѣсто французскаго языка, чухонскому. Невѣжество и шарлатанство этихъ учителей обратило на себя, наконецъ вниманіе правительства, и въ 1757 г. всѣ иностранцы, занимавшіеся профессіей воспитанія и обученія, обязаны были выдержать экзаменъ въ академіи наукъ или въ московскомъ университетѣ. Но и послѣ этой мѣры зло не уменьшилось; объ аттестатахъ, выдаваемыхъ учителямъ, графъ Сегюръ отзывался слѣдующимъ образомъ: «забавно, иногда даже смѣшно было видѣть, какихъ странныхъ людей удостоиваютъ въ С.-Петербургѣ и въ провинціяхъ званія учителей (comme outchitel) или гувернеровъ и гувернантокъ къ дѣтямъ. Русскіе должны были бы винить себя за эту непростительную довѣрчивость, съ какою они принимаютъ къ себѣ въ домъ людей, неимѣющихъ никакихъ несомнѣнныхъ ручательствъ въ своихъ знаніяхъ, талантахъ и честности». Въ запискахъ Болотова есть свѣденіе, что даже образованные иностранцы были такъ мало подготовлены къ своему учительскому званію, что рѣшительно не умѣли взяться за дѣло. Такъ напр. нѣкто Лапин, учитель дѣтей генералъ-аншефа Маслова, былъ (по словамъ Болотова) «хотя и ученый человѣкъ», но и тотъ мучилъ дѣтей списываніемъ статей изъ большаго французскаго словаря, изданнаго французской академіей, а потомъ заставлялъ списанное вытверживать наизустъ. Кромѣ невѣжества и неспособности учителей, успѣху обученія много мѣшало еще и то обстоятельство, что родители, а въ особенности родительницы учениковъ, ревниво смотрѣли затѣмъ, чтобы наставники не слишкомъ обременяли премудростью головы Митрофанушекъ. Во «Всякой Всячинѣ» разсказывается случай, какъ обошлись въ дворянскомъ семействѣ съ однимъ французомъ, который сначала уговаривалъ мальчика учиться, а потомъ, выведенный изъ терпѣнія, слегка ударилъ его линейкою по рукѣ. Бабушка, матушка и всѣ нянюшки, узнавъ о такой бѣдѣ, «бранили бѣднаго

учителя всѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на него и, еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться, то конечно выцарапали бы ему глаза». Вообще церемониться съ домашнимъ учителемъ было нечего, по понятіямъ того времени.—Немного лучше, чѣмъ въ частныхъ домахъ, шло обученіе въ пансіонахъ и школахъ, заводимыхъ иностранцами. По отчету ревизіи, сдѣланной этимъ школамъ въ 1784 и 1785 г. видно, что программа преподаванія почти нигдѣ не исполнялась въ точности, многіе существенно важные предметы (какъ напр. русскій языкъ) совсѣмъ упускались изъ виду, и сами содержатели пансіоновъ оказывались иногда круглыми невѣждами. Но въ самомъ жалкомъ состояніи найдены, на этотъ разъ, русскія школы, вслѣдствіе чего всѣ онѣ были закрыты въ Петербургѣ, а учащимся въ нихъ предложено было перейти во вновь открытыя тогда народныя училища.

Все, что говорили мы выше, относится только до воспитанія мужескаго пола; обученіе же дѣвочекъ почиталось, въ то время, совершенно излишнимъ и даже вреднымъ занятіемъ. «Кабы у меня дочь была—разсуждаетъ Чудихина въ комедіи: «О время!»—меньше бы я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: «меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ». Въ той же комедіи разсказывается про одну дѣвушку: «она ни чему не учена, и грамотѣ украдкой у меня училась, для того что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, *не стала писать любовныхъ писемъ*. Никого она не видала и до 12 лѣтъ платья не знала, а бѣгивала для легкости всегда въ одной сорочкѣ; когдажь пріѣзжали посторонніе къ намъ люди, то *прятали ее въ спальнѣ за печкою*» [1]). Затворничество женщинъ, противъ котораго боролся Петръ Великій, ихъ отчужденіе отъ остальнаго общества продолжалось еще много лѣтъ на практикѣ: чѣмъ меньше знала дѣвушка и чѣмъ больше держалась въ сторонѣ отъ другихъ людей—тѣмъ выше стояла она въ глазахъ Простаковыхъ и Чудихиныхъ.

Только не задолго до Бецкаго начали пробиваться въ русскомъ обществѣ новые, живые взгляды на воспитаніе; выразителями ихъ являются

[1]) Соч. Екат. II, т. II, стр. 29, 51—52.

профессора московскаго университета: Шаденъ, Поповскій и Барсовъ. Профессоръ Поповскій перевелъ въ 1759 г. на русскій языкъ книгу Локка о воспитаніи; Барсовъ составилъ учебники латинской и русской граматики, и былъ главнымъ сотрудникомъ Бецкаго по составленію устава воспитательнаго дома. Какъ Поповскій, такъ и Барсовъ, уже высказывали новый взглядъ на воспитаніе, не ограничивая его однимъ лишь усвоеніемъ знаній. «Знаніе — говорилъ Барсовъ — подобно оружію: и во благо и во зло употребить его можно... знаніе должно быть дверію къ добродѣтели. Честное сердце предпочитается великому разуму». Этими словами Барсовъ ставилъ для воспитанія (и притомъ очень крайнимъ образомъ) новую цѣль — содѣйствовать развитію въ питомцахъ строгихъ нравственныхъ убѣжденій, которыя выражаются въ общественной дѣятельности и не допускаютъ человѣка до грязныхъ сдѣлокъ съ своею совѣстью. Поповскій, первый, заговорилъ о великомъ значеніи *примѣра* для нравственнаго развитія юношества. Въ своемъ стихотворномъ посланіи къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ (1756 г.) онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзкими дѣлами
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ, искупалъ изъ скудости, напасти?
. . . . . .
Ты въ роскоши уснулъ, во сладости погрязъ.
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздержанъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ?
За то же ремесло, за кое и отецъ
Примается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смекаетъ, какъ взять втрое,
Смекаетъ, какъ продать за цѣлое гнилое,
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ.
Котораго отецъ надъ оными сидитъ, и проч. и проч.

Профессоръ Шаденъ извѣстенъ, какъ даровитый преподаватель и учредитель извѣстнаго пансіона, въ которомъ обученіе шло не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ другихъ частныхъ школахъ того времени. Знакомый съ теоріями передовыхъ европейскихъ педагоговъ Шаденъ перевелъ въ 1768 г. книгу Аммоса Коменіуса: Orbis visibilis и тѣмъ положилъ начало новому, болѣе осмысленному преподаванію языковъ, въ основѣ котораго лежалъ главный принципъ Коменіуса: «Слова безъ знанія предметовъ — пустыя слова». На этомъ основаніи въ книгѣ Коменіуса было изображено въ рисункахъ все, что могло занимать дѣтскій умъ; къ картинамъ прилагались описанія или объясненія. Тѣ же картины должны были служить пособіемъ при изученіи иностранныхъ, особенно древнихъ языковъ. [1])

Подобное же знакомство съ сочиненіями передовыхъ европейскихъ писателей можно предположить и у Никиты Ив. Панина, назначеннаго въ 1759 г. воспитателемъ къ великому князю Павлу Петровичу; по крайней мѣрѣ, въ своемъ планѣ воспитанія, поданномъ императрицѣ Елизаветѣ, этотъ государственный человѣкъ высказывалъ мысли, замѣчательно сходныя съ мыслями Локка, Монтэня и другихъ. «Когда наслѣдникъ трона, говорилъ Панинъ, достигаетъ эпохи зрѣлости, въ которую развивается съ быстротою мысли жадное понятіе о достоинствѣ каждаго, (тогда онъ) очень скоро принимаетъ къ своему сердцу одно полезное, чего отъ природы самый добрый государь, если не былъ руководимъ истиннымъ назначеніемъ, не запечатлѣетъ въ памяти. Онъ не вознесется и до доброй славы, *если пренебрежетъ свой уставъ, отечество и его благо.* Наставникъ особенное долженъ обращать попеченіе на то, чтобы ничего *не дѣлали и не говорили передъ питомцемъ своимъ, что могло бы хотя малѣйше повредить или ослабить сердце его къ тихимъ добродѣтелямъ*; напротивъ еще обязанъ наклонять мягкую и юную душу къ добру и честности, обогащать умъ его разительными примѣрами торжества заслугъ и посрамленія людей недостойныхъ. Чтобы возросли въ молодомъ сердцѣ плоды добра, не только надобно отвра-

---

[1]) См. очеркъ воспитанія и обученія Л. Модзолевскаго, Т. II, стр. 378.

щать отъ всего дурнаго, но даже отъ того, что несовмѣстно съ скромностью. *Во все продолженіе воспитанія нужно изгнать пышность* и все то, что легко портитъ юность. *Украшеніями его чертоговъ должны быть доброта и чистота души*; время не опоздаетъ привлечь тьму ласкателей. Наставники, пока еще не окончится его воспитаніе, обязаны и по закону, и по долгу развивать въ немъ нравственныя мысли и предохранять ихъ отъ порочныхъ направленій, они и сами въ обращеніи съ нимъ должны быть во всемъ осторожны». [1]) Здѣсь Панинъ придаетъ большое значеніе образу жизни и характеру наставниковъ; онъ устраняетъ изъ воспитанія пышную обстановку, лесть окружающихъ и другія вредныя вліянія: всѣ эти мысли встрѣчаются, въ той или другой формѣ, въ сочиненіи Локка: Some thougths concerning education. Также точно желая дѣйствовать на своего питомца посредствомъ стыда (мѣра, рекомендуемая Локкомъ), Панинъ приказалъ печатать особыя вѣдомости «изъ Петербурга», въ которыхъ упоминалось о всѣхъ проступкахъ и шалостяхъ великаго князя, и малютку увѣряли, что эти вѣдомости разсылаются по всей Европѣ. Но между отвлеченной мыслью и ея практическимъ выполненіемъ лежитъ еще цѣлая бездна. Заботясь объ устраненіи отъ великаго князя всѣхъ дурныхъ вліяній, Панинъ мало наблюдалъ за самимъ собою и за дѣйствіями своихъ помощниковъ: изъ записокъ Порошина мы видимъ, что его юный питомецъ очень рано подмѣтилъ (и частію перенялъ) у своихъ приближенныхъ нѣкоторыя далеко непохвальныя качества и наклонности, напр. пренебреженіе ко всему русскому, неосновательную рѣзкость въ приговорахъ и т. п. [2])

Въ такое то время и при такихъ условіяхъ началъ Бецкій свою педагогическую реформу.

А. Пятковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) См. Педаг. Вѣстн. 1857 г. № 7. ст. Стоюнина.

[2]) См. *Графы Никита и Петръ Панины*, соч. г. Лебедева.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВЕНГРІИ ПЕРЕДЪ ВЫБОРАМИ.

Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года я предпринялъ мою третью поѣздку въ Венгрію и на этотъ разъ направлялся по прямому пути къ двойной столицѣ, образуемой городами Будою и Пештомъ, которые здѣсь принято называть братьями-городами. Первый изъ этихъ городовъ, расположенный, какъ, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстно читателю, на правомъ берегу Дуная, не только составляетъ половину венгерской столицы, но замѣчателенъ также многими минеральными источниками начинающими пользоваться выгодной репутаціей. Узнавъ, что мой другъ Х—, съ которымъ я познакомился въ прежнюю мою бытность въ Венгріи, лечится водами, я отправился въ ту гостинницу, гдѣ онъ проживалъ. Мнѣ сказали, что онъ находился въ отсутствіи, но предполагая, что дворникъ недостаточно хорошо понялъ, о комъ я освѣдомлялся, я замѣтилъ, что мой знакомый былъ родомъ Ж—каго графства. Въ это самое время пришелъ какой-то венгерскій дворянинъ и, подобно мнѣ, спросилъ г. Х—. Отвѣтивъ ему дворникъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «вотъ этотъ г. живетъ также въ Ж—комъ графствѣ». Наконецъ, когда мы уходили изъ гостинницы, незнакомецъ спросилъ меня: а вы знаете г. Х—? Я отвѣтилъ утвердительно, и тогда онъ завязалъ со мной разговоръ, даже не отрекомендовавъ себя по имени. Я привожу эти частности для того, чтобы показать, какъ легко англичанинъ можетъ пріобрѣсти знакомство въ кругу этого радушнаго народа.

Геродотъ разсказываетъ, что древніе персы ставили свое уваженіе и пріязнь къ народамъ въ прямую зависимость отъ географической близости. Мадьяры поступаютъ въ этомъ отношеніи совершенно наоборотъ. Ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ они болѣе или менѣе питаютъ презрѣніе, нерѣдко сопровождаемое положительнымъ отвращеніемъ. Относительно поляковъ и итальянцевъ эти чувства смягчаются нѣсколько сознаніемъ политической солидарности, но все-таки существуютъ. Дѣйствительно, самые невыгодные, недружелюбные отзывы о національномъ итальянскомъ характерѣ мнѣ пришлось слышать отъ мадьяровъ. Оба народа такъ мало похожи другъ на друга, что эти антипатіи совершенно естественны.

Суровый, отважный, свободно высказывающійся мадьяръ не можетъ помириться съ тѣмъ, что онъ называетъ итальянскимъ коварствомъ и трусостью. Умѣренность и терпѣливое постоянство итальянца не принадлежатъ къ числу добродѣтелей мадьяра; притомъ и обожаніе искуства распространено въ Венгріи не до такой степени, чтобы мадьяръ могъ проникнуться тѣмъ энтузіазмомъ къ дѣлу Италіи, какъ къ дѣлу изящнаго, который одушевлялъ большинство англійскаго общества—мужчинъ и женщинъ—отъ Байрона до мистриссъ Барреттъ Браунингъ. Но за то въ ряду всѣхъ народовъ французы, англичане и сѣверо-американцы, дѣйствительно, оказываютъ могущественное вліяніе на воображеніе венгра и пользуются самыми горячими симпатіями его сердца, и я позволяю себѣ думать, что сказанное особенно справедливо по отношенію къ двумъ послѣднимъ націямъ. Результатъ этотъ объясняется многими причинами; главнѣйшая изъ нихъ заключается въ томъ уваженіи, съ какимъ венгры глядятъ на быстрое развитіе англичанами началъ ихъ общественной жизни,—тѣхъ началъ, которыя мадьяры отождествляютъ съ принципами своей прежней конституціи. Другая причина хорошаго пріема, оказываемаго здѣсь всякому англичанину—причина, на которую постоянно ссылаются сами мадьяры—заключается въ томъ радушіи, съ какимъ, по словамъ венгровъ, Англія дала убѣжище ихъ политическимъ изгнанникамъ.

Но возвращаюсь къ моему новому знакомцу. Отъ него я узналъ, что онъ самъ принадлежалъ къ этимъ бѣглецамъ и около полугода прожилъ въ Лондонѣ, что онъ говорилъ немного по англійски, хотя

и забылъ почти все, чему выучился въ то время. Съ своей стороны я сообщилъ ему, что мнѣ было бы желательно пробыть нѣсколько недѣль въ кругу общества, объясняющагося преимущественно по мадьярски, такъ какъ до открытія сейма я хотѣлъ пополнить свои недостаточныя свѣденія въ венгерскомъ языкѣ. Мой знакомый сейчасъ же предложилъ мнѣ отправиться въ его *пушту* въ графствѣ Ж—, прибавляя, что это графство принадлежало къ числу самыхъ коренныхъ, чистыхъ мадьярскихъ мѣстностей во всей Венгріи. Впрочемъ, это обстоятельство было извѣстно мнѣ еще прежде. Если меня не обманываетъ память, во всемъ графствѣ насчитывалось всего четыре деревни съ инороднымъ населеніемъ—одна кроатская или вендская и три нѣмецкихъ. Всѣ остальные жители, хотя и не поголовно чистокровные мадьяры, признавали себя, однако, коренными сынами Венгріи и не говорили ни на какомъ другомъ языкѣ.

Интересуясь выборами, какъ лучшимъ источникомъ для изученія національнаго характера Венгріи, я рѣшился, въ ожиданіи ихъ, познакомиться съ характеромъ народа. Досужее время, я проводилъ въ бесѣдѣ съ моимъ радушнымъ хозяиномъ о разныхъ общихъ вопросахъ или просиживалъ подъ акаціей, засунувъ кончики ногъ въ теплый песокъ и сквозь длинный черешневый чубукъ втягивая въ себя дымъ мягкаго, душистаго табака, растущаго въ Венгріи. Здѣсь я сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, курилъ и читалъ венгерскія повѣсти и театральныя пьесы. Когда мнѣ хотѣлось окинуть взглядомъ окрестную мѣстность, я взбирался на песчаную насыпь и видѣлъ съ одной стороны, на незначительномъ разстояніи, рядъ низкихъ холмовъ; на болѣе высокомъ изъ нихъ стоялъ монастырь, котораго господствующее положеніе и массивныя, прочныя стѣны скорѣе придавали ему видъ крѣпости, чѣмъ мирнаго убѣжища безстрастныхъ отшельниковъ. Вся прочая мѣстность заключала въ себѣ какую-то заманчивость и подстрекала любопытство: передо мною разстилалась обширная, песчаная равнина, но она была не совершенно плоска, и это давало мнѣ возможность обозрѣвать окрестность на далекое разстояніе. Притомъ равнина дѣлилась на неправильные участки длинными рядами высокихъ тополей и акацій, что дѣлало всю картину для глазъ еще опредѣленнѣе. Большая дорога, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ была обозначена аллеей изъ тополей. Иногда съ каждой стороны проѣзжей дороги тянулись двойныя ряды этихъ красивыхъ деревьевъ. Какой-нибудь

помѣщикъ обозначилъ такимъ образомъ прилегавшую къ его помѣстью часть дороги, причемъ деревья образовали нѣчто въ родѣ крайней границы имѣнія. Оба ряда деревьевъ составляютъ характеристическую черту венгерскихъ равнинъ, такъ что при видѣ тополей и акацій гдѣ бы то ни было, я всегда вспоминаю о родинѣ мадьяровъ. Тополь, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ числу деревьевъ, разведенныхъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, но сельскіе хозяева отдаютъ преимущество акаціи, такъ какъ тополь ростетъ медленнѣе и кромѣ того открываетъ убѣжище всѣмъ возможнымъ червямъ. Притомъ акація представляетъ и ту естественную выгоду сравнительно съ своимъ болѣе рослымъ соперникомъ, что легче переноситъ засухи, которыя такъ обыкновенны въ Венгріи. Къ несчастію я не спеціалистъ-ботаникъ, и потому не могу сказать, въ какой зависимости отъ этихъ вліяній стоитъ другое дерево, которое мнѣ показывали въ сосѣдствѣ. Это — колючее дерево, не очень богатое листьями, съ гладкой корой, напоминающей кору ракиты. По венгерски оно называется lepen-fa, но въ ботаникѣ ему присвоенъ терминъ — gladicia horrida. Такъ какъ болѣе просвѣщенные изъ венгерскихъ сельскихъ хозяевъ ревностно стараются покрыть растительностью свои песчаныя земли, то газеты въ недавнее время перепечатали изъ нѣмецкаго листка Hannover'sche Land und Forstwirthschaftliche Vereinsblatt — наставленіе, какъ разводить въ такихъ мѣстностяхъ дерево ailanthus glandulosa; разведеніе этого дерева въ настоящее время поощряется императоромъ Наполеономъ.

Таково внѣшнее впечатлѣніе, произведенное на меня Панноніей или, какъ она еще называется «мало-венгерской равниной,» которая граничитъ съ штирійскими альпами и рядомъ волканическихъ холмовъ, проходящихъ въ юго-западномъ направленіи отъ Буды до озера Балатона. Туристу—діллетанту она, конечно, можетъ представиться пустынной, однообразной мѣстностью. Но не такою она показалась молодому человѣку, проживавшему въ одномъ со мной домѣ и пріѣхавшему съ береговъ Тейссы, изъ самого центра «великой венгерской равнины.» Онъ былъ пораженъ множествомъ холмовъ и деревьевъ, разбросанныхъ по всей первой мѣстности. «Тамъ, гдѣ я живу», сказалъ онъ, «человѣкъ часто не увидитъ вокругъ себя въ полѣ даже жалкаго кустарника и на протяженіи

цѣлаго края межи обозначаются только земляными буграми въ три фута вышиною.»

Разъ какъ-то мой хозяинъ, говоря въ кругу сосѣдей и родственниковъ о своихъ путешествіяхъ, замѣтилъ: «кто нибудь изъ насъ, посѣтивъ чужіе края, напримѣръ, Францію и Германію, найдетъ, что тамъ многое не похоже на особенности нашего здѣшняго быта, но побывавъ въ Англіи, онъ увидитъ, что тамъ все дѣлается не такъ, какъ у насъ; даже свои окна англичане отворяютъ и затворяютъ не по нашему.» Это различіе во всѣхъ частностяхъ жизни двухъ народовъ такъ рѣзко, что англичанинъ, никогда не бывавшій въ Венгріи, едва ли составитъ себѣ достаточно ясное понятіе о сельской жизни мадьяровъ изъ самаго отчетливаго описанія.

Прежде всего я долженъ сказать, что англичане, которые, подобно мистеру Уатту Теккерея, считаютъ бѣдность позорною и смѣшною и не признаютъ джентльменомъ человѣка въ поношеномъ сюртукѣ, никогда не должны показываться въ Венгріи. Каковы бы ни были недостатки венгерскаго дворянства, самые заклятые его враги должны согласиться, что оно обладаетъ двумя добродѣтелями— политическимъ постоянствомъ и самоотверженіемъ. Между многими другими особенностями «временная администрація» (provisorium) послѣднихъ четырехъ лѣтъ представляла также то отличіе отъ системы австрійской, господствовавшей съ 1849 по 1859 годъ, что обнаружила стремленіе управлять Венгріей чрезъ венгерцевъ. Но правительство, преслѣдуя эту цѣль, наткнулось на значительное затрудненіе — вліятельныя и пользовавшіяся уваженіемъ лица между венгерцами не хотѣли замѣщать собою должностей. Въ каждомъ почти графствѣ всѣ люди съ характеромъ предпочли скорѣе совершенно отказаться отъ всякаго участія въ администраціи, чѣмъ служить австрійскому правительству, которое было вынуждено ввѣрять должности лицамъ, умственно неспособнымъ или непадежнымъ относительно служебной добросовѣстности. А между тѣмъ для большинства дворянъ казенное жалованье было бы очень нелишней прибавкой къ скуднымъ помѣщичьимъ доходамъ. Тѣмъ не менѣе дворяне удалились въ свои помѣстья, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, мой хозяинъ, или посвятили себя другимъ, болѣе тяжелымъ или менѣе выгоднымъ занятіямъ, чѣмъ коронная служба. Эта справедливая гордость мадьяровъ придаетъ имъ видъ людей, находящихъ варварское

наслажденіе въ бѣдности, хотя на самомъ дѣлѣ они далеко не прочь пожить въ сласть и пороскошничать. Мнѣ часто доводилось слышать господъ, говорившихъ: «я иначе поступлю, когда примиреніе осуществится» или: «для меня большая разница, будемъ ли мы имѣть національное венгерское министерство или какое нибудь другое.» Одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ, — бѣдный человѣкъ, обремененный большимъ семействомъ, говорилъ мнѣ однажды: «я могъ бы имѣть прекрасную казенную должность, если бы согласился принять ее теперь; но если бы я поступилъ такимъ образомъ до примиренія страны съ ея королемъ,—я показалъ бы себя отъявленнымъ негоднемъ.» Это добровольное исключеніе себя изъ службы, которою венгерскіе дворяне распоряжались прежде какъ монополіей, тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ похвальнѣе, что — по причинамъ, которыя здѣсь не могутъ подлежать обстоятельному разбору — жизнь въ Венгріи съ 1848 года сдѣлалась гораздо затруднительнѣе и тягостнѣе, особенно для мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Я сказалъ, что домъ, въ который меня пригласилъ мой новый знакомецъ, назывался *пуштою*, это одно изъ тѣхъ типическихъ венгерскихъ словъ, для которыхъ на другомъ языкѣ трудно найти своеобразныя выраженія. Собственно оно означаетъ степь, «пустыню», и въ этомъ смыслѣ употребляется какъ существительное и какъ прилагательное. «Холодный домъ» — романъ Ч. Диккенса былъ переведенъ на венгерскій языкъ подъ заглавіемъ: Puszta Haz, но я не думаю, что бы такой переводъ англійскихъ словъ «bleak house» былъ точенъ. Обширная открытая равнина средней Венгріи часто называется страною *пушт*. Но кромѣ того слово пушта имѣетъ и другое, техническое значеніе. Въ отличіе отъ falu (деревня) *пуштою* называется загородный домъ «господина» или рядъ такихъ домовъ, принадлежащихъ многимъ «господамъ», но не окруженныхъ никакими правильными колоніями съ простымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Напротивъ, названіе деревни присвоивается правильно организованнымъ крестьянскимъ общинамъ. «Крестьянами» въ Венгріи называются прежніе оброчные поселяне, которые до 1848 года были обязаны платить «господину» поземельную ренту частію барщиной, частію же натурой. Вслѣдствіе реформъ, послѣдовавшихъ въ этомъ году, крестьянскіе фермы были обращены въ вольныя безоб-

рочныя земли. Какъ правильно заведенная община, каждая деревня имѣетъ своего приходскаго священника, выборнаго судью и писаря или нотаріуса. Но та *пушта*, въ которой я прожилъ нѣсколько недѣль, не могла быть сочтена настоящимъ образчикомъ этого рода населеній; тамъ обзавелись домкомъ многіе «благородные» *компоссессоры* (совладѣльцы), и это дало возможность нѣсколькимъ простымъ поселянамъ также обстроиться на небольшихъ клочкахъ земли. Посрединѣ *пушты* находилась низкая часовня, украшенная съ наружной стороны большимъ распятіемъ и построенная компоссессорами на ихъ общую складчину. По временамъ сюда пріѣзжалъ священникъ изъ сосѣдней деревни, чтобы отслужить обѣдню, но это никогда не случалось по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, такъ какъ въ эти дни священникъ былъ занятъ богослужебными обязанностями въ своей приходской церкви.

Первую характеристическую черту венгерской деревни, на мой взглядъ представляетъ непомѣрная ширина дороги, потому что нельзя же назвать такое пространство улицей. «Время и протяженіе», говорилъ мнѣ одинъ знакомый нѣмецъ, «не имѣютъ никакой цѣны въ Венгріи». Обширность края, его плодородіе при благопріятныхъ условіяхъ, слабая населенность и дешевизна сельско-хозяйственныхъ произведеній — объясняющаяся неудовлетворительностью путей сообщенія и значительнымъ разстояніемъ до рыночныхъ мѣстъ — все это ведетъ къ одному и тому же результату. Наша улица или вѣрнѣе дорога могла представить поразительный примѣръ того, какъ мало маядьры дорожатъ пространствомъ. Говоря безъ всякихъ преувеличеній, двадцать легкихъ деревенскихъ повозокъ могли бы рядомъ проѣхать по этой улицѣ, нисколько не цѣпляясь одна за другую.

Вторая поразительная черта мадьярской деревни заключается въ отсутствіи плетней и заборовъ тамъ, гдѣ въ Германіи они были бы сочтены необходимой предосторожностію. Поля, даже прилегающія къ улицѣ, почти никогда не отдѣляются заборами, а только отгорожены мелкой и узкой канавой. Усадебный и задній дворы также обыкновенно открыты для всякаго, кто пожелаетъ въ нихъ войти. Поэтому не только весь скотъ, но даже гуси ввѣряются здѣсь постоянному надзору. Въ деревнѣ жители-крестьяне поручаютъ своихъ быковъ общему пастуху, свиней—общему свинопасу, немногихъ овецъ и козъ общему овчарю, тогда какъ одинъ мальчикъ смотритъ

за гусями, такъ что эти домашнія животныя и птицы не могутъ нанести никакой порчи ни хлѣбамъ, стоящимъ на корнѣ, ни снопамъ, сложеннымъ въ стоги, ни скирдамъ скошеннаго сѣна.

Третья отличительная черта венгерской деревни заключается въ томъ, что всѣ дома строятся здѣсь только въ одинъ этажъ. Даже дома деревенской знати — священника и помѣщика, носящаго, быть можетъ, титулъ графа или барона,—всегда одноэтажны. Если надъ нижнимъ этажемъ помѣщичьяго дома находится еще какая нибудь верхняя пристройка, то такой домъ называется «замкомъ» (kastély) и всѣмъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ далеко въ окружности. Я знаю, что многіе англійскіе путешественники съ презрѣніемъ отзываются объ этихъ венгерскихъ сельскихъ хоромахъ, но я нахожу такіе дома очень удобными: по крайней мѣрѣ они освобождаютъ человѣка отъ утомительныхъ путешествій вверхъ и внизъ по лѣстницамъ.

Лучшіе изъ этихъ домовъ сверху покрыты узкими, плоскими досками, рѣже—черепицами. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы для этой цѣли былъ употребляемъ шиферъ. Домъ моего хозяина не только уступалъ по величинѣ другимъ помѣщичьимъ убѣжищамъ, но былъ покрытъ тростникомъ; и на трубѣ этой неопрятной, грубо-живописной крыши вдобавокъ аистъ свилъ себѣ еще гнѣздо. Фронтоны этихъ домовъ всегда очень высоки, а застрѣхи выступаютъ часто съ обѣихъ сторонъ такъ далеко, что образуютъ корридоръ, проходъ или крутую террасу, вымощенную внизу кирпичемъ. Эти выступающія далеко застрѣхи и террасы или платформы, вымощенныя кирпичемъ, встрѣчаются даже въ крестьянскихъ жилыхъ постройкахъ. Въ домѣ моего хозяина крыша продолжалась съ одной стороны такимъ образомъ, что образовала крытый ходъ или удлиненное крыльцо, такъ какъ смежная крыша поддерживалась тремя кирпичными столбами, между которыми были оставлены свободные проходы.

Какъ я уже сказалъ выше, усадебные дворы съ ихъ хлѣбными стогами и скирдами сѣна совсѣмъ не были защищены заборами. Узкая канава, мѣстами покрытая терновымъ кустарникомъ, обозначала границу между усадьбой и землей, принадлежавшей сосѣднимъ хозяевамъ. Если кто нибудь пріѣзжалъ со стороны большой дороги, то здѣсь не было никакихъ запертыхъ воротъ, которыя заградили бы путь посѣтителю, котораго экипажъ подъѣзжалъ безпрепятственно къ самому крыльцу дома.

Въ позднее ночное время о такомъ посѣщеніи всякій разъ давалъ намъ знать громкій лай двухъ бѣлыхъ, косматыхъ сабакъ изъ породы шпицовъ. Первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ пушту, было покороче познакомиться съ этими животными, потому что пока они не узнали меня достаточно хорошо, я не могъ чувствовать себя въ безопасности, бродя одинъ въ окрестностяхъ дома. Эти собаки бываютъ часто довольно опасны, потому что они хватаютъ сразу, какъ волкъ, и въ такихъ случаяхъ никогда не предостерегаютъ о бѣдѣ своимъ лаемъ. Ихъ держатъ въ каждой венгерской помѣщичьей пуштѣ для защиты отъ воровъ. Пока мнѣ не удалось окончательно пріобрѣсти дружбу этихъ вѣрныхъ сторожей хозяйскаго добра, я долженъ былъ выходить съ кѣмъ нибудь изъ семейства или ограничить всѣ мои путешествія садомъ.

Изъ всѣхъ принадлежностей помѣщичьей экономіи, незащищенныхъ заборами, садъ представляетъ единственное исключеніе. Онъ былъ обнесенъ оградой, нѣсколько похожею на то, что мы называемъ палисадомъ, съ той, однако, разницей, что доски этой ограды не стояли вертикально, а были положены одна поверхъ другой и приколочены гвоздями къ столбамъ. Подобные заборы или палисады очень обыкновенны во всей Венгріи, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ—какъ напримѣръ, въ великой венгерской равнинѣ—ощущается большой недостатокъ въ деревѣ. Внутри этой ограды находилось пространство песчаной почвы, заключавшее въ ширину около 60 футовъ на 150 футовъ длины. Здѣсь росли, ради тѣни, немногіе акаціи, нѣсколько розовыхъ кустовъ и другихъ цвѣтовъ, красный перецъ и помдоры или баклюшаны, то и другое также въ очень скудномъ количествѣ. Кромѣ того, тутъ же былъ паникъ для разведенія въ зимнее время краснаго геранія и другихъ нѣжныхъ растеній. Но самое значительное пространство сада было отведено дынямъ и арбузамъ, до которыхъ мадьяры—страстные охотники. Капуста, доставлявшая зимній запасъ sauer kraut'a (кислой капусты), и картофель были посажены въ полѣ.

Это описаніе хозяйства венгерскаго помѣщика можетъ внушить читателю мысль, будто жизнь всѣхъ землевладѣльцевъ дворянъ въ этой странѣ скроена по одному образцу. Но при этомъ не надобно выпускать изъ виду, что хозяинъ указаннаго мною помѣстья былъ человѣкъ небогатый въ томъ смыслѣ, въ какомъ люди слывутъ бо-

гачами въ венгерскомъ обществѣ. У помѣщиковъ посостоятельнѣе домъ и садъ были бы обширнѣе, комнаты изящнѣе, крыша была бы покрыта не тростникомъ, а деревомъ или черепицами, а открытое, вымощенное кирпичемъ крыльцо распространилось бы въ удобный, хорошо освѣщенный корридоръ, проходящій по всей длинѣ дома. Если бы владѣлецъ помѣстья былъ еще зажиточнѣе, то надъ нижнимъ этажемъ помѣстился бы еще второй, построенный съ первымъ почти по одному общему плану, изъ нижняго длиннаго корридора въ верхній вела бы широкая каменная лѣстница, всѣ комнаты обѣихъ этажей послѣдовательно сообщались бы одна съ другой и кромѣ того почти всѣ были бы снабжены дверьми, выходящими въ корридоръ.

Какъ бы то ни было, но я, начиная этотъ очеркъ, хотѣлъ не столько дать общее понятіе о сельскомъ бытѣ венгерскаго дворянства, сколько представить домашнюю жизнь человѣка, игравшаго въ Венгріи политическую роль и еще такъ недавно избраннаго членомъ венгерскаго сейма. Это единодушное избраніе состоялось въ ноябрѣ минувшаго года, и мой радушный хозяинъ присутствовалъ на сеймѣ въ качествѣ представителя того округа, въ которомъ онъ жилъ. Этой чести онъ еще прежде удостоился два раза. Онъ былъ избранъ членомъ перваго національнаго сейма, который въ эпоху своего бѣгства въ Дебречинъ передъ войсками Виндишгреца, въ апрѣлѣ 1849 года, объявилъ, что габсбургская династія лишилась права на мадьярскую корону. Во второй разъ хозяинъ мой былъ членомъ сейма въ 1861 году. Въ Англіи человѣкъ съ такими ограниченными денежными средствами, въ самыхъ разнузданныхъ своихъ фантазіяхъ, никогда не осмѣлился бы мечтать о счастіи попасть въ члены парламента. Даже если мы примемъ въ соображеніе различную цѣнность денегъ въ обѣихъ странахъ и относительную бѣдность венгерскаго дворянства въ сравненіи съ туго набитыми карманами англійской знати, то и тогда это явленіе не вполнѣ объяснится въ нашихъ глазахъ. Притомъ хозяинъ мой вовсе не представляетъ собою въ этомъ отношеніи исключительнаго примѣра. Напротивъ, очень многіе депутаты пріобрѣли довѣріе своихъ избирателей совсѣмъ не денежными преимуществами или обширностью имѣній, а исключительно благодаря своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ или политическимъ убѣжденіямъ.

Теперь я позволю себѣ бросить бѣглый взглядъ за предѣлы зна-

комаго мнѣ графства Ж—и привести довольно характеристическій анекдотъ изъ исторіи послѣднихъ выборовъ. Дѣло происходило въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ унгскаго графства (Ungh). Этотъ округъ, расположенный по скатамъ сѣверо-восточныхъ карпатовъ, представляетъ рѣзкія отличія сравнительно съ графствомъ Ж—. Эта послѣдняя мѣстность населена мадьярами, которые ѣдятъ хорошій пшеничный и ржаной хлѣбъ, ветчину, и пьютъ виноградное вино, тогда какъ жители унгскаго графства—русины усердно приправляютъ водкой свой скудный обѣдъ, состоящій изъ овсянки или гречневой каши, и тѣмъ же напиткомъ стараются защитить себя отъ холоднаго горнаго воздуха. Эти русины называются также русняками и малоруссами, принадлежатъ къ славянскому племени и исповѣдуютъ православную вѣру, ихъ священники женятся и ревностно заботятся объ обезпеченіи своихъ дѣтей. Священническіе сыновья или поповичи пріобрѣтаютъ кое-какія научныя свѣденія, и затѣмъ поставляютъ цѣлію своего честолюбія добиться до какой нибудь должности или мѣста въ провинціальной администраціи. Въ послѣднее время такія честолюбивыя стремленія поповичей очень часто достигали предположенныхъ цѣлей, благодаря тому упорству, съ какимъ большинство венгерскаго землевладѣльческаго дворянства устраняло себя отъ всякаго участія въ коронной службѣ. Но эти novi homines, по видимому, не пользовались симпатіями управляемаго населенія. Губернаторъ-намѣстникъ графства, назначенный Шмерлингомъ, былъ также человѣкъ славянскаго происхожденія. Когда время выборовъ подошло уже довольно близко, этотъ сановникъ предложилъ кандидатомъ своего племянника. Духовенство также отрекомендовало паствѣ своего кандидата. Но мужики-русины, при всей своей дѣйствительной бѣдности, умственной темнотѣ и приписываемой имъ набожности, доходящей до суевѣрія, отвергли обоихъ кандидатовъ, не смотря на то, что за этихъ кандидатовъ стояли горой духовные и мірскіе правители, связанные съ населеніемъ единствомъ вѣры и племеннаго происхожденія.

Неподалеку отъ моей гостепріимной пушты проживалъ одинъ мадьяръ, находившійся въ коронной службѣ въ эпоху управленія Баха. Хотя бюрократическій типъ не такъ сильно развитъ между мадьярами, какъ между нѣмцами, тѣмъ не менѣе онъ все-таки существуетъ. Мадьяръ-дворянинъ, о которомъ я повелъ рѣчь, принадлежалъ къ

числу тѣхъ людей, которые, не вдаваясь въ разсужденія о законности правительства, служатъ ему вѣрно и несутъ возложеныя на нихъ второстепенныя обязанности по мѣрѣ своихъ силъ. Своей служебной дѣятельностью мой сосѣдъ умѣлъ пріобрѣсти такое уваженіе—особенно со стороны людей, бывшихъ непосредственно заинтересованными его службою, что когда губернаторъ-намѣстникъ и духовенство начали хлопотать за своихъ кандидатовъ, къ отставному мадьяру явилась депутація отъ крестьянъ, объявившихъ, что они считаютъ его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ быть ихъ представителемъ на сеймѣ. Однако онъ отстранилъ отъ себя предлагаемую честь, и причиной своего отказа назвалъ бѣдность. Но добрые мужички ничего не хотѣли и слышать объ этомъ отказѣ. Что касается бѣдности, то они сказали своему кандидату: «если содержаніе, которое вы будете получать въ качествѣ кандидата окажется недостаточнымъ для покрытія всѣхъ вашихъ расходовъ въ Пештѣ, то мы съ радостью вызываемся служить вамъ нашими карманами и также постараемся, чтобы ваша супруга, наша милостивѣйшая госпожа, не чувствовала ни въ чемъ недостатка». Упрямство и настойчивость крестьянъ одержали верхъ; по крайней мѣрѣ, чиновникъ не противился своему избранію съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно нисколько не было сопряжено для него съ обыкновенными въ такихъ случаяхъ хлопотами и издержками. Дѣйствительно, все случилось по его желанію. Крестьяне образовали изъ своей среды комитетъ, который усердствовалъ мадьяру съ такою твердостію, что въ самый день выборовъ кандидатъ духовныхъ властей былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, а племянникъ губернатора-намѣстника скрылся неизвѣстно куда. Послѣ этой побѣды крестьяне повторили своему представителю прежнія внушенія, заключавшіяся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что на сеймѣ онъ долженъ былъ хлопотать о проведеніи закона, который запрещалъ бы дальнѣйшее замѣщеніе коронныхъ должностей природными русинами.

Какъ я уже замѣтилъ прежде, мистеръ Уаттъ, восхищавшійся изящною обстановкой чайнаго стола у мистриссъ Пенденнисъ, не нашелъ бы большого наслажденія въ знакомствѣ съ окрестными венгерскими *пуштами*. А между тѣмъ въ нихъ можно подмѣтить много интереснаго. Я позволю себѣ думать, что мнѣ извѣстно кое-что изъ жизни истыхъ англичанъ, а также и нѣкоторыя осо-

бенности быта французовъ и нѣмцевъ. Италіянцы и испанцы извѣстны мнѣ только по книгамъ. Но, познакомившись ближе съ мадьярами, я, къ немалому моему удовольствію, увидѣлъ, что они обладаютъ совершенно самостоятельнымъ національнымъ типомъ, представляющимъ рѣзкія, рельефныя отличія въ сравненіи съ характеромъ названныхъ мною народовъ. Этотъ мадьярскій типъ, безъ всякаго сомнѣнія, также отмѣченъ печатью разнообразія. Недоброжелатели мадьяровъ утверждаютъ—и не безъ основанія—что это племя глядитъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ на иностранцевъ, особенно если этимъ иностранцамъ выпало на долю географическое несчастіе быть сосѣдями Венгріи. Но мой хозяинъ — также истый мадьяръ, тѣмъ не менѣе, сознавалъ недостатки своихъ земляковъ и умѣлъ цѣнить хорошія качества другихъ націй. Хотя библіотека его была не очень богата количествомъ томовъ, но эти немногія книги, особенно латинскіе классики, находились въ частомъ употребленіи. Онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ уроженцевъ Венгріи, которые нерѣдко выражали мнѣ сожалѣніе, что они были лишены возможности читать греческихъ поэтовъ въ подлинникѣ. Отправляясь въ Пештъ для участія въ совѣщаніяхъ сейма, мой хозяинъ взялъ съ собою нѣсколько дѣльныхъ, старыхъ книгъ, кое-какія произведенія домашней литературной стряпни и, рядомъ съ книгами юридическаго содержанія, захватилъ также: «De Zodiaco Vitae Humanae Marcelli Palingenii, Libri xii» (О зодіакѣ человѣческой жизни Марцелла Палингенія.) Это отчасти доказываетъ, что онъ принадлежалъ къ старому поколѣнію венгерскихъ помѣщиковъ-дворянъ. Къ моему прискорбію, я долженъ сказать, что новое поколѣніе, подросшее въ грустный періодъ времени послѣ 1848 года, въ значительной мѣрѣ пренебрегло изученіемъ классической литературы. По моему мнѣнію, современные венгерскіе дворяне выродились или — предпочитая болѣе привѣтливое выраженіе—измѣнились только въ этомъ одномъ отношеніи. Они просвѣщеннѣе, мягче, любезнѣе своихъ отцовъ, и болѣе обнаруживаютъ космополитическаго такта. Они охотнѣе говорятъ по французски и по англійски. Но я сомнѣваюсь, чтобы они сохранили то нравственное упрямство, которое составляло отличительную черту стараго венгерскаго характера. Новое поколѣніе, какъ мнѣ кажется, болѣе цѣнитъ матеріальный комфортъ, удобное существованіе, внѣшнее изящество, чѣмъ это водилось здѣсь въ

старину. Часто въ Венгріи я припоминалъ себѣ замѣчаніе Маколея, сказавшаго, что люди производящіе реформу, и люди, сформированные реформами—существа, совершенно различныя.

Но кромѣ разнообразнаго, дѣльнаго чтенія и безпрерывныхъ тревогъ политической жизни, мой хозяинъ былъ знакомъ также и съ удовольствіемъ далекихъ путешествій. До революціи онъ проѣхалъ по Германіи, Франціи, Бельгіи и даже побывалъ въ Лондонѣ. Впослѣдствіи онъ возобновилъ свое путешествіе по тѣмъ же странамъ, но на этотъ разъ онъ явился въ чужіе края, какъ политическій бѣглецъ, скрывающійся отъ мщенія правительства, котораго низложеніе было одобрено также и его голосомъ на сеймѣ въ Дебречинѣ. Хозяинъ мой былъ искусный разкащикъ, легко вдававшійся въ самыя мелкія подробности, и мнѣ было досадно каждый разъ, когда семейныя заботы, хозяйственныя или политическія дѣла прерывали его въ высшей степени интересныя устныя воспоминанія о старой, дореволюціонной системѣ, о разныхъ фазахъ революціи, о терроризмѣ, которымъ сопровождалось торжество габсбурговъ,—о бѣгствѣ, удачномъ спасеніи или несчастіяхъ замѣшанныхъ лицъ. Часто онъ переходилъ и къ болѣе близкимъ временамъ — къ эпохѣ послѣдняго сейма въ 1861 году. Обо всѣхъ этихъ смутахъ онъ говорилъ съ жаромъ и обстоятельностью очевидца.

Время, проведенное мною въ графствѣ Ж—, для мѣстныхъ политическихъ дѣятелей было полно самаго живого интереса. Въ числѣ первыхъ лицъ, съ которыми я видѣлся въ венгерской столицѣ по пріѣздѣ изъ Англіи, былъ также издатель одной газеты, человѣкъ, съ которымъ я, какъ говорится, жилъ на самой пріятельской ногѣ. Онъ и нѣкоторые изъ его собратій по ремеслу съ прискорбіемъ говорили мнѣ о томъ неловкомъ положеніи, въ какое ихъ поставило осторожное молчаніе правительства. Министерство Белькреди и Майлата опять вступило въ управленіе дѣлами, и всѣ умы были взволнованы страхомъ и надеждой. Еще впродолженіи нѣсколькихъ недѣль правительство рѣшительно молчало о своихъ намѣреніяхъ. Журналисты, боясь отвѣтственности за нескромность, угощали публику разсужденіями объ отвлеченныхъ матеріяхъ, восхваляли терпѣніе или пространно толковали о шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ, италіянскихъ финансахъ и другихъ подобныхъ безопасно-поучительныхъ предметахъ. Періодическая литература имѣла, такимъ образомъ, противъ

себя съ одной стороны угрожающую руку правительства, нежелавшаго, чтобы были опубликованы даже смутные намеки на содерженіе его программы, — намеки, извѣстные очень немногимъ издателямъ,—съ другой подозрительное нетерпѣніе провинціальныхъ подписчиковъ, засыпавшихъ издателей цѣлыми грудами писемъ, наполненныхъ разнаго рода доносами, нескромными освѣдомленіями и т. п. Разумѣется, издатели не рѣшались дать такимъ письмамъ мѣсто на столбцахъ журналовъ. Г. Жокай, издатель газеты «Hon» (родина, отечество)—органъ «лѣвой» стороны, довольно ѣдко выразился по этомр поводу: «когда предварительная цензура по милости правительства отмѣнена, мы, издатели, сами обратились въ капризныхъ цензоровъ.»

Въ особенности публика интересовалась предположеннымъ преобразованіемъ графствъ или—какъ они еще называются — *муниципій*. Я упоминалъ уже выше, что послѣ закрытія сейма избранныя должностныя лица отказались отъ всякой правительственной службы, не желая сдѣлаться слѣпыми орудіями канцлера, не подлежавшаго отвѣственности передъ націей. Въ нѣкоторыхъ графствахъ и между ними также въ Ж—комъ, провинціальные административные комитеты не только отступились отъ всякой служебной дѣятельности, но въ послѣднемъ своемъ засѣданіи *оффиціально* объявили измѣнниками тѣхъ мадьяровъ, которые захотятъ поступить на казенныя служебныя мѣста во все время недѣйствительности конституціи. Это гуртовое отреченіе отъ коронной службы возбудило недоумѣніе даже въ Венгріи, впрочемъ, только со стороны очень ограниченнаго меньшинства. Часто я представлялъ чиновникамъ, отрекшимся отъ службы,—не слишкомъ ли опрометчиво они поступили, отдавъ администрацію страны въ исключительное распоряженіе своихъ противниковъ. На мои доводы мнѣ отвѣчали обыкновенно слѣдующимъ: «здѣсь была затронута наша честь, а передъ такимъ аргументомъ должны умолкнуть всѣ прочія соображенія. Притомъ, оставаясь на службѣ, мы этимъ самымъ признали бы законность произвола, и должны были бы способствовать къ проведенію мѣръ, ненавистныхъ для нашего національнаго чувства, неодобряемыхъ нашею совѣстію, тогда какъ управляемый нами народъ считалъ бы насъ — и совершенно основательно — единственными виновниками такой административной тиранія. Нѣтъ, мы не хотимъ измѣнять нашей конституціи и предпочитаемъ предоставить проведеніе неблагородныхъ мѣръ безхарак-

тернымъ людямъ, а свою честь сохранить незапятнанною для лучшаго времени, которое настанетъ рано или поздно».

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о распространеніи такихъ мнѣній во всѣхъ классахъ общества, достаточно прибавить, что послѣ введенія Provisorium'а въ Ж—комъ графствѣ даже гайдуки и пандуры, составляющіе пѣхотныя и кавалерійскія силы мѣстной полиціи, явились къ моему пріятелю съ запросомъ: не должны ли также и они отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей? Разумѣется, онъ началъ увѣрять этихъ простодушныхъ воиновъ, что ни честь, ни патріотизмъ не требуютъ отъ нихъ такого самопожертвованія. Они поблагодарили моего хозяина за этотъ добрый совѣтъ и затѣмъ сказали: «конечно, ваша милость знаете сами, что жалованье для насъ статья очень важная; но видя, что вы и многіе другіе дворяне, доставившіе намъ наши мѣста, отказались отъ своихъ, мы думаемъ, что и намъ, какъ честнымъ и добросовѣстнымъ людямъ, слѣдовало бы подражать этому примѣру. Но такъ какъ ваша милость говорите, что это совсѣмъ ненужно, то мы съ радостью остаемся на службѣ, надѣясь, что и вы, и другіе господа въ скоромъ времени также вступите въ исправленіе вашихъ прежнихъ должностей.»

Но время выборовъ приближалось, а между тѣмъ населеніе страны не видѣло, чтобы муниципалитетамъ было возвращено прежнее вліяніе, то есть, чтобы они были поставлены въ то положеніе, въ которомъ находились предъ введеніемъ Provisorium'а въ 1861 году. Однако носились слухи, что новый канцлеръ — Майлатъ, разослалъ инструкціи, въ силу которыхъ губернаторы-намѣстники должны были войти въ соглашеніе съ представителями оппозиціонной партіи въ графствахъ. Въ моемъ отчетѣ объ избирательныхъ законахъ 1848 года, я пояснилъ, что мадьярское графство, утративъ значеніе избирательнаго округа, сохранило, однако, административный характеръ. Теперь на мѣстные комитеты, составленные, по смыслу закона и по выборамъ, была возложена задача соединить депутатовъ различныхъ избирательныхъ округовъ въ предѣлахъ каждаго графства. Выборы, произведенные другимъ собраніемъ или другими административными властями, были бы сочтены незаконными.

Всѣ замѣчательные политическіе дѣятели страны, признанные вожатые націи — каковы, напримѣръ, Деакъ, Гичи, Этвешъ (Eötvös) и др. — отказались бы отъ всякаго участія въ подобныхъ выборахъ,

и сеймъ, собранный такимъ образомъ, былъ бы лишенъ всякаго моральнаго значенія и не соотвѣтствовалъ бы предположенной цѣли нынѣшняго правительства. Отсюда слѣдуетъ, что провинціальные комитеты, хотя косвеннымъ путемъ, могли противопоставить власти Габсбурговъ серьезныя затрудненія. Но страна желала примиренія не менѣе самого правительства. Почти всѣ члены комитетовъ, ради довольно сильныхъ личныхъ побужденій, желали придти къ соглашенію, лишь бы только оно не компрометировало ихъ политической чести. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы строго настаивать на буквѣ закона и требовать полнаго возстановленія политическихъ правъ комитетовъ и возвращенія на службу лицъ, вышедшихъ изъ нея въ 1861 году (включая сюда и губернаторовъ-намѣстниковъ), члены провинціальныхъ административныхъ совѣтовъ соглашались и на болѣе умѣренныя уступки, которыя, однако, должны были оставить права страны неизмѣненными. Чтобы найдти этотъ средній исходъ, жители графства, посѣщая другъ друга впродолженіи нѣсколькихъ недѣль и свѣрян различныя мнѣнія, старались придти къ *единодушному рѣшенію*. Мадьяры очень хорошо понимаютъ — и въ этомъ преимущественно заключается тайна ихъ политической силы — что безъ общаго компромисса, безъ подчиненія частныхъ стремленій волѣ большинства, наконецъ, безъ другихъ усилій цѣлой партіи, нельзя бороться съ общимъ недругомъ.

Задавшись вопросомъ примиренія съ Венгріей, Майлатъ прежде всего приступилъ къ разсмотрѣнію списка губернаторовъ-намѣстниковъ. Изъ нихъ онъ удалилъ отъ мѣстъ всѣхъ тѣхъ, которые особенно умѣли заслужить презрѣніе или ненависть въ графствахъ. По крайней мѣрѣ, онъ поступалъ такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ, когда могъ замѣнить этихъ сановниковъ болѣе умѣренными и болѣе уважаемыми преемниками. Въ ж—скомъ графствѣ онъ повидимому не нашелъ такого преемника, потому что прежній губернаторъ остался на своемъ мѣстѣ. Далѣе, губернаторы-намѣстники получили полномочіе замѣнять, по своему усмотрѣнію, всѣхъ *провизіонныхъ* чиновниковъ новыми людьми или лицами, служившими государству въ конституціонную эпоху. Слѣдуя полученнымъ инструкціямъ, губернаторъ-намѣстникъ Ж—каго графства созвалъ для совѣщанія всѣхъ членовъ комитета 1861 года вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣстными авторитетами, большею частію изъ духовныхъ лицъ, которыя прежде не участво-

вали въ засѣданіяхъ этого комитета. Въ этомъ совѣщаніи губернаторъ долженъ былъ оффиціально представить членамъ комитета предложенія правительства по отношенію къ выборамъ депутатовъ. Но общій смыслъ этихъ предложеній былъ уже извѣстенъ здѣсь прежде, и мѣстное дворянство должно было только подумать объ условіяхъ, которыя оно могло предъявить правительству. Для этой цѣли, за день до засѣданія комитета, созваннаго губернаторомъ, дворяне составили между собою неоффиціальную конференцію. При этомъ главный вопросъ былъ выраженъ въ слѣдующей формѣ: слѣдуетъ ли требовать удаленія отъ должностей служебныхъ лицъ провизіонной системы, и если слѣдуетъ, то всѣхъ ли — или только нѣкоторыхъ, и кого именно? Такое удаленіе изъ службы они назвали epuratio (очищеніемъ): для всякаго политическаго явленія мадьяры съ необыкновенной легкостью умѣютъ подбирать латинскіе термины. Дворяне объявили себя противъ этого epuratio, и такое рѣшеніе объясняется отчасти нежеланіемъ каждаго мадьяра-дворянина опять попасть въ среду правительственныхъ лицъ, которыхъ назначеніе, въ его глазахъ, было незаконно, и которые могли при всякомъ удобномъ случаѣ противопоставить ему большинство враждебныхъ голосовъ. Другое побужденіе, руководившее дворянами при рѣшеніи этого вопроса, заключалось въ томъ, что имъ не хотѣлось этимъ путемъ отдѣлаться отъ губернатора, если ихъ представленія въ Вѣнѣ могли привести къ тому же результату. Но относительно выборовъ и имъ предшествующихъ мѣръ дворянство рѣшило поддерживать губернатора съ тѣмъ условіемъ, чтобы нѣкоторыя распоряженія, предоставляемыя по смыслу закона мѣстнымъ правительственнымъ властямъ, были поручены не чиновникамъ настоящей провизіонной системы, а лицамъ, находившимся на службѣ въ 1861 году.

На это предложеніе губернаторъ-намѣстникъ поспѣшилъ согласиться, и тогда комитетъ, преобразованный такимъ образомъ на скорую руку, началъ свои занятія, при участіи правительственныхъ лицъ 1861 года.

Шесть недѣль спустя открылись выборы.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ГОРЕ.

Иванъ Вавиловъ пришелъ въ Сибирь за преднамѣренное убійство. Онъ былъ изъ государственныхъ крестьянъ, попалъ въ острогъ за свое преступленіе на 23-мъ году отъ роду, прибылъ въ рудники на 26-мъ. Высокаго роста, бѣлокурый, статный и видный, онъ былъ только очень блѣденъ. Вина онъ не пилъ, не любилъ говорить,—и въ рудничной тюрьмѣ не свелъ ни съ кѣмъ дружбы. Товарищи его по длинной и долгой дорогѣ успѣли привыкнуть къ его нелюдимству еще на этапныхъ дневкахъ и ночлегахъ,—и оставляли его въ покоѣ, не приставали къ нему. Тюремнымъ смотрителемъ онъ былъ по праву тѣмъ, что у него не выходило ни съ кѣмъ исторій, и ни въ какомъ разбирательствѣ дѣло до него не доходило. Про-себя, то есть про свою прежнюю жизнь онъ ничего не разсказывалъ, и очень равнодушно слушалъ тюремныя похвальбы—однихъ своимъ прежнимъ богатствомъ, другихъ своими подвигами. Въ статейномъ спискѣ его значилось только, что онъ убилъ свою жену.

Вскорѣ послѣ прихода его на рудникъ, оказалось что онъ отличный плотникъ. Его нарядили на какую-то работу внѣ

рудника. Онъ работалъ очень усердно; но на половинѣ дѣла случилась бѣда: онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и долженъ былъ отправиться въ больницу. Лекарскій ученикъ, завѣдывавшій больницей,—какъ всѣ эти ученики по рудникамъ и промысламъ,—принялся лечить ногу такъ, что довелъ бы его до гангрены и до ампутаціи. Но къ счастью Вавилова пріѣхалъ окружной заводскій врачъ и осмотрѣлъ его въ больницѣ.

Врачъ этотъ былъ еще молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ и только-что назначенный въ эту должность. Онъ еще не успѣлъ совсѣмъ погрязнуть въ болотопровинціальной жизни, чегои збѣгаютъ очень рѣдкіе изъ заброшенныхъ сюда офицеровъ и чиновниковъ, и то лишь такіе, которые во время успѣютъ выбраться изъ Забайкалья куда нибудь въ мѣста болѣе живыя. Молодой врачъ не втянулся еще ни въ карточную игру съ утра до вечера, ни въ довольно безобразныя попойки чуть не каждый день, — единственныя развлеченія здѣшняго общества. Онъ еще интересовался не одними мѣстными интригами и сплетнями, не забросилъ еще въ никогда неотпираемый чуланъ книгъ по своему предмету и не былъ еще равнодушенъ къ своимъ ссыльнымъ паціентамъ. Напротивъ, онъ, какъ человѣкъ новый, интересовался этими людьми, за каждымъ изъ которыхъ была какая нибудь темная или трагическая исторія, и не утратилъ еще человѣколюбія на столько, чтобы предоставить ихъ въ болѣзни на произволъ судьбы.

Безъ Вавилова была какая-то задержка по плотничной работѣ, и мѣстный приставъ обратилъ и съ своей стороны вниманіе лекаря на его поврежденную ногу. При этомъ онъ упомянулъ и о томъ, что Вавиловъ отличается отъ всѣхъ чрезвычайно хорошимъ, примѣрнымъ поведеніемъ.

Врачъ осмотрѣлъ его рану и успѣлъ остановить начинавшееся воспаленіе. Въ тоже время его поразила блѣдность больного. Клейма проступали на лбу и щекахъ совсѣмъ черныя. (Онъ впрочемъ и не принимался ни разу сводить ихъ, какъ это дѣлаетъ всякій изъ клейменыхъ). Врачъ сталъ распрашивать Вавилова, не страдаетъ-ли онъ еще чѣмъ Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Врачъ раскрылъ однакожъ ему грудь, и выслушалъ Оказалось расширеніе артерій у сердца

— Ты можешь быть совсѣмъ освобожденъ отъ работъ, сказалъ врачъ больному.—У тебя болитъ сердце?

— Болитъ, ваше благородіе, отвѣчалъ больной,—да это что-жъ за болѣзнь? Ужъ вы будьте столь милостивы, не избавляйте меня отъ работъ.

Это поразило лекаря. Будь онъ и не такъ недавно на заводахъ, проживи онъ тутъ и двадцать лѣтъ, онъ былъ бы пораженъ не меньше просьбой больного. Трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, дѣйствительно больной, сопротивлялся освобожденію себя отъ работы. Напротивъ, каждый изъ ссыльныхъ радъ бы самъ навести на себя какую нибудь болѣзнь, только бы избавиться отъ каторжнаго труда.

Врачъ сначала думалъ, что не такъ понялъ своего больного, и сталъ его опять распрашивать. Изъ словъ его опять оказывалось, что онъ предпочитаетъ остаться въ каторгѣ.

— Мнѣ по дѣломъ, сказалъ онъ серьезно.

Тутъ уже трудно было лекарю воздержаться отъ распросовъ о томъ, какъ Вавиловъ попалъ въ Сибирь и за что именно. Онъ отвѣчалъ сначала только одно: «за убійство», или «жену убилъ», и повидимому никакъ не хотѣлъ вдаваться въ подробности.

— Мало ли здѣсь сосланныхъ за убійство, говорилъ на это лекарь,—да все же хотятъ, чтобы имъ полегче было. Есть и такіе, что сосланы за убійство женъ.

— Мнѣ и такъ легко, ваше благородіе, отвѣчалъ Вавиловъ,—чего еще легче желать?

Лекарь не хотѣлъ однакожъ отстать отъ него безъ разъясненій,—и говорилъ, что по закону не можетъ его оставить въ тяжкой работѣ.

— Мнѣ безъ работы и дня не прожить, возражалъ Вавиловъ.

— Это ужъ твое дѣло, отвѣчалъ врачъ.—Ты можешь тамъ найти себѣ какое нибудь дѣло; а отъ рудничной работы я долженъ тебя освободить.

Вавиловъ видѣлъ, что лекарь обращается къ нему съ искреннимъ вниманіемъ,—видѣлъ, что онъ распрашиваетъ его о

прежней жизни не изъ пустаго любопытства, — и рѣшился разсказать ему свою исторію.

Исторія была не длинна и довольно обыкновенна.

— Вамъ, можетъ, извѣстно, сударь, что я изъ государственныхъ крестьянъ, разсказывалъ Вавиловъ;—село у насъ не бѣдное,—и я былъ изъ зажиточной семьи, да и самъ сталъ уже добывать изрядныя деньги. Одно, что они у меня плохо держались. Не то, чтобы я пьяница былъ, или ужъ очень безпутный какой; а главное—пофорсить любилъ. Собралась ли какая компанія—я всѣхъ угощаю; немного стоило и подзадорить меня—сейчасъ готовъ деньгами сорить. Это и знали. Трое соберутся,—меня четвертаго надо. Сейчасъ за мной. Съ этого форсу случалось и вредилъ себѣ много. Деньги нужны на что нибудь доброе, а я ихъ задаромъ спущу. Нападетъ, случалось, раздумье,—и закаяваюсь тогда; а приди кто въ эту самую минуту звать на кутежъ,—словно все у меня изъ головы вылетитъ, что думалъ,—готовъ. Пить я много не пилъ,—это правда. Любилъ больше такъ, чтобы веселъ, а не пьянъ. Родители мои померли,—останавливать меня было не кому,—такъ я и жилъ годовъ этакъ съ восемнадцати или девятнадцати. Какъ пошолъ мнѣ 21-й годъ; сталъ я свататься за дѣвушку. Это моя-то и была потомъ жена. Году съ ней не прожилъ. Отецъ, мать говорятъ, что не прочь бы за меня отдать, кабы поосгепенился хоть немножко. Потому, знали руки у меня золотыя. Это могу похвалиться. Всякая работа кипитъ въ рукахъ. Съ Матрешей же у насъ давно любовь была,—не то, чтобы тайное что, а такъ очень другъ дружку любили,—можно сказать души одинъ въ другомъ не чаяли. Какъ ей только пятнадцатый годъ шелъ, ужь я, бывало ее караулю. Съ той еще поры было—гдѣ только встрѣтимся, что люди не видятъ, тамъ и поцѣлуемся. Случится, день одинъ не повидался съ ней, тоска нападетъ такая,—словно этотъ день и не жилъ. Она тоже. Только и говоритъ мнѣ: «жить безъ тебя не могу, Ваня». Какъ только минуло ей шестнадцать, я посватался. Допрежъ того было у нея два жениха, да не отдали,—сказали: молода, а больше потому знали,—я посватаюсь,—я былъ у насъ на селѣ не чета тѣмъ женихамъ,

первымъ-то. Отецъ, мать первымъ дѣломъ стали меня допрашивать: брошу ли я этотъ свой кутежъ, что только на него все извожу, что заработаю. Я имъ какъ слѣдуетъ обѣщаюсь. Матреша тоже мнѣ: «кабы я, говоритъ, не любила тебя, Ваня, стала ли бы я тебѣ говорить объ этомъ». Обѣщаюсь и ей, что оовсѣмъ другой человѣкъ стану, только бы вышла за меня. Ударили по рукамъ.—сыграли свадьбу. Кажется счастливѣе меня и человѣка на свѣтѣ не было! Какъ вспомню теперь это время, словно только тогда я и жилъ. Всего этого счастья не перескажешь. Любовь между нами такая была, что на рѣдкость и найдти. Кажется только жить да жить, и умирать не надо. Такъ нѣтъ же, все вышло иначе. Вскорѣ, это было послѣ свадьбы, стали меня опять мои товарищи смущать. Безъ меня у нихъ и кутежъ не въ кутежъ. Старая ли привычка, что ли, — стало и меня подмывать въ ихъ компанію. Матрена уговариваетъ: «полно; не ходи: или тебѣ дома не любо!» И все это лаской, все просьбой. Кроткая была. смирная, — никогда грубаго слова не скажетъ. Да нѣтъ, не остановила меня. Товарищи, чтобы меня подзадорить, только и толкуютъ: «Видно взяли Ивана у насъ подъ начало. Жена къ подолу пришила, — не пускаетъ.» Мнѣ досадно, — на зло имъ, думаю, покажу, что врутъ. Сталъ таки съ ними покучивать. И удивительно это дѣло: какъ нѣту меня дома, тоска меня беретъ,—и кутежъ этотъ мнѣ тошенъ,—только и думаю: зачѣмъ это я? къ чему? И все-то у меня изъ головы Матреша нейдетъ, — что она да какъ, да не случилось ли съ ней бѣды какой? Сижу съ пріятелями за виномъ, пѣсни ихъ слушаю, крикъ, а самъ думаю: это въ послѣдній разъ; не заманите меня теперь ничѣмъ. И точно что никакой мнѣ тутъ радости не было. Будто насильно меня кутить заставляютъ. Ворочусь домой, Матрена меня не коритъ, не попрекаетъ, а только ласково такъ распрашивать станетъ: весело ли было? Я ей все какъ есть разсказываю. «Какое веселье! говорю, все время сидѣлъ, о тебѣ думалъ. Нигдѣ мнѣ такъ не хорошо, не весело, какъ у себя дома.» Она-то и рада. Начнетъ меня цѣловать, миловать. «Хорошій ты мой, ненаглядный, значитъ не станешь больше съ ними дружбу во-

дить». — «Не стану». И какъ говорю это, кажется, такъ оно и есть и никто меня не собьетъ. Глядь, на другой день опять тоже. Пробовалъ я отказываться, — да ужь какъ разъ пустился, такъ мало изъ этого выходило проку.

Разъ этакъ-то не пошелъ, дома остался, такъ потомъ какая-то совѣсть глупая напала, — никому на глаза бы не показался, — отъ каждаго пріятеля прятаться готовъ, — эти ихъ дурацкія слова изъ ума не выходятъ: «жена къ подолу пришила». Пойду, сижу съ ними — злость на меня нападетъ, — такъ бы ихъ всѣхъ разразилъ. Домой идти съ пирушки страхъ какой-то сталъ брать. Совѣсть грызетъ передъ Матрешей — то. Знаю, она ни слова грубаго не скажетъ, — такъ же и обниметъ, и приласкаетъ, — только развѣ слезы иной разъ на глазахъ. Такъ это мнѣ еще пуще мученье. Думаю, накинулась бы на меня съ крикомъ, да съ бранью, — легче бы мнѣ было. Только нравъ-то у нея совсѣмъ не такой былъ. Случается, сидишь дома, она по домашности работаетъ что нибудь, стряпаетъ, либо шьетъ, либо во дворѣ съ чѣмъ возится, то что будто она все меня попрекаетъ. Взглянетъ ли, не смотритъ ли на меня, говоритъ ли, молчитъ ли, — все мнѣ словно попрекъ. — Мочи моей не стало, хожу какъ полуумный. Не знаю, какъ мнѣ быть? И работа на умъ нейдетъ. Сталъ я думать, не житье намъ тутъ въ деревнѣ,— надо бы въ такое мѣсто, гдѣ меня никто не знаетъ, — нѣтъ ни товарища, ни пріятеля. Тамъ думаю, все бы пошло совсѣмъ по другому. Въ иное время и можно бы это сдѣлать,— были и деньжонки, и выхлопотать могъ бы чтобы отпустили,— и нигдѣ бы не пропалъ со своимъ мастерствомъ. Такъ хватился-то поздно. Весь протратился, подняться не на что,— и отъ дѣла сталъ отставать. Вотъ въ маятѣ-то этакой прожили мы съ Матрешей десять мѣсяцевъ. Стали у меня было ссоры съ ея родней выходить. Старики на меня, — обѣщался имъ остепениться, а живу по прежнему, ни на что не похоже. Видятъ дочь, такъ меня дома нѣтъ, глазъ не осушаетъ, Такъ она же меня передъ ними защищаетъ. Совсѣмъ съ ними разсорилась. Перестали и ходить къ намъ. Пуще тоска Матрешѣ. Стала она больше плакать. Чаще я началъ примѣчать

глаза у нея въ слезахъ. Эти слезы мнѣ, какъ огонь на сердце. И ничего-то я разобрать не могу: и люблю-то ее, кажется, больше всего на свѣтѣ, — и точно она мнѣ поперегъ дороги стала. И эти мои пріятели тоже... Иной разъ такъ это раскипятится во мнѣ сердце — перерѣзалъ бы ихъ всѣхъ, передушилъ бы; а придутъ звать, — тянетъ меня къ нимъ. Приходили въ голову и такія мысли: удавиться, — всему конецъ будетъ. — Такъ вотъ, прожилъ я этакъ-то десять мѣсяцевъ. Былъ въ сосѣднемъ селѣ канунъ, праздникъ значитъ церковный, — отъ насъ верстахъ въ пятнадцати. Изъ нашей деревни всегда туда много народу ходило. Собрались и мы съ Матрешей. Тележка у меня въ ту пору сломана была, — я со своими пирами не собрался и починить, пошли мы пѣшкомъ. Поднялись ранехонько, чтобы къ обѣднѣ поспѣть. Принарядились въ лучшую одежду. Пощеголять еще было чѣмъ. У Матреши сарафанъ шолковой, рубашка кисейная, — посмотрѣть, красавица. Я на нее гляжу въ этомъ въ ея уборѣ, — не наглядѣлся бы, кажется. Пошли мы. — Веселы-то мы тогда мало были; не съ чего. Идемъ, помалчиваемъ. Какъ теперь помню утро прохладное такое было, — солнышко не палитъ, — по полямъ роса. Я иду-иду, да и посмотрю на Матрешу, — такъ у меня и замретъ сердце, — и самъ не знаю, отчего: то-ли она красива очень, то-ли мнѣ за себя совѣстно. Прошли мы этакъ-то съ половину дороги. Тутъ кусты по горѣ. Матреша и говоритъ: «посидѣть бы немножко, вздохнуть. До обѣдни еще за долго поспѣемъ». Сѣли подъ кустами тутъ, — я противъ нее. Она и говоритъ: «посижу хоть покамѣсть съ тобой, Ваня, до праздника; а на праздникѣ мнѣ тебя и невидать». Какъ сказала она это, вся кровь у меня въ лицо ударила. Самъ я шелъ-думалъ: послѣ обѣдни утащатъ меня друзья — пріятели; не отобьешся отъ нихъ. И такъ мнѣ это вдругъ досадно стало, что она мои мысли угадала. Говорю ей «только ты и ротъ раскрываешь, чтобъ меня попрекать». Она слезами залилась, и говоритъ: «когда я тебя попрекала? И было за что, да я и слова не говорила. А что разлюбилъ ты меня, это я вижу». И плачетъ и говоритъ... И каждое слово ея мнѣ точно ножъ вострый Вижу, что не скажитъ она, все правда,

и слова нельзя насупротивъ сказать. А злость во мнѣ такъ и кипитъ. Все мнѣ не любо: и что на праздникъ пошелъ, и что кафтанъ на мнѣ нарядный,—и что она передо мной сидитъ и плачетъ, и говоритъ, какъ никогда до той поры не говорила, точно всю свою душу разсказать хочетъ. Гляжу я на нее какъ у нея слезы по щекамъ катятся, и все то еще пуще мнѣ сердце воротитъ. Всталъ я,—смотрѣть на нее не могу. «Молчи»! крикнулъ. Она все говоритъ, все плачетъ.—Тутъ ужь я самъ не помню, какъ это сдѣлалось, что очутился у меня ножикъ въ рукахъ изъ кармана. Повалилъ я ее, да въ грудь этимъ ножемъ. Одно только и проговорила она: «За что ты меня, Ваня, я ли тебя не любила»? И духъ вонъ. Самъ я за мертво упалъ, и ужь ничего-то потомъ не помню. Знаю одно, повстрѣчали меня наши, какъ я ее домой на рукахъ понесъ. Помню я, стали въ ту пору благовѣстить къ обѣдни.—Вотъ и все горе мое, ваше благородіе, заключилъ Вавиловъ.

Онъ разсказывалъ довольно спокойно, но къ концу разсказа, лицо его поблѣднѣло еще болѣе.

— Что хуже моего грѣха? заговорилъ онъ опять, прикладывая руку къ сердцу.—Или я въ самомъ дѣлѣ не любилъ ее? или она мнѣ не дороже всего на свѣтѣ была? Вотъ ужь скоро этому пять лѣтъ, а все забыться не могу. Все мнѣ опротивѣло, ни на кого бы я изъ людей не глядѣлъ. Умереть бы, — такъ не стало и этого. Пусть показнюсь дольше —И это-то мнѣ въ досаду, что работа-то мнѣ точно отрада какая. Какъ работаю, будто легче мнѣ. А то изъ ума не выходитъ, какъ она мнѣ говорила: «За что ты меня, Ваня? я ли тебя не любила». И точно я все вижу, какъ она на травѣ лежитъ,—бѣлая рубашка на груди вся кровью смочена. По ночамъ и спа-то мнѣ нѣту; а засну,—ее же все вижу.

Лекарь былъ едва-ли не единственнымъ лицомъ, слышавшимъ это признаніе отъ Вавилова.

Вавилова, по свидѣтельству лекаря, освободили отъ казенныхъ работъ. Срокъ тюремнаго заключенія ему уже вышелъ,—и онъ могъ жить на порукахъ. Его взялъ къ себѣ въ домъ одинъ изъ обывателей рудника, — или, — какъ тогда еще было,—такъ называемыхъ заводскихъ служителей, то-есть дѣтей

бывшихъ каторжныхъ, обреченныхъ на болѣе тяжкую и болѣе долгую каторгу, чѣмъ ихъ отцы.

Избавленіе отъ рудничныхъ работъ не исключало возможности работать. Вавиловъ сталъ наниматься въ разныя работы въ той же казнѣ, — работалъ и на частныхъ людей.

Первымъ дѣломъ его по переходѣ изъ больницы на поруки, было приложить свое плотничное и столярное ремесло къ дому хозяина, у котораго онъ поселился.

При постоянномъ, безъ отдыха и остановки казенномъ трудѣ на рудникѣ, хозяину почти нѣкогда было заняться своимъ домомъ. Построенный плохо еще отцемъ его, домъ требовалъ большой починки, чтобы не развалиться. Вавиловъ вооружился своими плотничными орудіями, осмотрѣлъ домъ, и принялся исправлять и чинить его.

Онъ, казалось, не уставалъ работать. Внутреннее постоянное безпокойство рано поднимало его по утру, и онъ тотчасъ же принимался за топоръ и пилу. Иногда это безпокойство будило его и по ночамъ.

Въ рудникѣ онъ почти всѣмъ казался чудакомъ.

— Иду я этто съ вечерки, (разсказывалъ не одинъ изъ мѣстныхъ жителей), ночь темная, и первые пѣтухи еще не пѣли, слышу около лощиловской избы стукъ-да-стукъ. Подошелъ я. Смотрю. Вавиловъ ходитъ съ топоромъ вокругъ. «Не спишь?» спрашиваю.—«Видишь»,—говоритъ.—«Да что ты дѣлаешь тутъ?» —Завалину, говоритъ, «ляжу» —«Ночью?»— «Ночью,» говоритъ. — Что съ нимъ станешь разговаривать?

— Должно быть горе его какое грызетъ, замѣчали другіе.

Вскорѣ напялся онъ сдѣлать какую-то работу плотничную въ рудничной шахтѣ, и бывалъ въ рудникѣ почти каждый день. Однажды штейгеръ засталъ его еще на верху.

— Ты свободенъ Вавиловъ? помогъ бы мнѣ повѣрку сдѣлать.

— Извольте.

— Такъ возьми вотъ цѣпь, и иди за мной вонъ съ нимъ.

Штейгеръ указалъ на своего помощника, и изчезъ въ черномъ отверстіи шахты даже безъ свѣчки, какъ человѣкъ слишкомъ привычный.

Вавиловъ зажегъ сальный огарокъ и сталъ спускаться съ помощникомъ по узкимъ и скользкимъ вертикальнымъ лѣстницамъ. Онъ спускался впередъ, за нимъ штейгерскій помощникъ. Цѣпь звенѣла ударяясь о перекладины лѣстницы.

Такъ опустились они на вторую площадку, на которой болѣе двухъ человѣкъ не могло умѣститься. Они были въ шести или семи саженяхъ отъ верху. Узкія лѣстницы спускались внизъ еще на 20 сажень. Сверху не доходилъ уже свѣтъ; темныя влажныя стѣны озарялись только тусклыми огарками, которые держали въ рукахъ Вавиловъ и помощникъ штейгера. Вавиловъ тяжело перевелъ духъ и сказалъ:

— Духъ у меня захватывается что-то, — постоимъ немножко.

Помощникъ штейгера сталъ подсмѣиваться надъ его слабостью.

— Вонъ Никитичъ какой ужъ старикъ, говорилъ онъ про штейгера, — а видѣлъ, какъ спускался.

— Онъ поди ужъ совсѣмъ внизу? спросилъ Вавиловъ.

— Еще бы!

— Поддержите-ка немножко цѣпь-то, — я посмотрю.

— Много увидишь! сказалъ помощникъ, но цѣпь все-таки взялъ.

— Господи, прости мои грѣхи тяжкіе, произнесъ глухимъ голосомъ Вавиловъ и перекрестился.

— Что ты это? крикнулъ въ испугѣ штейгерскій помощникъ.

Передъ нимъ мелькнули только ноги Вавилова,—и слышно было, какъ тѣло его съ силой ударялось по временамъ о досчатыя настилки, въ которыя упирались лѣстницы.

Помощникъ быстро сталъ спускаться внизъ, громко звеня второпяхъ промѣрною цѣпью.

Когда онъ спустился, подъ чернымъ сводомъ было много свѣта. Ледяныя капли и серебряный блескъ горѣли на стѣнахъ при десяткѣ свѣчъ. Штейгеръ и рабочіе окружали разбитый вдребезги трупъ Вавилова.

Л. Шелгунова.

* * *

Первый громъ, первый дождь благодатный,
Первый звукъ ненаглядной весны,
Воздухъ свѣжій, живой, ароматный,
Тихій шопотъ бѣгущей волны.

А на листьяхъ кудрявой березы,
Когда вѣтеръ, шурша пробѣжитъ,
Вдругъ сверкнутъ эти вѣшнія слезы,
Что роняютъ бѣгущія грозы,
И кивая, весь садъ задрожитъ.

И мелькнетъ мать широкая нива
Изъ-за чащи зеленыхъ листовъ,
И пахнетъ на тебя шаловливо
Вѣтеръ запахомъ чудныхъ цвѣтовъ.

И въ душѣ твоей встанетъ минувшее,
Подъ тоскливую пѣснь соловья,
Все далекое, въ сердцѣ уснувшее,
Встанетъ добрая юность твоя.

И мечты о счастливомъ народѣ,
И о жизни добра и труда,
Что въ умѣ твоемъ жили всегда,
Пробудятся подъ звуки природы.

И заплачешь ты, полно тунѣющій,
Исковерканный силой судьбы,

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ слабѣющій
Позабывшій о правдѣ борьбы.

Задрожитъ, словно садъ засыпающій,
Твое сердце, и тихо замретъ,
Обовьетъ его мракъ наплывающій
И туманъ, что съ болота ползетъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Нашъ парижскій корреспондентъ пишетъ намъ о покушеніи на жизнь Государя Императора слѣдующее: 6 іюня (25 мая), вдругъ, какъ ударъ грома, пронеслась надъ нами тяжелая и печальная новость о покушеніи Березовскаго на жизнь русскаго императора. Впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ событіемъ среди мирнаго и братскаго торжества всемірной выставки (о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей книжкѣ) было тѣмъ хуже, что Франція, уважая права гостепріимства, не думала нарушить его въ такую торжественную минуту. Пока общественное мнѣніе не познакомится изъ самого процесса съ источникомъ преступленія, до сихъ поръ ясно только то, что фанатизмъ Березовскаго отстраняетъ всякую солидарность его преступнаго замысла съ стремленіями какой бы то ни было партіи.

Самый процессъ Березовскаго будетъ нами помѣщенъ въ слѣдующей восьмой книжкѣ журнала «Дѣла».

Л.

СЕРЕНЬКАЯ СВЯЗЬ

ПОЭЗИЯ ПУ [illegible] ГОДЫ ЛЕНИНГРАДА

[illegible]

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ.

Уходъ за дѣтьми физіологическій и нравственный. Составилъ А. Комбъ. Переводъ съ англійскаго девятаго изданія. С.-Петербургъ. 1866 г.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ «ЖЕНСКАГО ВѢСТНИКА».

I.

Пусть читательницы «Женскаго Вѣстника» примутъ это посвященіе, какъ доказательство глубочайшаго къ нимъ уваженія автора настоящей статьи, и его искренняго желанія принести имъ посильную пользу, знакомствомъ съ умной книгой Комба, о которой, къ сожалѣнію, «Женскій Вѣстникъ» отозвался съ глуповатой суровостію.

Предметъ, избранный Комбомъ, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни для всякой женщины. И для повелительницы милліоновъ, и для бѣдной крестьянки или поденщицы ничего не можетъ быть дороже ея личнаго счастія и счастія ея дѣтей.

Но счастіе не купишь ни въ модномъ магазинѣ, ни въ галантерейной лавкѣ; въ большинствѣ случаевъ оно зависитъ отъ знанія, отъ нашего интелектуальнаго развитія, отъ воспитанія нашего характера.

Счастливъ тотъ, кого со дня рожденія вели уже вѣрнымъ путемъ, кто получилъ правильное физическое и нравственное воспитаніе, у кого въ здоровомъ тѣлѣ воспитали здоровый духъ. Истин-

но же несчастнымъ—чувствуетъ онъ это или нѣтъ—будетъ всегда тотъ, кто росъ, какъ ростетъ крапива у забора, и чей кругозоръ не возвысился до того, чтобы понимать вѣрно мелочи обыденной, повседневной жизни и связь ихъ съ болѣе широкими общественными явленіями. Только въ этомъ одномъ и заключается причина разнообразныхъ несчастій человѣчества.

Есть милліоны людей, для которыхъ, по разнымъ историческимъ причинамъ и обстоятельствамъ, дѣйствующимъ еще и нынче, возможность правильнаго физическаго и нравственнаго воспитанія не существуетъ. Для этихъ людей не существуетъ литература и не для нихъ писалъ Комбъ. Но есть классъ людей читающихъ, образующихъ такъ называемую читающую публику, выписывающихъ книги, газеты и журналы и такимъ образомъ владѣющихъ по своей грамотности могущественнѣйшимъ орудіемъ прогресса и при всемъ томъ не пользующихся этимъ орудіемъ ни для своего, ни для чужаго счастія. У этихъ людей есть уши, но они не слышатъ; у нихъ есть глаза, но они не видятъ. Если только позволительно сожалѣть о людяхъ, то конечно это люди самые жалкіе по своей безпомощности, ибо въ ихъ рукахъ есть средство для счастія, но они не умѣютъ имъ пользоваться; они читаютъ и не понимаютъ, что они читаютъ; имъ предлагаютъ интелектуальную пищу, но они усвоить ея не въ состояніи.

Почти вся прекрасная половина русскаго человѣчества принадлежитъ къ полку этихъ интелектуально безпомощныхъ людей и возбуждаетъ она тѣмъ большее къ себѣ участіе, что съ полнѣйшей искренностію прислушивается ко всякому полезному указанію и заявляетъ чистосердечную готовность работать для счастія своего личнаго и всего человѣчества; но только просить объ одномъ—поучить что дѣлать.

И такъ почва готова; нужны только знающіе сѣятели. Комбъ одинъ изъ числа ихъ.

Я вовсе не думаю, чтобы Комбъ принадлежалъ къ міровымъ геніямъ и съ появленіемъ его книги наступила для человѣчества новая эра. Въ нашемъ вопросѣ Комбъ самъ по себѣ ровно ничего не значитъ. Для насъ важенъ только предметъ, о которомъ онъ говоритъ и я повторяю еще разъ, что не знаю другого вопроса равносильной для всякой женщины важности, какъ вопросъ о ней самой, какъ о женѣ и о матери, какъ о воспитательницѣ человѣчества. О важности вліянія матери читательницы могутъ судить изъ того факта, что всѣ геніальные и великіе люди имѣли матерьми жен

щинъ замѣчательныхъ умственныхъ способностей, дѣятельныхъ и энергическихъ. Хотите вы имѣть способныхъ дѣтей,—будьте способной матерью, ибо, повѣрьте, что только потому много на свѣтѣ дрянныхъ людей, что еще много дрянныхъ матерей.

Поэтому писатель, которому посчастливилось помочь женщинѣ и матери въ разрѣшеніи ея труднѣйшей задачи, можетъ смѣло причислить себя къ числу полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей. И поэтому то неосторожное отношеніе къ такимъ книгамъ, какъ Комба, слѣдуетъ считать неосторожной выходкой публицистовъ и литераторовъ, очевидно, не совсѣмъ ясно понимающихъ громадную важность трактуемаго ими предмета.

Хороша ли книга или дурна, она во всякомъ случаѣ превосходный предметъ, чтобы говорить о предметѣ настоятельной необходимости для всякаго общества, а тѣмъ болѣе для русскаго. Въ первомъ случаѣ нужно говорить для того, чтобы предостеречь читательницъ и спасти ихъ отъ ошибокъ; во второмъ, чтобы заставить ихъ подумать еще разъ о предметѣ, о которомъ чѣмъ больше думаешь, тѣмъ лучше, и о которомъ можно говорить смѣло до скончанія вѣка, потому что предметъ неистощимъ и вѣчно новъ.

Вотъ почему я считаю неосторожностію со стороны «Женскаго Вѣстника», что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія своихъ читательницъ на книгу Комба и вотъ почему я рѣшился писать настоящую статью и даже посвятить ее читательницамъ «Женскаго Вѣстника», хотя этимъ, можетъ быть, и вторгаюсь въ чужую область. Но я вторгаюсь не казачьимъ набѣгомъ, не дерзостію или словомъ порицанія; но съ мирнымъ желаніемъ счастія людямъ, которыхъ бы я желалъ сдѣлать счастливыми и которымъ бы хотѣлъ принести посильную пользу.

Кисейная барышня, отдающая свою руку и сердце первому плѣнившему ее фату, не руководствуется при этомъ ровно никакими соображеніями солиднаго свойства; и удовлетворяетъ исключительно своему сердечному пылу. Процессъ подобнаго самозакланія, называющійся любовью или страстной любовью, ведетъ большею частію къ неисправимымъ послѣдствіямъ, которыя можно бываетъ прослѣдить въ цѣломъ ряду поколѣній, народившихся отъ нѣжной четы.

Кисейная барышня, превратившаяся въ нѣжную и добродушную супругу и мать, обзаведясь приличнымъ по количеству семействомъ, отдается всѣми силами воспитанію своихъ дѣтей и, измѣряя пользу своей воспитательной дѣятельности только усердіемъ, весьма осно-

вательно гордится своими воспитательными экспериментами, печальныя послѣдствія которыхъ можно прослѣдить тоже въ цѣломъ ряду послѣдующихъ поколѣній.

Изъ этого очевидно, что по отношенію къ будущимъ поколѣніямъ, съ физіологической и нравственно-интелектуальной точки зрѣнія, женскій вопросъ распадается на двѣ части—прежде всего женщина является какъ мать, какъ родоначальница будущихъ поколѣній и за тѣмъ, какъ ихъ воспитательница.

Этимъ двумъ вопросамъ и будутъ посвящены слѣдующія двѣ главы настоящей статьи.

II.

Наполеонъ I сказалъ госпожѣ Сталь, что онъ считаетъ самой умной ту женщину, которая народитъ ему больше всего солдатъ.

Я привожу этотъ афоризмъ не потому, чтобы считалъ похвальнымъ, если всѣ женщины станутъ производить очень много солдатъ; а потому что изъ односторонняго афоризма побѣдоноснаго императора французовъ, сказаннаго собственно съ тѣмъ, чтобы поставить въ предѣлы скромности болѣзненно-самолюбивую мадамъ Сталь,—можно создать афоризмъ, дѣйствительно подходящій къ занимающему насъ теперь вопросу. Вниманію своихъ читательницъ я бы представилъ этотъ афоризмъ въ такомъ видѣ: наибольшую пользу человѣчеству принесетъ та женщина, которая народитъ больше всего здоровыхъ и воспитаетъ изъ нихъ больше всего полезныхъ людей. Я такъ сказать обобщилъ мысль; Наполеонъ же взялъ ее въ спеціальномъ смыслѣ, въ примѣненіи къ тому, что болѣе полезнымъ казалось ему.

Ошибка нашего воспитанія заключается именно въ томъ, что наши страсти и влеченія не подчиняются контролю ума. Отъ этого вся наша жизнь слагается изъ короткихъ порывовъ и немедленныхъ удовлетвореній внезапныхъ желаній и составляетъ рядъ небольшихъ скачковъ въ разбросъ, лишенныхъ всякаго общаго плана и строгаго единства въ направленіи къ одной какой нибудь цѣли.

Такъ какъ въ настоящей главѣ я хотѣлъ говорить объ обязанностяхъ женщины, какъ родоначальницы, то предъидущая мысль

въ примѣненіи къ нашему вопросу означаетъ, что всѣ мы, выходящія замужъ, подчиняемся въ этомъ случаѣ не строгимъ велѣніямъ дальнозоркаго интелекта, а вспышкѣ мгновеннаго страстнаго увлеченія.

Я не отрицаю того, что физіологическія и соціальныя причины оправдываютъ во многихъ случаяхъ дѣлаемую нами ошибку; но съ точки зрѣнія строгой, теоретической послѣдовательности такія причины не имѣютъ ровно никакого значенія. Послѣдовательность не знаетъ ни слабостей, ни уступокъ.

Къ несчастію, наши кисейныя барышни обладаютъ только тѣмъ нѣжнымъ доброжелательствомъ, которое вызываетъ на ихъ прекрасныхъ глазкахъ слезы умиленія о раздавленной мухѣ; но не въ состояніи довести свое нѣжное чувство, рядомъ послѣдовательныхъ силлогизмовъ, до вполнѣ зрѣлой и строго соціальной мысли, что уродъ-человѣкъ, рожденный нами, далеко несчастнѣе всѣхъ мухъ, которыхъ давило и которыхъ до скончанія вѣка будетъ давить человѣчество. Мы выходимъ замужъ потому, что такъ заведено еще не нами; мы выходимъ замужъ, потому что въ внѣ брачной жизни человѣку жить невозможно. Но выходя замужъ, мы не задаемся ни одной серьезной мыслію; мы не глядимъ дальше завтрашняго дня и все наше серьезное кипяченье направлено только на то, чтобы удовлетворить непонятному для насъ стремленію, обѣщающему столько наслажденія въ своемъ удовлетвореніи, а тамъ... и тамъ— что будетъ, то будетъ и суженаго конемъ не объѣдешь. Вотъ и вся наша теорія.

Но не думайте, чтобы въ этомъ сердечномъ кипяченіи разсудку не давалось ровно никакого мѣста. Разсудокъ работаетъ тоже, но только не въ томъ направленіи. Онъ поетъ въ одинъ тонъ съ сердцемъ и вмѣсто того, чтобы быть верховнымъ судьею и безапеляціоннымъ повелителемъ во внутренней борьбѣ нашихъ страстей, онъ является покорнѣйшимъ ихъ слугою. Очевидно, что разсудокъ, занятый такимъ пустымъ и несоотвѣтственнымъ ему дѣломъ, въ сущности можно считать совершенно отсутствующею величиною. И вотъ почему, нисколько не нарушая своего глубочайшаго уваженія къ кисейнымъ барышнямъ, я выскажу имъ откровенно, что каждая изъ нихъ, отдающаяся вполнѣ своимъ сердечнымъ стремленіямъ и руководствующаяся при этомъ только обыденными соображеніями домашняго издѣлія, находится въ моментѣ безумія.

Между прекраснымъ поломъ распространено весьма ошибочное

убѣжденіе, что истинная любовь исключаетъ все остальное и что будто бы человѣкъ въ моментъ любовнаго состоянія долженъ изображать изъ себя исключительно пылающее сердце, выдѣляющее только нѣжные ароматы. Поэтому наибольшее оскорбленіе, какое только можно нанести любящейженщинѣ—объясниться ей въ любви на колѣняхъ, подославъ предварительно носовой платокъ.

Въ безусловномъ смыслѣ такая забота о чистотѣ и цѣлости панталонъ доказываетъ только весьма похвальную бережливость, и въ будущемъ мужѣ—если послѣдуетъ такой счастливый союзъ—рекомендуетъ человѣка, способнаго завѣдывать хорошо домашнимъ хозяйствомъ. Въ частности относительно даннаго случая ошибка заключается въ томъ, что мелочному обстоятельству придана почти равносильная важность съ обстоятельствомъ основнымъ. Женщину оскорбляетъ то, что въ моментъ, когда человѣкъ долженъ отдаться весь, нераздѣльно, чувству любви, у него въ головѣ остается еще мѣсто для посторонннихъ соображеній. Я согласенъ съ тѣмъ, что заботу о чистотѣ панталонъ въ моментъ любовнаго объясненія можно было бы и оставить; но не одобряя частности, я объявляю себя все-таки на сторонѣ того принципа, по которому любящій человѣкъ не только можетъ, но даже долженъ оставлять въ своей головѣ мѣсто для благоразумныхъ размышленій.

Не мавры мы, въ самомъ дѣлѣ, и не неистовые Роланды, чтобы любить до помраченія разсудка: ибо едва ли можно представить себѣ положеніе болѣе унизительное, какъ потерю сознанія. Я знаю одинъ фактъ — и даже могъ бы назвать человѣка по фамиліи, — который клялся дамѣ своего сердца, что онъ готовъ для нея на всякую жертву.—Полноте, отвѣтила она — вы не пожертвуете для меня мизинцемъ.—Я! не пожертвую! крикнулъ обиженный юноша и, взявъ со стола ножъ, отрубилъ себѣ конецъ мизинца. И это сдѣлалъ не эфіопъ, не африканецъ, не мавръ, а вашъ, читательница, соотечественникъ, уроженецъ заволжья, гдѣ хотя также жарко, какъ въ Африкѣ, но эфіономъ быть все-таки непристойно. Было время, когда требовалась только подобная любовь и женщины отличались великой неустрашимостію; но нынѣшніе благоразумные и болѣе спокойные люди разсуждаютъ весьма основательно, что человѣкъ способный въ порывѣ страсти отрубить себѣ палецъ, не менѣе способенъ въ минуту горячки вывернуть руку любимой женщинѣ.

Если бы я былъ женщиной и мнѣ пришлось бы выбирать между бережливымъ господиномъ, подстилающимъ платокъ, чтобы не

запачкать своихъ панталонъ, и эфіопомъ, отрубающимъ пальцъ, то я бы предпочелъ бережливаго человѣка и оправдывалъ бы свой выборъ тѣмъ, что поступилъ благоразумно.

Эфіопская страстность больше ничего, какъ дикій порывъ, приличный только вполнѣ сырому, некультированному человѣку. Это своего рода звѣрство и грубость сердца, исчезающая по мѣрѣ цивилизаціи и интелектуальнаго развитія людей. Истинная любовь есть чувство кроткое, спокойное. Она—доброжелательство, оспеціализированное извѣстными физіологическими побужденіями. Поэтому, чѣмъ человѣкъ ближе къ эфіопской страсти, тѣмъ онъ дальше отъ этой истинной любви, единственно возможной въ цивилизованномъ человѣкѣ и при которой только и возможна дальнозоркость и личная предусмотрительность, этотъ основной элементъ истиннаго нравственнаго благополучія. Любовь, лишенная личной предусмотрительности, можетъ годиться только на полчаса; но тамъ, гдѣ требуется прочный союзъ, нужно чтобы въ головахъ людей оставалось довольно свободнаго мѣста для разныхъ полезныхъ соображеній и размышленій. По отношенію къ занимающему насъ вопросу соображенія эти должны быть слѣдующія.

Извѣстно, что въ однихъ семействахъ дѣти умираютъ въ большомъ числѣ отъ судорогъ, золотухи, чахотки, и остающіяся въ живыхъ имѣютъ здоровье слабое; въ другихъ же напротивъ дѣти отличаются замѣчательной крѣпостію и здоровьемъ и съ замѣчательной легкостію переносятъ обыкновенныя дѣтскія болѣзни.

Причина этого обстоятельства объясняется очень просто — наслѣдственностію.

Не смотря на всю очевидную правильность подобнаго объясненія, вполнѣ подтверждаемую и физіологическими наблюденіями-есть еще на свѣтѣ довольно добродушныхъ людей, которые никакъ не желаютъ допускать подобнаго объясненія. Къ сожалѣнію, все то, что они приводятъ въ защиту собственнаго мнѣнія, служитъ лишь въ пользу мнѣнія противуположнаго; исключенія — рѣдки они или часты, этого вопроса я касаться не хочу—объясняются очень легко, ибо, какъ говоритъ Комбъ, «они нисколько не противорѣчатъ общему правилу».

И такъ, признавъ дѣйствительность вліянія наслѣдственности, каждый, кому можетъ предстоять въ жизни сдѣлаться мужемъ или женою, долженъ необходимо знать какого рода печальныя послѣдствія могутъ явиться вслѣдствіе нашего не благоразумія т. е. неумѣстнаго замужества.

Предположите, что въ васъ влюбленъ человѣкъ съ гнойными или какими нибудь другими болячками на лицѣ и въ такомъ видѣ предлагающій вамъ руку и сердце. Фи, какой противный! скажете вы и замужъ за противнаго конечно уже не пойдете. Что же мѣшаетъ вамъ любить противнаго человѣка? Вы и сами этого не знаете. Вамъ мѣшаетъ любить его не чувство изящнаго, оскорбленное безобразіемъ, какъ это вамъ можетъ показаться; а просто несознаваемая вами боязнь болѣзни, боязнь могущей предстоять вамъ опасности. Доведите эту смутную и непостижимую боязнь од вполнѣ сознаннаго и яснаго представленія опасности даннаго болѣзненаго положенія, какимъ представленія владѣетъ, напримѣръ медикъ или физіологъ и для васъ сдѣлаются противными всякія болѣзненныя состоянія, мѣшающія супружескому счастію и причиняющія личный и общій вредъ. Какъ теперь не можетъ возбудить вашей любви человѣкъ съ гнойными язвами, такъ тогда для васъ окажется не возможнымъ бракъ съ чахоточнымъ или съ нервнымъ больнымъ, съ мужчиной, котораго умственныя способности не совсѣмъ въ порядкѣ, съ слабоумнымъ, золотушнымъ, подагрикомъ и т. д.

Чтобы такое разсужденіе не показалось многимъ читательницамъ порадоксомъ, я обращу ихъ вниманіе на слѣдующій общеизвѣстный фактъ.

Кто меньше всего дорожитъ своимъ здоровьемъ? Дѣти. Для нихъ заботы о здоровьи совершенно не существуетъ. Отправляется ли ребенокъ въ лужу, онъ не думаетъ о томъ, что можетъ получить насморкъ, кашель, чахотку; всѣ мысли его направлены только на то, чтобы какъ можно совершеннѣе изобразить изъ себя морехода, а иногда и просто на то, чтобы какъ можно съ большимъ шумомъ и эффектомъ забрызгать и перемазать себя и своихъ товарищей. Несущественное здѣсь стоитъ впереди существеннаго и вредное впереди полезнаго. У ребенка слишкомъ много силы и слишкомъ много потребности движенія, чтобы онъ могъ думать дальше настоящей минуты. Дѣвочка или дѣвушка, являющаяся въ общество уже безъ панталончиковъ, въ лужѣ брызгаться не станетъ; но сдѣлаетъ она это вовсе не потому, чтобы лужа утратила для нея свою привлекательность; а потому, что частію испачкаетъ свое платье и испортитъ башмаки; а больше всего потому, что ей достанется отъ маменьки. Руководствуясь только желаніемъ нравиться и экономическими соображеніями, благовоспитанная дѣвушка не отважится на подвиги мужской неустрашимости и предпріимчивости; но за то съ тѣмъ большей безразсудной

отвагой она отдается удовольствіямъ, не влекущимъ за собою порчу платья и башмаковъ. Дѣвушки, напримѣръ, очень охотно качаются на качеляхъ и прыгаютъ, и только по выходѣ замужъ, узнаютъ, какъ дорого покупается ими это удовольствіе. Только въ эту пору умственной зрѣлости женщина начинаетъ понимать свои прошлыя ошибки; теперь она понимаетъ, что если бы была умнѣе, тогда-то и тогда она не стала бы прыгать ни съ качель, ни со стульевъ, ни съ дрожекъ. Ужь теперь она болѣе не прыгаетъ; теперь она горькимъ опытомъ понимаетъ, что и дѣти ея больны по ея собственной ошибкѣ; многое она теперь уже понимаетъ, но прошлыхъ ошибокъ не поправишь, и благоразуміе и опытность — т. е. знаніе, купленное личной практикой, спасаетъ только въ будущемъ, но безсильно предъ невозвратимымъ прошедшимъ. Такимъ образомъ человѣкъ учится цѣнить здоровье по мѣрѣ развитія въ немъ благоразумія и только въ періодъ дѣтскаго легкомыслія онъ кидается на ближайшее пріятное, не думая о его будущихъ горькихъ плодахъ.

Теперь вообразите, что у васъ были очень разсудительные родители и съ первой молодости они вели васъ въ разсудительныхъ привычкахъ и поселили въ васъ боязнь ко всему вредному и нездоровому. Такъ воспитанныя дѣвушки уже не дѣлаютъ ошибокъ; онѣ не выходятъ замужъ за людей, которые создадутъ имъ несчастныхъ золотушныхъ, худосочныхъ, чахоточныхъ или слабоумныхъ дѣтей. Вы, матери, знаете, какое мучительное страданіе испытываете, когда захвораетъ у васъ ребенокъ. Зачѣмъ же создавать себѣ это несчастіе, когда можно его избѣгнуть? Благоразумно это или нѣтъ? Возможно человѣку быть благоразумнымъ или невозможно? Вы говорите, что не только возможно, но что человѣкъ только развитіемъ и благоразуміемъ отличается отъ остальнаго животнаго міра. Въ такомъ случаѣ будьте людьми.

Если всѣ эти разсужденія кажутся вамъ вовсе неубѣдительными, то я приведу факты, указываемые Комбомъ. Факты эти конечно слишкомъ крупнаго свойства и потому встрѣчаются не ежедневно; но за то они тѣмъ ярче выставляютъ справедливость той мысли, что неразсудительные браки ведутъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

Комбъ приводитъ замѣчательный случай наслѣдственности, сообщенный Галлеромъ. Двѣ женщины, почти совершенныя идіотки, вышли замужъ, потому что были богаты. Идіотизмъ матерей — родоначальницъ давалъ себя чувствовать въ теченіи цѣлаго сто-

лѣтія въ ихъ потомствахъ, такъ что въ четвертомъ и даженъ пятомъ колѣнѣ нарождались еще идіоты. «Родители, говоритъ д-ръ Грегори, часто воскресаютъ въ своихъ потомкахъ, потому что дѣти несомнѣнно походятъ на своихъ родителей не только физіономіей и тѣлеснымъ сложеніемъ, но и общими качествами своего ума, своими добродѣтелями и пороками. Такъ въ Римѣ долгое время процвѣталъ родъ Клавдія, непреклонный, жестокій, деспотическій; онъ произвелъ безпощаднаго и гнуснаго тирана Тиверія, и далъ міру кровожаднаго Калигулу, Клавдія, Агриппину и чудовищнаго Нерона, наконецъ вымеръ послѣ шестисотлѣтняго существованія». Одинъ слѣпой, по имени Моисей Леконтъ, имѣлъ тридцать семь дѣтей и внуковъ и всѣ они начинали терять зрѣніе около пятнадцати или шестнадцатилѣтняго возраста; а съ достиженіемъ двадцати двухъ лѣтъ дѣлались совершенно слѣпыми. Наблюдайте то, что происходитъ вокругъ васъ, и вы на каждомъ шагу натолкнетесь на факты, подтверждающіе наслѣдственность.

Это конечно не значитъ, чтобы всѣ мелочные физическіе недостатки родителей отпечатлѣвались вполнѣ на ихъ дѣтяхъ. Бываютъ счастливыя обстоятельства, когда дѣти избѣгаютъ болѣзней своихъ родителей; но не бываетъ никогда того, чтобы родители не передавали своимъ дѣтямъ предрасположенія къ болѣзнямъ. Если мать и отецъ страдаютъ одинаковой болѣзнію, напримѣръ, золотухой, то вліяніе ея непремѣнно усиливается въ дѣтяхъ и пойдетъ сильно золотушный родъ. Правильнымъ воспитаніемъ, перемѣной климата можно конечно ослабить такое вліяніе; можетъ быть, удастся вылечить дѣтей и вполнѣ отъ золотухи; но уже это вопросъ постороній и наслѣдственность оттого не становится слабѣе. Тоже самое, говоритъ Комбъ, слѣдуетъ замѣтить и относительно наслѣдственнаго расположенія ко всѣмъ болѣзнямъ. Раздражительныя и капризныя дѣти, у которыхъ родители были сумасшедшіе или имѣли къ тому сильное расположеніе, легко могутъ впасть въ съумасшествіе, если будутъ воспитываться при такихъ обстоятельствахъ, которыя увеличиваютъ раздражительность нервной системы и вызываютъ чувства или страсти къ усиленному или неправильному ея дѣйствію. Но если будутъ съ самаго начала приняты надлежащія мѣры, чтобы ослабить нервную раздражительность, укрѣпить тѣло, успокоить умъ, то опасность будетъ навсегда значительно уменьшена.

Читательницы могутъ мнѣ возразить, что возможность выздоровленія дѣтей, родившихся отъ больныхъ родителей, во первыхъ,

ослабляетъ силу моихъ доводовъ объ опасности браковъ между больными людьми, а во вторыхъ, оправдываетъ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ, потому что неблагоразуміе неосторожнаго супружества они могутъ поправить хорошимъ и здоровымъ воспитаніемъ дѣтей.

Но возраженіе это справедливо только относительно отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, а не вообще. Оно справедливо, если дѣвушка знала дѣйствительно до замужества, какія физіологическія отступленія могутъ явиться въ дѣтяхъ отъ ея брака съ извѣстнымъ лицомъ и затѣмъ, сдѣлавшись матерью, приняла всѣ мѣры, чтобы возстановить вполнѣ здоровье своихъ дѣтей.

Но я спрошу васъ, моя многоуважаемая читательница: выходя замужъ знали ли вы хотя что нибудь о состояніи вашего здоровья и о здоровьи вашего жениха? Думали ли вы, что у васъ будутъ дѣти и какія отступленія отъ нормальныхъ физіологическихъ условій должны будутъ въ нихъ явиться? Знали ли вы, что дѣтей больныхъ такъ-то и такъ вы будете лечить такими-то и такими средствами? Ничего этого не было. Слѣдовательно, вы дѣйствовали съ невинностію ничего невѣдующей голубки и, удовлетворяя своему страстному порыву, не задавались ни одной серьезной мыслію о тѣхъ соціальныхъ обязанностяхъ, которыя берете на себя, выходя замужъ и которыя вы обязаны исполнить, если вы нѣсколько больше, чѣмъ кроткая, невинная голубка. Нашъ вопросъ значитъ въ томъ: дѣйствовали ли вы сознательно или безсознательно? А такъ какъ вы дѣйствовали безсознательно, то вся правда на моей сторонѣ.

Мало того, что вы не знали какое, потомство собираетесь создать, руководствуясь при выборѣ себѣ мужа однимъ страстнымъ увлеченіемъ или суетностію, но вы не имѣли никакого понятія о томъ, какъ слѣдуетъ держать себя супругой и матерью, чтобы отъ васъ, здоровой женщины, не явились больныя дѣти, потому что и вполнѣ здоровые родители могутъ создать несчастное, больное потомство.

Мужчины, и большею частію по неразумію, въ которомъ поэтому они не имѣютъ права укорять женщинъ, очень любятъ жениться на молоденькихъ дѣвушкахъ.

Недостаточно, чтобы родители только знали вредъ, происходящій отъ замужества 16—17 лѣтней, не окрѣпшей ни физически, ни умственно дѣвушки; но чтобы знали это и сами дѣвушки, ибо разсудительные совѣты родителей не бываютъ всегда настолько

дѣйствительны, чтобы воздерживать своенравныхъ дѣтей отъ неосторожныхъ поступковъ.

Слишкомъ раннее супружество бываетъ причиной того, что первыя дѣти родятся слабыми, легче подвергаются болѣзнямъ и труднѣе ихъ переносятъ.

Поэтому самой соотвѣтственной порой для супружества нужно считать въ женщинѣ 22—23 года, а въ мужчинѣ 26—28 лѣтъ.

Я знаю, что молоденькой дѣвушкѣ, нашедшей себѣ жениха, очень рискованно отъ него отказаться; ибо согласится ли онъ ждать, когда ей исполнится 22 года, а если не согласится, то найдетъ ли она себѣ другого жениха? И потому уже лучше имѣть первыми слабыхъ дѣтей, чѣмъ на всю жизнь остаться старой дѣвой. Это доводъ сильный и пока наши дѣвушки, всѣ безъ исключенія, не постановятъ себѣ правиломъ не выходить ранѣе 22 лѣтъ и пока общественное мнѣніе не освятитъ этого правила, конечно невозможно обвинять тѣхъ, у кого не достаетъ мужества и разсудительности поступать безукоризненно правильно.

Не меньшая ошибка заключается и въ позднихъ бракахъ, ибо къ сорокалѣтнему возрасту значительно ослабѣваетъ сила воспроизводительной способности и кромѣ того, здоровье родителей вступавшихъ въ поздній бракъ, бываетъ часто разстроено умственнымъ и физическимъ трудомъ, а нерѣдко и дурною жизнью, какою обыкновенно отличаются холостые мужчины.

Вообще мы всѣ, а молоденькія дѣвушки даже больше чѣмъ кто либо, относятся легкомысленно къ важности брачнаго союза. Онѣ мечтаютъ о бракѣ, какъ объ упоительной прогулкѣ въ розовой рощѣ, подъ руку съ нѣжнолюбимымъ человѣкомъ, и полагаютъ, что все счастіе человѣческой жизни заключается только въ нѣжныхъ поцалуяхъ.

Поэтому нисколько не удивительно, что немедленно за замужествомъ начинается разочарованіе и розовые листочки древа наслажденія, взращеннаго съ большой заботливостію въ воображеніи молодой дѣвушки, начинаютъ быстро облетать подъ суровымъ вѣтромъ строгой дѣйствительности и наконецъ остается пучекъ голыхъ и сухихъ вѣтвей, которыя за тѣмъ и орошаются слезами отчаянія. Было неразсудительно возращать розовое дерево, а еще неразсудительнѣе плакать.

Жизнь дѣйствительно наслажденіе, но только не въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ дѣвочки и мальчики. Жизнь, наслажденіе въ ея суровомъ и въ ея полезномъ трудѣ. Она наслаж-

деніе въ исполненіи своего личнаго и соціальнаго долга и живетъ только тотъ, кто приноситъ пользу себѣ и обществу. Все остальное—копченіе неба и безполезная трата силъ и способностей.

И бракъ — вовсе не пріятная, праздная прогулка въ розовыхъ садахъ наслажденія; а суровая обязанность, которую человѣкъ долженъ выполнять строго, какъ и всякую другую взятую на себя соціальную обязанность.

Легкомысленные люди могутъ смотрѣть на бракъ какъ имъ угодно, но за то они и легкомысленные. Что же касается до людей мыслящихъ и сознающихъ, то они живутъ и дѣйствуютъ всегда въ уровень съ передовыми требованіями, пугающими только людей недалекихъ и вѣтреныхъ.

Эти передовые люди видятъ въ бракѣ не минутное удовлетвореніе страсти, а разумный соціальный союзъ, требующій самаго строгаго и честнаго исполненія возлагаемыхъ на нихъ требованій и обязательствъ.

Благосклонныя читательницы увидятъ сейчасъ, на сколько такой строгій взглядъ справедливъ.

Вѣроятно вы замѣчали, что дѣти однихъ и тѣхъ же родителей иногда очень замѣтно отличаются одинъ отъ другаго и по наружности, и по способностямъ, и по характеру.

Такое же сходство должно бы повидимому опровергать законъ наслѣдственности. Но никакого опроверженія тутъ въ сущности нѣтъ и все дѣло объясняется очень просто.

Предполагая въ родителяхъ людей высшаго умственнаго развитія и проникнутыхъ самымъ строгимъ пониманіемъ своихъ обязанностей семейныхъ и общественныхъ, мы увидимъ, что разныя житейскія обстоятельства, перемѣны, огорченія и т. д. если они и не выражаются страдающими или огорченными людьми, какими нибудь дикими внѣшними актами, то тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ на ихъ душевный организмъ. Точно такое же, хотя и другого рода вліяніе, имѣетъ радость, довольство и постепенная умственная и физическая зрѣлость. Все это, производя извѣстные перемѣны въ организмѣ родителей, отражается на ихъ дѣтяхъ и создаетъ ту разницу, которую мы въ нихъ замѣчаемъ.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ вліяній, измѣняющихъ характеръ родителей, дѣйствуютъ еще и причины временныя, скоропреходящія.

Эти-то причины и составляютъ главнѣйшее зло въ семейной жизни неразвитыхъ и малодумающихъ людей.

Извѣстны примѣры, что случайное опьяненіе отца, ведущаго воздержный образъ жизни, имѣло послѣдствіемъ идіотизмъ ребенка.

Извѣстно также, что досада, гнѣвъ, душевное безпокойство, упадокъ силъ, истомленіе и вообще всѣ нарушенія нормальнаго состоянія души и тѣла, оставляютъ неизгладимые слѣды на организмѣ ребенка.

«Сколько родителей, говоритъ Комбъ, огорчались и страдали вслѣдствіе дурныхъ поступковъ ихъ дѣтей, нисколько не подозрѣвая, что причина этихъ поступковъ заключается въ какой нибудь ихъ собственной слабости, давно уже ими забытой».

Изъ этого очевидно, какимъ благонравіемъ должны отличаться родители; какъ зорко они должны сторожить за собою, не распускаться, не дозволять себѣ ни страстныхъ порывовъ, ни раздражительности, потому что всякая слабость, всякое неблагоразуміе, всякій безпорядокъ въ жизни отражается на дѣтяхъ.

Не меньше они должны слѣдить и за своимъ собственнымъ здоровьемъ. Русская неразсудительность въ этомъ отношеніи вошла у заграничныхъ докторовъ даже въ поговорку.

Изъ невниманія къ своему здоровью, мы дѣлаемъ какое-то молодечество и простираемъ свою самонадѣянность и свое самохвальство до фатанизма, точно мы созданы совершенно изъ другого матеріала, чѣмъ нѣмцы, французы и англичане.

Весь цивилизованный міръ носитъ фуфайки и фланелевые набрюшники, даже петербургскіе дворники усвоили уже эту манеру; а мы, такъ называемые образованные люди, увѣряемъ, что все это вздоръ, глупыя выдумки нѣмцевъ и никакъ не можемъ взять себѣ въ толкъ, что человѣкъ не желѣзо и закалить его невозможно.

Полнѣйшее невниманіе къ своему здоровью, вслѣдствіе дѣйствительно замѣчательнаго невѣжества въ гигіенѣ, дѣлаетъ то, что мы смотримъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ на такія вредныя вещи, которыя приводятъ въ ужасъ всякаго заграничнаго человѣка.

Мы не хотимъ знать ни вреда отъ простуды и предохранительныхъ свойствъ отъ фланели; мы не хотимъ знать пользы чистаго воздуха и свѣта, мы не хотимъ знать вреда отъ сырости и заразительнаго свойства весеннихъ испареній. Ужасы совершаются не только въ нашихъ уѣздахъ, но даже и въ губернскихъ городахъ. Если бы полиція не смотрѣла у насъ за чистотой улицъ—а смотрѣть ей не мѣшало бы и еще получше—то каждый нашъ городъ, а особенно уѣздный, превратился бы въ навозное болото.

Если уже на улицахъ и на дворахъ мы водворяемъ кое-какую чистоту, только по настоятельнымъ требованіямъ полиціи; то васъ конечно не должно изумлять, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣшательство полиціи въ наши дѣла не существуетъ, мы ведемъ себя вполнѣ какъ какіе нибудь тураны.

Наши жилища не просушиваются и не провѣтриваются, мы не дѣлаемъ никакой разницы между первымъ и вторымъ этажемъ, между домомъ въ грязи или на болотѣ и домомъ на сухомъ высокомъ мѣстѣ; мы не обращаемъ ровно никакого вниманія на пищу, на правильный дѣятельный и здоровый образъ жизни; мы сами разстроиваемъ себѣ, всѣми зависящими отъ насъ способами, свое здоровье, портимъ себя дурными привычками и затѣмъ еще на столько благодушествуемъ, что съ младенческой наивностію удивляемся, что наши дѣти слабы и болѣзненны.

Разумѣется, во всемъ этомъ насъ винить невозможно. Развѣ мы знаемъ, къ чему поведетъ тотъ или другой образъ жизни, тѣ или другія наши привычки; развѣ мы знаемъ, къ чему ведетъ постоянное несваренie желудка или дурное питаніе нашего тѣла; развѣ мы знаемъ, что значитъ постоянно продолжающаяся слабость всѣхъ животныхъ отправленій и общее чувство нездоровья? Совершенно не зная, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ довести тотъ или другой образъ жизни, тѣ или другія привычки, мы не имѣемъ никакихъ побужденій переиначивать нашу рутинно-сложившуюся жизнь. И вотъ, растративъ по невѣденію свое здоровье и создавъ слабое потомство, мы затѣмъ удивляемся, что наши дѣти слабы по нашей собственной винѣ, какъ будто отъ больнаго дерева можетъ быть здоровый плодъ.

Въ подтвержденіе той мысли, какъ наша собственная безпорядочность отражается зловредно на нашихъ дѣтяхъ, я сошлюсь еще на общензвѣстный фактъ, что отъ геніальныхъ отцевъ родятся всегда глупыя дѣти.

Фактъ этотъ Комбъ объясняетъ тѣмъ, что геніальные люди женятся очень поздно, что они болѣе, чѣмъ другіе люди, какъ по состоянію своего здоровья, такъ и вообще по образу жизни, отступаютъ отъ нормальныхъ указаній природы. По большей части они бываютъ энтузіасты, раздражительны, не регулярны въ своихъ привычкахъ, крайне впечатлительны и почти всѣ безъ исключенія подвержены заваломъ желудка, а часто и меланхоліи. Кромѣ того у геніальныхъ мужчинъ жены бываютъ одарены рѣдко высокими умственными качествами. Такіе ли все это элементы, чтобы изъ

нихъ могло создаться умное и здоровое потомство. Было бы скорѣе удивительно, если бы при такихъ условіяхъ у геніальныхъ людей родились геніальныя дѣти.

«Можетъ случиться, продолжаетъ Комбъ, такое благопріятное совпаденіе обстоятельствъ, что отъ геніальнаго отца родится геніальный ребенокъ, но, по всей вѣроятности, этотъ ребенокъ умретъ прежде, чѣмъ міръ успѣетъ признать, что это былъ геній. Здоровый и дѣятельный отецъ, мать, соединяющая крѣпкое физическое здоровье съ энергическимъ характеромъ, или которой умственныя или физическія отправленія одушевляются постояннымъ стремленіемъ къ достиженію какой либо высокой цѣли въ жизни,—вотъ обстоятельства наиболѣе благопріятныя для произведенія высокоодаренныхъ людей. Такова, судя по описаніямъ, была мать Наполеона I и такими же качествами отличалась большая часть матерей знаменитыхъ людей Англіи. Вотъ почему мы такъ часто встрѣчаемъ въ жизнеописаніяхъ геніальныхъ людей тотъ фактъ, что мать первая усматривала и поддерживала въ ребенкѣ огонь, который потомъ разгорался съ яркимъ блескомъ».

Моимъ читательницамъ конечно пріятно узнать, что матери играли такую почетную роль въ судьбѣ геніальныхъ людей и потому для блага человѣчества нужно бы желать, чтобы дѣвушки еще до замужества проникались убѣжденіемъ въ великую важность предстоящаго имъ положенія жены и матери и выходили бы замужъ не только съ гордымъ сознаніемъ соціальной важности предстоящаго имъ положенія; но и съ твердой рѣшимостію исполнять свой долгъ честно и неупустительно. Я не отрицаю, что обязанность эта трудна и многосложна; что кромѣ обширныхъ знаній требуется и сильный характеръ и свѣтлый умъ; но надѣюсь, читательницы, согласятся со мной, что гораздо пріятнѣе быть матерью умныхъ и здоровыхъ дѣтей, чѣмъ больныхъ и слабоумныхъ.

Не стану отрицать я и того, что сильный характеръ и свѣтлый умъ нельзя купить нигдѣ въ готовомъ видѣ; но вотъ что доступно всякой женщинѣ—забота о своемъ собственномъ здоровьи, знаніе того, что ей вредитъ и что приноситъ пользу. Многія матери, дозволяющія себѣ всякія неблагоразумія, вѣроятно, отъ нихъ бы отказались, если бы знали, что каждое совершенное ими отступленіе отъ законовъ здоровья, есть, какъ выражается Комбъ, посягательство на здоровье ихъ будущаго ребенка.

Значитъ нужно одно, чтобы женщина узнала наконецъ, какое важное значеніе ей принадлежитъ въ судьбѣ человѣческаго рода

и научилась бы беречь свое здоровье. Для начала будетъ довольно и этого.

Тогда ей будетъ понятно, что хотя отецъ играетъ вообще и великую роль; но роль матери во многихъ случаяхъ гораздо больше, и имѣетъ болѣе активный характеръ.

Въ особенности женщинѣ слѣдуетъ беречь себя во время беременности. Есть несомнѣнные факты, которыми доказывается, что матери, подвергавшіеся во время беременности сильному душевному разстройству, рожали дѣтей страдавшихъ всю жизнь первною или падучею болѣзнію. «Намъ извѣстны факты, говоритъ Комбъ, что великія и неожиданныя перемѣны или случаи, приводившія беременную женщину въ крайнее душевное разстройство или возбужденіе, сообщали ребенку совершенно особый характеръ, такъ что онъ нисколько не походилъ на другихъ членовъ той же семьи. Такъ Яковъ I, король англійскій, имѣлъ отъ природы такое свойство, что приходилъ въ неодолимый ужасъ при одномъ видѣ обнаженнаго меча и вообще при всякаго рода опасности; это приписываютъ, и повидимому не безъ основанія, тому обстоятельству, что мать его Марія, въ то время, какъ была имъ беременна, страдала сильнымъ душевнымъ разстройствомъ и находилась въ постоянномъ страхѣ». Въ обыкновенной частной жизни факты вреднаго вліянія беременныхъ матерей на будущее здоровье своихъ дѣтей являются ежеминутно; вся бѣда только въ томъ, что мы не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. Если бы наши женщины относились къ повседневнымъ явленіямъ жизни не съ той дѣтской наивностью, которую онѣ неизвѣстно почему считаютъ одною изъ своихъ величайшихъ доблестей и наиболѣе сильнымъ оружіемъ при покореніи мужскихъ сердецъ, то онѣ бы увидѣли двѣ ясныя какъ солнце вещи: во первыхъ, что наклонности ребенка большею частію ничто иное, какъ копія—развѣ незамѣтная только для слѣпаго— копія чувствъ и состоянія матери во время беременности; а во вторыхъ, что здоровье человѣка есть величайшее благо, какое только можетъ быть на землѣ.

Здѣсь я кончаю эту главу, потому что для уясненія общаго вопроса я сказалъ уже довольно.

Но въ заключеніе я спрошу своихъ многоуважаемыхъ читательницъ, чѣмъ онѣ могутъ опровергнуть общія мысли, здѣсь изложенныя и подкрѣпляемыя совершенно непреложными физіологическими доказательствами? Если опровергнуть ихъ вы не въ состояніи, то вы должны съ ними согласиться. А если вы съ ними со-

глашаетесь, то вы и должны поступать, какъ всякій разсудительный человѣкъ, которому стали очевидны два пути—вредный, которымъ онъ шелъ до сихъ поръ, и полезный или выгодный, на который обратили его вниманіе. Если вы желаете имѣть здоровое и крѣпкое потомство, выходите замужъ разумнымъ образомъ и берегите свое здоровье; если же этого вамъ не нужно, то поступайте какъ вамъ угодно, но не обижайтесь, если разсудительные люди не будутъ питать къ вамъ особеннаго уваженія.

III.

Недостаточно еще произвести на свѣтъ здороваго ребенка, нужно воспитать изъ него здороваго и полезнаго человѣка.

Въ умномъ, безошибочномъ выполненіи этой второй задачи заключается труднѣйшая часть обязанности матери.

Очень ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что воспитаніемъ нечего торопиться, что наступитъ пора—начнется и воспитаніе.

Совершенно также разсуждаютъ экономные родители, желающіе за мѣдныя деньги, сдѣлать изъ своихъ дѣтей превосходныхъ музыкантовъ. Для достиженія такой цѣли, экономные родители нанимаютъ дешевенькихъ учителей и когда тѣ испортятъ уже дѣтей окончательно, приглашаются артисты, долженствующіе сообщить испорченнымъ ученикамъ высшую технику и высшія музыкальныя идеи. Но сообщеніе подобнаго высшаго музыкальнаго полета оказывается совершенно невозможнымъ, ибо юныхъ птенцовъ пріучили летать по куриному. И остается одно изъ двухъ — или, чтобы изъ нихъ выросли куры или начать ихъ учить летать снова.

Тоже самое совершается и въ нашемъ воспитаніи.

Мы всѣ болѣе или менѣе можемъ считать себя самоучками. Каждому изъ насъ приходилось передѣлывать и перевоспитывать себя, благодаря тому, что желая сдѣлать изъ насъ орловъ, насъ учили летать сначала по куриному.

Здѣсь ошибка, повторяющаяся еще и нынѣ, заключалась въ томъ, что, во первыхъ, для начала воспитанія ждутъ какой-то поры, полагая, что ребенка можно начинать воспитывать только съ извѣстнаго возраста; а во вторыхъ, что и приступивъ къ воспитанію, ведутъ его не такъ, какъ бы слѣдовало.

То и другое дѣлается съ самымъ искреннимъ желаніемъ оказать своимъ дѣтямъ наивозможно большую пользу. И родители, поступающіе такъ, смотрятъ на свѣтъ божій съ свѣтлымъ лицомъ праведниковъ, разсуждая весьма основательно — развѣ мы не родители своимъ дѣтямъ? Не желаемъ мы имъ добра что ли? И никто съ вами не споритъ, добрые люди; вы точно родители своихъ дѣтей и желаете имъ всякаго счастія; но бѣда въ томъ, что вы не знаете, что значитъ любить и какъ воспитывать своихъ дѣтей. Неужели вы думаете, что деревенская баба, закармливающая своихъ больныхъ дѣтей всякой зловредностію, до того, что они наконецъ умираютъ, желаетъ ихъ смерти или ихъ не любитъ? Она только не знаетъ, что дѣлаетъ. Точно также поступаете и вы въ воспитаніи.

Воспитаніе ребенка начинается вовсе не съ той поры, когда вы думаете, что началось ваше воспитаніе.

Воспитаніемъ называется обыкновенно ученье, т. е. рядъ дѣйствій, которыми развивается умъ.

Многіе тщеславные, а иногда и искренно желающіе счастія своимъ дѣтямъ родители, принимаются съ такимъ усердіемъ за это мнимое воспитаніе, что приходятъ совершенно не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ стремились.

Причина этого заключается въ истощеніи извѣстныхъ сторонъ ума преждевременнымъ усиленнымъ ихъ упражненіемъ.

Фактъ этотъ удобнѣе всего наблюдается въ общественныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ университетахъ. Дитя, заученное еще дома и продолжающее съ настойчивостію усиленное занятіе умственными предметами въ общественныхъ заведеніяхъ, истощаетъ свой мозгъ наконецъ до того, что, достигнувъ юношеской зрѣлости или по окончаніи курса въ высшемъ заведеніи, т. е. какъ разъ тогда, когда должно начаться его служеніе обществу, оказывается человѣкомъ умственно обезсилѣвшимъ и неспособнымъ ни на какой дѣйствительно серьезный трудъ.

Объ этой печальной ошибкѣ воспитателей приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что жертвой ея бываютъ способныя дѣти. На неспособныхъ и родители и наставники большаго вниманія не обращаютъ. Правда, съ шалуномъ и лѣнтяемъ взыскиваютъ; но вѣдь что же съ ними сдѣлаешь, когда даже розги не обнаруживаютъ на нихъ ровно никакого вліянія. И вашъ шалунъ, и лѣнтяй, воспитываемый самой природой, выростаетъ окрѣпшимъ физически человѣкомъ и хотя въ особыя умствованія потомъ и не пускается, но тѣмъ не менѣе формируется, по крайней мѣрѣ, въ человѣка съ здравымъ разсудкомъ.

Способнаго ребенка постигаетъ иная судьба. Сначала его заучиваютъ дома и уже рано онъ восхищаетъ своихъ родителей своимъ преждевременнымъ развитіемъ и миніатюрной геніальностію. Возбужденный соревнованіемъ, миніатюрный геній, поступившій въ учебное заведеніе, совершенно систематически занимается собственнымъ умственнымъ самоизбіеніемъ, за что очень поощряется своими неразумными наставниками и воспитателями и наконецъ добивается до того, что въ жизни долженъ уступить мѣсто посредственностямъ.

Въ соціальномъ отношеніи ошибка подобнаго преждевременнаго умственнаго развитія вредна тѣмъ, что ведетъ къ уменьшенію числа умныхъ людей и къ перевѣсу посредственности надъ даровитостію.

Я знаю, что мои слова покажутся многимъ порадоксомъ и потому объясняюсь подробнѣе.

У насъ существуетъ убѣжденіе, созданное кадетскими корпусами былаго времени, будто бы способныя дѣти бываютъ всегда лѣнивы, а тупыя старательны, благонравны и прилежны.

Съ этимъ мнѣніемъ пожалуй можно было бы согласиться, если бы его можно было доказать.

Дѣйствительно внѣшняя сторона факта какъ бы говоритъ въ его пользу; ибо всякій шалунъ и школяръ отличается всегда и остроуміемъ въ такого рода изобрѣтеніяхъ, которыя никакъ не могутъ быть одобрены разсудительными и зрѣлыми людьми. Шалуны, всѣ способности которыхъ направлены на шалости, конечно и должны быть геніальны по части кадетизма; но я попрошу объяснить мнѣ, почему способность къ шалостямъ и къ шалостямъ, доказывающимъ зачастую дурное сердце, должна заставлять меня предполагать въ шалунѣ способнаго математика или мыслителя? Въ шалунѣ я вижу шалуна и никакъ не могу увидѣть въ немъ ничего другого, потому что ничего другого онъ мнѣ и не показываетъ. Ребенокъ съ пытливымъ умомъ можетъ быть рѣзовъ и шаловливъ, но вы даже и въ его шалостяхъ увидите, что мозгъ его работаетъ инымъ образомъ, незнакомымъ лѣниво-шаловливымъ дѣтямъ. Каждый способный ребенокъ любитъ читать до того, что родителямъ приходится прятать отъ него книги. Онъ будетъ правда и шалить, потому что организмъ его требуетъ движенія, но въ тоже время его пытливый умъ будетъ искать удовлетворенія, какого ему не могутъ представить ни шалости, ни окружающіе его предметы, но какое можетъ дать ему только книга. Такія дѣти легко надсаживаются надъ ученіемъ, ослабляютъ себѣ мозгъ, раз-

строиваютъ грудь, достигаютъ преждевременной половой зрѣлости, усвоиваютъ одну извѣстную вредную привычку и дѣлаются нерѣдко близорукими. Бываетъ такъ, что способный ребенокъ, острый, понятливый, пытливый внезапно останавливается въ своемъ умственномъ развитіи и становится лѣнтяемъ. Родители и наставники недоумѣваютъ надъ этимъ непостижимымъ для нихъ явленіемъ, а между тѣмъ дѣло очень просто: преждевременное умственное напряженіе создало изъ ребенка онаниста. Бываетъ и такъ, что способный ребенокъ внезапно останавливается въ своемъ развитіи, продолжая по прежнему быть прилежнымъ; тогда онъ превращается въ тупицу, у которой отъ бывшей пытливости и потребности знанія остается одна настойчивость и упорство, выражающіяся долбней. Бываетъ еще и такъ, когда умственно надсадившійся ребенокъ, имѣетъ еще довольно силъ, чтобы хотя и не съ такимъ блескомъ, какъ началъ, окончить курсъ, и превращается въ тупицу уже въ дѣйствительной жизни и потомъ люди, знавшіе ребенка подававшаго блистательныя надежды, удивляются, что изъ него вышелъ только блистательный дуракъ.

Все это печальные факты того несчастнаго заблужденія, по которому искреннее желаніе создать изъ умнаго ребенка умнаго человѣка думаютъ осуществить раннимъ умственнымъ развитіемъ. Только этой ошибкѣ человѣчество обязано тѣмъ, что запасъ природныхъ тупоумныхъ людей увеличивается еще искуственно созданными тупицами и что въ тоже время нравственное воспитаніе остается въ пренебреженіи и такъ мало людей доброжелательныхъ.

Чтобы подобные печальные факты болѣе не повторялись, нужно, чтобы родители и преимущественно матери, поняли глубокую разницу между воспитаніемъ и образованіемъ и тѣ физіологическіе законы, которыми она обусловлена.

Воспитаніе ребенка начинается съ перваго дня его рожденія и переходитъ постепенно въ то спеціальное умственное развитіе, которое принято называть образованіемъ.

Это воспитаніе заключается въ упражненіи органовъ чувствъ, т. е. основныхъ, главныхъ проводниковъ, которыми передаются впечатлѣнія чувствующему и мыслящему организму и свершается совершенно независимо отъ воли ребенка. Ребенокъ находитъ удовольствіе упражнять свое зрѣніе на блестящихъ предметахъ и яркихъ цвѣтахъ; онъ упражняетъ свой слухъ, внимательно прислушиваясь къ разнообразнымъ звукамъ; онъ изощряетъ осязаніе,

прикасаясь ко всему, что онъ можетъ достать, наконецъ онъ упражняетъ органъ обонянія и голосъ.

На воспитаніе органовъ чувствъ многіе родители не обращаютъ вовсе вниманія, тогда какъ правильное, постепенное ихъ упражненіе и развитіе составляетъ вопросъ первостепенной важности, ибо только при посредствѣ органовъ чувствъ возможно правильное всестороннее умственное развитіе. Ошибка, которую дѣлаютъ въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что или совсѣмъ оставляютъ въ бездѣйствіи какой нибудь извѣстный органъ или же ослабляютъ его дѣятельность излишнимъ напряженіемъ. Такъ близорукость, составляющая болѣзнь все болѣе и болѣе распространяющуюся, происходитъ единственно отъ упражненія глаза на короткихъ разстояніяхъ. Дѣти, занимающіяся училищнымъ чтеніемъ, особенно въ сумерки, или проводящія почти все свое время въ четырехъ стѣнахъ или на узкихъ, короткихъ улицахъ, необходимо должны сдѣлаться близорукими; ибо ихъ глазъ не видитъ никогда очень отдаленныхъ предметовъ и не упражняется въ ихъ распознаваніи. Усиленное упражненіе приноситъ тоже вредъ. Такъ можно сдѣлать ребенка слѣпымъ, не устраняя отъ его еще слабыхъ глазъ яркаго свѣта. Съ другой стороны и органы чувствъ, предрасположенныя къ страданіямъ, можно укрѣпить соотвѣтственнымъ, благоразумнымъ ихъ упражненіемъ и спасти дѣтей отъ грозящаго имъ несчастія.

Такимъ образомъ; основное правило воспитанія органовъ чувствъ заключается въ томъ, чтобы возбужденіе ихъ соотвѣтствовало ихъ здоровью, зрѣлости, силѣ и вообще ихъ состоянію. Всякое нарушеніе этого правила ведетъ не къ развитію, а къ разстройству, и слѣдовательно будетъ не воспитаніемъ, а порчей и что особенно важно не порчей однихъ только органовъ чувствъ, но и порчей умственныхъ способностей.

Какую важность имѣютъ органы чувствъ, читательницы увидятъ изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго госпожей Неккеръ де-Соссюръ. «Ребенокъ (ему было всего девять мѣсяцевъ) весело игралъ на колѣняхъ у матери, когда въ комнату вошла женщина, у которой лицо выражало хотя спокойную, но глубокую скорбь. Едва она вошла, ребенокъ сосредоточилъ на ней все свое вниманіе; онъ ее зналъ, но не имѣлъ къ ней особенной привязанности. Лицо его стало постепенно принимать безпокойное выраженіе, наконецъ игрушки выпали у него изъ рукъ, онъ зарыдалъ и стремительно бросился на грудь матери. Не чувство страха и не чувство жалости овладѣло имъ въ эту минуту,—онъ не зналъ самъ, что чув-

ствовалъ и искалъ въ слезахъ облегченія своему тяжелому чувству.»

Кто могъ подсказать ребенку, что вошедшая женщина страдаетъ, кто могъ научить его почувствовать то же страданіе и выразить его рыданіемъ? Ровно никто, кромѣ органовъ чувствъ, произведшихъ соотвѣтственное воспринятому ими впечатлѣнію въ мозгу ребенка, и затѣмъ вызвавшихъ соотвѣтственныя нервныя сокращенія.

Даже писательница говоритъ: «Уже у шести-недѣльнаго ребенка, который совершенно чуждъ окружающему его міру и такъ не ясно еще различаетъ внѣшніе предметы, что не обнаруживаетъ ни малѣйшаго стремленія взять ихъ или устранить отъ себя,—уже въ этомъ возрастѣ замѣтны признаки, что ребенокъ доступенъ вліянію внѣшняго выраженія чувствъ къ нему со стороны окружающихъ его лицъ. Въ то время, когда еще никакіе вещественные предметы, по видимому, не привлекаютъ къ себѣ его вниманія, онъ уже обнаруживаетъ сочувствіе, т. е. движеніе чувства, соотвѣтствующее тому чувству, которое обнаруживаютъ къ нему другіе. Улыбка, ласковый голосъ вызываютъ улыбку на его устахъ, и мы радуемся, видя, что этому маленькому существу уже доступны душевныя движенія. Кто же въ самомъ дѣлѣ, могъ бы подсказать этому ребенку, что извѣстное выраженіе черть лица означаетъ любовь къ нему? Могъ ли бы ребенокъ, незнающій черть своего собственнаго лица, подражать выраженію другого лица, если бы его не одушевляло чувство, соотвѣтственное тому, которое обнаруживается въ этомъ выраженіи? Хотя бы у колыбели его стояла не его кормилица, а лицо совершенно стороннее, которое бы нарушило его покой, и сдѣлало ему даже что нибудь непріятное, но достаточно, чтобы это лицо съ любовью улыбнулось ему и онъ *чувствуетъ*, что его любятъ и на любовь отвѣчаетъ любовью».

«Эти строки, говоритъ Комбъ, заключаютъ въ себѣ ключъ къ правильному умственному воспитанію ребенка. Желая пробуждать въ ребенкѣ извѣстныя душевныя движенія, нужно дѣйствовать соотвѣтственнымъ тому образомъ. Въ ребенкѣ нужно возбуждать постоянно нѣжныя, любящія чувства и давать этому чувству правильное развитіе. Съ ребенкомъ и со всѣми въ его присутствіи нужно обращаться такъ, чтобы возбуждать въ немъ дѣятельность органовъ, возбуждающихъ нѣжное, любящее чувство и доброжелательство. Напротивъ все то, что вызываетъ чувства противуположныя и содѣйствуетъ развитію частей мозга, соотвѣтствующихъ этимъ чувствамъ, должно быть устранено, чтобы привычка къ дур

нымъ чувствамъ не осталась бы въ ребенкѣ преобладающей на всю жизнь.»

Цѣль эта достигается прежде всего правильнымъ воспитаніемъ органовъ чувствъ. Если бы родители знали законы физіологіи, если бы они сознавали вполнѣ тотъ фактъ, что умъ дѣйствуетъ не иначе, какъ чрезъ тѣлесные органы и во все продолженіе жизни человѣка находится постоянно въ зависимости отъ состоянія этихъ органовъ, то небрежное воспитаніе органовъ чувствъ давно бы уже изчезло. «Умъ, говоритъ Комбъ, можетъ видѣть не иначе, какъ посредствомъ глаза; но если глазъ будетъ поврежденъ, вслѣдствіе слишкомъ сильныхъ или слишкомъ слабыхъ возбужденій, то въ такомъ случаѣ умъ ничего не будетъ видѣть ясно. Умъ можетъ слышать только посредствомъ уха; но если этотъ органъ придетъ въ разстройство отъ дѣйствія на него слишкомъ сильныхъ звуковъ или притупится отъ недостатка упражненія, то умъ потеряетъ способность слышать и различать звуки. Я прошу васъ вообразить ребенка слѣпаго и глухого — какими средствами вы станете воспитывать въ немъ нѣжность чувства, когда онъ не въ состояніи ни видѣть, ни слышать ласки и органами внѣшнихъ чувствъ не въ состояніи воспринимать нѣжныхъ впечатлѣній?

Воспитаніе не должно насиловать природы: оно должно только помогать ей, и воспитаніе заключается собственно въ содѣйствіи естественному развитію ребенка въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно совершается само.

Какъ вы уже видѣли, моя многоуважаемая читательница, естественное воспитаніе начинается съ органовъ чувствъ: дитя прежде всего учится видѣть, слышать, осязать, говорить, обонять.

Дѣйствуйте въ такомъ же порядкѣ и вы. Развивайте и укрѣпляйте органы чувствъ ребенка и въ то же время пріучайте его чувствующій организмъ къ воспріниманію хорошихъ впечатлѣній, чтобы создать изъ ребенка доброжелательнаго человѣка.

Главное правило при воспитаніи чувствъ заключается въ непосредственномъ на нихъ вліяніи соотвѣтствующихъ предметовъ. Это значитъ, что доброту и доброжелательство можно создавать не нравоученіями и разговорами, а непосредственными дѣйствіями, т. е. возбужденіями въ сердцѣ ребенка только кроткихъ, хорошихъ чувствъ, хорошимъ обращеніемъ, какъ лично съ нимъ, такъ и со всѣми его окружающими. Нужно стараться больше всего о томъ, чтобы ребенокъ не воспринималъ никакихъ дурныхъ впечатлѣній, возбуждающихъ злобныя чувства. Если мы устранимъ отъ ребенка

все то, что можетъ возбуждать въ немъ зависть, злобу, недоброжелательство, неуваженіе; то, очевидно, мы не дадимъ его чувствующему организму возможности испытать эти дурныя чувства и усвоить привычку къ нимъ. Напротивъ того дѣйствуя, смягчающимъ образомъ, мы пріучимъ чувствующій организмъ ребенка къ наслажденію кроткими пріятными ощущеніями.

Организація вокругъ ребенка такихъ практическихъ отношеній, которыми бы возбуждались въ дитяти только одни добрыя, гуманныя, доброжелательныя отношенія представляетъ конечно великій трудъ, ибо прежде всего требуютъ безукоризненной нравственности и безукоризненнаго доброжелательства со стороны самихъ родителей. Если бы не въ этомъ заключалась трудность задачи и воспитаніе достигалось бы хорошими назиданіями, то и однихъ Езоповыхъ басенъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать весь родъ человѣческій добродѣтельнымъ.

Слѣдовательно прежде, чѣмъ вы хотите воспитывать дѣтей, воспитайте сами себя; если вы хотите, чтобы ваши дѣти были нравственны—будьте сами нравственны; если вы хотите, чтобы ваши дѣти были добры—будьте сами добры: если вы хотите, чтобы ваши дѣти были умны — будьте сами умны. Найдется у васъ довольно силъ для такой ноши, — ваши дѣти получатъ хорошее воспитаніе и выйдутъ хорошими людьми; нѣтъ — вы образуете только новобранцевъ посредственности и увеличите своими дѣтьми только массу и безъ того уже не малой цивилизованной черни.

Въ подтвержденіе того, какую важную роль при воспитаніи внутреннихъ чувствъ играетъ непосредственное возбужденіе, Комбъ приводитъ случай, бывшій съ нимъ въ Италіи.

«Однажды утромъ, говоритъ Комбъ, я отправился къ одному своему пріятелю, котораго обыкновенно часто посѣщалъ и едва успѣлъ я дойти до его квартиры, какъ почувствовалъ себя весьма дурно. Пріятеля моего не было дома, но я вошелъ къ нему и легъ на диванъ. Вскорѣ потомъ вошла въ комнату нетвердыми шагами и весело улыбаясь маленькая дѣвочка, ей было года полтора. Взглянувъ на меня, она вдругъ сдѣлалась серьезна, потомъ стала понемногу приближаться ко мнѣ, глаза ея выражали участіе и наконецъ она воскликнула: «Dottore malato, Dottore malato»— «Докторъ болѣнъ, докторъ болѣнъ». Я отвѣтилъ, что дѣйствительно болѣнъ; она взглянула на меня съ состраданіемъ и потомъ вдругъ побѣжала. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ ломтемъ хлѣба въ рукахъ и, подавая его мнѣ, сказала нѣжнымъ

голосомъ: «pane, Dottore, pane; Dottore malato» «хлѣба, докторъ, хлѣба; докторъ болѣнъ». Я откусилъ немного хлѣба и она повидимому была чрезвычайно довольна этимъ и оставалась все время около меня, пока я не почувствовалъ себя лучше и не ушелъ домой».

Я не знаю, былъ ли это ребенокъ очень хорошаго воспитанія или очень хорошей натуры, но фактъ этотъ важенъ потому, что указываетъ силу непосредственнаго вліянія впечатлѣнія, незамѣнимаго никакими разсужденіями и наставленіями, хотя бы они исходили изъ устъ самаго Сократа.

Кто не знаетъ того, что дѣти составили себѣ славу своею безжалостностію. Но что такое эта безжалостность, какъ не подраженіе дурнымъ примѣрамъ? Ребенокъ терзаетъ собакъ, кошекъ, птицъ совсѣмъ не потому, чтобы хотѣлъ быть жестокосердымъ, а просто потому, что видѣлъ, какъ этимъ забавляются другія дѣти и потому что не въ состояніи перенести на себя тѣхъ страданій, которыя онъ причиняетъ животнымъ. Воспитанныя въ другой практикѣ, дѣти оставятъ свою безжалостность, потому что они полюбятъ животныхъ; а кого любятъ, того не мучатъ.

Но чтобы воспитаніе нѣжныхъ, гуманныхъ чувствъ достигло вполнѣ своей цѣли, нужно чтобы практика въ нихъ наступила немедленно съ того момента, когда ребенокъ начинаетъ упражнять свои внѣшнія чувства. Жизнь не станетъ ждать насъ и если мы отложимъ свое систематическое воспитаніе до той поры, когда уже можно будетъ дѣйствовать на разумъ ребенка, то мы достигнемъ того, что ребенокъ возьметъ первые уроки помимо насъ и когда мы начнемъ воспитаніе его разума—чувствующій организмъ его будетъ уже испорченъ.

Зачѣмъ намъ нарушать порядокъ, указываемый самимъ дѣтскимъ организмомъ? Когда ребенокъ не въ состояніи понять еще ни одной отвлеченности, онъ уже отлично готовъ, чтобы воспринимать чувство—чтобы любить и не любить. Слѣдовательно, не полагаясь на систематическое школьное образованіе, направленное по преимуществу на разумъ, мы должны возбуждать въ дѣтяхъ предварительно хорошія, благородныя, гуманныя чувства, чтобы, вступая въ школу, дѣти вносили уже съ собой запасъ хорошихъ сердечныхъ привычекъ.

Вы сразу узнаете мужчину, котораго первая молодость прошла подъ руководствомъ умной, доброй матери. Только какія нибудь особенныя обстоятельства могутъ подавить это хорошее вліяніе и

ожесточить или загрубить человѣка, съ чувствами хорошо воспитанными въ молодости.

Англійскій педагогъ Стоу, придающій такую же важность раннему воспитанію чувствъ, говоритъ, что восемнадцатилѣтній опытъ убѣдилъ его, что «вліяніе нравственнаго воспитанія возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, соотвѣтственно раннему возрасту: если это вліяніе на двѣнадцатилѣтняго ребенка выразимъ цифрою 1, то на девятилѣтняго оно будетъ 2; на семилѣтняго 4, на пятилѣтняго 8; на трехлѣтняго 16».

Я не стану доказывать математическую безукоризненность этой прогрессіи. Очень можетъ быть, что вліяніе ранняго воспитанія на 3-хъ лѣтняго ребенка будетъ не 16, а 14, 12 даже 10. Но отъ этого нашъ вопросъ не становится инымъ и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать неоспоримой истиной, что воспитаніе чувствъ, или иначе нравственное воспитаніе, или еще иначе воспитаніе характера—все это только разныя названія одной и той же сущности—слѣдуетъ начинать съ самаго рожденія ребенка. За ребенкомъ нужно слѣдить, какъ за посѣяннымъ цвѣточнымъ сѣменемъ или за древеснымъ растеніемъ, изъ котораго хотятъ создать правильное прямое дерево. Поздно уже подвязывать его, когда оно уже образовало кривизны и матери, оставляющія безъ вниманія своихъ дѣтей въ первой молодости, на томъ основаніи, что «ребенокъ еще слишкомъ малъ, еще ничего не понимаетъ», похожи на того садовника, который не подвязываетъ цвѣтка или растенія только потому, что оно молодо; не въ старости же приниматься за исправленіе криваго! Откладывая воспитаніе чувствъ до того времени, когда у ребенка начнетъ развиваться разумъ, значитъ предоставить ребенка втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ произволу случая и печальныя послѣдствія такой педагогической ошибки будутъ тѣ, что дитя предоставленное 4—5—6 лѣтъ самому себѣ, усвоитъ эгоистическія, злыя наклонности и привычки и когда мы задумаемъ наконецъ исправлять его путемъ дѣтскаго разума, исправленіе окажется совершенно невозможнымъ или до крайности труднымъ. Поступать такимъ образомъ—значитъ предоставить образованіе характера и все будущее счастіе ребенка слѣпому случаю.

Если мои читательницы убѣдились въ справедливости того положенія, что воспитаніе ребенка должно совершаться въ томъ постепенномъ порядкѣ, который указываетъ сама природа человѣческаго организма; что слѣдуетъ упражнять только тѣ органы, которые уже созрѣли для подобнаго упражненія, а незрѣлые

оставлять утрѣпляться, что поэтому нужно начинать съ органовъ чувствъ, потомъ перейти къ самимъ чувствамъ, а къ воспитанію разсудка приступить послѣ всего, не насилуя его преждевременнымъ упражненіемъ,—то этотъ вопросъ нашъ далеко еще не исчерпался вполнѣ, потому что у каждой матери необходимо возникнетъ желаніе узнать, какимъ образомъ она должна расположить свой планъ дѣйствій, какой системы и метода держаться на практикѣ.

Теорія золотой середины и примиренія крайностей вообще не пользуется уваженіемъ мыслящихъ людей и какъ показываетъ историческій опытъ, она не приводила къ тѣмъ полезнымъ результатамъ, какихъ отъ нея ожидали. Въ воспитаніи однако напротивъ—теорія если и не золотой, но обыкновенной середины приноситъ наибольшую пользу. Теорія эта учитъ, что большая часть воспитательныхъ ошибокъ родителей происходитъ отъ того, что любовь ихъ выражается или въ безпредѣльной снисходительности и безпрекословномъ удовлетвореніи всякаго желанія ребенка, или же въ крайней суровости и безпощадномъ подавленіи самодѣятельности ребенка личной, высшей цензурой родителей, желающихъ регламентировать малѣйшее дѣтское желаніе, самое ничтожное дѣтское дѣйствіе.

Обѣ эти системы вредны тѣмъ, что при первой въ ребенкѣ развивается развращающее его въ концѣ самолюбіе; при второй же—въ дитяти убивается нравственная сила и воспитывается несчастный, угрюмый, слабый духомъ и неувѣренный въ себѣ человѣкъ. Первая создастъ несносно болѣзненно-раздражительныхъ кружковыхъ людей; вторая—людей мрачно-недовольныхъ, апатичныхъ до идіотизма.

Матерямъ, развращающимъ своихъ дѣтей баловствомъ, угодливостію и потворствомъ ихъ прихотямъ и капризамъ, будетъ полезно узнать съ чего начинается ихъ ошибка. «Ошибка эта начинается съ того, что не желая заставлять своихъ дѣтей скучать, они кидаются въ другую крайность и забавляютъ дѣтей больше того, чѣмъ слѣдуетъ. Но если скука и однообразіе способны затупить ребенка, пріучая его чувства къ постоянному покою; съ другой стороны ведетъ къ тому же злу и излишнее развлеченіе, ибо за насыщеніемъ или вѣрнѣе пресыщеніемъ, является таже скука. Кромѣ того дѣти, черезъ чуръ развлекаемые, становятся раздражительны, легко плачутъ и остаются нервными и чувствительными иногда на всю жизнь. Неменьшій вредъ причи-

ляется баловствомъ и характеру. Ребенокъ, пріученный къ тому, что на немъ одномъ сосредоточивается все вниманіе его окружающихъ, становится требователенъ. Онъ ростетъ маленькимъ деспотомъ, предъ которымъ все должно склоняться, все должно служить ему и исполнять все, что ни взбредетъ ему на умъ. А какъ такихъ дѣтей нѣжные родители имѣютъ еще привычку и захваливать, а домашняя прислуга изъ нежеланія повредить себѣ исполняетъ тоже всѣ глупыя желанія балованныхъ дѣтей, то изъ нихъ выростаютъ сначала сорванцы, а потомъ несносные самолюбивые глупцы и семейные деспоты.

Деспотизмъ этотъ обрушивается прежде всего на самихъ нѣжныхъ, балующихъ матерей, которыми подобныя дѣти обыкновенно помыкаютъ и изъ которыхъ они создаютъ своихъ ближайшихъ рабынь. Самолюбіе и высокое о себѣ мнѣніе убиваетъ въ такихъ людяхъ, или, покрайней мѣрѣ, значительно притупляетъ, чувство любви и привязанности и матери видятъ наконецъ съ огорченіемъ, что ихъ любовь, не руководимая разсудочностію, не создала къ нимъ въ дѣтяхъ ни привязанности, ни уваженія.

Подавляющая опека и вѣчное руководительство убиваютъ въ ребенкѣ всякую самостоятельность и по отношенію къ обществу создаютъ изъ него неспособнаго гражданина, а по отношенію къ родителямъ и въ частной жизни—человѣка съ убитымъ или подавленнымъ чувствомъ привязанности.

Въ послѣднемъ отношеніи обѣ системы приводятъ къ одному результату, т. е. какъ разъ противоположному тому, къ которому стремились родители; ибо, разумѣется, они меньше всего желали бы ослабить въ своихъ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ себѣ.

Мнѣ кажется, что если бы родители не были въ состояніи руководиться болѣе широкими соціальными соображеніями, то и этого обстоятельства совершенно достаточно для того, чтобы возбудить въ нихъ желаніе вести себя по отношенію къ дѣтямъ съ тѣмъ педагогическимъ, достоинствомъ, которымъ только и создаются любящіе, уважающіе и почтительные дѣти и полезные граждане.

Не балуйте ребенка неразумными потачками его прихотямъ, капризамъ и вреднымъ желаніямъ; но и не подавляйте его своими ненужными регламентаціями. Предоставьте ребенку наивозможно большую свободу; пусть онъ самъ избираетъ себѣ игры, забавы и занятія; пусть онъ самъ будетъ главнымъ дѣятелемъ въ образованіи своего характера и не допускайте только того, что заслуживаетъ осужденія и возбуждаетъ худыя чувства. Только въ этомъ

случаѣ должна являться на сцену родительская власть, со всѣмъ своимъ авторитетомъ и достоинствомъ, съ спокойной разсудочностію, не допускающей никакой страстности въ отношеніяхъ и съ тою любовію въ выборѣ исправительныхъ средствъ, которая бы не возбудила въ ребенкѣ ожесточенія. У васъ довольно любви къ дѣтямъ и если вы дѣлаете ошибки въ воспитаніи, то совсѣмъ не потому, чтобы у васъ не доставало родительскаго чувства, а только потому, что это чувство слѣпо и не руководится знаніемъ.

Окружите ребенка хорошими примѣрами; сдѣлайтесь сами безукоризненно образцовымъ примѣромъ и, воспитавъ въ этой школѣ характеръ ребенка лѣтъ до десяти, приступайте затѣмъ къ чисто умственному головному образованію, но тоже съ тою постепенностію въ развитіи отдѣльныхъ умственныхъ способностей, какой требуетъ человѣческій организмъ.

Я кончилъ и сказалъ все, что хотѣлъ сказать по поводу книги Комба. Я хотѣлъ только обратить на нее вниманіе моихъ читательницъ, чтобы возбудить въ нихъ желаніе познакомиться ближе съ этимъ сочиненіемъ. Книга Комба довольно кратка и не заключаетъ въ себѣ спеціальныхъ педагогическихъ или воспитательныхъ указаній. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, чтобы наши настоящія и будущія матери поняли необходимость для нихъ знакомства съ подобными сочиненіями. Начните хотя съ Комба. По своей краткости онъ конечно васъ не удовлетворитъ; но онъ вамъ уяснитъ общія понятія. Множество вопросовъ, возбужденныхъ въ васъ чтеніемъ этой книги, вы конечно пожелаете себѣ уяснить: а въ такомъ случаѣ вы подумаете и сами о пріобрѣтеніи себѣ другихъ умныхъ книгъ, трактующихъ о воспитаніи, чтобы найти отвѣты на свои вопросы. Только начните знакомиться съ этимъ неизбѣжно — необходимымъ для васъ дѣломъ и вы полюбите его и захотите изучить его. А это все что нужно. Я счелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы мнѣ удалось пробудить хотя въ одной изъ моихъ читательницъ убѣжденіе въ справедливости мыслей, высказанныхъ въ настоящей статьѣ и охоту къ чтенію книгъ, о которыхъ я говорилъ выше. Если онѣ тратятъ такъ много времени на чтеніе романовъ, занимающихъ пріятно ихъ досугъ, но неприносящихъ пользы, то поступятъ расчетливѣе и для себя и для другихъ, занявшись чтеніемъ того, что должно имъ принести непосредственную пользу.

Я не исчерпаю вопроса вполнѣ, если оставлю безъ вниманія еще одну изъ важнѣйшихъ его сторонъ.

Читательницы уже знаютъ, что воспитаніе характера ребенка начинается съ того момента, когда онъ начинаетъ упражнять свои чувства.

Ребенокъ, окруженный постоянно взрослыми и только отъ нихъ заимствующій уроки жизни, не находится въ тѣхъ истинно-правильныхъ условіяхъ, которыя необходимы для развитія его чувствующаго организма; ибо если взрослые могутъ служить ему полными руководителями, то съ другой, они все-таки люди не дѣтскаго міра и полная ассоціація и солидарность между ними невозможны. Слѣдовательно, чтобы ребенокъ получилъ правильное воспитаніе, онъ долженъ развиваться въ дѣтской средѣ.

Изъ этого проницательная читательница выведетъ и безъ меня то справедливое заключеніе, что общественное воспитаніе чувствъ также необходимо для созданія хорошихъ людей и полезныхъ гражданъ, какъ и общественное воспитаніе чисто-умственныхъ способностей. А потому, было бы весьма полезно, еслибы кромѣ общественныхъ учебныхъ заведеній, куда принимаются десяти и болѣе лѣтнія дѣти, существовали бы школы исключительно для воспитанія чувствъ или характера, куда бы поступали дѣти не старше трехъ лѣтъ.

Я убѣжденъ, что теоритически читательница совершенно согласна съ правильностью моей мысли; но она возразитъ, что такихъ школъ не существуетъ и что учрежденіе ихъ представитъ серьезныя и весьма большія затрудненія.

Я этого и не отрицаю. Но если вы согласны со мною теоретически, что же можетъ мѣшать нашъ осуществить нашу мысль на практикѣ? Намъ нѣтъ никакой нужды устроить что нибудь грандіозно великое, обхватывающее сразу все наше обширное отечество, во всѣхъ его далекихъ предѣлахъ. Мы можемъ начать свое дѣло въ видѣ скромнаго опыта, вполнѣ частнаго характера и безъ широкихъ притязаній, съ скромностію приличною порядочнымъ людямъ. Мы можемъ устроить небольшую школу, куда бы согласились помѣстить своихъ дѣтей люди, раздѣляющіе взгядъ нашъ на воспитаніе, составить воспитательную ассоціацію изъ людей знакомыхъ и коротко знающихъ другъ друга. Это условіе важно потому, что не всякая мать рѣшится ввѣрить свое дитя незнакомымъ людямъ и еще потому, что мы въ началѣ будемъ дѣлать неизбѣжныя ошибки, прежде, чѣмъ организуемъ стройную воспитательную систему.

Воспитывая дѣтей, мы учились бы сами. Мы изучали бы дѣт-

скій міръ во всѣхъ его проявленіяхъ, во всемъ разнообразіи дѣтскихъ организмовъ и дѣтскихъ наклонностей; нашъ опытъ создалъ бы не только цѣлую теорію воспитанія характера, но и практически свѣдущихъ педагоговъ, по такому отдѣлу воспитанія, по которому въ настоящее время ихъ почти неимѣется. Такимъ образомъ наша опытная школа послужила бы разсадникомъ воспитателей и центромъ, изъ котораго распространилось бы теоретическое знаніе всѣхъ мелочныхъ условій воспитанія дѣтскаго характера.

Безусловную правильность этой мысли и возможность ея практическаго примѣненія, я считаю вполнѣ несомнѣнной, и если вы, читательница, не рѣшитесь послѣдовать моему предложенію, то совсѣмъ не потому, чтобы считали его практически невозможнымъ, а только потому, что русскій человѣкъ вообще созданъ такъ, что его нужно сдвинуть кому нибудь съ мѣста. Слѣдовательно, еслибы нашлось пять, шесть матерей, довольно разсудительныхъ для того, чтобы понять пользу подобнаго воспитанія и довольно энергичныхъ, чтобы рѣшиться привести его въ исполненіе, то успѣхъ былъ бы несомнѣненъ и существованіе школы вполнѣ бы обезпечилось, потому что въ рукахъ умныхъ, искренно преданныхъ своему дѣлу людей, она явилась бы тѣмъ истинно полезнымъ воспитательнымъ учрежденіемъ, котораго не могутъ замѣнить никакія общественныя заведенія, спеціально предназначенныя для умственнаго развитія.

Если такимъ образомъ мы съ вами согласны и въ теоріи и въ практикѣ, то мнѣ остается только пожелать успѣха нашему будущему предпріятію, а пока, въ ожиданіи такаго счастливаго событія, я обращаю еще разъ ваше вниманіе на книгу Комба, породившую подобныя мысли, и душевно желаю, чтобы вы ее купили и прочли со вниманіемъ.

Н. Шелгуновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

О значеніи Джона Стюарта Милля въ ряду современныхъ экономистовъ. Соч. Н. Н. Рождественскаго. Спб. 1867.

Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ, составленный М. Д. Хмыровымъ. Спб. Изд. Звонарева. 1867.

Америка, ея жизнь и природа. Путешествіе проф. Ю. Фребеля въ пяти книгахъ; перев. съ нѣмецк. Маркова.

Сравнительная психологія или исторія развитія души на ступеняхъ животнаго міра; пер. съ нѣмец. А. Смирновъ. Изд. Шамова. Москва. 1867.

Физіологія человѣка, статическая и динамическая. Пер. съ седьмаго англ. изд. подъ ред. д-ра Дедюлина и профес. Сорокина. Изд. Лукашина и К°. Спб. 1867.

Наши бесѣды изъ записокъ Камскихъ: I. Значеніе естественныхъ наукъ въ дѣлѣ воспитанія. II. Ошибка Бокля; III. Человѣчеству полезно говорить однимъ языкомъ; IV. Сила нравственныхъ законовъ; V. Хаосъ. Изд. А. М. Коробова. Спб. 1867.

Миллю у насъ особенно посчастливилось. Ни одинъ западноевропейскій публицистъ не пользуется у насъ такою всеобщею извѣстностью и такою громкою популярностью, какъ онъ. Почти всѣ его сочиненія, даже мелкія статьи или переведены или переводятся на русскій языкъ. Наша анатичная литература принимаетъ такое живое участіе въ этомъ прославленномъ мыслителѣ, что изъза него, какъ вѣроятно еще помнятъ читатели, произошелъ даже кровавый (въ метафорическомъ смыслѣ) разрывъ между двумя по-

койными журналами. При этомъ печальномъ обстоятельствѣ обнаружились два совершенно противуположные взгляда на Милля, какъ ученаго мыслителя и какъ просто человѣка. Одни утверждали, будто Милль лицемѣрный буржуа, врагъ прогресса, защитникъ мальтусовскаго дѣтоизбіенія, представитель эксплуатирующаго капитала. Другіе, напротивъ, доказывали противуположные тезиты, обвиняя первыхъ въ томъ, что они не поняли и переврали Милля. Одни, въ подтвержденіе своихъ словъ, цитировали, главнымъ образомъ, мѣста изъ XIII гл. I тома II книги, другіе изъ первой главы той же книги, того же тома, и обѣ стороны считали себя одинаково правыми, другъ друга невѣждами и подлецами. Нѣсколько еще раньше этого событія, надѣлавшаго столько шуму въ былое время, въ былой литературѣ,—прогрессивность Милля, какъ политика-экономa, была подвергнута нѣкоторому сомнѣнію людьми совершенно противуположнаго лагеря, чѣмъ тѣ, которые обзывали его лицемѣромъ и плутократомъ. Почтенный органъ г. Краевскаго заявилъ, по поводу, кажется, одной статьи Бокля, что и Бокль и Милль все это одного поля ягодки съ «Отечественными Записками», и что если бы одинъ изъ нихъ не умеръ, совершенно неожиданно для г. Краевскаго, а другой—жилъ бы нѣсколько поближе къ Литейной, то г. Краевскій навѣрное пригласилъ бы ихъ работать въ его журналѣ вмѣстѣ съ гг. Страховыми, Крестовскими и Стебницкими. Далѣе, органъ г. Краевскаго съ большимъ авторитетомъ и съ большею убѣдительностью доказывалъ, что тѣ люди (или какъ онъ выражается, когда говоритъ о своихъ литературныхъ противникахъ «та партія»), которые утверждали, будто Милль и Бокль прогрессисты и будто между ними и гг. Краевскими, Страховыми, Щегловыми и Зарины ми есть кое-какая разница, что эти люди — обманщики и невѣжды.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ вопросъ свелся на личности и дѣло о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ попрежнему оставалось нерѣшеннымъ. Въ это-то самое время въ нашей литературѣ стало распространяться такое примѣрное равнодушіе ко всѣхъ вопросамъ жизни и предметамъ мысли, что и тѣ и другіе слились для нея въ какую-то сѣрую, безразличную массу. Теперь мы о Миллѣ имѣли полное право забыть, и мы, кажется, дѣйствительно забыли. Но не забылъ о немъ одинъ нашъ соотечественникъ, по фамиліи Рождественскій;

честолюбіе этого почтеннаго согражданина было въ высшей степени возбуждено и онъ рѣшился покончить нерѣшенное дѣло о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ, и разъ навсегда опредѣлить его значеніе въ ряду современныхъ экономистовъ. И задумалъ онъ это сдѣлать не кое-какъ, не въ журнальной полемической статьѣ, а посвятить этому вопросу ученую диссертацію и такимъ образомъ за разъ убить двухъ зайцевъ: покончить распрю о Миллѣ въ средѣ своихъ соотечественниковъ и увѣнчать себя степенью магистра политическихъ наукъ.

Разсчетъ, какъ видите весьма дальновидный и задача весьма широкая; если бы ему удалось осуществить ее, какъ слѣдуетъ, то онъ хотя бы даже и не попалъ въ магистры, но все же стяжалъ бы себѣ нѣкоторую заслуженную извѣстность. Но, какъ говорятъ французы homme suppose, Dieu propose. Г. Рождественскій думалъ написать ученую диссертацію, но вмѣсто диссертаціи у него вышла компиляція, и даже не компаляція, а просто библіографическое (даже не критическое) обозрѣніе (даже не разборъ) «Основаній политической экономіи», въ рус. пер., изд. Пыпина. Какимъ образомъ за библіографическія обозрѣнія такихъ популярныхъ книгъ, какова Политическая экономія Милля, могутъ давать ученыя степени — это вопросъ, который мы не имѣемъ права да и не желаемъ рѣшать, но что это дѣйствительно такъ, что брошюрка г. Рождественскаго имѣетъ чисто-библіографическій характеръ, въ этомъ легко убѣдится всякій, кто потрудится хотя перелистовать ее. Мимоходомъ онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ у Либиха, замѣчаній весьма важныхъ, но важности которыхъ онъ, какъ кажется, самъ не понимаетъ, иначе онъ потрудился бы ихъ развить. Такъ напр. говоря о взглядахъ Милля на собственность, г. Рождественскій справедливо замѣчаетъ, что онъ (т. е. Милль) не обратилъ должнаго вниманія на выводы современной химіи, имѣющіе огромное значеніе для раціональнаго пониманія права поземельной собственности. Либихъ доказалъ необходимость полнаго возврата снятыхъ съ почвы минеральныхъ частей. Безъ такого возврата почва истощается и народонаселенію нечѣмъ будетъ питаться; поэтому необходимо, чтобы земледѣлецъ возвращалъ почвѣ снятыя съ нея минеральныя части, такъ что даже всякія временныя улучшенія,

несогласный съ закономъ полнаго возврата, должно считать не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ сельскаго хозяйства» (стр. 38).

Этотъ важный законъ, признанный во всемъ его значеніи, долженъ имѣть огромное вліяніе на хозяйственную организацію общества и служить высшимъ критеріумомъ при оцѣнкѣ того или другого экономическаго начала, полагаемаго въ основу этой организаціи. Г. Рождественскій не выяснилъ съ должною ясностью и обстоятельностью значеніе этого закона. Точно также какъ онъ не выяснилъ, въ чемъ заключается существенная разница между Миллемъ и прочими экономистами, но объ этомъ мы подробнѣе скажемъ ниже; теперь посмотримъ, какъ относится г. Рождественскій къ Миллю, взятому безъ отношенія къ этимъ прочимъ экономистамъ.

Съ первыхъ же строчекъ своего сочиненія, авторъ прямо становится на точку зрѣнія сторонниковъ Милля. «Джонъ Стюартъ Милль,—говоритъ онъ—пользуется вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ политической экономіи. Даже люди, расходящіеся съ Миллемъ во многихъ важнѣйшихъ экономическихъ вопросахъ, не могутъ не признать его лучшимъ современнымъ экономистомъ. Взглядъ его на экономическую науку отличается глубиною, ясностью и точностью. Можно сказать, что Милль стоитъ выше всѣхъ экономистовъ въ пониманіи политической экономіи».—Прекрасно! Но въ чемъ же заключается это превознесеніе Милля надъ всѣми прочими экономистами?

Въ каждой наукѣ вопросъ о методѣ есть одинъ изъ существенныхъ вопросовъ. Зная методъ автора, мы знаемъ его отношенія къ наукѣ и ко всѣмъ предметамъ, входящимъ въ ея область. Г. Рождественскій понимаетъ это до нѣкоторой степени и потому первыя странички своей тощей диссертаціи посвящаетъ вопросу о методѣ Милля. По мнѣнію его, это методъ конкретно-дедуктивный. Онъ основываетъ это мнѣніе на выпискахъ изъ логики Милля. Въ этихъ выпискахъ Милль дѣйствительно говоритъ, что общественная наука—есть наука дедуктивная, что «она выводитъ законъ каждаго дѣйствія изъ законовъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ это дѣйствіе» (Система логики, Нью-іорское изд. стр. 561); что коммерческая экономія имѣетъ характеръ науки абстрактной (ibid., стр. 566), т. е. она абстрагируетъ одно изъ свойствъ человѣческой природы, ея стрем-

леніе накоплять богатства и употреблять его на производство другого богатства и разсматриваетъ хозяйственную дѣятельность людей, вытекающую изъ этого стремленія. Это разсмотрѣніе приводитъ ее къ отысканію извѣстныхъ экономическихъ законовъ, которые оно группируетъ въ болѣе или менѣе логическую систему.

Такъ говоритъ о своемъ методѣ Милль и такъ говоритъ о немъ большая часть французскихъ экономистовъ. Человѣческое своекорыстіе, человѣческій эгоизмъ, выражающійся въ стремленіи къ обогащенію, возможно большему съ возможно меньшимъ трудомъ, — такова исходная точка Милля и французскихъ экономистовъ, такова же исходная точка праотца политической экономіи Адама Смита. Но какимъ же образомъ открыли экономисты своекорыстную сторону человѣческой природы? Что убѣдило ихъ, что стремленіе къ возможно большему обогащенію съ возможно меньшимъ трудомъ есть одно изъ основныхъ, коренныхъ стремленій человѣка, что это форма человѣческаго эгоизма такъ же вѣчна и непреложна, какъ и самый человѣческій эгоизмъ? Они убѣдились въ этомъ, наблюдая человѣка въ сферѣ его хозяйственной, экономической дѣятельности. Анализируя въ этой сферѣ человѣческія дѣйствія и стремленія, они увидѣли, что всѣ они имѣютъ самый отталкивающій, своекорыстный характеръ; каждый хочетъ жить тамъ, гдѣ не сѣялъ, каждый старается работать какъ можно меньше и получать какъ можно больше. Не нужно было, разумѣется, большей догадливости, чтобы понять, что такое настроеніе человѣческаго духа вызывалось и обусловливалось тѣми экономическими условіями, среди которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ,—что, при другихъ условіяхъ, человѣческій эгоизмъ не имѣлъ бы надобности выражаться въ этой отталкивающей, своекорыстной формѣ. Но именно такой-то догадливости и не хватило у экономистовъ. Эмпирическій фактъ, порожденный эмпирическими условіями, которыя могли быть, могли и не быть, они приняли за фактъ безусловный, вѣчный, непреложный,— и этотъ всевдо-непреложный фактъ они положили въ основу всей своей системы, на немъ они основали всю свою науку. «Политическая экономія, говоритъ Милль въ своей логикѣ, разсматриваетъ только дѣйствія людей, вытекающія изъ желанія пріобрѣсти богатство. Она принимаетъ человѣка за существо постоянно стремящееся совершить то, что можетъ доставить ему наибольшее богатство, по-

средствомъ наименьшаго количества труда и лишеній» (О значеніи Дж. Ст. Милля въ ряду современ. экон., стр. 13). Тоже говоритъ Курсейль-Сенелль и др. корифеи французской школы (см. тамъ же стр. 19). Но если въ основѣ экономической науки лежитъ фактъ чисто-эмпирическій, случайный,—то и самая наука должна имѣть чисто-эмпирическій, случайный характеръ, а потому и методъ ея не можетъ быть названъ методомъ научно дедуктивнымъ. Не всякую дедукцію можно назвать научною. Когда, напримѣръ, педагогъ, основываясь на томъ, что въ его школѣ розги имѣли благотворное вліяніе на прилежаніе учениковъ, кладетъ тѣлесныя наказанія въ основу системы воспитанія, то очевидно онъ слѣдуетъ методу ложно-дедуктивному; частный фактъ онъ принимаетъ за общій, грубую эмпирію за отвлеченную абстракцію. Точно также поступаютъ и экономисты; ихъ методъ ложно-дедуктивный; ихъ наука не есть наука абстрактная — какъ утверждаетъ Милль, а наука чисто эмпирическая,—т. е. не болѣе какъ простой аггрегатъ эмпирическихъ фактовъ, сырьемъ перенесенныхъ изъ жизни въ книгу, ничѣмъ необобщенныхъ и неосмысленныхъ. Положеніе это прямо и совершенно логически вытекаетъ изъ того опредѣленія, которое даютъ сами политико-экономы (въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, и Милль) своей наукѣ, изъ той сферы, въ которую они сами заключаютъ свои изысканія.

Г. Рождественскому не благоугодно было этого понять, и потому онъ повѣрилъ Миллю на слово, будто его политико-экономическій методъ есть методъ дедуктивный. Эта «вѣра на слово» привела его къ тому заключенію, что будто «Милль правильнѣе другихъ экономистовъ стотритъ на методъ политической экономіи»—тогда какъ это совершенно неосновательно. Милль, какъ это вполнѣ очевидно изъ самого изложенія г. Рождественскаго, смотритъ на исходную точку политичеткой экономіи глазами такого же отсталаго эмпирика, какъ и прочіе экономисты.

Это непониманіе Милевскаго и политико-экономическаго метода вообще приводитъ г. Рождественскаго къ высшей степени ошибочному взгляду на мнимыя заслуги Милля,—взгляду, который, какъ намъ кажется, вмѣстѣ съ г. Рождественскимъ раздѣляетъ большинство сторонниковъ Милля. Потому мы считаемъ необходимымъ остановится на немъ нѣсколько подолѣе.

Чтобы быть вполнѣ понятыми, мы начнемъ нѣсколько издалека.

Всякая группа фактовъ можетъ быть извѣстнымъ образомъ, т. е. по извѣстному методу, классифицирова. Какъ не разнообразны эти классификаціи, однако всѣ ихъ можно подвести подъ двѣ категоріи: классификацію строго научную и чисто практическую, не научную. Первая имѣетъ въ виду научныя цѣли, вторая—практическія; первая сообразуется только съ требованіями открытыхъ, научныхъ законовъ,—вторая—съ обстоятельствами чисто внѣшними, посторонними, какъ, напр., со степенью пониманія тѣхъ лицъ, ради которыхъ производится группировка, съ условіями времени, мѣста и т. п. Для первой главнѣйшимъ условіемъ является научная точность и послѣдовательность въ изложеніи, для второй — ясность и удобопонятность: Одни и тѣ же факты иногда могутъ излагаться по этимъ двумъ совершенно противуположнымъ методамъ. Такъ, напримѣръ, одна и та же наука, положимъ, исторія, въ университетѣ излагается по методу научному, а въ гимназіи—по методу педагогическому т. е. чисто практическому. Но есть и такіе факты, которые не допускаютъ иной группировки, кромѣ строго научной,—таковы, напримѣръ, математическія теоремы; есть и другіе факты—которые, наоборотъ, не допускаютъ научной классификаціи, потому что они еще не составляютъ науки,—таковы, между прочимъ, факты экономическіе и юридическіе. Вся масса ихъ представляетъ собою не болѣе какъ аггрегатъ произвольныхъ, случайныхъ эмпирическихъ данныхъ. Отсюда, строго говоря, нѣтъ и не можетъ быть ни политико-экономической, ни юридической наукъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Есть только сводъ фактовъ, фактовъ извѣстныхъ наблюденій, какъ есть, напримѣръ, сводъ фактовъ и наблюденій, по части куаферства, гастрономіи, но нѣтъ науки куаферства, науки гастрономіи.

Но такъ какъ факты эти существуютъ и такъ какъ они имѣютъ огромную житейскую важность, такъ какъ они господствуютъ надъ нашею жизнію,—то для насъ существенно необходимо знать и понимать ихъ. А для того, чтобы знать и понимать ихъ, чтобы ясно видѣть ихъ практическіе результаты, для этого необходимо извѣстнымъ образомъ группировать ихъ. При этой группировкѣ, разумѣется, нужно имѣть въ виду только одно: практическую пользу, т. е.

нужно стараться такъ изложить эти факты, чтобы они были вполнѣ ясны, удобопонятны, чтобы всѣ выводы были вѣрны, и т. д.

Для этого всего лучше выбрать изъ всей массы экономическихъ фактовъ такой основный фактъ, который объясняетъ собою всѣ остальные; сгруппировавъ ихъ вокругъ него и выяснивъ его съ достодолжною обстоятельностью, мы объяснимъ весь нашъ экономическій бытъ, мы нарисуемъ полную картину нашихъ сельскохозяйственныхъ отношеній. Разбирая и анализируя эти отношенія, какъ онѣ даны намъ практикою, мы естественно должны будемъ придти къ заключенію, что основный, характеристичный фактъ современной экономической жизни—есть обмѣнъ опредѣляемый соперничествомъ. А такъ какъ политическая экономія есть только сводъ данныхъ экономическихъ отношеній, — то слѣдовательно она, какъ справедливо замѣтилъ Маклеодъ, должна и начинать съ обмѣна и ограничиваться однимъ обмѣномъ. Въ сущности она почти такъ и дѣлаетъ,—но не всегда. Нѣкоторые, и даже, можно сказать, большинство политико-экономовъ, —вводятъ въ нее изложеніе законовъ производства. Но законы производства принадлежатъ къ совершенно другой группѣ фактовъ,—фактовъ подлежащихъ строгой научной классификаціи;—они могутъ входить въ соціальную науку, какъ одинъ изъ элементовъ, на которыхъ эта наука строитъ свои выводы,—но, имъ неприлично помѣщаться рядомъ съ эмпирическимъ хламомъ экономической науки. Они не имѣютъ съ этимъ хламомъ ничего общаго, ихъ конечно можно излагать въ одной книгѣ—но въ этой книгѣ не будетъ тогда единства,—она будетъ разорвана на двѣ части, несвязанныя между собою никакою логическою связью.

Въ самомъ дѣлѣ, что за странное сочетаніе: непреложные, точные, строгіе, математически-строгіе законы производства—и эмпирическая теорія обмѣна, гдѣ все случайно, произвольно! Это все равно, какъ если бы парикмахеръ вздумавшій писать практическое руководство къ своему искуству приложилъ бы къ нему краткій очеркъ человѣческой физіологіи. Конечно, ростъ волосъ подчиненъ извѣстнымъ физіологическимъ законамъ—но что общаго имѣютъ эти законы съ практическими правилами куафернаго искуства? Зачѣмъ смѣшивать крупицы истинной науки съ тлетворною пылью рутинной практики? Но ни одинъ изъ экономистовъ (за очень немногими исключеніями) не рѣшается смѣлою рукою отдѣлить хлѣбъ отъ мяки-

ны и передавъ первый въ завѣдываніе истинной науки, скромно удовлетвориться послѣднею.

Особенно ярымъ противникомъ такого ограниченія предѣловъ такъ называемой науки является Милль. Въ своихъ основаніяхъ политической экономіи онъ разсматриваетъ обмѣнъ въ третьей только книгѣ, давая этимъ понять, что онъ не придаетъ ему первостепеннаго значенія. Вотъ это-то и поставляется ему въ особую заслугу! Его хвалятъ за то, что онъ хочетъ придать сборнику экономическихъ фактовъ научный видъ и характеръ, хочетъ сдѣлать *такъ называемую* экономическую науку дѣйствительною наукою—прекрасно. Но весь вопросъ въ томъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Мы показали, что въ основѣ экономической науки лежитъ фактъ эмпирическій, случайный и что потому все вытекающее изъ этого факта также эмпирично, случайно. Слѣдовательно, чтобы отнять отъ науки этотъ грубый эмпиризмъ, чтобы сдѣлать ее дѣйствительно абстрактною наукою,—для этого необходимо положить въ основаніе ея другой фактъ—фактъ болѣе всеобщій, постоянный и непреложный, нежели тотъ, изъ котораго исходятъ экономисты. Но тогда разумѣется область экономической науки должна бы была значительно разшириться и отношенія автора къ большей части ея предметовъ радикально измѣниться.—Но, Милль какъ извѣстно, и какъ признаетъ самъ г. Рождественскій, «не даетъ новаго основанія, такъ какъ оно есть, и выясняетъ только его истинное значеніе» (стр. 94).

Въ чемъ же состоитъ это выясненіе?

Состоитъ оно, по мнѣнію гг. сторонниковъ Милля, въ томъ, что Милль признаетъ условность нѣкоторыхъ изъ такихъ экономическихъ фактовъ, въ безусловность которыхъ вѣрятъ французскіе экономисты. Такъ, напримѣръ, онъ смѣло заявляетъ, что законы распредѣленія условны. «Распредѣленіе богатствъ, говоритъ онъ на 246 ст. своихъ основаній политической экономіи, зависятъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ различныя времена и въ различныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди» (стр. 27). Сдѣлавъ эту выписку, г. Рождественскій восклицаетъ: «Какая разница между взглядомъ Милля и взглядами другихъ экономистовъ на распредѣленіе богатствъ! Раз-

беремъ напр. ученіе объ этомъ предметѣ Бастіа и его послѣдователей. Онъ смотритъ на законы распредѣленія, основанные на личномъ интересѣ и личномъ соперничествѣ, какъ на законы необходимости» и т. д. (ibid). Это все совершенно вѣрно. Но во первыхъ, въ то время когда выходила въ свѣтъ политическая экономія Милля, условность данныхъ экономическихъ законовъ была выяснена нѣкоторою группою писателей съ слишкомъ очевидною рельефностью для того, чтобы такой умный и практическій человѣкъ, какъ Милль, могъ утверждать противное. Его умъ, философски развитый, рѣшительно не могъ,—даже если бы самъ Милль этого и желалъ,—съузиться до жалкой ограниченности убогаго ума какого нибудь Бастіа. Это была физіологическая невозможность. Умному человѣку прикинуться ничего непонимающимъ идіотомъ такъ же трудно какъ трудно ничего непонимающему идіоту выдать себя за умнаго человѣка. Милль долженъ былъ понимать, что экономисты не умѣютъ или не желаютъ сохранить въ виду этихъ фактовъ трезвой, мужественной самостоятельности—они падаютъ передъ ними ницъ,—они порабощаютъ имъ себя,—и вмѣсто того чтобы научно ихъ анализировать и изучать,—они только ихъ оправдываютъ. Конечно такое отношеніе къ изучаемому предмету извинительно или, по крайней мѣрѣ, понятно въ тѣхъ экономистахъ, которые признаютъ верховную безусловность, вѣчную неизмѣнность господствующей практики,—но оно рѣшительно уже неизвинительно тѣмъ экономистамъ, которые, подобно Миллю, ставятъ эту практику въ полную зависимость отъ измѣнчивыхъ «мнѣній и чувствованій нѣкоторой части общества». Человѣкъ, который смотритъ такимъ образомъ на окружающую его практику, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія относиться къ ней съ раболѣпною лестью;—онъ долженъ сохранить передъ нею свою самостоятельность, онъ долженъ анализировать ее съ полною безбоязненностью. Въ противномъ случаѣ онъ унизитъ свое ученое достоинство, онъ выкажется нравственнымъ трусомъ и непослѣдовательнымъ мыслителемъ.

Какъ относится Милль къ господствующимъ началамъ хозяйственной практики западной Европы? Относится ли онъ къ нимъ критически или только оправдываетъ ихъ?

Небольшія выписки изъ его основаній политической экономіи,—вполнѣ будутъ достаточны для разъясненія этихъ вопросовъ.

Мы будемъ приводить выписки безъ комментарія.

Самыми существенными вопросами господствующей практики являются: вопросъ о прибыли (процентѣ), о соперничествѣ и о регуляторѣ цѣнностей.

По поводу перваго изъ этихъ вопросовъ, Милль говоритъ слѣдующее:

«Какъ плата работника есть вознагражденіе за трудъ, такъ прибыль капиталиста, по удачному выраженію Синьора, служитъ собственно вознагражденіемъ за воздержаніе. Прибыль капиталиста — выигрышъ его черезъ то, что онъ отказывается потреблять свой капиталъ на свои личныя надобности и предоставляетъ производительнымъ работникамъ потреблять его на ихъ надобности. За это отреченіе онъ требуетъ вознагражденія. Очень часто въ личномъ наслажденіи онъ выигралъ бы, если бы растрачивалъ свой капиталъ, потому что сумма прибыли за всѣ годы, которые можетъ онъ, по всей вѣроятности, прожить, меньше суммы его капитала. Но сохраняя капиталъ въ цѣлости, онъ можетъ потребить его всегда, когда ему будетъ угодно или нужно; можетъ передать его другимъ при своей смерти, а до той поры получаетъ отъ него доходъ, который не бѣднѣя, можетъ употреблять на удовлетвореніе своимъ надобностямъ или наклонностямъ». (стр. 454, т. I). Мы ничего не возражаемъ противъ мнѣній, высказанныхъ въ этомъ отрывкѣ,—мы возстаемъ только противъ научныхъ пріемовъ автора. Согласитесь сами, читатель: развѣ это критика! Развѣ это вполнѣ безпристрастное самостоятельное отношеніе къ излагаемымъ фактамъ?

Также точно онъ относится къ соперничеству. Пусть читатель самъ потрудится прочесть послѣднія страницы седьмой главы IV-ой книги (Т. II стр. 313—318). Я приведу здѣсь только заключительныя его слова: «Вмѣсто того, чтобы считать соперничество тлетворнымъ и противуобщественнымъ принципомъ, я полагаю, что даже и при нынѣшнемъ состояніи общества всякое стѣсненіе его вредно, а всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому нибудь классу работниковъ, непремѣнно приноситъ пользу въ результатѣ. Быть охраняему отъ соперничества значитъ быть охраняему въ лѣности, въ умственной тупости, быть избавляему отъ необходимости быть столь же разумнымъ и дѣятельнымъ, какъ другіе» (стр. 315. Т. II).

Здѣсь авторъ даже не пытается объяснять явленія съ цѣлью оправдать его, онъ только догматизируетъ. Но въ этомъ догматизированіи выражается весь духъ современнаго экономическаго направленія. Вся современная, западно-европейская экономическая практика держится на соперничествѣ, какъ средневѣковая—на феодальной земельной собственности. Въ настоящее время, какъ справедливо замѣтилъ одинъ знаменитый французскій публицистъ, принципъ частной земельной собственности не имѣетъ прежняго господствующаго значенія. Другой принципъ, продуктъ современнаго промышленнаго направленія, смѣнилъ его и даже старается вытѣснить. Этотъ новый принципъ современной буржуазіи не хочетъ знать никакихъ другихъ правъ и привилегій, кромѣ правъ и привилегій, которыя онъ допускаетъ, и даже требуетъ полной и безусловной свободы для личной, промышленной дѣятельности человѣка, полной и безусловной свободы конкуренціи, потому, что онъ очень хорошо знаетъ, что отъ этого не пострадаютъ ничьи дорогіе ему интересы. Въ послѣднее время этотъ принципъ сталъ въ Англіи рѣшительно преобладать надъ противуположнымъ ему принципомъ земельной аристократіи, опирающемся на земельной собственности. Такимъ образомъ, возставать противъ этого принципа, требовать ограниченія и стѣсненія частной земельной собственности, не распространяя этого ограниченія на права капитала — значитъ дѣйствовать въ духѣ истинно буржуазныхъ началъ, въ интересахъ лондонскаго Сити. И именно этотъ-то смыслъ и имѣютъ главы Милля объ условности частной земельной собственности и объ ограниченіи правъ по наслѣдованію имуществъ. Эти главы были поставлены Миллю тоже въ особенную заслугу; ихъ одобряетъ г. Рождественскій, хотя онъ и сознается, что Милль оставилъ въ его головѣ много недоумѣній по вопросу о наслѣдствѣ (стр. 35). Чѣмъ именно привелъ его Милль въ это недоумѣніе, онъ скромно умалчиваетъ, предоставляя догадываться самимъ читателямъ, которые, впрочемъ, вѣроятно не воспользуются этимъ правомъ. Между тѣмъ мнѣнія Милля о частной, земельной собственности, пропитанныя интересами лондонской буржуазіи не должны обманывать насъ на счетъ истиннаго характера его политической экономіи; сторонники Милля поступаютъ недобросовѣстно, указывая на эти главы и въ то же время умалчивая объ ихъ настоящемъ смыслѣ. А этотъ смыслъ вполнѣ объясняется однимъ уже тѣмъ

обстоятельствомъ, что Милль изъ всѣхъ существеннѣйшихъ фактовъ современной хозяйственной практики,—къ одному только институту частной земельной собственности обратился съ критическимъ анализомъ, и притомъ самый этотъ анализъ исключительно ограничилъ явленіями, свойственными одному только этому институту,—заявивъ напередъ, что считаетъ земельную собственность—собственностью совершенно особенною, sui generis. «Поземельная собственность, говоритъ онъ, не похожа на другіе роды собственности—и когда говорятъ о «неприкосновенности собственности», то никакъ не слѣдовало бы забывать, что земельная собственность вовсе не имѣетъ этого качества, въ такой степени, какъ другіе роды собственности». (стр. 230, Т. I). Мы здѣсь не можемъ входить въ дальнѣйшія разъясненія по этому вопросу. Укажемъ только еще на одинъ фактъ: Милль очень подробно и краснорѣчиво описываетъ злоупотребленія земельныхъ собственниковъ, особенно въ Ирландіи, но онъ ничего не говоритъ о послѣдствіяхъ кредита въ его современномъ положеніи.

Ненаучныя отношенія экономистовъ къ предмету своихъ изслѣдованій съ особенною яркостью выступаютъ въ ученіи ихъ о регуляторѣ цѣнностей. Мы говорили какъ-то въ одной изъ предъидущихъ хроникъ, что экономисты, статируя общеизвѣстный фактъ, что обмѣнъ есть краеугольный камень общечеловѣческихъ отношеній, и возводя этотъ фактъ въ теорію, стараются придать этой теоріи научную, благовидную форму. Съ этою цѣлью они пытаются осмыслить, раціонализировать эмпирическій фактъ обмѣна; они дѣлаютъ видъ, будто они изслѣдуютъ и находятъ раціональныя условія обмѣна и будто эти условія имѣютъ полное примѣненіе въ практической жизни. Найденная ими раціональная формула обмѣна весьма незамысловата: правильный обмѣнъ, говорятъ они, долженъ состоять въ томъ, чтобы обмѣнивались равноцѣнныя величины; цѣнность вещи опредѣляется стоимостью ея производства, слѣдовательно, стоимость производства есть регуляторъ обмѣна. Такъ говоритъ ихъ теорія. На практикѣ мы видимъ другое: капризъ конкуренціи, колебанія въ спросѣ и предложеніи опредѣляютъ, регулируютъ цѣнность; правда она рѣдко падаетъ ниже стоимости производства, но за то почти всегда несравненно выше ея. Какъ же относятся экономисты къ этому факту, такъ очевидно противурѣчащему ихъ тео-

ріи? Относятся ли они къ нему критически? Признаютъ ли они его нераціональность?

Нѣтъ, они преклоняются передъ нимъ, они защищаютъ его, утверждая, что спросъ и предложеніе, регулирующее обмѣнъ, приводятъ именно къ тому, что предметы обмѣниваются по стоимости ихъ производства. Милль идетъ въ этомъ случаѣ по пятамъ экономистовъ.— Онъ утверждаетъ на 512 стр. I т. своихъ «Основаній политической экономіи» что цѣнность предметовъ, число которыхъ можетъ быть увеличиваемо человѣкомъ по произволу, опредѣляется спросомъ и предложеніемъ лишь иногда, и то на недолгое время, а что общій ходъ такой: не цѣнность опредѣляется уравненіемъ спроса и предложенія, а наоборотъ спросъ и предложеніе опредѣляется цѣнностью. При запросѣ на извѣстное количество товара, по его естественной цѣнѣ, предложеніе постоянно стремится сообразоваться съ этою цѣною (стр. 513). Цѣнность же этихъ предметовъ исключительно регулируется стоимостью производства, — а въ стоимости производства главнымъ факторомъ является *трудъ* (стр. 514 и послѣд.). Такимъ образомъ и выходитъ, что нашъ обмѣнъ, который профаны, въ простотѣ души своей, считаютъ за нѣчто въ высшей степени произвольное, — въ сущности всегда правиленъ и раціоналенъ, потому что регулируется трудомъ. «Главный элементъ стоимости производства, утверждаетъ Милль, есть трудъ, передъ которымъ ничтожны всѣ остальные». Слѣдовательно, когда купецъ беретъ съ васъ дорого за какую нибудь вещь, — знайте, что онъ спрашиваетъ съ васъ только столько, сколько стоитъ ея производство,—и, главнымъ образомъ, — столько, сколько было заплочано за нее рабочимъ; если вы дадите за нее дешевле — вы обидите рабочаго. И такъ не ропщите на дороговизну, — не возставайте противъ нея: возставая противъ нея — вы возстаете противъ интересовъ рабочаго класса!

Вотъ вамъ образецъ находчивости экономической софистики. Даже сторонники Милля съ ужасомъ отворачиваются отъ него, когда онъ начинаетъ проповѣдовать о своемъ любезномъ restrain moral, въ которомъ онъ видитъ чуть ли не единственное, универсальное лекарство для поправленія печальнаго положенія рабочаго класса. — Такъ, г. Рождественскій говоритъ по этому поводу: «мы думаемъ, что Милль дѣйствительно ошибается, принимая силу раз-

множенія за нѣчто постоянное, неизмѣнное. Способность къ дѣторожденію вовсе не имѣетъ того постоянства, которое приписываетъ ей Милль. Поэтому отъ того, что, напримѣръ, въ настоящемъ столѣтіи народонаселеніе удваивается въ 60 лѣтъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы, при той степени воздержанія, оно удвоивалось въ 60 лѣтъ и въ слѣдующемъ столѣтіи» (стр. 55).

Однако эти осторожныя замѣчанія и деликатныя указанія ни мало не колеблятъ основную сущность теоріи Милля. Сущность этой теоріи вытекаетъ изъ того общеизвѣстнаго эмпирическаго факта, что рабочая плата, обусловливающая матеріальный и нравственный бытъ рабочихъ, опредѣляется отношеніемъ капитала (т. е. *извѣстной* части продуктовъ страны, а не всѣхъ продуктовъ, обращаемыхъ на новое производство) къ числу работниковъ. Возведя этотъ фактъ въ принципъ, — въ раціональное требованіе здраваго смысла, — онъ естественно долженъ былъ придти къ тому заключенію, что чѣмъ меньше число работниковъ, чѣмъ ограниченнѣе предложеніе труда, при неизмѣняемости спроса на него, тѣмъ выше будетъ рабочая плата и, слѣдовательно, тѣмъ выше будетъ и самый уровень матеріальнаго и нравственнаго состоянія рабочихъ. Выводъ этотъ, безспорно, вполнѣ логиченъ, и если мы признаемъ эмпирическій фактъ за абстрактный законъ, то мы должны будемъ безусловно согласиться, что restrain moral, а подчасъ и дѣтоубійство есть одноизъ самыхъ скорыхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ возвышенію благосостоянія рабочихъ.

Такимъ образомъ и Миллевская пропаганда безбрачія есть ничто иное, какъ логическое послѣдствіе его ненаучнаго отношенія къ фактамъ современной ему хозяйственной практики.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобъ показать, что Милль, хотя и отрицаетъ безусловность нѣкоторыхъ экономическихъ началъ, но что тѣмъ не менѣе онъ относится къ нимъ такимъ же точно ненаучнымъ образомъ, какъ и всѣ прочіе экономисты. Гдѣ же причины возвышать его надъ ними?

Вопросъ этотъ долженъ былъ рѣшить г. Рождественскій, указавъ намъ то мѣсто, которое Милль занимаетъ въ ряду современныхъ экономистовъ. Но г. Рождественскій хотя и обѣщалъ это сдѣлать, однако не сдѣлалъ. Онъ указалъ только, что Милль расходится съ Бастіа по вопросу объ условности нѣкоторыхъ началъ хозяйствен-

ной жизни западной Европы; съ Маклеодомъ — по вопросу о границахъ политической экономіи и о цѣнахъ, съ Кери — по вопросу о рентѣ и законахъ возрастанія народонаселенія и продукта. Но онъ не указалъ, въ чемъ именно сходятся всѣ эти экономисты, онъ не показалъ—различны или нѣтъ методы ихъ изслѣдованій. Правда, онъ отличаетъ по названію методъ Милля отчасти отъ метода Бастіа и совершенно отъ метода Кери. Но это еще очень недостаточно: часто двѣ вещи, различныя по своимъ внѣшнимъ признакамъ, но весьма сходныя и даже тождественныя по своему внутреннему содержанію, окрещиваются двумя совершенно противуположными названіями. Потому на названіе нечего обращать большаго вниманія, въ особенности же не слѣдуетъ полагаться на *одни* только названія, безъ отношенія къ опредѣляемой ими сущности ихъ; между тѣмъ г. Рождественскій именно и впадаетъ въ эту ошибку. Онъ называетъ нѣсколько методовъ: дедуктивный, экспериментальный, экспериментально-химическій и т. п., но онъ нигдѣ не потрудился указать, въ чемъ же заключается существенная разница между всѣми этими методами. Если бы онъ потрудился это сдѣлать, то намъ кажется, онъ убѣдился бы, что существенной разницы между ними нѣтъ почти никакой, и что методъ Милля ничѣмъ не отличается отъ метода Бастіа.

Наконецъ остановимся на заключеніи г. Рождественскаго. Это заключеніе представляетъ такой отличный образецъ крайней скудости и спутанности понятій г. Рождественскаго, что мы были бы очень несправедливы къ нему, если бы мы прошли его молчаніемъ,— тѣмъ болѣе что это единственное мѣсто во всей книгѣ, которое вполнѣ и безраздѣльно принадлежитъ ея автору. Въ теченіи всего своего недлиннаго изслѣдованія г. Рождественскій говорилъ или словами Милля или словами Либиха или повторялъ старые и общеизвѣстные доводы противъ ученій о рентѣ Кери и взглядовъ Маклеода на границы политической экономіи. Только въ концѣ книги онъ начинаетъ говорить отъ себя, — и вотъ здѣсь-то онъ и обнаруживаетъ всю силу своего мышленія.

До 95 страницы (въ книгѣ же ихъ 96 $^1/_2$) своего изслѣдованія авторъ вообще былъ вполнѣ согласенъ съ Миллемъ и одобрялъ почти всѣ его положенія. Но на этой злополучной страницѣ съ нимъ вдругъ совершился какой-то нравственный кризисъ, онъ почувство-

валъ приливъ самостоятельности и рѣшился вступить въ полемику съ англійскимъ мыслителемъ.

Какой принципъ, спрашиваетъ онъ себя внезапно и совершенно некстати, лежитъ въ основѣ всѣхъ проэктовъ и предложеній Милля по поводу улучшенія общественнаго быта, какое начало руководитъ имъ въ его взглядахъ на этотъ вопросъ? Этотъ принципъ, это начало, —рѣшаетъ г. Рождественскій,—есть утилитаризмъ. «Принципъ этотъ, говоритъ онъ (стр. 95), есть принципъ наибольшаго счастія, т. е. равнаго счастія для всѣхъ людей. Равное же право каждаго человѣка на счастіе предполагаетъ равное пользованіе всѣми средствами, служащими къ достиженію его, насколько это допускаютъ необходимыя условія человѣческой жизни и общее благо, въ которомъ заключается благо отдѣльнаго индивидуума. Общество должно постепенно осуществлять принципъ наибольшого счастія, сообразно даннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста». — Таковъ, по мнѣнію г. Рождественскаго, принципъ, руководящій Миллемъ во всѣхъ его экономическихъ воззрѣніяхъ. Мы не знаемъ, откуда онъ вывелъ подобное заключеніе, — но положимъ, что это дѣйствительно такъ, и что Милль дѣйствительно стремится принципъ общаго блага примѣнить къ экономическимъ отношеніямъ людей; — одобряетъ ли этотъ принципъ или нѣтъ г. Рождественскій? Нѣтъ, не одобряетъ, и какъ бы вы думали: отчего? Оттого, что онъ находитъ его недостаточнымъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ? — о, нѣтъ, по его мнѣнію: «утилитарное начало лучше всѣхъ философскихъ началъ, принимаемыхъ обыкновенно экономистами. Благодѣтельное вліяніе утилитаризма на улучшеніе современной общественной жизни не подлежитъ сомнѣнію. Плодотворность его проявляется во всѣхъ сочиненіяхъ Милля, касающихся различныхъ жизненныхъ вопросовъ настоящаго времени.» (стр. 95).—Итакъ чего же лучше? чѣмъ же недоволенъ г. Рождественскій? А вотъ чѣмъ, послушайте,—тутъ-то и заключается весь комизмъ.

«Принципъ наибольшаго счастія указываетъ только, что каждому члену общества должна быть предоставлена возможность пользоваться средствами, служащими для достиженія благосостоянія. Но въ чемъ же заключается это благосостояніе (вотъ наивный-то вопросъ! Неужели вы пѣняете на Милля за то, что онъ вамъ не объяснилъ, что значитъ слово *благосостояніе?*), а равно какимъ именно

способомъ предоставить всѣмъ членамъ общества средство для достиженія благосостоянія, объ этомъ утилитаризмъ не доставляетъ надлежащихъ свѣденій» и потому «не можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ общественныхъ наукъ».

Мы здѣсь не защищаемъ и не хотимъ защищать утилитаризма, — мы хотимъ только обратить вниманіе читателей на оригинальный способъ мышленія русскихъ мыслителей. Принципъ неудовлетворителенъ—не потому, что онъ заключаетъ въ себѣ требованіе само по себѣ неудовлетворительное, а потому, что онъ содержитъ въ себѣ только требованіе, и не указываетъ на средство для его осуществленія! — Какъ будто есть такіе принципы, въ которыхъ совмѣщается и то и другое. Отыщите намъ ихъ, г. Рождественскій, — всѣ подивятся вашему открытію, если только вы его сдѣлаете. Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Переберите всѣ, какіе вамъ угодно, принципы, изъ какой вамъ угодно сферы, — вы вездѣ увидите одно и тоже: принципъ требуетъ, повелѣваетъ, — но онъ никогда не разсказываетъ, какъ одними средствами возможно осуществить его требованіе, повелѣніе. Принципъ христіанской морали учитъ насъ, чтобы мы любили ближняго и помогали другъ другу; съ точки зрѣнія г. Рождественскаго этотъ принципъ неудовлетворителенъ, потому что онъ не объясняетъ въ какой формѣ должна выражаться эта любовь, какимъ образомъ мы должны помогать другъ другу!

Другой мотивъ, почему г. Рождественскій не можетъ одобрить Миллевскаго принципа еще оригинальнѣе. «Утилитаризмъ требуетъ только, чтобы каждый членъ общества могъ пользоваться матеріальными (отчего же вы думаете, что одними только матеріальными?) средствами; всѣ же члены общества могутъ вести въ народномъ хозяйствѣ bellum omnium contra omnes» (стр. 96).—Какъ же это такъ можетъ случиться? За что же люди будутъ вести bellum omnium contra omnes, когда каждый будетъ имѣть все, что ему надо?— Очевидно, что г. Рождественскій рѣшительно не понимаетъ не только, что значитъ слово утилитаризмъ, но даже не понимаетъ значенія слова принципъ, какъ онъ не понимаетъ значенія слова благосостояніе!

Отъ поверхностной диссертаціи—библіографіи перейдемъ къ якобы ученому изслѣдованію, составленному, какъ говоритъ авторъ, «по архивнымъ документамъ».—Авторъ видимо придаетъ большее значеніе своему архивному изслѣдованію; не довольствуясь тѣмъ, что большая часть его уже была напечатана въ одномъ усопшемъ и мало кому извѣстномъ журналѣ (Разсвѣтъ), онъ теперь счелъ весьма полезнымъ для русской публики—и преимущественно для русскихъ читательницъ,—издать ихъ отдѣльною книгою. Такой странный и, какъ мы увидимъ ниже, ничѣмъ не оправдываемый взглядъ на свои собственные труды, раздѣляетъ съ авторомъ и г. Звонаревъ, взявшій на себя бремя изданія этой архивной книжицы. Но г. Звонаревъ, въ глубинѣ души своей, таитъ, повидимому, нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ полезности предпринятаго изданія; это мы заключаемъ изъ того, что онъ счелъ нужнымъ предпослать архивнымъ изслѣдованіямъ г. Хмырова, коротенькое предисловіе, въ которомъ какъ бы оправдывается передъ публикою въ изданіи этихъ изслѣдованій. Оправданіе это состоитъ въ любезномъ изъясненіи тѣхъ цѣлей и мотивовъ, которые руководили авторомъ и издателемъ—одного при писаніи, другого при изданіи предлагаемой публикѣ книги. Г. Звонаревъ весьма основательно опасается, что безъ такого предварительнаго изъясненія публика можетъ остаться въ рѣшительномъ недоумѣніи, къ чему г. Хмыровъ утруждалъ себя архивными изслѣдованіями, а г. Звонаревъ—изданіемъ этихъ изслѣдованій? — «Цѣлью автора, говоритъ услужливый издатель, было—сопоставить новый и старый порядокъ въ ихъ взаимнодѣйствіи на одну и туже женскую личность и познакомить читателей съ однимъ изъ свѣтлыхъ, отрадныхъ типовъ русской аристократки XVIII вѣка. Цѣлью издателя—дать русскимъ читателямъ и *въ особенности читательницамъ* (благодарите его читательницы!), незнающимъ журнала «Разсвѣтъ», давно прекратившагося, книгу во всякомъ случаѣ небезполезную для нихъ.

Радуйтеся же, русскія читательницы: почтенные ученые и литераторы не забываютъ васъ. Для васъ не только издаютъ модные и не модные журналы, не только пишутъ «руководство къ географіи», «исторіи» и даже «ариѳметики»—для васъ даже г. Хмыровъ рѣшился рыться въ архивахъ и открылъ тамъ «свѣтлый и отрадный типъ

русской аристократки XVIII вѣка,» долженствующій служить вамъ образцемъ и поученіемъ, въ вашей собственной жизни.

Все же, что онъ говорилъ г. Звонареву, о какомъ-то сопоставленіи стараго и новаго порядка и о «ихъ взаимнодѣйствіи на одну и ту же женскую личность»—все это сущіе враки,—по той весьма простой причинѣ, что въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ ни на какое «сопоставленіе» и «взаимнодѣйствіе» на какую бы то ни было женскую личность и что объ самой этой женской личности г. Хмырову извѣстно ровно столько же, сколько извѣстно любой нигилисткѣ, никогда не заглядывавшей въ архивъ.—Да, г. Звонаревъ, васъ увлекла архивная ученость г. Хмырова и вы сдѣлались жертвою... собственной непроницательности.

Мы не отвергаемъ вообще полезности историческихъ біографій, но мы полагаемъ, что эта полезность зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, нужно чтобы личность, избираемая для біографическаго описанія, была личностью, хотя въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательною, чтобы ея жизнь имѣла историческій интересъ, чтобы изученіе ея способствовало къ раскрытію современныхъ ей бытовыхъ отношеній, чтобы въ этой личности отражался съ большею или меньшею рельефностью господствующій духъ и направленіе ея вѣка, чтобы она могла служить дѣйствительною представительницею даннаго времени и даннаго круга интересовъ. Отсюда уже само слѣдуетъ, что такая личность не можетъ быть жалкою, безцвѣтною посредственностью, неспособною вліять на окружающую ея среду. Второе важное и существенно необходимое условіе состоитъ въ томъ, что мы должны имѣть о ней точныя, вѣрныя и подробныя свѣденія.

Удовлетворяетъ ли хотя одному изъ этихъ условій личность графини Головкиной, выбранная г. Хмыровымъ для біографическаго очерка? Чѣмъ она замѣчательна и какую роль она играла въ исторчиеской жизни русскаго народа? Чѣмъ отличается она, въ историческомъ отношеніи, отъ тѣхъ Θеклъ и Матренъ, которыя каждое утро изволили чесать и одѣвать «ея сіятельство?»

Графиня Головкина была внучкою одного изъ знатнѣйшихъ бояръ въ лѣтописяхъ русской исторіи, извѣстнаго князя кесаря Федора Юрьевича Ромодановскаго. Въ домѣ этого неукротимаго деспота провела княжна свою молодость. Страшный кесарь наводилъ

ужасъ на всѣхъ окружающихъ его, передъ нимъ трепетала не только вся Москва,—его побаивался даже самъ Петръ. «Съ *дѣдушкой нашимъ* (Ромодановскимъ)—писалъ онъ Апраксину,—вожусь какъ съ чортомъ, и не знаю, что съ нимъ дѣлать.»—Реформируя на нѣмецкій ладъ жизнь и привычки своихъ приближенныхъ, Петръ боялся прикоснуться къ страшному дому «намѣстника Москвы.» Входя въ этотъ домъ, царь самъ подчинялся господствовавшимъ въ немъ обычаямъ и правиламъ, не смотря на всю ихъ чудовищную странность. «Такъ, напримѣръ, повѣствуетъ г. Хмыровъ,—широко растворялись всякому званому и незваному тесовыя ворота Ромодановскаго: но всѣ и каждый, не выключая и самаго государя, обязывались, оставя у этихъ воротъ верховыхъ коней своихъ, колымаги и одноколки, брести пѣшкомъ черезъ дворъ его кесарскаго величества, какъ бы ни былъ онъ грязенъ. Каждый гость, по вступленіи въ домъ, приглашался выпить перцовки; но эту перцовку подносилъ, на золотомъ блюдѣ, ручной медвѣдь—и безцеремонно вцѣплялся въ парикъ гостя, отказывавшагося отъ этого угощенія.» (стр. 56).

Деспотъ съ своими гостями, князь, разумѣется, былъ еще большій деспотъ съ своими домашними. Самая суровая патріархальность царила въ его домѣ, — всѣ и все безусловно и слѣпо подчинялись его самодурнымъ капризамъ,—или, какъ съ большею мягкостью выражается г. Хмыровъ, «подроставшая княжна была обставлена ежедневными примѣрами повиновенія всего дома главѣ семьи, рачившему о благосостояніи всего дома, тѣсной, взаимной связи членовъ семьи,—связи, можетъ быть, ненормальной или какой другой(??), но все-таки существовавшей(?); уваженія младшихъ къ старшимъ, отплачиваемаго ласковостью, скромностью женщинъ, требуемой, пожалуй, до излишества; наконецъ точнаго и дружественнаго исполненія всѣми домашними порядковъ, разъ заведенныхъ.» (стр. 68).

Результатомъ всѣхъ этихъ примѣровъ и всей этой обстановки—должно было явиться полное обезличеніе княжны. Здѣсь, въ этой суровой домашней дисциплинѣ, изъ нея должна была образоваться та двуногая машина, по ошибкѣ называемая человѣкомъ, которая можетъ только пассивно «воспринимать» и «подчиняться», но неспособна ни къ какой активной, реагирующей дѣятельности.

И дѣйствительно, эта безличность и пассивность являются харак-

теристическими чертами всей дальнѣйшей жизни княжны.—Нѣтъ ни одного факта, который бы давалъ намъ хотя отдаленный намёкъ на какой нибудь протестъ, на какое нибудь проявленіе самостоятельности со стороны княжны. Хотя, г. Хмыровъ и утверждаетъ будто: «врожденное расположеніе княжны ко всему благородному и нравственному видно изъ того, что грязныя стороны общества, современнаго ея юности и ей не чуждаго, не загрязнили ея прекрасной души», однако мы ни откуда не видимъ, чтобы душа ея была прекрасна. Прекрасная душа едва ли бы могла спокойно ужиться съ тѣми дикими явленіями, которыя окружали ее на каждомъ шагу. Въ домѣ своего дѣда она видѣла робкое холопствованіе, хонжество и лицемѣріе,—внѣ дома — возмутительныя сцены всенародныхъ казней и пытокъ и циническихъ попоекъ. —Послѣ смерти Юрія Ромодановскаго,—сынъ его, отецъ княжны, возведенъ былъ въ званіе кесаря. «Это время, говоритъ г. Хмыровъ, было тяжкое кровавое время. Дѣло несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, силою возвращеннаго изъ за границы, *слѣдовалось* и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, со всѣми ужасами допросовъ, и пытокъ, и казней. Оговоренные по этому дѣлу, безъразличія пола и званія, хватались въ городахъ и селеніяхъ, заковывались въ желѣзо, держались въ тюрьмахъ и призывались въ застѣнки, откуда многіе истерзанные кнутомъ и полусожженные огнемъ предварительныхъ допросовъ «съ пристрастіемъ», отправлялись доканчивать свое бѣдственное существованіе въ сибирскихъ пустыняхъ или глухихъ затворахъ отдаленнѣйшихъ монастырей, а другіе, виновнѣйшіе, выводились передъ народъ, на глазахъ котораго ихъ обезглавливали, ломали на колесахъ, живыми сажали на колъ, живыхъ рвали на части и. т. д.». (стр. 81, 82.)

Производили-ли всѣ эти ужасы на княжну какое нибудь впечатлѣніе или же она относилась къ нимъ съ тою же пассивною безгласностью, съ которою относилась къ домашнему деспотизму дѣда,—объ этомъ мы не имѣемъ ни малѣйшихъ извѣстій.—Но г. Хмыровъ этимъ не стѣсняется. Онъ, съ большимъ авторитетомъ, хотя и безъ всякаго основанія, утверждаетъ, будто всѣ эти сцены и вся эта обстановка способствовали духовному совершенствованію княжны, и что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, «а также благодаря участію врожденныхъ началъ добра,»—княжна уже въ 17 лѣтъ

своего возраста имѣла опредѣлившійся характеръ и всѣ тѣ свойства, безъ которыхъ не былъ бы возможенъ предлежащій ей подвигъ.» (стр. 81) Въ чемъ состоялъ подвигъ и требовалъ ли онъ для своего осуществленія какихъ нибудь особенныхъ прекрасныхъ свойствъ и какой нибудь твердости характера,—объ этомъ мы скажемъ ниже; теперь же, пользуясь случаемъ, обратимъ вниманіе читателей на тотъ оригинальный способъ составленія историческихъ біографій, который усвоилъ себѣ біографъ Головкиной. По его мнѣнію, историческая біографія совсѣмъ не требуетъ вѣрности изображенія описываемаго характера: біографъ не долженъ стараться представить историческую личность такою, какою она была на самомъ дѣлѣ,—онъ долженъ изображать ее такою, какою она должна бы была или могла бы быть, по его понятіямъ. Этотъ взглядъ въ значительной степени облегчаетъ задачу біографа; ему нѣтъ надобности справляться съ фактами, рыться въ архивахъ, читать рукописные документы и т. п.—Весьма спокойно сидя въ своемъ кабинетѣ, онъ можетъ написать сколько угодно историческихъ біографій, даже о такихъ личностяхъ, о которыхъ ни одинъ завзятый хроникеръ, ни одинъ лѣтописецъ, ни одинъ историкъ, ровно ничего не знаютъ, кромѣ развѣ того, что личность эта родилась въ такомъ то году и умерла въ такомъ-то.

Ни о дѣтствѣ, ни о юности и старости графини Головкиной не сохранилось никакихъ фактическихъ свѣденій потому, что она не играла рѣшительно никакой роли во всю эту смутную и обильную дворцовыми переворотами эпоху. Это отсутствіе фактическихъ данныхъ заставляетъ г. Хмырова постоянно обращаться къ вымысламъ собственной фантазіи и догадкамъ собственной сообразительности. Говоря, напримѣръ, о той унизительной роли, которую игралъ старый кесарь, отецъ княжны, во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ царя, онъ съ обстоятельною подробностью описываетъ впечатлѣніе этого унизительнаго положенія на юную душу княжны. «Женщины, такъ начинаетъ онъ свое фантастическое разсужденіе, развиваются раньше мужчинъ. Княжна въ томъ возрастѣ, какого достигла она, не могла не угадывать, хотя приблизительно, истиннаго значенія роли, суженной ея дѣду и потомъ отцу. Съ каждымъ моментомъ дальнѣйшаго развитія княжна болѣе и болѣе должна была убѣждаться въ безошибочности своей догадки (а если

она была менѣе догадлива, чѣмъ вы г. Хмыровъ, и ничего унизительнаго въ роли своего отца не подозрѣвала?). И ее, какъ существо съ инстинктами врожденно-благородными (а откуда вы это знаете?), сначала оскорблялъ обидный выборъ царя, два раза сряду падавшій на одну и ту же семью Ромодановскихъ. Но современемъ, когда, не ослѣпляясь совершенно родственною пріязнію, княжна не могла не сознаться, что выборы царя, касавшіеся Ромодановскихъ, едва ли могли быть удачнѣе, грустное чувство объяло ея юную душу (вотъ такъ по истинѣ нечеловѣческая проницательность! И откуда почерпнулъ всѣ эти свѣденія г. Хмыровъ?) Видѣть отца, человѣка самаго близкаго, официальнымъ посмѣшищемъ чужихъ людей— тяжко было ей, дочери. Знать же, что самъ онъ, этотъ отецъ ея, очень спокоенъ и не понимаетъ всего ничтожества своего положенія, было для княжны еще больнѣе (sic!). Чаще и чаще стала задумываться княжна. Душа ея настроивалась серьезнѣе и серьезнѣе (вотъ фантастическій психологъ!) Дни праздниковъ и торжествъ, въ которыя Рамодоновскій разыгрывалъ свою странную роль, стали для оскорбленной души его дочери днями страданій. Рѣшительная необходимость не только сирывать свои настоящія чувствованія, но и маскировать ихъ, начала пріучать княжну къ трудной, но всегда къ благородной работѣ надъ собою собственно. Уроки этой работы повторялись часто(?); въ Россіи царствовалъ Петръ, побѣды слѣдовали одна за другою, спуски кораблей были безпрестанные, кесарю кланялись, какъ и прежде. Но княжна успѣвала: съ каждымъ разомъ она казалась и чувствовала себя равнодушнѣе къ знакамъ уваженія, расточаемымъ ея отцу. (А кто это вамъ сказалъ?). Размышленіе и покорность судьбѣ уже не оставляли княжну. Объ руку съ первымъ (съ размышленіемъ-то!) она развивалась духовно и развивалась быстрѣе сверстницъ. Характеръ ея былъ очеркнутъ, испробованъ, почти готовъ (опять догадки фантазіи!) Все это, съ начала до конца, ладила судьба (полно судьба-ли, не ваша ли собственная фантазія?) зная, для чего.» (стр. 80).

Въ другомъ мѣстѣ разсказывая о торжественномъ обрученіи Петра III съ Катериною Долгоруковою, авторъ заставляетъ Головкину «задумываться передъ своимъ трюмо о судьбѣ первой невѣсты императора, также торжественно обрученной, принимавшей тѣ же поздравленія, слышавшей имя свое возносимымъ на эктенью, вмѣстѣ съ

императорскимъ.» «Подъ вліяніемъ подобныхъ размышленій, продолжаетъ авторъ, забывъ, что это его размышленія, а не размышленія Головкиной,—наша графиня должна была больше чѣмъ равнодушно созерцать великолѣпное убранство лефортовскаго дворца, и этотъ огромный персидскій коверъ, разостланый посреди залы и золотую парчу, облекавшую столъ, и золотыя блюда съ драгоцѣнными, обручальными перстнями и богатый балдахинъ,» и т. д.—слѣдуетъ длинное перечисленіе всѣхъ предметовъ, которые могла видѣть Головкина во дворцѣ, и къ которымъ она, по мнѣнію догадливаго автора, должна была относиться «больше чѣмъ равнодушно.»

Съ такою же точно навизчивостью заставляетъ г. Хмыровъ графиню скорбѣть и сожалѣть о бироновскихъ казняхъ, возмущаться его насиліемъ, негодовать на его деспотизмъ. Онъ съ полною увѣренностью утверждаетъ, что «Екатеринѣ Ивановнѣ (Головкиной), присутствовавшей на какомъ нибудь блистательномъ праздникѣ, *вдругъ и нерѣдко* (даже нерѣдко!) вспадали на мысль сцены, которыя происходили тогда въ тайной канцеляріи. И при такихъ воспоминаніяхъ, любящее и сострадательное сердце доброй графини надрывалось, расположеніе духа ея становилось далеко не праздничнымъ, не смотря на то, что графиня жила въ эпоху, когда и пытки и казни были дѣломъ весьма обыкновеннымъ.» (Стр. 169).

Приписывая своей героинѣ самыя лучшія и прекрасныя мысли, г. Хмыровъ желаетъ, чтобы она и одѣвалась-то всегда въ самыя лучшія и прекрасныя платья, а такъ какъ все что онъ желаетъ—должно непремѣнно существовать въ дѣйствительности, то онъ не затрудняясь утверждаетъ, что «наряды графини плѣнительно удовлетворяли всѣмъ требованіямъ тогдашней послѣдней моды, и нравились до зависти всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ Екатерины Ивановны». (стр. 117).

Утвержденіе это онъ основываетъ на томъ соображеніи, что графиня была заграницею и потому должна была изъ за моря привезти роскошныя платья. Можетъ быть, это соображеніе и было бы правдоподобно, еслибы было доказано, что графиня дѣйствительно ѣздила съ мужемъ за границу; но это послѣднее обстоятельство, по признанію самого же Хмырова, не подтверждается никакими положительными данными, «Мы, говоритъ онъ на стр. 109, не имѣ-

емъ никакихъ положительныхъ извѣстій, чтобы графиня сопутствовала мужу за границу?»

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для охарактеризированія оригинальнаго метода г. Хмырова писать историческія біографіи. Дальнѣйшими выписками мы не станемъ утомлять читателей. Нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, замѣтятъ намъ, что метода г. Хмырова не безусловно неудовлетворительна, такъ какъ для полнаго, художественнаго воспроизведенія исторической личности—одних историческихъ фактовъ еще недостаточно,—необходима нѣкоторая помощь со стороны творческой фантазіи. Это совершенно справедливо. Но все-таки участіе творческой фантазіи въ исторической біографіи должно быть весьма ограничено. Во-первыхъ эта фантазія должна имѣть подъ собою хотя какое нибудь реальное основаніе, какой нибудь raison d'être. Во-вторыхъ, она должна ограничиться только деталями, подробностями въ отдѣлкѣ характера, притомъ, она должна стараться, чтобы эти детали вполнѣ соотвѣтствовали общему характеру личности, какъ онъ проявляется въ исторически-доказанныхъ фактахъ. Г. Хмыровъ, навязывая графинѣ извѣстныя мысли, чувства и побужденія, нисколько не сообразуется съ общимъ характеромъ ея дѣятельности, такъ какъ объ этой дѣятельности не сохранилось ни малѣйшихъ историческихъ свѣденій. И не мудрено. Графиня, равно какъ и мужъ ея, почти до самой финальной катастрофы, приключившейся съ ними, не играли никакой политической роли. Головкинъ, при жизни Петра, жилъ вдали отъ русскаго двора—въ Берлинѣ. По смерти его вызванный въ Петербургъ, онъ, хотя и вертѣлся въ кругу придворныхъ, но по ничтожности своихъ дарованій и незначительности своего чина, не обращалъ на себя ничьего вниманія. Меньшиковъ, въ то время полновластный правитель Россіи, не любившій церемониться ни съ кѣмъ, кто по своему вліянію могъ вступить съ нимъ въ нѣкоторое соперничество, такъ мало опасался Головкина, что даже ввелъ его въ интимный кружокъ императрицы, сдѣлавъ камергеромъ. Когда палъ Меньшиковъ и мѣсто его заняли Долгоруковы—то и отъ этой правительственной перемѣны положеніе Головкина нисколько не измѣнилось. Новые временщики относились къ нему съ тою же пренебрежительною благосклонностью, какъ и старые. Этотъ фактъ лучше всего свидѣтельствуетъ о неважности значенія Головкиныхъ.

Только вступленіе на престолъ Анны Ивановны на время выдвинуло ихъ впередъ, и то совершенно не по ихъ винѣ. Анна Ивановна приходилась племянницею матери графини Головкиной, а ей двоюродною сестрой. Нѣтъ ни одного факта, изъ котораго можно бы было заключить, что выборъ на престолъ Анны Ивановны совершился по происканъ, интригамъ или даже при содѣйствіи ея родственниковъ. Они даже ничего не знали и не подозрѣвали о замыслахъ Верховнаго совѣта. Отецъ Головкина, государственный канцлеръ, вмѣстѣ съ верховниками подписалъ знаменитыя «кондиціи», посланныя ново-избранной императрицѣ. При этомъ Головкины, въ душѣ крайне недовольные этими *кондиціями*, ограничивавшими власть ихъ родственницы, въ пользу Долгорукихъ, Голицыныхъ и др., не осмѣливались явно выказывать своего неудовольствія, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Черкасскій, собравшій вокругъ себя кружекъ протестовавшихъ противъ посягательствъ верховниковъ. Хотя г. Хмыровъ и дѣлаетъ предположеніе, что будто около этого времени Головкина сблизилась съ Марьей Юрьевной Черкасской, однако онъ самъ сейчасъ же спѣшитъ сдѣлать оговорку, въ которой какъ бы старается оправдать ее за такой пассажъ: «мы вовсе, говоритъ онъ, не приписываемъ скромной и добродушной графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ ни умѣнья организовать партіи, ни охоты заниматься этимъ» (стр. 153). Такимъ образомъ, онъ самъ сознается, что графиня была рѣшительно неспособна ни къ какой политической роли.

Особенно ярко выказали она и мужъ ея эту неспособность во время правленія ихъ родственницы. Не смотря на свое близкое родство съ царствующимъ домомъ, они не имѣли никакого значенія при дворѣ; какъ незавидна была ихъ придворная роль,—это можно видѣть изъ того, что они рѣдко даже и ѣздили во дворецъ. Со смертью же отца Головкина эти выѣзды почти совсѣмъ прекратились. «Графъ Михаилъ Гавриловичъ (мужъ Головкиной), по всей вѣроятности, попускаемый графомъ Гавріломъ Ивановичемъ (его отцемъ) къ игранію роли и, конечно, уступавшій желаніямъ родителя (какое трогательное, сыновнее послушаніе), съ кончиною послѣдняго удалился отъ всѣхъ дворцовыхъ интригъ, не интересовался ничѣмъ подобнымъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, не искалъ никакихъ почестей. Но такъ какъ мало энергическій Ми-

хаилъ Гавриловичъ обладалъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя безъ особаго труда отдаются въ постороннее обладаніе, то, быть можетъ, въ постепенномъ настроеніи его къ понятіямъ и вкусамъ, ему усвоившимся, принимала немалое участіе и жена его графиня Екатерина Ивановна.» (стр. 170—171).

Изъ этой выписки читатель можетъ вывести два заключенія: во-первыхъ, что мужъ Головкиной былъ человѣкъ не энергичный, вялый, безотвѣтный, что онъ не интересовался общественными дѣлами и не желалъ принимать въ нихъ ни малѣйшаго участія; во-вторыхъ, что отчужденію его отъ общественныхъ дѣлъ въ особенности способствовала жена его, которая всѣми силами старалась сдѣлать изъ мужа своего исключительно домашнее животное. Это предположеніе вполнѣ подтверждаетъ г. Хмыровъ, хотя онъ и считаетъ необходимымъизвиниться передъ «сенаторомъ, директоромъ монетной канцеляріи и андревскимъ кавалеромъ» за то, что осмѣливается приписать вліянію его жены «начальную причину той спокойной и счастливой жизни, которая—увы! не надолго—предстояла теперь обоимъ супругамъ» (стр. 171).

Что же могло разрушить эту «спокойную и счастливую жизнь», повидимому, такъ мирно протекавшую, рядомъ съ бурною жизнію двора? Политика—все та же несчастная политика, отъ которой благонравные супруги тщетно старались укрыться подъ кровъ семейныхъ добродѣтелей.

Регентство Бирона вызвало противъ себя неудержимую реакцію старо русской партіи, и въ особенности партіи нѣмецко-придворной, во главѣ которой стояли Остерманъ и фельдмаршалъ Минихъ. Результатомъ этой реакціи явился дворцовый переворотъ въ ночь на 9 ноября. Бironъ свергнутъ,—на престолъ возведена Анна Леопольдовна, племянница графини Головкиной. Анна Леопольдовна, по своему характеру, повидимому, очень походила на свою тетушку; апатичная, лѣнивая, склонная къ семейной жизни и нѣмецкой идилліи и совершенно неспособная принимать активное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, она не могла долго продержаться на той высотѣ, на которую взвели ее слѣпой случай и интриги нѣсколькихъ не особенно дальновидныхъ политиковъ. Со вступленіемъ ея на престолъ отшельническая жизнь Головкиныхъ должна была кончиться. Совершенное ничтожество и бездарность Головкина, съ одной сто-

роны, съ другой—его пассивная (и безгласная, надо прибавить) оппозиція Бирону въ послѣднее время его регентства, обратили на него вниманіе приближенныхъ новой правительницы. Такъ какъ онъ стоялъ внѣ всякихъ придворныхъ партій, то каждая придворная партія готова была скорѣе предоставить ему нѣкоторую власть, нежели кому либо изъ своихъ опонентовъ. Вслѣдствіе этого, на другой же день, по низложеніи Бирона, Головкинъ пожалованъ былъ вице-канцлеромъ и сдѣланъ кабинетъ-министромъ. Впрочемъ этому быстрому возвышенію, Головкинъ былъ, разумѣется, отчасти обязанъ близкому родству жены своей съ императрицей. Это родство открыло снова Головкинымъ входъ въ Зимній дворецъ и сходство ихъ характеровъ съ характеромъ Анны Леопольдовны сблизило ихъ съ нею въ тѣсный, семейный кружокъ, изъ котораго строго на строго изгнаны были всякіе разговоры о политикѣ.

Но въ то время, когда правительница благодушествовала въ кружкѣ близкихъ къ себѣ людей, въ Петербургѣ уже образовалась сильная партія, руководимая французскимъ посломъ Шетарди, — и поставившая себѣ задачею, посредствомъ новаго переворота, вырвать власть изъ слабыхъ рукъ неспособной правительницы. Сторонники Анны Леопольдовны, развѣдавъ объ интригахъ Шетарди, употребляли всѣ усилія, чтобы заставить, наконецъ, царицу выйдти изъ ея безмятежнаго равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, и начать дѣйствовать. Но ихъ увѣщанія, совѣты и угрозы оставались безъ послѣдствій; тогда самые способные и энергичные изъ нихъ нашли, что для нихъ самое лучшее оставить безпечную правительницу на произволъ слѣпаго случая, и присоединиться къ партіи Лестока и Шетарди.

Головкины же, какъ и слѣдовало ожидать, не могли покинуть кружка правительницы. «Прямодушный Михаилъ Гаврилловичъ, говоритъ г. Хмыровъ, съ немногими преданными правительницѣ людьми, не захотѣлъ отдѣлять судьбы своей отъ судьбы благодѣтельствовавшей ему Анны Леопольдовны» (стр. 201).

Такая преданность съ его стороны, была, быть можетъ, весьма благородна; но къ несчастію совершенно безполезна для Анны Леопольдовны. Если бы Головкины, увлекаемые преданностью, дѣлали хоть что нибудь для спасенія своей «благодѣтельницы», какъ выражается г. Хмыровъ, тогда, конечно, ихъ поддержка для нея

была бы не безполезна; но они не дѣлали ровно ничего; и, такимъ образомъ, косвенно способствуя паденію Анны Леопольдовны, они вмѣстѣ съ нею утопили и себя.

Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 года, въ то время, какъ добродѣтельные супруги Головкины мирно праздновали день именинъ графини, Елизавета Петровна провозглашена была императрицею. Послѣ этого послѣдовалъ арестъ Анны Леопольдовны и всѣхъ ея ближайшихъ сторонниковъ—въ томъ числѣ, разумѣется, и Головкина.

«Въ то время, какъ Екатерина Ивановна,—повѣствуетъ г. Хмыровъ,—сидя подлѣ страдающаго мужа (отъ несовсѣмъ трезвой жизни у него была подагра), успокоивала, какъ могла, мрачныя предчувствія графа,—въ это время, среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покояхъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ со стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшихъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ компатѣ супруговъ. Предчувствія графа слишкомъ сбылись. Передъ нимъ стояли 25 преображенскихъ гренадеровъ, и начальникъ этого отряда именемъ *императрицы* Елизаветы Петровны объявлялъ графу арестъ и высочайшее повелѣніе слѣдовать за нимъ.» (стр. 203).

Послѣ этого неожиданнаго ареста, не трудно было предвидѣть, что могло послѣдовать. Графъ, вмѣстѣ съ прочими приверженцами павшей правительницы, былъ преданъ суду особой коммисіи, и менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца судьба его была рѣшена. По приговору суда, прочтенному ему 18 января 1742 г. всенародно на площади, графъ Михаилъ Головкинъ осуждался, за участіе въ сочиненіи проэкта объ удаленіи Елизаветы Петровны отъ престола, на вѣчную ссылку въ Сибирскія страны.

Этимъ и кончилась политическая карьера ничѣмъ незамѣчательной четы. Графиня, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовала за мужемъ въ ссылку. Могло ли иначе и быть? Неужели она, при ея крайне развитой наклонности къ домашней жизни, могла бросить человѣка, съ которымъ ее соединяла двадцати-лѣтняя привычка и котораго, по ея понятіямъ, никакія человѣческія силы не должны были и не могли разлучить съ нею?

Между тѣмъ этотъ естественный и единственно для нея возможный образъ дѣйствій г. Хмыровъ возводитъ въ какой-то сверхъ-

естественный подвигъ, къ которому судьба ее приготовляла съ семнадцати-лѣтняго возраста и даже еще раньше (см. стр. 73 и 81). И вотъ этотъ-то мнимый подвигъ и заставилъ его выбрать именно личность Головкиной для своего біографическаго очерка. Изъ всего, что здѣсь было сказано, совершенно несомнѣнно слѣдуетъ, что графиня Головкина не играла, не умѣла и даже не желала играть никакой роли на той бурной политической аренѣ, на которую случайно выдвинули ее независящія отъ нея, обстоятельства; что она постоянно побуждала и мужа своего къ тому же политическому и общественному индеферентизму, и что слѣдовательно жизнь этой добронравной четы—жизнь, чисто индивидуальная, домашняя,—не можетъ имѣть ни малѣйшаго историческаго интереса и имя Головкиныхъ, безо всякаго зазрѣнія совѣсти, можетъ быть забыто любымъ историкомъ. Послѣ этого мы снова спрашиваемъ себя: какія же соображенія побудили г. Хмырова сдѣлать графиню героинею своей фантастической (кажется, мы привели выше достаточно выписокъ для доказательства этой фантастичности) біографіи?

И теперь намъ легко уже отвѣтить на этотъ вопросъ: по мнѣнію г. Хмырова, раздѣляемому и г. Звонаревымъ, біографія Головкиной даетъ полезный урокъ замужнимъ женщинамъ, смыслъ котораго состоитъ въ слѣдующемъ: женщины, будьте добродѣтельны т. е. не мѣшайтесь сами и мужьямъ своимъ не позволяйте мѣшаться ни въ какія дѣла, выходящія изъ сферы чисто домашнихъ отношеній, а въ случаѣ, если мужей вашихъ постигнетъ неожиданное несчастіе и они будутъ сосланы въ Сибирь, то вы, подобно графинѣ Головкиной, слѣдуйте за ними въ Сибирь.

Вотъ вамъ и вся мораль. И стоило вамъ для этого рыться въ архивахъ, г. Хмыровъ, и стоило-ли вамъ для этаго тратиться, г. Звонаревъ? Но дѣло уже сдѣлано, и теперь замужнимъ женщинамъ и ихъ мужьямъ остается только поблагодарить добродѣтельнаго автора и не менѣе добродѣтельнаго издателя за ихъ добродѣтельные совѣты. Въ особенности должны быть благодарны мужья.

Отъ с.-петербургскихъ моралистовъ и издателей, обратимся къ московскимъ.

Г. Шамовъ издалъ двѣ книги, на которыя мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Первая книга, на которую мы укажемъ — это книга Фребеля «Путешествіе по Америкѣ». Хотя наблюденія автора относятся къ пятидесятымъ годамъ, тѣмъ не менѣе они и теперь читаются съ большимъ удовольствіемъ и могутъ дать весьма живое понятіе о тѣхъ предметахъ, которые описываетъ авторъ. Большая часть книги занята описаніемъ природы, но нельзя сказать, чтобы это была наиболѣе интересная часть. Гораздо интереснѣе тѣ главы, въ которыхъ авторъ останавливается на нравахъ, политическихъ и религіозныхъ мнѣніяхъ американцевъ, въ особенности туземныхъ народцевъ. Наблюденія автора носятъ на себѣ характеръ путевыхъ замѣтокъ и потому не отличаются систематическою связностью и послѣдовательностью. За то субъективныя ощущенія автора отражаются въ нихъ весьма рельефно. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну настоящей книгѣ: она можетъ служить не только для характеристики природы и жителей Америки, но и міросозерцанія самого автора. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ вниманіе на III книгу Путешествія «Американская политика и соціализмъ», а также на I книгу и нѣкоторыя главы IV. Авторъ относился къ общественной и политической жизни Америки не просто только, какъ наблюдатель, онъ самъ принималъ въ ней участіе и завѣдывалъ даже редакціею политическихъ газетъ, именно одной нѣмецкой газеты, которая принадлежала къ такъ называемой вигской, республиканской, а впослѣдствіи, демократической партіи. Авторъ раздѣляетъ вообще всѣ политическія партіи и движенія сѣверной Америки на двѣ рѣзко отличающіеся другъ отъ друга категоріи. Къ первой принадлежатъ партіи, представляющія собою, такъ сказать, правительственную тенденцію; онѣ явились въ первый періодъ подъ именемъ тори, но послѣ войны за независимость, усвоили себѣ названіе федералистовъ, потомъ виговъ, потомъ республиканцевъ. Но народная тенденція въ политикѣ Соединенныхъ штатовъ, тенденція, въ которой самымъ яркимъ образомъ проявляется характеръ американской жизни, говоритъ авторъ, это индивидуализмъ и частная политика, образованіе и неограниченность

индивидуума и слѣдствія, выразившіяся въ существованіи скваттера и флибустьера, — эта тенденція имѣетъ представителемъ своимъ партію, которая въ эпоху отдѣленія отъ метрополіи, называлась вигами, потомъ антифедералистами, позднѣе республиканцами и наконецъ усвоила себѣ названіе демократической, подъ которымъ и доселѣ еще извѣстна» (стр. 216).

Участіе автора въ германо-американской прессѣ и его обширныя и разнообразныя связи съ различными, болѣе или менѣе замѣчательными представителями политическихъ партій, дали ему возможность ознакомиться съ многими, въ высшей степени характеристическими явленіями американской жизни. Однимъ изъ такихъ характеристическихъ явленій, рѣзко отличающихъ американское общество отъ европейскаго, заключается въ томъ высоко развитомъ интересѣ къ общественной жизни и общественному благу, который тамъ весьма живо чувствуется даже людьми, повидимому, вдалекѣ стоящими отъ умственной аристократіи. И это сочувствіе выражается тамъ не въ отвлеченныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, а въ непосредственной практической дѣятельности.

Секты составляютъ весьма замѣчательную, характеристическую черту американской жизни, нѣкоторыя изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе своеобразною оригинальностью своихъ принциповъ. Вотъ, что напримѣръ разсказываетъ объ одной изъ такихъ сектъ или кружковъ нашъ авторъ. «Меня представили, говоритъ онъ (стр. 243), «небольшому кружку людей (это было въ Нью-Іоркѣ), отличныхъ во многихъ отношеніяхъ и дѣйствительно интересовавшихся всѣмъ прекраснымъ и благороднымъ. Въ числѣ членовъ этого кружка было нѣсколько женщинъ, чувствовавшихъ рѣшительное призваніе къ наукѣ, литературѣ, искусствамъ. Центромъ этого кружка было семейство, стремившееся къ общественнымъ реформамъ. Мужъ и жена письменно распространяли свои идеи и образовали родъ школы для молодыхъ людей обоего пола, которымъ преподавали нравственную философію и всѣ науки, необходимыя въ хорошемъ воспитаніи. Молодая дочь упомянутыхъ супруговъ изучала живопись. Индивидуальная свобода въ той формѣ, какую придало ей истолкованіе Андрьюса, составляла символъ политическаго и общественнаго принципа, управлявшаго жизнію этого кружка и поддерживавшаго его на уровнѣ высокаго

вкуса (?), несмотря на множество странностей, какія можно встрѣтить только въ Америкѣ. Главнымъ центральнымъ пунктомъ системы было личное самоуправленіе. Но чтобы при такой системѣ могло образовать гармоническое, благовоспитанное общество, для этого необходимо, чтобы особы, его составляющія, были благородны и прекрасны. Фактъ, что большинство людей не удовлетворяетъ этому необходимому условію, ибо не имѣетъ качествъ, потребныхъ для образованія гармоническаго общества, долженъ быть приписанъ физической немощи нынѣшняго поколѣнія, немощи, происходящей отъ породной діэтетики. Вотъ исходная точка всѣхъ улучшеній человѣческаго рода. Всякая попытка реформы должна прежде всего обратиться на способъ питанія. Стало быть, мои американцы были реформаторами здоровья и съ этою цѣлью слѣдовали строгому растительному режиму. Мясо, спиртные и наркотическіе напитки, табакъ, пряности, лекарства, въ какой бы то ни было болѣзни,— все это было изгнано упомянутыми американцами, ожидавшими отъ своего невиннаго режима громадныхъ и рѣшительныхъ результатовъ. Однажды, въ разговорѣ о живописцѣ, одна дама изъ упомянутаго круга расхваливала дарованіе одного художника, но, прибавила она, «жаль, что въ его композиціи слышится вліяніе табачнаго дыма». Изъ надеждъ, связанныхъ съ реформою діэтетики, самая странная состояла въ томъ, что будто бы, вслѣдствіе воздержанія отъ говядины, изчезаетъ всякая склонность къ увлеченію, всякаяамбиція(?), ревность, распри, однимъ словомъ, всѣ пороки. Сильному и гордому духу плотоядныхъ англосаксонцевъ, эти реформаторы противупоставляли, какъ идеалъ, кротость нравовъ и терпѣніе индѣйцевъ, питающихся рисомъ. Недовольный самимъ собою американизмъ приближается здѣсь къ своей субъективной антитезѣ» (стр. 244, 245).

Эти странныя доктрины проповѣдывались не въ теоретическихъ трактатахъ, а проводились въ практической жизни. «Легумисты»— такъ называются эти реформаторы,—основали особую коллонію или общину, въ которой строго соблюдались ихъ діэтетическіе принципы. Вотъ какъ описываетъ Фробель посѣщеніе этой общины. «Она занимала обширный домъ, въ которомъ могла бы помѣститься гидропатическая лечебница и въ то же время классная для преподаванія знаній, необходимыхъ для спасенія души и тѣла, мѣрами индивидуалистовъ и общественной гармоніи. Домъ расположенъ былъ

на вершинѣ холма и господствовалъ надъ пейзажемъ, усѣяннымъ жилищами, полями, лугами и лѣсами. Я принялъ предложеніе провести здѣсь нѣсколько дней. Теплый весенній вѣтерокъ побудилъ меня оставить зимнее платье, однакоже во время путешествія застигъ меня сильный холодный вѣтеръ, и вскорѣ я сталъ дрожать отъ холода. Тѣмъ не менѣе, я храбро переносилъ эту непріятность и сталъ баюкать себя пріятною мечтою найти по прибытіи яркій огонь въ каминѣ и добрый обѣдъ. Но увы, грезы мои не сбылись! Вслѣдствіе разъ навсегда принятаго правила, которому мои друзья строго слѣдовали, всѣ двери и окна были въ домѣ открыты. Холодный воздухъ проникалъ до костей и охватывалъ душу. Въ этомъ заключалась вся цѣль, ибо душа также имѣетъ надобность освѣжиться и очиститься отъ зловреднаго вліянія городской жизни. Раздался звонокъ къ обѣду. Не могу сказать, чтобы блюда были неразнообразны: супъ изъ муки, супъ изъ крупы, вареный рисъ, маисъ, лактукъ, пудинги и проч., все безъ приправъ, на naturel. Блюда подавались частью теплыя, частью холодныя и представляли такое разнообразіе, что я могъ бы удовольствоваться, если бы мой органъ вкуса уже не былъ испорченъ привычкою къ различной пищѣ. Я могъ убѣдиться въ героизмѣ, необходимомъ для того, чтобы не отказаться отъ приложенія этой реформы и удивленіе, возбужденное во мнѣ моими друзьями превратилось въ уваженіе, когда я узналъ ихъ настойчивость. Послѣ обѣда мы опять пользовались свѣжимъ воздухомъ; болѣе чистаго я не находилъ даже на вершинѣ Альповъ. Ужинъ былъ разумѣется проще обѣда, но также строго состоялъ изъ растительной пищи. На другой день мой завтракъ состоялъ изъ холодной воды съ примѣсью молока и привелъ меня въ совершенно идиллическое настроеніе духа. Я чувствовалъ, какъ во мнѣ разливается благоуханіе невинности; ведя такую жизнь хотя нѣсколько мѣсяцевъ, можно быть увѣреннымъ, что достигнешь полнаго возрожденія. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что не имѣю такой силы воли, чтобы отказаться отъ своихъ дурныхъ наклонностей, и на третій день я уже летѣлъ въ Нью-Іоркъ. Я зашелъ въ первую попавшуюся ресторацію, съѣлъ два бифштекса, выпилъ бутылку вина, закурилъ провосходную регалію и только тогда почувствовалъ себя въ обычномъ расположеніи духа, быть можетъ, порочномъ, но

тѣмъ не менѣе дорогомъ для меня» (стр. 248—9). Черезъ недѣлю послѣ этого, Фробель посѣтилъ другую колонію, основанную индивидуалистами Іосіемъ Ворреномъ и Стивнъ Пирль Андрьюсомъ, въ Лонгъ-Айлэндѣ. Колонія эта называлась Modern Times.

При Фробелѣ она только что основывалась, и потому о ея дальнѣйшей судьбѣ ему ничего неизвѣстно. Не лишнее здѣсь замѣтить, что община образовалась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. «Для водворенія своихъ прозелитовъ, говоритъ Фробель, «Варренъ и Андрьюсъ выбрали самую скверную страну, съ цѣлью доказать, что и подобная мѣстность можетъ быть превращена въ садъ трудами общества, которое управляется ихъ началами. Колонисты, повидимому, были одарены невысокими умственными способностями и никогда не могли похвастаться, особенно здѣсь, благосклонностью фортуны, большая часть изъ нихъ сами строили себѣ жилища» (стр. 249).

Во время пребыванія Фробеля въ Америкѣ шли тамъ жаркія пренія о стучащихъ духахъ и вертящихся столахъ. *Духомані́я* овладѣла рѣшительно всѣми умами; въ существованіи этихъ невидимыхъ, но тѣмъ не менѣе, *вещественныхъ* духовъ, вѣрили самые невѣрующіе люди, вѣрили съ какимъ-то слѣпымъ, дѣтскимъ энтузіазмомъ. Повидимому, оригинальныя доктрины духовидцовъ были не болѣе, не менѣе, какъ продуктомъ отвлеченнаго мистицизма, не имѣющаго ничего общаго съ соціальнымъ вопросомъ; повидимому это была шарлатанская уловка недобросовѣстныхъ фокусниковъ, эксплуатировавшихъ глупость невѣждъ. И дѣйствительно, такой характеръ и смыслъ имѣли эти доктрины у насъ, въ старомъ свѣтѣ, гдѣ они, благодаря братьямъ Девенпортъ и многимъ другимъ шарлатанамъ, приняли видъ глупаго и даже нисколько не остроумнаго паясничества. Но въ Америкѣ на нихъ смотрѣли серьезнѣе,—тамъ они имѣли соціальный характеръ. Недовольство окружающею жизнею, постоянно неудающіеся попытки соціальныхъ реформъ, разочарованіе въ собственныхъ силахъ, заставили реформаторовъ обратиться къ помощи силъ сверхъестественныхъ. Когда Фробель спросилъ одного изъ такихъ духомановъ, «какъ возможно, чтобы столь разсудительные и разумные люди, какъ вы и ваши нью іоркскіе друзья могли поддерживать подобныя мнѣнія?»—то духоманъ отвѣчалъ ему слѣдующее: «если бы я не былъ убѣжденъ, что міръ долженъ

совершенствоваться, и если бы я не надѣялся видѣть это совершенствованіе при настоящемъ положеніи дѣлъ, то нынѣ же прекратилъ бы свое существованіе. Полное возрожденіе человѣческой природы, достигнуть котораго можно только посредствомъ діэтетическихъ реформъ, стало теперь необходимо. Намъ надобенъ различный климатъ, который бы создали сами люди. Для достиженія этого, надобенъ свѣтъ, который могутъ доставить намъ одни только духи. Чтобы предпринять этотъ гигантскій трудъ, долженствующій избавить человѣчество отъ невзгодъ, стѣсняющихъ его свободу, намъ нужна безвозмездная сила, и одни духи могутъ намъ доставить ее» (стр. 246).

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XIX вѣка повторяются тѣ е самыя явленія, которыя, повидимому, безвозвратно прошли вмѣстѣ съ средними вѣками. Жгучее недовольство настоящимъ и неудержимое стремленіе къ лучшему, — къ всеобщему счастію, — заставило людей въ средніе вѣка искать философскаго камня, — создало науку *алхимію;* — тѣ же мотивы и теперь, — въ нашъ практическій XIX вѣкъ — загоняютъ людей въ спиритизмъ, и въ ясновидѣніе. Такъ мало матеріаловъ для разумнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ представляло и до сихъ поръ представляетъ практическая дѣйствительность окружающей насъ жизни.

Указывая читателямъ на книгу Фребеля, мы не можемъ скрыть отъ него, что переводъ этой книги сдѣланъ отмѣнно дурно, — въ чемъ онъ, вѣроятно, уже и самъ убѣдился, прочтя вышеприведенныя выписки. Такимъ же отмѣнно плохимъ переводомъ отличается и другое изданіе г. Шамова. — «Сравнительная психологія, или Исторія развитія души на различныхъ ступеняхъ животнаго міра» соч. Каруса.

По мнѣнію Льюса, уже съ Фихте становится несомнѣннымъ переходъ философіи отъ антологіи къ психологіи. Въ этомъ случаѣ новая фило-

софія повторила циклъ развитія философіи древне-греческой. Какъ тамъ догматическая космологія іонійской, пиѳагорейской, элеотской и другихъ школъ разрѣшилась въ ученіяхъ софистовъ, сдѣлавшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій не объективную природу внѣшняго міра, а субъективную природу человѣка,—такъ точно и здѣсь, грандіозныя космологическія системы Декарта, Спинозы, Лейбница и др. разрѣшились трудами философовъ XVIII ст., постановившихъ себѣ задачею *изслѣдованія человѣка и его познавательныхъ способностей.* Это психологическое направленіе философіи можно считать, до нѣкоторой степени, весьма утѣшительнымъ. Утѣшительно оно въ томъ отношеніи, что волею-неволею заставляетъ философовъ измѣнить свой прежній, безплодный методъ изслѣдованія. Вмѣсто прежняго апріористическаго фантазированія является методъ наблюденія и анализа, безъ котораго немыслимы никакія психологическія изслѣдованія. Первоначально эти наблюденія имѣли чисто субъективный характеръ, и потому были произвольны и, какъ все произвольное,—не чужды нѣкоторой фантастичности. Вслѣдствіе этого самая психологія носила на себѣ сильный отпечатокъ догматической метафизики. Однако отъ чистаго субъективизма былъ только одинъ шагъ къ объективизму; отъ наблюденій надъ психологическимъ міромъ животныхъ, а отсюда, отъ произвольнаго субъективнаго метода старыхъ психологовъ, къ тому, болѣе плодотворному методу, который выработали естественныя науки, переходъ былъ весьма естественъ и логиченъ.

Этому переходу до нѣкоторой степени способствовалъ нѣмецкій психологъ, естествоиспытатель и отчасти метафизикъ Карусъ своею «Сравнительною физіологіею» Карусъ—отчаянѣйшій схематикъ и по общему настроенію своихъ мыслей неисправимый метафизикъ. По его мнѣнію, всякая психологическая жизнь въ ея постепенномъ ходѣ отъ просто безсознательнаго состоянія къ сознательному *чувствованію*, и потомъ отъ *познанія* міра до познанія себя самого, постоянно должна идти впередъ въ большомъ кругѣ живого міра двоякимъ образомъ: во первыхъ, въ одномъ и томъ же организмѣ отъ крайняго безсознательнаго состоянія до высшаго самосознанія (въ человѣкѣ), а во вторыхъ, въ *безконечно различныхъ организмахъ*, гдѣ она начинается всегда безсознательно, но потомъ различнымъ обра-

вомъ заканчивается не доходя однако никогда до полнаго сознанія самого себя. (Въ царствѣ животныхъ)». стр, 6, 7).

Признавая, такимъ образомъ, постепенность развитія души въ человѣкѣ и постепенность развитія души во всемъ животномъ царствѣ вообще, Карусъ естественно долженъ былъ придти къ мысли о «Сравнительной психологіи» — о «психологіи животныхъ, основанной на наблюденіяхъ надъ ихъ психическою жизнью. Слѣдовательно, абстрактная, метафизическая точка зрѣнія привела Каруса на то самое поле изслѣдованій, гдѣ въ настоящее время, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, подвизаются Альфредъ Бремъ, Вудъ, и др. изслѣдователи жизни животныхъ. Фактъ этотъ весьма замѣчателенъ и можетъ служить какъ бы *знаменіемъ* научнаго направленія нашего вѣка. Метафизика ищетъ опоры въ естествознаніи; метафизика начинаетъ сознавать свое безсиліе въ сферѣ абстракцій, и спѣшитъ заручиться такими гипотезами, которыя вывели бы ихъ изъ душной области схоластики, въ свѣтлую и широкую область *опыта, естествознанія*. Пусть ихъ гипотезы, сами по себѣ будутъ ложны, невѣрны, нелѣпы, во всякомъ случаѣ онѣ наводятъ ихъ на такія изслѣдованія и наблюденія, которыя не пропадутъ безслѣдно для общаго прогресса человѣческихъ знаній. Съ этой точки зрѣнія и сравнительная психологія Каруса, вещь не совсѣмъ безполезная. Рядомъ съ метафизическою схоластикою, читатель найдетъ здѣсь много весьма интересныхъ данныхъ, относящихся до психологической жизни животныхъ. Правда, съ изданіемъ «Жизни животныхъ» Брема, и прекраснаго сочиненія Вуда о постройкахъ животныхъ, необходимость для русской публики въ знакомствѣ съ книгою Каруса можетъ быть подвергнута весьма серьезнымъ сомнѣніямъ: но такъ какъ дѣло уже сдѣлано, то теперь ничего болѣе не остается, какъ только пожалѣть, что выборъ издателя остановился именно на Карусѣ, и что переводъ этой книги исполненъ далеко не удовлетворительно. Для примѣра возьмемъ на выдержку, хоть слѣдующую фразу, на стр. 5. «Если мы теперь перейдемъ къ дальнѣйшей исторіи развитія души, то найдемъ, что точно также, какъ изъ первичной клѣточки, вслѣдствіе безконечнаго повторенія клѣточекъ, развивается животный и человѣческій организмъ, и какъ въ каждой изъ этихъ клѣточекъ, размножившихся посредствомъ дѣленія и повторенія, лежитъ, какъ предварительное условіе идеи,

такъ вслѣдствіе *этого матеріальнаго воспроизведенія* необходимо увеличивается и совершенство всей *идеальной стороны организма;* и какъ энергія силы тяготѣнія въ водяныхъ капляхъ всегда тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе скопляется элементарной водяной массы, такъ точно увеличивается необходимо и энергія или лучше сказать *энтелехія* того, что прежде обусловливало какъ идеальный, жизненный центръ, только бытіе первичной клѣточки и дѣлается *тѣмъ*, что само по себѣ хотя *не матеріальное* и не подлежитъ *чувственному познанію*, но все таки бываетъ въ своихъ разнообразнѣйшихъ и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ конечно и *способно по отраженію только своего собственнаго существа* и что называется *сознательною душою*».

Какова фраза! Въ подлинникѣ она занимаетъ 19 строкъ, почти страницу.

Что же вы поняли изъ этой кучи словъ, тянущихся безъ перерыва на цѣлую страницу? Видимо, что переводчикъ самъ не понималъ того, что переводилъ: въ противномъ случаѣ, онъ вѣроятно, постарался бы передать мысль автора съ большею ясностью и удовлетворительностью.

Карусъ, своею «Сравнительною психологіею» показалъ, что теперь отъ метафизики до естественныхъ наукъ—одинъ только шагъ, потому съ нашей стороны не будетъ чрезмѣрнымъ скачкомъ, если мы отъ его книги непосредственно перейдемъ къ «Физіологіи человѣка» сочиненію извѣстнаго уже русской публикѣ Вильяма Дрэпера, изданному г. Луканинымъ. При появленіи этого сочиненія въ Америкѣ, всѣ спеціальные американскіе журналы дали о немъ лестные отзывы, какъ о сочиненіи въ высшей степени ученомъ, добросовѣстно составленномъ и въ то же время написанномъ весьма популярно, общедоступно. Мы, съ своей стороны, не считаемъ себя достаточно компетентными въ этомъ дѣлѣ, для того чтобы входить въ разборъ научныхъ достоинствъ и недостатковъ этой книги, за одно только мы можемъ смѣло поручиться, именно, что въ ней читатель найдетъ богатый запасъ фактическихъ свѣденій, которыхъ не дастъ ему ни одна изъ переведенныхъ на русскій языкъ физіологій.

«Физіологія человѣка» раздѣляется на двѣ части: статическую и динамическую. Въ первой Дреперъ разсматриваетъ органическія тѣла

въ равновѣсіи, во второй *въ движеніи*, т. е. въ первой изучаетъ физіологическое строеніе организма, во второй развитіе его подъ вліяніемъ окружающей среды. Первая часть соотвѣтствуетъ, по своему содержанію, обыкновеннымъ курсамъ физіологіи, отличаясь отъ нихъ во первыхъ, строго проведеннымъ сравнительнымъ методомъ, во вторыхъ, тѣмъ, что въ ней отводится психической сторонѣ человѣка сравнительно болѣе мѣста, чѣмъ это принято въ другихъ физіологіяхъ.—Во второй, динамической книгѣ (которая еще не вышла въ свѣтъ), авторъ начинаетъ съ того, что устанавливаетъ общіе принципы органическаго развитія, потомъ переходитъ къ изслѣдованію развитія частныхъ органическихъ формъ, и здѣсь не покидая ни на минуту своего сравнительнаго метода. Объяснивъ въ общихъ чертахъ характеръ дѣйствія статическихъ вліяній на развитіе организмовъ вообще и организма растеній въ частности, онъ посвящаетъ особую главу органической клѣточкѣ и ея зарожденію. Затѣмъ отъ простой органической клѣточки авторъ переходитъ къ сложному организму человѣка, — а отъ организма человѣка—къ еще болѣе сложному организму общества—къ сравнительной соціологіи. Эта часть его изслѣдованій принадлежитъ къ самымъ слабымъ частямъ его труда; онъ, впрочемъ, и самъ сознается, что при данномъ уровнѣ нашихъ знаній еще не настало время для научнаго построенія сравнительной соціологіи, и что теперь, слѣдовательно, еще не можетъ быть доказана съ очевидною для всѣхъ убѣдительностью тождественность развитія міра органическаго и міра соціальнаго. По нашему личному мнѣнію подобнаго тождества и нельзя будетъ никогда доказать, такъ какъ законы, управляющіе первымъ, по своему основному характеру, не имѣютъ ничего общаго съ законами, управляющими вторымъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаютъ переводчики, за Дрэперомъ осталась та заслуга, что онъ, не ограничиваясь простымъ статированіемъ отдѣльныхъ фактовъ и явленій міра органическаго, старается привести эти факты въ стройную, логическую систему, освѣтить ихъ свѣтомъ теоріи.—А теорія,—какова бы сама по себѣ она не была, имѣетъ то важное значеніе, что, связывая и обобщая разнородныя и отрывочныя знанія, она придаетъ имъ смыслъ и интересъ, и такимъ образомъ способствуетъ болѣе легкому усвоенію ихъ и запоминанію.

Въ заключеніе нашей хроники, считаемъ нелишнимъ предостеречь читателей относительно одной маленькой книжки, изданной г. Коробовымъ. На ея оберточномъ листкѣ напечатаны такія заманчивыя заглавія, которыя могутъ ввести, пожалуй, публику въ заблужденіе, и многіе изъ одного любопытства рискнутъ заплатить 50 коп., чтобы имѣть счастіе узнать отъ г. Коробова, въ чемъ состоитъ «значеніе естественныхъ наукъ въ дѣлѣ воспитанія» и «ошибка Бокля», почему «человѣчеству полезно говорить однимъ языкомъ»; въ чемъ заключается «сила нравственныхъ законовъ» и «хаосъ».—Смѣемъ завѣрить ихъ, что рискъ ничѣмъ не будетъ вознагражденъ, и что они раскаются въ непроизводительной тратѣ денегъ, такъ какъ самой книжки они не въ состояніи будутъ прочесть. Не въ состояніи же они будутъ ея прочесть не потому, чтобы она была слишкомъ умна и головоломна, или слишкомъ глупа и пошла, не потому чтобы она была слишкомъ скучна—а потому что она представляетъ собою, ни болѣе, ни менѣе, какъ наборъ однихъ только фразъ, безъ всякой между ними связи и даже смысла; объ ней нельзя говорить серьезно но, надъ нею нельзя и смѣяться, такъ какъ по всему видно, что это—произведеніе умственно-больного или, попросту, помѣшаннаго человѣка. Мы просимъ понимать наши слова не въ переносномъ, а въ прямомъ, буквальномъ ихъ значеніи. Въ подтвержденіе ихъ я позволю привести, хоть, слѣдующее мѣсто. На стр. 50, авторъ говоритъ: «Вчера я долго не могъ заснуть и какъ будто бредилъ, бредъ этотъ записалъ и думаю вамъ какъ другу прочитать. Я нынѣ веселъ, радъ, доволенъ, что имѣю съ кѣмъ сказать хоть слово. Повѣрьте мнѣ—нѣтъ хуже страданія, когда не съ кѣмъ раздѣлить свою мысль, идею. Выслушайте. Глухая ночь! Ахъ какъ темно! О ужасъ! Страхъ беретъ! Дрожу я весь, боюся! Что это сновидѣніе, бредъ или мысль (?) Впередъ все мгла! Какъ страшно! Въ темнотѣ какой-то левъ и змѣй сидитъ логично думать запрещаетъ! Вдали черезъ мглу увидѣлъ я фосфорный свѣтъ, — въ немъ (??) слышенъ говоръ, хохотъ, крикъ и визгъ какой-то! Какой развратъ сказать ужасно» и т. д. все въ этомъ родѣ, даже, еще хуже, потому что на слѣдующей страницѣ автору стали грезиться какіе-то кровавыя видѣнія, какой-то человѣкъ «въ крови, съ бородкой длинной, носъ большой, глаза хитры, лукавы», и даже папа «въ какомъ-то странномъ одѣяньи и туфли на ногахъ», и какая-то женщина съ

ребенкомъ и т. п. Трудно предположить, чтобы у здороваго человѣка могъ появиться подобный бредъ, и уже рѣшительно невозможно допустить, чтобы здоровый человѣкъ вздумалъ свой бредъ записывать и предавать тиспенію.

Вотъ до какихъ временъ мы дожили: наша бѣдная литература превращается, мало по малу, въ больницу умалишенныхъ.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Надежда В. Гюго.—Судьба женщинъ, по предсказанію Пельтана.—Андре Лео.—Условія, при которыхъ образовался ея талантъ.—Ея взгляды на приличія общественной жизни.—„Скандальный бракъ“.—Андре Лео, какъ писатель и мыслитель.—Инициатива англійскаго общества въ дѣлѣ народнаго обученія.—Первыя училища въ Америкѣ.—Совмѣстное обученіе обоихъ половъ.—Выгоды этой системы.—Привычка къ самоуправленію.—Равноправность женщинъ.—Обстановка американскихъ училищъ.—Бостонскія публичныя библіотеки.—Смитсонія.—Благотворительныя заведенія.—Дѣтскій пріютъ.—Доходы американскихъ газетъ.—Отношенія прессы къ администраціи.—Отсутствіе строгой тенденціи.—Возгласы западно-европейской прессы по поводу междуусобной войны въ Америкѣ.—Замѣчательный митингъ въ Кентукки.—Реализмъ американца.—Рабочая ассоціація въ Филадельфіи.—Уваженіе янки къ труду и презрѣніе къ праздности.—Американскіе омнибусы.—Демократическій принципъ въ Америкѣ.—„Безпорядокъ“ на желѣзныхъ дорогахъ.—Балъ.—Американскій взглядъ на дуэль.

I.

Въ XX столѣтіи, говоритъ В. Гюго, мы увидимъ необыкновенную націю. Эта нація будетъ великой, что не помѣшаетъ ей быть и свободной. Она будетъ богата, образованна, миролюбива, и доброжелательна къ благосостоянію остальнаго человѣчества... Она будетъ изумляться тому различію, которое мы дѣлаемъ между за-

воевателемъ и мясникомъ. Она пойметъ, что пролитіе человѣческой крови есть самое отвратительное дѣло. Она будетъ разсматривать поле битвы при Садовѣ, какъ мы разсматриваетъ инквизиціонную площадь Севильи».

Миръ и любовь, продолжаетъ В. Гюго, будутъ главными стремленіями этой націи; господство ея надъ другими народами будетъ господствомъ разума и цивилизаціи, о которыхъ въ наше время могутъ мечтать только самые смѣлые и сильные умы. Развивая эту картину дальше, г. Пельтанъ предсказываетъ такую же великую судьбу женщинѣ, которая изъ пассивной роли перейдетъ въ активную и займетъ высшее мѣсто въ цивилизаціи человѣчества. Теперь, говоритъ онъ, мыслящая женщина явленіе рѣдкое, экзотическое, а въ будущемъ ей будетъ принадлежать умственное превосходство и вліяніе какъ въ семействѣ, такъ и въ обществѣ. Чѣмъ свободнѣе и образованнѣе женщина, тѣмъ уровень цивилизаціи выше; чѣмъ болѣе она раба и чѣмъ менѣе умственно развита, тѣмъ ближе нація къ состоянію чистаго варварства. Это лучшій критерій историческаго развитія народовъ».

Если мы станемъ судить по этому критерію о современномъ умственномъ состояніи Франціи, то должны будемъ признаться, что *великій* народъ еще далекъ отъ того идеала, который рисуютъ намъ В. Гюго и г. Пельтанъ. На 18 милліоновъ французскихъ женщинъ мы можемъ насчитать не болѣе трехъ мыслящихъ и десяти извѣстныхъ писательницъ. Эта скромная цифра не даетъ намъ права слишкомъ самонадѣянно смотрѣть на наше величіе, отъ котораго, по мнѣнію В. Гюго, отдѣляетъ насъ только одинъ вѣкъ. Да и въ этой скромной цифрѣ есть имена, о которыхъ мы знаемъ гораздо менѣе, чѣмъ о какой нибудь камеліи, украшающей самымъ блистательнымъ развратомъ парижскіе салоны. Къ числу этихъ забытыхъ именъ мы относимъ замѣчательную личность—Андре Лео. Мы увѣрены, что для многихъ изъ нашихъ читателей это имя совершенно неизвѣстно, а между тѣмъ, по глубинѣ взгляда и силѣ таланта, этотъ писатель можетъ быть поставленъ рядомъ съ такою европейскою извѣстностью, какъ Ж. Сандъ. Поэтому мы и рѣшились удѣлить нѣсколько строкъ въ нашей хроникѣ характеристикѣ Андре Лео.

Въ развитіи этого замѣчательнаго таланта, какъ вообще въ

большинствѣ подобныхъ случаевъ, играла главную роль борьба съ окружающею обстановкою жизни. Семейный гнетъ и рутина были первыми воспитателями Андре Лео. Они прежде всего дали ей почувствовать потребность другой, лучшей сферы, чѣмъ въ какой обращалась самодовольная посредственность, окружавшая ея дѣтство. Какъ натура страстная и сосредоточенная въ себѣ, она скоро отказалась отъ всякаго общества, и предпочитала уединеніе своей сельской долины баламъ провинціальной аристократіи. Родители Андре Лео всѣми силами тащили ее въ такъ называемый *свѣтъ*, а она и день и ночь только и думала о томъ, чтобы бѣжать какъ можно дальше отъ этого *свѣта*. Мать, по своему любившая Андре Лео, серьезно унывала, что дочь ея проводитъ долгіе часы гдѣ нибудь подъ тѣнью дерева или на берегу рѣки, и неохотно является въ кругу знакомыхъ, посѣщавшихъ домъ ея родителей. Имъ казалось страннымъ, что дорога, обросшая по сторонамъ терновникомъ, нравилась ей болѣе, чѣмъ хорошо вымощенная и ярко освѣщенная улица. Удалившись навсегда въ деревню, она желала только одного — быть вполнѣ независимой отъ своихъ нѣжныхъ деспотовъ и завоевать себѣ маленькую самостоятельность мысли и дѣла, которая такъ рѣдко достается на долю современной женщины. Впослѣдствіи Андре Лео, описывая себя въ одной героинѣ своего романа, говоритъ: «еслибъ я съ ранней молодости понимала, какъ необходима свобода для полнаго и стройнаго развитія моего нравственнаго характера, я не взяла бы всѣхъ сокровищъ столицы за тотъ темный уголъ, гдѣ я могла считать себя совершенно независимой отъ всякаго посторонняго вліянія. То, что мы называемъ приличіями общественной жизни, на исполненіе которыхъ уходитъ большая часть времени молодой дѣвушки, — есть ничто иное, какъ постепенное и благовидное обращеніе человѣка въ ручное и домашнее животное. Изъ маленькой кокетки готовится будущая раба своего семейства и общества; изъ великосвѣтской львицы современемъ образуется жалкая ханжа и почти всегда дурная мать своихъ дѣтей».

Уединеніе ввело Лео въ новый міръ идей. Не выходя изъ дому она много читала и немного наблюдала. Эта внутренняя работа надъ собой привела ее къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя были противоположны мнѣніямъ большинства. Не желая никого раздражать сво-

ими противорѣчіями, а съ другой стороны не имѣя близко себя никого, кто бы могъ сочувствовать ея оригинальному взгляду на вещи, она по вечерамъ удалялась въ свою комнату и много писала. Какъ ни сантиментальны были ея первые опыты, но въ нихъ проглядывала та сила мысли, которая скоро поставила Андре Лео выше обыкновеннаго уровня нашей болтливой литературной братіи. Можетъ быть, эти опыты такъ и остались бы въ ящикахъ письменнаго стола молодой дѣвушки, если бы не помогъ ей простой случай.

Въ то время въ провинціи Буржъ существовалъ одинъ замѣчательный журналъ (Revue Sociale), издаваемый Пьеромъ Леру, величайшимъ энтузіастомъ и поклонникомъ Фурье. Другъ молодой дѣвушки былъ знакомъ съ Леру и представилъ ему рукопись, подписанную псевдонимомъ Андре Лео. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ вмѣстѣ съ напечатаннымъ сочиненіемъ письмо, которое поздравляло молодаго автора съ замѣчательнымъ талантомъ и просило его о постоянномъ участіи въ Revue Sociale. Кому знакома исторія умственнаго движенія во Франціи въ концѣ сороковыхъ годовъ, тотъ долженъ знать, что Пьеръ Леру принадлежалъ къ самымъ свѣтлымъ личностямъ своего времени и имѣлъ неотразимое вліяніе на тогдашнее молодое поколѣніе. Новыя идеи и страстная любовь къ человѣчеству, доходившая до энтузіазма, сгруппировали около Леру многочисленный кругъ честныхъ и талантливыхъ писателей. Быть замѣчательнымъ и заслужить одобреніе превосходнаго редактора было особенною честію для юноши, желавшаго выступить на литературную карьеру. Андре Лео, увидѣвъ свое имя на страницахъ Revue Sociale, разомъ убѣдилась въ своихъ силахъ.

Но вдругъ времена перемѣнились. Revue Sociale былъ закрытъ и редакторы его удалились изъ Франціи. Андре Лео на время замолчалъ; но отношенія ея къ бывшей редакціи поддерживались дѣятельной перепиской съ однимъ изъ редакторовъ, г. С... Эта переписка такъ коротко сблизила Андре Лео съ ея другомъ, что впослѣдствіи она сама переселилась за Альпы и вышла тамъ замужъ за г. С...

II.

Въ 1863 году появился въ печати романъ съ заглавіемъ: «Скандальный бракъ»; романъ былъ подписанъ именемъ Андре Лео. Давно уже рукопись этой книги совершала безплодную прогулку между всѣми издателями и по всѣмъ редакціямъ парижскихъ журналовъ. Какъ случается обыкновенно, редакторы журналовъ отговаривались «обиліемъ матеріаловъ, припасенныхъ на два года», а издатели печатали произведенія только тѣхъ авторовъ, которыхъ имена пользовались хорошей или худой славой въ публикѣ. Къ счастью авторъ «Скандальнаго брака» слишкомъ глубоко вѣрилъ въ литературное достоинство своего произведенія и думалъ, что стоитъ только сдѣлать что нибудь хорошее для того, чтобы это хорошее сразу было оцѣнено обществомъ. И вотъ, вычтя нѣсколько сотенъ франковъ изъ своего семейнаго бюджета, онъ выпустилъ свою книгу — но увы!—въ безпривѣтную пустыню.

Дѣйствительно, такова судьба всякой книги, изданной насчетъ автора, неизвѣстнаго публикѣ или неподдерживаемаго многочисленными литературными благопріятелями, хотя бы книга эта и была безспорно образцовымъ произведеніемъ. Напрасно несчастный авторъ присылаетъ каждому журналу два требуемые экземпляра своего сочиненія; если, наконецъ, о выходѣ его книги и повѣщается въ пяти или десяти строкахъ, то это означаетъ только то, что авторъ, выйдя изъ терпѣнія, рѣшается самъ замолвить публикѣ словцо о своемъ новорожденномъ произведеніи. Люди, вѣнчающіе ореоломъ литературной моды, слишкомъ заняты обязательнымъ восхваленіемъ своихъ собратій, которые превозносили ихъ произведенія съ неменьшимъ усердіемъ.

Что касается до критиковъ—спеціалистовъ, то каждый изъ нихъ, справедливо опасаясь потратить безъ всякой пользы время на прочтеніе многочисленныхъ произведеній литературной посредственности, ограничивается обыкновенно просмотрѣніемъ какой нибудь одной, указанной ему книги, что впрочемъ впослѣдствіи не мѣшаетъ критику утверждать, что онъ первый открылъ тѣ или другія достоинства сочиненія, если только въ немъ окажутся эти достоинства. Въ

литературѣ преимущественно случается то, что Америки Веспуччи загребаютъ жаръ руками Христофоровъ Колумбовъ.

И такъ, произведеніе Андре Лео, который не обзавелся литературнымъ своелюдствомъ, должно было подвергнуться общей участи.

Правда, вниманіе нѣсколькихъ безпристрастныхъ читателей было возбуждено, нѣкоторые пріятели автора выхлопотали для него съ большимъ трудомъ двѣ-три одобрительныя статьи, возвѣщавшія о появленіи на литературной аренѣ новаго и даровитаго писателя романовъ, но книга во всякомъ случаѣ вышла неудачно, хотя безъ всякаго сомнѣнія далеко возвышалась надъ уровнемъ обыкновенныхъ беллетристическихъ угощеній. *Къ счастью* авторъ подвергся тогда испытанію, котораго горечь нисколько не уступала унынію автора вслѣдствіе плохаго успѣха книги: спутникъ жизни автора окончательно изнемогъ въ упорной борьбѣ съ непривѣтной судьбою — въ той борьбѣ, на которую обречены люди твердаго убѣжденія. До сихъ поръ общій трудъ едва едва могъ прокормить насущнымъ хлѣбомъ семью, увеличившуюся еще двумя дѣтьми — двумя мальчиками-близнецами. Одни богачи имѣютъ право предаваться безплоднымъ сожалѣніямъ, бѣдняки принуждены дѣйствовать во что бы то ни стало, слѣдовательно и Андре Лео долженъ былъ дѣйствовать,—но спрашивается какъ?

Для его романовъ нелегко было пріискивать помѣщеніе по многимъ причинамъ. Прежде всего замѣтимъ, что авторъ, не смотря на свой полъ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ привиллегированныхъ, очаровательныхъ музъ, которымъ редакторы и журналисты ни въ чемъ *не могутъ* отказать. Во вторыхъ, онъ не только не любилъ отаптывать пороги, но часто даже поворачивался спиной къ двери, которая безъ всякаго задержанія для него бы отворилась. Дѣйствительно, Андре Лео никогда не рѣшился бы подписать свое имя въ сборникахъ, гдѣ каждодневно наносились оскорбленія его идеямъ, его друзьямъ и притомъ онъ думалъ, вмѣстѣ съ Беранже, что «не надобно давать нашимъ недругамъ случая оказывать намъ услугу». Литературное братство, безспорно, вещь очень хорошая, но только при томъ условіи, чтобы оно не служило маскою, прикрывающею неуваженіе къ нравственному принципу.

И такъ, оставались такъ называемые оппозиціонные журналы,

но уже не говоря о ихъ рѣдкости въ настоящее время, журналы эти, быть можетъ, по необходимости, слишкомъ осторожны, чуть только дѣло коснется хотя бы только внѣшняго осуществленія теорій, которыхъ они придерживаются. Авторъ «Скандальнаго брака», какъ свободный мыслитель, высказываетъ свободно то, что думаетъ, и напрасно бы кто нибудь захотѣлъ заставить автора измѣнить или только замаскировать мысль, хотя бы въ интересахъ его кошелька или авторской извѣстности. Этотъ писатель слишкомъ глубоко уважаетъ принципъ совѣсти.

Наконецъ, вынужденный обстоятельствами, Андре Лео продалъ издателю за тысячу сто франковъ право на второе изданіе «Скандальнаго брака», котораго первое изданіе, отпечатанное вначалѣ въ незначительномъ числѣ оттисковъ, все-таки разошлось, благодаря однимъ достоинствамъ книги. Затѣмъ авторъ продалъ еще два своихъ романа, изъ которыхъ одинъ—«Старая дѣва», изданъ уже въ Бельгіи, а другой — «Двѣ дочери господина Плишона» не изданъ еще до сихъ поръ.

Цѣною пожертвованія Андре Лео на этотъ разъ достигъ той извѣстности, которой онъ не съумѣлъ бы и, вѣроятно, не желалъ бы завоевать. Его издатель дебютировалъ и самъ для себя хлопоталъ о пріобрѣтеніи издательской репутаціи. Поэтому онъ обращался съ *своимъ* авторомъ такъ, какъ нѣкоторые родители артистовъ обращаются съ своими даровитыми дѣтьми, въ надеждѣ извлечь пользу изъ ихъ успѣховъ. Онъ издерживался на объявленія и рекламы, хлопоталъ о лестныхъ отзывахъ, умышленно возбуждалъ своими заявленіями споръ и полемику, наконецъ, поднялъ дѣйствительный шумъ, на этотъ разъ небезплодный, какъ случается нерѣдко съ нѣкоторыми эфемерными знаменитостями, которыхъ пустота наполняется развѣ только воздухомъ.

Мы считаемъ Андре Лео не только писателемъ, но и мыслителемъ; послѣднее значеніе его даже беретъ верхъ надъ первымъ; это обусловливается въ особенности тѣмъ, что нашъ неосторожный авторъ нисколько не думаетъ скрывать свою наивность.

Заслуга артиста заключается менѣе въ способности обойтись безъ искуственныхъ поддержекъ (ficelles), чѣмъ въ умѣніи скрыть тѣ изъ нихъ, которыми онъ пользуется. Художникъ долженъ поселить въ

публикѣ мнѣніе, что онъ знаетъ все лучше ея, даже то, что, повидимому, не заслуживаетъ быть предметомъ знанія. Мы уважаемъ людей, питающихъ отвращеніе къ извѣстнымъ родамъ безобразія, но художникъ, рисующій человѣческую природу, не долженъ былъ бы отворачивать глаза отъ всего уродливаго, замѣчаемаго имъ въ человѣческой жизни. Гете, великій знатокъ этого предмета, сказалъ: «мы не должны искать законовъ нашего совершенствованія только въ томъ, что нравственно и чисто.... Все рѣзко выдающееся участвуетъ въ нашемъ воспитаніи.»

Съ перваго своего шага Андре Лео занялъ мѣсто въ ряду первоклассныхъ французскихъ авторовъ романовъ. Этотъ, уже великій талантъ окрѣпнетъ еще болѣе. Онъ свѣжъ, спокоенъ, обиленъ, но сила его проявилась еще не вполнѣ. Надобно замѣтить, что талантъ этотъ обладаетъ однимъ очень драгоцѣннымъ качествомъ, позволяющимъ автору руководиться всѣми результатами опыта, — талантъ этотъ плодороденъ.

Написавъ «Двухъ дочерей господина Плимона», авторъ вскорѣ затѣмъ издалъ «Жака Галерона и разводъ», а журналъ «Вѣкъ» печатаетъ «Деревенскій идеалъ», начатый подъ тѣнью морбиганскихъ рощъ и оконченный при завываніи холодныхъ вѣтровъ въ устьѣ Луары.

Изъ всѣхъ писательницъ женщина, довольно неудачно скрывающаяся подъ псевдонимомъ Андре Лео, ниимениѣе заслуживаетъ прозваніе *синяго чулка*. Какой нибудь незнакомецъ можетъ встрѣчать ее разъ двадцать въ салонѣ, нисколько не подозрѣвая, что онъ видитъ передъ собою одну изъ современныхъ литературныхъ знаменитостей. Если бы даже, проведя съ ней нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ, онъ и напалъ на настоящій слѣдъ, то этотъ необыкновенно свѣтлый умъ, силою простоты, естественности, умѣетъ все-таки себя замаскировать. Она можетъ говорить обо всемъ и съ каждымъ— его собственнымъ языкомъ; она не относится съ пренебреженіемъ къ недалекимъ людямъ и не щеголяетъ педантизмомъ передъ салонными мудрецами. Притомъ въ ея пріемѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вульгарной безразборчивости; она привлекаетъ только тѣхъ, которыхъ стоитъ привлекать, а прочіе какъ бы невольно держатся на разстояніи, не имѣя даже надежды когда нибудь къ ней приблизиться.

Мы останавливаемся. Женщина, которая, повинуясь чувству очаровательной стыдливости, выбрала своей литературной эгидой имена своихъ двухъ дѣтей, имѣетъ полное право на скромность ея читателей, и, быть можетъ, мы, подъ вліяніемъ теплаго сочувствія, сказали даже слишкомъ много.

Отъ литературной талантливости и добросовѣстности мы бы желали перейти въ настоящемъ обозрѣніи къ всесторонней талантливости и честности цѣлаго великаго народа, такъ побѣдоносно вышедшаго изъ своей недавней, тяжелой внутренней борьбы. Сѣвероамериканская жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ европейцу столько изумительныхъ и въ высшей степени интересныхъ загадокъ, что мы бы хотѣли предложить нѣсколько характеристическихъ чертъ общественнаго быта сѣверо-американцевъ тѣмъ изъ читателей, которые не имѣли случая практически приглядѣться къ условіямъ, которыми обставлена здоровая и плодоносная жизнь этого энергическаго и раціональнаго народа.

I.

Когда въ Англіи стали думать о пользѣ распространенія грамотности во всѣхъ классахъ населенія, явился вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ: кто долженъ заботиться объ учрежденіи народныхъ школъ,— т. е. кто обязанъ взять на себя инициативу этого дѣла — правительство или общество? Англичане, всегда чуткіе, гдѣ дѣло идетъ о правахъ ихъ на самоуправленіе, скоро сообразили, что имъ не слѣдуетъ упускать изъ рукъ такого важнаго права, какъ завѣдываніе народнымъ образованіемъ. Англійское общество рѣшило вопросъ, присвоивъ себѣ какъ заботу объ открытіи школъ, такъ и расходы на ихъ содержаніе.

Англійскіе переселенцы въ Америку шли въ новое отечество уже съ готовой идеей о необходимости и пользѣ народнаго образованія и о зависимости его отъ самого общества. Заселяя пустыни, прорубая непроходимыя лѣса, эмигранты по необходимости должны были прежде всего озаботиться о защитѣ себя отъ физическихъ вліяній, отъ нападеній туземныхъ индѣйцевъ и дикихъ звѣрей. Заботу о всемъ остальномъ приходилось отложить пока въ сторону. Но идея о народномъ образованіи, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ цивилизаціи и свободы, — даже во время тяжкой борьбы съ природой,— постоянно напоминала о себѣ трудящимся въ потѣ лица піонерамъ, и они, при первой возможности, срубали себѣ школу, куда открывали доступъ всѣмъ и каждому. Здѣсь дѣти могли получать первоначальное образованіе. Въ эти школы по необходимости пришлось принимать какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ и учить ихъ вмѣстѣ. Новые поселенцы были еще слишкомъ бѣдны и слишкомъ заняты борьбою съ природою и другими препятствіями, чтобы могли открывать отдѣльныя училища для каждаго пола. Можно было, пожалуй, и другимъ способомъ выйдти изъ затрудненія, — совсѣмъ не пускать дѣвочекъ въ школы, но американцы и тогда были слишкомъ умны, чтобы сдѣлать подобную нелѣпость. Такимъ естественнымъ путемъ сложилась американская система народнаго образованія, принятая теперь во всѣхъ штатахъ почти повсемѣстно. Система не хитрая, вся суть ея можетъ быть выражена слѣдующими словами: «каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, безъ различія пола, долженъ имѣть возможность получить по крайней мѣрѣ элементарное образованіе, почему всякая община обязана имѣть по крайней мѣрѣ одну первоначальную школу». Въ Америкѣ ничто разумное не остается пустою фразой, все сейчасъ же примѣняется къ дѣлу, и теперь каждая община имѣетъ одну или нѣсколько элементарныхъ школъ, устроенныхъ на весьма здравыхъ основаніяхъ, соображенныхъ съ разумными педагогическими требованіями. Эти школы открыты для всѣхъ безъ исключенія дѣтей обоего пола, принадлежащихъ къ общинѣ [1]). Здѣсь мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ.

[1]) Мы говоримъ о бѣломъ населеніи, вопросъ о черныхъ теперь въ самомъ разгарѣ, но еще ничего по немъ не разрѣшено, почему о черныхъ въ нашей статьѣ вовсе не будетъ рѣчи.

Американцы долгимъ опытомъ пришли къ убѣжденію въ неоспоримой пользѣ совмѣстнаго обученія обоихъ половъ. Вопреки толкамъ европейскихъ моралистовъ, полагающихъ, что при совмѣстномъ обученіи страдаетъ нравственность, американцы слишкомъ очевидными фактами доказываютъ противное. Благодаря ихъ прекрасной системѣ школьнаго воспитанія создается та изумительная нравственность, то глубокое уваженіе къ человѣческому достоинству, которыя поражаютъ иноземца, посѣтившаго Соединенные Штаты. При совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ, всѣ хорошія стороны, составляющія исключительную особенность каждаго пола въ отдѣльности, взаимно передаются, и каждый полъ, своими лучшими сторонами, благотворно вліяетъ на другой. Такимъ образомъ, мальчики передаютъ дѣвочкамъ свою способность къ анализу и усидчивому умственному труду, свое терпѣніе, благодаря которому они, хотя медленно, но всегда достигаютъ цѣли—усвоенія новыхъ предметовъ изученія; дѣвочки съ своей стороны дѣлятся съ мальчиками своею способностію быстро соображать, своимъ вліяніемъ способствуютъ смягченію грубости права мальчиковъ и пр. Но вѣнецъ этой системы заключается въ развитіи соревнованія, съ которымъ каждый полъ стремится перешеголять другой успѣхомъ въ ученіи. Путешественникъ-европеецъ съ изумленіемъ выслушиваетъ бойкіе отвѣты учениковъ и учениць первоначальныхъ американскихъ школъ; его поражаютъ большія познанія, выказываемыя этими малютками; не замѣчаетъ онъ ни жеманства, съ которымъ обыкновенно отвѣчаютъ дѣвочки европейскихъ женскихъ школъ, ни запуганнаго вида, составляющаго необходимую принадлежность учениковъ мужскихъ школъ стараго свѣта.

«Что за оказія?» размышляетъ европеецъ, еще не успѣвшій коротко ознакомиться съ американской жизнію, «отвѣчаютъ они бойко, но вѣрно большіе шалуны; слишкомъ раннее развитіе до добра не доводитъ, къ тому же что за странность воспитывать вмѣстѣ оба пола!» Но къ своему изумленію узнаетъ, что за этими такъ рано развившимися малютками не замѣчается особенныхъ шалостей, напротивъ они ведутъ себя весьма добропорядочно, такъ что самому строгому педагогу-формалисту трудно было бы къ чему нибудь придраться. Но изумленіе европейца доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда ему сообщаютъ, что въ американскихъ школахъ

нѣтъ никакой особой дисциплины, что этого слова даже не понимаютъ дѣти, что нѣтъ никакихъ особыхъ надзирателей надъ ними; и чтобы окончательно привести въ недоумѣніе посѣтителя, учитель выходитъ изъ класса, приглашая слѣдовать за собой гостя. Онъ запираетъ дверь, заявивъ ученикамъ предъ уходомъ, что ему необходимо на время отлучиться, что онъ возвратится очень скоро назадъ, а ихъ проситъ продолжать занятія въ томъ же порядкѣ, какъ еслибы онъ самъ былъ въ классѣ. «Вотъ теперь-то начнется гамъ?» Ничуть не бывало; ученики продолжаютъ заниматься своимъ дѣломъ; ни особеннаго шума, ни возни вовсе не слыхать.

— Вѣроятно тамъ оставленъ старшій воспитанникъ или воспитанница, которому дана власть надъ прочими товарищами? спрашиваетъ европеецъ. «Вовсе нѣтъ, отвѣчаютъ ему, — никакихъ старшихъ у насъ не имѣется».—Такъ что же есть? Что заставляетъ этихъ дѣтей вести себя такъ прилично?

— Привычка къ самоуправленію, съ торжествующимъ видомъ произноситъ янки.—Здѣсь, въ школѣ, отражается вся наша жизнь. Каждому ребенку у насъ прежде всего, даютъ понять, что онъ американскій гражданинъ, что онъ имѣетъ извѣстныя права и обязанности, что ему въ жизни придется управляться самому, что онъ долженъ самъ себѣ пробивать жизненный путь. Поступаетъ онъ въ школу и въ устройствѣ ея встрѣчаетъ совершенное подобіе устройству всей государственной системы своего отечества. У насъ десятилѣтняя дѣвочка хорошо знаетъ конституцію своей страны. Вотъ вамъ разгадка непонятнаго для васъ явленія!

Европеецъ успокоивается, теперь онъ начинаетъ уже понимать американскій народъ.

Въ первоначальныхъ школахъ учителя преимущественно женщины. Въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ женщины получаютъ совершенно одинаковое съ мужчинами образованіе, не можетъ послѣдовать никакого ущерба отъ занятія ими учительскихъ мѣстъ. Совершенно напротивъ: только женщина умѣетъ съ полнымъ успѣхомъ нести обязанности первоначальнаго обученія. Въ первоначальныхъ школахъ надобно главное—*воспитывать* дѣтей,—обученіе придетъ послѣ своимъ порядкомъ, — а кому же, какъ не женщинѣ слѣдуетъ поручить эту святую обязанность? Женщина лучше спра-

вится съ ребенкомъ, нежели мужчина, къ женщинѣ малютка всегда чувствуетъ болѣе довѣрія, чѣмъ къ мужчинѣ. Американцы прекрасно поняли эту истину, и свои первоначальныя школы поручили женщинамъ. Но понимая какую важную обязанность возлагаютъ на нихъ, американцы подготовили своихъ женщинъ къ этимъ обязанностямъ. Они открыли доступъ женщинамъ всюду: въ высшія учебныя заведенія, въ библіотеки, въ музеи, въ обсерваторіи, въ лабораторіи, въ государственную и общественную службу и пр. Женщины, съ своей стороны, не остались глухи къ этому призыву; они неутомимо трудятся, образовываютъ себя; пріобрѣтаютъ знанія, а не занимаются пустяками въ родѣ модныхъ нарядовъ и поисковъ мужа, что, какъ извѣстно составляетъ почти единственное занятіе большей части образованныхъ европейскихъ женщинъ. Потому въ Америкѣ гораздо чаще встрѣтишь женщину, чѣмъ куклу; въ Европѣ же наоборотъ.

Не менѣе системы воспитанія въ американскихъ школахъ путешественниковъ-европейцевъ занимаетъ, чему учатъ въ нихъ? Европеецъ, воспитанный на классицизмѣ, и размышляющій о занимающемъ его вопросѣ наталкивается въ Вашингтонѣ на Капитолій. Онъ входитъ въ это замѣчательное произведеніе новѣйшаго искусства, осматриваетъ его во всѣхъ подробностяхъ. Предупредительный американецъ случившійся на ту пору, водитъ гостя по всѣмъ закоулкамъ, объясняя значеніе и назначеніе каждаго предмета. Осмотръ конченъ, европеецъ благодаритъ своего любезнаго чичероне. Янки, осклабляясь, пожимая на прощанье руку своему собесѣднику, съ гордостію говоритъ ему: «Не правда-ли, нашъ Капитолій лучшее зданіе въ свѣтѣ; онъ самый лучшій монументъ въ мірѣ, — онъ весь построенъ изъ желѣза и камня и не заключаетъ въ сбѣ ни золотника дерева.»

Европеецъ пожимаетъ плечами и отчаянно машетъ рукой. «Кажется нечего спрашивать, чему учатъ въ американскихъ школахъ; — кто, кромѣ грубаго реалиста, способенъ отозваться такъ о національномъ памятникѣ искуства?» говоритъ онъ. Но успокоившись немного, если онъ благоразумный и развитый человѣкъ европеецъ, скоро перемѣнитъ свое мнѣніе о реализмѣ американцевъ и пойметъ, что именно благодаря этому реализму, замѣчаемому какъ въ американ-

ской жизни, такъ и въ американской школѣ, глазамъ европейца представляется въ Америкѣ столько невиданныхъ чудесъ.

Обученіе въ американскихъ школахъ устроено также хорошо, какъ и воспитаніе. Оно соображено съ разумнымъ педагогическимъ методомъ, переходя отъ легчайшихъ предметовъ къ труднѣйшимъ. Ребенка не напичкиваютъ множествомъ научныхъ предметовъ, его только подготовляютъ къ будущей дѣятельности въ высшихъ училищахъ. Такимъ образомъ, въ первоначальныхъ школахъ учатъ только читать, писать и считать. Учители обязаны разъяснять прочитанное и обращать вниманіе учениковъ на предметы, которые у нихъ находятся предъ глазами: учитель обязанъ объяснить ученику всѣ физическія явленія, съ которыми ребенокъ встрѣчается ежедневно и т. д. Затѣмъ ребенокъ переходитъ въ другую школу, гдѣ ему преподаютъ ариѳметику и объясняютъ сообразно съ его возрастомъ исторію Соединенныхъ штатовъ, а также географію; обученіе нагляднымъ путемъ продолжается; ребенокъ понемногу усвоиваетъ нѣкоторыя физическія законы и узнаетъ свойства предметовъ, находящихся у него передъ глазами; въ этой же школѣ преподаютъ грамматику, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и бухгалтерію. Изъ второй школы ребенокъ переходитъ въ третью, гдѣ знакомится съ алгеброй, геометріей, новѣйшими языками, всеобщей исторіей и литературой. Этимъ кончается первоначальное образованіе, которое получаютъ почти всѣ безъ исключенія американскіе граждане.

Въ среднихъ школахъ преподаваніе идетъ разумѣется гораздо шире. Оно обнимаетъ новѣйшіе языки, математику, естественную исторію, физику, химію, литературу, и исторію; кто желаетъ можетъ кромѣ того заниматься астрономіею, а также языками латинскимъ и греческимъ.

Ни въ какихъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ не преподается законъ Божій, какъ наука. По понятіямъ американцевъ религія дѣло совѣсти каждаго человѣка, и о ней разсуждать и правильно сознавать ее можетъ только человѣкъ взрослый. Къ тому же въ Америкѣ, гдѣ въ одной общинѣ часто живутъ рядомъ люди десятка различныхъ сектъ, практически было бы крайне неудобно ввести законоучителя, какъ преподавателя.

Въ американскихъ школахъ нѣтъ даже и помышленія о наказа-

ніяхъ учащихся. Слово наказаніе изгнано изъ лексикона училищнаго языка. А между тѣмъ обученіе идетъ своимъ порядкомъ, и уже никакъ не хуже, чѣмъ въ школахъ, гдѣ оно составляетъ необходимую принадлежность педагогіи; ученики ведутъ себя весьма прилично и несравненно порядочнѣе, нежели въ училищахъ, гдѣ принята система устрашеній.

Такъ какъ въ Америкѣ общество не раздѣляется на классы, то разумѣется тамъ и не можетъ существовать сословныхъ учебныхъ заведеній.

Въ Соединенныхъ Штатахъ все устроивается въ широкихъ размѣрахъ. Тамъ не любятъ дѣлать дѣла вполовину. Библіотеки, кабинеты, учебныя пособія, которыми снабжены училища своимъ богатствомъ, роскошью и превосходнымъ, вполнѣ сообразнымъ съ цѣлію, устройствомъ поразятъ всякаго неамериканца. На что англичане, надменно расхаживающіе по библіотекамъ, кабинетамъ и музеямъ европейскаго континента, и тѣ невольно опускаютъ голову при входѣ въ подобныя учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ. Самое небогатое среднее учебное заведеніе въ небольшомъ городѣ снабжено такой библіотекой, имѣетъ такія великолѣпные и богатые физическіе и химическіе аппараты, какіе трудно встрѣтить въ богатѣйшемъ учебномъ заведеніи стараго свѣта.

Такія же заведенія, открытыя для публики, еще болѣе, если возможно, великолѣпны и комфортабельны. Войдите напримѣръ въ одну изъ публичныхъ библіотекъ города Бостона. Превосходныя свѣтлыя залы, отличная мебель, толстыя ковры, всѣ необходимыя принадлежности для письма на столахъ, а главное громадные шкапы, обильно снабженные книгами на всѣхъ языкахъ цивилизованнаго міра;—прибавьте къ этому многочисленныхъ посѣтителей, состоящихъ изъ людей всевозможныхъ возрастовъ обоего пола; и предъ вами отрадная картина, вполнѣ характеризирующая американскую жизнь. Все это серьезно занято, но занято этимъ дѣломъ какъ бы урывкомъ; леди и джентльмены (въ Америкѣ трудно встрѣтить людей, которыхъ нельзя бы было назвать этими именами въ самомъ строгомъ его значеніи) безпрерывно подходятъ къ конторкамъ, за которыми засѣдаютъ библіотекари, подходятъ и, не говоря ни слова, указываютъ на нумеръ каталога. Книга по ихъ требованію являет-

ся мгновенно, если она никѣмъ не занята, что впрочемъ случается очень рѣдко, такъ какъ почти всѣ книги имѣются въ библіотекѣ въ двухъ, а иногда и болѣе экземплярахъ. Посѣтители безпрерывно смѣняются и въ день навѣрное перебываютъ въ библіотекѣ сотни людей.

Для входа въ библіотеку, если она открыта безплатно для посѣтителей, не требуется никакихъ формальностей. Пришла вамъ охота читать или воспользоваться книгами для ученыхъ изысканій или литературныхъ статей, идете прямо и требуйте книгу—вамъ ее немедленно выдадутъ, не спрашивая ни кто вы, ни для какой цѣли вамъ нужна книга; одно условіе не выносить книгу изъ залы. Пользоваться книгой можно неопредѣленное время, но и съ извѣстнымъ ограниченіемъ: если пользующійся книгой не пришелъ два дни сряду въ библіотеку, книга его въ случаѣ требованія передается другому лицу.

Кромѣ выдачи книгъ для чтенія въ самомъ зданіи библіотеки, книги изъ публичныхъ библіотекъ отпускаются и на домъ. Здѣсь разумѣется требуются уже нѣкоторыя формальности, именно необходимо, чтобы лицо, желающее получить книгу на домъ, было знакомо одному изъ библіотекарей, который и выдаетъ книгу на свой страхъ. Книги въ такомъ случаѣ выдаются подъ простую росписку. Какъ велика въ Америкѣ любовь къ чтенію и къ ученымъ занятіямъ можно судить потому, что въ одномъ Бостонѣ изъ публичныхъ библіотекъ на домъ выдается до 200,000 томовъ ежегодно.

Музеи и различныя ученыя учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ имѣютъ право на такое же уваженіе, какъ и ихъ библіотеки.

Вотъ напримѣръ извѣстная Смитсонія, невдалекѣ отъ Уашингтона. Это ученое учрежденіе основано Джемсомъ Смитомъ въ 1847 году и названо въ честь его Смитсоніемъ. Цѣль его — поощреніе и распространеніе научныхъ познаній не только въ Америкѣ, но и во всемъ свѣтѣ, для чего оно имѣетъ сношенія съ учеными учрежденіями цѣлаго міра, печатаетъ и распространяетъ различныя ученыя сочиненія, имѣетъ у себя превосходнѣйшій музей естественной исторіи и громадную библіотеку. Всѣ эти научныя богатства открыты для всѣхъ желающихъ серьезно заниматься наукой. Смитсонія помогаетъ денежными средствами многимъ ученымъ предпріятіямъ, пре-

имущественно предпринятымъ съ цѣлію изысканій по части естествознанія; но не отказываетъ въ своемъ содѣйствіи изслѣдованіямъ и по другимъ отраслямъ наукъ. Это учрежденіе, задуманное частнымъ человѣкомъ и содержащееся собственными средствами, безъ всякаго пособія со стороны правительства, въ сравнительно короткое время существованія, принесло наукѣ никакъ не меньше, если не гораздо больше, пользы, нежели нѣкоторыя академіи и другія ученыя учрежденія стараго свѣта, считающія время своего существованія десятками и даже сотнями лѣтъ,

Изъ этихъ немногихъ представленныхъ нами фактовъ кажется нетрудно заключить, что въ Америкѣ какъ дѣтямъ честныхъ гражданъ, такъ и самимъ честнымъ гражданамъ весьма легко получить солидное образованіе. Но кромѣ этихъ относительно счастливыхъ людей, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, есть много несчастныхъ или брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей или же впавшихъ въ порокъ взрослыхъ. О ихъ участи въ Америкѣ заботятся несравненно болѣе раціонально, нежели въ Европѣ, а потому и несравненно успѣшнѣе.

Вѣнцомъ устройства благотворительныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ по справедливости слѣдуетъ считать цѣлый рядъ учрежденій, сгруппированныхъ на небольшомъ пространствѣ на островѣ Рандаль, близь Нью-Іорка. Здѣсь на городскія деньги содержится пріютъ на 80 дѣтей обоего пола, больницы, богадѣльни. Управленіе ими ввѣрено коммиссіи изъ четырехъ членовъ, получающихъ жалованье, каждый по 3000 долларовъ въ годъ. Они избираются посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Въ своихъ распоряженіяхъ они дѣйствуютъ довольно независимо отъ муниципальной власти, но находятся подъ бдительнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Этой же коммиссіи ввѣрено наблюденіе и за городскими тюрьмами

Дѣти, принадлежащія пріюту, поселены въ хорошенькихъ коттеджахъ съ широкими окнами, паркетными полами и крытыми галлереями. При заведеніи имѣется обширный садъ и отлично устроенная гимнастика. Болѣе взрослыя дѣти занимаются земледѣльческими работами и ремеслами; меньшіе находятся на попеченіи нянекъ. Пріютъ имѣетъ свою школу, устроенную совершенно на тѣхъ же

основаніяхъ, какъ и школы для счастливыхъ дѣтей. Здѣсь учатъ и воспитываютъ такъ же хорошо, какъ и въ тѣхъ школахъ. Все пріютское начальство—женщины; врачи также исключительно избираются изъ женщинъ. Послѣднее обстоятельство опять таки много говоритъ въ пользу раціональности американскаго взгляда на воспитаніе дѣтей. Ребенокъ всегда долженъ быть на попеченіи женщины, а не мужчины. По тѣмъ же причинамъ, по которымъ попеченіе о здоровыхъ дѣтяхъ отдается въ руки женщинъ, леченіе дѣтей непремѣнно докторами-женщинами имѣетъ вполнѣ разумное основаніе

Учрежденія въ Рандалѣ стоятъ Нью-Іорку 500,000 долларовъ въ годъ.

Другое замѣчательное учрежденіе въ этомъ родѣ—пріютъ и вмѣстѣ исправительное заведеніе для порочныхъ дѣтей, находящееся въ Филадельфіи. Здѣсь воспитываются, также какъ и на островѣ Рандалѣ, бѣдные, покинутые малютки, а также юные преступники: непокорные, упрямые дѣти или же сдѣлавшіе какой нибудь проступокъ, за который подверглись судебному разбирательству. Сюда принимаются какъ бѣлые, такъ и черные. Помѣщеніе для бѣлыхъ чище, опрятнѣе и удобнѣе, чѣмъ такое же для негровъ. Фактъ грустный, но вѣроятно теперь, съ освобожденіемъ негровъ и съ порѣшеніемъ вопроса о политическихъ правахъ ихъ, изчезнетъ и эта разница; за это можетъ поручиться практическій умъ и благоразуміе американцевъ. Но и теперь хотя помѣщеніе для негровъ отведено худшее, чѣмъ для бѣлыхъ, однакоже обученіе и воспитаніе дѣтей въ пріютѣ для обоихъ расъ совершенно одинаково. Школа устроена также какъ и на островѣ Рандалѣ. Способы обученія и воспитанія почти ничѣмъ не разнятся отъ принятыхъ въ Нью-Іоркѣ, только въ Филадельфіи обращено еще большее вниманіе на обученіе ремесламъ. Работа дѣтей приноситъ не малую пользу заведенію, безъ всякаго ущерба для здоровья юныхъ работниковъ. Дѣти работаютъ дѣтскія ботинки, толстыя сапоги для арміи, прутики для зонтиковъ, спичечницы, щеточки и пр. Изъ мастерскихъ пріюта выходятъ массы издѣлій и еслибы не зоркій общественный контроль, то, вѣроятно, обиліе работы, которую можно бы было продавать по очень дешевой цѣнѣ, подрывало мѣстную производительность. Но пріютъ не

имѣетъ права продавать своихъ произведеній иначе какъ по средней цѣнѣ, существующей въ Филадельфіи. Ярые либералы пожалуй готовы возставать противъ такого стѣсненія, но мы, напротивъ, находимъ разумный тактъ въ подобномъ постановленіи: оно, нисколько не мѣшая естественной конкурренціи, спасаетъ массы рабочихъ отъ сильнаго пониженія заработной платы, которое непремѣнно имѣло бы мѣсто въ случаѣ продажи пріютомъ предметовъ своего производства по произвольнымъ цѣнамъ.

Вотъ поразительные факты американской благотворительности. Гдѣ, въ Европѣ можно встрѣтить подобное? А еще американцевъ обвиняютъ въ безсердечіи, въ эгоизмѣ, въ исключительной привязанности къ матеріальнымъ интересамъ.

Вся система народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ направлена къ тому, чтобы дать возможность каждому гражданину получать легко и дешево такое образованіе, какое получать ему заблагоразсудится. Эта справедливая и благоразумная система принесла хорошіе плоды. Нѣтъ дѣятельности, для которой въ Соединенныхъ Штатахъ не нашлось бы во всякомъ городкѣ способныхъ людей. Ремесла, торговля, промышленность, административная дѣятельность, наука, литература,—все процвѣтаетъ въ Америкѣ, все постоянно совершенствуется, все предпринимается въ широкихъ размѣрахъ, которые кажутся чудовищными, почти невозможными въ старомъ свѣтѣ.

Возьмемъ хотя періодическую литературу. Въ первой книжкѣ «Дѣла», были представлены цифры дохода американскихъ газетъ съ объявленій. Дополню ихъ свѣденіями о чистомъ доходѣ вообще съ предпріятія, трехъ главнѣйшихъ газетъ, издающихся въ Соединенныхъ Штатахъ. New-York Herald имѣетъ чистаго дохода около 1,500,000 нашихъ рублей; New-York Times около 700,000 руб., а Tribune около 600,000 руб. Можно судить, какъ велика потребность въ чтеніи, если при существованіи въ республикѣ нѣсколькихъ тысячъ газетъ и журналовъ, могутъ быть газеты съ такимъ громаднымъ доходомъ. Въ старой Европѣ нигдѣ нельзя встрѣтить ничего подобнаго.

Пресса въ Соединенныхъ Штатахъ пользуется безграничной свободою. Правительство не имѣетъ права преслѣдовать журналистику

за ея убѣжденія. Оно можетъ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ начинать иски, но какъ и всякое частное лицо—не болѣе. Стоитъ вспомнить, что писалось не только газетами южныхъ штатовъ, но даже и нѣкоторыхъ сѣверныхъ о Линкольнѣ во время междуусобной войны. Его сравнивали съ Людовикомъ XI, Тиверіемъ, обвиняли въ деспотизмѣ, въ посягательствѣ на свободу прессы, во лжи и въ пр. подобныхъ нелѣпостяхъ и писалось это въ Вашингтонѣ въ самый разгаръ гражданской борьбы.

Американская періодическая пресса мало похожа на европейскую прессу. Она очень рѣдко беретъ на себя руководительство общественнымъ мнѣніемъ—она скорѣе слѣпо идетъ по стопамъ его, потому въ Америкѣ нерѣдко случается, что газета, сегодня ратовавшая за республиканскую партію, завтра становится на сторону демократовъ и наоборотъ. Самое любопытное явленіе въ подобномъ родѣ представляетъ New-Iork Herald. Никто никогда не можетъ сказать, какого именно убѣжденія она держится. Сама редакція даже не можетъ утвердительно рѣшить, къ какой партіи она будетъ принадлежать завтра. Ея партія та, на сторонѣ которой въ данную минуту выигрышъ. Можетъ быть благодаря этому обстоятельству она пользуется такой огромной популярностію и такимъ безпримѣрнымъ успѣхомъ.

Многимъ такое поведеніе американской журналистики можетъ показаться, пожалуй, не совсѣмъ сообразнымъ съ высокой цѣлію назначенія прессы. Но если взять во вниманіе развитіе Соединенныхъ Штатовъ, высокое значеніе въ нихъ личности, выработанность убѣжденій, политическую способность каждаго гражданина,—то станетъ понятно, что газеты въ европейскомъ смыслѣ вовсе не нужны по ту сторону Атлантическаго океана. Но также будетъ понятно, что газеты на американскій образецъ были бы положительно вредны въ Европѣ. Впрочемъ и сама Европа не можетъ похвалиться многими образчиками независимыхъ органовъ, за то можетъ показать безчисленное множество такихъ органовъ, которые торгуютъ своими убѣжденіями, и продаютъ себя встрѣчному и поперечному. Въ Америкѣ же подкупъ газетъ составляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе

2.

Во время самаго разгара войны въ Соединенныхъ Штатахъ любимой темой извѣстной части западно европейской журналистики (къ составу ея принадлежала большая часть періодической прессы) было сожалѣніе о горькой участи, ожидающей республику. Свои прорицанія они основывали, по ихъ словамъ, на исторіи новѣйшихъ государствъ западной Европы. «Всякая междоусобная война, говорили они, ведетъ непремѣнно къ военной диктатурѣ? нѣтъ причины, почему бы Америка не испытала общую участь.» Но война окончилась, и гдѣ же военная диктатура? Все вошло опять въ свой обычный порядокъ; временная диктатура президента окончилась; войска распущены по домамъ; генералы и солдаты принялись за плугъ, за торговлю и за ученыя занятія; всякій, снявъ съ себя военную форму, постарался забыть о военномъ ремеслѣ и занялся тѣмъ ремесломъ, какимъ онъ занимался до войны

Другая тема, не менѣе любезная европейскимъ публицистамъ, касалась финансоваго положенія Соединенныхъ штатовъ. Громадныя затраты на военныя надобности, увеличившія государственный долгъ до громадной цифры, паденіе курса, банкротства многихъ солидныхъ торговыхъ фирмъ вызвали новый приливъ соболѣзнованія къ сердцамъ чувствительныхъ писателей газетныхъ передовыхъ статей. И запѣли они на разные голоса о приближающемся финансовомъ кризисѣ въ Соединенныхъ штатахъ, о неминуемомъ государственномъ банкротствѣ, которое, нѣтъ сомнѣнія, повлечетъ за собою серьезныя бѣдствія—рушится порядокъ, водворится анархія и хваленая страна свободы по необходимости должна будетъ броситься въ объятія первому проходимцу. Но и этому предсказанію дальновидныхъ политиковъ и финансистовъ не суждено было исполниться. Война окончилась, и вмѣсто предсказанныхъ бѣдствій народъ американскій являетъ міру проэктъ уплаты всего государственнаго долга посредствомъ національной подписки, проэктъ реальный, а не произведеніе разгоряченный фантазіи какого нибудь мечтателя.

Американцы улыбались, перечитывая подобныя разглагольствованія европейскихъ журналовъ. Они не видѣли надобности опровергать эти дѣтскія изліянія замечтавшихся болтуновъ. Имъ стоило бы указать на нѣкоторые крупные факты, которыхъ, по крайней близорукости не могли замѣтить горячіе соболѣзователи о ихъ бѣдственной участи. Прозорливымъ предсказателямъ стоило напримѣръ анализировать хотя событіе въ Кентукки, штатѣ объявленномъ на военномъ положеніи, случившееся въ самый разгаръ междоусобной войны. Штатъ этотъ былъ наполненъ войсками вѣрными правительству; главный городъ штата былъ также въ рукахъ правительства и въ этомъ городѣ собрался митингъ въ 80,000 человѣкъ, на которомъ составилось обвиненіе противъ президента Линкольна, и члены котораго объявили себя вообще противъ правительства. Никто не помѣшалъ ораторамъ произносить свои противуправительственныя рѣчи, не смотря на массы солдатъ, разумѣется безоружныхъ, бывшихъ въ числѣ зрителей, которые хотя и выражали свое негодованіе свистками, ругательствами и пр., но выражали его какъ и многіе другіе граждане, здѣсь присутствовавшіе. Митингъ, окончивъ свое засѣданіе, спокойно разошелся.

Это фактъ не единичный; такъ дѣлалось и въ другихъ штатахъ. Вообще, если необходимость заставляла правительство во время междоусобной войны принимать иногда невполнѣ конституціонныя мѣры, то никогда никто изъ его членовъ не рѣшался предпринять что либо противъ свободы политической, — свободы гласнаго заявленія общественнаго мнѣнія — извѣстной мѣстности.

Этотъ то многозначительный фактъ и ускользнулъ отъ вниманія проницательныхъ европейскихъ критиковъ. По теоріи ихъ выходило, что Соединенные штаты должны разложиться, должна изчезнуть ихъ свобода, должны они наконецъ пережить тѣ самые фазисы исторической жизни, какіе пережила Европа. При этомъ они позабыли справиться съ исторіей сѣверо американской республики, и не позаботились разузнать, съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло.

Граждане Соединенныхъ штатовъ народъ по преимуществу трудолюбивый, изобрѣтательный, предпріимчивый. Благодаря этимъ качествамъ народнаго характера, пороки, сопровождающіе нищету и праздность, встрѣчаются тамъ какъ крайне рѣдкое исключеніе. Со-

диненные штаты—единственная страна въ мірѣ, гдѣ человѣкъ не имѣетъ надобности жить паразитомъ насчетъ чужого богатства. Такое счастливое положеніе происходитъ вовсе не отъ какихъ либо идеальныхъ, мечтательныхъ причинъ, его никакъ не слѣдуетъ приписывать сильному развитію нравственности. Оно результатъ правильнаго понятія о пользѣ. Американецъ чистѣйшій реалистъ — во всемъ и вездѣ онъ разсчитываетъ. Онъ питаетъ особенное уваженіе къ собственности; нигдѣ, можетъ быть, она такъ не уважается, какъ въ Соединенныхъ штатахъ; нигдѣ такъ тщательно она не охраняется; но охраняется именно общественнымъ сознаніемъ, которое выразилось въ ея пользу, потому что она дѣйствительная сила. Каждый, сознавая вѣрность этого опредѣленія, всѣми силами ума и способностей стремится къ ея пріобрѣтенію. И нигдѣ она такъ легко не пріобрѣтается, какъ въ Соединенныхъ штатахъ. Зачѣмъ тамъ будутъ думать о грабежѣ сосѣда, когда легко разсчитать, что можно сдѣлать пріобрѣтеніе болѣе удобнымъ и выгоднымъ способомъ! Въ трудѣ американецъ видитъ разумное право на существованіе. Онъ глубоко уважаетъ трудъ, онъ поклоняется ему. Занявъ пустыя земли, онъ смѣло стремится къ своей цѣли, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока ея не достигаетъ. Также поступаетъ промышленникъ, торговецъ, государственный человѣкъ, ученый, каждый на своемъ поприщѣ. Въ Соединенныхъ штатахъ нѣтъ людей, заѣденныхъ средой. Тамъ никто не лѣнится, всѣ работаютъ; тамъ некогда задумываться надъ разными пустяками, тамъ осмѣютъ человѣка, который будетъ жаловаться на общество, не признавшее его генія.

Работа — гордость американца; желая показать пріѣзжему иностранцу достопримѣчательности страны, онъ ведетъ его прямо на фабрику, въ мастерскія, показываетъ ему дороги, пароходы. Эта любовь къ труду, это служеніе ему, естественно должно было вызвать и вызвало въ Соединенныхъ штатахъ учрежденіе многихъ ассоціацій разнаго рода. Здѣсь, лучше чѣмъ гдѣ либо, можно видѣть могущество кооперативныхъ учрежденій. Описывать американскія ассоціаціи я не буду, здѣсь не мѣсто для ихъ описанія, но скажу объ одной, слишкомъ ясно показывающей, какъ съ сравни-

тельно ничтожными средствами можно совершать работы, требующія значительныхъ затратъ.

Въ Филадельфіи есть огромный кварталъ, застроенный однообразными кирпичными домиками. Всѣ они въ два этажа и устроены очень удобно. Этотъ кварталъ обязанъ своимъ возникновеніемъ могуществу ассоціаціи. Нѣсколько рабочихъ разныхъ профессій согласились откладывать изъ своихъ заработковъ извѣстную сумму. Когда сбереженія эти достигли извѣстной цифры, ассоціація купила пустопорожнія мѣста, запаслась матеріаломъ и приступила къ постройкѣ домовъ для каждаго изъ своихъ членовъ. Работниками при постройкѣ были сами члены ассоціаціи; такъ каменьщики возводили стѣны, плотники обтесывали и утверждали балки, кровельщики крыли крышу и т. д.

Такихъ ассоціацій въ Филадельфіи было нѣсколько; нѣкоторые существуютъ до сихъ поръ; они продолжаютъ покупать земли, строятъ дома и продаютъ ихъ желающимъ; вырученные барыши дѣлятъ между членами ассоціаціи.

Уважая трудъ, янки питаетъ естественное презрѣніе къ мотовству. Вѣчно трудящіеся, люди практическіе въ хорошемъ значеніи этого слова, американцы не чувствуютъ никакой жалости къ человѣку, который раззоряется вслѣдствіе мотовства. За то всегда помогутъ тому, кто раззорился отъ несчастной спекуляціи. Они и помогаютъ совсѣмъ уже оригинальнымъ образомъ. Торговецъ, узнавъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ своего сосѣда, не ожидая намека отъ него о помощи, спѣшитъ предложить ему сколько нужно денегъ, отдавъ деньги торопится уйти, чтобы не дать времени получившему деньги напомнить о какомъ либо законномъ документѣ. Подобный долгъ выплачивается чрезвычайно аккуратно; онъ считается долгомъ чести, и въ случаѣ банкротства удовлетворяется ранѣе долговъ по законнымъ документамъ.

Привязанность янки къ труду, страсть ихъ къ обогащенію, предпріимчивый характеръ, качества, не понятыя европейскими путешественниками, были ославлены грубостію нравовъ, черствымъ эгоизмомъ, даже отсутствіемъ нравственныхъ побужденій. Между тѣмъ характеръ чистаго янки — смѣсь нѣжности и добродушія. Онъ обнаруживается съ особенною силою въ американскомъ гостепріимствѣ.

Кто не бывалъ въ Соединенныхъ штатахъ, тотъ врядъ ли видѣлъ настоящее гостепріимство. Янки, можетъ быть, незнакомы съ утонченностями европейской вѣжливости, но взамѣнъ ея, они обладаютъ искренней, задушевной, сердечной простотою, которая, разумѣется, стоитъ гораздо выше искуственной европейской услужливости. Европеецъ умѣетъ давать пылкія обѣщанія, ловко оттѣняетъ свою преданность и уваженіе, но по большей части также ловко ограничиваетъ ихъ однѣми словами. Янки же просто пожметъ вашу руку и безъ всякихъ цвѣтистыхъ фразъ также просто пригласитъ васъ къ себѣ, — тѣмъ дѣло и кончится. Благодарности онъ не любитъ, за то онъ самъ, его время, его деньги, — все къ вашимъ услугамъ: таковы тамъ законы гостепріимства.

Честность янки достойна изумленія. Приведу фактъ, можетъ быть мелкій самъ по себѣ, но прекрасно характеризующій какъ честность американцевъ, такъ и ихъ способность къ самоуправленію. Въ Европѣ, пожалуй, готовы счесть подобный фактъ выдумкой досужаго воображенія, но тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ достовѣренъ. Это—способъ расплаты пассажировъ за мѣста въ городскихъ омнибусахъ. При входѣ въ карету у пассажира никто не спрашиваетъ денегъ за мѣсто. Внутри ея есть ящикъ, въ который каждый пассажиръ опускаетъ слѣдуемыя съ него деньги за проѣздъ, и никогда не бывало примѣра, чтобы кто нибудь забылъ опустить слѣдуемую плату или положилъ монету меньшей цѣны. Каждаго пассажира контролируетъ публика, сидящая въ каретѣ.

Американецъ, какъ въ общественной, политической, такъ и частной жизни—истинный демократъ. Куда ни посмотрите, въ городѣ ли, въ деревню, вездѣ даетъ себя чувствовать сила демократическаго принципа. Войдите въ семью, она устроена на демократическихъ началахъ, разсмотрите отношенія хозяевъ къ рабочимъ, къ домашней прислугѣ — они чисто демократическія; отношенія гражданъ между собою, къ административнымъ властямъ и властей къ гражданамъ — вездѣ господствуетъ демократическій принципъ.

Пришлось вамъ ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ. Идете вы въ кассу и спрашиваете билетъ перваго класса; вамъ говорятъ, что на желѣзныхъ дорогахъ въ Соединенныхъ штатахъ нѣтъ раздѣленія на классы: всѣ билеты продаются по одной цѣнѣ, и вамъ предстоитъ

только выборъ вагона, въ какой вы желаете сѣсть. «По всѣ вагоны устроены одинаково», съ улыбкой замѣчаетъ кассиръ. Американскій демократическій характеръ не могъ бы вынести раздѣленія на классы! Убѣждаетесь вы въ этомъ и направляетесь къ вагону. Тамъ вы встрѣчаете самое разнообразное общество. Каждый во время пути дѣлаетъ что ему угодно — ѣстъ, пьетъ, куритъ, прохаживается по корридору. Иностранные путешественники съ трудомъ свыкаются съ подобнымъ безпорядкомъ. Ихъ поражаетъ шумъ, безцеремонныя позы сидящихъ, прогулка по вагону и прочія странности американцевъ, неизвѣстныя на желѣзныхъ дорогахъ стараго свѣта. Но американцы любятъ такую свободу, и какое либо стѣсненіе, выдуманное ради приданія вида благопристойности, было бы для нихъ нестерпимо.

Зайдемте пожалуй на балъ, который дается на водахъ въ Саратогѣ. Туда стекается во время сезона весь фешенебльный свѣтъ. За входъ на этотъ балъ нужно заплатить весьма умѣренную цѣну. Что за чудеса! Какъ попалъ сюда вотъ этотъ молодецъ съ грубымъ, загорѣлымъ лицемъ, въ толстой, весьма неизящной обуви? Онъ танцуетъ съ леди, туалетъ которой весьма сомнительнаго достоинства. Да онъ не одинъ, такихъ, какъ онъ, много танцуетъ въ разныхъ концахъ залы, и танцуютъ вмѣстѣ съ расфранченными джентльменами и леди, одѣтыми по послѣдней парижской модной картинкѣ. И здѣсь демократическое начало равенства имѣетъ свою силу!

Палата депутатовъ также чисто демократическое учрежденіе. Въ засѣданіяхъ ея полнѣйшее отсутствіе этикета и церемоніала. Свобода рѣчей полная; каждый можетъ выражать всякое мнѣніе, какое ему заблагоразсудится, можетъ защищать, что ему угодно, хотя бы сущую галиматью. Въ послѣднемъ случаѣ его станутъ прерывать свистками, насмѣшками, ругательствами, но никто никогда не потребуетъ, чтобы такой ораторъ замолчалъ. Но когда онъ кончитъ свою рѣчь, никто ему не станетъ возражать; этимъ презрѣніемъ превосходно выражается общественное мнѣніе. Презрѣніе выражается еще другимъ способомъ, который на попалъ убиваетъ оратора: палата даже не удостоиваетъ его свистковъ, насмѣшекъ -ругани Такой участи во время войны подвергались почти всѣ ораторы, говорившіе въ пользу удержанія рабства.

При такихъ качествахъ народнаго характера вполнѣ понятна способность американцевъ къ самоуправленію. Въ этомъ отношеніи съ ними могутъ соперничать развѣ одни англичане. О способности американцевъ къ самоуправленію говорить много нечего; выше я привелъ нѣсколько весьма яркихъ фактовъ, которые весьма краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Приведу здѣсь примѣръ американскаго самообладанія, который превосходно отвѣчаетъ на обвиненіе американцевъ въ безпорядочности и анархичности ихъ выборовъ. Выборы шумны и часто сопровождаются драками, — это правда, но подобное встрѣчается вездѣ, а не въ однихъ Соединенныхъ штатахъ. Но послѣ этихъ шумныхъ и бурныхъ дней, наступаютъ тамъ дни тишины и торжественнаго спокойствія. Это дни, въ которые отбираются голоса. Во всѣ эти дни кабаки заперты. Порядокъ при подачѣ голосовъ изумительный; каждый спокойно ждетъ своей очереди и нѣтъ мѣста ни ссорамъ, ни оскорбленіямъ. Но кто же устроиваетъ порядокъ? — Полиція? — Ее вовсе не бываетъ. Сами граждане заботятся объ установленіи должнаго порядка.

Тутъ кстати прибавить, что послѣ избирательной борьбы, когда станутъ извѣстны результаты выборовъ, мгновенно все вступаетъ въ обычную колею. У американцевъ сильно развито чувство законности и порядка, и они по своей практичности, всегда умѣютъ мириться съ совершившимся фактомъ, устранить который уже нѣтъ возможности до новыхъ выборовъ.

Къ этому остается прибавить еще американскую терпимость и взглядъ ихъ на дуэли.

Нѣкоторые отдѣльные безобразные поступки южанъ съ плѣнными армій сѣвера подали поводъ къ ярымъ нападкамъ европейской журналистики, обвинявшей всѣхъ вообще американцевъ въ крайней нетерпимости. Если это обвиненіе могло кинуть справедливую тѣнь на войска южныхъ штатовъ, то ни въ какомъ случаѣ оно не могло относиться къ ихъ противникамъ. Извѣстно, что многія жены, дочери и сестры мужей, отцовъ и братьевъ, сражавшихся противъ правительственныхъ армій, проживали въ городахъ сѣверныхъ штатовъ, даже въ Вашингтонѣ, и никто никогда не рѣшился оскорбить ихъ. Они продолжали пользоваться своими правами, показывались на балахъ, въ театрахъ, публичныхъ гуляньяхъ.

Дуэль запрещена американскими законами. Общественное мнѣніе противъ ея примѣненія. На дуэлиста въ Соединенныхъ штатахъ смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на человѣка, который безъ всякой возможной пользы играетъ жизнію. Дуэль, по этому, считается признакомъ глупости.

Вотъ болѣе яркія качества характера янки, которыя не были замѣчены проницательными европейскими публицистами, предсказывавшими гибель республики. Эти-то качества истинныхъ гражданъ ручаются за дальнѣйшее развитіе учрежденій Соединенныхъ штатовъ, за постоянный прогрессъ. Страна, гдѣ трудъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ —великая страна. Въ такой здоровой странѣ люди сильны и мужественны; они съумѣютъ постоять за себя. Такая страна погибнуть не можетъ!

Н. Ш.

ВЛІЯНІЕ АКЦИЗНОЙ СИСТЕМЫ СЪ ВИНА НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Предоставленіе земству VI пунктомъ 2 статьи Положенія о земскихъ учрежд. «попеченія о развитіи мѣстной торговли и промышленности» — дало возможность коснуться въ Земскихъ собраніяхъ законоположеній, стѣсняющихъ, почти повсемѣстно, многія отрасли промышленности, въ особенности сельско-хозяйственной. Такъ напр. большинство собраній, преимущественно малороссійскихъ губерній, почти единогласно осудило стѣснительность высокаго акциза съ табаку въ сыромъ видѣ и соли. Несоразмѣрность акциза на соль признана одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка скотоводства, безъ развитія котораго немыслимо развитіе земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства.

Совершенно иначе отнеслось земство къ вопросу о винномъ акцизѣ. Вопросъ этотъ, хотя не оставленный безъ обсужденія—и даже очень пространнаго—ни однимъ изъ земскихъ собраній, можно сказать, только скользнулъ въ умахъ земства, одною внѣшнею своею стороною: вездѣ раздались жалобы на чрезвычайное пьянство, на размноженіе кабаковъ, жалобы на дешовку,—и затѣмъ очень многіе проекты о ходатайствѣ возвысить акцизъ съ вина, обложить наибольшимъ сборомъ мѣста продажи питей и т. д. Однимъ словомъ, собранія не коснулись не только экономической стороны вопроса, до чрезвычайности важной, но даже не вникли глубже и въ нравственную.

Соціальный переворотъ, произведенный манифестомъ 19 февраля 1861 года, не могъ подѣйствовать на землевладѣльцевъ въ первое время иначе, какъ неблагопріятно. Они лишились дарового труда, не имѣли необходимыхъ капиталовъ для введенія новой системы хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ, не имѣли достаточныхъ занятій для раціональнаго хозяйства. Отсюда временный упадокъ сельско-хозяйственной производительности, значительное уменьшеніе средствъ землевладѣльцевъ. А такъ какъ землевладѣльцы главнѣйшіе потребители въ государствѣ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ обѣдненія ихъ, черезъ годъ другой, долженъ былъ произойти упадокъ фабричной промышленности и торговли. 1 января 1863 года послѣдовала отмѣна откуповъ; мѣста продажи вина, эти народные клубы, умножились, денежная спекуляція бросилась въ эту отрасль промышленности и расплодила кабаки; недовольные освобожденіемъ крестьянъ приняли это обстоятельство за упадокъ народной нравственности и опрокинулись на пьянство, подняли серьезный вопросъ, составилась коммисія для его обсужденія—и результатомъ ея изслѣдованія было: что всеобщія жалобы на пьянство оказались преувеличенными! Неминуемымъ слѣдствіемъ пьянства долженъ былъ бы оказаться упадокъ народнаго благосостоянія, и безъ того у насъ крайне незавиднаго; а между тѣмъ, изъ всѣхъ предметовъ фабричнаго производства, наплучшій сбытъ имѣли предметы крестьянскаго потребленія.

«Суровость нашего климата непремѣнно требуетъ употребленія крѣпкихъ напитковъ,» говоритъ Тенгоборскій; водка представляетъ предметъ первой необходимости для низшаго класса: она даже необходима, какъ средство гигіеническое». Но здоровое, при климатическихъ условіяхъ Россіи и при тяжелыхъ крестьянскихъ работахъ, ежедневное употребленіе вина за обѣдомъ, завтракомъ и ужиномъ, для крестьянина недоступно; вознаграждая себя за это лишеніе по праздникамъ, онъ никакъ не примѣнится къ пропорціи—перепуститъ—и выходитъ безобразіе. Только въ этомъ неправильномъ и лихорадочномъ употребленіи водки нашимъ народомъ и можно находить вредную сторону нашего пьянства. Но для устраненія какихъ бы то ни было явленій, нужно отыскать и уничтожить истинную причину ихъ. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на очевидныхъ, ниже изложенныхъ доводахъ, причиною неравномѣрнаго и непропорціональнаго употребленія вина, со всѣми отъ этого послѣдствіями — вся предшествовавшая система винной продажи, со включеніемъ и нынѣшней акцизной. Система

эта во 1-хъ. спеціализировала эту продожу въ кабакахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ *исключительно* винной продажи; а во 2-хъ, сдѣлала этотъ продуктъ и нынѣ все-таки недоступнымъ къ ежедневному равномѣрному употребленію для народа, — такъ какъ цѣна за ведро вина въ чарочной продажѣ 5 р. с. и дороже. Докажемъ сначала первое наше положеніе, затѣмъ уже перейдемъ ко второму. Общительность, потребность провести свои досуги въ обществѣ, развлечься послѣ трудовъ—присущи природѣ каждаго человѣка, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ. Высшіе классы имѣютъ и клубы, и театры, и средства принимать общество у себя, и досуги на это; а главное — книги! Всѣхъ этихъ удобствъ лишенъ крестьянинъ. Для удовлетворенія указанной нами несомнѣнной потребности сообщества—имѣетъ онъ только кабакъ—единственный открытый для него клубъ, куда заходитъ онъ съ кумомъ или сватомъ, съ которымъ не хочется же разстаться не покалякавши. Вышивка не всегда единственное къ этому побужденіе, а болѣе сообщество; а зайти больше некуда. А что это мѣсто безобразное, въ этомъ виноватъ не крестьянинъ. Вся предшествовавшая *откупная* система направлена была къ опаиванію крестьянина. Откупъ дорожилъ цѣловальниками и сидѣльцами, умѣвшими соблазнить крестьянина, спаивать съ круга цѣлыя окрестности. Многіе изъ этихъ агентовъ не гнушались ни краденымъ, ни послѣднею крестьянскою одеждой и утварью, даже поощряли къ подобнымъ приношеніямъ. Большинство кабаковъ содержится тѣми же бывшими агентами и при нынѣшней акцизной системѣ и съ тѣми же пріемами зазыванія. Что же могъ добраго вынести крестьянинъ изъ подобныхъ грязныхъ вертеповъ?

Переходя къ доказательствамъ втораго нашего положенія, мы должны сказать, что вино пьютъ не одни крестьне: всѣ мы, за не многими исключеніями, пьемъ вино. Для человѣка извѣстныхъ лѣтъ выпить рюмку передъ завтракомъ, другую передъ обѣдомъ и третью передъ ужиномъ—дѣлается потребностью. Каждый изъ насъ, пьющій только въ этой пропорціи, потребляетъ вина не менѣ 5 ведръ ($^1/_{10_0}$ ведра—самая малая мѣра въ розничной продажѣ вина, составляющая не болѣе двухъ рюмокъ); цифра почтенная! Средняя же пропорція выпиваемаго по губерніямъ вина—гораздо менѣе одного ведра на душу, полагая изъ 74 милліоннаго населенія Россіи, только 33% пьющихъ, т. е. выключая малолѣтнихъ, женщинъ и высшіе классы. Значитъ, крестьянинъ выпиваетъ менѣе чѣмъ впятеро противу на-

шего. Спрашивается: почему же не жалуются на пьянство въ высшихъ классахъ? почему оно дѣйствительно не существуетъ въ этихъ классахъ при столь огромной пропорціи потребленія? Почему наконецъ въ крестьянскомъ сословіи, при столь ничтожной пропорціи годичнаго потребленія вина, происходятъ, будто бы, такія бѣдствія? Почему даже число несчастныхъ случаевъ отъ пьянства идетъ совершенно въ обратномъ порядкѣ къ потребляемому количеству вина? Все дѣло исходитъ отъ той простой причины, что для насъ по карману выпить три рюмки вина въ день, что мы привыкли къ нему, въ состояніи взвѣсить его силу и пользоваться только полезною стороною этой силы. Для крестьянина правильное употребленіе водки недоступно, и потому онъ переходитъ за границы. Тотъ же, но только разбогатѣвшій крестьянинъ, имѣющій возможность, употреблять при столѣ ежедневную порцію вина,—не напьется пьянъ и въ праздникъ (исключая болѣзненныхъ явленій—запоя.)

Если для кого не убѣдительны указанные нами доводы, то лучшимъ доказательствомъ правильности такого взгляда на дѣло можетъ служить примѣръ малороссійскихъ губерній въ до-акцизное время: при отсутствіи откуповъ, чарочная продажа вина была не много дороже 1 р. сер. за ведро. Потребляемая пропорція была огромна; а между тѣмъ пьянства было тамъ несравненно менѣе, нежели въ какихъ бы то ни было мѣстностяхъ Россіи.

Наконецъ, сравнительный статистическія данныя также подкрѣпляютъ наше мнѣніе, показывая, что общій уровень общенародной нравственности и благосостоянія находится въ прямомъ отношеніи съ величиною акциза на вино. Въ Англіи акцизъ съ вина составляетъ $^1/_8$ всего дохода, и продажа его обставлена сравнительно большими стѣсненіями.

Комужъ неизвѣстно, что центральныя мѣстности Англіи, т. е. многолюднѣйшіе города ея страдаютъ и наибольшимъ пауперизмомъ и отличаются большею массою преступленій?

Винный акцизъ Франціи составляетъ $^1/_{10}$ всего дохода и тѣ же явленія повторяютсятолько въ нѣкоторой степени слабѣе.

Винный акцизъ Пруссіи составлеетъ $^1/_{20}$ всего дохода,—и какое же изъ европейскихъ государствъ отличается наибольшей трезвостью и болѣе равномѣрнымъ благосостояніемъ! У насъ же въ Россіи доходъ съ вина составляетъ около 48% всего дохода государства.

Такимъ образомъ, мы убѣждены, что причины видимыхъ явленій

ньянства—*спеціальныя* мѣста исключительно винной продажи и высокая продажная цѣна. Остается указать мѣры къ уничтоженію этихъ причинъ, такія мѣры, которыя вполнѣ согласовались бы съ народнымъ благосостояніемъ и съ улучшеніемъ народной нравственности. Мѣры эти, по крайнему убѣжденію нашему, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ ограниченіи акцизнаго надзора одними только винокурными заводами—контролированіи одного производства, не касаясь продажы вина. Пусть вино сдѣлается предметомъ свободной торговли, обыкновеннымъ товаромъ, который, по обыкновенному торговому свидѣтельству, безъ всякихъ особыхъ патентовъ, *безъ распитія на мѣстѣ*, продается тамъ же, гдѣ продается масло, ситцы, деготь, ланти и т. п. За правильностью этой продажи можно предоставить слѣдить самому обществу въ лицѣ земскихъ учрежденій и отмѣнить всякій особый надзоръ, благодаря стѣснительности котораго, вино въ чарочной продажѣ обходится свыше 5 р. сер. за ведро. Тогда всякій торговецъ ограничится обыкновеннымъ торговымъ процентомъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и настоящій, дорого стоющій составъ акцизныхъ чиновниковъ все-таки недостаточенъ для надзора за продажею вина, и потому надзоръ этотъ болѣе внѣшній. При ограниченности разстояній, на которыхъ раскинуты наши селенія, помощникъ акцизнаго надзирателя, при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своей обязанности, не можетъ болѣе одного раза въ годъ осмотрѣть питейныя заведенія своего участка. Привлеченіе къ участію свободныхъ отъ дѣла надсмотрщиковъ, разрѣшенное министерскимъ циркуляромъ, встрѣчено было со стороны губернскихъ управляющихъ, справедливымъ, въ большой части случаевъ, недовѣріемъ къ этимъ надсмотрщикамъ. Во время производства винокуренія цѣловальники совершенно изъяты отъ контроля, ибо въ это время все вниманіе акцизныхъ чиновниковъ поглощено винокуренными заводами; чиновникамъ этимъ, оффиціально даже разрѣшено, на это время, не посѣщать заведеній для продажи питей.

2) Въ виду сознанной зловредности кабаковъ (или еще она не сознана?) закономъ въ правѣ уничтожить мѣста исключительной продажи одного вина *распивочно*, возложивъ, какъ выше сказано, на самое общество заботу—слѣдить, чтобы распивочной продажи не производилось. Затѣмъ можетъ быть дано разрѣшеніе производить чарочную продажу только въ трактирахъ, харчевняхъ, постоялыхъ

дворахъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ производится *преимущественная* торговля кушаньями, чаемъ, пивомъ; словомъ превратить кабаки въ деревенскія трактиры. На постоялыхъ дворахъ (разумѣется не тѣхъ, какіе носятъ только вывѣску ихъ) хотя и производится продажа вина, но какъ тамъ имѣются и чай и самовары, крестьяне охотнѣе «балуются чайкомъ», нежели виномъ; дайте имъ такія мѣста и въ деревняхъ! Собираясь туда, они станутъ бесѣдовать за чашкой, а не за чаркой.

3) При пониженіи акциза не только на половину, а даже до $^2/_3$ нынѣшней нормы, ущерба въ полномъ итогѣ нынѣшняго сбора опасаться нечего. Кромѣ приведенныхъ выше доводовъ и прежнихъ примѣровъ малороссійскихъ губерній, мы положительно докажемъ ниже, что потребленіе вина, немногимъ болѣе, чѣмъ утроится, слѣдовательно, казна получитъ свое съ лихвою. Самое производство вина увеличится, оказавъ прямую пользу народному хозяйству. Явленія же пьянства исчезнутъ, вслѣдствіе той весьма простой причины, что вино, сдѣлавшись крестьянину доступнымъ, станетъ предметомъ привычнаго для него потребленія, во время и въ мѣру; перестанетъ быть предметомъ соблазна.

Не ясно ли уже доказано, въ высшей степени дорогое откупное и очень дорогое акцизное вино, что высокая цѣна безсильна пресѣчь или даже уменьшить явленія пьянства? Выпившій по непривычкѣ не въ мѣру—не считаетъ далѣе: дорого ли дешево ли, пьяный—плохой счетчикъ! Если съ цивилизованнымъ человѣкомъ нерѣдки случаи, что разчитывая издержать въ клубѣ напр: 10 р, послѣ выпитой бутылки, тратитъ 50 р., то какъ же мы будемъ ждать большой расчетливости отъ неразвитаго крестьянина! «Настоящій пьяница» говоритъ Тенгоборскій «рѣдко отказываетъ себѣ при возвышеніи цѣны; вмѣсто того, чтобъ отказаться отъ порока, онъ скорѣе оставитъ послѣднюю копѣйку въ кабакѣ, лишь бы только удовлетворить своей склонности. Человѣкъ порядочный и бережливый, напротивъ, отказываетъ себѣ въ винѣ, когда оно возвышается въ цѣнѣ. *Опытъ показалъ, что сбытъ водки и доходы съ нея получаются болѣе съ потребителей правильныхъ*, которые ежедневно употребляютъ небольшую порцію, нежели отъ тѣхъ, которые предаются пьянству. Списки сбора пошлинъ за водку въ Пруссіи отъ 1833—1838 года представляютъ намъ разительный тому примѣръ.

Въ вел. герц. Познанскомъ, гдѣ встрѣчается гораздо болѣе

пьяницъ въ низшемъ классѣ народа, нежели въ германскихъ провинціяхъ, на каждаго пришлось не болѣе 7, 46 квартъ=0, 97 ведра; тогда какъ въ Саксоніи (прусской), гдѣ крестьяне болѣе умѣренны и бережливы, потреблено 10,77 квартъ, а въ Бранденбургіи 15,3 кварты=1,37 ведра на каждаго, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое относительно вел. герц. Познанскаго. Это объясняется довольно естественными причинами. Обыкновенно пьяница—плохой работникъ; очень часто онъ остается безъ дѣла, и послѣ обильныхъ возліяній, въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ долго не имѣетъ средствъ купить хотя малую порцію водки: напротивъ, человѣкъ, ведущій правильную жизнь, употребляетъ ее каждый день утромъ и за обѣдомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что доказывать вредъ откупной системы излишне. Настоящая акцизная система, хотя не заслуживающая укора въ такой же степени, тѣмъ не менѣе вредно вліяетъ на нравственность вотъ въ какомъ отношеніи: самая высота акциза служитъ большимъ искушеніемъ и толкаетъ на преступленіе какъ производителей, такъ и продавцевъ вина, тѣмъ или другимъ способомъ; тѣмъ болѣе, что уровень нравственности большинства послѣднихъ низокъ, и многіе изъ нихъ практиковали уже при откупахъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣку посредственной нравственности не соблазниться—затереть лишнихъ 5, 10 пудовъ муки когда цѣна градуса алкоголя въ продажѣ ½ коп. и менѣе, акцизъ же 5 к. съ градуса? Какъ цѣловальнику не подлить въ вино воды и не сорвать лишнюю копѣйку съ крестьянина, да еще и охмѣлѣвшаго? Это разъ; а второе то, что изъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ при производствѣ вина на винокуренныхъ заводахъ ни одно не рѣшено доселѣ въ томъ грозномъ смыслѣ, какой назначенъ нарушителямъ по уст. о пит. сборахъ. Эта нерѣшительность и колебаніе при назначеніи наказаній сообразно уставу служитъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ—не такъ, молъ, чортъ страшенъ, какъ его рисуютъ.

Уничтоженіе патентовъ не повлечетъ за собою уменьшенія государственнаго дохода. Въ особенности если правительство уменьшитъ цѣну на торговыя свидѣтельства и такимъ образомъ привлечетъ къ

торговому дѣлу вообще людей и съ небольшими капиталами. Возвышеніе патентовъ вызываетъ единодушную радость крупныхъ торговцевъ (владѣльцевъ складовъ) и заводчиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были бы рады поднять цѣну патентовъ до 100 р. Тогда монополія пріобрѣла бы еще болѣе силы. Нѣкоторые изъ земскихъ собраній положили съ мѣстъ продажи вина по 12 р. въ земскій сборъ несовсѣмъ расчетливо, какъ потому, что налогъ этотъ цѣликомъ упадаетъ на потребителя, а не на продавца, такъ и потому, что тяжесть налога еще болѣе монополизируетъ торговлю виномъ. Неужели откупъ еще недостаточно доказалъ: чего можно ожидать отъ монополіи въ торговлѣ виномъ?

Извѣстно, что съ откупной системой, а еще болѣе съ настоящей акцизной—винокуреніе потеряло очень много, и заводовъ закрылось болѣе, чѣмъ на половину: въ 40-хъ годахъ въ однихъ *только западныхъ губерніяхъ* и *Малороссіи* считалось болѣе 6840 заводовъ (журн. мин. госуд. имущ. 1852, №2.); теперь же винокурныхъ заводовъ *во всей Россіи только* 4311. (Статистич. Временникъ центр. стат. комит. мин. вн. дѣлъ). «Въ экономическомъ отношеніи», говоритъ Тенгоборскій, «этой промышленности до такой степени способствуетъ изобиліе и дешевизна хлѣба *во многихъ частяхъ Россіи*, что водка могла бы сдѣлаться важнымъ предметомъ нашей внѣшней торговли: мы могли бы, въ случаѣ нужды, выставить количество отъ 20 до 60 милліоновъ ведръ».

По вычисленію Евстигнѣева (Москва изд. 1865 г. стр. 464), винокуренный заводъ съ 55 пудовымъ заторомъ прокармливаетъ остатками: 7 лошадей, 10 быковъ, 44 коровы и 35 свиней. Ясно поэтому, что въ прежнее время, когда, въ особенности въ малороссійскихъ губерніяхъ, винокуреніе доступно было для многихъ и съ небольшими достатками — при винокуренныхъ заводахъ выкармливалось огромное количество свиней и рогатаго скота. Этимъ самымъ винокуренные заводы благодѣтельно вліяли на скотоводство, земледѣліе, отпускъ сала, мыла, свѣтъ и вообще на соединенную съ сельскимъ хозяйствомъ заводскую и фабричную промышленность—кожевенную и проч., и. чѣмъ мельче были эти заводы, тѣмъ вліяніе это больше простиралось на народныя массы.

Новѣйшими положеніями экономистовъ признана аксіома: что государство истинно богатѣетъ только тогда, когда богатства разливаются какъ можно дальше и равномѣрнѣе въ глубину народныхъ массъ и когда законы не препятствуютъ принимать участія въ промышленности самымъ маленькимъ капиталамъ. Поэтому необходимо, — если государство хочетъ народнаго благосостоянія, — уничтожить и настоящее привиллегированное винокуреніе, разрѣшивъ его лицамъ всѣхъ сословій, званій и состояній, не стѣсняя никого размѣромъ затора. Этого требуютъ интересы земледѣлія и скотоводства и тѣсно связанныхъ съ ними другихъ промысловъ. Опасенія, что съ такими мелкими заводами необходимо увеличеніе состава акцизныхъ чиновниковъ—устраняются тѣмъ, что за чиновниками этими останется *только* надзоръ за производствомъ вина, безъ *всякаго вмѣшательства въ его продажу*. При этомъ, само собою слѣдуетъ если не совершенно уничтожить, то уменьшить до minimumа цѣну патентовъ на винокуреніе.

Къ какимъ результатамъ привела настоящая акцизная система съ 5-копѣечнымъ акцизомъ съ градуса? Теперь, съ истеченіемъ четырехлѣтія акцизной системы, можно сказать безошибочно: 1, государственный доходъ съ каждымъ годомъ падаетъ. 2, промышленность, какъ винокуренная, такъ и тѣсно съ нею связанныя — земледѣліе, скотоводство, и другія промыслы пострадали. 3, нравственность народная не улучшилась, число смертныхъ случаевъ не уменьшилось; что же въ этомъ утѣшительнаго? *Трезвость и среднее количество потребленія вина прямо пропорціональны цифрѣ матеріальнаго благосостоянія.* Это положеніе неоспоримо, и тотъ, кто заботится объ удешевленіи всѣхъ жизненныхъ продуктовъ для массъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшій поборникъ нравственности народной. Уровень народной нравственности поднимается знаніемъ, а не стѣсненіемъ промысловъ. Школы нужны для народа, съ хорошими въ нихъ учителями, о приготовленіи которыхъ заботится земство; но тѣмъ не менѣе, пока не будетъ школъ, хотя при тѣхъ средствахъ, какія теперь подъ руками, неоткуда выдти и учителямъ. Итакъ, гдѣ ужъ земскія учрежденія обложили сборомъ питейныя заведенія и заводы, и смѣты получили утвержденіе, желательно бы по крайней мѣрѣ, чтобы сборъ этотъ всецѣло употребленъ былъ на устройство школъ.

Мы заключимъ наше разсужденіе объ этомъ вопросѣ во первыхъ замѣчательными словами, сказанными кн. Васильчиковымъ въ пов-

городскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 8 декабря 1865 года. «Весь вопросъ заключается въ томъ, изъ какихъ источниковъ покрыть дефицитъ, который неминуемо произойдетъ въ государственномъ бюджетѣ.» На этотъ государственный вопросъ отвѣчаетъ ясно и утвердительно заявленіе нашего гласнаго крестьянина Тарасова. Русскій народъ, если онъ пойметъ свои прямыя выгоды и поставитъ свои прочные нравственные интересы выше временныхъ, долженъ признать и признаетъ необходимость замѣнить прямыми налогами питейно-акцизный доходъ, и во вторыхъ мы можемъ напомнить о замѣчательной, памятной для всѣхъ рѣчи г. Самарина, произнесенномъ имъ въ нынѣшнемъ московскомъ земскомъ собраніи, по случаю записки г. Смирнова о пьянствѣ и безнравственности крестьянъ.

Экспресъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Въ Главную Контору «Дѣла» не рѣдко адресуются жалобы на невысылку отдѣльныхъ выпусковъ изданія г. Ковалевскаго *Жизни животныхъ* д-ра Брема. Редакція «Дѣла» считаетъ долгомъ предупредить своихъ подписчиковъ, что у нея нѣтъ ничего общаго съ г. Ковалевскимъ, и потому жалобы, касающіяся его изданій, должны быть адресованы къ этому издателю, а не въ Главную контору «Дѣла».

---

1. *Въ Ананьевъ* Херс. губ. Библіотекѣ 56-го пѣхотнаго Житомірскаго полка. По справкѣ, наведенной въ почтамтѣ, вслѣдствіе вашей жалобы, книжки журнала «Дѣло» были отправлены вамъ сполна, т. е. всѣ доселѣ вышедшія шесть книжекъ, на что и имѣется почтовая квитанція.

2. *Въ Бронницы* Моск. губ. Г. Р—му. 5-я книжка журнала «Дѣло» вамъ послана 5 мая. Получили ли вы ее теперь? — Увѣдомьте.

3. *Въ Бѣлозерскъ*. Г. Ф—ву. 5-я книжка журнала «Дѣло» вамъ послана 5 мая. Получили ли вы ее?—Увѣдомьте.

4. *Въ Переяславль* Полтав. губ. Г. Ст—нъ-Кам—му. 5-я книжка журнала «Дѣло» вамъ послана 8 мая.

5. *Въ Купчино* Бес. Обл. Г. Б—му. 4-я книжка журнала «Дѣло» отправлена вамъ 16 марта, въ чемъ и имѣется почтовая квитанція. Потрудитесь справиться получше въ мѣстной почтовой конторѣ.

6. *Въ Самару*. Г. Е. Н. Ап—ву. Книжки журнала «Дѣло» 1, 2, 3, 4, 5 и 6 отправлены вамъ 9 мая. Въ полученіи ихъ Газетная экспедиція имѣетъ росписку вашего довѣреннаго г. *Салфирова*.

7. *Въ Могилевъ*, въ г—зію. 1-я книжка журнала «Дѣло» отправлена вамъ октября 4. Увѣдомленіе объ этомъ получено отъ почтовой конторы.

8. *Въ Кострому*, въ Губернское Правленіе. 2 и 3 книжки журнала «Дѣло» отправлены вамъ одновременно 7 марта, въ чемъ и имѣется въ Газетной Экспедиціи росписка мѣстной почтовой конторы отъ 15 марта. Потрудитесь справиться получше и увѣдомить.

9. *Въ Кольно* г. П—ку Фр—цу. 1, 2, 3 и 4 книжки журнала «Дѣло» были отправлены вамъ по вашему прежнему адресу въ Старицу, о чемъ и сообщено въ Старицкую почтовую контору о немедленной пересылкѣ вамъ вышеозначенныхъ книжекъ по вашему настоящему адресу. Получили ли вы ихъ теперь?—Увѣдомьте.

10. *Въ Кострому*. Г. Ром—су. 2 и 3 книжки «Дѣла» были высланы вамъ въ Москву, въ кв. коменданта, по вашему желанію, а 5-ю книжку, излишне высланную вамъ, Редакція проситъ васъ передать въ мѣстную почтовую контору для отсылки обратно въ С.-петербургскую Газетную Экспедицію для передачи въ главную контору «Дѣла».

11. *Въ Казань*. Г. Шид—му. По счетамъ бывшей Редакціи «Русскаго Слова» за вами остается долгу 28 р. и при нынѣ полученныхъ 25 р. недостаетъ 1 р. Итого за вами 29 р., которые и благоволите дослать для окончательнаго разсчета.

12. *Въ Стерлитомакъ*. Г. Ф—су. Главная контора «Дѣла», нашяцаго 1-го іюля получила отъ васъ 7 р. на второе полугодіе, а между тѣмъ по прежнимъ счетамъ за вами оставалось долгу также 7 р., а потому прюсимъ васъ дослать ихъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„НАРМАНСКІЙ„

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Соч. **Петра Суворова.**

Цѣна за экземпляръ 40 к., съ пересылкою 50 коп. сер.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала «ДѢЛО»,

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

—

Сибирскіе воеводы. (Изъ иркутской хроники) *Н. Щукина.*
Засоренныя дороги. (Повѣсть) . . . . . *А. Михайлова.*
Физическія условія первоначальной цивилизаціи человѣка . . . . . *Де-Калонна.*
Отпѣтый. (Разсказъ. Изъ дневника моего пріятеля) . . . . . *А. Шкляревскаго.*
Семейство лѣсничаго. (Романъ Ф. Шпильгагена. Книга первая).
Ирландія. . . . . *Д. Л.*
Нужда пѣсенки поетъ. (Очеркъ изъ провинціальныхъ замѣтокъ) . . . . . *Г. И. Успенскаго.*
Статистика самоубійства . . . . . *Н. Радюкина.*
*** (Стихотвореніе) . . . . . *А. М.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

—

Гражданское развитіе Америки. Джона Вильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1866. Изд. А. Аргамакова . . . *Г. Л.*
Великіе люди. Разсказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ. Изд. П. А. Гайдебурова . . . . . *Н. Мирскаго.*
Убытки земледѣльческой Россіи. . . . . *Н. Р.*

—

Война готовится смениться мирным торжеством всемірной выставки въ Парижѣ. — Приготовленіе къ выставкѣ 1867 г. 1 апрѣля. — Зданіе для выставки и размѣры его.—Швейныя машины.—Ихъ благодѣтельное вліяніе. — Механическія орудія хлопчато-бумажнаго производства.—Изобрѣтенія.—Наводненія во Франціи.—Преступленія.—Судебные процессы.—Народные театры въ Италіи. — Открытіе останковъ Данта. — Исторія ихъ. — Изслѣдованіе остова и черепа Данта.—Памятникъ Франклину и боксеру Сайерсу.—О выходѣ полнаго сочиненія Дарвина.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

ГЛУМОВЫ. (Романъ Гл. I—IV). . . . . *Ѳ. М. Рѣшетникова.*

*** Стихотвореніе . . . . . *Л. П. Шелгуновой.*

ПЕРІОДЪ СѢВЕРНАГО ОЛЕНЯ ВЪ СРЕДНЕЙ ЕВРОПѢ . *К. Фогта.*

РАЗБИТАЯ КУКЛА. (Стихотвореніе) . . . . *П. Вормса.*

*** (Стихотвореніе) . . . . . *Л. П. Шелгуновой.*

СВАДЬБА ФИГАРО. (Комедія Бомарше, перев. съ франц.) . . . . . *М. Барсова.*

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗВИТІЯ ВЪ РОССІИ . . . . . *А. Щ.*

СЕМЕЙСТВО ЛѢСНИЧАГО. (Романъ Ф. Шпильгагена. Книга вторая).

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ РОССІИ . . . . . *П. Т.*

ФЕЛИКСЪ ГОЛЬТЪ. (Романъ Джоржа Эліота, автора «Адама Бида». Гл. I—V).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛ. И ЕЯ ИСТОРІЯ.

ОТЪ ЗЕМЛИ ДО ЛУНЫ 97 ЧАСОВЪ ПРЯМАГО ПУТИ. (Соч. Ж. Верна. Перев. съ франц.

Въ земледѣліи ли наша сила? . . . . . Н. Р.

—

Новости заграничной жизни.

Атлантическій телеграфъ.—Экономическое и нравственное ею значеніе.—Исторія этого предпріятія, неудачи его и успѣхъ. — Компанія атлантическаго телеграфа въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ.—Чистый годовой доходъ съ атлантическаго телеграфа. — Международный конгрессъ рабочихъ въ Женевѣ. — Мнѣнія, изложенныя на женевскомъ конгрессѣ. — Вопросъ о взаимномъ вспомоществованіи.—О рабочихъ часахъ.—О трудѣ женщинъ и дѣтей.—Собраніе британскаго общества натуралистовъ въ Ноттингэмѣ подъ предсѣдательствомъ Грове. — Метеоры, какъ космическія тѣла. — Метеориты. — Удѣльный вѣсъ минераловъ земной коры и внутренности земли. — Волканы луны. — Вопросъ о ея атмосферѣ.—Тождество физическихъ силъ. — Превращеніе движенія въ теплоту.— Аппаратъ Грове. — Вопросъ о превращеніи силы свѣта. — Вопросъ о самозарожденіи. — Опыты Пастера и опроверженіе ихъ Чайдомъ. — О ледяномъ періодѣ.—Новѣйшія изысканія по отношенію къ теоріи Дарвина.—Конгрессъ для развитія соціальныхъ наукъ въ Манчестерѣ.—Доходы американскихъ газетъ съ объявленій. — Несчастные случаи въ Америкѣ. — Вопросъ объ изчезновеніи полудикихъ племенъ. — Охота на индійцевъ. — Казнь сыноубійцы въ Лондонѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЕЙ КНИЖКИ.

—

Благовѣщенскъ . . . . . *Д. И. Стахѣева.*
Глумовы. (Романъ. Гл. V—XI) . . . . . *Ѳ. М. Рѣшетникова.*
На пути. (Стихотвореніе). . . . . *Л. П. Шелгуновой.*
Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи. (Ст. вторая и послѣд.) *А. Щ.*
Производительныя силы Россіи. (Ст. вторая). *П. Т.*
*** (Стихотвореніе) . . . . . *Л. П. Шелгуновой.*
Американскія тюрьмы . . . . . *П. Т.*
Приключенія Лаврентія Молодкова. (Святочные разсказы) . . . . . *И. Б—къ.*
Безсиліе умственной бѣдности . . . . . *Н. Р.*
Феликсъ гольтъ. (Романъ Джоржа Элліота, Гл. VI—XI).
*** (Стихотвореніе) . . . . . *Л. П. Шелгуновой.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

—

Образованная толпа. (Соч. Ѳ. М. Толстаго 2 т.) А. *Пушилова.*
Русская литература XVII столѣтія и ея исторія.

Новыя книги. *Парижъ въ Америкѣ.* Доктора Рене Лефевра. Пер. съ франц., съ XII изд. Спб. 1865. Н. Р. *Бэконъ Веруламскій.* Соч. Куно-Фишера, изданное въ русскомъ изложеніи Ф. Терновскимъ. Кіевъ 1866. К. Случевскій. *Явленіе русской жизни подъ критикой эстетики.* І. Прудонъ объ искусствѣ, его переводчики и критикъ. Спб. 1866. *Искусство французской кухни XIX столѣтія.* Гастрономическое и практическое производство, составленное Антономъ Каремъ въ Парижѣ. Переведена и издается Т. Т. Учителевымъ. Т. І. Спб. 1866.

—

Новости заграничной жизни . . . . . *Жака-Лефреня.*

Поѣздка моя въ Манчестеръ на конгрессъ соціальныхъ наукъ. — Встрѣча съ американцемъ-филантропомъ.—Учрежденіе имъ дѣтскаго пріюта въ Нью-Іоркѣ.— Посѣщеніе Рокетской тюрьмы.—Очеркъ мѣстностей и городовъ, попадавшихся мнѣ по дорогѣ.—Пріѣздъ въ Манчестеръ.—Открытіе конгресса вступительною рѣчью лорда Шефтсбери.– Программа дебатовъ, происходившихъ на конгрессѣ.—Юридическое отдѣленіе: вопросъ о правѣ литературной собственности и о выдачѣ преступниковъ между государствами. — Вопросъ о предупрежденіи преступленія.—Жестокость наказанія можетъ ли служить раціональной мѣрой его предупрежденія? — Средства для распространенія образованія между бѣдными и рабочими классами.— Система обязательнаго обученія въ элементарныхъ школахъ.—Вліяніе клерикальной партіи.—Рѣчь г. Ферра о народномъ здоровьи. — Сравнительная оцѣнка смертности въ европейскихъ государствахъ.— Мѣры для улучшенія гигіены густо-населенныхъ городовъ.—«Здоровье есть богатство».—Характеристика Джемса Шетльуорта, руководившаго дебатами отдѣленія коммерціи и соціальной экономіи. — Прогрессъ ассоціацій. — Прекія объ уничтоженіи пьянства, какъ слѣдствія бѣдности и невѣжества. — Назначеніе будущаго засѣданія конгресса соціальныхъ наукъ въ Ирландіи, въ Бельфастѣ, въ сентябрѣ 1867 года.

—

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

—

Глумовы. (Окончаніе первой части). . . . *Ѳ. М. Решетникова.*
Записки охотника Восточной Сибири . . . *А. Черкасова.*
Производительныя силы Россіи . . . . . *П. Т.*
Взгляды англійскихъ мыслителей на умственныя потребности современнаго общества. *Д. И. Писарева.*
Турція. (Статья первая), ... *Н. Радюкина.*
Ласточки. (Стихотвореніе) . . . . . *Л. П. Шемуновой.*
*** (Стихотвореніе) . . . . . *П. Странполюбскаго.*
Семейство лѣсничаго. (Романъ Ф. Шпильгагена. Книга третья и четвертой. Гл. I—II).
Иванъ Ивановичъ Бецкій . . . . . *А. П. Пятковскаго.*
Феликсъ Гольтъ. (Романъ Джоржа Эліота, автора Адама Бида, Гл. XII—XIX).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

—

Образованная толпа. (По поводу сочиненій Ѳ. М. Толстаго. Статья вторая и послѣдняя). . . . . *Д. И. Писарева.*
Новыя книги . . . . . *П. Т.*

БЕККО. *Организація уголовной юстиціи въ главнѣйшія историческія эпохи. Пер. съ франц. Редак. и допол. Ив. Рождественскаго; изд. Сорокина. 1867 г.*—ГЕЙЕРЪ. *Краткій очеркъ исторіи философіи права. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. Некрасова. Изд. Некрасова. 1866 г.*—ДЖ. СТЕФЕНЪ. *Уголовное право Англіи въ краткомъ начертаніи. Перев. съ англ. В. Спасовича. Изд. Ковалевскаго. 1866 г.*—ДАНКВАРТЪ. *Гражданское право и общественная экономія. Пер. Циповича. Изд. Зеленскаго и Любарскаго. 1866 г.*

Земское дѣло I. . . . . *Э.*

—

Новости заграничной жизни . . . . . *Жака-Лефреня.*

Финансовый феодализмъ. — Les Francais de la décadence, Генри Рошфора. — Деньги.—Сила буржуазіи.— Сбереженіе путемъ затраты. — Поземельный кредитъ.—Ссудныя кассы.—Французскій банкъ.—Концессіи. — Дисконтъ труда. — Биржевые продѣлки.—Биржевая игра. — Индустріализмъ. — Акціонерныя компаніи. — Ротшильды. — Анонимныя общества. — Великій Юрій Миресъ. — Его Литературныя подвиги.—Миресъ политикъ, комерсантъ, биржевой игрокъ и пр.—Паденіе Миреса. – Новые его подвиги.— Исаакъ и Эмиль Перейры. — Ихъ характеристика.—Они все покупаютъ и все продаютъ.—Результаты царства буржуазіи.—Великій союзъ противъ пьянства.—Голодъ въ Индіи.—Военные налоги въ Англіи.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

Изъ огня да въ полымя. (Повѣсть. Гл. I—XII) *И. Б—на.*

Иргизскіе старцы. (Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ) . . . . . *С. В. Максимова.*

Семейство лѣсничаго. (Романъ Ф. Шпильгагена. Окончаніе четвертой книги).

Взгляды англійскихъ мыслителей на умственныя потребности современнаго общества (Ст. вторая и послѣдняя) . . *Д. И. Писарева.*

Иванъ Ивановичъ Бецкій. (Ст. вторая) . . *А. Н. Пятковскаго.*

Феликсъ Гольтъ. (Романъ Джоржа Эліота, автора Адама Бида. Гл. XX—XXXIII).

Турція. (Статья вторая) . . . . . *Н. Радюкина.*

Прологъ къ неоконченной драмѣ . . . . *В. А. Слѣпцова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Будничныя стороны жизни. (*Преступленіе и наказаніе.* Романъ Ѳ. Достоевскаго. Двѣ части 1867 г.) . . . . . *Д. И. Писарева.*

Хроника Естественно-научныхъ открытій. (Статья первая) . . . . . *Де-Колонна.*

Новыя книги . . . . . *И. Т.*

Прудонъ. Французская демократія. Переводъ съ франц. подъ ред. Михайловскаго. Спб. 1867 г.—Гербертъ Спенсеръ: Полное собраніе сочиненій. Изд. И. Тибленя въ 7-ми томахъ.—Научные, политическіе и философскіе опыты. Вып. I—VI. 1866—1867 г.—Макъ Лане: Авраамъ Линкольнъ или великая борьба южныхъ штатовъ съ сѣвернымъ. Спб. 1867 г. — Германъ Лотце. Микрокосмосъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человѣчества. М. 1857 г. И. Т.— Семимѣсячный плѣнъ въ Бухаріи. А. Татаринова. Изд. М. О. Вольфа. 1867 г.—Гексли. Уроки элементарной физіологіи. Перев. съ англ. подъ ред. И. А. Петрова. Съ предисл. Д. И. Писарева. Изд. ред. журнала «Дѣло». Спб. 1867 года.

Новости заграничной жизни . . . . . *Жака-Лефреня.*

Расходы англійскаго бюджета на содержаніе арміи и флота. — Комиссія, занимающаяся изслѣдованіемъ вопроса о налогахъ.—Значеніе налога, какъ государственной потребности и какъ достоянія націи. — Увеличеніе налоговъ пропорціонально увеличенію нуждъ народа и удовлетворенію ихъ — Налогъ въ видѣ государственнаго имущества и личныхъ услугъ — Переходъ государственной собственности въ частную; границы этого перехода. — Примѣры старой французской системы государственныхъ поборовъ. — Откупщики налоговъ. — Крайность увлеченія открывать новые источники косвенныхъ налоговъ. — Послѣдствія этой системы.—Кооперативныя общества.—Рочдэль, и мое посѣщеніе этого города. — Мнѣніе мистера Мекги объ англійскомъ земледѣліи. — Расходы на сопсканіе кандидатуръ при англійскихъ выборахъ.—Англійскіе законы объ охотѣ. — Посѣщеніе Всемірной выставки въ Парижѣ королемъ Бонни. — Испанская безграмотность

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.
ИТАЛІЯНЦЫ. (Очеркъ первый) . . . . *Д. И. Писарева.*
*** СТИХОТВОРЕНІЕ. . . . . *И.*
ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ. Повѣсть (Окончаніе) *Н. Б—на.*
ФЕЛИКСЪ ГОЛЬТЪ. (Романъ Джорджа Эліота, автора Адама Бида). (Окончаніе).
ЖАЛОБЫ ИРЛАНДСКАГО ВЫХОДЦА. (СТИХОТВОРЕНІЕ). *А. И. Плещеева.*
*** (СТИХОТВОРЕНІЕ) . . . . . *А. И. Плещеева.*

ЗА КАВКАЗОМЪ. — II ЛЕНКОРАНЬ; III СЕКТА ОБЩИХЪ . . . . . *С. В. Максимова.*
НАШЕ РАЗНОМЫСЛІЕ. . . . . *Н. Радюкина.*
ГАЛИЛЕЙ. (Драмат. отрыв. перев. съ франц.) *П. И. Вейнберга.*
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ . . . . . *Д. И. Стахѣева.*
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ. (Ст. Бокля.) . . . . . *Бокля.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХРОНИКА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХЪ ОТКРЫТІЙ . *Де-Калонна.*
НОВЫЯ КНИГИ . . . . . *П. Т.*

Изслѣдованія о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи, соч. Гиляровскаго. 1866 г. — Социальная система и законы ею управляющіе, соч. Адольфа Кетле, съ франц. пер. князь Шаховской. Изд. Н. Полякова.—Очерки Литературы и Культуры девятнадцатаго столѣтія, соч. І. Гоннегера; съ нѣмец. пер. В. А. Зайцевъ. Изд. Н. Полякова.—Первая книга для Чтенія съ картинами и Азбука, руковод. для родителей и наставниковъ, желающихъ обучать чтенію и письму. Изд. редак. журнала «Дѣтскій Садъ». 1867.—Невскій Сборникъ, учено-литературный. Изд. Вл. Курочкина 1867 г.

ПРОГУЛЫ-ЛИ МѢШАЮТЪ НАШЕМУ ЗЕМЛЕДѢЛІЮ? . *Н. Р.*
БРОДЯГИ И НИЩІЕ. . . . . *Н. Радюкина.*

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

Очеркъ изъ исторіи европейскихъ народовъ.
1. Итальянцы (*продолженіе*) . . . . *Д. И. Писарева.*
Глумовы. Романъ. (Часть вторая) . . . . *Рышетникова.*
Нѣмецкая колонизація въ Россіи . . . . *Н. Радюкина.*
Семейство лѣсничаго. Романъ Шпильгагена.
(Книга пятая и Гл. I – IV шестой кн.).

Стихотвореніе . . . . . *Д. Д. Минаева.*
Иванъ Ивановичъ Бецкій . . . . . *А. П. Пятковскаго.*
Сельская жизнь въ Венгріи.
Сибирскіе очерки. . . . . *А. Шемуновой.*
Стихотвореніе . . . . . *Н. Вормса.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

—

Первоначальное домашнее воспитаніе. . . *И. В. Шемунова.*
Новыя книги . . . . . *П. Т.*

О значеніи Джона Стюарта Милля въ ряду современныхъ экономистовъ. Соч. Н. П. Рождественскаго. Спб. 1867. — Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ, составленный М. Д. Хмыровымъ. Спб. Изд. Звонарева. 1867. — Америка, ея жизнь и природа. Путешествіе проф. Ю. Фребеля въ пяти книгахъ; перев. съ нѣмец. Маркова.—Сравнительная психологія или исторія развитія души на ступеняхъ животнаго міра; перев. съ нѣмец. А. Смирнова. Изд. Шамова. Москва 1867. — Физіологія человѣка, статическая и динамическая. Пер. съ седьмаго англійскаго изданія подъ ред. д-ра Дедюлина и проф. Сорокина. Изд. Луканина и Ко. Спб. 1867. — Наши бесѣды изъ записокъ Камскихъ: I. Значеніе естественныхъ наукъ въ дѣлѣ воспитанія. II. Ошибка Бокля; III. Человѣчеству полезно говорить однимъ языкомъ; IV. Сила нравственныхъ законовъ; V. Хаосъ. Изд. А. М. Коробова. Спб. 1867.

—

Новости заграничной жизни. . . . . *Н. Ш.*

Надежды В. Гюго.—Судьба женщинъ, по предсказанію Пельтана.—Андре Лео.—Условія, при которыхъ образовался ея талантъ.—Ея взгляды на различія общественной жизни.—«Скандальный бракъ».—Андре Лео какъ писатель и мыслитель.—Инициатива англійскаго общества въ дѣлѣ народнаго обученія.—Первыя училища въ Америкѣ.—Совмѣстное обученіе обоихъ половъ.—Выгоды этой системы. Привычка самоуправленія.—Равноправность женщинъ.—Обстановка американскихъ училищъ. — Бостонскія публичныя библіотеки. — Доходы американскихъ газетъ.—Отношенія прессы къ администраціи.—Отсутствіе строгой тенденціи.—Возгласы западно-европейской прессы по поводу междоусобной войны въ Америкѣ.—Замѣчательный митингъ въ Кентукки. — Реализмъ американцевъ.—Рабочія ассоціаціи въ Филадельфіи.—Уваженіе янки къ труду и презрѣніе къ праздности.—Американскіе омнибусы.—Демократическій принципъ въ Америкѣ. «Безпорядокъ» на желѣзныхъ дорогахъ.—Балы.—Американскій взглядъ на дуэль.

Вліяніе акцизной системы съ вина на сельское хозяйство и промышленность . . *Э[illegible].*